И 276/83
VI

М. БОРОДКИНЪ.

ИСТОРІЯ ФИНЛЯНДІИ.

ВРЕМЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

Съ портретами и иллюстраціями.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Государственная Типографія.
1908.

ИСТОРІЯ ФИНЛЯНДІИ.

М. БОРОДКИНЪ.

ИСТОРІЯ ФИНЛЯНДІИ.

VI

ВРЕМЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

Съ портретами и иллюстраціями.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Государственная Типографія.
1908.

СОДЕРЖАНІЕ.

СЕЙМЪ 1863 ГОДА.

СЕЙМЪ 1867 ГОДА.

СЕЙМЪ 1872 ГОДА.

СЕЙМЪ 1877—1878 ГОДОВЪ.

ПОЛОЖЕНІЕ РУССКАГО ДѢЛА ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

ИЛЛЮСТРАЦІИ.

Ядро русскаго государства окружено разноплеменными областями, которыя, войдя въ составъ имперіи, внесли съ собой особый духовный строй, свои соціальныя отношенія и даже историческій характеръ, коими онѣ не склонны поступаться. Между тѣмъ силу государства создаетъ внутренняя цѣльность. Области поэтому должны быть внутренно взаимно связаны съ центромъ. Чтобы прочно установить эту внутреннюю связь на общечеловѣческихъ, юридическихъ и этическихъ основахъ, и достичь солидарности духовныхъ и практическихъ интересовъ на всемъ пространствѣ имперіи, создается необходимость точнаго изученія областныхъ народныхъ индивидуальностей, т. е. всѣхъ тѣхъ силъ и элементовъ, которые введены въ составъ нашего государственнаго организма. Такому изученію должна помочь разработка мѣстной исторіи. Ей надлежитъ раскрыть степень духовныхъ и матеріальныхъ силъ инородцевъ, а также стремленія ихъ народнаго духа. Выводы этой исторіи должны показать, какія стороны жизни инородцевъ неблагопріятны для имперіи и какія могутъ послужить надежною опорою для общегосударственныхъ цѣлей. Послѣдовательный ходъ фактовъ, описанный мѣстной исторіей, обнаружитъ также истинныя чувства, питаемыя разноплеменными областями къ Россіи. Наконецъ, эта же исторія неизбѣжно отразитъ въ себѣ мѣрило глубины нашей политической мысли.

Поворотнымъ пунктомъ нашей исторіи явились пятидесятые годы. Крымская война была окончена. На Всероссійскій престолъ взошелъ Монархъ, исполненный благихъ намѣреній. Правительство развернуло обширную программу намѣченныхъ преобразованій. Реформа слѣдовала за реформой. Во всѣхъ почти областяхъ человѣческой дѣятельности прокладывались новыя просѣки. Занималась заря новыхъ дней...

„Мы сдались—писалъ Ю. Ѳ. Самаринъ,—не передъ внѣшними силами западнаго союза, а передъ нашимъ внутреннимъ

безсиліемъ... Мы слишкомъ долго, слишкомъ исключительно жили для Европы, для внѣшней славы и внѣшняго блеска и, за свое пренебреженіе къ Россіи, мы поплатились утратой нашего политическаго и военнаго первенства... Не въ Вѣнѣ, не въ Парижѣ и не въ Лондонѣ, а внутри Россіи завоюемъ мы снова принадлежавшее намъ мѣсто въ сонмѣ европейскихъ державъ, ибо внѣшняя сила и политическое значеніе государства зависятъ не отъ ловкости дипломатовъ или золота, хранящагося подъ замкомъ,... но болѣе всего отъ цѣльности и крѣпости общественнаго организма". Императору Александру II нужно было „переломить исторію" и пойти новымъ путемъ. Такъ онъ и сдѣлалъ. А Россіи для того, чтобы занять подобающее ей мѣсто среди другихъ народовъ, надобно было „понять себя русской".

Отмѣна крѣпостного права уничтожила власть одного сословія надъ другимъ и вела къ установленію равноправности. Разрозненныя сословія, болѣе думавшія о своихъ привилегіяхъ, чѣмъ о благѣ государства, получили возможность идти къ слiянію въ единое земское, народное тѣло. Новые судебные уставы дали всѣмъ одинаковыя средства защиты своихъ правъ. Всеобщая воинская повинность поставила всѣхъ въ одинаковыя обязательства передъ государствомъ. Земская реформа призвала общество къ завѣдыванію своими мѣстными нуждами. Реформы несли освобожденіе и обѣщали обновленіе: освобожденіе печати отъ цензуры, русскаго общества—отъ административной опеки, податныхъ сословій—отъ розогъ и рекрутства. Новыя учрежденія требовали личной инициативы, личной предпріимчивости и въ то-же время укрѣпляли и возвышали значеніе человѣческой личности. Гласность служила средствомъ для улучшенія общественныхъ дѣятелей и бичемъ для темныхъ инстинктовъ (Проф. А. Градовскій). Одна судебная реформа явилась великимъ благодѣяніемъ и большой нравственно-воспитательной силой, развившей чувство законности, правды и уваженія къ личности и интересамъ другихъ.

Результаты общаго подъема труда и настроенія въ Россіи оказались обильными. Великія реформы составляютъ вѣчную славу Царя-Освободителя. Въ лучшую пору Его царствованія „какъ молодо жилось, какъ свѣтло вѣрилось". Почти во всѣхъ основаніяхъ нашего современнаго общественнаго быта лежатъ преобразованія Императора Александра II.

Въ одинаковыя условія съ Россіей поставлена была и Финляндія: онѣ дышали общей атмосферой реформъ, жили

сходными надеждами на близкое свѣтлое будущее, охвачены были тѣми-же стремленіями къ улучшенію своего положенія. Финляндія, подобно Россіи, извлекла огромную пользу изъ благопріятно сложившихся обстоятельствъ. Ея исторія за время царствованія Императора Александра II является прежде всего исторіей культуры этого края. Національное самосознаніе замѣтно росло и крѣпло.

Непосредственно за Восточной войной началъ намѣчаться тотъ кругъ, въ которомъ впослѣдствіи стали двигаться мысли и чувства финляндцевъ; сразу обозначились общія и главнѣйшія черты послѣдующей исторіи края. Въ первый-же періодъ преобразовательной дѣятельности финляндцы высказали свои вожделѣнія, къ осуществленію коихъ потомъ шли неуклонно вплоть до нашихъ дней; тогда-же они взяли тотъ основной тонъ, котораго держатся до сихъ поръ. Все политическое міровоззрѣніе финляндцевъ въ главнѣйшей своей основѣ было заложено уже въ періодъ Выборной январской комиссіи 1862 г. и сейма 1863 г. Многія положенія и правила, высказанныя тогда ихъ ораторами и дѣятелями, приняты и усвоены, какъ заповѣди и превратились затѣмъ въ трафареты, которыми и теперь еще пестрятъ не только статьи ихъ публицистики, но и офиціальные документы ихъ учрежденій.

Но эти же положенія политическаго катехизиса финляндцевъ свидѣтельствуютъ, что они, работая надъ увеличеніемъ матеріальнаго благосостоянія и подъемомъ духовныхъ силъ народа, въ то-же время напрягали всѣ свои помыслы и усилія, съ цѣлью поставить свой край въ возможно независимое положеніе отъ Россіи и русскихъ властей. Въ этомъ стремленіи они обрѣли практическую идею. Они не увлеклись заманчивыми идеальными мечтаніями, не разбросались въ погонѣ за неуловимымъ и необъятнымъ, а отдали себя всецѣло на служеніе идеѣ финляндской государственности. Эта идея политической обособленности объединила, возвысила и окрылила ихъ; но въ то же время она явилась ядомъ, отравившимъ въ зачаткѣ то культурное единеніе, которое могло зародиться въ сферѣ общихъ преобразованій.

Финляндцы возводили свою государственность на національной основѣ и тѣмъ не менѣе они нашли сильнаго союзника въ томъ туманномъ и дрябломъ космополитизмѣ, который охватилъ наше образованное общество и правительственные круги. Этотъ космополитизмъ, презирающій собственное

отечество, вызвалъ сочувствіе къ домогательствамъ, которыя клонились къ явному вреду государственной крѣпости имперіи.

Космополитизмъ одно изъ печальнѣйшихъ явленій нашей новой исторіи. Онъ успѣлъ пустить глубокіе корни въ русской средѣ и эпоха реформъ оказалась безсильной вернуть русское общество къ прочнымъ національнымъ устоямъ. Начала всесословности и общественности, положенныя въ основу реформъ царствованія Императора Александра II, должны были вызвать развитіе русской народности или національности. Такъ было въ Европѣ, но въ Россіи ростки народности прививались крайне медленно и она продолжала оставаться „безыменной". Ея національная личность обрисовывалась крайне тускло и въ этомъ величайшее ея горе. На совѣсти нашего космополитизма лежатъ крупнѣйшія ошибки русской политики. Указанное обстоятельство имѣетъ, конечно, свое историческое объясненіе. Мы давно уже перенесли всѣ симпатіи на Европу и сохранили къ своему народу лишь чувство сострадательнаго участія; мы потеряли способность сознавать наши собственныя нужды. Мы заняты были дѣлами Меттерниха, порядками на Пиринейскомъ полуостровѣ, греческими смутами и пр., а собственный домъ оставался забытымъ, наполненнымъ крѣпостными, безъ суда, школъ, порядка и пр. Народъ лежалъ подъ спудомъ. Богъ, жившій въ его сердцѣ, былъ забытъ, государственная идея и понятіе объ отношеніи царя къ землѣ, жившія въ народномъ умѣ, остались непонятыми его верхними слоями. Мы обезнародили себя и отравили свою жизненность въ злокачественной атмосферѣ космополитизма.

Реформы Императора Александра II должны были возвратить насъ домой, привести русскихъ образованныхъ людей въ соприкосновеніе съ дѣйствительностью, вернуть намъ отечество, освободить насъ отъ служенія чужому... (Проф. А. Градовскій). „Подъ его державой могли бы выработаться у насъ такія формы общественности и свободы, которыя воочію показали бы міру, какъ должны разрѣшаться соціальныя задачи христіанской культуры. Но оказалось, что мы еще не были готовы къ тому. Наша сбитая съ толку интеллигенція была способна лишь къ разрушенію, а не къ „созиданію" (М. В. Юзефовичъ). Наши бюрократы судили и правили, но ничего не дѣлали прочнаго, народнаго, русскаго. Общественное русское сознаніе нуждалось въ оздоровленіи...

Окраины, естественно, пользовались слабостью національной скрѣпы въ государствѣ, шаткостью политическихъ объединительныхъ мѣропріятій и отсутствіемъ патріотизма въ петербургскихъ правящихъ сферахъ. Польша съ оружіемъ въ рукахъ надѣялась отвоевать себѣ независимость. Финляндія иными путями пошла къ обособленію и созиданію своей государственности. Мы только тогда поддержимъ правительство своимъ довѣріемъ, когда оно будетъ нашимъ, польскимъ, заявили поляки въ адресѣ 1862 г. Мы тогда только обнажимъ свой мечъ за Россію, когда врагъ будетъ угрожать ей со стороны Великаго Княжества,—говорили Финляндскіе сеймовые депутаты въ 1877 г.

Финляндія обезпечиваетъ обладаніе „окномъ" Петра Великаго, прорубленнымъ въ Европу. Находясь у стѣнъ Петербурга, она играетъ столь важную стратегическую роль по охраненію этого послѣдняго, что само существованіе его, какъ столицы, только и мыслимо при условіи полнаго владѣнія нами Финляндіей. Неразрывность исторіи Финляндіи съ исторіей Россіи сама по себѣ ясна и не отвергается разумными и не ослѣпленными финляндцами. „Всемірная исторія не много отмѣтитъ о судьбахъ финскаго незначительнаго народа, писалъ І. В. Снельманъ, но это немногое относится къ лѣтописямъ великой Имперіи".

А разъ это такъ и Финляндія составляетъ часть Россійской Имперіи, то неизбѣжно приходится дѣла и реформы Финляндіи ставить въ связь съ дѣлами, политикой и интересами Имперіи, а потому, когда учреждался комитетъ финляндскихъ дѣлъ, вводился сеймовый уставъ, писалось новое положеніе о промыслахъ, обсуждался вопросъ о воинской повинности и пр., то, конечно, необходимо было принимать во вниманіе мѣстныя условія, но столь-же справедливо было требовать, чтобы всѣ подобныя мѣропріятія согласовались съ русской внутренней политикой, съ духомъ и началами русскаго правленія. Финляндская администрація не должна была ставиться совершенно обособленно. Необходимо было сохранить взаимодѣйствіе въ законахъ, установить гражданское равноправіе между подданными разныхъ національностей. Мѣстныя учрежденія должны были проникаться духомъ государственнаго единства. Было-ли это исполнено? Или „общественной исторической совѣсти" приходится теперь протестовать? Должны заявить, что обособленіе Финляндіи въ нѣчто самостоятельное вовсе не входило въ планы Императора Александра II.—Госу-

дарь одинъ съ удивительной послѣдовательностью въ многочисленныхъ резолюціяхъ требовалъ мнѣній своихъ министровъ по новымъ серьезнымъ проектамъ, доложеннымъ гр. Армфельтомъ, и настаивалъ на возможномъ согласованіи ихъ съ порядками въ Россіи, но его довѣренные сановники, графъ Н. Адлербергъ, тотъ же А. Армфельтъ, баронъ Шернваль-Валленъ и другіе, этихъ стремленій Монарха точно не замѣчали; русскіе же министры—Княжевичъ, Рейтернъ и кн. А. Горчаковъ либеральничали въ финляндскихъ дѣлахъ за счетъ Россіи.

При попустительствѣ русскихъ людей въ высшихъ финляндскихъ сферахъ создались поэтому центробѣжныя стремленія, болѣе настойчивыя, чѣмъ среди другихъ инородцевъ. Въ исторіи Польши можно наблюсти попытки составить русскую партію, тамъ были признаки научно-поэтическаго сближенія, тамъ заводилась временами рѣчь о „примиреніи". Ничего подобнаго нельзя усмотрѣть въ Финляндіи, гдѣ весь потокъ политическихъ стремленій направился въ сторону, противоположную Россіи. Ни одинъ изъ мѣстныхъ партійныхъ вождей не сказалъ о Россіи и русскихъ: намъ надо идти вмѣстѣ. По вопросу единенія и историческаго сотрудничества съ ихъ стороны нельзя указать даже холодной риторики. Созиданіе общаго дома для совмѣстной жизни не входило въ ихъ задачу. Съ русской-же стороны имъ никогда властно не было сказано, что упорство въ домогательствахъ независимой государственности можетъ навлечь на нихъ великія бѣды.

„Финляндскій вопросъ" принялъ къ нашему времени такіе размѣры и получилъ такое значеніе, что занялъ мѣсто рядомъ съ „домашнимъ старымъ споромъ" Россіи съ поляками и привлекъ вниманіе всего образованнаго общества. Онъ требуетъ поэтому всесторонняго изученія. Знакомство-же съ главными фактами недавняго прошлаго финскаго народа лучше всего поможетъ уяснить теченіе финляндской политической мысли. Не имѣя передъ глазами фактовъ періода 1855—1881 г.г., нельзя разобраться въ запутавшихся русско-финскихъ отношеніяхъ и рѣшить вопроса, согласно съ требованіями справедливости и законными интересами обоихъ народовъ.

Въ основу нашего описанія положены прежде всего офиціальные акты, извлеченные преимущественно изъ архива финляндскаго статсъ-секретаріата. Въ этихъ похороненныхъ въ архивной пыли бумагахъ несомнѣнно „тлѣетъ еще остатокъ жизни", а потому къ нимъ необходимо внимательнѣе

присмотрѣться. Затѣмъ мы широко пользовались почти неизвѣстной въ Россіи мѣстной финляндской литературой. Что касается мемуаровъ и частныхъ писемъ, на которыхъ,—по выраженію Герцена,—„запеклась кровь событій", то ихъ вообще мало, почему приходилось часто обращаться къ единственнымъ изданнымъ воспоминаніямъ Августа Шаумана, І. В. Снельмана, Филиппеуса и Anders'а Ramsay'а. Обильными и дословными извлеченіями изъ нихъ имѣлось въ виду прежде всего дать русскому читателю возможность проникнуть въ сущность міровоззрѣнія финляндцевъ, а затѣмъ—сохранить духъ эпохи и передать колоритъ описываемаго времени.

Наше описаніе значительно разрослось. Въ глазахъ однихъ это явится достоинствомъ, въ глазахъ другихъ—недостаткомъ. Послѣдующіе историки окажутся, конечно, счастливѣе насъ и дадутъ болѣе цѣнное разслѣдованіе Александровской эпохи. Намъ-же пришлось идти по нерасчищенному пути и сдѣлать первый опытъ освѣщенія этого періода съ русской точки зрѣнія, а также изложить его съ такими подробностями и въ такомъ объемѣ, въ какомъ это царствованіе не описано въ финляндской исторической литературѣ. Время Императора Александра II составляетъ важнѣйшую эпоху въ исторіи Финляндіи за первое столѣтіе ея пребыванія подъ русскимъ владычествомъ. Для правильной оцѣнки разнообразныхъ реформъ того времени нужно было дать возможно больше матеріала, въ виду почти полнаго отсутствія его у русскаго читателя. Мы помнили, что надо стремиться не только знать событія, но и понимать ихъ. Внѣшнія явленія и видимыя событія не болѣе, какъ „тѣло исторіи", по выраженію Гизо. Но эти событія „были нѣкогда живыми, прошедшее было настоящимъ" и если они вновь не оживутъ и не возстанутъ передъ нами, то нельзя будетъ возвыситься до широкихъ обзоровъ и выводовъ. Нѣкоторыя изъ описанныхъ обстоятельствъ могутъ показаться мелочными и незаслуживающими отведеннаго имъ мѣста на страницахъ исторіи. Можетъ быть въ историческихъ описаніяхъ у иныхъ народовъ факты такого размѣра не будутъ отмѣчены, но въ исторіи Финляндіи, гдѣ нѣтъ кровопролитныхъ сраженій и дипломатическихъ переговоровъ, нѣтъ жизни собственнаго царствующаго дома и не заключались трактаты, всѣ разсматриваемые нами факты имѣли свой день и свое значеніе въ ея обиходѣ.

„Хотя образъ правленія въ Финляндіи и не парламентарный,—писалъ Эвд. Бергъ,—и вслѣдствіе этого представители

народа не играли той важной роли, которая выпадала на долю депутатовъ народа въ другихъ странахъ, тѣмъ не менѣе отсутствіе всякой внѣшней политики придавало сеймамъ такое выдающееся значеніе въ развитіи края, что имѣется полное основаніе сказать: исторія Финляндіи есть исторія ея сеймовъ". Въ этомъ объясненіи мѣстнаго писателя кроется главная основа нашего дѣленія книги по сеймовымъ періодамъ.

Очеркъ развитія науки, литературы и искусства имѣется въ виду помѣстить въ слѣдующемъ томѣ нашего труда.

Если исторія является наставницей грядущихъ поколѣній, то остается пожелать, чтобы свѣренное нами прошлое Финляндіи помогло установить правильный взглядъ на русско-финскія отношенія и разглядѣть хоть что-нибудь въ туманѣ надвигающагося будущаго.

,,Исторія царя—въ законахъ его царствованія''.

Кн. В. Ѳ. Одоевскій.

ДОСЕЙМОВЫЙ ПЕРІОДЪ

1855—1863 гг.

Императоръ Александръ II.

I. Окончаніе Восточной войны и подготовленіе къ преобразованіямъ.

19 февраля 1855 года Императоръ Александръ II вступилъ на Всероссійскій Престолъ.

Въ годину тяжелыхъ испытаній пришлось молодому (38 л.) Монарху принять державу. «Дымъ непріятельскихъ крейсеровъ былъ видѣнъ изъ оконъ Петергофскаго дворца». Военная сила половины Европы и съ суши, и съ моря осаждали изолированную Имперію; западная дипломатія строила новыя козни; въ честность намѣреній мирной конференціи, созвавшой въ Вѣнѣ, никто не вѣрилъ. Союзниковъ Россія не имѣла. Всѣ хотѣли унизить ее. Политическое положеніе было критическое, но не безвыходное... Случалось, что несчастія являлись хорошими совѣтниками для націй: послѣ Іенны началась заря новой жизни Пруссіи; подъ Новарой заложено было единство Италіи. Севастополю суждено было явиться купелью искупленія Россіи и поворотнымъ пунктомъ въ ея исторіи.

Манифестъ 19 февраля 1855 года возвѣстилъ всѣмъ подданнымъ, что новый Царь далъ священный обѣтъ имѣть всегда единою цѣлью благоденствіе отечества, что онъ будетъ стремиться утвердить Россію «на высшей ступени могущества и славы».

По дремавшей Россіи «пробѣжала дрожь пробужденія». Ее озарилъ свѣтлый лучъ надежды на лучшее будущее; оживились взоры милліоновъ подданныхъ, воскресло довѣріе къ власти.

Оживилась и Финляндія. Всѣ какъ будто вздохнули свободнѣе и хотя война еще продолжалась, но въ обществѣ уже послышались голоса тѣхъ, которые, сознавая прежнія ошибки и злоупотребленія, желали разныхъ реформъ въ строѣ народной жизни.

«Исторія говоритъ властителямъ,—писалъ В. А. Жуковскій,— будьте согласны съ вашимъ вѣкомъ, идите съ нимъ вмѣстѣ, по

ровнымъ шагомъ...» Тотъ же воспитатель Цесаревича Александра Николаевича внушалъ царственному отроку: «уважай законъ и научи уважать его своимъ примѣромъ; законъ, пренебрегаемый царемъ, не будетъ хранимъ и народомъ... Люби и распространяй просвѣщеніе... Народъ безъ просвѣщенія есть народъ безъ достоинства... Уважай общее мнѣніе—оно часто бываетъ просвѣтителемъ монарха... Уважай народъ свой: тогда онъ сдѣлается достойнымъ уваженія». И Александръ II выросъ въ любви къ добру и въ уваженіи къ человѣчеству.

Другой наставникъ, Сперанскій, преподававшій законовѣдѣніе, говорилъ Цесаревичу: «...Но предѣлы власти... поставленные извнѣ государственными договорами, внутри словомъ Императора, суть и должны быть для него непреложны и священны». Молодой Государь, которому Сперанскій успѣлъ вдохнуть смутное стремленіе къ либеральнымъ реформамъ, видимо, былъ преисполненъ желанія удовлетворить новымъ требованіямъ и зародившимся надеждамъ.

Личными своими свойствами вновь воцарившійся Императоръ очаровывалъ всѣхъ, хотя, по признанію его воспитателя Мердера, проявлялъ въ молодости нѣкоторую слабость воли. «Наслѣдникъ престола извѣстенъ былъ въ Финляндіи, какъ человѣкъ просвѣщенный и человѣколюбивый,—читаемъ въ запискахъ одного финляндца. Но въ Россіи и во всей Европѣ его считали за человѣка нерѣшительнаго и уступчиваго» [1]).

При восшествіи Императора Александра II на престолъ, Ему было, по установленному порядку, поднесено къ подписанію Высочайшее «удостовѣреніе» о сохраненіи правъ Финляндіи, дословно списанное съ прежнихъ удостовѣреній. Государь, зачеркнувъ въ немъ слова «по конституціямъ», не подписалъ акта, а велѣлъ заготовить другой, съ тѣмъ, чтобы взамѣнъ зачеркнутаго слова было вписано «по постановленіямъ». «Первый оригиналъ съ зачеркнутыми словами я самъ видѣлъ,—записалъ одинъ изъ близкихъ къ гр. Армфельту лицъ. Въ концѣ 1873 года,—продолжаетъ тотъ же современникъ,—я слышалъ отъ графини Армфельтъ, жены министра статсъ-секретаря, разсказъ ея мужа, что при первомъ поднесеніи означеннаго акта къ подписанію онъ сказалъ Государю: «Sire, si Vous ne voulez pas être un Monarque constitutionnel, ne signez pas».—Что это вѣрно, я вывожу также изъ того, что не разъ слышалъ отъ самого Армфельта, когда онъ возставалъ противъ безтактности своихъ земляковъ, указывая на то, что отъ воли Государя зависитъ сохранить Финляндіи права;

если при восшествіи на престолъ Государь не подпишетъ акта, то и прежнихъ правъ Финляндія имѣть не будетъ».

Въ своей обширной запискѣ, составляющей нѣчто въ родѣ отчета или дневника за извѣстный періодъ, гр. Армфельтъ признается, что, на второй же день вступленія на престолъ Государя, имѣлъ случай изложить Монарху основы политическаго устройства Финляндіи и «надежды населенія».

Актъ [2]), подписанный 19 февраля—3 марта 1855 года, гласитъ: «Божіей Милостію, Мы, Александръ Второй, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Великій Князь Финляндіи и прочая, и проч., и проч.

Объявляемъ чрезъ сіе: Что произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ наслѣдственное обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить Религію, Коренные Законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе отъ мала до велика, по прежнимъ установленіямъ донынѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи; во увѣреніе чего и сію Грамоту собственноручнымъ подписаніемъ Нашимъ утвердить благоволили».

Въ тотъ же день, за собственноручной подписью Императора и за скрѣпой министра статсъ-секретаря гр. Армфельта, отправленъ былъ слѣдующій рескриптъ исправляющему должность генералъ-губернатора Финляндіи: «Подтвердивъ Манифестомъ Нашимъ отъ сего числа права и преимущества, дарованныя Великому Княжеству Финляндскому Блаженныя памяти Государемъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ и впослѣдствіи утвержденныя въ Бозѣ почившимъ Любезнѣйшимъ Родителемъ Нашимъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, Мы исполнили сіе съ душевнымъ удовольствіемъ, воспоминая о тѣхъ многихъ знакахъ неизмѣнной преданности и признательности Финляндіи своему Государю и благодѣтелю, которые услаждали благое Монаршее Сердце Нашего незабвеннаго Родителя. Поручаю вамъ объявить это всѣмъ финляндскимъ Нашимъ вѣрноподданнымъ».

5 и 6 марта (н. ст.) присягали на вѣрноподданство въ Гельсингфорсѣ и въ остальныхъ частяхъ края, по мѣрѣ того, какъ появлялся въ мѣстности манифестъ. Затѣмъ въ Петербургъ отправилась депутація, состоявшая изъ одного представителя отъ каждаго сословія, частію для того, чтобъ выразить сожалѣніе о смерти Государя, частію для привѣтствія новаго Монарха съ восшествіемъ на престолъ [3]).

Въ память Императора Николая I въ университетѣ устроили траурное торжество (sorgefest), продолжавшееся два дня (27 и 28 апрѣля н. ст.). Произносили рѣчи ректоръ Рейнъ и по латыни— В. Лагусъ; пѣли кантату сочиненія Сигнеуса и впервые раздалось публичное слово на финскомъ языкѣ [4]).

Смѣна царствованія сопровождалась большими перемѣнами въ администраціи края. Генералъ-губернаторъ князь А. С. Меншиковъ фактически уже ранѣе оставилъ свою должность, исполняя сперва обязанности чрезвычайнаго посланника въ Константинополѣ, а затѣмъ—главнокомандующаго въ Крыму. Князь Меншиковъ, будучи одновременно генералъ-губернаторомъ Финляндіи и морскимъ министромъ Имперіи, жилъ постоянно въ Петербургѣ, гдѣ имѣлъ при себѣ частную Финляндскую канцелярію, которой завѣдывалъ выслужившійся изъ кантонистовъ малообразованный К. И. Фишеръ [5]), а въ Гельсингфорсѣ—помощника, сперва генерала Теслева, а по смерти его—генералъ-лейтенанта Платона Рокасовскаго.

Относительно кн. Меншикова,—читаемъ въ воспоминаніяхъ одного современника,—«я до сихъ поръ не могу составить себѣ яснаго представленія, кто имѣетъ болѣе правъ на вниманіе исторіи,—самъ ли онъ, или его пальто. Меншиковъ посѣщалъ край только тогда, когда у него являлось желаніе провести въ лѣтнее время нѣсколько дней или недѣль въ его прелестномъ имѣніи Аньяла, расположенномъ на берегу моря» [6]). Съ уходомъ князя потерялъ всякое значеніе его любимецъ тайный совѣтникъ Фишеръ, котораго прозвали monsieur Touche-à-tout.

Послѣ князя Меншикова предполагалось отдѣлить гражданскую часть отъ военной и, поручивъ первую Рокасовскому, вторую ввѣрить Николаю Муравьеву, но, вслѣдствіе осложнившихся обстоятельствъ на Кавказѣ, Муравьева послали туда, и въ рукахъ Рокасовскаго нераздѣльно остались всѣ отрасли финляндскаго управленія. Въ начальники штаба къ себѣ Рокасовскій избралъ Норденстама. Этого мѣста добивался Герштенцвейгъ и для предварительныхъ объясненій съ Рокасовскимъ прибылъ въ Гельсингфорсъ, гдѣ распространилъ разные неблагопріятные слухи, ходившіе о Норденстамѣ въ Петербургѣ. Рокасовскій тѣмъ не менѣе отклонилъ домогательства Герштенцвейга. Во время Восточной войны должность Нюландскаго губернатора занималъ Лангеншельдъ. И Норденстамъ, и Лангеншельдъ были ярые финляндскіе патріоты; обоихъ пожаловали званіемъ барона. Норденстамъ вообще былъ осыпаемъ наградами и получалъ хорошую аренду.

Когда Рокасовскій, еще ранѣе офиціальнаго ухода князя Меншикова, представлялся Императору Николаю и просилъ объ увольненіи, то Государь сказалъ, что довѣряетъ ему и велѣлъ оставаться на мѣстѣ. Рокасовскому, кажется, ставилось тогда въ вину непроизводство смотровъ и пристрастіе къ кабинетной работѣ. Герштенцвейгъ, по возвращеніи въ Петербургъ, сталъ интриговать противъ Рокасовскаго и тогда назначили Берга, оставившаго по себѣ не особенно благопріятныя воспоминанія въ Эстляндіи, гдѣ онъ командовалъ войсками. Назначеніе это послѣдовало совершенно неожиданно для Рокасовскаго [7]).

Въ декабрѣ 1854 года П. И. Рокасовскаго назначили членомъ Государственнаго Совѣта. Оставаясь съ 1848 года по 1854 годъ отчасти помощникомъ, а отчасти исправляющимъ должность Финляндскаго генералъ-губернатора, Рокасовскій добротою, спокойствіемъ, прямымъ и честнымъ характеромъ успѣлъ пріобрѣсти въ Гельсингфорсѣ значительное расположеніе финляндцевъ, въ особенности-же дворянства. При прощаніи ему поднесли благодарственный адресъ, а сенатъ просилъ Государя оставить его въ числѣ финскихъ гражданъ. 30 декабря Рокасовскому пожаловано было баронское достоинство, потому что онъ имѣлъ ранѣе какое-то непризнанное баронство. Его записали въ списки финляндскаго рыцарскаго дома [8]).

Постъ генералъ-губернатора занялъ генералъ-адъютантъ Ѳ. Ѳ. Бергъ, который успѣлъ до вступленія въ должность оказать нѣкоторое вліяніе на дѣла Финляндіи [9]). Генерала Берга считали болѣе способнымъ, чѣмъ Рокасовскаго и такъ какъ война съ западными державами продолжалась, то единство власти генералъ-губернатора и командующаго войсками въ однѣхъ рукахъ признавалось особенно необходимымъ для успѣшной обороны края. 14 января 1855 года онъ вступилъ въ отправленіе новыхъ своихъ должностей.

По словамъ самого Ѳ. Ѳ. Берга,—записаннымъ П. П. Карцевымъ [10]),—его карьера началась бойко и порывисто. Заслышавъ о наступленіи Наполеона на Россію (въ 1812 г.), Бергъ покинулъ старшій курсъ Дерптскаго университета и на послѣдніе гроши, въ жидовскомъ фургонѣ, дотащился до Вильно. Деньги вышли и онъ съ котомкою за плечами, а мѣстами и съ сапогами на палкѣ, босой, питаясь до Ковны булкою и двумя кружками

нива въ день, пробрался въ авангардъ, къ екатерининскому генералу Эссену, который опредѣлилъ его въ Калужскій полкъ, но затѣмъ взялъ съ собой въ Ригу, когда былъ назначенъ туда генералъ-губернаторомъ. Случилось такъ, что къ Двинѣ подошелъ непріятельскій отрядъ. Рѣшено было атаковать его, чтобы избавить Ригу отъ опасности. Прапорщикъ Бергъ, переодѣтый чухонцемъ, три ночи бродилъ вдоль праваго берега Двины, отыскивая бродъ. Атака кончилась удачно и Эссенъ послалъ Берга съ донесеніемъ къ Государю, который находился въ Финляндіи. На второй станціи отъ Выборга Бергъ встрѣтилъ Государя и здѣсь,—въ виду того, что плохо говорилъ по русски,—получилъ разрѣшеніе доложить о ходѣ дѣлъ на французскомъ языкѣ. Бойкаго юношу перевели въ колоновожатые [11]).

Дальнѣйшая его военная и административная карьера была сдѣлана быстро. Онъ отличился въ сраженіи при Остроленко, велъ переговоры съ поляками о капитуляціи Варшавы въ 1831 году, имѣлъ важныя дипломатическія порученія къ берлинскому и вѣнскому дворамъ. Въ 1849 году Бергъ состоялъ при австрійскомъ главнокомандующемъ Гайнау, причемъ велъ себя весьма странно, помогая австрійскому генералу въ интригѣ противъ князя Паскевича, очевидно, желая уронить его во мнѣніи Государя, и, вѣроятно, успѣлъ бы въ этомъ, еслибъ Государь менѣе зналъ своего стараго слугу. «Во всѣхъ дѣйствіяхъ Берга,—писалъ Паскевичъ,—я видѣлъ въ немъ австрійскаго генерала съ австрійскимъ самолюбіемъ, приверженнаго Австріи и ея войску и враждебнаго всему русскому и мнѣ». Разгнѣванный интригами Берга, Государь послалъ ему письменно «полновѣснаго дурака» [12]).

Казалось, можно было считать его служебную карьеру оконченной навсегда и, дѣйствительно, нѣсколько лѣтъ онъ находился не у дѣлъ.

Но началась Крымская война и Берга назначили сперва командующимъ войсками въ Эстляндію, а затѣмъ въ Финляндію—съ чрезвычайными полномочіями.

Не успѣлъ еще генералъ Бергъ оказать новыхъ военныхъ подвиговъ, какъ Императоръ Николай неожиданно скончался. Всѣ въ первое время были въ недоумѣніи, какъ пойдутъ дѣла и въ состояніи ли новая власть избавить Россію отъ бѣдственной войны. Всѣ чувствовали, что прежняя сдерживавшая сила уже не существуетъ.

Бергъ понялъ вѣянія новаго царствованія и сразу примѣнился къ эпохѣ реформъ. «Лавры войнъ и парадовъ гр. Бергъ

замѣнилъ мирной дѣятельностью,—пишетъ Э. Фуругельмъ,—и теперь бывшій эстляндскій феодалъ пожелалъ проявить себя сторонникомъ прогресса». Финляндскіе порядки и вожделѣнія оказались ему, какъ лифляндскому дворянину, ближе къ душѣ, чѣмъ русскіе государственные интересы, съ которыми онъ вообще считался лишь настолько, насколько того потребовала его карьера, служившая ему во всемъ главной путеводной звѣздой. По словамъ близко знавшаго его Спельмана, «графъ Бергъ былъ лифляндецъ по образованію и по воззрѣніямъ, а потому у него не могло возникнуть желанія устроить въ Финляндіи русскую пропаганду». Бергу, которому князь Паскевичъ во время венгерской кампаніи написалъ, что «генералу русскому надобно знать по русски», разумѣется, не могла прійти охота проводить русскія идеи во ввѣренной ему окраинѣ [13]).

Отъ природы Бергъ надѣленъ былъ живымъ умомъ и большой энергіей. Этотъ «дипломатъ въ службѣ», не смотря на глубокую старость, говорилъ: «нѣтъ стариковъ, а есть только люди лѣнивые».—Отъ помощниковъ онъ всегда отказывался, находя, что «назначеніе помощника равносильно приказанію укладывать чемоданы».

Внѣшность этого замѣчательнаго человѣка описана многими современниками. Рядъ блестящихъ зубовъ, черный парикъ, накрашенные брови и усы, накрашенныя щеки, вата, округлявшая грудь,—показывали, сколько искусственнаго было въ его наружности. «Бергъ въ мундирѣ и Бергъ въ халатѣ представлялъ изъ себя двухъ совершенно разныхъ людей,—писалъ близкій къ нему чиновникъ (Филиппеусъ). Отсутствіе волосъ скрывалось цѣлой системой париковъ, чрезвычайно искусно сдѣланныхъ. Отъ времени до времени онъ мѣнялъ парики, въ опредѣленномъ порядкѣ, смотря по длинѣ волосъ». Быстрый, интеллигентный взглядъ, никогда не отдыхавшій языкъ, постоянно жестикулировавшія руки свидѣтельствовали о внутреннемъ огнѣ. Слова легко переливались цѣлыми каскадами, а новые мысли и планы возникали ежеминутно.—Какой контрастъ съ туго думающимъ и медленно двигающимся простоватымъ финномъ! Гр. Бергъ обладалъ изумительной работоспособностью. Его адъютанты и курьеры находились въ постоянномъ разгонѣ. «Все необходимо измѣнить, передѣлать»—говорилъ онъ. Не понравилось ему общее настроеніе въ краѣ въ періодъ войны и онъ принялся измѣнять и передѣлывать самое общественное настроеніе [14]). «Неутомимый въ ходьбѣ и ѣздѣ, онъ спалъ по ночамъ какихъ нибудь два-три часа, а если

чувствовалъ себя утомленнымъ посреди дня, то звалъ своего Ивана и приказывалъ ему разбудить себя черезъ восемь минутъ. Затѣмъ онъ садился въ кресло и моментально засыпалъ. Ровно черезъ восемь минутъ являлся Иванъ и приносилъ платокъ, слегка смоченный въ водѣ; Бергъ протиралъ имъ свои глаза и садился за работу—свѣжъ, какъ утро!»

Главное вниманіе общества и правительства естественно приковывала къ себѣ война. Непріятель пытался охватить Россію со всѣхъ сторонъ.

Успѣхи союзниковъ на сѣверѣ въ теченіе лѣта 1854 года были весьма незначительны и ограничились разрушеніемъ и захватомъ двухъ небольшихъ островныхъ крѣпостей: Котки (Роченсальма) и Бомарзунда, брошенныхъ на произволъ судьбы среди моря. Почему наши войска при самомъ началѣ войны не очистили этихъ жалкихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, которые ни въ какомъ случаѣ не могли быть удержаны, да и вообще не были способны къ сопротивленію—это останется вопросомъ, на который Бергъ впослѣдствіи отвѣтилъ коротко: «по глупости» [15]).

Къ кампаніи 1855 года русскіе приготовились плохо, хотя дѣятельность проявлена была весьма значительная.

Вновь назначенный въ Финляндію главнокомандующій энергично готовился къ встрѣчѣ непріятеля, имѣя въ виду его высадку, хотя представлялось мало правдоподобнымъ, чтобы враги отважились предпринять, въ серьезныхъ размѣрахъ, высадку на финляндскій берегъ—по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока Швеція оставалась нейтральной. Къ тому же ихъ сухопутнымъ силамъ было слишкомъ много дѣла въ Крыму. Между тѣмъ, сколько нибудь значительныя дѣйствія на материкѣ сѣвернаго театра войны, или диверсія на Петербургъ, требовали такихъ силъ, какими союзники не располагали.

Вошло въ обычай смотрѣть на важную должность крѣпостныхъ комендантовъ, какъ на синекуру для генераловъ-инвалидовъ, которые вслѣдствіе какихъ либо тѣлесныхъ недостатковъ становились неспособными парадировать на Марсовомъ полѣ во главѣ своего полка или бригады. Подобными инвалидами-воинами были снабжены всѣ финляндскія крѣпости. «Комендантъ Бомарзунда, Бодиско, былъ глухъ и, въ добавокъ, старъ. Комендантъ Котки, Свенторжецкій, былъ совершенно дряхлъ. Высокій,

худой и сгорбленный, онъ напоминалъ собою вопросительный знакъ безъ точки. Комендантъ крѣпости Свеаборга, Альтфатеръ, представлялъ изъ себя совершеннѣйшую развалину: онъ хромалъ на обѣ ноги и безъ посторонней помощи не могъ встать съ мѣста» [16]).

Рекруты, присланные для пополненія войскъ въ Финляндію, оставляли желать многаго.

«Въ отношеніи вооруженія войскъ дѣло обстояло весьма плачевно. Кремневыя ружья солдатъ были стары и тяжелы; число пуль на человѣка до крайности ограничено. Но что было всего хуже, такъ это порохъ. Однажды, когда прибылъ назначенный для Свеаборга транспортъ съ порохомъ, пишетъ очевидецъ, я увидѣлъ, что генералъ (впослѣдствіи графъ) Баранцевъ, командовавшій артиллеріей въ Финляндіи, идетъ ко мнѣ на встрѣчу въ величайшемъ возбужденіи и горячо жестикулируетъ руками. Замѣтивъ меня, онъ воскликнулъ взволнованнымъ голосомъ: «Идите сюда, посмотрите, что за порохъ намъ прислали!» Дѣйствительно, это былъ не порохъ, а скорѣе какая-то пороховая пыль, которая отъ сырости свалялась въ комки, твердые какъ камень, величиною съ кулакъ и даже голову. Однако и въ такомъ почти совершенно негодномъ къ употребленію матеріалѣ ощущался крайній недостатокъ; поэтому, чтобы не жечь понапрасну этого такъ называемаго «пороха», артиллерію и пѣхоту не рѣшались обучать стрѣльбѣ» [17]).

Со дня открытія навигаціи (1855 г.) англійскіе и французскіе корабли вновь явились въ Балтійское море и блокировали Финляндію. Подъ начальствомъ англійскаго адмирала Ричарда Дондаса находилось 62 вымпела и 1.640 орудій. Французскій адмиралъ Пено привелъ съ собой 8 разныхъ судовъ. Непріятельскій флотъ, видимо не имѣя опредѣленнаго плана кампаніи, безцѣльно парадировалъ передъ Кронштадтомъ и Ревелемъ, приближался въ разныхъ мѣстахъ къ берегамъ, разстрѣливалъ телеграфные домики, производилъ фуражировки, захватывалъ мелкія суда. У Ганге (24 мая 1855 г.) произошла маленькая стычка ничтожныхъ отрядовъ, вызвавшая большую переписку, вслѣдствіе злоупотребленія англичанъ бѣлымъ парламентерскимъ флагомъ. 13—25 іюня произведено было разбойничье нападеніе на городъ Раумо. 1 іюля непріятельскіе баркасы, пытавшіеся пройти Тронгзундъ, были отброшены нашими отрядами. 9—21 іюля небольшая англійская флотилія потревожила Фридрихсгамъ. 14 іюля англичане грабили Котку.—21 августа ихъ отразили отъ Гамле-Карлебю.

Главная дѣятельность союзнаго флота проявилась у Свеаборга, который онъ бомбардировалъ (начавъ 28 іюля) въ теченіе 45 часовъ кряду, взорвавъ нѣсколько складовъ, уничтоживъ огнемъ всѣ деревянныя постройки и выведя изъ строя убитыми 62 и ранеными 199 чел. Адмиралъ Коломбъ считаетъ это бомбардированіе «самымъ большимъ изъ всѣхъ когда либо предпринятыхъ съ моря», и тѣмъ не менѣе поврежденія, причиненныя Свеаборгу, оказались крайне ничтожными [18]).

Капонерскія лодки и такъ называемыя «блиндированныя плавучія батареи» (впервые появившееся изобрѣтеніе Наполеона III), заняли первую боевую линію, и вся армада, въ составѣ 86 вымпеловъ, выстроилась въ три ряда, на одинаковомъ разстояніи (около $2^1/_2$ морск. милей) какъ отъ береговыхъ батарей, такъ и отъ Свеаборга—разстояніи, которое почти вдвое превышало дальность выстрѣловъ самыхъ дальнобойныхъ нашихъ орудій. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что и Бергъ, да и всѣ остальные ожидали, что для открытія дѣла непріятельская эскадра должна будетъ нѣсколько продвинуться впередъ.

Столь неясныя представленія существовали у насъ относительно вооруженія враговъ [19])!

«При такой точкѣ зрѣнія, самъ собою возникаетъ вопросъ, что-же дѣлали наши дипломаты и военные атташе въ теченіе многихъ лѣтъ, предшествовавшихъ Крымской кампаніи? Какія донесенія представляли они Петербургскому кабинету.

«На самомъ то дѣлѣ не только мы вообще совершенно не были подготовлены къ войнѣ, но и наши высшія военныя власти, какъ напр. Бергъ, не имѣли достовѣрныхъ свѣдѣній о вооруженіи непріятеля. Это не замедлило обнаружиться при первомъ же выстрѣлѣ, сдѣланномъ соединенной непріятельской флотиліей: 28 іюля 1855 года эскадра не приблизилась, какъ этого ожидали, но открыла огонь съ той самой позиціи, которую она заняла при своемъ прибытіи.

«Я не въ силахъ описать того по истинѣ адскаго грохота, который теперь начался и длился безъ перерыва цѣлый день, писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ очевидецъ. Укрѣпленія Свеаборга служили главною мишенью бомбардировки и, надо сказать, мишенью достаточно обширной для того, чтобы не одинъ выстрѣлъ не пропадалъ даромъ. Наши крохотныя бомбы, всѣ снабженныя фитилями и выбрасываемыя при помощи вышеописаннаго безподобнаго пороха, падали въ воду приблизительно на половинѣ того разстоянія, съ котораго нападающіе громили насъ своими

семипудовыми снарядами; среди этихъ послѣднихъ многіе были снабжены ввинчивающимися мѣдными ударными трубками—также нововведеніе, намъ неизвѣстное и, какъ не замедлило обнаружиться, принятое только во французской артиллеріи [20]).

«Въ первый день бомбардировки около часу пополудни произошла ужасная катастрофа. Съ того мѣста на скалѣ, гдѣ мы столпились вокругъ Берга, устремивъ все свое вниманіе на крѣпость, мы,—продолжаетъ очевидецъ,—вдругъ увидѣли, что одинъ изъ непріятельскихъ снарядовъ влетѣлъ въ самую середину главной батареи. Снарядъ разорвался—и вслѣдъ затѣмъ въ Свеаборгѣ раздался неописуемый, подобный громовому удару, грохотъ, сопровождавшійся взрывомъ, при чемъ ясно видно было, какъ масса людей взлетѣли на воздухъ. Сами враги, казалось, были изумлены: они внезапно пріостановили бомбардировку. Вся катастрофа продолжалась не многимъ болѣе одной минуты, но намъ эта минута показалась вѣчностью.

«Скоро явился посланный отъ генерала Баранцева съ рапортомъ. Непосредственно позади орудій большой батареи была расположена длинная, уцѣлѣвшая еще отъ времени шведскаго владычества и утвержденная на деревянныхъ столбахъ, жестяная крыша, подъ которой были сложены пирамиды начиненныхъ бомбъ. Непріятельскій снарядъ воспламенилъ одну изъ этихъ бомбъ; остальныя взорвались сами собою. Какимъ то чудомъ (начальникъ артиллеріи) Баранцевъ и (комендантъ) Сорокинъ, находившіеся на мѣстѣ катастрофы, не потерпѣли ни малѣйшаго вреда.

«По этому поводу позволительно предложить вопросъ: неужели не было самой непростительной небрежностью оставить нѣсколько тысячъ бомбъ подъ защитою простой жестяной кровли, и притомъ на мѣстѣ, которое, въ случаѣ открытія враждебныхъ дѣйствій противъ Свеаборга, неизбѣжно должно было послужить первою мишенью для выстрѣловъ?

«Съ наступленіемъ ночи, чудесной лѣтней ночи, бомбардировка прекратилась и была замѣнена конгревовскими ракетами. Я долго сидѣлъ на высокой скалѣ передъ городомъ, съ флигель-адъютантомъ Скобелевымъ, отцомъ покорителя Геокъ-Тепе, и мы занимались подсчетомъ ракетъ: непріятельская эскадра пускала ихъ, среднимъ числомъ, по 60 штукъ въ часъ.

«Пять гранитныхъ скалъ, на которыхъ покоится крѣпость, конечно, не могли быть разрушены. Это очень хорошо понимали и сами союзники, почему уже на слѣдующее утро, вскорѣ послѣ

восхода солнца, эскадра отплыла съ тѣмъ же величавымъ спокойствіемъ и въ томъ же порядкѣ, какъ и пришли. Если французы и англичане двухдневною бомбардировкою, которая вѣроятно стоила имъ колоссальныхъ издержекъ, достигли весьма незначительныхъ результатовъ въ чисто военно-практическомъ отношеніи, то все же она послужила для ихъ правительствъ удобнымъ предлогомъ отпраздновать блестящую побѣду и опубликовать въ газетахъ извѣстія, которыя по хвастливой, баснословной лжи превосходили всѣ вѣроятія».

Огромныя жертвы союзниковъ далеко неискупались тѣми ничтожными выгодами, которыя они извлекли изъ кампаніи въ Балтійскомъ морѣ. «Великолѣпный флотъ» вернулся съ весьма сомнительнымъ тріумфомъ. Зажигательства же и грабежи англичанъ надолго обезславили ихъ. Наполеонъ призналъ, что за 1854—1855 года «союзники еще не совершили ничего важнаго въ Балтійскомъ морѣ», почему собирались на слѣдующій годъ разрушить Кронштадтъ [21]).

Съ приходомъ непріятельской эскадры, изъ Гельсингфорса началось настоящее переселеніе народовъ. Тысячи мужчинъ, женщинъ и дѣтей въ безпорядочномъ бѣгствѣ устремились за городъ, въ лѣсъ, расположенный въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Гельсингфорса. Только немногіе имѣли возможность захватить съ собой самое необходимое.

«Все это многочисленное населеніе расположилось въ лѣсу лагеремъ, причемъ большинство—даже безъ куска хлѣба. Положеніе сдѣлалось прямо критическимъ, когда, спустя нѣсколько часовъ послѣ ухода непріятельской эскадры, небо заволокло тучами, и дождь началъ лить на землю потоками. Ужасъ населенія былъ, однако, до такой степени великъ, что оно ни за что не хотѣло возвращаться въ городъ: никто не соглашался вѣрить, что опасность миновала. Нюландскій губернаторъ Лангеншельдъ, выѣхавшій къ бѣглецамъ, тщетно прилагалъ всѣ старанія, чтобы ихъ образумить; Бергъ, съ своей стороны, выслалъ цѣлый обозъ подводъ, и, наконецъ, послѣ долгихъ уговоровъ, удалось водворить перемокшихъ бѣглецовъ въ ихъ жилища. Къ чести гельсингфорсскаго населенія, а также дисциплины войскъ, слѣдуетъ сказать, что въ теченіе этихъ дней, когда столько домовъ стояли открытыми и покинутыми, но далеко не пустыми, не было совершено ни единой кражи. По крайней мѣрѣ, ни объ одной не было заявлено властямъ» [22]).

Политическое испытаніе, выпавшее на долю финляндцевъ, они перенесли стойко и спокойно. Пожертвованія на военныя нужды поступали съ разныхъ сторонъ. Сенатъ выразилъ желаніе построить на счетъ казны 40 канонерскихъ лодокъ. При университетѣ былъ открытъ «военный факультетъ». Постойная и подводная повинность исполнялись аккуратно. Отношенія къ русскимъ войскамъ были нормальныя; населеніе встрѣчало и провожало ихъ радушно. «Если нѣкоторые изъ жителей Аланда во время занятій непріятелемъ этихъ островов, по малодушію и коварнымъ внушеніямъ враговъ, измѣнили своему долгу и присягѣ,—какъ писалъ генералъ-губернаторъ въ началѣ 1856 года министру статсъ-секретарю,—то въ то же время многіе изъ нихъ оставались непоколебимыми въ этомъ отношеніи и показали собою примѣръ полной преданности законному правительству» [23]. Говоря объ измѣнѣ, начальникъ края, очевидно, имѣлъ въ виду поведеніе нѣкоторыхъ лоцмановъ, которые предложили свои услуги союзникамъ, по проведенію ихъ кораблей въ шхерномъ лабиринтѣ. «Семья не безъ урода». Дурныя и безнравственныя личности нашлись среди финляндцевъ, но въ общей массѣ населенія края онѣ составили, хотя и крупное и печальное, но всетаки не болѣе какъ исключеніе. Вообще же финскій народъ оставался вѣренъ своему законному Государю и исполнилъ долгъ, вытекавшій изъ факта принадлежности Финляндіи Россіи.

Когда война миновала, генералъ-губернаторъ графъ Бергъ громко засвидѣтельствовалъ, что каждый исполнилъ то, что требовалъ отъ него долгъ. «Вся администрація совокупными силами сдѣлала все, что можно было сдѣлать для содѣйствія защитѣ края... Всѣ терпѣливо перенесли испытаніе. Во многихъ мѣстахъ побережья крестьяне добровольно вооружились. Духъ мѣстныхъ войскъ былъ прекрасенъ» [24].

Убытки, понесенные Финляндіей во время войны, были довольно значительны. Болѣе всего пострадали флотъ и торговля. Въ ноябрѣ 1858 года министръ статсъ-секретарь доложилъ Государю, что во время войны было сожжено непріятелемъ 35 судовъ, 34—захвачено въ разныхъ мѣстахъ и 3 секвестрованы въ англійскихъ портахъ. Сюда не включены, конечно, мелкія суда (менѣе 10 ластовъ), боты и лодки [25]. Такимъ образомъ изъ 545 судовъ Финляндія потеряла 72 судна. Вслѣдствіе увеличенія военныхъ расходовъ и сокращенія таможенныхъ поступленій, финляндская казна понесла всего убытокъ въ 3.931.937 р. (по исчисленію же сенатора Гартмана только 2.568.945 р.) [26]. Слѣдовательно, война

легла значительнымъ бременемъ, но не была разорительна для Финляндіи.

Узелъ военныхъ и политическихъ дѣлъ находился, конечно, въ Севастополѣ. Искуство Тотлебена временно сдерживало еще непріятеля, но ряды доблестныхъ защитниковъ города рѣдѣли: второе бомбардированіе вывело изъ строя болѣе 6,000 человѣкъ. Князь М. Д. Горчаковъ, смѣнивъ бездѣятельнаго и неспособнаго кн. А. С. Меншикова, имѣлъ намѣреніе дѣйствовать «съ терпѣніемъ и осторожностью» до прихода подкрѣпленій. Австрія вела себя крайне сомнительно. Между тѣмъ наши враги получили подкрѣпленіе. Нерѣшительный Канроберъ передалъ начальствованіе надъ французскою арміей настойчивому Пелисье. Успѣхъ явно сталъ клониться на сторону союзниковъ. «Положеніе безвыходное», писалъ нашъ главнокомандующій. Защитники Севастополя покрыли себя неувядаемой славой за девятимѣсячную небывалую осаду. Россія и Европа отдавала имъ справедливость, но тѣмъ не менѣе приходилось думать объ отступленіи. Штурмы еще отбивались; духъ героевъ изрѣдка вспыхивалъ яркими подвигами, но силы замѣтно таяли. М. Д. Горчаковъ сталъ выражать разныя опасенія и колебаться. Плохое предзнаменованіе... Непріятель тѣмъ временемъ возобновилъ убійственный огонь. Тотлебенъ былъ раненъ, Нахимовъ убитъ. Верки осыпались; резервы не приходили, гарнизону не хватало времени исправлять бреши и замѣнять попорченныя орудія. Императоръ внушалъ своему вождю предпринять что-либо рѣшительное, чтобы «положить конецъ сей ужасной бойнѣ». Рѣшено было наступленіе со стороны рѣки Черной. Но сраженіе было проиграно (4—16 авг.). До этого печальнаго дня у насъ оставалось 43,000 пѣхоты, у враговъ—60,000. Мы потеряли при атакѣ 8,000. Государь тѣмъ не менѣе продолжалъ ободрять Горчакова. Лично храбрый генералъ оказался слабымъ и нерѣшительнымъ военноначальникомъ. При такихъ условіяхъ трудно было разсчитывать на успѣхъ въ Севастополѣ. 25 августа (ст. ст.) бомбардировка возобновилась. «Севастополь въ пламени», «держаться долѣе не было никакой возможности», писалъ главнокомандующій. Ежедневный уронъ достигъ до 2,500 человѣкъ. За послѣдніе 28 дней осады въ Севастополь было брошено 1,500,000 снарядовъ. Непріятель двинулся на городъ со всѣхъ сторонъ. Малаховъ курганъ перешелъ въ его руки. Русскіе очистили многострадальный Севастополь. Врагу достались однѣ пылающія развалины.

Южная сторона бухты была оставлена. Наши войска подались назадъ. Перейдя на сѣверную сторону, они остановились. «Не унывайте,—писалъ Царь главнокомандующему,—а вспомните 1812 годъ и уповайте на Бога. Севастополь не Москва, а Крымъ—не Россія...! [27]).

«Паденіе Севастополя нанесло тяжелую рану народному самолюбію».

Государь поѣхалъ въ Москву, гдѣ, подъ его предсѣдательствомъ, происходили военные совѣты. Затѣмъ онъ отправился въ Одессу, Очаковъ и Николаевъ, который тутъ же стали укрѣплять, и, наконецъ, переѣхалъ въ Крымъ, въ Бахчисарай, гдѣ поклонился Севастополю въ землю и долго со слезами молился о павшихъ въ бою [28]).

Генералъ-адъютантъ Н. Муравьевъ порадовалъ Россію взятіемъ Карса. Этимъ завершились бранныя дѣла, «несчастныя по результатамъ, но все же славныя для русскаго оружія».

Государь желалъ мира.

Наполеонъ выразилъ склонность вступить съ нимъ въ прямыя сношенія. Между Англіей и Франціей возникали несогласія о дальнѣйшихъ цѣляхъ войны. Но существовало еще одно болѣе важное обстоятельство, побуждавшее союзниковъ сложить оружіе. «Каково—спрашиваетъ Наполеонъ въ собственноручномъ письмѣ королеву Викторію,—наше военное положеніе?» Давая отвѣтъ на поставленный вопросъ, императоръ французовъ писалъ: «у вашего величества на востокѣ, кажется, 50,000 человѣкъ и 10,000 лошадей; у меня 200,000 человѣкъ и 34,000 лошадей. У вашего величества громадный флотъ въ Черномъ и Балтійскомъ моряхъ, у меня также почтенный, хотя и менѣе значительный... И что же! Не взирая на эту грозную силу, для всего міра ясно, что хотя мы и можемъ причинить Россіи много зла, но не можемъ побороть ее собственными нашими средствами, безъ посторонней помощи. Итакъ, что намъ дѣлать?» [29]).

Самолюбіе Наполеона должно было удовлетвориться крымскими успѣхами. Изъ устъ въ уста дипломаты начинали поэтому передавать условія возможнаго мира. Въ Вѣнѣ испугались непосредственныхъ переговоровъ между Франціей и Россіей. Началась интрига и волокита переговоровъ.

Особое совѣщаніе высшихъ сановниковъ Имперіи внушало Государю необходимость прекращенія войны. Надеждъ на успѣхъ у этихъ совѣтниковъ не оставалось. Помощи извнѣ не ожидалось. Швеція примкнула къ западнымъ союзникамъ. Отклоненіе усло-

*

вій, предложенныхъ союзными державами, грозило разрывомъ съ Австріей. За ней, вѣроятно, послѣдовала бы Германія. У непріятеля болѣе были развязаны руки, чѣмъ у Россіи. Родилось также опасеніе за окраины. «Области, присоединенныя къ Имперіи около полувѣка тому назадъ,—говорилъ графъ Киселевъ въ засѣданіи Совѣта,—не успѣли еще слиться съ нею. Глухое недовольство распространяется на Волыни и въ Подоліи агентами польской эмиграціи. Финляндія тяготѣетъ къ Швеціи. Наконецъ Польша возстанетъ какъ одинъ человѣкъ»... [30]).

Такъ смотрѣли на дѣло въ извѣстныхъ сферахъ, и этотъ взглядъ принятъ большинствомъ писателей, разбиравшихся въ запутанномъ вопросѣ, въ которомъ дѣлается до нашихъ дней много предположеній и допускается много догадокъ. Другіе оцѣниваютъ событія иначе и произносятъ болѣе строгій приговоръ. Во главѣ ихъ стоитъ извѣстный историкъ С. М. Соловьевъ. Выслушаемъ и его заявленіе. Онъ писалъ:

«По громадному наслѣдству пришлось уплатить страшный долгъ, заключить постыдный миръ, какого не заключали русскіе Государи послѣ Прута. Въ этомъ первомъ актѣ выразился характеръ новаго властителя и его положеніе, его окруженіе».

«При восшествіи Александра на престолъ, внѣшнія дѣла были вовсе не въ такомъ отчаянномъ положеніи, читаемъ въ запискѣ современника и историка С. М. Соловьева [31]), чтобы энергичному Государю нельзя было выйти изъ войны съ сохраненіемъ достоинства и существенныхъ выгодъ. Внутри не было изнеможенія, крайней нужды; новый Государь, котораго всѣ хотѣли любить какъ *новаго*, обратясь къ этой любви и къ патріотизму, непремѣнно вызвалъ бы громадныя силы; война была тяжела для союзниковъ, они ждали ея прекращенія, и рѣшительный тонъ русскаго Государя, намѣреніе продолжать войну до честнаго мира непремѣнно заставили бы ихъ попятиться назадъ. Не было сдѣлано попытокъ новыхъ политическихъ комбинацій».

«Но для этого,—продолжаетъ нашъ извѣстный ученый,—кромѣ широты взгляда, необходимы были смѣлость, способность къ почину дѣла, энергія. Ихъ недоставало у новаго Императора, какъ у одного человѣка», а около не было, къ сожалѣнію, ни одного изъ мужей силы умственной и нравственной. Вокругъ него были люди, привыкшіе только «льстить и поддакивать, говорить одно пріятное, для заискиванія добраго расположенія и ласки».

Сильные энергіею, способностями, самостоятельностью люди были уничтожены системою Николая. Отыскать такихъ людей

для новой дѣятельности былъ совершенно неспособенъ преемникъ Николая. Судьба же не послала ему Ришелье или Бисмарка» [32]).

Въ февралѣ 1856 года уполномоченные Россіи находились уже въ Парижѣ. 18—30 марта былъ подписанъ Парижскій мирный договоръ. Важнѣйшія соглашенія парижскаго трактата имѣли цѣлью лишить Россію исключительнаго положенія и преобладающаго вліянія на Востокѣ. Турція признана была равноправной съ другими европейскими государствами въ международныхъ отношеніяхъ. Черное море провозглашено нейтральнымъ. Россія уступила часть Бессарабіи. Особой конвенціей Россія обязалась, кромѣ того, не возводить укрѣпленій на Аландскихъ островахъ.

Какую-же пользу принесла Крымская война врагамъ Россіи? Они «даромъ потратили воду съ мельницы». Союзникамъ война стоила 159,200 чел. и 4,157 мил. франковъ чрезвычайныхъ расходовъ. Россія потеряла 110,000 чел. и 4,000 мил. франковъ чрезвычайныхъ расходовъ.

Первое извѣстіе о мирѣ Государь получилъ при возвращеніи изъ поѣздки въ Финляндію. Война прекратилась, и Государь въ манифестѣ (19 марта 1856 года) выразилъ свое искреннее пожеланіе совершенствованія Россіи въ дѣлѣ ея внутренняго благоустройства; «правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новой силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности». Россія кровью своихъ сыновъ, погибшихъ на развалинахъ Севастополя, расписалась въ несостоятельности своего гражданскаго быта и военнаго строя. Съ наступленіемъ мира началась эра внутренняго обновленія. «Всѣ человѣческія учрежденія.... имѣютъ свои возрасты, свои степени возвышенія и пониженія своего развитія». Отжившія учрежденія вредны... «Многія формы производства русскихъ дѣлъ сдѣлались такими глубокими колеями, въ которыхъ вязнетъ и лишается движенія всякая мысль и мертвѣетъ всякая жизнь... Время новое, и въ новое время нельзя оставаться со старыми привычками... Въ новыхъ обстоятельствахъ необходимъ и новый образъ дѣйствія»...—писалъ историкъ Погодинъ [33]).

Въ политикѣ новый курсъ оповѣщенъ былъ въ циркулярѣ 21 августа (2 сентября) 1856 года, разосланномъ канцлеромъ Горчаковымъ. «Императоръ желалъ жить въ добромъ согласіи со всѣми правительствами... Царь обѣщалъ посвятить свои заботы благосостоянію народа и употребить на развитіе его рессурсовъ всѣ свои силы, отвлекаясь къ дѣламъ внѣшнимъ лишь по стольку, по скольку это будутъ требовать кровные интересы Россіи». Въ

этихъ словахъ манифеста Россія усматривала политическую программу новаго царствованія.

Защитники Финляндіи понемногу оставляли свои укрѣпленныя позиціи, расположенныя по береговой полосѣ, и возвращались домой. Въ Або въ честь гренадерскаго стрѣлковаго баталіона послѣ обычнаго молебствія на церковной площади, съ привѣтствіемъ представителей горожанъ, устроенъ былъ завтракъ «въ благодарность баталіону за понесенные труды» [34]).

Затѣмъ послѣдовалъ рядъ мѣропріятій, направленныхъ къ облегченію военной службы и тѣхъ тягостей, которыя пали на страну въ періодъ войны. Уже въ маѣ 1856 года состоялось объявленіе объ уменьшеніи числа солдатъ. Къ лагерному сбору уволено было до одной трети, причемъ резервныя войска были совершенно упразднены. Высочайшимъ манифестомъ, состоявшимся въ декабрѣ 1857 года, повелѣвалось оставить 9 поселенныхъ баталіоновъ, проникнутыхъ военнымъ духомъ, способныхъ владѣть оружіемъ и принести пользу краю распространеніемъ «порядка и добраго нрава». Чтобы не лишать земледѣлія и другихъ промысловъ рабочей силы, численность каждаго изъ поселенныхъ баталіоновъ въ мирное время приказано было ограничить въ 320 чел. Для побережной охраны созвали боцмановъ въ шхерахъ Абоской губерніи и изъ нихъ составили морской экипажъ на поселенной основѣ.

Затѣмъ (въ мартѣ 1859 года) послѣдовало распоряженіе объ уменьшеніи числа солдатъ Куопіоскаго поселеннаго баталіона до 240 чел. Въ томъ-же году упраздненъ финскій гренадерскій стрѣлковый баталіонъ, сформированный въ 1854 году, а впослѣдствіи (въ 1857 году) преобразованный въ финскій учебный стрѣлковый баталіонъ. Вмѣсто него учредили финскую стрѣлковую школу, съ учебной стрѣлковой ротой въ Тавастгусѣ, подъ руководствомъ подполковника Р. Костіандера, который передъ тѣмъ по Высочайшему повелѣнію командированъ былъ въ Берлинъ, для изученія стрѣлковой части въ Пруссіи. Задача школы состояла въ томъ, чтобы дать офицерамъ и солдатамъ поселеннаго войска возможность на практикѣ и въ теоріи изучать стрѣльбу, обращеніе съ оружіемъ, гимнастику, фехтованіе и фронтовую службу. Школа эта просуществовала только до іюля 1860 года.

Образованный во время войны второй флотскій экипажъ упразднили, а въ первомъ экипажѣ уменьшили число людей съ

1.000 сначала до 400, а потомъ (1861 г.) до кадра, состоявшаго лишь изъ 100 человѣкъ.

Въ 1858 году при сенатѣ вновь учредили милиціонную экспедицію, съ ф. Котеномъ во главѣ, а членами назначили Лангеншельда, Федерлея, А. Л. Борна и Р. Траппа.—Въ то же время на ф. Котена возложено было еще и спеціальное порученіе: ему надлежало, въ качествѣ инспектора поселеннаго войска,—съ общаго согласія съ подлежащими губернаторами и въ присутствіи сельскихъ уполномоченныхъ, призванныхъ для сообщенія нужныхъ свѣдѣній,—опредѣлить какими рутами (rotar) слѣдовало воспользоваться для содержанія постоянныхъ ратниковъ и для размѣщенія поселенныхъ войскъ. Во время этихъ служебныхъ поѣздокъ ф. Котенъ своимъ непростительнымъ своеволіемъ довелъ спокойный финскій народъ до такого сильнаго броженія, что пришлось его отозвать [35].

Непосредственно за окончаніемъ войны послѣдовалъ еще рядъ второстепенныхъ мѣропріятій. Перечень ихъ представляетъ интересъ только вслѣдствіе тѣхъ опредѣленныхъ резолюцій, которыя положены Государемъ и имѣли цѣлью сближеніе и объединеніе финскихъ войскъ съ русскими. Хлопотали, напримѣръ, о смягченіи воинскихъ наказаній. По воинскому артикулу 1798 года, дѣйствовавшему въ Финляндіи, побѣги карались болѣе строго, чѣмъ въ остальныхъ войскахъ Имперіи. Государь надписалъ: «Исполнить въ видѣ временной мѣры, относительно-же общаго пересмотра военныхъ артикуловъ войти въ сношеніе съ Военнымъ Министромъ, дабы работа сія была сколь возможно согласована съ тѣмъ, что предполагается нынѣ ввести въ Имперіи» (8—20 мая 1857 года). При представленіи росписи доходовъ и расходовъ на 1859 годъ, Государь выразилъ вновь Свою державную волю: «Всѣ перемѣны по военной части должны быть представляемы Мнѣ чрезъ военнаго министра, по соглашенію съ генералъ-лейтенантомъ Норденстамомъ, котораго для сего вытребовать сюда». Графъ Бергъ представилъ черезъ министра статсъ-секретаря свое соображеніе о дальнѣйшемъ сокращеніи состава финскихъ войскъ, не спросивъ мнѣнія военнаго министра (мартъ 1860 годъ). Государь повелѣлъ запросить послѣдняго. Государю доложили проектъ новаго пенсіоннаго штата финскихъ войскъ, и Его Величество отвѣтилъ: «Желательно уравнять съ существующимъ въ Имперіи, если тамошнія пенсіи не превышаютъ» (20 апрѣля—2 мая 1861 года). Когда коснулись порядка снабженія патентами офицеровъ финскихъ войскъ и просили, чтобы выдача сихъ патен-

товъ была возложена на финляндскаго генералъ-губернатора, Государь повелѣлъ: «Такъ какъ патенты для войскъ въ Имперіи отмѣнены, то не вижу причины оставлять ихъ въ Финляндіи» (3—15 декабря 1862 года).

Въ такомъ-же направленіи, съ рѣдкой послѣдовательностію, отдавались и другія повелѣнія, вплоть до послѣднихъ мелочей военнаго быта.

Первый бодрый и сильный призывъ къ внутреннему развитію Финляндіи сдѣланъ былъ Государемъ. Сопровождаемый тремя братьями, онъ выѣхалъ 9 марта 1856 года изъ Петербурга и черезъ Фридрихсгамъ прибылъ въ Гельсингфорсъ. Населенію этого города пришлось встрѣтить Государя ночью. Уніонская улица, мосты у заставы и торговая площадь были освѣщены плошками; на ближайшихъ высотахъ горѣли смоляныя бочки, а церковный куполъ и обсерваторія были иллюминованы. Всю ночь масса народа волною двигалась по улицамъ, и пріѣздъ Его Величества встрѣтили отъ заставы и до дворца продолжительными криками «ура».

Принявъ 11 марта должностныхъ лицъ, посѣтивъ православную церковь и лютеранскій соборъ, Государь вошелъ въ университетъ и, обратясь къ студентамъ, сказалъ, что былъ назначенъ своимъ отцомъ канцлеромъ университета, для того, чтобы «служить прочною связью» между Императоромъ и этимъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ... «Нынѣ, волею Всемогущаго, вступивъ на престолъ моихъ предковъ, Я въ доказательство моей любви къ этому университету, назначилъ канцлеромъ его—старшаго сына моего и наслѣдника престола, чтобы онъ также въ свою очередь, былъ залогомъ связи между Мною и вами, какъ Я былъ до этого между вами и Моимъ отцомъ... Будьте увѣрены въ неизмѣнности моихъ благосклонныхъ чувствъ къ вамъ, а Я—полагаюсь на васъ». Вечеромъ состоялось факельное шествіе студентовъ мимо дворца. Государь съ балкона отвѣчалъ на привѣтствіе народа.

Слѣдующій день совпалъ со вторымъ днемъ Пасхи. 12—24 марта сдѣлалось по своимъ послѣдствіямъ замѣчательнѣйшимъ днемъ въ новой исторіи края. Императоръ лично предсѣдательствовалъ въ сенатѣ и обратился къ присутствовавшимъ со слѣдующей рѣчью.

«Господа! Съ истиннымъ удовольствіемъ Я опять нахожусь среди васъ. Благодарю васъ и всѣхъ Моихъ вѣрныхъ финскихъ подданныхъ отъ всего сердца за вашу готовность содѣйствовать

защитѣ страны. Мой отецъ надѣялся на васъ, и вы всѣ исполнили свой долгъ. Вамъ извѣстны намѣренія моего отца относительно мѣръ на пользу и блага Финляндіи; Я унаслѣдовалъ эти намѣренія. Я гордился быть членомъ вашей страны, въ качествѣ канцлера университета; поэтому-то и я назначилъ Своего сына моимъ преемникомъ въ этой должности, также какъ и Я самъ замѣнилъ Моего отца. Еще разъ благодарю васъ, всѣхъ Моихъ вѣрныхъ подданныхъ въ Финляндіи. Если Мы, что Я надѣюсь, достигнемъ мира, то разсчитываю на васъ для развитія благополучія Финляндіи; но если Провидѣніе рѣшитъ иначе, Я продолжаю надѣяться, что вы примете мѣры, какія обстоятельства потребуютъ».

Затѣмъ Государь прочелъ на французскомъ языкѣ записку о намѣченномъ имъ обновленіи Финляндіи [36]).

«Сенату предоставляется:

1) составить проектъ для возстановленія торговли и мореходства, съ цѣлію, по возможности, возмѣстить убытки, причиненные войной;

2) представить наиболѣе цѣлесообразныя средства къ развитію промышленности въ странѣ вообще и къ содѣйствованію возстановленія дѣятельности уже существующихъ мануфактуръ и фабрикъ, а также къ устройству новыхъ таковыхъ;

3) представить проектъ организаціи школъ для народнаго образованія въ сельскихъ общинахъ;

4) предложить созвать комиссіи, подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора, для разсмотрѣнія тѣхъ мѣропріятій, которыя необходимы по устройству новыхъ каналовъ и желѣзныхъ дорогъ, по установленію сообщенія между внутренними частями страны и финскими морскими гаванями, а также съ столицею Имперіи;

5) выработать проектъ увеличенія содержанія низшихъ чиновниковъ, въ размѣрѣ, допускаемомъ финансами страны».

Во время засѣданія Государь, какъ бы дополняя прежнія свои мысли, сказалъ: «Не многое имѣю прибавить къ тому, что вчера выразилъ вамъ. Отъ глубины души благодарю васъ за ваше усердіе и жертвы, которыя страна несла въ эти два года испытаній. Я особенно доволенъ тѣмъ, что могъ явиться къ вамъ въ сенатъ. Прежде всего, не забудьте, Господа, что вы представители общественнаго мнѣнія и что, оставаясь добрыми финнами, вы вмѣстѣ съ тѣмъ составляете часть того большого общества, главой котораго является Императоръ Россійскій» [37]).

Такимъ образомъ Императоръ установилъ программу своего правленія въ Финляндіи.

Уже во время прежнихъ своихъ поѣздокъ въ Финляндію, въ качествѣ Наслѣдника престола и канцлера университета, Государь пріобрѣлъ всеобщую симпатію, къ которой, теперь, «присоединилась еще надежда на болѣе свѣтлую будущность» [38]).

Въ Гельсингфорсѣ въ тотъ-же день на балѣ 1856 года гр. Армфельтъ представилъ Императору, вызваннаго изъ Борго, І. Л. Рунеберга со словами: «Ваше Величество, вотъ поэтъ, который такъ прекрасно описалъ Кульнева». Извѣстно, что Государь читалъ «Кульнева», который былъ переведенъ спеціально для него на русскій языкъ. Его Величество протянулъ руку Рунебергу, сказавъ нѣсколько признательныхъ словъ, но въ разговоръ съ нимъ не вступилъ. Быть можетъ онъ ознакомился также съ остальными разсказами «Прапорщика Столя» и находилъ ихъ не подходящими для разговора. Это догадка Топеліуса [39]).

Изъ Гельсингфорса Государь послѣдовалъ въ Або, гдѣ во время иллюминаціи, на транспарантѣ зданія высшей элементарной школы красовалась надпись: «Collectasqua fugat nubes solemque reducit». (Слова Виргилія: Онъ разсѣялъ скучившіяся тучи и возвращаетъ намъ солнце). Вечеромъ Его Величество отправился одинъ любоваться этой иллюминаціей. «Ни одинъ Монархъ, писала Абоская газета (Åbo-Under), не встрѣченъ съ такою теплотою чувствъ, какъ великодушный, кроткій, миролюбивый Александръ II, наша надежда, нашъ свѣтъ, наше спокойствіе, воздвигнувшій себѣ памятникъ въ вѣрныхъ финскихъ сердцахъ, памятникъ столь-же прекрасный и прочный, сколь благородно и скромно все Его существо. Да здравствуетъ на многія лѣта великодушный, высокообразованный Александръ II». Здѣсь, въ Або, Его Величество получилъ извѣстіе о подписаніи Парижскаго мира (30 марта 1856 г.) и, со слезами на глазахъ и въ голосѣ, прочелъ присутствовавшимъ телеграмму князя Орлова [40]). При отъѣздѣ Государя каждый домъ, каждая хижина, даже церкви были иллюминованы по Таммерфорсской дорогѣ, по которой онъ слѣдовалъ. День Александра праздновали въ Або также, какъ коронацію. Въ теченіи вечера постоянно слышались крики «ура» и пѣніе среди народныхъ массъ. Столь велики были симпатіи народа къ Государю [41]).

По прибытіи Государя въ Тавастгусъ, Его ожидали «горожане въ праздничномъ облаченіи. Дамы виднѣлись въ каждомъ окнѣ и на улицѣ». Тріумфальныя ворота были украшены финляндскимъ гербомъ, съ надписью на русскомъ языкѣ: «Боже, царя храни» и «Suojele ruhtinaamme!».

И здѣсь, по дорогѣ отъ Тавастгуса, деревни и церкви были иллюминованы. Въ окошечкахъ многихъ бѣдныхъ хижинъ виднѣлась свѣча, которая, быть можетъ, была единственной въ хозяйствѣ. Въ одномъ мѣстѣ вдоль большой дороги тянулся длинный рядъ высокихъ елей, на вѣтвяхъ которыхъ свѣтились разноцвѣтные фонари. Ворота украшены были двумя транспарантами съ именемъ Монарха и словами: «да здравствуетъ нашъ возлюбленный Царь».

Черезъ Вильманстрандъ и Выборгъ Царь вернулся въ Петербургъ, откуда прислалъ генералъ-губернатору рескриптъ, въ которомъ, между прочимъ, значилось: «Поручаю вамъ передать отъ меня моимъ возлюбленнымъ и вѣрнымъ финнамъ мою благодарность за тѣ чувства, которыя они ко мнѣ питаютъ и которыя для меня столь дороги, а также выразите имъ мое неизмѣнное благоволеніе».

Дни 22—29 марта (н. ст.) 1856 года назывались въ Финляндіи «веселой царской недѣлей»—«Den glada Kejsarveckan» [42].

Миръ былъ отпразднованъ въ Финляндіи разными торжествами и ознаменованъ особымъ богослуженіемъ. Въ Або устроили балъ, при чемъ губернаторъ Кронстедтъ произнесъ рѣчь въ честь Государя, царской фамиліи и мира. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. Черезъ нѣсколько дней въ лютеранскомъ соборѣ г. Або, а также и въ другихъ мѣстахъ края, состоялся Te Deum, во время котораго возносили благодарственныя молитвы [43]. Граждане Гельсингфорса устроили обѣдъ 29 апрѣля 1856 года, на которомъ генералъ-губернаторъ Бергъ произнесъ на нѣмецкомъ языкѣ обширную програмную рѣчь. «Господа,—сказалъ онъ между прочимъ,—мы возвращаемся къ дѣламъ мира. Сдѣлаемъ все, что въ нашихъ силахъ, дабы влить новую жизнь въ судовыя общества, мореходство и торговлю. Прошу всѣ города безъ исключенія обращаться прямо ко мнѣ съ изъявленіемъ своихъ желаній въ этомъ отношеніи. Вездѣ, гдѣ только будетъ возможно, мы поддержимъ дѣятельность фабрикъ и заводовъ и будемъ содѣйствовать появленію новыхъ предпріятій.

Въ теченіе 1857 года мы проведемъ въ жизнь расширеніе и усовершенствованіе школьныхъ учрежденій, на что Его Императорское Величество среди заботъ войны соизволилъ дать свое согласіе. Будемъ совѣщаться о способахъ устройства элементарныхъ и

земледѣльческихъ школъ въ приходахъ. Выработаемъ планъ осуществленія сообщенія между внутренними частями страны и ея гаванями посредствомъ каналовъ и желѣзныхъ дорогъ.

Мы надѣемся, что въ началѣ сентября возможно будетъ открытіе Саймепскаго канала, для соединенія внутренней части Финляндіи вплоть до самаго Куопіо съ моремъ.

Вскорѣ я составлю смѣту повышенія содержанія младшихъ чиновниковъ. Мы надѣемся, что торговля и таможня доставитъ намъ необходимыя для этого средства.

Господа! Съ отеческой заботливостью Его Величество отнесся ко всѣмъ этимъ улучшеніямъ. Все указанное Его Величество вмѣнилъ намъ въ обязанность.

Годъ тому назадъ, занятый приготовленіями къ защитѣ Финляндіи, я выразилъ въ этомъ залѣ желаніе, чтобъ уважаемые и честные люди края, каждый въ своей сферѣ дѣятельности, поддержалъ меня въ отправленіи моихъ трудныхъ обязанностей. Надежды мои оправдались. Теперь я снова прошу каждаго помочь мнѣ въ дѣлахъ мира. Я увѣренъ, что общими усиліями мы не безъ успѣха будемъ трудиться на благо края. Да хранитъ насъ Всевышній во время мира, какъ онъ насъ хранилъ во время войны! Да благоденствуетъ Финляндія!»

Эта рѣчь подавала большія надежды, и всюду въ странѣ была принята сочувственно.

Въ устахъ энергичнаго Берга, сказанное не было ласкающимъ празднословіемъ. Послѣдующее скоро показало, что въ Финляндіи со времени ея присоединенія къ Россіи не было другого столь живого и дѣятельнаго періода, какъ время управленія Берга. Въ дни его власти начато было много дѣлъ, принесшихъ краю истинное благодѣяніе, преимущественно въ области промышленности и экономіи. Въ первой онъ жаловалъ своего сородича, весьма вліятельнаго въ краѣ фабриканта Нотбека, и благодаря этому г. Таммерфорсъ сохранилъ прежнія свои привилегіи.

Въ г. Таммерфорсѣ, на который, въ силу уставной грамоты 1779 года, не распространялось дѣйствіе общихъ торговыхъ уставовъ и цеховыхъ положеній и который вслѣдствіе этого пользовался правами порто-франко, поселился «великобританскій уроженецъ» Джемсъ Финлейсонъ и основалъ хлопчатобумажную фабрику (въ 1820 г.). Ему предоставлены были разныя льготы. Каждое промышленное предпріятіе, независимо отъ цеха, исключая приготовленія пороха, было въ Таммерфорсѣ освобождено отъ платежа податей въ казну и кромѣ того имѣло право безпошлин-

наго ввоза изъ за границы всякаго необходимаго сырого матеріала въ теченіи 50 лѣтъ [44]). Фабрикантамъ, художникамъ и пр. «изъ русскихъ подданныхъ» дозволено было безпрепятственно поселяться въ городѣ. Таможенныя и иныя льготы финскаго Манчестера—Таммерфорса стали невыгодно отражаться на мануфактурной промышленности остальной Финляндіи и наносить вредъ русскимъ предпринимателямъ. Противъ продленія Таммерфорскихъ привилегій поднялись сильные голоса такихъ авторитетныхъ финляндцевъ, какъ коммерціи совѣтникъ Боргстрёмъ, заводчикъ Варенъ и др. Они заявили, что дарованныя городу Таммерфорсу Императоромъ Александромъ I въ 1821 году привилегіи могутъ подавить развитіе промышленности въ краѣ, потому что другіе заводы и фабрики едва-ли въ состояніи выдержать конкуренцію съ привилегированными соперниками. Поэтому 15 января 1854 года повелѣно было постепенно отмѣнять преимущества Таммерфорскихъ фабрикъ [45]).

Генералъ-губернаторъ графъ Бергъ принялъ сторону фабрикантовъ и ходатайствовалъ передъ Государемъ о продленіи льготъ, находя, что въ противномъ случаѣ городъ разорится и будетъ совершена несправедливость по отношенію къ фабрикантамъ, вложившимъ свои капиталы въ предпріятія, «въ полной надеждѣ на ненарушимость дарованныхъ городу привилегій». Государь согласился съ доводами начальника края [46]).

Въ манифестѣ отъ 8—20 декабря 1855 года сказано, что «по представленію нашего генералъ-губернатора Финляндіи» признано полезнымъ продлить еще на пятьдесятъ лѣтъ особыя преимущества, данныя Таммерфорсу въ 1821 году.

При подвижномъ умѣ и жаждѣ дѣятельности, Бергъ желалъ развитія страны въ экономическомъ отношеніи. Онъ проводилъ новыя дороги, открывалъ школы, закладывалъ города, возстановлялъ кораблестроеніе. Онъ занялся таможеннымъ вопросомъ, началъ монетную реформу, интересовался лѣснымъ хозяйствомъ края и, наконецъ, хотя и косвенно, но подготовлялъ открытіе сейма. Бергъ брался за всякое дѣло, не желая выпускать иниціативы изъ своихъ рукъ. Проекты его, правда, не нравились финляндцамъ, которые усматривали въ нихъ много незрѣлаго и неустойчиваго.

Бергъ рѣшилъ лично ознакомиться съ желаніями и нуждами народа, для чего 28 іюня 1856 года предпринялъ поѣздку по краю, въ сопровожденіи члена сената авъ-Брунéра, правителя своей канцеляріи Антеля и др. Поѣздка простерлась до Торнео.

Бергъ посѣтилъ большинство городовъ, и въ серединѣ августа вернулся въ Гельсингфорсъ. Во время поѣздки онъ старался прислушаться къ голосу народа хотя, по утвержденію нѣкоторыхъ современниковъ, Бергъ яко-бы смотрѣлъ на финскій народъ какъ на самый сонный. Себя-же Бергъ называлъ его «будильникомъ». Э. Фуругельмъ утверждаетъ даже, что въ душѣ гр. Бергъ презиралъ простонародіе, но тѣмъ не менѣе поѣздками по краю и ознакомленіемъ съ его жизнью Бергу хотѣлось пріобрѣсти его расположеніе. Говорятъ, что Бергъ внушалъ подчиненному ему чиновничеству и особенно цензурѣ, что народу нѣтъ надобности предоставлять знаній, болѣе тѣхъ, которыя заключаются въ календаряхъ [47]). Однако, подобныя заявленія совершенно не согласуются съ тѣмъ, что фактически долго и усердно дѣлалъ Бергъ, и въ приведенныхъ словахъ современниковъ сквозитъ явное нерасположеніе къ человѣку, который не нравился финляндцамъ по нѣкоторымъ своимъ нравственнымъ качествамъ и требованіямъ [48]).

Населеніе разныхъ частей края пользовалось случаемъ и подавало генералъ-губернатору просьбы о своихъ желаніяхъ и потребностяхъ.

Во время поѣздки Бергъ отыскалъ удобныя мѣста для семи практическихъ земледѣльческихъ школъ и для пяти новыхъ городовъ (Варкаусъ, Иисальми, Кеми, Салобру и Икалисъ). Наблюденія своей поѣздки графъ Бергъ, какъ говорятъ, изложилъ въ многочисленныхъ 46 объемистыхъ тетрадяхъ [49]).

Для приведенія въ исполненіе правительственной программы преобразованій учреждено было три комитета: одинъ для выработки проекта положенія о новыхъ путяхъ сообщеній, въ которомъ предсѣдательствовалъ самъ Бергъ; другой—для улучшенія и усовершенствованія фабрикъ и заводовъ, а третій—для составленія проекта по улучшенію горнозаводскаго дѣла. Эти большіе комитеты собирались въ Гельсингфорсѣ въ ноябрѣ и декабрѣ 1856 года [50]).

Для возстановленія торговли и мореходства, пострадавшихъ во время войны, не было учреждено особаго комитета. Дѣло велось съ «берговской» поспѣшностью путемъ переписки. По его представленію Высочайше повелѣно было (въ 1856 году) отпустить изъ государственнаго казначейства имперіи 200.000 руб., безъ возврата на устройство пароходнаго сообщенія между сѣверными портами Финляндіи и Петербургомъ. На безпроцентныя эти ссуды развилось «Эстерботнійское пароходное общество». Выдача означенной субсидіи продолжалась до 1874 года [51]). Тогда же (въ

1856 году) разрѣшенъ былъ безпошлинный ввозъ, въ теченіе пяти лѣтъ, пароходовъ, парусныхъ судовъ и нужнаго для нихъ инвентаря. Были исходатайствованы существенныя облегченія для сбыта товаровъ изъ Финляндіи въ имперію, выдавались значительные займы и т. п. [52]).

Съ окончаніемъ войны воскресъ духъ спекуляціи, который съ поспѣшностію принялся пополнять потери, причиненныя нашествіемъ непріятеля; особенно это относится до кораблестроенія и мореходства. Въ короткое время опять все вошло въ прежнюю колею [53]). Въ теченіи 1857 года судостроительство производилось съ необыкновенной энергіей. Въ 1856 году совершались пароходные рейсы (на иностранныхъ судахъ) между финляндскими портами, Копенгагеномъ и Англіей. Первые финляндскіе пароходы по этой линіи стали ходить въ 1873 году.

По трактату (отъ 2—14 марта 1857 года) Россійское правительство обязалось выдать Даніи, за отмѣну такъ называемой Зундской пошлины, вознагражденіе въ 7.000.000 рублей. На основаніи свѣдѣній о финляндской торговлѣ внѣ Балтійскаго моря въ сравненіи съ таковою же торговлею Балтійскихъ портовъ Имперіи повелѣно было изъ означенной суммы отнести на счетъ Финляндіи четыреста тысячъ рублей, съ тѣмъ, чтобы казна Великаго Княжества уплатила эту сумму въ теченіе двадцати лѣтъ.

Жизнь и дѣятельность края пробудились. Бергъ все направлялъ, согласно своимъ воззрѣніямъ, относясь почти враждебно къ всякой чужой инициативѣ. Если бы графъ Бергъ, говоритъ финляндскій историкъ, проявилъ побольше правдивости и поменьше эгоизма, онъ могъ бы принести громадную пользу [54]).

Въ августѣ 1856 года, съ большой торжественностію, при звонѣ колоколовъ и громѣ орудій, Государь въѣхалъ въ Москву. Очевидецъ А. С. Хомяковъ говоритъ, что это былъ «просто какой-то волшебный сонъ. Золото, азіатскіе народы, великолѣпные мундиры и старые нѣмецкіе парики. Тысяча и одна ночь пересказанная Гофманомъ». Въ Москву стеклись представители со всѣхъ концовъ Россіи. Въ Москву прислали своихъ представителей родственные дворы. Священнодѣйствовалъ (26 августа—7 сентября) Московскій митрополитъ Филаретъ, который въ своемъ словѣ пожелалъ Монарху, чтобы отъ его вѣнца, «какъ отъ средоточія, на все царство простирался животворный свѣтъ»... Въ Москву генералъ-

губернаторъ Бергъ отправился съ большой свитой изъ канцелярскихъ чиновниковъ и адъютантовъ; туда же вызвана была депутація отъ четырехъ сословій Финляндіи, а также министръ статсъ-секретарь [55]). Торжество ознаменовалось обильными царскими милостями. Между прочимъ были прощены декабристы. Всюду замѣтенъ былъ общій подъемъ духа и сочувствіе благимъ начинаніямъ Монарха. Ѳ. Ѳ. Бергъ былъ возведенъ въ графское достоинство Великаго Княжества Финляндскаго за то,—какъ сказано въ рескриптѣ,—что съ усердіемъ исполнялъ возложенныя на него обязанности и «пріобрѣлъ себѣ въ короткое, но трудное время общую довѣренность и признательность жителей» Финляндіи. Берга пожаловали почетнымъ титуломъ для того, чтобы «соединить его неразрывными узами съ симъ краемъ».

Въ самый день коронаціи постановлено было учредить семь практическихъ земледѣльческихъ школъ, въ которыхъ финскій языкъ назначался языкомъ преподаванія, а также положено было «основать и построить» пять новыхъ городовъ. Идея основанія новыхъ школъ и городовъ принадлежала генералъ-губернатору и ни о томъ, ни о другомъ сенатъ заранѣе ничего не зналъ. Особенно скороспѣлой оказалась затѣя постройки новыхъ городовъ. Прошло почти пятьдесятъ лѣтъ прежде, чѣмъ два изъ избранныхъ мѣстъ наименовались городами [56]).

Университетъ праздновалъ коронацію 20 сентября (н. ст.). Программа ректора представляла на этотъ разъ ту особенность, что въ нее вошла чисто политическая полемика по поводу жалобъ и порицаній, появившихся въ брошюрахъ и газетахъ Швеціи, относительно состоянія дѣлъ въ Финляндіи. Программа указывала на то, что судьба и положеніе Финляндіи во всѣхъ отношеніяхъ улучшились послѣ ея соединенія съ Россіей и что строгость цензуры предпочтительнѣй необузданной свободы печати въ Швеціи! Дальше говорилось, что Финляндія не утратила своего права представительства, хотя сеймъ, послѣ боргоскаго сейма, и не созывался; но, — продолжалъ ректоръ, — очень было бы желательно, чтобъ народъ Финляндіи черезъ довѣренныхъ лицъ чаще могъ приближаться къ Монарху для выясненія своихъ нуждъ въ законодательныхъ вопросахъ, налогахъ и вообще въ важнѣйшихъ дѣлахъ, относящихся къ преуспѣянію края. Однако о рѣшающемъ голосѣ сейма ректоръ не упомянулъ.

«Ректоръ выразилъ, что имѣется надежда на созывъ сейма. Такимъ образомъ, слово сеймъ, которое раньше не могло появляться въ газетахъ и которое лишь шопотомъ смѣли произносить въ раз-

говорахъ, теперь открыто произнесено съ каѳедры, во время торжества. Это возбудило и удивленіе и восторгъ» [37]).

Вторую рѣчь на торжествѣ произнесъ профессоръ теологіи Францъ Людвигъ Шауманъ. Эта рѣчь создала оратору память въ исторіи Финляндіи. Чтобы произнести ее при тогдашнихъ условіяхъ, нужна была гражданская смѣлость и «политическая мудрость», какъ опредѣлилъ историкъ Финляндіи. Рѣчь представляла полную обдуманную программу будущаго, которая объединила всѣ либеральныя силы страны.

Ораторъ задался слѣдующими главными вопросами: «Чего ожидаетъ въ настоящее время финскій народъ отъ своего Монарха, на что надѣется и что онъ самъ долженъ дѣлать для осуществленія своихъ надеждъ? Я бы желалъ, чтобъ отвѣтъ на этотъ вопросъ не походилъ на едва слышный вздохъ, но чтобы онъ сталъ голосомъ побужденія, который слышенъ, который хранятъ и исполняютъ. Первое желаніе финскаго народа въ настоящее время состоитъ въ томъ, чтобъ ему навсегда можно было остаться и развиваться финскимъ народомъ, чтобы мы, финны, хотя и соединенные съ великой русской Имперіей, подъ скипетромъ одного Монарха, навсегда могли оставаться финнами, или другими словами, чтобы мы могли свободно развивать свою паціональность. Чтобы достигнуть этого, финскій народъ долженъ быть ненарушимо вѣренъ своему Монарху и самому себѣ».

Затѣмъ Фр. Л. Шауманъ напомнилъ о томъ, что «одно изъ важнѣйшихъ постановленій въ уложеніи края то, что народъ чрезъ своихъ представителей отъ четырехъ сословій имѣетъ право на созванныхъ монархомъ сеймахъ (riks-eller landt-dagar) обсуждать общія важныя для края дѣла.

«. . . . Я увѣренъ, что въ настоящее время, когда у насъ возникаетъ столько важныхъ общественныхъ вопросовъ, изъ которыхъ многіе тѣсно связаны съ привилегіями различныхъ сословій, горячее желаніе финскаго народа заключается въ томъ, чтобъ дана была возможность скоро, а затѣмъ и чаще, смотря по обстоятельствамъ, собираться сейму, для обсужденія ихъ въ установленномъ основнымъ закономъ порядкѣ. Отрадно, что такое желаніе существуетъ въ краѣ, ибо оно свидѣтельствуетъ о жизненности сознанія, что мы составляемъ народъ съ представительнымъ государственнымъ учрежденіемъ, съ свободными и независимыми законодательными земскими сословіями, подъ властью могущественнаго, но ограниченнаго закономъ Монарха, оно свидѣтельствуетъ, что здѣсь интересуются общественными дѣлами края. . .

«Но можно ли надѣяться, что высказанное желаніе, которое живетъ въ сердцѣ финскаго народа, исполнится? Я долженъ сознаться, что самъ недоумѣваю при отвѣтѣ на этотъ вопросъ. Я долженъ сознаться, что не могу безусловно отвѣтить—да! И я не хочу, я не долженъ высказывать лицемѣрно надежду, потому что это являлось бы притворствомъ, это было бы ложью, это было бы лестью» [58]).

Такова основная мысль Шаумана.

Финляндскіе историки говорятъ, что профессоръ Фр. Л. Шауманъ явился истолкователемъ общихъ желаній и что впечатлѣніе, произведенное рѣчью, было громадное, какъ въ Гельсингфорсѣ, такъ и въ Петербургѣ. Сеймы не созывались въ теченіи пятидесяти лѣтъ, и цензура воспретила напоминать о нихъ, но въ частныхъ бесѣдахъ постоянно говорилось о сеймѣ, а потому рѣчи, произнесенныя по этому вопросу въ стѣнахъ университета, получали особое значеніе [59]).

Послѣ рѣчи Фр. Л. Шаумана слово «сеймъ» сдѣлалось лозунгомъ, единодушно подхваченнымъ обществомъ. Надежды на сеймъ были,—по толкованію гр. Армфельта (См. его большую записку у Т. Рейна),—возбуждены самимъ Государемъ въ тотъ день, когда онъ (12—24 марта 1856 г.), лично предсѣдательствуя въ сенатѣ, начерталъ программу реформъ. Несомнѣнно, что Государь желалъ сдѣлать что-нибудь для Финляндіи. Но созывъ сейма считался еще невозможнымъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ, прежде всего потому, что предстояла великая эмансипація въ Россіи и существовала неувѣренность въ ближайшемъ будущемъ. Такъ по крайней мѣрѣ разсказывали [60]). Во всякомъ случаѣ положеніе Государя было затруднительнымъ, ибо Россія также просила конституцію, а вскорѣ забунтовала Польша.

Представители власти Николаевской школы пришли къ сознанію, что наступало новое время, но тѣмъ не менѣе послѣ рѣчи Шаумана они зашевелились [61]).

Первоначально противъ рѣчи Шаумана не было принято никакихъ мѣръ. Ее напечатали въ университетской типографіи, и потому она не подверглась цензурѣ. Но для распространенія черезъ книжные магазины требовалось разрѣшеніе цензора. Университетскія власти не смѣли взять на себя рѣшенія дѣла и выжидали пріѣзда генералъ-губернатора. Когда графъ Бергъ ознакомился съ содержаніемъ рѣчи, то призналъ предосудительность многихъ ея частей, особенно для оглашенія съ каѳедры. Новому графу болѣе всего не нравилась претензія профессора поучать власть, но въ

виду того, что рѣчь была напечатана, не препятствовалъ ея распространенію [62]). Тѣмъ не менѣе, онъ сообщилъ дѣло шефу жандармовъ, князю Долгорукову, стараясь свалить вину на Армфельта и вице-канцлера университета Мунка. Князь Долгорукій выдалъ Берга Армфельту [63]).

Государь, прочтя рѣчь въ переводѣ, сдѣлалъ на ней карандашемъ нѣсколько замѣтокъ, изъ которыхъ можно заключить, что Онъ «одобрилъ въ ней многія мѣста, но вмѣстѣ съ тѣмъ нашелъ въ ней много неумѣстныхъ разсужденій, совершенно нетерпимыхъ ни съ какой точки зрѣнія, ибо ничто не давало профессору Шауману права выступать представителемъ желаній всего финскаго народа». «За эти неумѣстныя сужденія,—говорится въ резолюціи,—онъ подлежитъ строгому выговору, а университетскому начальству, т. е. вице-канцлеру и ректору, надлежитъ сдѣлать строжайшее замѣчаніе отъ Моего имени. Впредь же подобныя рѣчи, не имѣющія никакого отношенія къ задачамъ университета, не должны быть допускаемы вовсе. Графу Бергу надлежитъ передать по телеграфу, чтобы рѣчь не печаталась, а если это уже сдѣлано, то выразить ему Мое крайнее неудовольствіе за данное имъ разрѣшеніе, увѣдомивъ, что Я удивляюсь, какъ онъ могъ, зная Мой образъ мыслей, поступить такъ необдуманно». Неудовольствіе было выражено и графу Армфельту за то, что, находясь въ Гельсингфорсѣ послѣ коронаціи, не предупредилъ печатанія рѣчи. Государь считалъ дѣло весьма серьезнымъ, а переводъ Ему былъ представленъ лишь по прошествіи мѣсяца. Прошла еще недѣля и Государь высказалъ графу Армфельту, что злосчастная рѣчь причинила Ему немало огорченія, лишивъ Его возможности тотчасъ сдѣлать для Финляндіи все то, что Онъ задумалъ, такъ какъ всякаго рода давленіе со стороны только связывало Его руки» [64]).

Въ Россіи рѣчь Шаумана приказано было конфисковать, а русскимъ газетамъ воспрещена была ея перепечатка.

Графъ Армфельтъ, сообщая волю Государя университету по взысканіямъ съ виновныхъ, укоризненно указывалъ на то, что профессоръ въ мѣстѣ, предназначенномъ для научныхъ занятій, позволилъ себѣ «высказать надежды на созывъ земскихъ чиновъ» и дерзнулъ говорить о мѣрахъ, «которыя по его мнѣнію должны быть предприняты Монархомъ на благо всей страны».

Раздраженіе графа Армфельта прошло не скоро. Въ 1862 году (26 мая—7 іюня) онъ писалъ Рокасовскому: «Извиненіе, принесенное Шауманомъ, есть настоящая иронія и достаточно подтверждаетъ его виновность».

*

Исторія съ рѣчью выяснила, что Государь не отвергалъ самой идеи о созывѣ земскихъ чиновъ, но Онъ лишь пожелалъ оставить за собой право избранія удобнаго для того момента [65]).

Изъ Петербурга прислана была телеграмма, воспрещавшая дальнѣйшее обсужденіе рѣчи Шаумана. Энергичный Снельманъ тѣмъ не менѣе добивался возможности высказаться о ней въ своемъ органѣ. Между нимъ и генералъ-губернаторомъ произошелъ по этому поводу обмѣнъ мыслей, при чемъ графъ Бергъ сказалъ: «Все это для меня не ново; куда я не пріѣзжалъ въ Финляндіи, всюду мнѣ говорили о необходимости сейма. Но объ этомъ не нужно кричать на площадяхъ. Смотрите, въ Лифляндіи, мы имѣемъ ландтаги, однако о нихъ никто не говоритъ и, благодаря этому, мы получили возможность сохранить ихъ». На приведенный примѣръ графъ Бергъ вообще любилъ ссылаться [66]).

Мнѣніе о рѣчи Фр. Л. Шаумана въ финляндскомъ обществѣ не было сплошь одобрительное. Снельманъ напечаталъ о ней лестный отзывъ. Но сенаторъ Л. ф.-Гартманъ, напротивъ, усмотрѣлъ въ рѣчи профессора почти подстрекательство къ возстанію. Кромѣ того, Гартманъ отвергалъ право земскихъ чиновъ контролировать финансовое управленіе края, такъ какъ тѣ постановленія шведскихъ законовъ, которыя касались сего вопроса, уже истлѣли въ архивахъ, давно отмѣнены и лишены значенія юридическихъ нормъ». Замѣчательно, что это послѣднее воззрѣніе раздѣлялось также графомъ Армфельтомъ, Шернваль-Валленомъ и другими лицами, стоявшими у власти, среди которыхъ господствовало убѣжденіе, что право всякаго контроля сейма отмѣнено актомъ соединенія и безопасности 1789 года [67]).

II. Труды въ области экономической и комитетъ по финляндскимъ дѣламъ.

Среди сооруженій того времени по своему большому значенію для экономическаго развитія края первое мѣсто занимаетъ открытіе Сайменскаго канала.

Такъ какъ Финляндія по всѣмъ направленіямъ перерѣзана озерами и водными системами, по которымъ колонизація отъ времени до времени проникла въ самыя пустынныя мѣста, то естественно было устранить на нихъ всякія препятствія для развитія и произвести улучшенія, особенно въ виду того, что эти пути сообщенія очень долго являлись единственными въ краѣ [68]).

Годъ заключенія мира—годъ коронаціи новаго Монарха—ознаменованъ былъ въ Финляндіи открытіемъ огромнаго сооруженія большой красоты и большихъ будущихъ надеждъ—Сайменскаго канала. Страна въ правѣ была и радоваться, и гордиться.

Огромный бассейнъ Сайменскихъ водъ (болѣе $2^1/_2$ тыс. кв. вер.) отстоитъ отъ береговъ Финскаго залива верстъ на 50. Первая попытка соединить Сайменское озеро съ заливомъ относится ко времени между 1500 и 1511 г., когда губернаторъ Выборга Эрикъ Туресонъ Бьельке выступилъ съ этою мыслью [69]). Вторая попытка относится къ 1600 годамъ, когда были сдѣланы двѣ выемки, изъ которыхъ одна извѣстна подъ названіемъ выемки Понтуса (Pontuksen Kaivando), въ воспоминаніе полководца Понтуса де-ла-Гарди.

Существовалъ и другой планъ. Рѣка Вуокса соединяетъ Сайму съ Ладожскимъ озеромъ. Въ царствованіе Екатерины II предполагалось устроить удобное соединеніе, въ обходъ Иматры, но огромные расходы удержали отъ приведенія въ исполненіе этого плана [70]).

Въ 1826 году въ засѣданіи герадскихъ судовъ Саволакса и Кареліи рѣшено было отправить въ Петербургъ депутацію крестьянъ

съ просьбой установленія легчайшаго способа соединенія сихъ частей края съ приморскими городами. Государь, принявъ и выслушавъ депутатовъ, повелѣлъ произвести нужныя изысканія. Къ прорытію, однако, не приступили, за отсутствіемъ средствъ. Въ 1834 году Выборгскій губернаторъ Августъ Рамзай вновь поднялъ вопросъ о каналѣ. Князь Меншиковъ и начальникъ финансовой экспедиціи, энергичный сенаторъ Л. ф.-Гартманъ, дали ходъ дѣлу. Учрежденъ былъ въ г. Выборгѣ комитетъ для составленія плана и смѣты. Изъ Швеціи пригласили извѣстнаго инженера для нужныхъ указаній. Изслѣдованіе выяснило, что горизонтъ Саймы выше уровня моря на $256\frac{1}{2}$ футовъ и стоимость сооруженія обойдется въ 3 милл. рублей. Сумма была ассигнована съ разсрочкой на 15 лѣтъ. Работы начались въ 1845 году. Шведскій инженеръ полковникъ Нильсъ Эриксонъ внесъ нѣкоторыя улучшенія въ первоначальный планъ работъ. Начальниками работъ явились баронъ Карлъ ф.-Розенкампфъ († 1846 г.), прозванный «барономъ каналовъ», а затѣмъ генералъ-маіоръ Шернваль. Все сооруженіе канала произведено было собственными средствами Финляндіи, безъ обремененія казны новыми долгами и обошлось въ 12.381.800 фин. марокъ [71].

Длина канала $54\frac{1}{2}$ версты; на этомъ протяженіи отъ с. Лауритсала до мыса Лавола устроено 28 шлюзовъ изъ гранита на цементѣ.

Открытіе состоялось 26 августа 1856 года, т. е. въ самый день коронаціи Государя Императора Александра II. Красота мѣстности придаетъ особую прелесть всему каналу. По берегамъ канала поставлены памятники съ надписью на русскомъ и шведскомъ языкахъ: сенатору Л. ф.-Гартману, князю Меншикову, графу Ѳ. Ѳ. Бергу, инженеру строителю Эриксону. У шлюза № 9 предполагалась латинская надпись. Государь отмѣтилъ: «Вмѣсто латинскаго, на русскомъ и финскомъ» (февраль 1857 г.). У царскаго шлюза на отвѣсномъ гранитѣ значится: «Николай I и Александръ II—торговлѣ и благосостоянію Финляндіи».

Сооруженіе смѣлое, въ виду разности уровней соединенныхъ водъ, дѣлавшей теченіе внизъ чрезвычайно стремительнымъ; сооруженіе образцовое, искусно и прекрасно выполненное, отлично содержимое и приносящее краю неисчислимую пользу. Разгадку дешевизны гигантской работы надо искать въ распорядительности, честности и скромной платѣ за рабочія часто арестантскія руки.

Открытіе Сайменскаго канала состоялось на 4 года раньше, чѣмъ первоначально предполагалось [72].

Сайменскій каналъ.

Шлюзы.

Значеніе Сайменскаго канала съ самаго начала было огромное; сразу населеніе Саволакса и Кареліи освободилось отъ исключительной зависимости отъ отдаленныхъ гаваней сѣверной части Ботническаго залива и Ладоги; быстрое-же матеріальное развитіе стало замѣтно непосредственно по окончаніи сооруженія [73]).

Если-бы своевременно сильной рукой было устранено корыстное вмѣшательство Выборгскихъ экспортеровъ, то грандіозное сооруженіе принесло-бы еще болѣе пользы краю. «Дѣло въ томъ, что Выборгскіе экспортеры, изъ боязни утратить выгоды своей монополіи, посредствомъ интригъ и другими способами, достигли того, что шлюзы были устроены недостаточно широкими для прямого пропуска въ море большихъ судовъ, грузящихся на сѣверѣ. Всѣ суда, идущія каналомъ, должны перегружать свой товаръ въ Выборгѣ. Этимъ способомъ полдюжины Выборгскихъ фирмъ обезпечили себѣ монополію экспорта, но за то каналъ потерялъ существенную часть своего значенія для края» [74]).

Открытіе Сайменскаго канала Топеліусъ привѣтствовалъ стихотвореніемъ. «Въ великомъ національномъ трудѣ» сказалась, по его мнѣнію, «упорная сила народа бороться съ природой и судьбой». Съ юношеской дерзостью Финляндія прорвалась, наконецъ, къ морю. Какъ могло случиться, спрашиваетъ авторъ, что та Сайма, которая бурною волною Иматры проложила себѣ выходъ къ свободѣ, поддалась людской лести и позволила запереть свои воды въ тѣсныхъ отдѣленіяхъ шлюзовъ? Въ томъ-то и заключается ея радость и слава, отвѣчаетъ онъ, что насиліе, которое она легко можетъ сокрушить, она желаетъ терпѣливо и съ любовью перенести ради Финляндіи, ради своей матери. Нѣтъ большей почести на землѣ, какъ пожертвовать собой и работать для родины. Въ прорытіи канала Топеліусъ оцѣнивалъ не только экономическую пользу, но усматривалъ вмѣстѣ съ тѣмъ путь къ свѣту, связь съ Европой и съ новымъ временемъ. «Плотина снесена; стѣна разрушена и скоро и бодро шествуетъ мощный духъ новаго времени, а не прежнимъ черепашьимъ шагомъ. И новыя силы сокрытыя, безсознательныя, неизвѣстныя, придушенныя, заснувшія и забытыя, какъ источники, пробиваются вверхъ «при финляндской веснѣ».

Очевидно, что строгости тогдашней цензуры побудили поэта оживить природу въ назиданіе соотечественниковъ.

Видно, что великое дѣло было правильно оцѣнено и радостно встрѣчено. У молодого свѣжаго народа родились надежды на будущее, а въ надеждахъ—сила.

Въ день открытія канала Выборгъ былъ вечеромъ великолѣпно иллюминованъ, а часть гражданъ, около 1000 человѣкъ, собралась на одинъ изъ самыхъ блестящихъ баловъ, данныхъ этимъ городомъ. Всюду царствовало веселіе и ликованіе, но вдругъ все было омрачено. Иллюминація и транспаранты вскорѣ поблекли въ страшномъ пламени пожара Выборгскаго шлосса. Въ темнотѣ ночи старый замокъ Торкеля Кнутсона стоялъ, какъ гигантскій маякъ, распространяя свое зарево на пространство нѣсколькихъ миль. Величественный огненный столбъ подымался къ верху, а расплавленные желѣзные листы, какъ потоки лавы, спускались на землю. Стоявшіе въ гавани пароходы обрисовывались на темносинемъ фонѣ воды, какъ на картинѣ. Съ чувствомъ ужаса тысячная толпа смотрѣла на страшный пожаръ и вдругъ, объятая паническимъ страхомъ, она бросилась въ сторону. Въ замкѣ хранился порохъ! Узнавъ объ этомъ народъ разбѣжался, однако, благодаря стараніямъ властей и пожарной команды, огонь не распространился на тѣ части замка, въ которыхъ находился порохъ, хотя онѣ нѣсколько разъ вспыхивали и загорались [75]).

Прошло два десятка лѣтъ съ того времени, какъ построены были первыя желѣзныя дороги въ западной Европѣ и прежде чѣмъ въ Финляндіи остановились на мысли о подобныхъ предпріятіяхъ.

20-го марта 1849 года начальникъ инженеровъ, полковникъ Альфредъ Шернваль, высказался въ томъ смыслѣ, что желѣзная дорога явится болѣе удобнымъ сообщеніемъ между Гельсингфорсомъ и озерами Тавастландіи, чѣмъ каналъ. Его отзывъ представленъ былъ генералъ-губернатору Финляндіи, князю А. С. Меншикову, и подвергнутъ тщательному изслѣдованію, безъ сообщенія объ этомъ Финлядскому сенату [76]).

Въ то-же время І. В. Снельманъ выступилъ въ «Litteraturbladet» со статьями, въ которыхъ, съ знаніемъ дѣла и горячимъ убѣжденіемъ, высказался за необходимость введенія въ Финляндіи этого неизвѣстнаго до сихъ поръ въ краѣ способа сообщенія.

Въ 1851 году былъ выработанъ проектъ желѣзной дороги между Гельсингфорсомъ и Тавастгусомъ, причемъ предпочтеніе отдано было уже паровому двигателю передъ живой конной силой, какъ предполагалось первоначально. Но наступившая Крымская война прервала всѣ подобныя благія начинанія. Снова вопросъ

сталъ на очередь въ 1856 году, когда Императоръ Александръ II посѣтилъ Гельсингфорсъ и, предсѣдательствуя въ сенатѣ (24-го марта н. ст.), указалъ на необходимость соединенія, при помощи каналовъ и желѣзныхъ дорогъ, внутренней Финляндіи съ моремъ и столицею Россіи.

Для обсужденія желѣзнодорожнаго вопроса созванъ былъ комитетъ. Онъ внимательно разсмотрѣлъ всѣ обстоятельства и призналъ, что по географическому положенію страны и ея формаціи, земледѣліе, промышленность и торговля зависятъ отъ сообщеній между внутренними частями и моремъ. Для этой цѣли проведеніе желѣзной дороги комитетъ призналъ болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ прорытіе каналовъ, по которымъ сообщеніе продолжается лишь 5—6 мѣсяцевъ. Кромѣ того усмотрѣно было, что желѣзныя дороги удобны для перевозки пассажировъ. Что-же касается провоза товаровъ по каналамъ, то, по мѣрѣ развитія промышленности, этотъ способъ становится медленнымъ, тогда какъ быстрая доставка по желѣзнымъ дорогамъ увеличиваетъ самый обмѣнъ произведеній. Всѣ подобныя преимущества получали существенное значеніе особенно въ сѣверномъ климатѣ, гдѣ населеніе въ теченіи полугода обречено на бездѣятельность, противодѣйствовать которой каналы безсильны. Но и многочисленныя воды страны приносили большую пользу въ коммуникаціонномъ отношеніи, а потому, при составленіи плана желѣзнодорожной сѣти, прежде всего рекомендовалось обратить вниманіе на проведеніе дорогъ отъ большихъ водныхъ системъ къ морскому берегу. Обращено было также вниманіе на то, что благосостояніе страны зависитъ не только отъ обмѣна товаровъ съ иноземцемъ, но прежде всего отъ оживленной внутренней торговли. Внутренняя-же торговля ведется между городами, и тутъ каналы могли быть полезными лишь въ теченіи полугода. Рядъ подобныхъ соображеній привелъ комитетъ къ выводу, что слѣдуетъ дать предпочтеніе желѣзнымъ путямъ передъ каналами, такъ какъ первые соотвѣтствовали потребностямъ будущаго и видно было, что польза отъ нихъ возрастетъ по мѣрѣ приращенія культуры [77]).

Не смотря на это въ 1857 году, когда вновь обсуждался вопросъ о постройкѣ первой желѣзной дороги Гельсингфорсъ—Тавастгусъ, меньшинство сената (4 члена) находило эту постройку преждевременной на томъ основаніи, что для перевозки не имѣлось въ достаточномъ количествѣ ни товаровъ, ни пассажировъ. Сенаторъ-же Гартманъ, по стратегическимъ соображеніямъ, высказался за соединеніе столицы Имперіи съ Або. Нѣкоторые сенаторы

хотѣли соединить каналомъ Пеянскую систему съ Финскимъ заливомъ. Графъ Бергъ присоединился къ большинству, т. е. голосовалъ за Тавастгусскую желѣзную дорогу.

Окончательный проектъ желѣзной дороги между Гельсингфорсомъ и Тавастгусомъ выработалъ полковникъ (впослѣдствіи оберъ-инспекторъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи) Кнутъ Шернваль. Высочайшее одобреніе проекта послѣдовало въ мартѣ 1857 года. Въ томъ же году предприняты были предварительныя изслѣдованія, которыя дали возможность сразу приступить къ землянымъ работамъ. Онѣ продолжались въ теченіи двухъ лѣтъ. Работало отъ 1000 до 4000 человѣкъ; въ 1860 году началась прокладка рельсъ. Одинъ изъ чиновниковъ генералъ-губернатора [78]) утверждаетъ, что простой народъ, которому Бергъ хотѣлъ придти на помощь этою постройкой во время тяжелой нужды, былъ возстановленъ противъ нея и не являлся на работу, почему вначалѣ вынуждены были откомандировать на линію нѣсколько баталіоновъ солдатъ.

Профессоръ архитектуры корпуса русскихъ инженеровъ путей сообщенія, полковникъ Собко, осматривалъ этотъ путь въ періодъ его постройки и поставилъ его, по прочности и техническому исполненію, наряду съ лучшими въ Европѣ, не смотря на то, что во всемъ преслѣдовалась возможная дешевизна. Дешевизна-же достигалась благодаря тому, что работы производились по непосредственному соглашенію съ рабочими, безъ подрядчиковъ; строевые матеріалы пріобрѣтались по близости дороги; инженеры не отвлекались обширной письменностью, и, наконецъ, общимъ правиломъ служило указаніе, не допускать безполезныхъ расходовъ при публичныхъ работахъ. Инженеры были хорошо ознакомлены съ мѣстными условіями, а веденіе работъ было ими изучено за границею, особенно въ Швеціи, гдѣ онѣ исполнялись на тѣхъ-же условіяхъ, какъ въ Финляндіи [79]). По ширинѣ колеи рельсовый путь соотвѣтствовалъ русскимъ желѣзнымъ дорогамъ, хотя многіе склонялись къ тому, что для Финляндіи цѣлесообразнѣе было принять узкую колею.

Во время Восточной войны по сѣверному берегу Финскаго залива устроенъ былъ оптическій телеграфъ на финскія средства. Но за ненадобностію пересталъ дѣйствовать уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ концѣ 1854 года рѣшили провести электрическій

телеграфъ, па счетъ русской казны, между Петербургомъ и Гельсингфорсомъ. Устройство его поручено было прусской фирмѣ Сименсъ и Гальске. Затѣмъ 23 мая 1856 года закончена была телеграфная линія между Тавастгусомъ и Або. «Такимъ образомъ, писалъ тогда финляндецъ, это тоненькая проволока соединяетъ насъ съ цивилизованной Европой», и добавляетъ, что непосвященному трудно понять это великое чудо вселенной, которое съ быстротою молніи переноситъ наши мысли въ отдаленнѣйшія мѣста. Крестьяне считали это устройство колдовствомъ и высказывали «паническій страхъ» къ нему, увеличенный еще строгими объявленіями въ церквахъ, объ отвѣтственности за порчу телеграфа [80]).

Въ послѣдующіе годы линія удлинялась, и въ 1859 году ее довели до Торнео и Хаапаранда. Тогда-же дозволено было употреблять шведскій языкъ при передачѣ депешъ.

Въ началѣ 1857 года, графъ Бергъ, вслѣдствіе прошенія нѣсколькихъ мѣстныхъ купцовъ, ходатайствовалъ о предоставленіи имъ возможности образовать компанію для устройства въ Финляндіи электрическаго телеграфа. Сенатъ поддержалъ просьбу и сдѣлалъ представленіе русскому правительству. Но побороть твердость министра путей сообщенія К. В. Чевкина (1853—1862) было нелегко. Чевкинъ находилъ неудобнымъ предоставленіе телеграфнаго учрежденія частному обществу. Надѣялись нѣсколько на дипломатическія способности барона Лангеншельда. Но и ему не удалось перевести русскую государственную монополію изъ вѣдѣнія «чужого учрежденія» въ руки финляндцевъ.

Въ началѣ 1859 года графъ Бергъ, во время поѣздки по краю, вновь слышалъ съ разныхъ сторонъ заявленія о необходимости Финляндіи имѣть собственный телеграфъ и потому изъ Куопіо онъ обратился къ графу Армфельту съ письмомъ, прося министра статсъ-секретаря помочь ему. Графъ Бергъ, досадуя потомъ на неполученіе отвѣта отъ Чевкина, удивлялся тому, какъ могъ этотъ выдающійся человѣкъ упорствовать въ такомъ дѣлѣ, когда вся Финляндія, сенатъ и онъ, генералъ-губернаторъ, объяснили всю чрезвычайную важность его для торговли обширнаго края. Финляндцамъ удалось даже проникнуть къ Государю, и Его Величество (9 марта 1859 года) повелѣлъ: «Потребовать у генерала Чевкина категорическую справку о томъ, что было постановлено». На сдѣланный запросъ, Чевкинъ отвѣтилъ очень коротко: Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу моему Высочайше повелѣлъ устроить телеграфную линію въ Финляндіи

отъ Або до Торнео, распоряженіемъ главнаго управленія путей сообщенія, и что поэтому всѣ уже мѣры приняты.—Послѣ того состоялось заключеніе телеграфной конвенціи съ Швеціею чрезъ министра иностранныхъ дѣлъ.

Такъ дѣйствовалъ Чевкинъ. Это былъ государственный мужъ, видимо понявшій истинныя стремленія финляндцевъ, какъ отмѣтилъ въ своихъ воспоминаніяхъ его современникъ.

Рядъ ужасныхъ голодовокъ начался въ Финляндіи въ 1857 году и продолжался вплоть до 1868 года. Въ исторіи края онѣ получили особое значеніе, почему память о нихъ должна сохраниться для потомства.

«Тотчасъ по полученіи первыхъ же возбуждавшихъ тревогу извѣстій, Бергъ позаботился надѣть на прессу солидный намордникъ: о предстоящемъ неурожаѣ было запрещено печатать хотя бы единое слово. Бергъ, вообще, слѣдилъ за цензурою съ величайшею строгостью, и редакторы нѣсколькихъ газетъ находились въ весьма затруднительномъ положеніи».

Въ среднихъ числахъ іюня 1856 года Бергъ совершилъ поѣздку на сѣверъ, чтобы своими глазами осмотрѣть постигнутыя неурожаемъ мѣстности и лично удостовѣриться въ положеніи дѣлъ.

Изъ своего путешествія Бергъ прислалъ два письма. Въ первомъ изъ нихъ онъ сообщалъ своему чиновнику для особыхъ порученій ф.-Филиппеусу, что положеніе оказалось худшимъ, чѣмъ онъ ожидалъ. Къ этому онъ прибавлялъ, что объ этомъ обстоятельствѣ никому не должно быть извѣстно ничего, абсолютно ничего.

Во время войны русское военно-интендантское вѣдомство въ Финляндіи сосредоточило во многихъ городахъ обширные запасы муки. По заключеніи мира, эти запасы подлежали обратной отсылкѣ въ Россію. Но послѣ переговоровъ съ сенатомъ, финляндская казна согласилась купить ихъ для нуждающихся мѣстностей. Къ сожалѣнію, мука оказалась испорченной и часть кулей были полны червей.

По возвращеніи Берга изъ поѣздки, его первыми словами были: «Дѣло обстоитъ тамъ очень скверно; не нужно, однако, безпокоить публику и говорить ей объ этомъ».

Въ августѣ 1856 года Бергъ поѣхалъ въ Москву на коронацію. Въ сопровождавшей его депутаціи отъ четырехъ сословій

находилось нѣсколько крестьянъ, но не изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ предстоялъ неурожай. Крестьяне слышали кое что о надвигавшейся голодовкѣ, но не знали ничего опредѣленнаго и потому обратились къ Бергу съ вопросомъ. Бергъ велѣлъ перевести имъ, что жатва будетъ довольно плоха, но что въ общемъ виды на урожай не возбуждаютъ опасеній.

«Я никогда не могъ уяснить себѣ вполнѣ опредѣленно, читаемъ въ воспоминаніяхъ Филиппеуса, какую политическую цѣль, въ данномъ случаѣ, преслѣдовалъ Бергъ». Въ первыхъ числахъ сентября 1856 года дальнѣйшее утаиваніе сдѣлалось прямо невозможнымъ, и правда выступила на свѣтъ во всей своей ужасающей наготѣ.

Въ первомъ номерѣ furthermore абоской газеты («Åbo Und.») за 1857 годъ говорится: «врагъ—голодъ—опять угрожаетъ нашему народу, врагъ безпощадный. Выйдемъ изъ каждаго дома, который имъ пощаженъ, и поможемъ тѣмъ братьямъ и сестрамъ, къ которымъ грозный врагъ приближается. Сдѣлаемъ такъ, чтобы, когда минетъ 1857 годъ, исторія могла начертать о народѣ Финляндіи: великую нужду побѣдила великая братская любовь» [81]).

Опасались, что бѣднѣйшему населенію опять придется смѣшивать муку съ корой въ теченіи зимы.

Уже въ началѣ года въ Улеаборгской губерніи болѣе половины населенія въ деревняхъ не имѣло своего хлѣба; въ Куопіоской губерніи—около $^2/_3$ населенія, въ Вазаской губерніи почти $^1/_4$ часть, такимъ образомъ въ этихъ трехъ губерніяхъ насчитывалось до 229,000 человѣкъ нуждающихся. Эдв. Нюландеру и Эл. Лёнроту правительство поручило въ теченіи лѣта посѣтить мѣста голодовки, съ цѣлью объясненія населенію, какъ употреблять въ подспорье олений и исландскій мохъ, вмѣсто соломы и коры.

Во многихъ мѣстахъ поля оставались незасѣянными, за несвоевременнымъ полученіемъ зерна, и потому даже въ болѣе зажиточныхъ дворахъ счастливыми считались тѣ, которые еще имѣли соленую рыбу и нѣсколько молока. Бѣднымъ приходилось употребить на убой свой скотъ, чтобъ кормиться его мясомъ. Въ Куолаярви многіе въ теченіи нѣсколькихъ недѣль принуждены были питаться исключительно соломой. Ее мелко крошили и смѣшивали съ водой въ корзинѣ изъ куска бересты; эту смѣсь подогрѣвали въ печи и затѣмъ ѣли. Послѣдствіями были тяжкія желудочныя болѣзни, водянка и еще чаще нервная горячка. Смертность чрезвычайно возросла и замѣчательно то, что болѣе сильные люди менѣе переносили болѣзни [82]).

Если правительственная помощь запаздывала въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, то причиною тому были плохія пути сообщенія на сѣверѣ. Энергія же, съ которой шли на встрѣчу бѣдѣ какъ правительство, такъ и частные жертвователи была похвальна. Большія денежныя суммы стекались со всѣхъ сторонъ. По подпискѣ въ Петербургѣ собрано было около 35.000 рублей. Генералъ-адъютантъ графъ Закревскій доставилъ въ январѣ 1857 года 6.500 рублей, собранныя имъ въ Москвѣ, по частной подпискѣ. Въ апрѣлѣ того же года онъ прислалъ еще 2.075 рублей [83]). Щедрыя пожертвованія поступали изъ Швеціи, Гамбурга, Англіи и др. странъ. Многія общины края доставили жито; русская казна продавала свои запасы муки въ краѣ по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ, а финская казна, кромѣ 54.906 рублей деньгами, выдала еще жита изъ общественныхъ запасовъ почти на 1.300.000 рублей.

Зерно для посѣва выдавалось заимообразно на выгодныхъ условіяхъ. Все показываетъ, что нужда была велика, но и «помощь какъ со стороны общества, такъ и со стороны правительства была огромная» [84]).

Подводя общій итогъ пережитому тяжелому періоду, абоская газета писала: 1857 годъ былъ временемъ испытанія для края. Онъ начался голодовкой и окончился денежнымъ кризисомъ, вызваннымъ торговымъ застоемъ, который охватилъ культурныя страны, стоявшія во главѣ промышленности и торговли [85]).

Какъ ни странно, но неурожай 1857 года имѣлъ для Финляндіи и свою хорошую сторону. «Огромное народное бѣдствіе, вызванное неурожаемъ, болѣе чѣмъ когда либо укрѣпило Берга въ его увѣренности, что первая и важнѣйшая забота правительства должна состоять въ томъ, чтобы, всѣми мыслимыми способами и въ возможно кратчайшій срокъ, поднять благосостояніе края», и онъ, со свойственной ему рѣдкой энергіей, принялся за новые планы и проекты.

Финляндскій генералъ-губернаторъ графъ Бергъ въ концѣ 1857 года препроводилъ, для доклада Государю Императору, отношеніе хозяйственнаго департамента финляндскаго сената о торговомъ балансѣ Финляндіи за неурожайный 1856 годъ. Много лѣтъ подобныя донесенія составляли «балластъ доклада». Сперва въ статсъ-секретаріатѣ, по заведенному порядку, заготовлена была о

семъ всеподданнѣйшая докладная записка, но потомъ, для приданія въ глазахъ Государя большаго значенія дѣлу, графъ Армфельтъ неожиданно внесъ его въ комитетъ по финляндскимъ дѣламъ, гдѣ это дѣло отнесли къ числу существенныхъ. Изъ донесенія сената и справки финляндскаго торговаго стряпчаго выведенъ балансъ не въ пользу Финляндіи, въ 3,766,225 рублей [86]).

Этотъ невыгодный для Финляндіи торговый балансъ можно было отчасти, по мнѣнію комитета, приписать усиленному привозу въ Финляндію разнаго хлѣба для продовольствія жителей, особенно нуждавшихся въ немъ по случаю неурожая въ сѣверныхъ губерніяхъ, но тѣмъ не менѣе комитетъ счелъ своимъ долгомъ обратить вниманіе Государя на перевѣсъ привоза товаровъ изъ Россіи надъ вывозомъ ихъ изъ Финляндіи, такъ какъ въ этомъ отношеніи нельзя было въ будущемъ предвидѣть благопріятнаго для Великаго Княжества оборота, если между финляндскими и россійскими промышленниками не будетъ существовать взаимности въ правѣ сбыта своихъ произведеній, ибо по дѣйствовавшимъ постановленіямъ о торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ Великимъ Княжествомъ допущенъ привозъ изъ Финляндіи въ Россію только опредѣленныхъ произведеній и издѣлій, а другихъ—въ ограниченномъ количествѣ, тогда какъ ввозъ изъ Россіи въ Финляндію всѣхъ вообще товаровъ, даже иностранныхъ произведеній, за исключеніемъ лишь хлѣбнаго вина, разрѣшенъ безъ всякаго ограниченія. Государь собственноручной резолюціей повелѣлъ: «Войти по этому въ сношеніе съ министромъ финансовъ» (11—23 декабря 1857 года).

Для исполненія монаршей воли, двумъ особымъ чиновникамъ, одному—отъ министерства финансовъ, а другому—со стороны финляндскаго управленія, поручено было разсмотрѣть дѣло и составить новый проектъ положенія о торговлѣ съ Финляндіею. Карлъ-Фабіанъ Лангеншельдъ, бывшій съ декабря 1857 года уже сенаторомъ и начальникомъ финансовой экспедиціи, усердно и ловко взялся за дѣло. Благодаря знанію русскаго языка, онъ вошелъ въ личныя сношенія съ министромъ финансовъ и съ вице-директоромъ департамента внѣшней торговли, д. с. с. Грасгофомъ, спеціальностью котораго являлся тарифъ. Составили новое положеніе, въ которомъ о финляндскихъ таможняхъ говорилось уже какъ о вещи рѣшенной и не касающейся Россіи, а составляющей внутреннее дѣло Финляндіи. О политическомъ значеніи этой таможенной границы не упоминалось, какъ будто бы оно не существовало. Замолчали также повелѣніе покойнаго Государя Николая о снятіи русской таможенной границы, послѣдовавшее въ 1853 году.

Надо полагать, что именно это повелѣніе показало финляндцамъ, что они не составляютъ особаго государства; оно же, по всей вѣроятности, явилось главною побудительною причиною, заставившею ихъ стремиться къ политическому отдѣленію посредствомъ таможенъ.

О проектѣ торговаго положенія затребовали отзывъ сената, который, разумѣется, на все согласился и просилъ разрѣшенія, на основаніи его, представить положеніе объ устройствѣ таможенъ и таможенной стражи (чего сенатъ добивался уже въ 1816 и 1817 гг.).

Министръ финансовъ Княжевичъ представилъ проектъ торговаго положенія въ государственный совѣтъ, и Высочайшее утвержденіе его послѣдовало 20 декабря 1858 года, а распубликованіе— въ январѣ 1859 года.

«Никому и въ голову не пришло подумать о политическомъ значеніи этой, повидимому, неважной мѣры,—писалъ русскій современникъ,—а о существованіи повелѣнія Николая I, вѣроятно, никто и не подозрѣвалъ».

Значеніе новаго мирнаго завоеванія финляндцевъ не замедлило сказаться.

Изслѣдованіе вопроса, касавшагося торговли между Россіей и Финляндіей, а также составленіе проекта новаго торговаго положенія «послужили,—по выраженію финляндскаго писателя,—источникомъ интернаціональнаго торговаго трактата» [87]).

Второе разъясненіе было обширнѣе. Изъ него явствовало, что новое положеніе, изданное въ виду необходимости «ввести большую взаимность въ торговыхъ сношеніяхъ Имперіи съ Финляндіею», увеличило число товаровъ, допущенныхъ къ привозу изъ Великаго Княжества въ Имперію безъ оплаты пошлинами и безъ свидѣтельствъ о мѣстномъ происхожденіи, а также значительно расширило предѣльныя нормы для финляндскихъ фабричныхъ издѣлій, безпошлинный ввозъ коихъ былъ разрѣшенъ лишь въ ограниченномъ количествѣ. Что касается безпошлиннаго ввоза изъ Имперіи въ Финляндію, то въ этомъ отношеніи, наоборотъ, были установлены извѣстныя ограниченія: виноградныя вина, сахаръ, патока и соль,— а согласно Высочайшему объявленію 16 февраля 1859 года, и листовой табакъ,—были обложены ввозной пошлиною.

«Относительно же новой пошлины на табакъ объясниться съ министромъ финансовъ». Такъ гласила резолюція Государя (отъ 8—20 января 1859 года). Она вновь показывала, что Монархъ желалъ связывать финляндскіе интересы съ русскими, но въ вѣдомствахъ Имперіи не было ни сознанія необходимости объединенія

окраины съ центромъ государства, ни патріотическаго воззрѣнія на тѣ дѣла, которыя проходили по департаментамъ, какъ занумерованная «бумага».

Ввозъ иностранныхъ издѣлій изъ Имперіи въ Финляндію также подвергся нѣкоторымъ стѣсненіямъ новымъ положеніемъ: извѣстные товары, перечисленные въ особой вѣдомости, подлежали вторичной пошлинѣ по финляндскому тарифу, хотя бы они были доставлены сухимъ путемъ или черезъ Ладожское озеро [88]).

Таможенный тарифъ привознымъ и отпускнымъ товарамъ былъ обнародованъ при Высочайшемъ объявленіи 30 апрѣля 1859 года. Въ 1863 году онъ былъ подвергнутъ нѣкоторымъ измѣненіямъ.

Новое торговое положеніе и таможенный тарифъ легли рѣзкимъ рубежемъ между Россіей и Финляндіей, являясь какъ бы государственной границей между сосѣдними странами. Финляндцы настолько обрадовались этому и будущимъ видамъ на развитіе своего края, что сенатъ 19—31 января 1859 года поднесъ Государю особый всеподданнѣйшій адресъ: «При неутомимыхъ Вашего Императорскаго Величества работахъ о благоденствіи многочисленныхъ народовъ, состоящихъ подъ сѣнію Вашего державнаго скипетра, Финляндія также недавно удостоилась получить новое доказательство монаршей милости и благорасположенія дарованіемъ ей въ торговыхъ сношеніяхъ съ имперіею болѣе ровныхъ правъ. Сенатъ осмѣливается выразить предъ Вашимъ Величествомъ чувства вѣрноподданнической признательности, одушевляющія и все народонаселеніе края по случаю принятія этой благодѣтельной мѣры, которая, открывая новый путь для мѣстной торговли и промышленности, не преминетъ современемъ оказать значительное вліяніе и на будущее благостояніе и развитіе Финляндіи».

При Императорѣ Николаѣ Павловичѣ гр. А. Армфельтъ не проявлялъ почти никакой иниціативы. Въ новое царствованіе, напротивъ, онъ сдѣлался весьма дѣятельнымъ.

Первою задуманною гр. А. Армфельтомъ мѣрою было возстановленіе при статсъ-секретаріатѣ прежней комиссіи финляндскихъ дѣлъ, созданной его отцомъ въ 1811 году, и стремившейся къ обособленію Финляндіи, а также къ ограниченію власти генералъ-губернатора. Но онъ очень хорошо понималъ, что вполнѣ возобновить комиссію въ прежнемъ видѣ нельзя было, ибо, состоя

изъ однихъ только финляндцевъ, она могла не заслужить довѣрія въ глазахъ русскаго правительства. Поэтому онъ полагалъ, во 1-хъ, ввести въ составъ комиссіи финляндскихъ дѣлъ, также и русскихъ членовъ, однако въ такомъ числѣ, чтобы они не могли имѣть вліянія и дабы большинство всегда находилось на сторонѣ финляндцевъ, а, во 2-хъ, онъ рѣшилъ не дѣлать ее органомъ правительственнымъ, высшею административною инстанціею, а только органомъ совѣщательнымъ и не по всѣмъ дѣламъ, а лишь по тѣмъ, которыя будутъ внесены въ нее по повелѣнію Государя. Учреждая эту комиссію, онъ желалъ оградить министра статсъ-секретаря отъ подавляющаго вліянія генералъ-губернатора. Въ теченіи своей 15-лѣтней дѣятельности на занимаемомъ посту, Армфельтъ не разъ имѣлъ случай испытать на себѣ и убѣдиться въ трудности личной борьбы съ генералъ-губернаторомъ, въ особенности если послѣдній пользуется довѣріемъ Государя и, подобно министру, имѣетъ личный докладъ и доступъ къ Государю. Генералъ-губернаторы, не имѣющіе связей, разумѣется, не опасны, но вновь могли быть назначены такіе какъ Арс. А. Закревскій или кн. А. С. Меншиковъ. Поэтому, чтобы не вступать въ личную борьбу, въ случаѣ разногласія, онъ задумалъ создать коллегію, которая служила-бы ему щитомъ противъ генералъ-губернатора. Создавалась возможность укрыться за рѣшеніемъ коллегіальнаго учрежденія.

Генералъ Бергъ сначала не соглашался на учрежденіе такой комиссіи. Онъ не безъ основанія видѣлъ въ ней умаленіе своей власти, ибо представленія сената и мнѣнія генералъ-губернатора подвергались въ ней новому обсужденію и критикѣ. Вслѣдствіе этого, мнѣніе начальника края неизбѣжно теряло свое первенствующее значеніе. Берга заставили уступить. Къ этому его побудили двумя различными средствами. Независимо отъ знаковъ особеннаго вниманія къ нему со стороны финляндцевъ, во время коронаціи, онъ, по представленію графа Армфельта, возведенъ былъ въ графское достоинство въ Финляндіи [89]).

Другое средство было непріятнаго свойства и преподносилось долго и упорно. 1 марта 1857 года Шерниваль-Валленъ записалъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Бергъ, какъ хитрый царедворецъ, легко примѣнялся ко всѣмъ требованіямъ своихъ владыкъ и ему удалось поселить въ молодомъ Монархѣ недовѣріе къ жителямъ Великаго Княжества, среди которыхъ, по его увѣреніямъ, наблюдались тенденціи скандинавизма и антипатіи къ Россіи [90]). Другихъ доказательствъ, въ подтвержденіе своихъ инсинуацій, онъ не могъ

привести, кромѣ зажигательныхъ статей «стокгольмской газеты», которая извращенно толковала распоряженія Берга и обвиняла его «въ поглощеніи» казенныхъ доходовъ въ свою пользу. «Царь,—продолжаетъ Шерваль-Валленъ,—думалъ о совѣщательномъ комитетѣ, чтобы ближе ознакомиться съ финляндской администраціей. Графъ Бергъ, захваченный врасплохъ, въ первый моментъ остановился на дурномъ средствѣ защититься противъ этого учрежденія. Онъ утверждалъ, что задуманное дѣло будетъ худо принято финляндцами. «Я не имѣю основанія предполагать этого»,—замѣтилъ Государь и приказалъ Бергу представить свои замѣчанія по проекту, который гр. Армфельту надлежало передать ему. Начался оживленный споръ между Армфельтомъ и Бергомъ. Бергъ обвинялъ Армфельта въ томъ, что онъ устроилъ для него засаду. «Финны-интриганы,—сказалъ онъ,—и комитетъ послужитъ лишь поводомъ къ новымъ интригамъ». Бергъ понялъ, что заложенная мина угрожала его «всевластію» и потому сталъ думать о средствахъ избѣжать опасности и задался безконечно труднымъ дѣломъ отыскать себѣ союзниковъ среди высшихъ сановниковъ Имперіи, которые бы поддержали его у Монарха. Но самый вліятельный изъ нихъ, кн. Горчаковъ, былъ уже предупрежденъ финляндцами и остался равнодушнымъ къ аргументу Берга. Бергъ пустилъ въ ходъ свою хитрость и лесть; но Армфельтъ противопоставилъ этому свое мужество, стойкость и открытую рѣчь, мѣстами даже дерзкую. Графъ Армфельтъ сказалъ, въ присутствіи генерала Берга, что онъ презираемъ въ Финляндіи и не пользуется никакимъ довѣріемъ. Старая лисица взяла тогда паспортъ зайца и измѣнила планъ дѣйствія. Бергъ напалъ на учрежденіе и желалъ лишить сенатъ права назначать членовъ комитета съ тѣмъ, чтобы самому избирать ихъ и, наконецъ, предложилъ, чтобы комитетъ состоялъ изъ двухъ членовъ, опредѣляемыхъ изъ высшихъ сановниковъ Россіи»...

Тѣснимый съ разныхъ сторонъ, Бергъ, идя на компромиссъ, представилъ записку о томъ, въ какомъ видѣ, по его мнѣнію, надлежало организовать комитетъ. Противъ его проекта былъ составленъ контрпроектъ и, наконецъ, выработано, хотя и не во всемъ съ нимъ согласное, положеніе о комитетѣ. Въ проектѣ графа Берга русскіе члены полагались въ равномъ числѣ. Графъ Армфельтъ, зная придирчивость финляндцевъ и не желая показать себя склоннымъ къ допущенію вліянія Россіи, умолчалъ о русскихъ членахъ и предложилъ назначать одного, по избранію самого Государя, кого онъ захочетъ, русскаго или финляндца. Но

*

всетаки выходило, что выбираетъ не самъ Государь, а представляетъ — министръ статсъ-секретарь. Графъ Бергъ настоялъ однако, чтобы Государю представлялись протоколы комитета и особыя его записки [91]).

27 марта (8 апрѣля) 1857 года учрежденъ комитетъ по финляндскимъ дѣламъ.

Комитетъ состоялъ изъ министра статсъ-секретаря, какъ предсѣдателя, и четырехъ членовъ, изъ которыхъ помощникъ статсъ-секретаря являлся обязательнымъ, остальные-же назначались на три года, такимъ образомъ, что одинъ избирался лично Его Величествомъ, а двое остальныхъ — генералъ-губернаторомъ и сенатомъ совмѣстно, преимущественно изъ членовъ сената, губернаторовъ и другихъ высшихъ чиновниковъ въ странѣ. Первыми членами комитета назначены были ст. сов. Брунéръ и баронъ Сёдеркрейцъ, а вскорѣ затѣмъ 24 апрѣля (6 мая) 1857 года изъ русскихъ, по избранію Государя, баронъ Рокасовскій, какъ уже знакомый съ финляндскими дѣлами.

Манифестъ отъ 8 апрѣля (27 марта) 1857 года о комитетѣ былъ сначала принятъ съ недовѣріемъ въ краѣ, такъ какъ опасались, что въ Петербургѣ имѣли въ виду замѣнить имъ ожидавшееся народное представительство. Истинной-же причиной его возникновенія, какъ мы видѣли, являлось желаніе министра статсъ-секретаря упрочить свое положеніе и имѣть постоянно около себя свѣдущихъ лицъ [92]).

Другой современникъ учрежденія комитета, Спельманъ, въ своихъ запискахъ («Путь къ сенаторскому креслу») говоритъ: «гр. Армфельтъ не желалъ одинъ нести на своихъ плечахъ отвѣтственности въ важныхъ вопросахъ. Да и на комитетъ тогда смотрѣлъ, какъ на противовѣсъ самовластнымъ и обыкновенно малосвѣдущимъ въ дѣлахъ генералъ-губернаторамъ» [93]).

Комитетъ былъ учрежденъ, но враждовавшія стороны не успокоились. Особенно не щадили генералъ-губернатора чины статсъ-секретаріата: баронъ Шернваль-Валленъ называлъ его «жонглеромъ», «Донъ-Кихотомъ», Мюнгаузеномъ и человѣкомъ опаснымъ у трона, такъ какъ онъ подрывалъ, по его мнѣнію, престижъ власти.

---

28 іюня 1858 года Государь съ Императрицей Маріей Александровной и августѣйшими дѣтьми, на возвратномъ пути изъ

Императоръ Александръ II на Валаамѣ
28 іюня 1858 г.

поѣздки въ сѣверныя губерніи, посѣтилъ монастыри Валаамъ и Коневецъ. Его сопровождали графъ Бергъ, Выборгскій губернаторъ генералъ-маіоръ Индреніусъ, Нюландскій—статскій совѣтникъ Антель. Для пріема приготовлены были въ старой гостинницѣ комнаты, въ число которыхъ вошли такъ-называемыя царскія кельи, гдѣ останавливался Александръ I въ 1819 году. Посѣщеніемъ обители Государь, какъ Онъ самъ выразился, исполнилъ «давнишнее желаніе». Во время завтрака Государь съ живѣйшимъ участіемъ разспрашивалъ генералъ-губернатора о положеніи Финляндіи, объ урожаѣ, народномъ бытѣ и пр.—Торжественнымъ звономъ во всѣ колокола, съ крестами, хоругвями, освященною водою и съ пѣніемъ молитвъ, настоятель съ братіею монастыря встрѣтили и проводили Высокихъ Посѣтителей. Дорога въ соборъ была усыпана цвѣтами [94]).

1859 годъ ознаменовался полувѣковымъ юбилеемъ сената и смертью выдающагося сенатора Л. ф.-Гартмана. 20 сентября (2 октября) послѣдовалъ рескриптъ на имя генералъ-губернатора съ указаніемъ на то, что дѣйствіями сената «постоянно руководила неизмѣнная любовь къ Монарху и къ отечеству, строгое усердіе при исполненіи своего долга, испытанная опытность и прозорливость при разсмотрѣніи дѣлъ»... за что сенату выражено было монаршее удовольствіе и сердечная признательность. Кромѣ того было отмѣчено совѣстливое исполненіе своихъ обязанностей гражданскими и военными чиновниками, ихъ «непоколебимая вѣрность престолу». Имъ изъявлено монаршее благоволеніе съ выраженіемъ увѣренности, что каждый сынъ Финляндіи и впредь пребудетъ непоколебимо воодушевленнымъ тѣмъ же образомъ мыслей.... и узы, уже полвѣка соединявшія Финляндію съ прочими землями, находящимися подъ Россійскимъ скипетромъ, свяжутся еще неразрывнѣе для взаимнаго благосостоянія и спокойствія [95]).

Вслѣдъ затѣмъ (28 ноября н. ст.) сенату выражено было особое довѣріе, предоставленіемъ ему разсматривать и самостоятельно рѣшать нѣкоторыя дѣла, безъ представленія ихъ Государю [96]).

Въ 1859 году умеръ сенаторъ баронъ Ларсъ Габріель фонъ-Гартманъ. Главная его дѣятельность относится къ царствованію Императора Николая I; на разсматриваемое время Императора Александра II приходится немногое: открытіе Сайменскаго канала, въ устройствѣ котораго Гартманъ принималъ горячее участіе, и горячая борьба за свою финансовую дѣятельность. Гартманъ былъ крупнѣйшимъ представителемъ бюрократическаго режима; онъ

почти единовластно распоряжался во ввѣренной ему области и потому пріобрѣлъ много враговъ, которые давно подкапывались подъ его положеніе. Они добились того, что его управленіе финансами подвергнуто было контролю и повѣркѣ. Это сильно повліяло на его самолюбивый характеръ. Онъ подалъ (въ 1858 г.) въ отставку и уѣхалъ въ свое имѣніе, гдѣ вскорѣ и умеръ, въ полной бездѣятельности, всегда пагубной для лицъ, всю жизнь проведшихъ въ неустанной работѣ.

Какъ натура властная, онъ не терпѣлъ около себя проявленія самостоятельности. Онъ мало говорилъ, стараясь кратко и опредѣленно изрекать свои повелѣнія; глаза его были обыкновенно полузакрыты и только лица, вызывавшія его раздраженіе, видѣли ихъ раскрытыми и сверкающими гнѣвомъ. Находили, что своими манерами онъ старался подражать Меттерниху. Какъ видный дѣятель своего времени, много вліявшій на таможенныя дѣла края, а денежной реализаціей 1840 года введшій порядокъ въ запутанные финансы, онъ не избѣжалъ злой критики современниковъ, которые щедро одѣляли его разными прозваніями: «Hans Förskräcklighet» (его угрюмость), Silfver-Lasse (серебряный—Лассе), Lord Raglan (лордъ шатающійся, намекъ на его походку) [97].

Въ лицѣ Л. Гартмана Финляндія потеряла одного изъ наиболѣе энергичныхъ своихъ дѣятелей, но она вознаграждена была тѣмъ, что въ это время въ ея предѣлахъ работалъ уже такой perpetuum mobile, какъ Ѳ. Ѳ. Бергъ.

29 мая (10 іюня) 1835 года (и еще ранѣе въ 1816 г.) состоялось Высочайшее повелѣніе о кодификаціи финляндскихъ законовъ, для чего въ Гельсингфорсѣ учреждена была спеціальная комиссія (Lag-Kommision), подъ предсѣдательствомъ прокурора сената Валлена, котораго обязали о ходѣ работъ докладывать второму отдѣленію собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Доклады эти шли черезъ министра статсъ-секретаря Ребиндера сперва графу М. Сперанскому, а затѣмъ его замѣстителямъ Дашкову и графу Блудову, изъ которыхъ послѣдній ѣздилъ въ Гельсингфорсъ для наблюденія за ходомъ работъ.

О системѣ изданія сихъ законовъ велись продолжительныя пререканія; но, наконецъ, въ 1858 году (въ маѣ и ноябрѣ) графъ Блудовъ представилъ Государю тома свода и собранія финляндскихъ законовъ. Работы комиссіи повелѣно было подвергнуть разсмотрѣнію финляндскихъ судебныхъ и присутственныхъ мѣстъ, съ тѣмъ, чтобы къ исходу 1861 года они прислали въ сенатъ

свои замѣчанія. Казалось, что Финляндія получитъ, наконецъ, сводъ своихъ узаконеній [98]).

Но ожиданія не оправдались. Валленъ не былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ графомъ Бергомъ и потому просилъ о своемъ освобожденіи. Валлена уволили. Графъ Блудовъ, кромѣ того сообщилъ, по мысли Валлена, планъ изданія на будущее время сборника постановленій Великаго Княжества Финляндскаго. Дѣло было доложено въ комитетѣ финляндскихъ дѣлъ, и протоколъ утвержденъ (28 января—9 февраля 1859 г.) надписью Государя: «Быть по сему».

Кодификаціонной работой русскія власти, соприкасавшіяся съ ней, имѣли въ виду установить по возможности необходимую связь между общимъ законодательствомъ Имперіи и мѣстнымъ Великаго Княжества и, кромѣ того, согласовать, поскольку будутъ благопріятствовать обстоятельства, порядокъ и формы свода финляндскихъ законовъ съ тѣми, которые приняты въ русскомъ сводѣ.

Все это не могло, конечно, входить въ планы финляндскихъ дѣятелей и потому естественно, что они противодѣйствовали русскимъ начинаніямъ, считая изданіе подобнаго собранія нарушеніемъ основныхъ законовъ Финляндіи 1772 года и 1789 года, при томъ съ 1859 г. имѣлось въ виду созваніе земскихъ чиновъ, и финляндцы питали надежду, что тогда эти законоположенія будутъ переданы на разсмотрѣніе сейма. Это отчасти и исполнилось. Принявъ во вниманіе рѣчь Государя при открытіи сейма въ 1863 году, учредили комитеты для пересмотра основныхъ законовъ и реформы высшихъ правительственныхъ учрежденій.

Припоминается маленькій эпизодъ изъ прошлаго. Въ «Перепискѣ Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ» говорится: «часть вечера провелъ у Ч., который обыкновенно разсказываетъ мнѣ (т. е. Гроту) что нибудь интересное. Такъ и нынче я услышалъ отъ него, что финляндцы благословляютъ князя Меншикова за пришедшее недавно извѣстіе, что составленіе свода финляндскихъ законовъ Высочайше повелѣно прекратить. Причины неизвѣстны» (письмо отъ 31 января 1847 г.). Своеобразная радость! Благословляли генералъ-губернатора за то, что онъ посодѣйствовалъ продленію безпорядка въ области законодательной, за то, что далъ возможность финляндцамъ остаться безъ систематическаго свода, т. е. при прежнемъ хаосѣ въ кодификаціи! Какъ это ни странно, но дѣло обстояло именно такъ. Причина ясна. По предварительно выработанному плану и выполненной затѣмъ

работѣ въ «собраніе дѣйствующихъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ (и изданныхъ до 1855 г.) постановленій» вовсе не вошли «государственные законы» Швеціи, т. е. форма правленія 1772 года и актъ соединенія и безопасности 1789 года, которые финляндцы, конечно, желали видѣть во главѣ перваго и главнаго тома, тогда какъ въ него ввели текстъ шведскаго уложенія 1734 года, а въ остальные тома—постановленія административныя, полицейскія и финансовыя. Еще въ 1846 году графъ Блудовъ доложилъ Государю, что изъ проекта первой части финляндскаго свода необходимо исключить главу, которой дано наименованіе законовъ основныхъ. Мысль объ этомъ исключеніи принадлежала предсѣдателю Валлену.

Въ 1865 году и сенатъ, и генералъ-губернаторъ коснулись стараго вопроса, прося Высочайшаго повелѣнія объ оставленіи безъ послѣдствій всѣхъ распоряженій относившихся къ своду узаконеній. Верховная власть разрѣшила сенату не приступать къ разсмотрѣнію свода финляндскихъ узаконеній впредь до новаго повелѣнія, котораго до нашихъ дней не послѣдовало.

Итакъ, многолѣтній трудъ, вопреки ожиданіямъ, сданъ въ архивъ. Финляндцы, заключилъ сенаторъ и профессоръ Пальме́нъ, «одержали побѣду, которая будетъ по достоинству оцѣнена потомствомъ» [99]).

III. Труды въ области духовной и выборная комиссія.

Въ числѣ преобразованій, начатыхъ до сейма и имѣвшихъ особенно большія послѣдствія по своему вліянію на населеніе, первое мѣсто приходится отвести реформѣ школы. Жизненныя силы народа, благодаря ей, развились и укрѣпились.

Финляндскіе дѣятели поняли и вѣрно оцѣнили слѣдующее коренное положеніе: «Только просвѣщеніе всего народа, а не отдѣльныхъ лицъ, можетъ спасти финновъ отъ поглощенія и сохранить имъ мѣсто среди націй» (Уно-Сигнеусъ). Сознаніе этой важной истины совпало съ замѣтнымъ подъемомъ роста національнаго движенія въ Финляндіи. Однородныя причины повели къ однороднымъ послѣдствіямъ какъ въ Европѣ, такъ и въ Финляндіи. Важнѣйшими своими культурными успѣхами Европа обязана національному движенію, пробудившему силы отдѣльныхъ народностей. Тоже явленіе наблюдается въ Финляндіи. Національное движеніе, начавшееся въ 20-хъ годахъ, оживило финновъ. На зарѣ пробужденія не малыя услуги оказали краю кружокъ «Mnemosine» (1819 г.), газета «Åbo-Morgonbladet» (1821 г.), гдѣ была напечатана первая программа финской партіи, и наконецъ финское литературное общество, основанное въ 1831 году. Въ это же время стала выдвигаться крупная интеллигентная личность І. В. Снельмана, который наполнилъ собою цѣлый періодъ въ культурной исторіи своей родины. Онъ тѣмъ сознательнѣе отнесся къ національному движенію, что «основу государства усматривалъ въ націи и его духѣ». По его теоріи, индивидуумъ обязанъ работать на пользу своей націи, ея самостоятельности и счастья. Въ этой борьбѣ каждой личности помогаетъ любовь къ родинѣ. Дѣятельность личности должна кромѣ того согласоваться съ духомъ націи, ея обычаями, требованіями и нуждами.

Въ письмѣ къ Сигнеусу (1840 г.) Снельманъ набросалъ программу, которой онъ самъ и его другъ затѣмъ неуклонно слѣдовали. Аксіомой для обоихъ было положеніе, что «силой Финляндія ничего сдѣлать не въ состояніи; ея единственное спасеніе въ могуществѣ образованія». Къ тому-же выводу пришелъ и финляндскій сенаторъ Гартманъ (въ 1847 г.): «Настоящая конституція Финляндіи,—говорилъ онъ,—есть образованность и нравственность ея жителей».

Въ программѣ преобразованій, оглашенной лично Государемъ въ сенатѣ (24 марта 1856 г.), значилось также желаніе правительства «облегчить сельскимъ обществамъ организацію начальныхъ школъ для народа». Съ этого момента началась новая эра въ дѣлѣ народнаго образованія Финляндіи. Сенатъ обратился съ запросомъ къ духовному капитулу, который узко и формально отнесся къ предстоящей задачѣ. Тѣмъ не менѣе проектъ капитула былъ разосланъ по всей странѣ, для отзыва желающихъ высказать свои мнѣнія по дѣлу. 20 лицъ прислали свои заявленія, а другіе предпочли высказаться въ печати. Нашелся также обскурантъ, доказывавшій, что народныя школы приведутъ общество на край пропасти, и что мужику достаточно знать одну библію, которая «есть его географія и исторія». «Учить мужика большему—вздоръ» [100]). Отдѣльныя общества и нѣкоторые факультеты университета не остались безучастными къ вопросу, представлявшему особую важность для всего народа. Каждый изъ нихъ дѣйствовалъ въ своей сферѣ. Финское сельско-хозяйственное общество (въ 1856 г.) выдало даже премію А. Мёрману за отвѣтъ на тему «о наиболѣе цѣлесообразной организаціи сельскихъ школъ въ Финляндіи».

Но лучшій отвѣтъ по очередному вопросу принадлежалъ Уно Сигнеусу, который затѣмъ и явился творцомъ финской народной школы.

Уже въ первоначальной программѣ Сигнеуса видны основныя черты его народношкольной системы. Въ первыхъ-же его словахъ слышалось твердое убѣжденіе и непоколебимая послѣдовательность. Въ его проектахъ рядомъ съ идеалистическимъ всегда слѣдуетъ реальное пониманіе существа вопроса. Въ Сигнеусѣ (1857 г.) сразу оказался столько-же послѣдователь Песталоцци, сколько и другъ родины. Какъ истый педагогъ и послѣдователь Песталоцци, онъ ставилъ школьную систему на широкую соціальную основу, понимая необходимость для народа общаго гражданскаго образованія [101]).

Уно Сигнеусъ родился въ Тавастгусѣ въ 1810 году. Окончилъ курсъ въ Абоскомъ университетѣ, готовясь быть врачемъ, но по измѣнившимся обстоятельствамъ сдѣлался пасторомъ. Пасторомъ онъ провелъ пять лѣтъ въ русской Америкѣ на островѣ Ситкѣ, а затѣмъ состоялъ довѣреннымъ въ финскомъ приходѣ св. Маріи въ Петербургѣ, гдѣ, благодаря нѣмецкимъ педагогамъ, ознакомился съ воспитательною системою Песталоцци—Фребеля, а затѣмъ учредилъ школу для рабочихъ, въ которой занимался около 10 лѣтъ обученіемъ дѣтей, въ качествѣ инспектора финской приходской школы [102]). Такимъ образомъ онъ получилъ многостороннюю подготовку для своей главной дѣятельности, а самъ обладалъ стойкой силой воли, идеальнымъ складомъ мыслей и способностью схватывать всѣ стороны дѣла [103]).

На призывъ сената онъ горячо откликнулся особой запиской по вопросу о школьной реформѣ. По его мнѣнію, цѣль народной школы должна заключаться въ томъ, чтобы, путемъ распространенія истинной грамотности, дать простолюдину общее образованіе, составлявшее ранѣе привилегію высшихъ классовъ. Задалбливаніе катехизиса признавалъ вреднымъ и «влекущимъ за собой нерѣдко равнодушіе къ религіозному чтенію вообще»... Лютеръ, по его мнѣнію, написалъ катехизисъ не для дѣтей. Сигнеусъ указалъ также на необходимость устроить учительскую семинарію, а при ней нормальную школу. Физическое воспитаніе онъ находилъ особенно нужнымъ для «неуклюжаго и вялаго» финна. Образованію дѣвочекъ придавалъ едва-ли не болѣе значенія, чѣмъ образованію мальчиковъ. «Когда наша страна получитъ, наконецъ, цѣлесообразно организованную народную школу, звѣзда надежды снова покажется изъ-за грозныхъ облаковъ»,—писалъ онъ своему другу. «Крайнее напряженіе умственныхъ силъ, упорная работа и борьба въ духовной области, вотъ что является необходимымъ условіемъ для существованія финскаго народа». Записка Сигнеуса имѣла большой успѣхъ и пріобрѣла сторонниковъ [104]).

19 апрѣля 1858 года послѣдовало Высочайшее объявленіе «объ основаніяхъ устройства народнаго образованія въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ». Этимъ закономъ намѣчалось повсемѣстное учрежденіе постоянныхъ школъ, въ которыя имѣлось въ виду принимать дѣтей, уже умѣющихъ читать. Народныя школы предполагалось подчинить свѣтской инспекціи. Слѣдовательно, уже въ 1858 году въ принципѣ рѣшено было отдѣленіе народной школы отъ церкви.

Для ознакомленія съ европейскимъ школьнымъ дѣломъ, Сигнеусъ признавалъ необходимымъ командированіе за границу подходящаго лица, такъ какъ въ Финляндіи онъ не зналъ «ни одного настоящаго педагога». Правительство избрало для этой цѣли самого Сигнеуса. Но раньше онъ выразилъ желаніе изучить народное образованіе на родинѣ. Во время объѣзда края, онъ убѣдился, что читать умѣютъ, но чтеніе механическое. Грамотность, въ смыслѣ умѣнья читать, усвоена финскимъ народомъ 300 лѣтъ тому назадъ, благодаря реформаціи. Религіозное образованіе финновъ не шло далѣе затверживанія катехизиса.

Заграничное путешествіе Сигнеусъ началъ со Швеціи, гдѣ школа находилась тогда далеко не въ блестящемъ положеніи, почему обзоръ ихъ принесъ одну «отрицательную пользу» [105]). Лучше дѣло обстояло въ Даніи, гдѣ учреждены были и хорошій контроль, и хорошія учительскія семинаріи. Въ Германіи Сигнеусъ познакомился съ Дистервегомъ и оцѣнилъ методику германскихъ школъ. Окончательно увлекла Сигнеуса родина Песталоцци. Тамъ онъ нашелъ лучшіе нужные ему образцы. Веттенгенская семинарія въ Аргау явилась прототипомъ финляндскихъ семинарій. Школы Швейцаріи пользовались тогда всесвѣтною извѣстностью и Сигнеусъ остался подъ ихъ обаяніемъ. «Проектъ школьнаго закона, составленный затѣмъ Сигнеусомъ, носилъ отпечатокъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ Швейцаріи». По общему своему характеру и направленію финская школа организовалась потомъ въ духѣ Песталоцци, который заботился не столько о количествѣ пройденнаго, сколько о развитіи самостоятельности [106]).

Свой отчетъ о поѣздкѣ Сигнеусъ представилъ въ концѣ 1859 года. Отчетъ опубликовали во всеобщее свѣдѣніе.

Въ началѣ 1860 года Сигнеуса назначили главнымъ инспекторомъ будущихъ сельскихъ школъ и директоромъ проектированной имъ первой финской семинаріи [107]). Во главѣ финской народной школы онъ пробылъ затѣмъ болѣе двадцати лѣтъ. Такимъ образомъ Сигнеусу дали возможность провести въ жизнь тѣ идеалы, которые онъ излагалъ въ запискѣ и отчетѣ.

Свой разработанный проектъ школьной организаціи Сигнеусъ представилъ въ 1860 году. Онъ сопровождался вновь нѣкоторыми общими разсужденіями. «Если хотятъ, чтобы благосостояніе народа дѣйствительно улучшилось, слѣдуетъ добиться «всеобщаго обученія», утверждалъ онъ. «Какъ ни велика на дѣлѣ бѣдность финскаго народа, она не должна пугать насъ; напротивъ того: именно благодаря ей, намъ нужно направить всѣ наши

усилія къ тому, чтобы устроить хорошія народныя школы. Эти школы послужатъ тѣмъ могучимъ рычагомъ, который выведетъ насъ изъ бѣдственнаго положенія. Надо сознаться, что въ числѣ причинъ нашей бѣдности важнѣйшія: невѣжество, косность, непредпріимчивость, неумѣніе справиться съ временемъ.... Можно сказать съ увѣренностію, что нѣтъ расхода болѣе производительнаго, чѣмъ тотъ, который употребляется на народныя школы»... [108]).

Въ основу строя народной школы, по мысли Сигнеуса, легли слѣдующія положенія. Успѣшное развитіе школы зависитъ прежде всего отъ личности учителей, затѣмъ отъ тщательнаго контроля лицъ знающихъ и проникнутыхъ живымъ интересомъ къ ней. На народную школу надо смотрѣть, какъ на основную школу всего общества. Такъ какъ семейный очагъ—колыбель истинной нравственности, то просвѣщенію и воспитанію подрастающаго женскаго населенія Сигнеусъ отводилъ также первенствующее мѣсто. Школа должна была кромѣ того пріучать ученика прилагать свои познанія къ собственному труду.

Проектъ Сигнеуса, въ виду его важности, подвергли суду общественнаго мнѣнія. Затѣмъ, подъ предсѣдательствомъ сенатора Грипенберга, извѣстнаго своимъ либеральнымъ образомъ мыслей, учредили комиссію, которая не раздѣлила всѣхъ воззрѣній Сигнеуса. Извѣстному педагогу не удалось, напримѣръ, сразу осуществить введенія въ школахъ ручного труда (слёйдъ). Но вообще чрезъ горнило строжайшей критики Сигнеусъ побѣдоносно провелъ главнѣйшія свои положенія. По вопросу же о подчиненіи школы свѣтской власти онъ былъ поддержанъ учительскимъ съѣздомъ 1860 года, который добивался учрежденія независимаго отъ церкви школьнаго управленія [109]). Проектъ школьнаго устава, составленный комиссіей и редактированный лекторомъ Клеве, представили въ сенатъ. (1862 г.). Но этимъ не ограничились; все дѣло еще разъ передали на обсужденіе общества и ждали критическихъ отзывовъ въ теченіи двухъ лѣтъ. Проектъ, пройдя всѣ перечисленныя инстанціи, былъ утвержденъ Высочайшею властью въ маѣ 1866 года [110]).

Въ главныхъ своихъ основаніяхъ постановленіе 1866 года остается дѣйствующимъ до нашихъ дней. Новый законъ передалъ все школьное дѣло изъ рукъ духовенства въ руки гражданскихъ властей. Начиная съ среднихъ вѣковъ, церковь въ Финляндіи завѣдывала школами. Эта прерогатива сохранялась за духовенствомъ и послѣ реформаціи. Но теперь общественное мнѣніе по-

требовало измѣненія стараго порядка и духовенству оставили только наблюденіе за преподаваніемъ Закона Божія.

Сеймъ ничего не возразилъ противъ отдѣленія школы отъ церкви и усмотрѣлъ, что представленное комитетомъ «дѣльное и просвѣщенное» предложеніе составитъ прочное основаніе для устройства учебнаго учрежденія [111]).

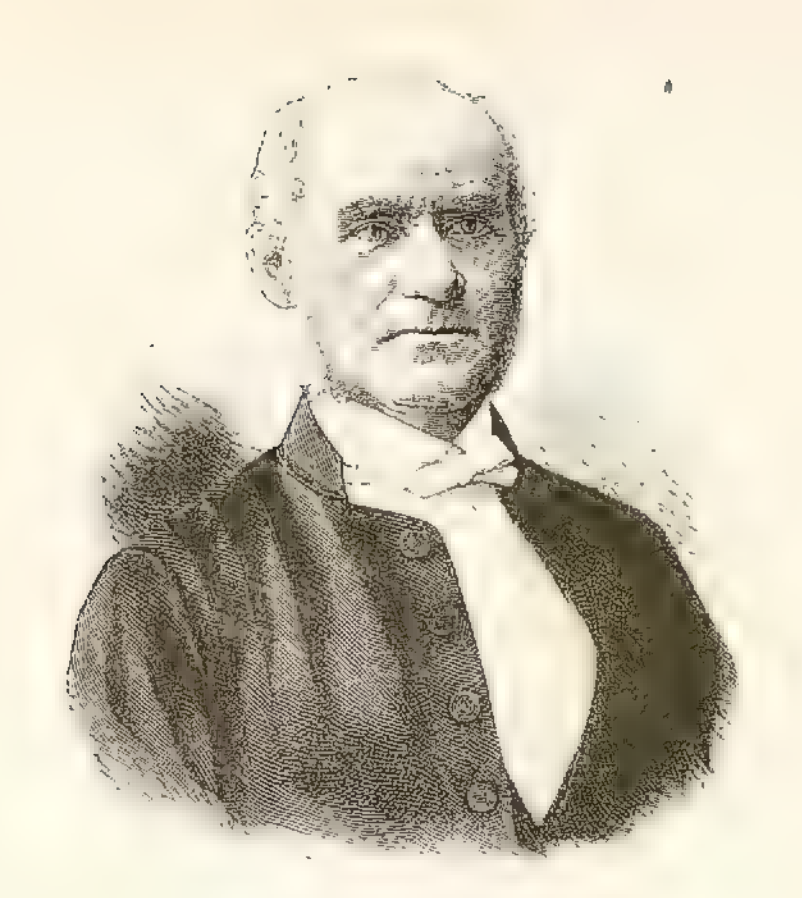
Города по закону 1866 года обязывались устроить такое количество народныхъ школъ, чтобъ дѣти отъ 8 до 11 лѣтняго возраста могли получить въ нихъ образованіе. Городскія школы дѣлились на низшія и высшія; въ первыхъ обученіе для мальчиковъ и дѣвочекъ велось совмѣстно. Сельскія общины не были связаны подобнымъ обязательствомъ; онѣ устраивали, по мѣрѣ своихъ средствъ, постоянныя и передвижныя школы. Послѣдній типъ школы вызванъ былъ разбросанностію населенія края.

Первая семинарія въ Ювяскюля (на сѣверномъ берегу озера Пейяне), въ центрѣ Финляндіи, создана была почти на личныя средства «отца финской школы» Уно Сигнеуса. Ее открыли предварительно въ 1863 году, а окончательно въ 1866 году. Это учрежденіе привлекало особое вниманіе Сигнеуса, потому что центральнымъ пунктомъ всей его школьной организаціи являлся принципъ: «каковъ учитель, такова и школа» [112]). Языкомъ преподаванія въ семинаріи былъ финскій. Съ тѣхъ поръ онъ успѣшно проложилъ себѣ путь въ области образованія.

Умеръ Сигнеусъ въ 1888 году, заслуживъ общую симпатію и большое уваженіе въ краѣ. Учительскій персоналъ народныхъ школъ воздвигъ памятникъ надъ его могилой.

Значительную услугу дѣлу народнаго образованія оказалъ также сенаторъ Г. В. Фуругельмъ, состоя начальникомъ духовной экспедиціи сената, которой подвѣдомственна была учебная часть Финляндіи [113]).

Школьная реформа совпала съ политическимъ возрожденіемъ Финляндіи. Народъ, призванный къ участію въ общественныхъ дѣлахъ, не могъ оставаться невѣжественнымъ. Сама жизнь выдвинула такимъ образомъ и поддержала вопросъ о народномъ образованіи и система Сигнеуса дала при этомъ блестящіе результаты. Но помимо того, Сигнеуса создали предъидущія стремленія финляндцевъ и онъ явился лишь лучшимъ выразителемъ назрѣвавшихъ ихъ желаній. «Въ первые годы XIX столѣтія,—пишетъ историкъ школьнаго вопроса Г. Лёнбекъ,—начали уже проявляться и первые зачатки движенія, подготовившаго почву, на которой создались въ Финляндіи нынѣшнія народныя школы. Отъ вре-



Uno Cygnaeus

Уно Сигнеусъ.

Фр. Л. Шауманъ.

мени до времени стали раздаваться голоса о необходимости принять во вниманіе взгляды филантропистовъ на образованіе и воспитаніе, сообразоваться съ воззрѣніями Песталоцци, открывшими новую эпоху въ педагогіи, и примѣнить мысли Белля и Ланкастера о массовомъ обученіи. Уже въ сороковыхъ годахъ въ финляндскихъ газетахъ категорически заявлялось о желательности учрежденія постоянныхъ народныхъ школъ.

Въ учебномъ году 1865—1866 существовало только 20 школъ въ сельскихъ общинахъ, тогда какъ въ городахъ не имѣлось ни одной народной школы [114]). Въ первый пятилѣтній періодъ (1866—1871) открыто было 93 школы (мѣшали голода 1867—1868 г.г.). Съ 1872 года по 1902 годъ число сельскихъ школъ возросло до 1032.

Школьная реформа проводилась при генералъ-губернаторѣ Бергѣ. Мнѣнія относительно участія его въ этомъ важномъ вопросѣ рѣзко расходятся: одни склонны видѣть въ немъ главнаго двигателя всего дѣла, а другіе изображаютъ его первымъ тормазомъ проектовъ Сигнеуса.

За нѣсколько дней до своей смерти, Уно Сигнеусъ высказался, что вопросъ о народныхъ школахъ потому такъ быстро подвинулся впередъ, что Бергъ принялъ на себя это дѣло. Первое основаніе положено было на засѣданіи у него, въ присутствіи Виктора Фуругельма. Впослѣдствіи, когда Бергъ уже оставилъ Финлядію, онъ спросилъ одного путешествовавшаго финна, какъ идутъ дѣла Уно Сигнеуса, и получилъ въ отвѣтъ, что они идутъ хорошо. «Этого я никогда не ожидалъ», отвѣтилъ графъ Бергъ, намекая на то, что финны, по его мнѣнію, никогда не достигнутъ высшей цивилизаціи [115]).

Эліасъ Фуругельмъ рисуетъ графа Берга въ иномъ освѣщеніи. По его словамъ, графъ Бергъ, видимо, остался недоволенъ сенатомъ, избравшимъ для заграничной поѣздки Сигнеуса и потому задерживалъ представленіе всего проекта. Чтобы дѣло не остановилось, Викторъ Фуругельмъ, поддерживавшій Сигнеуса, взялся за перо и въ частныхъ письмахъ къ барону Шернваль-Валлену и графу Армфельту просилъ ихъ содѣйствія [116]). Нельзя не отмѣтить, что весь вообще очеркъ Эліаса Фуругельма дышетъ нескрываемымъ озлобленіемъ къ личности и дѣятельности Берга, лишающимъ эту работу цѣнности историческаго матеріала.

«Къ концу пребыванія Берга въ краѣ, когда непопулярность графа достигла своего апогея и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дошло до крайнихъ предѣловъ его раздраженіе противъ мѣстнаго населенія, не сумѣвшаго, какъ онъ полагалъ, оцѣнить его дѣятельности, Бергъ

пересталъ быть осторожнымъ въ выраженіи своихъ мыслей. Онъ яко-бы презрительно отзывался о финляндцахъ и говорилъ, что у нихъ нѣтъ никакой будущности. Относительно-же народныхъ школъ, какъ утверждаетъ проф. Т. Рейнъ, графу приписываютъ рѣзкую фразу: «Es ist nichts als lauter Jucks, diese Race hat doch keine Zukunft» [117]).

Вопросъ объ отношеніи графа Берга къ дѣлу образованія, видимо, занималъ финляндскихъ писателей и они отмѣчали тѣ его заявленія, которыя считали характерными, для опредѣленія воззрѣній нелюбимаго имъ администратора.

Утверждаютъ что графъ Бергъ, порицая газету «Hels. Tidningar» и ея редактора Топеліуса за многія статьи, разсказалъ, что однажды, когда онъ, графъ, посѣтилъ Дерптскій университетъ, къ нему явились всѣ профессора и онъ имъ сказалъ: «40 лѣтъ тому назадъ я оставилъ этотъ университетъ, и уже тогда я сознавалъ, что все, чему я учился въ школѣ, въ гимназіи и университетѣ—одинъ вздоръ! Нѣтъ, господа, все чему до сихъ поръ учили, ни къ чему не годится: Вы должны учить молодежь тому, что ей необходимо знать! Это я и вамъ говорю, профессоръ Топеліусъ, и всѣмъ учителямъ университета. Ваше прежнее преподаваніе никуда не годно, вы должны обучать молодежь тому, что ей слѣдуетъ знать» [118]).

Генералъ-губернаторъ Бергъ очень много содѣйствовалъ финскому языку, въ дѣлѣ постановки его въ равныя условія съ языкомъ шведовъ. Въ мартѣ 1856 года Государь находился въ Гельсингфорсѣ. Бергъ подалъ особую записку, въ которой писалъ: «Пользуясь высокимъ посѣщеніемъ Вашего Императорскаго Величества, коего удостоилась теперь Финляндія, я считаю долгомъ моимъ всеподданнѣйше повергнуть на высочайшее воззрѣніе нѣкоторыя мѣры, которыя желательно было бы ввести въ краѣ, въ видахъ общей пользы и выгодъ здѣшняго народонаселенія.

Обывателямъ предоставлено, по взаимному соглашенію на сходкахъ, опредѣлять на свой счетъ въ каждомъ уѣздѣ и приходѣ переводчиковъ финскаго языка для переводовъ всѣхъ опредѣленій правительства за умѣренную плату. Для облегченія какъ финскаго народонаселенія, такъ и мѣстныхъ властей въ своихъ дѣйствіяхъ, Бергъ просилъ Государя ассигновать на каждую губернію извѣстную сумму на содержаніе переводчиковъ.

Для доставленія-же сельскому классу народонаселенія Финляндіи доступнаго и полезнаго для него чтенія, въ духѣ правительства, необходимо было-бы, по мнѣнію Берга, учредить на счетъ казны финскую газету, которая, не касаясь политическихъ извѣстій, заключала-бы въ себѣ объявленіе внутреннихъ распоряженій правительства и статьи религіознаго и нравственнаго содержанія, а также относящіяся до сельскаго хозяйства». Государь надписалъ: «Исполнить» (11—23 марта 1856 г. въ Гельсингфорсѣ).

Въ подобныхъ дѣйствіяхъ Берга финскій писатель [119]) видитъ заднія мысли и политическіе ходы. Содѣйствіе финскому языку должно было ослабить шведское вліяніе въ краѣ; учрежденіемъ казенной финской газеты, Бергъ хотѣлъ яко-бы подорвать значеніе финскаго изданія «Suometar», не сумѣвшаго приспособиться къ правительственнымъ взглядамъ, и засѣвшихъ въ ея редакціи финноманами, которые всѣ воспитывались въ университетѣ, не могущемъ похвалиться благонадежнымъ направленіемъ.

«Въ статьѣ о графѣ Бергѣ Снельманъ говоритъ, что участіе графа въ судьбѣ финскаго языка было участіемъ «просвѣщеннаго человѣка». Можетъ быть это и такъ, прибавляетъ Т. Рейнъ, но, во всякомъ случаѣ, едва-ли мы особенно ошибемся, если скажемъ. что во всемъ этомъ дѣлѣ Бергъ прежде всего руководился интересами общегосударственной политики, съ точки зрѣнія которой было выгодно ослаблять шведское вліяніе въ краѣ, поощряя развитіе финскаго элемента. Такое предположеніе подтверждается содержаніемъ письма, адресованнаго ген.-адъют. Бергомъ графу Армфельту и отправленнаго по назначенію 14 апрѣля 1856 года. Высказавъ свое полное удовольствіе по поводу строгой критики, произнесенной Снельманомъ по адресу шведскихъ корреспонденцій и газетныхъ статей о Финляндіи, графъ Бергъ продолжаетъ: «что-же касается той будущности, которую предсказываетъ финскому народу г. Снельманъ, то, говоря между нами, я плохо вѣрю въ его пророчество. Мнѣ кажется, что это племя вовсе не предназначено играть какую нибудь роль среди цивилизованныхъ народовъ Европы. Но оно должно намъ послужить средствомъ для окончательнаго освобожденія Финляндіи изъ подъ вліянія Швеціи. И къ этому мы прежде всего должны стремиться. Финскому народу слѣдуетъ дать хорошее религіозно-нравственное воспитаніе и сельскохозяйственное образованіе; далѣе, можно покровительствовать его народной поэзіи, а вообще надлежитъ выяснить финнамъ, что наше управленіе лучше и выгоднѣе шведскаго. Что-же касается прочихъ финноманскихъ мечтаній,

выходящихъ за предѣлы начертанныхъ мною здѣсь рамокъ, то все это производитъ на меня впечатлѣніе мыльныхъ пузырей» [120]).

Новую официальную газету—«Финляндскія Официальныя Вѣдомости» (Suomen Julkisia Sanomia) редактировалъ (въ 1857 г.) пасторъ К. Шредеръ. Благодаря содѣйствію духовенства и ленсмановъ, эта газета пріобрѣла 3000 подписчиковъ. Но на слѣдующій же годъ число ихъ понизилось до 600.—Тутъ, вѣроятно, сказалось вліяніе стокгольмской печати (Finska förhållanden), которая старалась бросить тѣнь на затѣю правительства.

Въ 1858 г. указано было вести приходскіе протоколы (socknestämmo—protokoll) на финскомъ языкѣ въ тѣхъ приходахъ, гдѣ богослуженіе велось на этомъ-же языкѣ [121]).

Тогда-же университетъ получилъ позволеніе употреблять финскій языкъ на академическихъ диспутахъ.

Въ 1860 году на финскомъ языкѣ сталъ выходить сборникъ постановленій Вел. Кн. Финляндскаго, который ранѣе печатался на шведскомъ и русскомъ языкахъ. Благодаря содѣйствію русскаго генералъ-губернатора Финское Литературное Общество получило возможность издать на финскомъ языкѣ Общее Уложеніе 1734 года. Вскорѣ послѣ того рѣшено было выпустить также на финскомъ языкѣ популярный и краткій сборникъ дѣйствующихъ въ Финляндіи законоположеній (2—14 августа 1861 г.).

Въ началѣ 1860 года послѣдовало ходатайство разрѣшить печатаніе на финскомъ языкѣ, кромѣ книгъ религіознаго и хозяйственнаго содержанія, словарей, грамматикъ, нравоучительныхъ сочиненій, регламентовъ, учебныхъ книгъ по части естественныхъ наукъ, географіи, математики и тому под., но съ подчиненіемъ ихъ въ цензурномъ отношеніи «непосредственному надзору генералъ-губернатора, которому надлежало давать въ каждомъ случаѣ особое къ напечатанію разрѣшеніе». Высочайшее соизволеніе на это относится къ 26 января (7 февраля) 1860 года.

Весьма вѣроятно, пишетъ проф. Т. Рейнъ, что въ принятіи всѣхъ подобныхъ выгодныхъ для финской части населенія мѣръ, слѣдуетъ видѣть результатъ прямого или косвеннаго вліянія Снельмана на графа Берга. По крайней мѣрѣ не подлежитъ сомнѣнію, что «Литературный Листокъ» усиленно работалъ въ указанномъ духѣ, а этотъ органъ печати графъ Бергъ постоянно считалъ наиболѣе достойнымъ своего вниманія.

Очень также вѣроятно, что съ другой стороны финнофильское направленіе графа Берга создало ему немало враговъ среди высшаго шведскаго чиновничества.

Не смотря на большую услугу, оказанную графомъ Бергомъ финноманамъ, они оставались къ нему холодными и равнодушными. Причину этого мѣстные изслѣдователи видятъ въ той цензурной опекѣ, которою онъ тяжело ложился на финскіе органы печати [122]).

Непосредственно послѣ войны особенной жизненности въ печати не замѣчается. Тѣмъ не менѣе Гельсингфорсъ настолько разросся, что чувствовалась потребность, помимо офиціальной газеты, въ частныхъ изданіяхъ. Представителями шведской повременной печати являлись «Finl. Allmänna Tidning», «Helsingfors Tidningar», «Litteraturbladet», «Åbo bladen» и «Åbo Tidningar», «Åbo Underrättelser» и «Wiborg» [123]).

Въ теченіе 1857 года, когда нападки въ стокгольмскихъ газетахъ были наиболѣе часты и озлоблены, генералъ-адъютантъ Бергъ особенно былъ озабоченъ положеніемъ печати и потому въ мартѣ сдѣлалъ слѣдующее представленіе. «Съ нѣкотораго времени и въ особенности съ начала послѣдней войны Финляндія обращаетъ на себя особенное вниманіе запада. Ея политическое значеніе и стремленіе ея къ развитію внутреннихъ силъ своихъ какъ въ умственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи сдѣлались предметомъ толковъ и преній всемірной журнальной полемики. Къ сожалѣнію, журналы западной Европы почерпаютъ свѣдѣнія свои и сужденія о Финляндіи почти исключительно изъ шведскихъ журналовъ, которые, пользуясь своимъ положеніемъ, съ особеннымъ искусствомъ и имѣя въ виду тонкій политическій разсчетъ, стараются изображать нынѣшнее состояніе этой страны и выставлять всѣ мѣры правительства къ упроченію ея благосостоянія въ совершенно ложномъ свѣтѣ.

«Желая противодѣйствовать недоброжелательству и непріязненному вліянію шведскихъ журналовъ и доставить всѣмъ приверженцамъ истины случай познакомиться съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, нѣкоторыя лица рѣшились учредить въ Гельсингфорсѣ газету на нѣмецкомъ языкѣ, цѣль изданія коей будетъ состоять въ безпристрастномъ изображеніи нынѣшняго состоянія Финляндіи и въ изложеніи благихъ въ отношеніи къ ней намѣреній правительства, чѣмъ лучше всего получатъ опроверженіе тѣ ложныя извѣстія и превратныя сужденія, кои съ неслыханнымъ безстыдствомъ и неистощимымъ ожесточеніемъ почти еже-

дневно обнародываются и произносятся нѣкоторыми шведскими журналами». Государь повелѣлъ затребовать отъ него болѣе подробныхъ соображеній, но тѣмъ не менѣе дальнѣйшихъ послѣдствій планъ Берга не имѣлъ.

Вообще-же Бергъ не придавалъ особаго значенія печати, какъ орудію, пригодному для цѣлей правительства, и съ редакторами обходился иногда весьма рѣзко. Редакторъ Paul Tikkanen (газеты Suometar), въ письмѣ отъ 25 ноября 1856 года, между прочимъ, разсказываетъ: «Бергъ угрожалъ мнѣ запрещеніемъ «Suometar'a», если въ ней будутъ помѣщаться статьи, касающіяся страны. И сколько его не убѣждалъ, что всегда старался лояльно поддерживать правительство, ничто не помагало: онъ отправажнвалъ со словами: «Die Regierung ist zu hoch, von Suometar unterstützt zu werden».

Во время Восточной войны всѣмъ желательно было узнавать новости съ театра военныхъ дѣйствій, но вначалѣ запрещено было писать объ этихъ событіяхъ. По прошествіи нѣкотораго времени позволено было сообщать офиціальныя донесенія, а къ концу войны запрещеніе оставалось лишь на бумагѣ. Чтобы дать всей печати желательное для графа Берга направленіе, онъ разослалъ губернаторамъ обширный (въ 29 пунктовъ) секретный циркуляръ, который предъявленъ былъ цензорамъ и редакторамъ для исполненія. Циркуляръ сводился къ ряду воспрещеній. Нельзя было сообщать ни полицейскихъ извѣстій, ни свѣдѣній о несчастныхъ происшествіяхъ. Лошадь подъ сѣдокомъ пала, когда онъ вскачь спускался съ горы въ Гельсингфорсѣ; маленькая дѣвочка упала въ рѣку Улео и утонула; хозяинъ геймата въ сѣверной Финляндіи внезапно умеръ на большой дорогѣ; такая то дорога находится въ неисправности; сторожъ при соборной киркѣ въ Або небреженъ; на конной ярмаркѣ буйствовали—и другія подобныя извѣстія воспрещались къ оглашенію въ печати, такъ какъ они могли вызвать безпокойство въ обществѣ. Нельзя было распространяться о холерѣ, которая въ то время свирѣпствовала въ южной Финляндіи; въ газетахъ о ней сообщались лишь офиціальныя свѣдѣнія. Когда, наконецъ, дозволено было полиціи сообщать свѣдѣнія о холерѣ, то исключеніе составили случаи заболѣваній въ войскѣ. Въ 1856—1857 годахъ въ Финляндіи былъ голодъ. Бергъ не любилъ, чтобы газеты распространялись на эту тему. Воспрещалось печатаніе заграничныхъ извѣстій, въ родѣ покушенія на жизнь Наполеона III, увѣдомленія о слабомъ здоровьѣ прусскаго короля и т. п. Въ помѣщенномъ въ газетѣ «Morgonbladet» раз-

сказѣ Жоржъ Зандъ вычеркнули восклицаніе «свобода, свобода!». Одно время нельзя было упоминать объ основныхъ законахъ края и о сеймѣ [124]). Въ 1859 году, напримѣръ, когда вспыхнула итальянская война и во главѣ національно освободительнаго направленія стали Кавуръ и Гарибальди, гр. Бергъ строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы газеты Финляндіи не сообщали народу такихъ свѣдѣній, которыя могли бы пошатнуть уваженіе къ принципамъ народности и порядка.

Не смотря на всю цензорскую бдительность, вылазки печати разнаго рода не прекращались и здѣсь, и тамъ временами пытались провести литературную контрабанду. Въ видѣ иллюстраціи приведемъ маленькій примѣръ: Въ концѣ 1861 года появилась 2-я книжка сочиненія доктора Лагуса «Juridiskt Album». При разборѣ ея редакторъ газеты «Borgåbladet» (№ 43) дерзнулъ написать: «Мы видимъ, какъ система абсолютнаго правленія ограждала себя, препятствуя праву свободнаго слова. Абсолютивное правленіе имѣетъ единственную опору въ матеріальной силѣ своей, но она обусловливается развитіемъ народнаго благосостоянія, чему замѣчательнымъ образомъ препятствуетъ ограниченіе книгопечатанія. . . . . . Цензура дѣйствительно можетъ помѣшать мнѣ напечатать въ Финляндіи воспрещенное, но мнѣ всегда остается средство печатать оное въ Швеціи и такимъ образомъ дѣлать свои мысли извѣстными въ отечествѣ. . . . . . Многимъ изъ нашихъ читателей, вѣроятно, извѣстно, какъ отставной военный Лундъ, въ Швеціи, дѣйствовалъ во время царствованія Густава III. Онъ нѣсколько разъ сильно нападалъ на самого короля, заимствуя слова Тацита объ Августѣ и притворяясь будто-бы говоритъ о немъ, но каждый понималъ, куда онъ мѣтилъ. Густавъ пришелъ въ изступленіе, но что было дѣлать?». Статья «Borgåbladet» не прошла незамѣченной. О ней довели до свѣдѣнія Монарха. Резолюція Государя гласила: «Желаю знать мнѣніе комитета, какъ поступить съ цензоромъ, пропустившимъ сію статью, и съ ея сочинителемъ». (Въ Царскомъ Селѣ, 31 октября—12 ноября 1861 г.).

Еще примѣръ газетной выходки. Въ Helsingfors Dagbladet (1865, № 246) была помѣщена статья Engelbrekt Engelbrektson, въ которой авторъ разсказами прежнихъ временъ старался усилить расположеніе къ Швеціи. Авторъ находилъ, что иногда нарушеніе присяги вызывается необходимостію [125]).

«Графъ Бергъ не переносилъ никакой критики и потому газеты служили для него бѣльмомъ на глазу. Въ 1857 году поя-

вилось постановленіе, по которому цензура и наблюденіе за періодическими изданіями перешли къ генералъ-губернатору, какъ высшему оберъ-цензору. Этой властью графъ Бергъ воспользовался безпощаднымъ образомъ», писалъ историкъ Шюбергсонъ. И тѣмъ не менѣе цензура при графѣ была вообще снисходительнѣе, чѣмъ при князѣ А. С. Меншиковѣ. Графъ Бергъ не безъ основанія писалъ графу Армфельту, что «въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ мы даемъ возможность публикѣ знакомиться со всѣмъ тѣмъ, что можетъ служить къ ея просвѣщенію». Самъ графъ смотрѣлъ поэтому на себя, какъ на «наилиберальнѣйшаго человѣка въ Финляндіи».

Законъ 23 марта 1857 года о цензурѣ весьма лаконичень: «надзоръ надъ газетами и періодическими изданіями возлагается впредь на генералъ-губернатора». Таково зерно новаго «объявленія». О книгахъ въ немъ не говорилось, да и не встрѣчалось надобности, такъ какъ Государь нѣсколько лѣтъ ранѣе разрѣшилъ поставить финское книгопечатаніе подъ цензуру, подчиненную начальнику края, при чемъ выражалось желаніе, чтобы было «устранено отъ народа не только вредное чтеніе, но и безполезное, могущее утратить въ немъ любовь къ труду [126]).

Такимъ образомъ вся печать была сдавлена сильной рукой графа Берга. Противъ такого цензурнаго порядка высказалась весьма опредѣленно, хотя и съ помощью дипломатическихъ пріемовъ, мѣстная власть въ запискѣ, которая была доложена Государю. Подчиненіе цензуры газетъ генералъ-губернатору «произвело во всемъ краѣ неблагопріятное впечатлѣніе» и явилось одною изъ причинъ господствующаго нынѣ неудовольствія. «И въ самомъ дѣлѣ, представляя Особу Государя Императора въ Финляндіи и будучи звеномъ, соединяющимъ Великое Княжество съ Имперіей, генералъ-губернаторъ поставленъ чрезъ это въ такое положеніе, которое не вполнѣ согласуется съ его высокимъ общественнымъ значеніемъ и примирительнымъ характеромъ его призванія». Одно предоставленіе высшаго надзора за газетами генералъ-губернатору, «по самому свойству предмета и не смотря на крайнюю осторожность, должно непремѣнно вести къ столкновеніямъ, вредящимъ достоинству должности»... Представитель власти могущественной державы, сознавая свою силу и свое превосходство, долженъ снисходительно смотрѣть на случайные порывы мысли, обнаруживаемые иногда отдѣльными личностями въ Финляндіи. Поэтому желательно скорѣе устранить причины неудовольствія и нерасположенія и передать вновь завѣдываніе цензурою газетъ финлянд-

цамъ. Тогда исчезнетъ всякое подозрѣніе о постороннемъ вліяніи». Не забылъ составитель записки и того обстоятельства, что генералъ-губернаторы обыкновенно не знали мѣстныхъ языковъ, слѣдовательно, находились въ зависимости «отъ впечатлѣній и толкованій другихъ лицъ» [127]).

Вопль противъ цензурныхъ тисковъ никого не разжалобилъ, хотя онъ раздавался не только въ Финляндіи, но и въ Россіи. Чтобы уяснить себѣ непоколебимость цензурнаго режима графа Берга, надо знать, какъ смотрѣли на дѣло въ Петербургѣ.

Вопросъ о «свободѣ слова» былъ тамъ, какъ и въ Финляндіи, самымъ острымъ и жгучимъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Право свободы рѣчи было завѣтною мечтою не однихъ финляндцевъ, но и передовыхъ людей Россіи. И. С. Аксаковъ въ «Парусѣ» (1858, № 1) взывалъ: «Когда же, Боже мой, можно будетъ, согласно съ требованіями совѣсти, не хитрить, не выдумывать иносказательныхъ образовъ, а говорить свое мнѣніе прямо и просто, во всеуслышаніе? Развѣ не выгоднѣе для правительства знать искреннее мнѣніе каждаго и его отношеніе къ себѣ? Гласность лучше всякой полиціи». Герценъ изъ Лондона обратился къ Александру II съ горячимъ воззваніемъ: «Государь! Дайте свободу русскому слову. Уму нашему тѣсно, мысль наша отравляетъ нашу грудь отъ недостатка простора, она стонетъ въ цензурныхъ колодкахъ. Дайте намъ вольную рѣчь. Намъ есть что сказать міру и своимъ... Мы хотимъ вещей, въ справедливости которыхъ вы также мало сомнѣваетесь, какъ и всѣ». Но отъ прежняго, Николаевскаго времени, были усвоены пріемы воздѣйствія и руководства. Статья 12 унаслѣдованнаго цензурнаго устава воспрещала «всякія разсужденія о потребностяхъ и средствахъ улучшенія какой либо отрасли государственнаго хозяйства и вообще о всѣхъ мѣрахъ, относящихся къ кругу дѣйствій правительства». Императоръ Александръ II какъ будто до нѣкоторой степени былъ сторонникомъ освобожденія печати, но въ этой области его инціатива отсутствовала. Стихи К. Аксакова—

«Любовь и истина надежнѣй всякихъ узъ;

«Ты возвратишь, о царь, землѣ свободу слова»—

были въ рукахъ Государя, но не послужили для него источникомъ какихъ-либо начинаній. Цензурная машина старательно работала по старому, «свободное» слово приходило въ Россію только «съ того берега», т. е. отъ Герцена, изъ его вольной типографіи. Печать и правительство въ Россіи, къ сожалѣнію, расходились во взглядахъ: первая послѣ крымскихъ неудачъ требовала коренного

измѣненія бюрократическаго строя, новое правительство признавало достаточнымъ частныя реформы и притомъ не считало нужнымъ торопиться съ ними. Отсюда та рознь, которая наблюдалась между главными сотрудниками Государя и классомъ журналистовъ, отсюда и безрезультатность хлопотъ объ освобожденіи печати отъ цензорской опеки. Эта рознь привела къ тому, что русская печать сгруппировалась подъ общимъ знаменемъ отрицанія и упорнаго недовѣрія къ правительству.

За облегченіе печати въ Россіи первый подалъ голосъ П. А. Валуевъ, будущій министръ внутреннихъ дѣлъ, указавшій на общее «пренебреженіе и нелюбовь къ мысли, движущейся безъ особаго на то приказанія». Преобразованіе цензуры являлось насущною потребностью; «каждый министръ выражалъ на это полное сочувствіе, но просилъ только изъять свое вѣдомство».

Министръ юстиціи графъ Панинъ и др. внушили Государю, что всѣ революціи бываютъ отъ литературы и хотя онъ видѣлъ необходимость цензурной реформы, но былъ очень далекъ отъ мысли о полной свободѣ слова [128]).

Зная это, становятся понятнымъ заявленія русскихъ писателей, что Александръ II не оправдалъ надеждъ, которыя Россія имѣла при его воцареніи. Его подданные, конечно, желали, чтобы новое десятилѣтіе носило имя «Александра», но при этомъ не могли не выражать сожалѣнія, что та же рука, которая подписала освобожденіе крестьянъ, подписывала и повелѣнія противъ свободы рѣчи... Благонамѣренные русскіе хотѣли видѣть старое и гнилое вырваннымъ съ корнемъ, а новое пустившимъ надежные ростки. Въ этомъ желаніи сходились и русскіе, и финляндцы.

Тягость цензурнаго надзора, который всегда поручался высшему русскому представителю въ Финляндіи, несомнѣнно содѣйствовала его личной непопулярности, порождая въ то же время глубокое нерасположеніе къ Россіи.

Мѣстная печать стойко вела тяжелую борьбу съ берговской цензурою. Въ «Helsingfors Tidningar» редактору Топеліусу нерѣдко приходилось писать аллегорическія стихотворенія вмѣсто передовыхъ статей. Изъ старыхъ періодическихъ изданій, испытавшихъ на себѣ гнетъ цензурнаго порядка, палъ въ 1855 году «Morgonbladet», оживленный и остроумный характеръ которому сообщалъ его послѣдній редакторъ Авг. Шауманъ. Но въ томъ же году возникла газета «Wiborg», которая въ теченіе 6 лѣтъ, подъ редакціею Карла Квиста, энергично пропагандировала либеральныя реформы. «Wiborg» была первая частная газета въ Финляндіи,

выходившая три раза въ недѣлю (1859 г.). Вскорѣ (1860 г.) и ветераны публицистики «Helsingfors Tidningar» и «Åbo Underrättelser» послѣдовали этому примѣру и участили свои выходы [129]).

Если съ одной стороны характерно, что свобода печати была столь стѣснена именно въ такое время, когда проявлялись новыя идеи и новыя стремленія, то съ другой также замѣчательно, что число публицистовъ въ краѣ за это время постоянно увеличивалось. Много способныхъ молодыхъ людей посвятили себя работѣ въ области мысли и слова, и появлялись новыя газеты, не смотря на противодѣйствія и интриги со стороны графа Берга. Въ 1860 году основана «Från nära och fjärran», а въ слѣдующемъ году, по инипіативѣ Фр. Сигнеуса, стала издаваться на шведскомъ языкѣ народная газета «Другъ народа» («Folkvännen»), подъ редакціей магистра В. Эберга [130]).

Несомнѣнно, что непопулярность графа Берга многимъ обязана его недовѣрію и нерасположенію къ свободному слову. Между тѣмъ, также несомнѣнно, что его цензурныя мѣры вызвались хорошими побужденіями и желаніемъ добра Финляндіи. Если онъ унималъ печать края, то въ такой же мѣрѣ онъ воспрещалъ русской печати касаться финляндскихъ дѣлъ [131]).

І. В. Снельманъ, публицистическая дѣятельность котораго нерѣдко подвергалась мелочной придирчивости Берга, жаловался однажды на то, что цензура въ Финляндіи строже, чѣмъ въ Петербургѣ. На это графъ отвѣтилъ: «Мой другъ, это происходитъ оттого, что цензура въ Петербургѣ очень плоха, а въ Финляндіи она превосходна [132])».

Негодованіе финляндскихъ издателей выражалось въ стокгольмскихъ газетныхъ статьяхъ, которыя потомъ вышли брошюрками подъ общимъ названіемъ «Finska Förhållanden». Злобные отзывы въ нихъ о Бергѣ не всегда справедливы, но о приходится признать, что графъ до того странно относился къ публицистамъ, что они могли изображать его только въ самыхъ мрачныхъ красках.

Полагали, что корреспонденціи въ скандинавскихъ газетахъ, представлявшіе и Финляндію, и Берга въ непривлекательномъ видѣ, исходили изъ университетскаго кружка «de blodlöse» (безкровныхъ). Но членъ этого кружка извѣстный А. Норденшельдъ опровергалъ это предположеніе, заявляя, что нельзя обвинять весь кружокъ въ писаніи этихъ писемъ, которыя въ большинствѣ случаевъ сочинялись лицами, близко стоявшими къ кружку молодыхъ людей, а еще чаще извлекались просто изъ частной корреспонден-

ціи, адресованной Эм. ф.-Квантену, жившему въ Швеціи [133]), гдѣ онъ, не стѣсняясь, рисовалъ многое, подъ воздѣйствіемъ своего раздраженнаго сердца и свободной фантазіи [134]).

Помимо длиннаго ряда указанныхъ большихъ дѣлъ, графъ Бергъ принялъ участіе въ проведеніи множества разнообразныхъ, но меньшей важности дѣлъ. Такъ какъ въ краѣ все болѣе и болѣе ощущалась потребность въ оборотномъ капиталѣ, для улучшенія земледѣлія, то онъ предложилъ (14—26 іюня 1856 года) одному изъ сенаторовъ предпринять поѣздку въ Эстляндію и Лифляндію, съ цѣлью ознакомиться съ мѣстными кредитными учрежденіями, послѣ чего (25 мая 1859 г.) издано было Высочайшее объявленіе относительно условій и общихъ основъ для ипотическихъ обществъ въ Финляндіи [135]).

Графъ Бергъ много способствовалъ постройкѣ церквей. Самъ онъ былъ нѣмецкій лютеранинъ, его жена—италіанка-католичка; кромѣ того онъ не могъ, конечно, быть равнодушнымъ къ интересамъ господствующей религіи Имперіи. Освященіе католическаго костела въ Гельсингфорсѣ состоялось въ 1860 году. Для новой православной церкви онъ указалъ прекрасное мѣсто на Скатуденѣ; а составленіемъ для нея плана занялся извѣстный архитекторъ Горностаевъ. Бергъ былъ также заинтересованъ постройкой въ Гельсингфорсѣ нѣмецкой церкви [136]).

Дѣло о новомъ раздѣленіи Финляндіи на 10 губерній возбуждено было тѣмъ-же неутомимымъ графомъ: оно разсматривалось сперва въ сенатѣ, а затѣмъ поступило въ комитетъ финляндскихъ дѣлъ, гдѣ, въ виду требуемыхъ значительныхъ расходовъ, постановлено было не испрашивать на это Высочайшаго утвержденія, но чтобы сенатъ впослѣдствіи, соображаясь съ обстоятельствами, вошелъ съ новымъ представленіемъ [137]).

Прибавимъ кстати, что нѣсколько ранѣе для гербовъ финляндскихъ губерній составлены были, по порученію графа Армфельта, рисунки управляющимъ гербовымъ отдѣленіемъ по вѣдомству министерства императорскаго двора Кене [138]). Эти гербы были представлены Государю Императору и 10—22 іюня 1859 года состоялось Высочайшее ихъ одобреніе [139]).

По Высочайшей резолюціи (13—25 декабря 1858 г.) состоялось основаніе на Аландѣ города Маріегамна. Въ 1860 году учреждено было общество трезвости. Въ сентябрѣ того-же года создалась экспедиція земледѣлія при сенатѣ и т. д.

Время управленія графа Берга отличалось кипучей дѣятельностью: «всюду замѣчалось движеніе, всюду видны слѣды просыпавшейся жизни».

Въ концѣ 1856 года сенатъ разсматривалъ вопросы: 1) объ измѣненіи постановленій по винокуренію и 2) объ увеличеніи сбора съ гербовой бумаги. Нѣкоторые сенаторы при этомъ заявили, что упорядоченіе въ означенныя дѣла въ состояніи внести только земскіе чины, а потому возбудили вопросъ объ ихъ созывѣ. Сенаторъ Класъ Норденгеймъ намекнулъ даже, что законъ 1842 года о гербовомъ сборѣ изданъ неправильно, т. е. не въ порядкѣ, установленномъ основными законами, такъ какъ въ немъ рѣчь идетъ о самообложеніи, т. е. о вопросѣ, относящемся къ сеймовому законодательству. «По моему мнѣнію,—писалъ недовольный этимъ графъ Бергъ министру статсъ-секретарю,—все это дѣло задумано членами комиссій, разрабатывавшихъ проекты лишь съ цѣлью поставить въ сенатѣ на очередь вопросъ о сеймѣ. Университетъ (рѣчью Фр. Л. Шаумана) до такой степени настроилъ умы въ пользу ходатайства о сеймѣ, что въ Гельсингфорсѣ это желаніе получило характеръ маніи, чего отнюдь нельзя сказать о другихъ мѣстностяхъ края. Повидимому,—добавляетъ графъ Бергъ,—въ странѣ образуется партія, желающая закрыть нѣкоторые источники казенныхъ доходовъ, дабы затѣмъ воспользоваться финансовымъ затрудненіемъ, какъ доводомъ въ пользу неизбѣжности созыва сейма [140])».

Графъ Бергъ вполнѣ правильно понялъ и вѣрно оцѣнилъ тѣ пріемы и пути, которыми финляндцы задумали добиться созыва земскихъ чиновъ.—Мысль о сеймѣ все болѣе и болѣе стала занимать умы дѣятелей того времени. Общественное мнѣніе, видимо, повліяло и на Берга. При свиданіи Берга съ Армфельтомъ и обмѣнѣ мнѣній по очереднымъ вопросамъ, оба они пришли къ заключенію, что улучшить дѣло безъ созыва земскихъ чиновъ невозможно [141]).

Въ 1859 году Бергъ, находясь въ Петербургѣ, сталъ ходатайствовать о разрѣшеніи приступить къ приготовительнымъ работамъ по сейму. Но предварительно вопросъ обсуждался (въ гостиницѣ «Демутъ») въ частномъ совѣщаніи, на которомъ кромѣ Берга и Армфельта присутствовали: Шернваль-Валленъ, Лангеншельдъ, авъ-Брунéръ и Антель. По выслушаніи мнѣнія присутствующихъ,

графъ Бергъ рѣшилъ доложить Государю, что въ Финляндіи имѣются законы, которые не могутъ быть измѣнены «безъ содѣйствія земскихъ чиновъ». «Не считая себя въ правѣ ходатайствовать... о созывѣ сихъ чиновъ, я беру на себя смѣлость всеподданнѣйше доложить Вашему Величеству, что въ настоящее время созваніе сейма невозможно по той причинѣ, что для сего не предпринято никакихъ приготовленій. Все, что пока возможно предпринять... заключается въ исходатайствованіи соизволенія Вашего Величества на представленіе Вамъ перечня узаконеній, требующихъ при своемъ изданіи или пересмотрѣ содѣйствія земскихъ чиновъ». Для этого графъ Бергъ просилъ позволенія учредить соотвѣтствующія комиссіи [142]).

27 апрѣля (9 мая) 1859 года министръ статсъ-секретарь сообщилъ графу Бергу: «Государь Императоръ, принявъ во вниманіе всеподданнѣйшее представленіе вашего сіятельства о томъ, что нѣкоторыя дѣла по законодательной и финансовой части, а равно касающіяся духовнаго и матеріальнаго развитія въ Финляндіи не могутъ, по дѣйствующимъ въ Великомъ Княжествѣ основнымъ законамъ, получать административнымъ путемъ такого окончательнаго разрѣшенія, которое удовлетворяло-бы потребностямъ края и соотвѣтствовало-бы всемилостивѣйшимъ и отеческимъ видамъ Его Императорскаго Величества, милостивѣйше повелѣть соизволилъ вашему сіятельству и финляндскому сенату, по тщательномъ обсужденіи этого предмета, всеподданнѣйше представить Его Императорскому Величеству показаніе о всѣхъ подобныхъ вопросахъ, въ настоящее время могущихъ заслуживать Высочайшаго Его Величества вниманія. Сію монаршую волю покорнѣйше прошу ваше сіятельство сообщить финляндскому сенату къ свѣдѣнію и распоряженію» [143]).

Приведенное сообщеніе очень осчастливило сенатъ, и на слѣдующій день весь городъ зналъ уже эту новость, писалъ графъ Бергъ Армфельту; «но чтобы предупредить преувеличеніе значенія этого распоряженія, я приказалъ губернаторамъ и цензорамъ не допускать статей и обсужденій по этому поводу въ газетахъ» [144]).

Сенатъ принялся за составленіе порученнаго ему перечня дѣлъ, требующихъ для своего рѣшенія содѣйствія земскихъ чиновъ.

Пока сенатъ занимался перечнемъ, созрѣлъ планъ той выборной (январской) комиссіи, которой предстояло высказаться по дѣлу.

О происхожденіи идеи этой комиссіи, которая получила историческое значеніе, графъ Армфельтъ разсказываетъ въ своей

французской запискѣ (оглашенной Т. Рейномъ) слѣдующее: «три или четыре года спустя» послѣ рѣчи профессора Шаумана, баронъ Лангеншельдъ совершилъ поѣздку по Финляндіи, съ цѣлью установленія общаго недовольства населенія. «Представителей правительства обвиняли въ утаиваніи отъ Государя назрѣвшей потребности созванія сейма». Результаты поѣздки Лангеншельда были доложены Государю графомъ Армфельтомъ, такъ какъ графъ Бергъ уклонился отъ вмѣшательства въ это дѣло. Лангеншельдъ былъ принятъ Государемъ, удостоившимъ его «откровенной» бесѣды, изъ которой выяснилась совершенная невозможность Его Величеству въ данный моментъ идти на встрѣчу желаніямъ финляндцевъ. «Я вполнѣ понимаю Государя,—сказалъ послѣ этого Лангеншельдъ графу Армфельту,—но рѣшительно не знаю, какъ заставить нашихъ соотечественниковъ понять это». Затѣмъ состоялось частное совѣщаніе (Армфельта, Шерниваль-Валлена и Брунéра), на которомъ Лангеншельдъ предложилъ прибѣгнуть къ созыву комиссіи. Предложеніе было принято членами совѣщанія, кромѣ графа Армфельта, и докладъ о семъ повергнутъ на благовоззрѣніе Монарха. Государь одобрилъ проектъ и повелѣлъ посвятить въ дѣло графа Берга, «который до того момента ничего не зналъ о задуманномъ мѣропріятіи».

«Was in Gottes Namen haben Sie gethan!» воскликнулъ изумленный Бергъ, но затѣмъ успокоился и уступилъ увѣщаніямъ Лангеншельда. Такимъ образомъ отвѣтственность за дальнѣйшее падала исключительно на финляндскихъ совѣтниковъ Монарха. Для обсужденія дѣла, въ виду того, что созваніе сейма признавалось невозможнымъ, во дворецъ были приглашены: князь Горчаковъ, графъ Блудовъ, Бергъ, Армфельтъ, Шерниваль-Валленъ и члены комиссіи по финляндскимъ дѣламъ, въ числѣ коихъ находился тогда баронъ Рокасовскій. На совѣщаніи князь Горчаковъ и баронъ Рокасовскій находили, что учрежденіе выборной комиссіи не удовлетворитъ общества, причемъ первый даже настаивалъ на немедленномъ созваніи сейма. «Государь повторилъ свое рѣшеніе не созывать теперь земскихъ чиновъ» [145]).

По отзыву самого Лангеншельда, одинъ изъ присутствующихъ русскихъ государственныхъ людей, кажется Горчаковъ, замѣтилъ, что эта мѣра можетъ представиться финляндцамъ государственнымъ переворотомъ. Тогда Императоръ обратился къ финнамъ съ вопросомъ: «могу я ошибиться» (я ошибаюсь?); на это Лангеншельдъ отвѣтилъ увѣреніемъ, что «этого не можетъ случиться», и свое увѣреніе закрѣпилъ «самой дорогой клятвой»,—

какъ онъ самъ писалъ впослѣдствіи. По словамъ Снельмана, онъ будто бы сказалъ, что манифестъ будетъ принятъ финскими подданными его Величества съ восторгомъ и горячей благодарностью [146]).

Финляндскій писатель находитъ, что представленія Лангеншельда о начатомъ имъ дѣлѣ оказались прежде всего недостаточными и во всякомъ случаѣ и не строго конституціонными. Другія его дѣйствія также свидѣтельствуютъ объ этомъ. Онъ, напримѣръ, допускалъ, что государственный заемъ можно дѣлать безъ согласія земскихъ чиновъ [147]). Вообще необходимо отмѣтить, что въ тѣ времена конституціонныя точки зрѣнія и вопросы по основнымъ законамъ были малоизвѣстны даже главнымъ мѣстнымъ дѣятелямъ. По свидѣтельству Снельмана, очень немногіе читали основные законы; большинство же никогда не видѣло ихъ, да и надобности никто не встрѣчалъ въ изученіи ихъ за истекшія 50 лѣтъ. «Конечно некрасиво предполагать, что, напримѣръ, сенаторъ авъ-Брунéръ, хотя и сдавшій экзаменъ юристъ, не обладалъ достаточнымъ знаніемъ по сему предмету. Но тогда времена были такія, что, напримѣръ, офиціально объявленный курсъ лекцій государствовѣденія навѣрно былъ бы запрещенъ. Профессоръ Пальмéнъ въ изданномъ своемъ въ 1859 году «руководствѣ» не рисковалъ говорить объ основныхъ законахъ страны [148]).

Тѣмъ временемъ работа сената продолжалась. Число дѣлъ, по которымъ требовалось содѣйствія сейма, было, разумѣется, весьма значительно, и распредѣленіе ихъ на важныя и менѣе важныя оказалось довольно труднымъ. Лишь въ началѣ 1861 года, сенатъ представилъ Государю свой всеподданнѣйшій докладъ [149]).

13 апрѣля 1861 года графъ Бергъ привезъ съ собою изъ Петербурга манифестъ отъ 10 апрѣля (29 марта), въ которомъ значилось: «Мы имѣли случай неоднократно убѣдиться въ необходимости многихъ законодательныхъ мѣръ, отъ которыхъ существенно зависитъ преуспѣяніе края какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ развитіи, но которыя по основнымъ законамъ Великаго Княжества не могли быть приняты безъ содѣйствія государственныхъ чиновъ, и такимъ образомъ нѣкоторыя дѣла съ самаго присоединенія Финляндіи къ Имперіи оставались въ прежнемъ положеніи.

«Хотя созваніе государственныхъ чиновъ тотчасъ же по приуготовленіи этихъ дѣлъ болѣе всего согласовалось бы со всегдашнимъ Нашимъ сердечнымъ желаніемъ блага вѣрноподданнымъ финляндцамъ, однако другіе болѣе важные государственные инте-

ресы не позволяютъ Намъ въ настоящее время воспользоваться симъ правомъ, основными законами Финляндіи Намъ предоставленнымъ.

«Но дабы все, что можетъ быть совершено для блага Финляндіи, не было долѣе отсрочиваемо, Мы соизволяемъ на составленіе особой комиссіи изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ своихъ сограждан и выбранныхъ отъ четырехъ сословій Финляндіи, предоставляя имъ разсмотрѣть предложенные по повелѣнію Нашему проекты постановленій по важнѣйшимъ изъ помянутыхъ дѣлъ и выразить свое мнѣніе о томъ, какимъ образомъ дѣла эти могутъ быть устроены соотвѣтственно потребностямъ края впредь до того времени, когда Мы признаемъ возможнымъ созвать государственные чины и когда дѣла эти могутъ получить окончательное разрѣшеніе и утвержденіе». Главнѣйшая часть (§ 7) сего манифеста гласила: «по истребованіи отзывовъ сената и генералъ-губернатора Великаго Княжества на поступившія къ Намъ такимъ образомъ представленія, Мы, для приведенія ихъ въ дѣйствіе до перваго сейма, предоставляемъ Себѣ всемилостивѣйше утвердить тѣ мнѣнія комиссіи, которыя по Нашему усмотрѣнію дѣйствительно будутъ соотвѣтствовать истиннымъ потребностямъ края и содѣйствовать его благосостоянію» [150]).

Вслѣдъ за манифестомъ послѣдовалъ рескриптъ на имя предсѣдателя выборной январской комиссіи, сенатора Севастіана Гриппенберга (отъ 12—24 апр. 1861 г.). Въ рескриптѣ говорилось: «при этомъ Мы имѣли цѣлію узнать достовѣрно чрезъ помянутыхъ выборныхъ лицъ, что собственно требуется для преуспѣянія нравственнаго развитія и матеріальнаго благосостоянія Великаго Княжества и какія мѣры, при содѣйствіи ли государственныхъ чиновъ, или административнымъ путемъ, могутъ быть приняты въ отношеніи этого столь близкаго сердцу Нашему предмета, а потому Высочайшая Наша воля состоитъ въ томъ, чтобы члены комиссіи во всѣхъ помянутаго рода дѣлахъ, имъ предложенныхъ, свободно и откровенно выразили свои мнѣнія о нуждахъ края и указали на способы къ ихъ удовлетворенію, и чтобы въ вопросахъ, которые могутъ быть разрѣшены только указаннымъ коренными законами путемъ, комиссія представила собственно проекты предложеній, долженствующихъ въ свое время подвергнуться разсмотрѣнію государственныхъ сословій. Для большей извѣстности дѣйствій комисіи, Мы разрѣшаемъ, чтобы протоколы ея засѣданій были печатаемы и публикуемы.

«При семъ вполнѣ полагаясь на патріотическій образъ мыслей и вѣрноподданническую преданность членовъ комиссіи, Мы

всемилостивѣйше поручаемъ вамъ удостовѣрить каждаго изъ нихъ, что благородныя, справедливыя и законныя мнѣнія всегда найдутъ въ Насъ покровителя и защитника» [151]).

Послѣ сообщенія (12—24 апрѣля 1861 г.) С. Грипенбергу о комиссіи выборныхъ, въ сенатѣ состоялось засѣданіе, на которомъ участвовалъ гр. Бергъ и всѣ сенаторы. О томъ, какъ происходило это засѣданіе, мы узнаемъ изъ письма С. Х. Антеля, который сообщалъ гр. Армфельту: Графъ Бергъ прочиталъ манифестъ, послѣ сего вице-предсѣдатель хозяйственнаго департамента І. М. Норденстамъ благодарилъ и сказалъ: «Это самый дорогой документъ, дарованный нашей странѣ ея Монархомъ, и страна останется благодарной за него. Многія лѣта Императору!» Графъ Бергъ прибавилъ, что Императоръ столь-же горячо и съ такою-же любовью относится къ Финляндіи, какъ любой изъ присутствующихъ сенаторовъ, послѣ чего Норденстамъ предложилъ подать благодарственный адресъ по поводу манифеста. На этомъ засѣданіе окончилось и всѣ разошлись, но,—прибавляетъ Антель,—большинство, въ томъ числѣ и я, тогда еще не вполнѣ усвоили себѣ содержаніе манифеста [152]). Графъ Бергъ подалъ, для приложенія къ протоколу засѣданія, особую записку, касавшуюся тѣхъ вопросовъ, которые по его мнѣнію (изъ числа 52) были наиболѣе существенны и подлежали прежде всего обсужденію.

4 мая (н. ст.) 1861 года сенатъ составилъ обширный протоколъ, съ перечнемъ всѣхъ предметовъ, кои должны были подлежать разсмотрѣнію выборной комиссіи. Во время обсужденія вопроса въ сенатѣ, прокуроръ Карлъ Эдвардъ Гаддъ, «одинъ изъ проницательнѣйшихъ финскихъ юристовъ, съ твердымъ характеромъ», рѣзко обратился къ большинству сената и рѣшился опротестовать Высочайшее повелѣніе о выборной комиссіи. Въ данномъ случаѣ онъ, несомнѣнно, вышелъ изъ рамокъ своей компетенціи, такъ какъ въ Финляндіи не существовало закона, лишавшаго Монарха права созывать любыя комиссіи для обсужденія нуждъ края [153]). Единогласія въ воззрѣніи на манифестъ о выборной комиссіи не было достигнуто. Меньшинство сената, которое состояло изъ Кронстедта, Терквиста, Федерлея, Фуругельма и Мунка—подало особое мнѣніе [154]). Они усмотрѣли (и по нашему мнѣнію совершенно неправильно), что манифестъ 10 апрѣля придавалъ выборной комиссіи значеніе, равное сейму. Въ виду этого и чтобы устранить всякое недоразумѣніе, которое, по ихъ мнѣнію, удручающимъ образомъ повліяетъ на настроеніе жителей Финляндіи, и черезъ то благонамѣренныя предначертанія Его Императорскаго

Величества могутъ не достигнуть своей цѣли, они всеподданнѣйше повергали на Высочайшее усмотрѣніе, не будетъ-ли Государемъ признано возможнымъ объявить, что выборная комиссія изъ четырехъ сословій должна только заняться приготовленіемъ законопроектовъ къ предстоящему сейму.

Чтобы понять эти опасенія меньшинства сената, необходима историческая справка. Финляндцы заподозрили своихъ петербургскихъ дѣятелей въ стремленіи возстановить идею Густава III. Этотъ король желалъ въ одно время, вмѣсто риксдаговъ въ полномъ ихъ составѣ, созывать только такъ называемую комиссію риксдага (utskotts riksdagar или сокращенный сеймъ), каковая комиссія иногда созывалась въ царствованіе Густава Адольфа. Эта комиссія въ Швеціи имѣла свой спеціально-опредѣленный составъ. Задача комиссіи состояла въ томъ, чтобы совѣщаться съ королемъ лишь о тѣхъ предметахъ, которые будутъ предложены. Этимъ способомъ имѣлось тогда въ виду измѣнить представительство въ Швеціи. Финляндцы предполагали, что въ Петербургѣ также имѣли тайное желаніе, вмѣсто созыва сейма, отдѣлаться выборной комиссіей, напоминавшей сокращенный сеймъ Густава III [155]).

Этими опасеніями объясняется просьба сената и его оговорка во всеподданнѣйшемъ представленіи отъ 4 мая (н. ст.) 1861 года, которая гласила: «Сенатъ полагаетъ, что дѣйствіе депутатовъ должно ограничиваться подачею всеподданнѣйшаго мнѣнія своего, о томъ, на какихъ основаніяхъ и въ какомъ направленіи измѣненіе существующихъ постановленій или новыя положенія и распоряженія могутъ быть необходимы и полезны, дальнѣйшія-же мѣры къ рѣшенію вопросовъ, или административнымъ порядкомъ или же дѣйствіемъ государственныхъ чиновъ, зависѣть будутъ отъ благоусмотрѣнія Вашего Величества, по выслушаніи заключенія депутатовъ». На представленіи сената рукою Государя надписано: «Внести въ комитетъ».

Манифестъ о выборной комиссіи подѣйствовалъ на общественное мнѣніе, какъ зажигательная искра (Шюбергсонъ), хотя публично въ Финляндіи вопросъ о немъ не обсуждался. Зато высказались въ Швеціи, гдѣ держались того мнѣнія, что манифестъ «отмѣнилъ дѣйствовавшіе въ краѣ основные законы», и что тѣмъ произведенъ государственный переворотъ [156]).

Тревогу финляндцевъ трудно понять и объяснить, въ виду совершенно яснаго и опредѣленнаго смысла какъ манифеста, такъ и рескрипта на имя сенатора Грипенберга. Ихъ тревога дѣлан-

ная, ихъ объясненія искусственныя и неубѣдительныя. Манифестъ этотъ возбудилъ тягостныя чувства разочарованія и опасенія, потому,—пишутъ они,—что подобная комиссія изъ 12 представителей отъ каждаго сословія, какъ не предусмотрѣнная основнымъ закономъ форма народнаго представительства, вовсе не могла имѣть тѣхъ правомочій, которыя принадлежатъ земскимъ чинамъ, а между тѣмъ, на основаніи заключеній и проектовъ этой комиссіи предполагалось издать общіе законы, хотя и было оговорено, что эти законы должны были возымѣть силу лишь до слѣдующаго сейма; такимъ порядкомъ всетаки обходились права сословій [157]).

По мѣрѣ того, какъ содержаніе манифеста становилось извѣстнымъ сначала въ Гельсингфорсѣ, а потомъ въ странѣ, всюду стали проявляться чувства обманутыхъ надеждъ и досады на тѣхъ совѣтниковъ Монарха, которые предложили такое серьезное отступленіе отъ основныхъ законовъ [158]).

Опубликованіе манифеста въ офиціальномъ изданіи сопровождалось поясненіемъ,—которое во всякомъ случаѣ не рекомендуетъ твердости правительства,—что Монархъ, побуждаемый благородствомъ своего сердца и своимъ великодушнымъ и просвѣщеннымъ чувствамъ, недавно призывалъ къ себѣ въ Петербургъ предсѣдателя и одного члена государственнаго совѣта, генералъ-губернатора Финляндіи, министра статсъ-секретаря и членовъ комитета по финляндскимъ дѣламъ и находившагося въ то время въ Петербургѣ начальника финансовой экспедиціи сената, и этимъ лицамъ прочиталъ проектъ объявленнаго нынѣ манифеста и, узнавъ всеподданнѣйшія мнѣнія приглашенныхъ, издалъ его. Очевидно, что петербургскіе совѣтники Государя растерялись и прибѣгали къ пріемамъ, которыми хотѣли оправдаться и расположить въ свою пользу общественное мнѣніе. Ихъ робостью пользовались гельсингфорскіе дѣятели либеральнаго лагеря и перешли въ наступленіе [159]).

Графъ Армфельтъ, получавшій обильную корреспонденцію изъ края, зналъ, конечно, о первыхъ же росткахъ оппозиціи, а потому поспѣшилъ съ нѣкоторыми объясненіями въ письмѣ (отъ 27 апрѣля н. ст. 1862) къ сенатору Кронстедту. Армфельтъ писалъ: «Черезъ курьера, который сегодня долженъ прибыть въ Гельсингфорсъ, вся страна узнаетъ, заслужилъ ли Его Величество тѣ подозрѣнія, которыми въ настоящую минуту Его окружаютъ. Еще до полученія вашего коллективнаго письма, Государь приказалъ мнѣ написать рескриптъ Грипенбергу... Говоря съ Грипен-

бергомъ, Государь сказалъ ему: «Существуютъ разныя мнѣнія о манифестѣ: пять членовъ, повидимому, опасаются, что § 7 неправильно будетъ понятъ въ странѣ. Я устно передамъ вамъ Мои воззрѣнія и планы, которые Я вамъ потомъ сообщу письменно, и которые Я только-что подписалъ, для того, чтобы вы могли успокоить всѣхъ, кто еще сомнѣвается» [160]).

Но ничто уже не помогало и не могло помочь потому, что движущей пружиной оппозиціи были иныя соображенія и ею преслѣдовались весьма опредѣленныя цѣли, которыя сквозятъ въ слѣдующихъ строкахъ воспоминанія Авг. Шаумана. «Если-бы этотъ манифестъ былъ принятъ спокойно и безучастно,—писалъ этотъ публицистъ,—то тѣмъ самымъ Финляндія навсегда отказалась-бы отъ своихъ политическихъ правъ» [161]). Рѣшено было возбудить общество къ протесту. Съ этой цѣлью устроены были тайныя сходки въ Гельсингфорсѣ. Группа лицъ, состоявшая изъ публицистовъ, молодыхъ политиковъ и университетскихъ дѣятелей, разочарованныхъ въ своихъ конституціонныхъ и сеймовыхъ ожиданіяхъ, собралась у извѣстнаго коммерсанта Генриха Боргстрема. Постановлено было подать Монарху адресъ, подписанный гражданами всего края, съ изложеніемъ опасенія, которое возбудилъ манифестъ, буквальное содержаніе коего нарушаетъ святость основныхъ законовъ Финляндіи [162]). Чтобы добыть подписи, во всѣ концы разослали гонцовъ, которымъ надлежало разъяснить настроеніе, коимъ охваченъ былъ главный городъ и уговорить патріотически независимыхъ гражданъ возможно скорѣе явиться въ Гельсингфорсъ, для содѣйствія попытки оградить политическую будущность отечества [163]).

Въ то же время старались воздѣйствовать на статсъ-секретаріатскія сферы. Извѣстный финляндскій юристъ того времени У. Г. ф. Бунсдорфъ далъ знать о тяжеломъ настроеніи Армфельту, съ которымъ находился въ перепискѣ какъ съ другомъ юности [164]).

Адресъ гражданъ Гельсингфорса былъ наскоро проектированъ и переведенъ на французскій языкъ. Въ проектѣ значилось: «Высочайшій манифестъ возбудилъ безпокойство во всемъ краѣ въ виду того, что финскій народъ любитъ и чтитъ свои основные законы, какъ наисвятѣйшее наслѣдіе прошедшихъ поколѣній... А потому, для успокоенія умовъ, желательно получить Высочайшее увѣреніе въ томъ, что если признано будетъ необходимымъ учредить комиссію, то дѣятельность ея по отношенію къ законодательнымъ вопросамъ, подлежащимъ обсужденію земскихъ чиновъ, ограничится лишь подготовленіемъ такихъ вопросовъ для пред-

*

стоящаго сейма». Имѣлось уже до двухсотъ подписей, но вдругъ разнесся слухъ, что случилось нѣчто такое, что дѣлало адресъ ненужнымъ.

22 апрѣля 1861 года произошло необыкновенное движеніе въ Гельсингфорсѣ. Сенаторъ Антель, въ письмѣ къ гр. Армфельту, разсказываетъ, что собралась народная толпа отъ 400 до 500 человѣкъ въ Эспланадѣ и, распѣвая «Бьернеборгскій маршъ», отправилась къ дому, гдѣ жилъ прокуроръ Гаддъ. Тамъ она пропѣла «Vårt land» и финскую пѣсню, а затѣмъ прокричала «ура» и «да здравствуютъ основные законы страны». Прокуроръ благодарилъ за пѣніе. Антель и другіе члены правительства писали, что демонстрантами были лицеисты, школьники, ремесленные ученики и студенты, но по гельсингфорсскимъ частнымъ разсказамъ выходило, что и пожилые люди, занимающіе почетное общественное положеніе, также принимали участіе въ демонстраціи [165]).

Первое бурное волненіе утихло. Но его мертвая зыбь не скоро еще улеглась. «Пробужденное въ народѣ политическое сознаніе, говоритъ современникъ, уже больше не засыпало» [166]). Графъ Бергъ довольно спокойно отнесся къ движенію въ Гельсингфорсѣ. Графъ Армфельтъ уговаривалъ его вовсе не отсылать въ Петербургъ протокола сената (отъ 4 мая). Графъ Бергъ на это не согласился; но съ своей стороны, по настоянію Лангельшельда, предложилъ Армфельту вернуть дѣло съ объясненіемъ, что выборная комисія будетъ имѣть лишь совѣщательный характеръ. Бергъ, сообщая Армфельту о демонстраціи 22 апрѣля, прибавляетъ, что она имѣла болѣе глубокую цѣль, чѣмъ того можно было ожидать. «Бьернеборгскій маршъ» ни что иное, какъ финляндская марсельеза. Всю вину движенія генералъ-губернаторъ сваливалъ на студентовъ и вице-канцлера университета, барона І. Р. Мунка, который допустилъ проявленіе духа порицанія среди студентовъ. Вопросъ о демонстраціи,—пояснилъ въ свою очередь Мункъ въ письмѣ къ Армфельту,—дѣйствительно возникъ среди студентовъ, но большинство изъ нихъ было противъ нея, почему никоимъ образомъ нельзя обвинять студентовъ, какъ корпорацію. Тѣмъ не менѣе гр. Армфельтъ указалъ У. Р. Мунку (въ письмѣ отъ 15—27 апрѣля), что манифестація въ Гельсингфорсѣ неумѣстна, и что «надо быть слѣпымъ или просто недоброжелательнымъ, чтобы усомниться въ благожелательности и высокой гуманности побужденій возлюбленнѣйшаго Нашего Монарха» [167])...

Шернваль-Валленъ, котораго, по его собственнымъ словамъ, также осыпали сообщеніями изъ Гельсингфорса, выражаетъ въ

письмѣ къ Лангельшельду свое удивленіе, что поступокъ, который заслуживалъ бы благодарности, награжденъ противоположнымъ образомъ. «Когда намѣренія чисты,—продолжаетъ онъ,—смѣло можно прокладывать дорогу впередъ. Время и опытъ устыдятъ недовѣрчивыхъ» (вѣроятно, здѣсь намекалось на графа Берга). «И»,—прибавляетъ онъ, ласково утѣшая Лангеншельда,—«мы всѣ одинаково виноваты или невиновны. Не слѣдуетъ уступать давленію улицы» [168]).

Но особый интересъ представляютъ письма (на французскомъ языкѣ) барона Эмиля Шернваля-Валлена къ своему другу—директору банка, с. с. каммеръ-юнкеру барону Августу Маннергейму. Они проливаютъ обильный свѣтъ на исторію выборной январской комиссіи. Въ письмѣ отъ 8 (20) апрѣля 1861 года говорится: «Инииціатива изданія манифеста принадлежитъ исключительно Его Величеству, который желалъ доказать странѣ свою добрую волю и успокоить населеніе относительно опасенія отмѣны его конституціи. Большее значеніе имѣлъ бы, безъ сомнѣнія, сеймъ, но политическія причины, которыя не могутъ быть оцѣниваемы у насъ, гдѣ мѣстный кругозоръ не простирается дальше границъ края, требовали и требуютъ особаго вниманія. Разрѣшеніе сейма прозвучало бы по всей Имперіи и вызвало бы зависть и требованія, сдержать которыя довольно трудно.

«Въ данное время, когда исходной точкой являлось предположеніе, что невозможенъ созывъ сейма,—что оставалось дѣлать для успокоенія страны? Созывъ собранія изъ выборныхъ четырехъ сословій,—чтобъ дать ему возможность выработать законопроекты и представить ихъ на утвержденіе Государя,—надо было принять за обращеніе къ націи, которую желали пригласить участвовать въ законодательствѣ по принадлежащему ей праву.

«Но собраніе это не есть сеймъ. И Императоръ обѣщалъ созвать его, когда это возможно будетъ сдѣлать. Если не желаютъ вѣрить его слову,—то этому мы помочь не можемъ,—но это было-бы грустно и печально. Въ худшемъ случаѣ это собраніе можетъ работать въ кильватерѣ, но страна должна признать, что въ намѣренія Монарха всегда входило уваженіе къ конституціоннымъ формамъ и желаніе успокоить страну торжественнымъ обѣщаніемъ созвать сеймъ, когда онъ въ состояніи будетъ это сдѣлать.

«Я готовъ передъ государственнымъ судомъ защищаться противъ могущихъ возникнуть обвиненій относительно того, что манифестъ заключаетъ въ себѣ что-либо противозаконное или

нарушаетъ чье-либо право. Онъ открытъ, правдивъ и лояленъ, и тѣ, которые въ немъ хотятъ видѣть ловушку, сильно ошибаются. Графъ Бергъ ни къ чему здѣсь не причастенъ; Гриппенбергъ— человѣкъ минуты, который пользуется довѣріемъ края и потому именно назначенъ, чтобъ поняли честныя намѣренія правительства. Увѣряю тебя честью, что манифестъ безпороченъ и явился безъ всякой задней мысли. Можетъ быть онъ слишкомъ сжато изложенъ и можетъ казаться двусмысленнымъ для тѣхъ, которые подозрѣваютъ всѣхъ и все. Но исполненіе его убѣдитъ ихъ, что они ошиблись.

«Прошу тебя, прочти это письмо А (минову), а впрочемъ кому угодно» [169]).

Черезъ два дня (т. е. 11 апрѣля) Шернваль продолжалъ пояснять своему пріятелю. «Даю честное слово, что наша цѣль никогда не была та, какую вы предполагаете. Вы ее толковали въ дурномъ смыслѣ, и я теперь понимаю, что подозрѣніе могло возникнуть; но это толкованіе заключаетъ въ себѣ недовѣріе къ Государю и его совѣтникамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предположеніе, что довѣренные люди націи суть подлецы. Но возможно-ли допускать что-либо подобное, не презирая всю націю! Сознаюсь, я о ней лучшаго мнѣнія, и мы никогда не допускали мысли, чтобъ выборные могли быть измѣнниками».

«Мы держали дѣло въ такомъ секретѣ, что графъ Бергъ узналъ объ этомъ только отъ самого Государя, когда Его Величество прочелъ ему проектъ манифеста, ибо мы очень опасались, что онъ испортитъ намъ все дѣло. Когда князь Горчаковъ высказалъ опасенія, что это можетъ быть понято въ Финляндіи и за границей, какъ государственный переворотъ,—то это онъ сказалъ прежде, чѣмъ онъ хорошенько прочелъ манифестъ; онъ перемѣнилъ мнѣніе послѣ внимательнаго прочтенія его,—мы сердились на него и говорили между собой, что по этому можно узнать стараго дипломата, который объяснялъ все въ худшемъ видѣ, и самъ Блудовъ постоянно повторялъ, что собраніе будетъ имѣть лишь совѣщательную власть. Современемъ ты узнаешь подробнѣе о происхожденіи этого документа и поймешь, съ какими затрудненіями сопряжено было его проведеніе. Между нами будь сказано, его первымъ источникомъ былъ Альфонсъ (единоутробный братъ Шернваля). Брунéръ подхватилъ планъ; этотъ честный и здравомыслящій человѣкъ, и онъ-же выработалъ его, послѣ того, какъ Его Величество самъ изъявилъ свою волю сдѣлать что нибудь пріятное и успокоительное для Великаго Княжества.

«Адресъ сената, продолжаетъ Шернваль-Валленъ (12—24 апрѣля), довольно приличенъ, хотя не было причинъ для его появленія. Торжественныя и величественныя формы, какія принимаетъ это дѣло, доказываютъ двѣ вещи: подозрѣніе и недостаточное довѣріе къ тому, что въ націи выше всего должно уважать: ея собственное благонравіе, а далѣе панику, происшедшую отъ давленія улицы, потому что до сихъ поръ еще не могу допустить, дабы эти господа находили, что основные законы въ опасности» [170]).

Члены правительства приняли мѣры къ тому, чтобы разными путями разсѣять недовѣріе къ учрежденной выборной комиссіи. Товарищъ министра статсъ-секретаря, баронъ Шернваль-Валленъ, разъѣзжалъ по краю лѣтомъ (1861 г.), вмѣстѣ съ экспедиціоннымъ секретаремъ Пальмротомъ, якобы съ цѣлью собрать свѣдѣнія о неурожаѣ, но въ дѣйствительности, для изслѣдованія истиннаго настроенія населенія и способовъ его успокоенія. Съ такимъ же порученіемъ посѣщалъ другія мѣста Финляндіи сенаторъ Грипенбергъ, который въ экстренномъ и многочисленномъ собраніи финляндскаго экономическаго общества въ Або публично поднялъ политическій вопросъ, найдя при этомъ нужнымъ заявить, что «сеймъ въ нашихъ собственныхъ рукахъ». Однако все зависитъ,—прибавилъ онъ,—«отъ комиссіи, которая соберется въ январѣ; если только эта комиссія отнесется съ довѣріемъ къ добрымъ намѣреніимъ Монарха, то можно съ увѣренностью дождаться сейма черезъ два—три года, въ противномъ случаѣ возникнетъ недовѣріе вмѣсто полной надежды, и тогда, конечно, сеймъ надолго будетъ отложенъ. У разъѣзжавшихъ по краю Шернваля и Грипенберга, какъ увидимъ, была еще одна и не менѣе важная миссія.

Крупный дѣятель того времени I. В. Снельманъ также старался внушить довѣріе къ выборной комиссіи и, будучи человѣкомъ послѣдовательнымъ, не только самъ не явился на сходку къ Боргстрему, но отговаривалъ и другихъ отъ участія въ ней [171]). Но этимъ онъ не ограничился. Въ «Litteraturbladet» за 1862 годъ онъ выступилъ съ обширной защитительной статьей, которою оправдывалъ распоряженіе правительства. «Высочайшій рескриптъ отъ 24 апрѣля 1861 года,—писалъ онъ,—для каждаго, кто въ словахъ не читаетъ болѣе, чѣмъ они говорятъ, устраняетъ всякое сомнѣніе по поводу вопроса о томъ, что созывъ комиссіи якобы угрожаетъ созыву сейма. Сказано, что депутаты по тѣмъ дѣламъ, которыя требуютъ участія обѣихъ государственныхъ властей, только «представляютъ проекты предложеній, которые въ свое время должны быть переданы сейму». Стало быть и рѣчи не

можетъ быть объ административныхъ постановленіяхъ, которыя переустраивали бы дѣла, уже устроенныя при участіи сейма. Рескриптъ вложилъ сеймъ въ собственныя руки финскаго народа. Мы твердо убѣждены, что этотъ документъ никогда не появился бы на свѣтъ, если бы онъ не былъ основанъ на рѣшеніи созвать сеймъ...

«Почти что забавно, но въ дѣйствительности такъ. Въ рескриптѣ опредѣленно говорится, что депутаты будутъ представлять проекты сеймовыхъ предложеній. Правительство такимъ образомъ говоритъ: выбирайте депутатовъ, зарядите ихъ проектами того, что должно быть предложено сейму» [172]).

Въ другомъ мѣстѣ своихъ воспоминаній Спельманъ добавилъ: и неопровержимо то, что дѣятельность выборныхъ комиссій комитета, какой она стала, принесла огромную пользу, потому что сеймовые вопросы стали извѣстны и подверглись обсужденію [173]).

Не сидѣлъ сложа руки, наконецъ, и главный виновникъ броженія по поводу созыва выборной комиссіи, баронъ Лангеншельдъ. Въ офиціальной газетѣ—«Finlands Allmänna Tidning»—онъ напечаталъ объясненіе о цѣли манифеста, указывая, что Монархъ желалъ только узнать мнѣніе довѣренныхъ лицъ о мѣрахъ, которыя и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ можно было-бы принять. Его статья осталась незамѣченной [174]).

Поднятое въ Финляндіи движеніе легло всей своей тяжестью на Лангеншельда. Онъ охотно бралъ на себя всю вину и готовъ былъ перенести всякое взысканіе. Онъ надѣялся, что современники оцѣнятъ по крайней мѣрѣ его честность, но онъ ошибся. Его клеймили измѣнникомъ! На него нападали въ печати, какъ въ Швеціи, такъ и дома [175]). У Лангеншельда было много завистниковъ и враговъ въ сенатѣ, которые воспользовались общественнымъ недовѣріемъ къ нему [176]). Лангеншельдъ мучился и бросался отъ одного плана къ другому, желая поправить дѣло. Угнетенный горемъ, онъ сталъ, наконецъ, предлагать графу Армфельту явно несообразные и невыполнимые проекты. Вся исторія столь удручающимъ образомъ подѣйствовала на него, что ускорила его кончину [177]).

Историкъ этого періода [178]) указываетъ, что путаница по выборной комиссіи произошла не только по винѣ Лангеншельда, но также и вслѣдствіе смутнаго пониманія большинствомъ финляндцевъ «сущности основныхъ законовъ страны». Никто не уяснилъ себѣ, въ какой мѣрѣ актъ соединенія и безопасности 1789 года измѣнилъ прежнія постановленія и особенно организацію риксдаговъ.

Чтобы успокоить общество, ближайшіе совѣтники Монарха упросили его издать поясненіе къ апрѣльскому манифесту о выборной комиссіи. 23 августа 1861 года состоялось Высочайшее объявленіе, въ которомъ говорилось: «Мы признали за благо всемилостивѣйше дозволить показанные въ протоколѣ сената въ пятидесяти двухъ отдѣльныхъ пунктахъ вопросы передать, чрезъ надлежащее начальство, на обсужденіе поименованныхъ депутатовъ, съ тѣмъ, чтобы, согласно съ представленіемъ сената и генералъ-губернатора, дѣйствія депутатовъ ограничивались подачею всеподданнѣйшаго отзыва о томъ, на какихъ основаніяхъ и въ какомъ направленіи измѣненія существующихъ постановленій или новыя положенія и распоряженія, по мнѣнію ихъ, могутъ быть для пользы края необходимы. Дальнѣйшія же мѣры къ рѣшенію вопросовъ, по роду дѣлъ, административнымъ ли порядкомъ или содѣйствіемъ государственныхъ чиновъ, будутъ зависѣть отъ Нашего благоусмотрѣнія по докладѣ заключенія депутатовъ» [179]).

IV. Настроеніе общества и удаленіе графа Берга.

Осенью 1855 года въ Гельсингфорсѣ разыгралась такъ называемая тёлёская исторія (Tölöaffären). Молодежь (въ числѣ 28 чел.) устроила въ загородномъ ресторанѣ (Тёлё) товарищескій завтракъ съ обильнымъ возліяніемъ и невоздержанными рѣчами. Первый ораторъ старался пародировать англійскія банкетныя рѣчи и особенно произнесенную лордомъ Пальмерстономъ о занятіи балтійскихъ крѣпостей; шутка закончилась здравицей за королеву Викторію и союзниковъ его величества великаго султана Абдулъ-Меджидза (Abdul med skeden); здравицу приняли съ необузданнымъ веселіемъ. Предложены были тосты за «христіаннѣйшаго» турецкаго султана, за содержателя виннаго погреба «Каннъ-Роберта» (Канробера), передъ воинствомъ котораго пали многіе застольные храбрецы, за однофамильца генералъ-губернатора, публициста Эдварда Берга и др. Ораторы говорили также о «крымскихъ плодахъ», о «сардинкахъ» и ихъ королѣ (Сардиніи), о значеніи сыра (ost-makten), о генералѣ Тулубьевѣ, которому досталось (по тулупу) отъ Пелисье и т. п. Пирушка сдѣлалась извѣстной генералъ-губернатору, который, узнавъ имена участниковъ, воскликнулъ: «ah, es sind ja alle alte Bekante». Бергъ настоялъ на томъ, чтобы съ виновныхъ взыскали построже. Общественное мнѣніе о выходкѣ студентовъ раздѣлилось. Эти рѣчи несомнѣнно осуждали наличное положеніе, являлись выраженіемъ преобладавшаго настроенія въ извѣстныхъ кругахъ университетской молодежи. Наконецъ одинъ изъ участниковъ признаетъ, что шутки вообще были неумѣстныя. «Только крайняя политическая наивность», пишетъ Рейнъ, «могла усмотрѣть въ этомъ дѣлѣ наивную юношескую шутку» [180]).

Слѣдующимъ событіемъ, волновавшимъ общество, явилось назначеніе Снельмана профессоромъ философіи. Каѳедра фило-

софіи была въ 1852 году упразднена, а самое слово «философія» считалось предосудительнымъ. Вице-канцлеръ университета Мункъ хлопоталъ о возстановленіи каѳедры и о привлеченіи въ университетъ популярнаго ученаго и общественнаго дѣятеля Снельмана, котораго въ то же время имѣли въ виду назначить на государственную службу. Сильнаго противника Снельманъ встрѣтилъ въ лицѣ сенатора Л. ф.-Гартмана. Тѣмъ не менѣе въ январѣ 1856 года состоялось назначеніе Снельмана профессоромъ, встрѣченное въ краѣ весьма сочувственно.

Въ своей пригласительной программѣ по поводу вступленія Снельмана въ университетъ, профессоръ Сигнеусъ писалъ: Правительство, поручая значительную долю руководительства университетскою молодежью человѣку, казавшемуся неблагонадежнымъ и бывшему издателю газеты «Саймы», возвышеннымъ образомъ передъ цивилизованной Европой доказало ложность мнѣнія тѣхъ, которые находили, что «подобные силы и характеры въ настоящее время не могутъ найти поля дѣятельности въ Финляндіи» [181]).

Въ октябрѣ 1856 года Снельману было устроено грандіозное обще-студенческое чествованіе, на которомъ присутствовалъ поэтъ І. Л. Рунебергъ. На торжествѣ участвовали также шведскіе студенты. «Кандидатъ» К. Г. Эстландеръ, обращаясь съ рѣчью къ скандинавской молодежи, сказалъ, между прочимъ, что «у нихъ, также, какъ у финляндцевъ, жива большая и многозначащая идея о сѣверномъ культурномъ единеніи, какъ основѣ для соціальнаго и, можетъ быть, также политическаго союза сѣверныхъ народовъ» [182]).

Въ маѣ 1857 года въ Гельсингфорсѣ праздновались промоція и 700-лѣтіе со времени введенія въ Финляндіи христіанства. День 700-лѣтія былъ отмѣченъ особыми проповѣдями въ киркахъ, сборомъ приношеній въ пользу христіанскихъ миссій, и тѣмъ, что въ память исключительнаго торжества была выбита особая медаль.

Праздникъ промоціи 1857 г. выдѣлился тѣмъ, что на немъ въ третій разъ прозвучалъ финскій языкъ съ каѳедры и на торжествѣ присутствовали представители Упсальскаго университета и въ числѣ ихъ извѣстный впослѣдствіи историкъ Швеціи Odhner. Молодежь скандинавскаго университета имѣла случай провѣрить шведскія симпатіи финляндцевъ [183]). Снельманъ на обѣдѣ заявилъ, что ни одинъ другой народъ не можетъ считаться духовно столь близкимъ къ шведскому, какъ финляндцы. «Въ законахъ и учрежденіяхъ Финляндіи, въ наукѣ и правахъ живетъ еще скандинавскій духъ.... Только изъ груди финляндцевъ можетъ

Генералъ-губернаторъ
гр. Ѳ. Бергъ.

Министръ статсъ-секретарь
гр. Ал. Армфельтъ.

вырваться то глубокое чувство благодарности, которое просится наружу и въ настоящую минуту, когда провозглашается тостъ за великихъ людей Швеціи.»

Общее настроеніе было омрачено на прощальномъ ужинѣ 30 мая (н. ст.) молодымъ ученымъ Адольфомъ Норденшельдомъ, впослѣдствіи извѣстнымъ путешественникомъ. Онъ провозгласилъ тостъ за будущее Финляндіи, сказавъ: «Человѣку свойственно рисовать себѣ будущность въ розовыхъ краскахъ. Безнадежно больной мечтаетъ о долгихъ годахъ счастливой жизни; рабъ, переходящій изъ рукъ одного деспотическаго хозяина къ другому, въ грезахъ видитъ себя свободнымъ и независимымъ. Почему бы и намъ, финляндцамъ, не позволить себѣ помечтать о грядущемъ?... Въ насъ живетъ сознаніе нашихъ правъ на свободу и узы, которыя въ теченіи 50 лѣтъ были оборваны, вновь начали завязываться, и такимъ образомъ, въ той борьбѣ, которую ведемъ съ темными силами, мы не стоимъ одинокими на полѣ брани. Итакъ, да здравствуютъ времена прошедшія, да здравствуетъ будущее!» Рѣчь оканчивалась стихами одного финляндскаго эмигранта Карла Веттергофа [184]): «Пусть только это будущее не несетъ съ собой паденія Финляндіи. Да здравствуетъ оставшаяся надежда.» Норденшельду блестяще отвѣтилъ извѣстный поэтъ, патріотъ и ораторъ Фридрихъ Сигнеусъ. Онъ доказывалъ, что Финляндія отнюдь не находится въ рабствѣ Россіи, и что соединеніе со Швеціей далеко не единственное средство спасенія Финляндіи. Финляндія имѣетъ возможность развиться, не какъ раба, а какъ свободная нація. «Онъ говоритъ не отъ нашего имени!» крикнулъ ему въ отвѣтъ пылкій Норденшельдъ, вбѣжавшій на каѳедру. Спельманъ (въ «Литературномъ Листкѣ») назвалъ впослѣдствіи рѣчь Норденшельда выраженіемъ дешеваго либерализма.

Дѣло было доложено генералъ-губернатору. Графъ Бергъ сказалъ своему правителю канцеляріи С. Х. Антелю: «Пока я генералъ-губернаторъ въ Финляндіи, Норденшельдъ никогда не получитъ мѣста въ университетѣ». («Er kann von Finnland Abscheid nehmen, dafür werde ich sorgen») [185]). Бергъ укорилъ администрацію за то, что Норденшельда не арестовали тотчасъ же послѣ произнесенной имъ рѣчи, а университетъ—за слишкомъ пассивное отношеніе къ своимъ обязанностямъ и неумѣнье противодѣйствовать преувеличеннымъ скандинавскимъ симпатіямъ молодежи. Въ письмѣ къ гр. Армфельту, спрашивая его совѣта, гр. Бергъ съ своей стороны находилъ, что этого «mauvais sujet» надо выслать изъ края. Норденшельдъ имѣлъ разговоръ съ графомъ Бергомъ и не

находилъ нужнымъ запираться въ своей рѣчи. Бергъ же не особенно желалъ уладить дѣло, хотя увѣрялъ Армфельта, что съ большой добротой обшелся съ Норденшельдомъ. Разрывъ поэтому обострился и Норденшельдъ оставилъ край [186]).

Ультралиберальныя и оппозиціонныя идеи, разлившіяся по Европѣ въ 1848 г., волновали также экзальтированныя головы среди образованной молодежи въ Финляндіи. Въ періодъ Крымской войны либералы симпатизировали коалиціоннымъ державамъ, усматривая въ самодержавной монархіи императора Николая опаснѣйшаго врага конституціоннаго образа правленія. Родилось нѣкоторое опасеніе, чтобъ Финландія не увлеклась вихремъ событій. Къ счастію, все ограничилось небольшою группою интеллигенціи. Среди университетской молодежи образовалась незначительная кучка «безкровныхъ» фрондирующаго направленія. Фрондерство получило антинаціональное и антипатріотичное направленіе, но былъ періодъ, когда поднятый «безкровными» шумъ и толки сдѣлались почти повсемѣстными. Въ одно время кучка эта настолько окрѣпла, что дерзнула бойкотировать выдающагося литератора и поэта Захарія Топеліуса, за совершенно скромное стихотвореніе, и одного студента за то, что онъ добровольно вступилъ въ ряды войска, отражавшаго непріятеля.

Финляндцы, недовольные положеніемъ дѣла на родинѣ, удалились въ Стокгольмъ, откуда періодически стали появляться маленькія брошюры «Финляндскія дѣла» («Finska förhållanden»). Ихъ составители пытались доказать, что часть финляндцевъ крайне враждебно настроена противъ Россіи и русской власти и потому требуетъ обязательнаго отдѣленія Финляндіи отъ Имперіи и возсоединенія со Швеціей; что «существеннѣйшіе интересы Финляндіи стояли и всегда будутъ стоять въ противорѣчіи съ поползновеніями русской политики»; что «Императоръ Николай I вовсе не долженъ былъ считаться законнымъ государемъ Финляндіи» и т. п. [187]).

Часть шведскаго общества и финляндскіе эмигранты находили, что насталъ удобный моментъ для основанія Сѣверныхъ Скандинавскихъ Штатовъ, въ составъ коихъ должны были войти Швеція, Норвегія, Данія и Финляндія. Очевидно, что графъ Бергъ имѣлъ въ виду именно этихъ недовольныхъ, съ Эмилемъ фонъ-Квантеномъ во главѣ, когда писалъ министру статсъ-секретарю о существованіи общества, возбуждавшаго край противъ русскаго правительства («d'une société d'hommes qui agitent le pays contre nous»).

Лѣтомъ 1856 года Э. фонъ-Квантенъ просилъ разрѣшить ему поселиться въ Швеціи. Сдѣлавъ объ этомъ представленіе, графъ Бергъ писалъ: «Такъ какъ г-нъ фонъ-Квантенъ, во время пребыванія своего въ Швеціи, политическими сочиненіями своими выражалъ разныя для существующаго порядка въ отчизнѣ его опасные виды, то я, съ своей стороны, полагалъ бы оставить прошеніе безъ вниманія». Государь взглянулъ на дѣло иначе и надписалъ: «Дозволить, ибо однимъ негодямъ будетъ въ Финляндіи меньше» [Москва, 25 августа (6 сентября) 1856 года [188]).

Кружокъ «безкровныхъ» поддерживался преимущественно финляндскими выходцами, удалившимися въ Швецію, и газетой «Aftonbladet». Чтобы умѣрить вліяніе, шедшее изъ Швеціи, туда посланъ былъ профессоръ Ильмони, которому удалось въ извѣстной мѣрѣ объяснить шведскому обществу истинное настроеніе Финляндіи. Въ Швеціи готовы были думать, что Финляндія ищетъ только случая къ возстанію, почему стокгольмская печать усердно занялась вопросомъ о судьбѣ прежнихъ подданныхъ королевства. Утверждаютъ даже, что Швеція, заключая въ ноябрѣ 1855 года союзъ съ Англіей и Франціей, въ секретной статьѣ договора поставила условіемъ возвращеніе ей Финляндіи [189]). Старый король Оскаръ дѣйствовалъ осмотрительно, но пылкій кронпринцъ Карлъ открыто рвался къ союзникамъ. «Братцы!—сказалъ онъ, обращаясь къ войскамъ на парадѣ,—я думаю, что намъ слѣдуетъ послать къ чорту весь нейтралитетъ!» [190]) Присоединеніе Швеціи къ коалиціоннымъ государствамъ весьма замѣтно ободрило и оживило настроеніе нѣкоторыхъ круговъ финляндскаго общества, въ предположеніи, что новый союзъ можетъ повести къ измѣненію политическаго положенія Финляндіи.

Со скандинавскими листками и брошюрами боролся одинъ только Снельманъ, но боролся открыто, смѣло и сильно въ своемъ изданіи «Литературный Листокъ». Его статья, осудившая выходку Норденшельда, была встрѣчена въ Швеціи весьма сурово. Снельманъ въ подобныхъ случаяхъ не оставался въ долгу. Въ своемъ отвѣтѣ онъ разсмотрѣлъ «значеніе финляндской эмиграціи», и въ выводѣ рѣзко осудилъ ее, отказываясь видѣть въ эмигрантахъ представителей финскихъ интересовъ. Онъ не одобрилъ также ихъ литературной пропаганды. По своему происхожденію эмигранты принадлежали преимущественно къ шведамъ, почему легко отряхали съ ногъ финскую землю. Статьями, подобными снельмановскимъ, политическому фрондерству наносились сильные удары.

Генералъ-губернаторъ графъ Бергъ удвоилъ свое вниманіе. При посредствѣ почтъ-директора Вульферта онъ организовалъ тайное наблюденіе за шведско-финляндской корреспонденціей, а при помощи студента Оскара Тамеландера устроилъ надзоръ за подозрительными личностями. Наблюденіе никакихъ серьезныхъ результатовъ не дало въ виду того, что заподозрѣнные были предупреждены о «миссіи» названнаго студента начальникомъ канцеляріи генералъ-губернатора барономъ Эдвардомъ Валленомъ. Онъ же содѣйствовалъ разоблаченію Тамеландера, указавъ на деньги, полученныя этимъ студентомъ. Позорная исторія раскрылась и глубоко возмутила общественное мнѣніе Финляндіи [191]). Возникъ конфликтъ между университетомъ, требовавшимъ удаленія соглядатая, и начальникомъ края, взявшимъ было сперва студента подъ свою защиту.

Переписка съ графомъ Армфельтомъ оживилась. Дѣло доложили Государю, который выразилъ свое неудовольствіе по поводу дѣйствій генералъ-губернатора и согласился на удаленіе студента изъ университета. Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено, чтобы впредь важнѣйшія дѣла университета не рѣшались безъ генералъ-губернатора. «Я самъ,—сказалъ при этомъ Государь,—состоя канцлеромъ университета, во время управленія кн. Меншикова, подчинялся этому принципу. Безъ единства власти невозможно достигнуть хорошихъ результатовъ. Что же касается полицейскихъ мѣръ, то въ этой области генералъ-губернаторъ, безъ сомнѣнія, долженъ имѣть въ рукахъ всѣ нити» [192]). Средства графа Берга были, конечно, нравственно предосудительны, но съ другой стороны надо признать, что «корнемъ всего зла являлись все-таки тѣ глупцы и пустые фантазеры, которые ввели смуту въ финляндское общество».

Послѣ этой исторіи уваженіе къ «сатрапу» Бергу было окончательно утрачено. Непопулярность его возросла. Отношенія графа къ университету сдѣлались крайне враждебными, и положеніе Берга въ Финляндіи вообще стѣснительнымъ. Поводы къ его удаленію увеличивались.

Вообще пылкій и подвижный, графъ Бергъ «не былъ созданъ» для флегматическаго тихохода финна. Финны и Бергъ не были строены по одному ключу. Въ немъ видѣли человѣка недостаточно основательнаго и не питали довѣрія къ его преобразовательнымъ планамъ. Графъ Армфельтъ характеризовалъ его, какъ «arbitraire et inconsidéré dans ses propos» [193]).

Бергъ не нравился еще финнамъ и потому, что не всегда придерживался предписанія закона и недостаточно проявилъ сочув-

ствія къ конституціонному образу правленія. Графъ Бергъ, при своей подвижности, вообще плохо уживался съ медленнымъ ходомъ всей финляндской административной машины. Подозрительность графа Берга также не послужила въ его пользу. Короче, графъ Бергъ пришелся финнамъ не ко двору.

Въ концѣ 1858 года симпатія къ ветеранамъ войны 1808 года возрастала все болѣе и болѣе. Въ пользу ихъ устраивались студенческіе концерты и вечера, отличавшіеся патріотическимъ энтузіазмомъ. На нихъ съ большимъ подъемомъ декламировались стихи Топеліуса и Рунеберга, и былъ пропѣтъ въ первый разъ «Бьернеборгскій маршъ» со словами, сочиненными Топеліусомъ [194]).

Въ то же время шли сборы на постройку національнаго дома для студентовъ, при чемъ оппозиція дала знать о себѣ постановкой пьесы съ намеками и выходками по адресу противниковъ эмиграціи въ Швецію и съ рѣзкимъ осужденіемъ поведенія Снельмана, Фр. Сигнеуса и др. Финляндія характеризовалась въ пьесѣ, какъ бѣдная и угнетенная страна.

«Эти два чувства,—къ студенческому долгу и къ ветеранамъ,—одно направленное къ грядущему, другое—къ прошедшему, одно—посвященное лучшимъ надеждамъ отечества, другое—лучшимъ воспоминаніямъ прошлаго, свидѣтельствовали о пробужденномъ настроеніи, болѣе мужественномъ, болѣе полномъ надеждъ, и разсѣявали мрачныя думы послѣднихъ лѣтъ» [195]).

Ни одно политическое движеніе того времени не обходилось безъ участія студентовъ. «Тёлёская исторія», «союзъ безкровныхъ», движеніе въ пользу ветерановъ, разныя демонстраціи—всюду студенты. Неудивительно поэтому, если графъ Бергъ сталъ смотрѣть на университетъ, какъ на очагъ политическихъ смутъ. «Онъ даже увѣрялъ директора своей канцеляріи, С. Антеля, что положительно боялся этого учрежденія» [196]).

Въ университетѣ генералъ-лейтенантъ Іоганъ Мункъ замѣнилъ весьма непопулярнаго вице-канцлера генерала Норденстама, который «слишкомъ усердно и педантично слѣдовалъ циркулярамъ и указаніямъ изъ Петербурга». Мункъ старался смягчить строгости и передать заботу о нравственности учащихся въ руки самой молодежи. По мнѣнію Мунка, молодежь рѣдко грѣшила вслѣдствіе злого умысла, а гораздо чаще по легкомыслію и недостаточному пониманію, равно какъ вслѣдствіе преувеличеннаго мнѣнія о своихъ силахъ [197]). Вообще университетъ рѣшилъ высказать, что болѣе либеральная политика въ отношеніи студентовъ прино-

ситъ хорошіе плоды. «Das ist auch meine Ansicht», отвѣтилъ по этому поводу Государь.

«Какъ могло случиться, пишетъ современникъ (Филиппеусъ), что уже съ самаго начала отношенія между Бергомъ и университетомъ оказались натянутыми—для меня совершенно непонятно. Въ сущности говоря, Бергъ въ глубинѣ души отнюдь не былъ обскурантомъ. Бергъ самъ слушалъ лекціи въ Дерптѣ и неизмѣнно сохранилъ въ своей натурѣ нѣчто, напоминавшее студента, и я положительно не въ силахъ себѣ представить, какой осязательный поводъ онъ могъ подать къ тому, чтобы съ первыхъ же шаговъ вызвать антагонизмъ между собою и университетомъ. Причинъ этому должно было быть не мало, и ихъ слѣдуетъ искать съ обѣихъ сторонъ. Такъ, съ одной стороны, университетъ состоялъ исключительно изъ финляндцевъ, которые, какъ извѣстно, нѣсколько тяжеловѣстны, боятся сильныхъ движеній. Съ другой стороны, еще непосредственнѣе задѣвало университетъ та чрезмѣрная строгость, съ которой Бергъ распоряжался цензурой, наложивъ почти безусловный запретъ на всѣ шведскія печатныя произведенія политическаго содержанія.

«Бергъ совершенно не понималъ по шведски, тогда какъ изъ университетской корпораціи лишь очень немногіе знали какой либо другой языкъ, кромѣ шведскаго. Этимъ съ самаго начала исключалась возможность взаимнаго сближенія, и Бергъ не довѣрялъ университету, считая его очагомъ опаснаго политическаго направленія. И нельзя отрицать, конечно, что симпатіи университета были на сторонѣ Швеціи, каковое явленіе, независимо отъ разныхъ другихъ обстоятельствъ, объясняется общностью въ языкѣ, а слѣдовательно, и духовной зависимостью отъ шведовъ, а также тѣмъ, что въ немъ царствовалъ духъ, далеко не дружественный Россіи. Подобныя чувства были, однако, чисто платоническими.

«Какъ бы то ни было, но фактъ тотъ, что Бергъ, вскорѣ сталъ питать къ университету чувство, близкое къ ненависти. Во время своего пребыванія въ Петербургѣ зимою 1855—1856 г.г., однажды ночью въ комнату вошелъ присланный изъ Гельсингфорса фельдъегерь и принесъ, между прочимъ, извѣстіе о происшедшихъ въ университетѣ безпорядкахъ, во время которыхъ вице-канцлеру барону Мунку было нанесено оскорбленіе. Едва я прочелъ Бергу это извѣстіе, какъ онъ вскочилъ и воскликнулъ въ гнѣвѣ: «Они доведутъ меня до того, что я повѣшу двоихъ или троихъ передъ зданіемъ университета»! [198]).

Неудовольствіе университетомъ вызвало нѣсколько проектовъ. Оберъ-хирургъ русскихъ войскъ, расположенныхъ въ Финляндіи (І. Ф. Гейфельдеръ), предложилъ пригласить профессоровъ изъ Германіи. Мысль эта понравилась графу Бергу и онъ въ письмѣ къ графу Армфельту указалъ на приглашеніе Екатериной II нѣмцевъ въ Выборгскую губернію для вытѣсненія оттуда шведовъ. Однако изъ проекта (Гейфельдера) ничего не вышло. Пригласили изъ Дерпта на каѳедру хирургіи доктора Шимановскаго, который вскорѣ вернулся къ прежнему мѣсту служенія [199]).

Затѣмъ въ 1857 году, по тѣмъ же политическимъ соображеніямъ, возбужденъ былъ въ Петербургѣ проектъ замѣнить университетъ отдѣльными коллегіями и профессіональными школами, по образцу французскихъ, и въ связи съ этимъ предварительно перемѣстить университетъ въ какой нибудь маленькій городъ края. Сторонниками этого проекта оказались такіе вліятельные финляндцы, какъ Л. фонъ-Гартманъ, графъ Армфельтъ, Шернваль-Валленъ и др. Императоръ Александръ II съ своей стороны также сочувствовалъ этому плану, но условно, заявивъ, что къ этому дѣлу нельзя приступать, если общественное мнѣніе въ Финляндіи окажется противъ него [200]). Графъ Бергъ протестовалъ изъ опасенія, что университетъ уйдетъ изъ его наблюденія.

Непріятности и осложненія въ университетской жизни не прекращались. На майскомъ праздникѣ студенты спѣли «Бьернеборгскій маршъ». Бергъ забилъ тревогу, находя что подобнаго рода произведеніе болѣе умѣстно въ лагерѣ гарибальдійцевъ, чѣмъ въ собраніи студентовъ. «Финляндскій стихослагатель,—писалъ графъ Бергъ графу Армфельту,—счелъ умѣстнымъ въ 1860 году вернуться мысленно къ обстоятельствамъ 1808 года, когда борьба финляндцевъ съ Россіей еще являлась закономѣрной и, подъ этимъ предлогомъ, воспѣвать кровопролитіе и насиліе» [201]).

Новый и весьма острый поводъ къ неудовольствію дали студенты въ 1860 году [202]). Въ дни промоціи молодые магистры не пригласили на свой балъ Берга. Балъ запретили. Тогда 400 гражданъ, въ сущности приглашенные гости, взяли на себя роль хозяевъ и пригласили магистровъ, т. е. обмѣнялись номинально ролями, дабы лишить генералъ-губернатора возможности вмѣшаться въ дѣло, и балъ, вопреки его желанія, состоялся [203]). Раздраженный этимъ поступкомъ, Бергъ отправился въ Петербургъ. Туда же поѣхалъ вице-канцлеръ Мункъ, тоже для переговоровъ съ Армфельтомъ. Финляндцамъ удалось, по заявленію Авг. Шаумана, представить дѣло такъ, что «ядовитыя затѣи генералъ-губернатора

*

были парализованы» [204]). Надо полагать, что въ Петербургѣ поднятъ былъ вопросъ или о совершенномъ прекращеніи промоцій, или о томъ, чтобы временно отложить ихъ. Основаніе къ такому предположенію даетъ особая записка (отъ 25 ноября—безъ обозначенія года), очевидно, предназначенная начальству для соображенія вопроса.

«Университетъ, говорилось въ запискѣ, считается въ краѣ зародышемъ финскаго просвѣщенія, его любятъ, какъ благотворную мать, которой каждый обязанъ благодарностію за полученное образованіе, и всѣ отъ мала до велика хранятъ его какъ драгоцѣннѣйшее достояніе страны. Отсюда проистекаетъ и то горячее участіе, съ коимъ принимается каждый вопросъ, въ томъ или иномъ отношеніи касающійся университета. Этимъ же объясняется въ краѣ значеніе всякаго торжественнаго университетскаго собранія и въ особенности торжественное дарованіе диплома на ученую степень считается важнѣйшею эпохою въ жизни виновника подобнаго торжества. Родители, братья, сестры и родственники рѣдко упускаютъ случай своимъ присутствіемъ почтить увѣнчаннаго лавровымъ вѣнкомъ родственника, и поѣздки для такой цѣли предпринимаются за 500 и 700 верстъ.

«Мысли, выражаемыя въ университетѣ и получившія общее одобреніе, повсемѣстно распространяются студентами. Этимъ объясняется также почему нынѣшній Финляндскій генералъ-губернаторъ (гр. Бергъ), не смотря на свои общепризнаваемыя благонамѣренныя и даже полезныя попеченія о развитіи и преуспѣяніи края, не могъ однако снова пріобрѣсти популярности, утраченной имъ вслѣдствіе слишкомъ усерднаго преслѣдованія лицъ, участвовавшихъ въ извѣстномъ Тёлёскомъ собраніи и въ особенности вслѣдствіе стараній оправдать студента Тамеландера».

«Уже нѣсколько разъ возникалъ вопросъ о томъ, что эти промоціи будутъ, по повелѣнію свыше, совершенно прекращены, но такая мѣра произведетъ горестное впечатлѣніе во всемъ краѣ и не достигнетъ цѣли. Если считать отмѣну послѣдствіемъ бывшихъ безпорядковъ, то отмѣна эта послужила бы знакомъ мстительности и злопамятности, недостойнымъ справедливаго и сильнаго правительства. Если же отложить промоціи, то это значило бы выразить опасенія и показать слабость недостойную такого могущественнаго и мудраго правительства». Промоціи сохранились.

Политическая жизнь часто прорывалась въ стѣны университета, нарушая его обычную жизнь и отвлекая учащихся отъ науки. Въ какое положеніе по отношенію къ политикѣ начальство желало

поставить студентовъ видно изъ слѣдующей рѣчи, обращенной къ нимъ 18 января (н. ст.) 1862 года. Ректоръ Арппе, открывая курсы университета, сказалъ: «Нынѣшняя минута полна особой важности, она выводитъ насъ на новый путь политическаго сознанія. Въ какой мѣрѣ юношество университета имѣетъ право участвовать въ вопросахъ времени?... Оно имѣетъ полную свободу, полное право сочувствовать всякому благородному патріотическому развитію; но его положеніе относительно этихъ вопросовъ должно быть чисто теоретическаго свойства, а ближайшая цѣль— самообразованіе, для принятія въ будущемъ дѣятельнаго участія въ дѣлахъ отечества» [205]).

Отношенія между Армфельтомъ и Бергомъ давно испортились. Вопросъ сводился лишь къ тому, кто кого сдвинетъ съ пути. «Въ тонкой игрѣ интригъ и тотъ и другой были сильны и опытны. Но въ игрѣ Берга часто обнаруживался грубый недостатокъ такта и правдивости. И благодаря этому недостатку онъ, наконецъ, палъ и проигралъ игру» [206]). Графъ Армфельтъ и Шернваль-Валленъ прилагали большія усилія къ удаленію генералъ-губернатора. По мнѣнію одного финляндскаго писателя, графъ Бергъ не высказывалъ достаточнаго сочувствія къ созыву сейма. Въ этомъ крылась едва-ли не главная его вина. «Бергъ былъ человѣкомъ николаевской системы» и упорно проводилъ свои личныя убѣжденія. Главную причину паденія Берга финляндскій писатель объясняетъ такъ: «Когда Александръ II пожелалъ возстановить конституціонныя учрежденія (institutioner) и допустить въ печати болѣе свободныя сужденія, гр. Бергъ противодѣйствовалъ благимъ намѣреніямъ Монарха, представляя ему раздраженное и опасное настроеніе въ странѣ. Такъ какъ это не совпадало съ стремленіемъ Армфельта и съ извѣстіями, которыя онъ по своимъ частнымъ источникамъ представлялъ Государю, то между нимъ и графомъ Бергомъ возникъ антагонизмъ» [207]).

Это едва-ли справедливо. Гр. Бергъ на дѣлѣ показалъ, что не чуждъ былъ конституціонныхъ вѣяній времени. Нельзя забывать, что Бергъ исходатайствовалъ (въ 1859 г.) повелѣніе сенату подготовить тѣ вопросы, для разсмотрѣнія которыхъ требовалось участіе земскихъ чиновъ. Слѣдовательно, причины нерасположенія къ Бергу крылись въ чемъ-то другомъ.

Противъ Берга выставленъ былъ длинный списокъ разнаго рода обвиненій. Чтобы собрать возможно болѣе жалобъ и обвиненій, баронъ Шернваль-Валленъ поѣхалъ въ объѣздъ по Финляндіи, подъ предлогомъ осмотрѣть положеніе края въ виду неурожая.

По возвращеніи Шернваля, гр. Армфельтъ предложилъ ему составить особую записку. Тотъ написалъ. Въ этомъ документѣ Бергъ охарактеризованъ, какъ человѣкъ, дающій обѣщанія, коихъ не можетъ выполнить. Берга укоряли даже за то, что онъ поддерживалъ надежду на сеймъ; онъ заподозрѣвалъ личности безъ доказательствъ; онъ вѣрилъ въ существованіе тайныхъ обществъ (kotterier), кои носятся съ дурными противоправительственными планами, и дѣлаетъ это для того, чтобы отвратить сердце Монарха отъ вѣрнаго края, жители котораго, на глазахъ всего свѣта, доказали свою преданность. «Если я имѣю мужество,—продолжалъ Шернваль-Валленъ,—сказать это у трона, то потому, что слушаю свою совѣсть, какъ честный мужъ и вѣрноподданный; кромѣ того, я повторяю лишь то, что сотни тысячъ голосовъ говорятъ на моей родинѣ»...

Лично Армфельтъ обвинялъ его, кромѣ того, въ томъ, что онъ въ теченіи многихъ мѣсяцевъ не сообщалъ сенату тѣхъ резолюцій Государя, которыя шли вразрѣзъ съ его мнѣніемъ [208]).

Въ союзѣ съ Армфельтомъ и Шернвалемъ противъ генерала Берга выступилъ въ походъ еще одинъ вліятельный финляндскій дѣятель того времени—баронъ Каземіръ фонъ-Котенъ. Баронъ Котенъ сдѣлался врагомъ графа Берга за то, что былъ имъ уволенъ отъ должности инспектора поселенныхъ войскъ. Котенъ былъ дѣятельный, но суетливый и безпокойный человѣкъ. Въ концѣ концовъ онъ всѣхъ настроилъ противъ себя до такой степени, что долженъ былъ удалиться изъ Финляндіи и поселиться за границей. Шернваль-Валленъ былъ его близкимъ пріятелемъ и надо полагать привлекъ его къ участію въ интригѣ, съ цѣлью низверженія общаго врага. Котенъ составилъ Denkschrift, который былъ также поданъ Государю черезъ гр. Армфельта.

Записка Котена характерна для уясненія закулисной исторіи того времени. Она очень многословна. Котенъ развязно рисуется въ ней своими добродѣтелями и политической предусмотрительностью. «Мрачныя мои предположенія оправдались; но не надо отчаяваться»... «Чтобы лучше обозрѣть Финляндію, встанемъ на возвышенную точку и оттуда бросимъ спокойный взглядъ, обнимемъ болѣе широкій періодъ»... Котенъ все время позируетъ и вѣщаетъ голосомъ какого-то непогрѣшимаго авторитета. Зная

весьма заурядную службу Котена губернаторомъ въ Выборгѣ, начальникомъ училищнаго вѣдомства, сенаторомъ и инспекторомъ поселенныхъ баталіоновъ, и имѣя въ виду весьма ограниченныя его способности, приходится изумляться его тону и его самоувѣренности, ибо рѣшительно ничто не давало ему права выступать въ роли верховнаго судьи своего начальника и представителя всего края. Между тѣмъ баронъ Котенъ писалъ: «Я не могу уважать графа Берга... Я отъ добраго сердца прощаю ему причиненныя мнѣ обиды. Я даже готовъ простить его слабость,—кто-же ихъ не имѣетъ,—если бы онъ этими слабостями не деморализировалъ народъ и не компрометировалъ интересы нашего Повелителя». Затѣмъ выписываются многочисленныя обвиненія. Котенъ предъявляетъ ихъ заносчиво, гордо, а главное—совершенно голословно. «Генералъ-губернаторъ,—писалъ баронъ,—призванъ слѣдить за сенатомъ, а не направлять его по своему усмотрѣнію... Началось сближеніе съ Россіей... Вся страна оплакивала Александра I и слезы эти были искренни». Политика-же графа Берга вела къ отчужденію отъ Имперіи. Графъ Бергъ присвоилъ себѣ неограниченную власть. Его сатрапское управленіе представляло неудобства для Финляндіи, и потому Котенъ искалъ средства освободить край отъ гнета, подъ которымъ яко-бы стоналъ народъ. «Я не скрываю, что разъ генералъ-губернаторъ захватитъ всю власть, а сенатъ превратитъ въ регистраторскую канцелярію его мечтаній и прихотей, то народъ годъ отъ году все болѣе и болѣе будетъ убѣждаться въ томъ, какъ много имъ потеряно, при отторженіи отъ Швеціи»... Связь съ Россіей рвется и ослабѣваетъ... По увѣренію Котена, графъ Бергъ раздавалъ демократическія и финноманскія обѣщанія, а его окружающіе содѣйствовали вызову волненія; при Бергѣ журналистика была призвана судить по вопросамъ политическимъ, порядокъ ослабѣлъ и т. п. Управленіе графа привело къ тому, что оппозиціонный духъ охватилъ всѣ классы, а молодая Финляндія сплотилась и окрѣпла подъ знаменемъ языка и національности.

И всѣ эти длинныя и необоснованныя разсужденія графъ Армфельтъ подносилъ Государю, утруждая Монарха ихъ чтеніемъ. Государь сдѣлалъ на поляхъ нѣсколько замѣчаній. По поводу заявленій Котена о томъ, что прежде власть не теряла въ престижѣ и въ общемъ дѣла шли прекрасно, Государь отмѣтилъ: «Что не мѣшало тогда горько жаловаться на Закревскаго и въ особенности на Меншикова, при которомъ Котенъ стоялъ такъ долго». Котенъ разсыпался въ похвалахъ барону Рокасовскому,

правившему краемъ до графа Берга; между тѣмъ изъ отмѣтки Его Величества видно, что въ первый годъ войны Рокасовскій явился представителемъ системы неподвижности и поддерживался лишь прежде дѣйствовавшей силой и главнымъ образомъ барономъ Гартманомъ, который проводилъ свои желанія; несостоятельность Рокасовскаго, по выраженію Государя, «сказалась ярко». Такъ какъ одна изъ мыслей Котена сводилась къ необходимости урегулировать положеніе генералъ-губернатора и возстановить вообще уваженіе къ власти, то Государь выразилъ желаніе узнать, какими средствами Котенъ имѣлъ въ виду достигнуть подобныхъ цѣлей.

Эта послѣдняя надпись Государя дала поводъ Котену представить вторую записку.

Въ новой своей «Denkschrift» (отъ 6—18 мая 1860 года) Котенъ, пользуясь случаемъ, возобновилъ и дополнилъ обвиненія графа Берга въ незнаніи имъ края, въ деморализированіи Финляндіи, въ назначеніи на разныя должности недостойныхъ лицъ и т. п. Для введенія-же власти генералъ-губернатора въ должныя границы, Котенъ рекомендовалъ и хвалилъ комитетъ по финляндскимъ дѣламъ. Баронъ доказывалъ, что зло наилучшимъ образомъ будетъ исправлено комитетомъ (учрежденіе котораго состоялось 27 марта—8 апрѣля 1857 г.). Для этого нужно въ его правахъ и организаціи ввести лишь нѣкоторыя поправки. Надо, напримѣръ, чтобы онъ состоялъ изъ однихъ финляндцевъ, чтобы ни одно дѣло не восходило къ Монарху, не пройдя комитета, и чтобы награды и должности не раздавались генералъ-губернаторомъ безъ содѣйствія комитета.

Комитетъ ставился выше сената. На сенатъ, по мнѣнію Котена, могли вліять и улица, и генералъ-губернаторъ, комитетъ же можно было поставить внѣ всякихъ давленій. Комитетъ могъ регулировать сеймъ и контролировать какъ сенатъ, такъ и генералъ-губернатора, дабы послѣдній не могъ уклоняться отъ истины. Въ Финляндіи, увѣрялъ Котенъ, найдутся пригодные мужи, которые на глазахъ Его Величества въ состояніи будутъ вырабатывать такіе проекты, которые примутся земскими чинами съ благодарностью. Этимъ путемъ разсѣяна будетъ и та антипатія, которая накопилась противъ русскаго Монарха. Комитетъ можетъ вернуть все къ порядку, установить равновѣсіе между властями и водворить спокойствіе въ краѣ. Комитетъ опора всего. Вездѣ нуженъ совѣтъ и онъ долженъ находиться также около Государя. Комитетъ явится чудной школой для воспитанія государственныхъ

людей, которые станутъ согласовывать и примирять интересы Россіи и Финляндіи. Въ періоды-же смѣны генералъ-губернаторовъ, комитетъ способенъ устранить всякія колебанія.

На этой запискѣ барона Котена рукой Государя значится: «Мы объ этомъ поговоримъ».

Такимъ образомъ другъ Шернваля очень ретиво поддержалъ его и Армфельта въ борьбѣ противъ сильнаго графа Берга и одновременно составилъ панегирикъ, учрежденному по мысли и желанію министра статсъ-секретаря, комитету финляндскихъ дѣлъ.

Вѣроятно, опасаясь, что всего высказаннаго окажется недостаточно для того, чтобы свалить графа Берга, предусмотрительный графъ Армфельтъ вытребовалъ новые резервы. Въ качествѣ таковыхъ, противъ графа Берга ловко направлена была дѣятельность еще нѣкоторыхъ финляндцевъ, хотя не столь близкихъ къ высшимъ сферамъ, какъ баронъ Котенъ. Впрочемъ сѣть интриги плелась давно и искусно. Совмѣстная кампанія приносила плоды, такъ какъ всѣ члены ея пользовались подходящими случаями для изліянія своихъ чувствъ и воззрѣній. Вотъ тому маленькое доказательство. «Невыгодные и странные слухи о генералъ-губернаторѣ Финляндіи Бергѣ правдоподобны»—читаемъ въ записной книжкѣ графа П. Х. Граббе, котораго передъ этимъ посѣтилъ начальникъ финляндскаго штаба генералъ Норденстамъ [209]).

Въ сентябрѣ 1860 г. (Постан. В. Кн. Ф. 1860, № 18) состоялось учрежденіе при финляндскомъ сенатѣ особой экспедиціи земледѣлія и общественныхъ работъ. Начальникомъ экспедиціи былъ назначенъ сенаторъ Грипенбергъ. Новый законъ предписывалъ начальнику экспедиціи совершать поѣздки по краю, съ цѣлью пріобрѣтенія необходимыхъ для него свѣдѣній. Таково офиціальное основаніе миссіи Грипенберга, но въ сущности онъ колесилъ по Финляндіи, исполняя спеціальную командировку, данную ему Армфельтомъ.

Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ онъ говоритъ сперва о земледѣліи, объ осушкѣ болотъ, неосѣдломъ классѣ населенія и т. п., но неожиданно главную часть своего донесенія посвящаетъ вопросу объ общемъ расположеніи духа въ краѣ, цензурѣ, сеймѣ, генералъ-губернаторѣ, т. е. предметамъ, очевидно, не подлежащимъ вѣдѣнію экспедиціи земледѣлія.

Конечно, Грипенбергъ дѣлалъ эти отступленія «какъ вѣрноподданный» и «финскій гражданинъ». Онъ не можетъ скрыть господствующаго въ краѣ, среди образованнаго класса, грустнаго

настроенія, происходящаго отъ того, что сеймъ откладывается, цензура строга и денежное положеніе находится въ опасности. Но главная заноза въ организмѣ края—генералъ-губернаторъ.

«Никто не отвергаетъ необыкновенной дѣятельности генералъ-губернатора, хотя онъ иногда и ошибался на счетъ предѣловъ своей дѣятельности; но въ немъ не находятъ той прямоты души, которую желали бы видѣть въ лицѣ, представляющемъ въ краѣ Высочайшую Особу Вашего Императорскаго Величества». Вслѣдствіе этого генералъ-губернатору «не удалось пріобрѣсти общаго довѣрія въ краѣ». Неудовольствіе высшими чинами основано на томъ, что они «своими совѣтами вводятъ въ заблужденіе Ваше Величество».

Упомянувъ о сеймѣ, цензурѣ и денежномъ положеніи, Грипенбергъ продолжаетъ: «Несмотря на все это, я никогда не могъ замѣтить какихъ либо стремленій къ той странѣ, которой прежде принадлежала Финляндія, но должно опасаться, что они мѣстами существуютъ, хотя еще не обнаруживаются». Предположеніе о возможности такихъ стремленій основывается на томъ, что Швеція значительно опередила Финляндію, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ развитіи, и что шведы при подходящихъ случаяхъ стараются «выразить свое сочувствіе къ Финляндіи». «Слѣдовательно, если нельзя отвергать у шведовъ подобнаго сочувствія къ Финляндіи, то трудно предполагать, чтобы оно современемъ не оказало вліянія и на расположеніе умовъ въ Финляндіи, въ особенности, если долго не осуществятся настоящія ожиданія на счетъ развитія края». Не трудно догадаться и понять, что это развитіе можно было осуществить только при содѣйствіи сейма.

Государь повелѣлъ «сообразить въ комитетѣ».

5 октября 1861 г. комитетъ финляндскихъ дѣлъ разсмотрѣлъ рапортъ барона Грипенберга. Протоколъ сего засѣданія своеобразенъ и интересенъ. Въ виду того, что до сихъ поръ оставался въ тайникахъ архива, а между тѣмъ онъ отчетливо обрисовываетъ пріемы финляндскихъ политиковъ, мы сдѣлаемъ изъ него извлеченіе наиболѣе существеннаго.

Оригинально, что ближайшую цѣль поѣздки Грипенберга комитетъ вовсе не обсуждалъ, на томъ основаніи, что уже успѣла состояться резолюція Государя о передачѣ въ сенатъ вопроса по земледѣлію, затронутому также въ донесеніи Шернваля о его поѣздкѣ, совершенной по Высочайшему повелѣнію.

Приступая ко второй части рапорта Грипенберга, комитетъ сдѣлалъ оговорку о своемъ вѣрноподданническомъ долгѣ высказаться безъ недомолвокъ и чистосердечно, не взирая «ни на какія личныя отношенія и интересы».

«По мнѣнію комитета генералъ-губернаторъ прямотою характера, а также всегда спокойнымъ и примирительнымъ образомъ дѣйствій долженъ внушать къ своему лицу уваженіе и умѣть снискать такое-же довѣріе и такую-же преданность, какія край неизмѣнно питаетъ къ представляемой имъ Высочайшей Особѣ. Безъ этихъ качествъ не можетъ быть необходимой нравственной связи между властію и народомъ, и высшее правительственное лицо въ Финляндіи всегда будетъ находиться въ изолированномъ положеніи. Что нынѣшній генералъ-губернаторъ не имѣетъ этихъ качествъ, это кажется уже достаточно показалъ опытъ, и вѣроятно также не безызвѣстно Его Императорскому Величеству.

«Комитетъ знаетъ, что вскорѣ по обнародованіи въ Финляндіи Высочайшаго Манифеста о созваніи комиссіи изъ выборныхъ лицъ отъ четырехъ сословій края, во многихъ мѣстахъ выразилось величайшее недовѣріе къ находящимся при Его Величествѣ совѣтникамъ, которыхъ обвиняли въ томъ, что они не изложили, какъ слѣдуетъ предъ трономъ настоятельной для края потребности въ созывѣ сейма. Всѣ громко выражали свое убѣжденіе, что если бы при сужденіяхъ, предшествовавшихъ изданію помянутаго Высочайшаго Манифеста, лица, подававшія совѣты, просили созванія государственныхъ чиновъ, то Его Императорское Величество по своей отеческой заботливости о благосостояніи подданныхъ, безъ сомнѣнія, не отказалъ бы въ подобной просьбѣ.

«Комитетъ осмѣливается думать, что Его Императорскому Величеству извѣстна необходимость сейма, какъ для устройства экономическихъ дѣлъ края, такъ и для нравственнаго развитія Финляндіи, а потому желаніе финляндцевъ сводится къ тому, чтобы сеймъ, наконецъ, былъ дѣйствительно созванъ.

«Препятствіе, которое къ удовлетворенію этого желанія было встрѣчаемо до сихъ поръ, какъ предполагаетъ комитетъ, въ опасеніи вліянія на прочія части Имперіи, теперь, кажется, можно считать устраненнымъ, послѣ того какъ Высочайшій Манифестъ о созваніи комиссіи вездѣ въ Имперіи былъ принятъ за повелѣніе о созваніи обыкновеннаго сейма въ Финляндіи, и это, повидимому, не только не произвело никакого впечатлѣнія, но даже сочтено было дѣломъ самымъ естественнымъ и законнымъ.

«По симъ уваженіямъ комитетъ осмѣливается всеподданнѣйше повергнуть на Высочайшее усмотрѣніе, не признаетъ ли Его Величество своевременнымъ и полезнымъ осуществить, наконецъ, надежды Финляндіи на скорое созваніе сейма.

«Комитетъ съ своей стороны вполнѣ раздѣляетъ замѣчанія сенатора Грипенберга въ отношеніи того, что въ Финляндіи не существуетъ особеннаго стремленія къ Швеціи.

«Комитетъ долгомъ считаетъ присовокупить еще, что въ послѣднее время неоднократно были дѣлаемы попытки къ распространенію въ Финляндіи скандинавизма и что шведское правительство, покровительствующее этой идеѣ, съ своей стороны, повидимому, было не совсѣмъ чуждо этихъ попытокъ. Но хотя до сихъ поръ отъ этихъ попытокъ и не обнаружилось еще никакихъ особенно важныхъ послѣдствій, однако онѣ не вездѣ были безплодны, и изъ этого комитетъ заключаетъ, что мысль о свободной автономіи, которую по идеямъ скандинавистовъ сохраняетъ каждая сторона, выступившая въ конфедерацію, находитъ и въ Финляндіи поклонниковъ и защитниковъ. Комитетъ, впрочемъ, смѣетъ питать убѣжденіе, что для противодѣйствія этому еще очень слабому и мало распространенному сочувствію къ скандинавизму и для удержанія его развитія можно найти какія-нибудь средства, для доставленія народу нравственнаго и матеріальнаго довольства».

И такъ, вопросъ о земледѣліи былъ совершенно отодвинутъ, а вмѣсто него комитетъ занялся политикой, обсуждая качества начальника края и доказывая необходимость созыва сейма. По представленіи протокола комиссіи Его Величеству, Государь надписалъ: «Дамъ по этому дѣлу личныя приказанія».

Нѣсколько ранѣе (24 марта 1860 г.) сенаторъ Фуругельмъ въ отдѣльномъ письмѣ представилъ подробное объясненіе по поводу добавочныхъ суммъ на Тавастгусскую желѣзную дорогу. Дѣло въ томъ, что графъ Бергъ, находясь въ Петербургѣ, въ декабрѣ 1859 г., испросилъ у Государя разрѣшеніе на ассигнованіе 1.000.000 р. на Тавастгусскую желѣзную дорогу. Сенатъ выразилъ свое сожалѣніе генералъ-губернатору за его отступленіе отъ установленнаго порядка, которое повело къ тому, что сенатъ лишился возможности высказаться по дѣлу. За это сенату было сдѣлано замѣчаніе. Теперь, когда представился случай, Бергу этого не простили, и Армфельтъ включилъ описанную исторію въ списокъ провинностей генералъ-губернатора. Объясненіе Фуругельма было представлено Государю.

Остается еще одна записка, которой придавали особенное значеніе при статсъ-секретаріатѣ. Ее составилъ сенаторъ ав.-Брунéръ по заказу, конечно, Армфельта и Шернваля. Она явилась въ сущности огромнымъ обвинительнымъ актомъ противъ генералъ-губернатора. Въ ней отразились всѣ обычные пріемы финляндцевъ, заискивавшихъ у власти въ кредитъ на свою лояльность и преданность. Въ печати эта записка не оглашалась, и потому выписываемъ изъ нея существеннѣйшія положенія.

«Съ нѣкотораго времени сдѣлалось замѣтно въ Финляндіи какое-то безпокойство, слышатся жалобы и возникаетъ неудовольствіе, выражающееся въ критикѣ направленія правительства и мѣстныхъ начальствъ и, въ особенности, правительственныхъ распоряженій генералъ-губернатора.... Всякій, кто ближе познакомился съ характеромъ собственно финскаго народа и свыкся не только съ понятіями его о своемъ правительствѣ.... найдетъ, что духъ финскаго характера, живущій въ груди народа, есть чисто монархическій. Отсюда, изъ этого источника истины и правосудія, народъ почерпаетъ также твердую увѣренность въ ненарушимомъ сохраненіи пріобрѣтенныхъ имъ и утвержденныхъ присягою правъ.

«Что касается въ особенности до понятія народа о нашемъ нынѣ царствующемъ Государѣ Императорѣ, то Его считаютъ добрѣйшимъ, справедливѣйшимъ, великодушнѣйшимъ и благодѣтельнѣйшимъ Государемъ. Съ этимъ понятіемъ соединяется еще другая мысль, а именно та, что Государь особенно любитъ финскій народъ, по крайней мѣрѣ, такой слухъ ходитъ въ народѣ. Подобно тому какъ Императоръ Николай составляетъ теперь миѳъ строгаго и грознаго Государя, такъ Императоръ Александръ II въ глазахъ народа есть осуществленіе идеи добраго, человѣколюбиваго Отца Отечества. Изъ сего, однако, не должно заключать, что эта любовь и преданность къ Монарху и Императорскому Дому простирается также и на Русскій народъ, къ которому доселѣ не было симпатіи по многимъ причинамъ, каковы суть: различіе религіи, характера, нравовъ и обычаевъ и проч. Но это впрочемъ не препятствуетъ обоимъ народамъ жить другъ съ другомъ въ мирѣ и согласіи.

«Прерванная уже полвѣка связь съ Швеціею все болѣе и болѣе становится преданіемъ между финляндцами, и если спросить кого либо изъ народа, какое изъ двухъ владычествъ онъ предпочитаетъ, русское или шведское, то онъ тотчасъ прямо отвѣтитъ слѣдующее: «мы счастливѣе тогда, когда можемъ жить

въ мирѣ и спокойствіи», или такъ: «наши отцы и предки въ шведскія времена ѣли чаще хлѣбъ съ корою, мы же теперь не имѣемъ нужды это дѣлать, съ тѣхъ поръ, какъ Императоръ снабжаетъ край русскою мукою». Должно, однако, сознаться, что и теперь уже есть многіе, преимущественно между сколько нибудь образованными людьми, кои считаютъ законодательство края недостаточнымъ и устарѣлымъ, его администрацію, особенно высшую, не соотвѣтствующею цѣли и имѣющею слишкомъ сильный надзоръ.... Находятъ крайне необходимымъ созваніе государственныхъ чиновъ. Но эти граждане, составляющіе немалое число членовъ во всѣхъ образованныхъ сословіяхъ и классахъ въ краѣ, суть въ то же время самые преданные сыны отечества... Они осмѣливаются при этомъ думать, что такое улучшеніе можетъ совершиться только посредствомъ общаго совѣщанія Государя съ народомъ на сеймѣ по установленному старинными постановленіями края порядку. Въ Финляндіи, однако, есть люди, хотя число ихъ и чрезвычайно ограничено, которые съ опасеніемъ смотрятъ на послѣдствія созванія сейма».

Но для того, чтобы у Монарха не возникло сомнѣнія въ возможности ограниченія его власти симъ учрежденіемъ, составитель записки въ мягкихъ выраженіяхъ умаляетъ права сейма. Описаніе автора далеко не соотвѣтствовало истиннымъ стремленіямъ руководителей финляндской политики того времени.

Согласно основнымъ законамъ 1772 и 1789 г.г. «исключительно одному только Государю принадлежитъ право какъ созывать государственные чины, когда онъ для пользы края почтетъ нужнымъ узнать ихъ мысли и совѣты, такъ и повелѣвать тотчасъ распущеніе сейма, въ случаѣ если онъ найдетъ поводъ быть недовольнымъ содѣйствіемъ сословій. Сословія не имѣютъ никакого права разсуждать о другихъ дѣлахъ, кромѣ тѣхъ, кои предлагаются имъ правительствомъ, но могутъ однако въ прошеніяхъ Государю представлять о желаніяхъ и нуждахъ края. Разсуждая о предложенныхъ дѣлахъ, они подаютъ только свои мнѣнія и не имѣютъ права выражать свое согласіе или несогласіе, исключая вопросовъ, касающихся до измѣненія основныхъ законовъ и привилегій сословій и до установленія новыхъ или увеличенія существующихъ налоговъ. Но главнѣйшее дѣйствительное право, дарованное сословіямъ основными законами, заключается въ правѣ сословій участвовать въ завѣдываніи финансами и чрезъ депутатовъ имѣть надзоръ за употребленіемъ государственныхъ доходовъ и общественныхъ податей, удовлетворяться въ дѣйствительной

надобности, когда требуется увеличеніе расхода, и просить объ уменьшеніи податей, если успѣшное состояніе управленія представляетъ къ тому основательный поводъ. Обидно, что при такомъ ограниченіи права разсужденій чиновъ не представляется никакой возможности для образованія партій, кои изъ частныхъ интересовъ могли бы поставить правительство въ затрудненіе,—какъ это нерѣдко случается въ сосѣднемъ государствѣ (Швеціи).

«Если къ сему, впрочемъ, присовокупить, что пренія на сеймѣ не публичны, то, я полагаю, изъ этого нетрудно усмотрѣть, какъ мало сходства между властію государственныхъ чиновъ въ Финляндіи и тѣмъ значеніемъ, какое имѣютъ законодательныя палаты въ прочихъ странахъ Европы, и считаю напраснымъ всякое опасеніе какихъ-либо послѣдствій отъ созванія сейма въ Финляндіи.

«Порядокъ шведскій не имѣетъ никакого сходства съ существующимъ въ Финляндіи, гдѣ государственныя сословія суть только совѣщательныя, а не рѣшающія.

«Мы думаемъ, что все вышеизложенное ясно доказываетъ, почему созваніе сейма въ Финляндіи не могло бы имѣть иныхъ послѣдствій, кромѣ самыхъ полезныхъ для Государя и страны».

Затѣмъ авторъ записки переходитъ къ вопросу: «Кто и кѣмъ въ Финляндіи собственно недоволенъ? Что касается генералъ-губернатора, то общее о немъ сужденіе въ краѣ очень различно. Но нельзя сказать, чтобы онъ пользовался любовью народа.... Но если участіе власти выражается только обѣщаніями, которыя потомъ не исполняются, то возбужденныя сначала надежды и чувства любви и почтенія уступаютъ мѣсто неудовольствію.

«Гораздо строже судятъ о немъ люди образованныхъ классовъ. Большая часть изъ нихъ почитаютъ его не твердымъ въ словѣ, подозрительнымъ, ненадежнымъ, непостояннымъ, суетливымъ и легкомысленнымъ въ правительственныхъ дѣлахъ, не питающимъ ни уваженія къ законамъ и постановленіямъ края, ни къ чужимъ взглядамъ и мнѣніямъ. Во многихъ мѣстахъ настроеніе противъ него столь враждебно, что даже не отдаютъ справедливости его многостороннимъ знаніямъ, его неутомимому трудолюбію, его бодрости и бдительности. Онъ сталъ прибѣгать къ помощи шпіоновъ по всѣмъ направленіямъ, стараясь открыть измѣнниковъ между финскимъ народомъ. Для довершенія этого, снисходительно говоря, неблагоразумнаго образа дѣйствій, онъ одного изъ своихъ лазутчиковъ взялъ изъ среды университетскаго юношества. Это вскорѣ обнаружилось и все образованное общество было этимъ глубоко тронуто и оскорблено.

«Въ Финляндіи распространено и торжественно объявляется многими, въ особенности изъ членовъ университета, мнѣніе, что генералъ-губернаторъ преслѣдуетъ это учебное заведеніе. Хотя на это собственно нѣтъ никакихъ доказательствъ, однако подобный слухъ значительно содѣйствуетъ къ увеличенію общаго къ нему негодованія, ибо университетъ, какъ душа народа и края, составляетъ для всѣхъ предметъ искренняго и горячаго участія. Въ связи съ симъ и кажется не безъ основанія, что генералъ-губернаторъ ненавидитъ право всякаго свободнаго выраженія мыслей.

«Вмѣшивается въ обязанности цензоровъ и въ занятія газетныхъ писателей. Его обвиняютъ также въ опрометчивомъ и быстромъ предложеніи слѣдующихъ одна за другою реформъ и проектовъ.

«Наконецъ, ставятъ генералъ-губернатору въ вину, что онъ самъ болѣе всего вызвалъ то тревожное состояніе, которое сдѣлалось господствующимъ въ Финляндіи и именно тѣмъ, что необдуманно поднялъ вопросы, имѣющіе, конечно, глубокій интересъ и весьма важное значеніе для края, но кои прежде, какъ составляющіе предметъ, принадлежащій къ кругу дѣйствія государственныхъ сословій, были мѣстными начальствами оставлены до того времени, когда они могли бы получить сообразное съ основными законами движеніе».

Какое вліяніе оказали въ отдѣльности записки Шернваля, Котена, Грипенберга, Фуругельма и Брунера, намъ неизвѣстно. Но мы видимъ, что всѣмъ дѣломъ руководила одна опытная въ интригахъ рука гр. Армфельта и всѣ составители записокъ мѣтили въ одну и ту-же цѣль.

Сильнѣйшимъ союзникомъ финляндцевъ явился князь Горчаковъ. Онъ просилъ Государя обратить особое вниманіе на финляндскій вопросъ. Взоры кн. Горчакова обращены были на Финляндію въ виду тревожнаго настроенія Польши. Опасались также международныхъ осложненій и участія въ нихъ Швеціи. «При такихъ обстоятельствахъ естественно было заботиться объ успокоеніи умовъ въ Финляндіи». А это достигалось, по мнѣнію канцлера, удаленіемъ Берга.

Бергъ искусно защищался и большимъ козыремъ въ его рукахъ явилась уличная демонстрація въ Гельсингфорсѣ. Воспользовался онъ также тѣми протестами, кои высказали въ нѣкоторыхъ городахъ депутаты при выборахъ въ комиссію. Бергъ хотѣлъ отмѣны выборной комиссіи. Армфельтъ, который ранѣе не раз-

дѣлялъ идеи комиссіи, теперь выступилъ съ отдѣльной запиской въ ея защиту.

Ходили слухи, что Бергъ во время своей аудіенціи старался убѣдить Государя въ необходимости удалить финляндскихъ совѣтниковъ, начиная съ графа Армфельта. Когда на это не послѣдовало согласія, то Бергу оставалось просить о своемъ удаленіи. «Сообщая объ этомъ гр. Армфельту, Государь,—по словамъ одного финляндца, лично видѣвшагося послѣ этого съ графомъ,—отозвался о Бергѣ неодобрительно [210]).

26 ноября (1861 г.) публика узнала изъ газетъ объ его уходѣ. Извѣстіе это вызвало всеобщую радость. Край могъ, конечно, быть ему благодарнымъ за всевозможное побужденіе, которое онъ давалъ и имѣлъ намѣреніе дать, но чувства признательности населеніе не проявило. Публицистъ Авг. Шауманъ, говоря (VII, 226) о графѣ, повторяетъ мысль, высказанную Филиппеусомъ въ его воспоминаніяхъ [211]). «Есть души,—сказалъ Гёте,—которыя, желая зла, дѣлаютъ добро». Безспорнымъ остается тотъ фактъ, что Бергъ дѣлалъ, или помогалъ другимъ дѣлать, какъ разъ обратное своимъ личнымъ желаніямъ. Я рѣшаюсь именно утверждать, что своею теперешнею автономіею Финляндія обязана всецѣло этому человѣку, который между тѣмъ, не только по своимъ представленіямъ объ обязанностяхъ поставленнаго волею Русскаго Царя генералъ-губернатора Финляндіи, но и по своему глубочайшему внутреннему убѣжденію, являлся заклятымъ врагомъ всякихъ стремленій къ автономіи и который, въ случаѣ надобности, былъ готовъ уничтожить ихъ въ корнѣ самыми безпощадными мѣрами».

Филиппеусъ, близко стоявшій къ генералъ-губернатору, поясняетъ, что «основаніе нерасположенія Берга ко всему, что касалось автономіи и конституціонализма, лежало не столько въ его антилиберальныхъ (хотя отнюдь не ретроградныхъ) воззрѣніяхъ или въ отдаваемомъ имъ лично предпочтеніи автократическимъ формамъ правленія, сколько, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ признавалъ господствующую шведскую партію, съ точки зрѣнія интересовъ исконнаго населенія края, антинаціональною, а искусственную денаціонализацію финскаго народа при посредствѣ суда и управленія, исключительно проникнутаго шведскимъ духомъ, считалъ прямою политическою ошибкою. Онъ придерживался того мнѣнія, что въ случаѣ, если бы финскій народъ оказался неспособнымъ къ образованію изъ себя самостоятельнаго культурнаго цѣлаго и если бы ему суждено было слиться съ другою націо-

нальностью, то такою поглощающею національностью должна быть во всякомъ случаѣ не шведская, а русская. Но онъ, по мнѣнію Филиппеуса, не сомнѣвался въ культурныхъ способностяхъ финскаго народа въ способности его языка къ развитію, и въ этомъ направленіи никогда не думалъ создавать какихъ либо препятствій съ своей стороны. Скорѣе мы могли бы сказать, что онъ былъ готовъ въ душѣ и на дѣлѣ всѣми силами старался не только идти навстрѣчу національному развитію народа, въ смыслѣ усовершенствованія его языка и школьнаго образованія, но даже опережать его на этомъ пути, забѣгать впередъ, расчищая дорогу. Обрусеніе Финляндіи—за исключеніемъ того случая, если бы оно оказалось настоятельно необходимымъ—столь же мало было ему по душѣ, насколько мало онъ былъ склоненъ допустить этотъ край сдѣлаться шведскимъ».

«Почти всѣ реформы, проведенныя позже вполнѣ легальнымъ порядкомъ и пробудившія край къ новой жизни, были не только предуказаны, но даже и начаты графомъ Бергомъ. Онъ не сумѣлъ ни одной изъ нихъ довести до конца, но зато его шестилѣтнее управленіе краемъ оставило Финляндіи богатую содержаніемъ программу, охватывавшую собою всѣ наиболѣе жизненные интересы народа» [212]).

Несомнѣнно, что графъ Бергъ много содѣйствовалъ экономическому развитію Финляндіи и, благодаря своей практической опытности, въ состояніи былъ принести еще большую пользу, и тѣмъ не менѣе его уходъ никого не огорчилъ [213]).

Нельзя сказать, чтобъ графъ Бергъ былъ совершенно чуждъ «сеймовыхъ симпатій», писалъ Снельманъ. Въ Высочайшемъ повелѣніи отъ 31 мая 1859 года, которое ставило сенату въ обязанность представить сеймовые вопросы, опредѣленно говорится, что оно явилось «по всеподданнѣйшему представленію генералъ-губернатора» [214]). Но все это было забыто.

На другой день вечеромъ, 27 ноября, послѣ объявленія о его уходѣ, въ новомъ шведскомъ театрѣ собралась большая публика. Передъ началомъ представленія она единодушно потребовала «Vårt land»; оркестръ заигралъ, вся публика стоя пѣла [215]). Этимъ она выразила свое удовольствіе по поводу ухода гр. Берга.

Уже въ мартѣ 1863 года гр. Бергъ находился въ Варшавѣ. На должность помощника главнокомандующаго войсками въ Царствѣ Польскомъ гр. Бергъ былъ назначенъ семидесятилѣтнимъ старикомъ, но онъ былъ «свѣжъ и крѣпокъ, какъ юноша, отлично ѣздилъ верхомъ, пилъ и ѣлъ за четверыхъ, работалъ съ утра до ночи, нисколько не утомляясь».

Дѣятельность фельдмаршала Берга въ Польшѣ оцѣнивалась съ разныхъ точекъ зрѣнія. «Вообще графъ Бергъ очень хорошій человѣкъ,—читаемъ въ запискахъ прусскаго канцлера кн. Гогенлоэ,—отправляетъ свои многотрудныя обязанности съ большимъ тактомъ и необычайной осмотрительностью». По мнѣнію русскаго писателя, графъ Бергъ подчинялся въ Варшавѣ партіи, прозванной въ русскихъ кружкахъ черною, по преобладанію въ ней ксендзовъ, и русское дѣло не встрѣтило въ немъ ни малѣйшей серьезной поддержки [216]).

---

*

V. Занятія выборной комиссіи и польское возстаніе.

Графа Берга замѣстилъ баронъ П. Рокасовскій. Такъ какъ Рокасовскій былъ членомъ комитета и находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ графомъ Армфельтомъ какъ предсѣдателемъ, то нѣтъ сомнѣнія,—читаемъ въ замѣткѣ одного современника,— что назначеніе его генералъ-губернаторомъ и созывъ сейма были между ними заранѣе условлены. Графъ Армфельтъ настолько былъ дальновиденъ, что для проведенія своихъ плановъ намѣтилъ генералъ-губернаторомъ лицо, не имѣвшее связей при дворѣ и не близкое къ Государю. Баронъ фонъ-Котенъ, жалуясь въ своей запискѣ на графа Берга, не упустилъ случая восхвалить барона Рокасовскаго и указать на него, какъ на «надлежащаго генералъ-губернатора». Котенъ писалъ, что для военныхъ дѣлъ у Рокасовскаго не хватало «качествъ». Его считали человѣкомъ слабымъ и безъ инціативы, но тѣмъ не менѣе—по мнѣнію названнаго финляндца, смѣло раздававшаго аттестаціи лицамъ, стоявшимъ выше его,— на твердость слова Рокасовскаго можно было положиться. Въ Финляндіи говорятъ,—прибавлялъ Котенъ,—что управленіе краемъ никогда не находилось въ болѣе хорошихъ и свѣдущихъ рукахъ, чѣмъ при Рокасовскомъ; это единственный человѣкъ, который бы могъ помирить страну съ властью генералъ-губернатора. Очевидно, что фонъ-Котенъ, вполнѣ посвященный въ планы Армфельта, подготовлялъ возвращеніе Рокасовскаго въ Финляндію. И Рокасовскаго вернули, несмотря на то, что незадолго передъ этимъ его признавали по прежней его дѣятельности въ Финляндіи представителемъ «системы неподвижности».

Внѣшность барона Рокасовскаго мало импонировала; однако по внутреннимъ своимъ качествамъ и своему обхожденію онъ являлся джентльменомъ. Происходя отъ польскаго дворянскаго рода, Рокасовскій получилъ основательное военное образованіе,

былъ довольно начитанъ и въ другихъ областяхъ знанія; онъ свободно объяснялся на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ. Его домъ въ Гельсингфорсѣ былъ необыкновенно гостепріименъ, а самъ онъ обладалъ качествами любезнѣйшаго хозяина. Около него группировалась преимущественно аристократія ума, и въ его домѣ устанавливались болѣе частныя отношенія и знакомства, чѣмъ служебныя [217]). Рокасовскій, хотя и воспитанный въ школѣ Николая I, хотя и состоялъ товарищемъ графа Клейнмихеля, всетаки не былъ реакціонеромъ по своимъ воззрѣніямъ [218]). Рокасовскій не былъ также равнодушенъ къ интересамъ Россіи. Его признавали гуманнымъ, спокойнымъ и понимавшимъ особое положеніе финскаго народа. Уже во время перваго своего пребыванія въ Финляндіи его полюбили и почитали за его уваженіе законныхъ формъ.—«Какъ власть, онъ уступалъ своему предшественнику, зато былъ удобнѣе перваго въ роли высшаго начальника края въ періодъ предпринятыхъ тогда реформъ» [219]).

По прибытіи въ Гельсингфорсъ новаго генералъ-губернатора барона Рокасовскаго, ему (11 декабря н. ст. 1861 года) представлялись гражданскіе и военные чины. При этомъ генералъ-губернаторъ сказалъ, что онъ въ послѣднее время нѣсколько разъ удостоился узнать намѣренія Его Величества относительно нуждъ Финляндіи, причемъ Государь постоянно высказывалъ свои доброжелательныя и великодушныя намѣренія, какъ и прежде, и что Монархъ имѣетъ милостивое желаніе немедленно созвать земскія сословія, какъ только надлежащіе законопроекты будутъ выработаны сенатомъ [220]). Затѣмъ генералъ-губернаторъ выразилъ, что теперь уже созывъ сейма зависитъ лишь отъ дѣятельности сената и комитета выборныхъ, согласно намѣреніямъ Монарха и основныхъ законовъ страны. Всѣ мѣропріятія къ современному развитію края должны находиться въ тѣснѣйшемъ согласіи съ основными законами края, чтобъ предварить ея истинное благо, причемъ существеннымъ условіемъ должна служить просвѣщенная, соразмѣрная съ доходами и нуждами края, экономія казенными средствами. Такого развитія можно достичь только строгимъ и добросовѣстнымъ соблюденіемъ дѣйствующихъ основныхъ законовъ края, всякое-же требованіе сверхъ этого, или уклоненіе отъ сего, напротивъ, будетъ отвергнуто правительствомъ, какъ опасное и незаконное. Генералъ-губернаторъ высказалъ свою увѣренность, что сенатъ раздѣляетъ его воззрѣнія.

Съ чрезмѣрной радостью принято было Высочайшее обѣщаніе созвать сеймъ. Вечеромъ окна оказались иллюминованы какъ

у богачей, такъ и въ скромныхъ студенческихъ комнатахъ. Въ театрѣ, который тоже былъ иллюминованъ, послѣ представленія потребовали «Vårt land», который сыгралъ оркестръ, а публика слушала съ болѣе горячимъ чувствомъ чѣмъ обыкновенно.

Къ несчастью, въ этотъ радостный день нѣсколько молодыхъ людей, въ томъ числѣ и студентовъ, нашли удобнымъ устроить грубую демонстрацію и дикую кошачью серенаду непопулярному цензору. Эта демонстрація была совершенно неумѣстна [221]).

Когда Государю доложили о впечатлѣніи, произведенномъ новымъ генералъ-губернаторомъ, онъ сказалъ: «Дай Богъ, чтобы такое настроеніе оказалось прочнымъ! Можете передать барону Рокасовкому, что я одобряю его первую рѣчь» [222]). Воззрѣніе Рокасовскаго на цензуру Государь призналъ также вполнѣ правильнымъ [223]). Перемѣнѣ, происшедшей въ Финляндіи со времени новаго назначенія, радовались также шефъ жандармовъ князь Долгоруковъ, находившій замѣну Берга Рокасовскимъ удачной, и Шерваль-Валленъ [224]).

Государь въ это время, видимо, особенно интересовался ходомъ дѣлъ на финской окраинѣ, такъ какъ спрашивалъ графа Армфельта, нѣтъ ли новостей отъ генералъ-губернатора. «Ждемъ Вашего извѣстія, отъ котораго зависитъ судьба «нашей маленькой провинціи» (de notre petite province), писалъ въ тотъ же день графъ Армфельтъ къ Рокасовскому (30 декабря 1861 года—11 января 1862 года). По прошествіи нѣкотораго времени, Шерваль вновь сообщаетъ Рокасовскому (17 февраля—1 марта), что Государь продолжаетъ быть очень довольнымъ Финляндіей. Такимъ образомъ, назначеніе Рокасовскаго всѣхъ удовлетворило, и управленіе его началось при добрыхъ предзнаменованіяхъ.

Тогда-же 30 дек. 1861 года Армфельтъ писалъ генералу Рокасовскому: «Вашему высокопревосходительству уже извѣстны намѣренія и воля Его Величества созвать государственныя сословія на общій сеймъ, коль скоро учрежденная всемилостивѣйшимъ манифестомъ отъ 29 марта (10 апрѣля) сего года комиссія исполнитъ возложенное на нее порученіе и представитъ требуемое всеподданнѣйшее мнѣніе и когда будутъ сдѣланы прочія необходимыя, вслѣдствіе этого, для дѣйствія сейма, приготовительныя распоряженія» [225]).

Вскорѣ по вступленіи въ должность начальника края, исполнилось пятидесятилѣтіе службы Рокасовскаго. Власти и граждане города почтили его обѣдомъ, во время котораго проявились чувства расположенія къ новому начальнику края. Министромъ

статсъ-секретаремъ графомъ Армфельтомъ былъ провозглашенъ тостъ за здравіе барона Рокасовскаго, причемъ обращено было вниманіе на то, что празднество это не имѣетъ никакого отпечатка обыкновенной формальности, напротивъ того, тутъ собрались вокругъ виновника торжества, въ одну общую семью, лица всѣхъ сословій страны, для принесенія чистосердечнаго поздравленія. Общая преданность къ барону Рокасовскому проистекаетъ изъ рыцарскаго и правдолюбиваго его характера и прямодушія, коими пріобрѣлъ онъ уваженіе всѣхъ финскихъ гражданъ. Генералъ-губернаторъ, отблагодаривъ всѣхъ, присовокупилъ, что искреннѣйшее его желаніе и стремленіе есть содѣйствовать преуспѣянію страны [226]).

То, что должно было случиться въ Финляндіи въ 1861 году ни одна человѣческая фантазія вначалѣ не могла себѣ представить, писалъ Снельманъ. Полагали, что проекты предложеній сейму сенатъ представитъ Монарху въ началѣ года, и слѣдовательно сеймъ можетъ собраться для засѣданій въ теченіе того-же года. «Но никого не удивило-бы, если-бъ стало извѣстно, что созывъ его отложенъ еще на годъ» [227]). Возможности созыва сейма въ Петербургѣ еще не усматривали.

Предписаніемъ отъ 30 апрѣля 1861 года сенатъ распорядился приступить къ выборамъ въ январскую комиссію [228]). Выборы депутатовъ производились лѣтомъ. Большинству изъ нихъ предшествовали «резервации», которыми не признавалось за комиссіей права высказываться отъ имени финскаго народа. Электоры-же крестьянскаго сословія Выборгской губерніи признали самую комиссію даже незаконной. Въ Гельсингфорсѣ (28 августа 1861 года) изъ 355 горожанъ, имѣвшихъ право голоса, болѣе 300 присутствовали на выборахъ, и тальманъ горожанъ, коммерціи совѣтникъ К. В. І. Сундманъ, сдѣлалъ единогласно одобренное заявленіе слѣдующаго содержанія: «Граждане г. Гельсингфорса того мнѣнія, что комиссія, назначенная Его Величествомъ манифестомъ отъ 10 минувшаго апрѣля, не является представителемъ страны, и потому не можетъ выражать ея мнѣній и интересовъ. Руководствуясь этимъ предварительнымъ соображеніемъ, присутствующіе приступаютъ къ выборамъ членовъ въ названную комиссію» [229]). Выборы въ Гельсингфорсѣ явились торжественнымъ днемъ по свидѣтельству современника Августа Шаумана. Они про-

Внѣшній и внутренній видъ Рыцарскаго дома.

извели оживляющее впечатлѣніе и имѣли вліяніе на остальныя части края. Общественное мнѣніе было таково, что комиссія должна высказать лишь свое собственное мнѣніе по предложеннымъ ей вопросамъ и затѣмъ эти вопросы надлежитъ передать на разсмотрѣніе сейма [230]).

При назначеніи П. И. Рокасовскаго генералъ-губернаторомъ,— читаемъ въ замѣткахъ петербургскаго современника,—Государь сказалъ ему, что если онъ найдетъ нужнымъ, то можетъ распустить комиссію выборныхъ, потому что Онъ намѣренъ созвать сеймъ. Но Рокасовскій, исходя изъ положенія, что слѣдуетъ поддержать разъ сдѣланное распоряженіе, сказалъ, что пусть комиссія сдѣлаетъ сперва свое дѣло, какъ было повелѣно. По мнѣнію Рокасовскаго, сеймъ долженъ былъ явиться слѣдствіемъ выборной комиссіи. Хотя относительно сейма впослѣдствіи у Рокасовскаго и рождались сомнѣнія и подозрѣнія въ истинныхъ цѣляхъ финляндцевъ, но онъ относилъ эти подозрѣнія къ недостаткамъ своего возраста.

Въ краѣ много толковали о томъ, что не слѣдовало избирать депутатовъ, что члены комиссіи обязаны отказаться подавать мнѣнія по заданнымъ вопросамъ, что слѣдовало пріостановить созывъ комиссіи и т. д. Все это конечно свидѣтельствовало о возбужденномъ настроеніи общества [231]). Ординарному собранію комиссіи предшествовало нѣсколько экстраординарныхъ собраній, на которыхъ совѣщались о томъ положеніи, какое комиссія должна была занять по отношенію къ порученному ей дѣлу. Уже нѣсколько недѣль ранѣе извѣстно было, гдѣ и когда произойдетъ собраніе, и что на немъ будутъ обсуждать. Рѣшено было приблизительно слѣдовать программѣ, объявленной въ стокгольмской газетѣ «Aftonbladet»: не входить въ пренія по вопросамъ, а въ протестѣ противъ законности комиссіи одновременно представить разныя общія жалобы [232]).

Демонстрація, происшедшая въ Гельсингфорсѣ, а также протесты и заявленія, которые офиціально сдѣланы были на выборахъ депутатовъ въ разныхъ городахъ и, наконецъ, крики стокгольмской печати, видимо, произвели извѣстное впечатлѣніе въ Петербургѣ и обезпокоили руководителей финляндской политики въ статсъ-секретаріатѣ. Гр. Армфельтъ и баронъ Шерналь-Валленъ поспѣшили выразить въ письмахъ 29 декабря 1861 г.—10 января 1862 года къ Рокасовскому свои воззрѣнія, которыя, очевидно, одобрены были Монархомъ. «Если комиссія,—писалъ Армфельтъ,— откажется обсуждать дѣло или давать свое мнѣніе по различ-

нымъ вопросамъ, которые будутъ ей переданы, и такимъ образомъ не исполнитъ повелѣніе Его Величества, то нечего колебаться ни секунды; въ такихъ случаяхъ Грипенбергъ долженъ объявить этимъ господамъ, что комиссія будетъ немедленно распущена и что члены ея должны обвинить себя, если сеймъ отложится на продолжительное время. Государь, обѣщая странѣ созывъ сейма, сдѣлалъ это подъ условіемъ, что комиссія прежде всего выполнитъ возложенную на нее работу». Ту-же мысль развивалъ и Шернваль-Валленъ въ двухъ своихъ письмахъ. «Все вниманіе высшей администраціи обращено здѣсь на ближайшее поведеніе комиссіи нашихъ 48 депутатовъ; если они ослушаются Высшей воли, то рискуютъ счастьемъ страны, такъ какъ Государь ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи будетъ простить имъ акта публичнаго неповиновенія, которое Его скомпрометируетъ въ глазахъ Россіи и Польши» [233]).

Чтобы придать большее значеніе комиссіи и показать насколько серьезно Государь относится къ ней, въ статсъ-секретаріатѣ возникла мысль о посылкѣ въ Гельсингфорсъ высокопоставленнаго лица, для присутствованіи на первомъ ея засѣданіи. Когда это предположеніе было доложено Государю, то онъ сразу отвѣтилъ, что имѣетъ на мѣстѣ барона Рокасовскаго, которому вполнѣ довѣряетъ, и онъ лучше другихъ сумѣетъ дать понять депутатамъ серьезность положенія [234]).

Высшее общество Петербурга внимательно слѣдило «за конституціонными актами, которые развертывались» въ Финляндіи. Вѣроятно въ этомъ обстоятельствѣ кроется разгадка слѣдующей строки товарища министра статсъ-секретаря: «Армфельтъ не спитъ болѣе недѣли и видитъ во снѣ 48 чертей» [235]). Правительство тѣмъ болѣе внимательно относилось ко всему происходившему въ Финляндіи, что въ Польшѣ было неспокойно и волненія внутри Россіи (въ началѣ 1862 года) были весьма значительны по поводу дворянскихъ собраній. Оттуда шли тогда заявленія и адресы о новыхъ правахъ національнаго представительства.

Основной мотивъ безпокойства слышался въ каждомъ письмѣ. Напоминанія о нежелательныхъ послѣдствіяхъ неудачи выборной январской комиссіи также повторялись. «Болѣе чѣмъ когда-либо мы желаемъ чтобы 48 депутатовъ точно были послушны велѣніямъ Государя и чтобы дали отвѣтъ на вопросы, которые имъ будутъ поставлены. Послѣдствія ослушанія могутъ быть крайне печальными для страны, и упрямство противъ законнаго требованія, если только это упрямство будетъ выражено большин-

ствомъ депутатовъ, поведетъ неизбѣжно къ закрытію комиссіи и отсрочкѣ сейма на неопредѣленное время [236]). Предсѣдателю январской комиссіи, сенатору Грипенбергу, предписано было по всѣмъ недоразумѣніямъ и могущимъ возникнуть вопросамъ обращаться за инструкціями къ генералъ-губернатору. Генералъ-губернаторъ баронъ Рокасовскій, опасаясь послѣдствій отъ той агитаціи, которая велась въ странѣ противъ выборныхъ членовъ комиссіи, пригласилъ къ себѣ Снельмана и просилъ его написать статью въ газетѣ, съ поясненіемъ опасности отъ отказа признанія компетенціи депутатовъ [237]).

Рокасовскій, видимо, велъ дѣло съ тактомъ и, отвѣчая Армфельту, писалъ, что, по прибытіи депутатовъ, будетъ имѣть случай убѣдить ихъ въ намѣреніяхъ Императора. Такъ какъ Рокасовскій могъ наблюсти въ нихъ лишь небольшой остатокъ упрямства, то онъ воздержался указать на тѣ послѣдствія, къ коимъ оно могло привести. Онъ предложилъ Грипенбергу только въ крайнемъ случаѣ прибѣгнуть къ угрозѣ, сообщенной Армфельтомъ, зная, что иначе оно не дастъ хорошаго результата при той экзальтаціи, въ которой находились головы депутатовъ [238]).

Комиссія была открыта въ январѣ 1862 года, и она спокойно занялась разсмотрѣніемъ предложенныхъ ей 54 вопросовъ. Успѣшный ходъ занятій въ комиссіи очень радовалъ Государя, которому все докладывали: и письмо Рокасовскаго, и телеграмму Грипенберга [239]).

Вопросы, внесенные въ комиссію, касались различія между земскими и городскими правами, брачнаго и наслѣдственнаго права, права завѣщанія въ отношеніи къ недвижимой собственности, самозависимости женщины, законодательства по опекѣ; раздробленія земли и раздѣленія гейматовъ, права выкупа, закона по отчужденію собственности, размѣра процентовъ, новаго конкурснаго устава, новаго уголовнаго уложенія, уменьшенія судебныхъ инстанцій, отмѣны forum privilegiatum (права судиться привилегированнымъ судомъ), полнаго преобразованія духовнаго вѣдомства, приведенія въ порядокъ морскихъ законовъ, путемъ изданія новаго морского устава, законодательства о винокуреніи, надзора за путями сообщенія, обложенія пошлиною фабрикъ и мануфактуръ, регулированія личныхъ казенныхъ повинностей, участвованія всѣхъ жителей края въ его защитѣ, всеобщаго добровольнаго сбора на погашеніе государственнаго долга, пріобрѣтенія средствъ на учрежденіе новыхъ народныхъ школъ и другихъ учебныхъ заведеній, проложенія новыхъ сухопутныхъ и водяныхъ

путей сообщеній, спуска озеръ, осушки болотъ, постройки маяковъ, доставленія донаціоннымъ крестьянамъ Выборгской губерніи средствъ на выкупъ своихъ шкатовыхъ земель, свободы промысловъ, рыбной ловли, свободы хлѣбной торговли, частныхъ банкахъ, найма и законной защиты прислуги, патентнаго права и проч.

Въ какомъ духѣ велись дебаты и какое настроеніе господствовало среди членовъ комиссіи видно изъ слѣдующихъ рѣчей. I. A. фонъ-Эссенъ по поводу вопроса, касающагося чрезвычайной подати, «для погашенія происшедшаго въ послѣдніе годы государственнаго долга», сказалъ, между прочимъ: . . . . . «Я требую только того, чего каждый конституціонный народъ требуетъ и въ правѣ требовать, то есть, чтобы имѣть кого-нибудь, кто былъ бы отвѣтственъ, въ случаѣ если народъ усмотритъ, что его конституціонныя права не уважены. . . . . . Безъ этого, каждая конституція останется лишь на бумагѣ . . . . Впрочемъ, существуетъ одна истина, что въ конституціонныхъ государствахъ какъ монархъ, такъ и народъ имѣютъ свой надежный оплотъ, своего вѣрнѣйшаго союзника. Я нахожу, что форму правленія слѣдуетъ подвергнуть фундаментальной ревизіи, или еще лучше, полной переработкѣ съ тою цѣлью, чтобъ ясно и опредѣленно выяснить отношенія между обѣими государственными властями и ихъ взаимныя обязанности и права, согласно съ конституціонными принципами, которые наше время признало единственно правильными и справедливыми». Вицегерадсгевдингъ Адольфъ Тёрнгренъ, по вопросу о погашеніи государственнаго долга, обратилъ вниманіе на то, что онъ явился внѣ порядка, установленнаго основными законами. Земскіе чины могутъ согласиться на погашеніе государственнаго долга лишь при достаточныхъ гарантіяхъ. Важнѣйшія изъ этихъ гарантій суть: созывъ правительствомъ сейма черезъ четыре года и право моцій, дарованное земскимъ чинамъ». Коснувшись вопроса о высшихъ чиновникахъ, одинъ изъ выборныхъ сказалъ: «хотя по финскимъ законамъ ни одинъ чиновникъ не освобожденъ отъ отвѣтственности, однако, какъ докладчику Его Величества, такъ и членамъ сената, особымъ указомъ слѣдуетъ объявить, что они отвѣтственны передъ сеймомъ за всѣ правительственныя распоряженія, которыя ими одобрены. Далѣе депутатъ находилъ, что для обезпеченія спокойствія въ странѣ слѣдуетъ предоставить, согласно основнымъ законамъ, банкъ Великаго Княжества Финляндскаго въ вѣдѣніе и управленіе сейма. Кромѣ того, онъ предлагалъ на вѣчныя времена

уничтожить принудительный курсъ кредитныхъ бумажекъ, въ виду того, что въ противномъ случаѣ Финляндія можетъ совершенно обѣднѣть; этотъ принципъ, по мнѣнію члена комиссіи, слѣдовало объявить основнымъ закономъ [240]). Пасторъ Ренваль находилъ неумѣстнымъ настаивать на фундаментальной ревизіи основныхъ законовъ или на полной ихъ переработкѣ, потому что вслѣдствіе этого созывъ сейма могъ быть правительствомъ отложенъ на продолжительное время. Къ мнѣнію Ренваля присоединился бургомистръ Тенгстрёмъ, который характеризовалъ замѣчанія фонъ-Эссена о государственномъ строѣ Финляндіи, какъ излишнее политическое признаніе, которое ни подъ какимъ видомъ не должно привести къ какому-либо рѣшенію въ комиссіи, которая обсужденіемъ сего вопроса превысила бы свою компетенцію и привела бы къ ненужной проволочкѣ времени.

Финляндскій историкъ этого періода признаетъ, что вопросы объ измѣненіи сеймоваго устава, объ отвѣтственности членовъ сената, о финляндскомъ банкѣ и т. д. не подлежали вовсе разсмотрѣнію выборной комиссіи. Тѣмъ не менѣе она ихъ коснулась и внесла въ протоколы своихъ засѣданій. Благодаря такому пріему удалось выдвинуть рядъ существенныхъ для края вопросовъ [241]). Рѣчи въ комиссіи показываютъ, что идея сейма, конституціонный образъ правленія, отвѣтственность административныхъ властей и проч.—все было поставлено на очередь энергичными финляндцами при первой представившейся имъ возможности. Комиссія явилась малымъ сеймомъ или пробнымъ камнемъ и подготовительной школой для настоящаго ожидавшагося сейма.

На нѣкоторыя рѣчи членовъ комиссіи было обращено вниманіе въ Петербургѣ. «Мы здѣсь поражены,—писалъ Шернваль барону Рокасовскому (7—19 февраля 1862 г.), что Грипенбергъ не оборвалъ политическихъ изліяній депутатовъ Эссена и Тёрнгрена; но онъ, вѣроятно, имѣлъ на то основательныя причины. Мы здѣсь воспретимъ печатать подобныя рѣчи, которыя переходятъ указанные предѣлы. Но это поможетъ правительству оцѣнить воззрѣніе каждаго изъ 48 депутатовъ».

По окончаніи комиссіи, нѣкоторые члены ея подвергли обсужденію вопросъ о финскомъ языкѣ и пришли къ заключенію о необходимости представить петицію, въ которой, между прочимъ, писали, что они «во время обсужденій предложенныхъ вопросовъ имѣли случай все болѣе и болѣе убѣдиться въ наличности тѣхъ неудобствъ, коимъ подвергается населеніе, говорящее по фински, вслѣдствіе того, что чиновники и судьи недостаточно владѣютъ

этимъ языкомъ [242]). Одновременно составлены были двѣ другія петиціи, подъ которыми подписались не только члены выборной комиссіи, но также и значительное число другихъ гражданъ. Первая изъ этихъ петицій касалась упраздненія цензуры. Подписавшіе петицію (въ числѣ 1,194 чел.) просили объ отмѣнѣ цензуры и о томъ, чтобы проступки печати, подобно другимъ преступленіямъ, карались существующимъ судомъ страны, согласно уложеніямъ 1734 года. Другой петиціей, подписанной 2,180 гражданами, ходатайствовалось объ отмѣнѣ принудительнаго курса какъ русскихъ, такъ и финскихъ бумажекъ, и о томъ, чтобъ только металлическая монета считалась законной въ Финляндіи. Эту петицію доставила въ Петербургъ особая депутація; въ составъ ея вошелъ между прочимъ коммерціи совѣтникъ Х. Боргстрёмъ, котораго, какъ увидимъ, надо считать главнымъ двигателемъ всей послѣдовавшей затѣмъ монетной реформы. 25 марта 1862 года, члены депутацій были приняты Государемъ, но не въ качествѣ депутатовъ. Самая же петиція представлена была Государю генералъ-губернаторомъ Рокасовскимъ, который въ то время находился въ Петербургѣ. Другой, такъ называемый адресъ, по поводу монетнаго вопроса, поданъ былъ гельсингфорсскимъ купечествомъ генералъ-губернатору 1 мая 1862 года [243]).

По окончаніи занятій, предсѣдатель выборной комиссіи далъ торжественный обѣдъ; жители города офиціально выразили свою благодарность членамъ комиссіи. Тостъ за Финляндію произнесъ Лёнротъ по фински, заключивъ его слѣдующими словами: «наша высшая земная любовь навсегда должна принадлежать нашему отечеству; наше бо́льшее богатство да будетъ его на законѣ основанныя охрана и свобода, и наивысшая наша земная радость да будетъ его счастіе и успѣхъ во всемъ» [244]).

Засѣданія январской или выборной комиссіи продолжались два мѣсяца.—6 (19) марта 1862 года она окончила свои занятія. Направляя далѣе свои труды, комиссія во всеподданнѣйшемъ отзывѣ писала: «депутаты должны были представить мнѣнія и соображенія, на какихъ основаніяхъ и въ какомъ направленіи измѣненія въ законодательствѣ или новыя постановленія были бы полезны для края въ различныхъ вопросахъ, входящихъ въ законодательство и финансовое положеніе края и тѣсно соединенныхъ съ его духовнымъ и матеріальнымъ развитіемъ. Его Величество предоставилъ себѣ постановить о дальнѣйшихъ мѣрахъ, которыя могутъ оказаться необходимыми для разрѣшенія ихъ, «смотря по свойству дѣлъ, или административнымъ путемъ, или

при содѣйствіи государственныхъ чиновъ». Депутаты «свободно и безъ стѣсненія высказали» свои мнѣнія, хотя положеніе ихъ явилось затруднительнымъ, такъ какъ подобная нашей выборная комиссія изъ представителей четырехъ сословій края, совершенно чужда странѣ, по духу ея основныхъ законовъ». Они боялись отдалить время осуществленія всемилостивѣйшаго обѣщанія Его Императорскаго Величества созвать земскій сеймъ, чрезъ что «только большая часть этихъ вопросовъ можетъ быть разрѣшена окончательно и законно». Депутаты заявили далѣе, что, по ихъ сознанію, представляемые ими отзывы «дѣлаются не отъ имени края или его сословій, а составляютъ только заявленіе соображеній частныхъ здѣсь собранныхъ финляндскихъ согражданъ». Члены выборной комиссіи выражали надежды на то, что Его Императорское Величество соизволитъ сдѣлать все для развитія страны «путемъ, указаннымъ основными законами края, такъ что никакой вопросъ, зависящій по этимъ законамъ отъ обѣихъ государственныхъ властей, не будетъ разрѣшенъ безъ содѣйствія государственныхъ чиновъ, въ томъ Ваше Величество благоволили дать странѣ новыя удостовѣренія въ двухъ всемилостивѣйшихъ рескриптахъ въ прошломъ году на имя предсѣдателя комиссіи, ближе изъяснившихъ первый Высочайшій манифестъ о созваніи комиссіи и вполнѣ уничтожившихъ тѣ опасенія, которыя... были возбуждены манифестомъ». «Въ рескриптѣ отъ 17 января 1862 года Ваше Величество изволили выразить Свою волю созвать всеобщій сеймъ немедленно по окончаніи комиссіею возложеннаго на нее порученія и по принятіи предварительныхъ мѣръ, необходимыхъ для занятія сейма»... Въ заключеніе еще разъ повторена увѣренность, что за этимъ сеймомъ послѣдуютъ другіе сеймы...

28 марта (9 апрѣля) 1862 года всеподданнѣйшее донесеніе выборной комиссіи депутатовъ было представлено Государю, который надписалъ: «Поступить съ нимъ, какъ было условлено». Приведенныя выдержки изъ всеподданнѣйшаго отзыва выборной комиссіи показываютъ, какъ неуклонно финляндцы шли къ намѣченной цѣли. Они съ разныхъ сторонъ обставляли власть такъ, что она должна была пойти въ желаемомъ для нихъ направленіи. Все это вмѣстѣ взятое свидѣтельствуетъ также о томъ, что политически народъ сталъ уже сознавать себя и потому вступленіе его въ управленіе краемъ, вмѣстѣ съ правительствомъ, являлось лишь вопросомъ времени. Такъ смотрѣли на нее финляндскіе обозрѣватели того времени. Это воззрѣніе на комиссію прочно установилось затѣмъ въ мѣстной печати. «Значеніе выборной

комиссіи выразилось въ томъ, что въ ней сказалось первое пробужденіе нашего національнаго самосознанія» [245]).

Послѣдствія созыва комиссіи Снельманъ призналъ самыми счастливыми. «Если бы первому сейму безъ всякой подготовки представлены были всѣ 54 предложенія, то можно было опасаться, что недостало-бы умныхъ рѣшеній» [246]).

Труды комиссіи были переданы сенату, которому надлежало представить свой отзывъ о томъ, какія дѣла онъ находитъ наиболѣе важными для духовнаго и матеріальнаго развитія Финляндіи, и потому подлежащими разсмотрѣнію перваго предстоящаго сейма, и какія дѣла признаетъ правильнымъ рѣшить въ административномъ порядкѣ. Представленіе сената въ свою очередь подверглось затѣмъ разсмотрѣнію комитета финляндскихъ дѣлъ, который въ теченіе іюля 1862 года окончилъ возложенную на него задачу.

Комитетъ и сенатъ одинаково просили Государя установить общія законоположенія, а также законы о привилегіяхъ и чрезвычайныхъ податяхъ при содѣйствіи земскихъ чиновъ. Отмѣна какъ частнаго, такъ и публичнаго церковнаго покаянія, вмѣстѣ съ другими позорными наказаніями, побуждала сенатъ и комитетъ ходатайствовать о переработкѣ уголовныхъ законовъ. Замѣчательно, что при этомъ ни сенатъ, ни выборная комиссія не нашли повода просить о совершенной отмѣнѣ смертной казни; ссылку же въ Сибирь на пожизненную каторгу желала совершенно упразднить въ виду только того, что «мѣсто заточенія не подлежитъ власти финляндскаго правительства, которое поэтому лишено надзора какъ за обращеніемъ съ сосланными, такъ и за попеченіемъ о нихъ». Тогда же поднимался вопросъ о погашеніи финляндскаго «государственнаго» займа при участіи сейма, въ томъ случаѣ, если ему будутъ также сообщаемы отчеты и росписи о состояніи статнаго вѣдомства. Кромѣ того, къ сеймовымъ вопросамъ были отнесены: подготовка сеймоваго устава, пересмотръ церковнаго уложенія, вопросъ о расширеніи торговой и промышленной свободы, объ общинномъ управленіи и пр.

Имѣя передъ собой исторію выборной или январской комиссіи, легко видѣть, что система дѣйствія, которой придерживались финляндцы вплоть до нашихъ дней, тогда уже вполнѣ обрисовалась. Вопросы, признанные тогда имѣющими первостепенную важность, остались впереди другихъ вплоть до послѣдняго времени. Основные законы, привилегіи, подати и пр.—вотъ за что финляндцы крѣпко ухватились, желая стать хозяевами въ

краѣ. Все финляндское, по ихъ мнѣнію, подлежало финляндскимъ законамъ и властямъ. Отъ этого правила ими впослѣдствіи никогда не дѣлалось отступленій. Многолѣтняя послѣдовательность должна была дать результаты и она ихъ дала въ изобиліи. Вся послѣдующая «конституціонная» жизнь края была прочно заложена во дни выборной комиссіи, чѣмъ и объясняется ея совершенно исключительное значеніе въ ходѣ развитія Финляндіи. «Такъ называемая январская комиссія, — писали составители сборника «Финляндія въ XIX ст.»,—является лишь случайнымъ эпизодомъ въ государственной жизни Финляндіи. Но эпизодъ этотъ знаменателенъ, какъ доказательство чуткой приверженности къ основнымъ законамъ, сохранившейся въ населеніи, несмотря на долговременное политическое оцѣпенѣніе».

Въ началѣ августа (1862 г.) морозъ уничтожилъ жатву во многихъ мѣстахъ страны. Предстояла страшная нужда. Требовалась скорая помощь. Редакціи обращались къ болѣе счастливымъ, которые и раньше не отказывали въ своей помощи, хотя такія милость и щедрость въ теченіе послѣднихъ лѣтъ значительно уменьшились [247]). Такъ какъ неурожай предвидѣлся до его наступленія, то затребовали свѣдѣній о количествѣ хлѣба отъ губернаторовъ. Когда свѣдѣнія были доложены Государю, Онъ надписалъ: «Надѣюсь, что въ случаѣ нужды всѣ необходимыя мѣры будутъ приняты благовременно» (22 іюня—4 іюля 1861 года). Сенатъ сдѣлалъ, что могъ. Государю доложили о мѣрахъ, принятыхъ сенатомъ по случаю неурожая, и Государь повелѣлъ: «Объявить сенату мое благоволеніе за всѣ дѣльныя и своевременныя мѣры, имъ принятыя по случаю неурожая» (21 ноября—3 декабря 1862 года).

Отовсюду поступали значительныя пособія. О пожертвованіяхъ періодически докладывали Государю. Изъ отчета за октябрь 1863 года видно, напр., что на голодающихъ поступило: изъ Финляндіи—152.093 р., изъ Россіи—133.669 р., изъ Швеціи+Норвегіи—47.454 р. Въ Петербургѣ давали въ 1862 г. любительскій спектакль въ пользу голодающихъ финляндцевъ. Платя взаимностью, Финляндія тогда же устроила подписку въ пользу погорѣльцевъ столицы. «Helsingfors Dagblad» (№ 147) призывала къ подпискѣ, находя, что «слово состраданіе—полно космополитическаго свойства». Къ устройству подписки въ пользу погорѣльцевъ побуждалъ графъ А. Армфельтъ письмомъ къ Рокасов-

скому. «Здѣсь въ С.-Петербургѣ идетъ подписка въ пользу пострадавшихъ отъ пожаровъ. Не находите ли Вы возможнымъ организовать въ пользу этихъ несчастныхъ подписку и въ Финляндіи, такъ какъ между пострадавшими много нашихъ компатріотовъ, тѣмъ болѣе, что Финляндія много разъ пользовалась симпатіями Петербурга въ неурожайные годы и въ годы опустошительныхъ войнъ» [248]).

«Государыня Императрица, изъявивъ согласіе на желаніе Августѣйшихъ дѣтей своихъ, оказать особое сочувствіе страждущимъ отъ голода жителямъ сѣверной Финляндіи, препроводила къ генералъ-губернатору Великаго Княжества отъ своего имени и отъ имени Ихъ Высочествъ 20.000 р. сер., для раздачи наиболѣе нуждающимся. Такая Монаршая щедрота, принята въ странѣ съ чувствомъ живѣйшей признательности» [249]).

По поводу поступавшихъ пожертвованій абоская газета подняла вопросъ: «Должна ли Финляндія принимать помощь отъ другихъ странъ»? и рѣшила вопросъ отрицательно. Неурожай былъ только въ нѣкоторыхъ частяхъ края. Большая же часть страны имѣла средній урожай, а мѣстами даже хорошій. Поэтому редакція находила возможнымъ обойтись собственными средствами, и только тогда, когда будутъ истощены всѣ запасы, можно прибѣгнуть къ помощи за предѣлами края. «Если тутъ и тамъ были открыты подписки, то тѣмъ не менѣе во многихъ мѣстахъ ничего не было сдѣлано для облегченія нужды, и многіе не отказывали себѣ въ удобствахъ жизни. При такихъ обстоятельствахъ стыдно принимать помощь изъ-за границы и, умудреннымъ нуждой, слѣдовало бы постараться предупредить надвигавшееся несчастіе» [250]).

---

17 марта н. ст. 1862 года открыта была желѣзная дорога отъ Гельсингфорса до Тавастгуса для правильнаго сообщенія. Сначала ходило только три поѣзда въ недѣлю. Одинъ изъ «самовидцевъ» открытія дороги писалъ въ «Гельсингфорсской Газетѣ»: «Этотъ день долженъ считаться праздничнымъ днемъ просвѣщенія и заслуживаетъ гораздо живѣйшаго воспоминанія, нежели многіе дни побѣдъ, совершенныхъ при помощи оружія»... Зрѣлище дымящихся паровозовъ было дѣйствительно новое и знаменательное въ Финляндіи. «Благодѣянія перваго опыта въ этомъ родѣ неисчислимы и финскій народъ не останется въ долгу за

ннхъ у правительства». Паровозъ «Лемминкейненъ», одинъ вагонъ и нѣсколько платформъ двинулись. Паровозъ нѣсколько дрожалъ и подпрыгивалъ на рельсахъ. Присутствовавшіе чувствовали, что Финляндія двинулась впередъ. Въ Тавастгусѣ оглушительное «ура» привѣтствовало «царскій подарокъ финскому народу» [251]).

Занялась заря новой эпохи въ жизни финскаго народа. Генералъ Рокасовскій донесъ объ окончаніи постройки Тавастгусской желѣзной дороги. Государь надписалъ: «Сообщить Г.—А. графу Бергу, которому вполнѣ принадлежитъ честь устройства сего перваго желѣзнаго пути въ Финляндіи, причемъ мнѣ пріятно изъявить ему еще разъ полную мою признательность за сіе полезное дѣло; въ память чего я ему дарую право носить мундиръ Финляндскаго корпуса путей сообщеній» (3—15 марта 1862 года).

Тавастгусская желѣзная дорога обошлась въ 3.727.000 р., тогда какъ смѣта была составлена на 2.199.280 р.; 20 августа (1 сентября) 1862 года представлена была докладная записка о вновь потребныхъ суммахъ. Въ виду того, что сенатъ позволилъ себѣ одно произвольное дѣйствіе, Высочайшая резолюція гласила: «Со—ъ (т. е. согласенъ) и надѣюсь, что смѣты впредь будутъ представляться во время и съ большею осмотрительностью». Въ доходности первой желѣзной дороги многіе сомнѣвались. Въ краѣ послышались по этому такія рѣчи: на Тавастгусскую желѣзную дорогу слѣдуетъ смотрѣть, какъ на дорогую мебель въ домѣ. Ее можно завести въ одной комнатѣ, но не слѣдуетъ меблировать весь домъ [252]).

Императоръ Александръ II, вступивъ на престолъ, отмѣнилъ особое военно-полицейское управленіе, существовавшее въ Польшѣ послѣ бунта 1831 года, даровалъ политическимъ преступникамъ амнистію, а полякамъ—многія льготы. Тѣмъ не менѣе забунтовала вновь Варшава. Манифестъ объ амнистіи, по мнѣнію М. Н. Муравьева, послужилъ лишь «къ вящшему поощренію поляковъ къ мятежу». Одну изъ главныхъ причинъ новыхъ смутъ надо искать въ общемъ броженіи, охватившемъ значительную часть Европы въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Оно распространилось на Царство Польское и вызвало демонстрацію противъ русскихъ (въ 1860 году). «Никогда-бы поляки не затѣяли мятежа,—говорилъ графъ Бергъ князю Гогенлоэ,—не заручись отъ Франціи и Англіи обѣщаніемъ поддержки. Опираясь на эту базу, главари движенія и

подняли инсуррекцію» [253]). Несмотря на то, что происходили даже столкновенія между народомъ и войсками, русское правительство продолжало миролюбивую политику и думало объ уступкахъ. Изъ Петербурга посылались въ Варшаву предписанія удерживаться отъ слишкомъ строгихъ мѣръ, чтобы не возбуждать населенія. «Уже съ недѣлю здѣсь (въ Петербургѣ) много говорятъ о сеймѣ въ Польшѣ, о національной польской арміи, о назначеніи Великаго Князя Константина въ Варшаву», сообщилъ гр. Армфельтъ Рокасовскому [254]). Но ничто уже не могло удовлетворить революціонную партію. На жизнь Намѣстника Царства Польскаго, Великаго Князя Константина Николаевича, на другой-же день по его пріѣздѣ въ Варшаву было произведено покушеніе и затѣмъ состоялось объявленіе объ учрежденіи новаго польскаго нелегальнаго правительства—ржонда. Въ январѣ 1863 года все разрѣшилось открытымъ мятежемъ.

Общественное мнѣніе Англіи и особенно Франціи, поддерживая мятежную Польшу, рѣзко высказалось противъ русскаго правительства. Печать культурныхъ странъ съ ликованіемъ привѣтствовала возстаніе и произносила приговоръ осужденія русской тираніи (Зибель). Русская печать (особенно Катковъ) смѣло боролась противъ враждебныхъ стремленій Запада. Кн. Горчаковъ въ своихъ депешахъ далъ твердую отповѣдь европейскимъ притязаніямъ, несогласнымъ съ достоинствомъ Россіи, какъ великой державы. Русское правительство отказалось признать мятежниковъ воюющей стороной.

Государь, какъ разсказывали, открывая засѣданіе, по поводу европейскихъ нотъ, началъ съ того, что сказалъ съ глубокимъ чувствомъ убѣжденія: «Мы сдѣлали—я сдѣлалъ въ 1856 году великую ошибку, великій грѣхъ,—сдѣлалъ подлость и каюсь въ томъ: это заключеніе постыднаго мира—трактата парижскаго» [255]). Дипломатическіе переговоры выяснили, что никто не рѣшится вступить въ открытую борьбу съ Россіей. Это рѣшило участь Польши и она была строго усмирена. Противодѣйствіе правительства всякому постороннему вмѣшательству во внутреннія дѣла Россіи благотворно повліяло на русское національное чувство. Изъ всѣхъ городовъ Россіи стали присылать въ Петербургъ депутаціи и вѣрноподданническіе адресы, смыслъ которыхъ сводился къ извѣстному заявленію: «Государь! Наше право на Царство Польское есть крѣпкое право: оно куплено русскою кровью... Судъ Божій рѣшилъ нашу тяжбу, и Польское Царство неразрывно съ Вашею державою». До этихъ адресовъ Польша имѣла дѣло только съ Царемъ и его войсками, а послѣ нихъ ей пришлось встать ли-

цомъ къ лицу съ русскимъ народомъ. Съ того момента, какъ русское дѣло было поддержано общественнымъ мнѣніемъ, успѣхъ явно склонился на сторону Россіи... Если бы дѣла въ Польшѣ приняли иной оборотъ и русскіе оказались изгнанными изъ ея предѣловъ, то министръ-президентъ Пруссіи—Бисмаркъ рѣшилъ дѣйствовать смѣло и занять Польшу за счетъ Пруссіи и «черезъ три года все тамъ было-бы германизировано»,—прибавилъ онъ [256]).

При такихъ обстоятельствахъ возникъ вопросъ объ умѣстности и желательности для Финляндіи присоединиться къ выраженію указанныхъ чувствъ. Однако, изъ этого ничего не вышло, главнымъ образомъ, потому, что опасались, какъ бы такой образъ дѣйствій не былъ истолкованъ въ смыслѣ унизительнаго заискиванія. При этомъ было упущено изъ виду, что воздержаніемъ финляндцевъ должны были воспользоваться иноземные недоброжелатели Россіи, какъ доказательствомъ революціоннаго настроенія въ краѣ [257]). «Легко понять,—пишетъ Эдв. Бергъ,—что финскій народъ не могъ себя ставить въ такое положеніе», т. е. выразить сочувствіе правительству. Въ то же время начали подумывать объ особомъ коммерческомъ флагѣ, дабы отличить финскія суда отъ русскихъ, и другими способами выдѣлить особое политическое положеніе Финляндіи отъ воевавшей Россіи. Генералъ-губернаторъ баронъ Рокасовскій былъ въ Петербургѣ, причемъ Государь Императоръ выразилъ ему свое сожалѣніе по поводу слуховъ, дошедшихъ до него изъ Финляндіи [258]). Въ Финляндіи, пишетъ Эдв. Бергъ, было давленіе вызвать адресы, подобные тѣмъ, которые появлялись въ Россіи. На желательности адресовъ особенно настаивали графъ Армфельтъ и баронъ Шернваль-Валленъ. 26 мая (н. ст.) 1862 года генералъ-губернаторъ Рокасовскій, который только что вернулся изъ Петербурга, пригласилъ къ себѣ магистратъ и старшинъ города Гельсингфорса, а также главныхъ лицъ отъ городского купечества. Въ рѣчи, сказанной на французскомъ языкѣ, онъ объяснилъ, что цѣлью его поѣздки въ Петербургъ было узнать, не предвидится-ли въ скоромъ времени война, такъ какъ его желаніе было-бъ предупредить объ этомъ финляндскихъ судохозяевъ. На это Его Величество отвѣтилъ, что приготовленія къ войнѣ служатъ лишь мѣрой предосторожности. Благожеланіе Государя относительно Финляндіи генералъ-губернаторъ нашелъ вполнѣ неизмѣннымъ, доказательствомъ чего привелъ то, что созывъ сейма назначенъ на сентябрь слѣдующей осени. Даже день открытія уже опредѣленъ, хотя этого нельзя еще разглашать. Но то обстоятельство, что заграничная печать постоянно выставляетъ на-

строеніе въ Финляндіи въ такомъ видѣ, какъ будто здѣсь только и ждутъ непріятельскаго нападенія, чтобы стать «измѣнникомъ», можетъ быть и причиняетъ непріятность Его Величеству, хотя оно никоимъ образомъ не измѣняетъ его воззрѣній относительно Финляндіи. Въ виду сего, генералъ-губернаторъ предоставилъ горожанамъ обсудить, какія мѣры слѣдуетъ принять, въ виду сообщенныхъ имъ извѣстій [259]).

Нюландскій губернаторъ баронъ Альфонсъ Валленъ (родственникъ товарища министра статсъ-секретаря) созвалъ представителей города. Но газеты къ этому времени успѣли уже настолько обработать общественное мнѣніе, что горожане Гельсингфорса не нашли никакой надобности выражать свои чувства преданности Монарху; они признали, что слухи, распускаемые иностранными газетами, неосновательны, постановили занести это въ протоколъ магистрата и о таковомъ ихъ рѣшеніи четыре депутата должны были устно передать генералъ-губернатору. Собраніе окончилось громкимъ восклицаніемъ «да здравствуетъ царь» [260]). Только въ одномъ городѣ Выборгѣ подписали адресъ. Въ высшихъ сферахъ это обстоятельство дало основаніе проектировать созывъ сейма именно въ этомъ городѣ, а не въ Гельсингфорсѣ, гдѣ городское сословіе, по словамъ барона Рокасовскаго, выказало себя слишкомъ малодушнымъ (pusillanime) [261]).

Итакъ, изъ Финляндіи адресовъ, кромѣ выборгскаго, не послѣдовало. Шернваль писалъ: «Государь, который не желаетъ договариваться о благодарственномъ адресѣ, не спѣшитъ созывомъ сейма, чтобъ получить таковой» [262]). Въ Россіи «говорили объ адресѣ финляндцевъ»,—отмѣтилъ Никитенко въ своемъ дневникѣ,—«но въ печати его нѣтъ. Жаль, если это только слухъ» [263]).

Заграничная печать, какъ и слѣдовало ожидать, воспользовалась для своихъ цѣлей этимъ отказомъ подписать адресъ, значительно при этомъ сгущая краски и мало заботясь о фактической сторонѣ своихъ сообщеній [264]).

Въ Польшѣ весьма внимательно присматривались и прислушивались къ финляндскимъ событіямъ. «У Польши открыты глаза на всѣ явленія, происходящія въ Финляндіи»,—сообщалъ Шернваль (30 декабря 1861 года,—11 января 1862 года) Рокасовскому. «Манифестаціи въ Гельсингфорсѣ,—прибавляетъ онъ въ слѣдующемъ письмѣ,—имѣли малый отголосокъ въ Польшѣ».

По установившимся тогда отношеніямъ, у одного только Снельмана нашлось гражданское мужество открыто высказаться по злободневному вопросу. Въ «Литературномъ Листкѣ» онъ до-

казалъ всю неосновательность доводовъ, приводившихся противъ подписанія адресовъ. «Конституціонный образъ правленія,—писалъ онъ,—отнюдь не запрещаетъ выраженія общественнаго мнѣнія посредствомъ адресовъ, какъ то утверждаетъ партія газеты «Helsingfors Dagblad». Такъ же невѣрно, будто выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ могло скомпрометировать національное самосознаніе, смѣшавъ финскую національность съ русскою». Причина была та, что финляндцы не желали осуждать польскихъ жандармовъ-вѣшателей. Но вопросъ заключался лишь въ подачѣ вѣрноподданническаго адреса монарху по поводу покушенія на его жизнь. Нечего и говорить о томъ, что финскій народъ не былъ причастенъ къ демонстраціямъ. Орудовала, конечно, мѣстная интеллигенція; дѣйствовали,—какъ удостовѣрилъ Снельманъ,—скандинавы, пресмыкавшіеся передъ своими геніями-хранителями,—издаваемыми въ Швеціи газетами, между тѣмъ, какъ шайка новоявленныхъ либераловъ пресмыкалась передъ ними самими, т. е. передъ вышедшимъ изъ ихъ кузницы общественнымъ мнѣніемъ» [265]).

Въ Швеціи въ это время недовольство Россіей было всеобщимъ и проявлялось весьма опредѣленно королемъ, риксдагомъ, печатью и обществомъ. «Чуждый разумной и разсчетливой государственной политики отца и воспитанный въ чисто старо-шведской ненависти къ русскимъ, король Швеціи Карлъ XV также мало, какъ и его народъ, старался скрыть снова вспыхнувшую послѣ Крымской войны злобу противъ наслѣдственнаго восточнаго врага и ихъ историческіе инстинкты вскорѣ имѣли случай вылиться въ довольно опасныхъ выраженіяхъ, когда стало извѣстно, что Императоръ Александръ II отмѣнилъ всѣ празднества побѣдъ, исключая полтавской [266]).

Этимъ распоряженіемъ не имѣлось, конечно, намѣренія сдѣлать вызова Швеціи, но тамъ оно было понято какъ вызовъ и потому на него отвѣтила вся страна «патріотическими торжествами самостоятельности», къ которымъ особенно пылко примкнули вновь образовавшіяся стрѣлковыя общества, въ плоть и кровь которыхъ вошелъ военный энтузіазмъ націи. Въ то же время начата была подписка на памятникъ побѣжденному при Полтавѣ герою-королю, открытіе котораго потомъ состоялось въ 150-лѣтнюю годовщину его смерти. По поводу возникшаго недоразумѣнія, «Современное Слово» просило финляндскихъ собратій по журналистикѣ передать скандинавскимъ патріотамъ истинное значеніе для русскихъ этого дня, «а также отсутствіе всякаго желанія

Россіи оскорблять національность шведовъ». Просьба была исполнена гельсингфорсской газетой [267]).

«Между тѣмъ польскимъ агитаторамъ хотѣлось завлечь въ свою игру не только Швецію, но и Финляндію, и для этой цѣли были начаты переговоры съ извѣстнымъ ненавистникомъ Россіи Э. фонъ-Квантеномъ. Было рѣшено фабриковать тенденціозныя статьи о внутреннемъ положеніи Финляндіи, которыя вслѣдъ затѣмъ и стали появляться въ разныхъ заграничныхъ газетахъ: «Siècle», «Temps», «Patrie», «Morning Post», «Times» и т. д. [268]).

Польскіе эмигранты, гостившіе въ Швеціи съ цѣлью агитаціи, принимались вездѣ съ почетомъ и торжествомъ. Главой ихъ состоялъ вліятельный князь Чарторыйскій.

Въ мартѣ 1863 года шведское дворянство и горожане просили свое правительство настаивать на возстановленіи Польскаго королевства. Во время обсужденія этого вопроса, особенно въ рыцарскомъ домѣ, высказывались иногда въ довольно воинственномъ тонѣ самыя горячія симпатіи несчастному польскому народу. «Что касается стокгольмскихъ газетъ, то таковыя были переполнены сочувственными статьями къ полякамъ и крайне непріязненными выходками противъ Россіи. Особымъ воинственнымъ задоромъ отличалась газета «Nya Dagligt Allehanda», а также «Aftonbladet» — вліятельные органы шведской печати. Въ «Nya Dagligt Allehanda» появился цѣлый рядъ враждебныхъ русскимъ статей, которыя произвели большую сенсацію въ обществѣ, тѣмъ болѣе, что авторъ ихъ сначала не былъ извѣстенъ и публика считала ихъ исходящими изъ сферъ, близкихъ къ правительству. Вскорѣ, однако, выяснилось, что составителемъ статей былъ не кто иной, какъ финляндскій эмигрантъ и ненавистникъ Россіи Карлъ Веттергофъ. Онъ старался доказать, что моментъ для вмѣшательства въ польско-русскую распрю былъ какъ нельзя болѣе подходящимъ, такъ какъ Россія была ослаблена внутренней соціальной революціей и польскимъ возстаніемъ, вслѣдствіе чего Швеціи надлежало извлечь изъ обстоятельствъ возможную пользу. Онъ набрасывалъ подробный планъ дѣйствій, согласно коему Швеціи слѣдовало взять иниціативу на себя и, дѣйствуя, по возможности, въ союзѣ съ Англіей и Франціей, въ крайнемъ же случаѣ съ одною послѣднею державою, открыть полякамъ дорогу къ морю черезъ Курляндію и Прибалтійскій край, а затѣмъ угрожать столицѣ Имперіи—Петербургу» [269]).

Въ теченіи 1863 года въ газетѣ «Aftonbladet» появилось нѣсколько зажигательныхъ статей М. Бакунина. Онъ надѣялся,

что Финляндія подымется вмѣстѣ съ Польшей, чтобы «отвоевать себѣ свободу и самостоятельность» и въ такомъ случаѣ русскій анархистъ обѣщалъ «протянуть имъ свою руку». Онъ издѣвался надъ возвращеніемъ финнамъ ихъ конституціонныхъ правъ, такъ какъ находилъ въ дѣйствіяхъ правительства Александра II одинъ сплошной обманъ по отношенію къ Финляндіи. Правительство, назначавшее проконсуловъ Берга и Муравьева своими представителями, ошибется въ разсчетахъ, ибо Финляндію, ничѣмъ не связанную съ Россіей, кромѣ слабыхъ нитей покоренія, невозможно обрусить. Въ краѣ появилась партія финноманов и мы не можемъ не симпатизировать ей, такъ какъ она національна и демократична. Кромѣ того, силою вещей, она враждебна петербургскому двору и союзна Швеціи. Финскіе патріоты желаютъ политической и административной автономіи и они, конечно, скорѣе получатъ ее въ союзѣ со Швеціей, чѣмъ подъ русскимъ мертвящимъ покровительствомъ. Въ Польшу послали «вѣшателя» Муравьева, но остереглись сдѣлать нѣчто подобное въ Финляндіи. Въ послѣдней предпочли прибѣгнуть къ сантиментальной риторикѣ и усыпить ее обѣщаніями конституціонныхъ вольностей. Въ такомъ тонѣ поучалъ Бакунинъ шведовъ, для которыхъ, къ сожалѣнію, являлся и «апостоломъ свѣта», и Геркулесомъ, выступившимъ на борьбу съ русскимъ монархизмомъ [270]).

Бакунинъ Финляндіи не зналъ, и, надо полагать, что въ его словахъ слышится отзвукъ той финской организаціи въ Стокгольмѣ, съ которой ему пришлось познакомиться и которая ему сочувствовала.

Воинственное настроеніе шведовъ, шумъ ихъ печати и митинговъ были замѣчены въ Петербургѣ. «Швеція вооружается не на шутку,—записалъ въ своемъ дневникѣ академикъ Никитенко,—грозя отнять у насъ Финляндію и чуть-ли не Петербургъ» [271]). Не мудрено, если при такихъ обстоятельствахъ въ Россіи увѣровали въ возможность финскаго народа, въ случаѣ войны, возстать и перейти на сторону ея враговъ. Русскія войска вступали въ Финляндію быть можетъ не безъ убѣжденія, что они будутъ окружены готовымъ къ возстанію населеніемъ [272]).

Въ разгарѣ польскаго мятежа «опасный апостолъ свободы» М. Бакунинъ (подъ именемъ Henri Soulé) рѣшилъ убѣдить шведовъ, чтобы они подняли оружіе и вернули себѣ Финляндію; для этого онъ пріѣхалъ въ Стокгольмъ, гдѣ, несмотря на подозрѣнія русскаго посла Дашкова, этотъ интернаціональный революціонеръ всюду встрѣченъ былъ съ открытыми объятіями, добился у брата

короля [273]) и у министровъ аудіенціи и старался увѣрить въ неминуемости возстанія крестьянъ въ Россіи. На банкетѣ въ Стокгольмѣ, изолгавшійся Бакунинъ говорилъ, что народъ русскій не съ правительствомъ идетъ, что возстаніе въ Польшѣ воспламенитъ всю Имперію, что правительство «стонетъ, жалуется, плачетъ въ Петербургѣ, умоляя свою гвардію не оставлять его, и плачетъ въ Варшавѣ, умоляя своихъ генераловъ, русскихъ нѣмцевъ и русскихъ монголовъ не ссориться, умоляетъ покорно Финляндію не слишкомъ презирать его». . . Бакунинъ «протягивалъ руку патріотамъ шведскимъ и пилъ за близкое осуществленіе и благополучіе великаго федеральнаго союза Скандинавскаго».

Бакунинъ «засѣлъ въ шведахъ», имѣя въ виду подготовить революцію въ Россіи, завести сношенія (via Финляндія) съ руководителями польскихъ партій и представителями тайнаго общества «Земля и Воля», а также открыть пути, черезъ ту же Финляндію, для посылки изданій Герцена. Въ письмахъ къ Герцену этотъ революціонеръ признавалъ подвиги русскихъ войскъ въ Польшѣ за «наше безчестіе». Въ его «незыблемомъ убѣжденіи» главный врагъ былъ Петербургъ—этотъ «переодѣтый нѣмецъ». Я громко отрекаюсь отъ русскаго государственно-императорскаго патріотизма и буду радоваться разрушенію Имперіи, откуда бы оно ни шло. . . Вотъ вамъ моя исповѣдь».

Въ Стокгольмѣ Бакунинъ свелъ знакомство съ Квантеномъ, («полубогомъ его первыхъ писемъ», какъ отмѣчаетъ Герценъ), Ветергофомъ и другими финляндцами. «Въ Финляндіи у насъ ужъ есть люди и найдутся еще другіе». Затѣмъ послѣдовалъ разрывъ съ Квантеномъ и «охлажденіе со всѣми проживающими здѣсь финляндцами», которое не дало Бакунину, какъ онъ прежде ожидалъ, «воспользоваться прибытіемъ въ Стокгольмъ многихъ дѣльныхъ финляндцевъ изъ края». «Но,—продолжаетъ онъ,—благодаря моимъ шведскимъ пріятелямъ, мнѣ наконецъ удалось пробить путь къ одному изъ значительнѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ членовъ партіи финномановъ. Посылаю вамъ, на особомъ листѣ, отрывки изъ его писемъ, чтобы доказать вамъ важность этой связи и пользу, которую мы можемъ извлечь изъ нея. Не называю вамъ именъ и не посылаю адресовъ, потому что проученный разъ горькимъ урокомъ, даннымъ мнѣ вашимъ молодымъ честолюбивымъ секретаремъ, не увѣренъ, что онъ не передастъ всего своему другу, а моему теперешнему врагу, Квантену. . . Я считаю себя обязаннымъ предупредить моихъ финскихъ друзей противъ Квантена и съ радостью узналъ, что партія дѣятельныхъ финномановъ,

организовавшаяся, какъ вы видите, въ тайное общество, не намѣрена подчиняться здѣшней (стокгольмской) финской колоніи, гораздо болѣ занимающейся личными, чѣмъ общими интересами» (письма отъ 1 и 19 августа 1863 года). Въ слѣдующемъ письмѣ Бакунина къ Герцену (отъ 29—17 августа 1863 года) читаемъ: «Стокгольмъ и вся Швеція будутъ служить вѣрнымъ убѣжищемъ для русской эмиграціи и для русской революціонной работы. Русская типографія и русская пропаганда найдутъ здѣсь крѣпкую почву и покровительство и богатыя средства. Ничего нѣтъ легче, какъ сообщаться изъ Стокгольма съ Петербургомъ лѣтомъ». Далѣе революціонеръ сообщаетъ, что онъ «бросилъ въ сѣверъ Россіи около 7,000 экз. разныхъ воззваній къ солдатамъ и офицерамъ. Наконецъ, въ письмѣ вновь упоминается о сближеніи Бакунина «съ финской организаціей», которая искренно симпатизировала ему». Таковы немногочисленныя строки, освѣщающія отношенія Бакунина къ дѣламъ Финляндіи. Другихъ его писемъ, заключающихъ подробности этихъ сношеній, видимо, не сохранилось [274]).

Одновременно съ Бакунинымъ въ Швецію прибылъ изъ Лондона сынъ извѣстнаго русскаго эмигранта, издававшаго тамъ газету «Колоколъ», Александра Герцена, которому даны были рекомендательныя письма къ Квантену и порученіе агитировать въ пользу поляковъ, подъ фамиліей Магнуса Беринга, сперва въ Швеціи, а затѣмъ и въ самой Финляндіи. Однако, дальше Стокгольма этотъ молодой человѣкъ не поѣхалъ. «Несмотря на страстное желаніе шведскаго народа и личное желаніе его короля посредствомъ войны съ Россіей дать съ одной стороны свободу Польшѣ, а съ другой—вернуть Финляндію, его предусмотрительнымъ министрамъ, у которыхъ чувства долга и отвѣтственности стояли выше національнаго раздраженія, удалось, однако, предотвратить всякіе поспѣшные шаги, которые могли бы порвать миръ съ восточнымъ сосѣдомъ, и внѣшнія событія вмѣстѣ съ неудачами польскихъ повстанцевъ не замедлили доказать разумность этой политики.

Агитація Бакунина никакого серьезнаго вліянія на Финляндію не имѣла, что и было тогда-же отмѣчено современниками. Да и самъ Бакунинъ, по опредѣленію Герцена, бралъ болѣе энергіей, чѣмъ «интуиціей». Отчаянный революціонеръ оказался плохимъ дипломатомъ и дѣйствовалъ безъ опредѣленнаго плана. Шведы, кромѣ того, вѣроятно «раскусили» неотесаннаго болтуна. «Финнъ правъ, говоря, что иной разъ преждевременный гамъ губитъ дѣло. . . . его письма очень умны», заключаетъ А. И. Герценъ.

«Хороша и Швеція! писалъ историкъ М. Погодинъ. Она собирается также воевать съ нами. . . . . Бакунинъ уступилъ уже ей Финляндію . . . . . А финляндцы и думать не хотятъ о старомъ господствѣ Швеціи». . . . . Также взглянулъ на финляндцевъ и Никитенко, въ дневникѣ котораго говорится о «нежеланіи ихъ отложиться отъ Россіи» [275]).

Финляндцевъ охлаждалъ своимъ трезвымъ словомъ Снельманъ. Въ «Литературномъ Листкѣ» (вып. 5), онъ напечаталъ статью подъ заглавіемъ «Война или миръ для Финляндіи», въ которой не только рѣзко осудилъ тѣхъ лицъ, по иниціативѣ которыхъ отправка адресовъ не состоялась, но высказалъ также нѣсколько общихъ воззрѣній на возможное вмѣшательство Швеціи. Участіе Швеціи во враждебной Россіи коалиціи прежде всего создало-бы, по его мнѣнію, брато-убійственную войну (brödrakrig), такъ какъ естественно, что союзники неизбѣжно направили бы шведскія войска въ Финляндію. Швеція не извлекла бы особыхъ выгодъ для себя, такъ какъ первымъ результатомъ ея участія явилась-бы блокада финскихъ береговъ, а такая блокада не можетъ быть желательна Стокгольму. Союзникамъ также не выгодно было бы производить высадку на финскую землю, ибо рѣдкое населеніе края и отсутствіе предметовъ первой необходимости для пропитанія десантнаго отряда неизбѣжно побудило-бы непріятеля не позже ноября оставить край. Если населеніе Финляндіи въ 1808 и 1809 годахъ скрывалось въ лѣса при приближеніи собственнаго войска, то тѣмъ болѣе оно сдѣлало-бы это при видѣ непріятеля. Наконецъ, не извлекла бы пользы изъ войны и сама Финляндія. Среди другихъ народовъ война подымаетъ чувства національности и самостоятельности, но для этого необходимо обладать прежде всего политической независимостью и правомъ собственной защиты, чего у Финляндіи не имѣется. Наиболѣе-же возмущался Снельманъ толками о нейтралитетѣ, которые особенно были въ ходу въ 1863 году, и удивлялся, какъ могла возникнуть подобная несообразная мысль. Вообще онъ очень горячо осуждалъ тѣхъ своихъ соотечественниковъ, которые дали Западу поводъ желать созданія изъ Финляндіи «второй Польши», а въ этомъ повинны были, по его словамъ, именно сами финляндцы.

Кажется мало извѣстно, писалъ Снельманъ, что въ 1863 году и въ Финляндіи предполагалось готовиться къ войнѣ. Наполеонъ, а за его спиной Англія, угрожали занятіемъ Польши. Когда мнѣ это стало извѣстно, я настаивалъ на созывѣ чрезвычайнаго сейма. Говорили, что деньги доставитъ Россія, конечно, не въ подарокъ.

Но я, опасаясь какъ зависимости, такъ и рублевыхъ бумажекъ, остался при своемъ мнѣніи, что входить въ долгъ не слѣдуетъ безъ гарантіи сейма.

Россія дѣйствительно нѣсколько готовилась къ отпору внѣшнихъ враговъ. Графъ М. Н. Муравьевъ, въ своихъ запискахъ, повѣствуетъ: «Въ виду европейскаго напора и могущихъ быть военныхъ дѣйствій, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1863 года, вызванъ былъ сюда, въ Петербургъ, братъ мой, генералъ-адъютантъ Николай Николаевичъ, для совѣщанія о защитѣ прибрежья отъ Свеаборга, въ Финляндіи, до границъ Пруссіи» [276]).

15 апрѣля (н. ст.) 1863 года газета «Helsingfors Dagblad» (№ 85) выступила со своимъ пресловутымъ проектомъ нейтралитета Финляндіи на случай войны Россіи съ европейскими державами. Въ связи съ этимъ въ газетахъ была высказана мысль объ исходатайствованіи для финляндскаго торговаго флота отдѣльнаго флага и о назначеніи отдѣльныхъ финляндскихъ консуловъ въ иностранные порты. Обращая безпокойный взоръ на грозные признаки готовящейся борьбы, авторъ статьи задалъ себѣ вопросъ: неужели Финляндію дѣйствительно постигнетъ столь печальная участь, неужели она сдѣлается театромъ военныхъ дѣйствій, а весь торговый флотъ ея, который именно въ этотъ моментъ разсѣянъ по разнымъ морямъ, станетъ жертвой политическихъ случайностей?. . . . Во времена шведскаго могущества Финляндія была ея ахилесовой пятой. Мы проливали кровь за честь Швеціи и ея королей; наше бѣдное отечество было вѣчнымъ яблокомъ раздора между скандинавской и славянской народностями. Неужели оно снова должно сдѣлаться полемъ битвы для нихъ? Международное положеніе, какое въ этомъ случаѣ представляетъ Финляндія, сходно съ положеніемъ Бельгіи и Швейцаріи. Страна, которая постоянно подвержена опасности сдѣлаться театромъ военныхъ дѣйствій, должна быть,—столько же въ интересахъ человѣколюбія, сколько и въ интересахъ войны,—объявлена сама нейтральною. Единственнымъ средствомъ предохранить Финляндію отъ безполезныхъ страданій, было-бы объявленіе со стороны обѣихъ воюющихъ державъ полнаго нейтралитета всей страны и ея торговаго флота».

«Новая Прусская газета» раздѣлила мысль финляндцевъ, заявивъ, что исторія Финляндіи, обсуждаемая съ современной гуманной точки зрѣнія, даетъ ей право быть причисленною къ разряду тѣхъ странъ, которыя пользуются постояннымъ нейтралитетомъ».

За гельсингфорсской газетой послѣдовали «Абоскія Извѣстія» [277]), которыя старались возможно широко популяризировать идеи флага и нейтралитета. Изъ статей сихъ «Извѣстій» видно, что финляндцы желали, дабы мысль ихъ о нейтральномъ положеніи Великаго Княжества была разсмотрѣна и осуществлена на одномъ изъ предстоявшихъ иностранныхъ конгрессовъ. Что же касается торговаго флага, то имъ представлялось возможнымъ въ критическую минуту перейти къ нему и безъ всякой особой санкціи.— «Абоскія Извѣстія» прибавляли даже, что вновь проектированный флагъ видѣли уже въ нѣкоторыхъ иностранныхъ гаваняхъ и на нѣсколькихъ судахъ Эстерботніи.—Газеты призывали всѣхъ жителей края выразить сочувствіе новому флагу и предлагали, чтобы онъ развѣвался на каждомъ суднѣ и на каждомъ шестѣ. Общественное мнѣніе края высказалось за флагъ. Что газетная пропаганда отдѣльнаго флага не прошла совершенно безслѣдно, видно изъ того, что въ 1871 г. въ Ріо-Жанейро, 19 февраля, на финляндскомъ купеческомъ суднѣ Хеліосъ (изъ Улеаборга) шкиперъ Снельманъ не поднялъ флага, пока ему не приказалъ командиръ корвета Назимовъ. Государь повелѣлъ объявить виновному строгій выговоръ (августа 1871 года) [278]).

Какъ прежде, такъ и теперь гражданское мужество проявилъ одинъ только І. Снельманъ. Трудно себѣ представить,—писалъ онъ,—что отсутствіе разума можетъ быть такъ велико, чтобы можно было серьезно вѣрить въ осуществленіе нейтралитета Финляндіи въ то время, когда Россія ведетъ войну [279]).

Волненіе, поднятое въ финляндскомъ обществѣ возстаніемъ въ Польшѣ и вопросомъ о нейтралитетѣ и собственномъ флагѣ не сразу улеглось. «Мертвая зыбь» сказалась маленькимъ событіемъ въ Або. Въ передовой статьѣ газеты «Åbo Underrättelser» (№ 1—1864 года) редакторъ газеты, Іоганъ-Вильгельмъ Лилья, представивъ обзоръ событій предыдущаго года, дозволилъ себѣ предосудительныя сужденія объ образѣ правленія и политикѣ Государя Императора въ дѣлѣ подавленія возстанія Польши. Лилья писалъ о «залитой кровью» Польшѣ, о «крѣпко скованныхъ цѣпяхъ», чѣмъ ясно выразилъ свои симпатіи къ возстанію. Генералъ-губернаторъ предалъ его суду, который приговорилъ Лилья къ тюремному заключенію. Выпущенный изъ тюрьмы, онъ былъ встрѣченъ массой народа. Его проводили до квартиры пѣвческія общества и хоръ музыкантовъ поселеннаго финскаго стрѣлковаго баталіона [280]).

Императоръ Россіи одинаково относился какъ къ полякамъ, такъ и къ финляндцамъ. Обѣимъ народностямъ онъ напоминалъ

о томъ, что они часть большого общества, главою котораго является русскій Самодержецъ. Счастье Польши и Финляндіи,—говорилъ онъ,—зависитъ отъ принадлежности ихъ къ великой семьѣ, составляющей Россійскую Имперію. Обращаясь однажды къ полякамъ, Государь сказалъ: «J'aime également tous Mes sujets fidèles, Russes, Polonais, Finlands, Livoniens et autres; ils Me sont tous également chers; mais jamais je ne souffrirai qu'on admette l'idée que le royaume puisse se séparer de l'empire et exister sans lui. Il fut crée comme tel par un Empereur de Russie, et il doit á la Russie». И финны, и поляки приняли подобныя напоминанія довольно равнодушно. Но финляндцы дорожили своей автономіей и оберегали ее; поляки же не сумѣли воспользоваться данными имъ преимуществами и пытались вооруженной рукой разорвать узы, связывавшія ихъ королевство съ Имперіей. Финляндія также желала обособиться отъ Россіи и выступить въ роли «государства», но она шла къ намѣченной цѣли иными путями.

Съ вопросами о торговомъ флагѣ и о нейтралитетѣ соприкасается домогательство финляндцевъ имѣть своихъ финансовыхъ агентовъ и своихъ консуловъ.

Финляндскій банкъ получилъ право имѣть своихъ агентовъ въ Лондонѣ, Гамбургѣ и Стокгольмѣ.

Что же касается исторіи ихъ консуловъ, то она представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Ив. Матв. Толстой, въ письмѣ къ барону Шернвалю отъ 27 іюня 1858 года, напомнилъ, что прошлою зимою графъ Армфельтъ (по побужденіямъ барона Шернваля) въ разговорѣ съ нимъ неоднократно изъявлялъ желаніе финляндскаго начальства, чтобы въ нѣкоторыя русскія генеральныя консульства заграницею было опредѣлено по одному чиновнику изъ финляндскихъ уроженцевъ, для исполненія обязанностей переводчика, при сношеніяхъ консульствъ съ шкиперами и экипажами финляндскихъ судовъ. При этомъ было признано возможнымъ производить содержаніе означеннымъ лицамъ изъ суммъ Великаго Княжества.

Запрошенный по этому поводу генеральный консулъ въ Лондонѣ отвѣтилъ, что считаетъ такое назначеніе полезнымъ. Снеслись затѣмъ съ генералъ-губернаторомъ и сенатомъ. Графъ Бергъ и сенатъ усмотрѣли, что средства не позволяютъ дѣлать такого расхода, тѣмъ болѣе, что потребуются таковые чиновники въ другихъ мѣстахъ: въ Кадиксѣ, Марсели, Лиссабонѣ, Гуллѣ, Ливерпулѣ и др., что выгода не соотвѣтствовала бы издержкамъ, и что

въ навигаціонныхъ школахъ шкиперовъ обучаютъ иностраннымъ языкамъ. Графъ Бергъ предложилъ также министерству иностранныхъ дѣлъ принять расходы на свой счетъ.

Послѣ такого обмѣна мнѣній Толстому отвѣтили, что назначеніе финляндцевъ не только въ Лондонъ, но и въ другіе города, хотя и было бы весьма полезно, однако въ настоящее время средства финляндской казны заставляютъ отложить этотъ вопросъ до болѣе благопріятнаго времени [281]).

Въ началѣ 1859 года учреждена была должность россійскаго консульскаго агента въ Алжирѣ. Вопросъ о немъ возбудилъ генеральный консулъ въ Марсели Бухаринъ въ представленіи своемъ послу графу Киселеву. Князь Горчаковъ сообщилъ объ этомъ графу Армфельту, предоставляя ему выборъ лица, но при условіи, чтобы консулъ этотъ назначался министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, состоялъ въ его вѣдомствѣ, но получалъ содержаніе изъ финляндскихъ суммъ. И сенатъ и генералъ-губернаторъ были противъ этого, но повергали однако все дѣло на Высочайшее усмотрѣніе. Но повидимому не столько графъ Армфельтъ, сколько баронъ Шернваль-Валленъ желалъ какъ нибудь поставить финляндца на дипломатическій постъ. Дѣло разсмотрѣли въ комитетѣ, и на назначеніе вице-консула въ Алжиръ послѣдовало Высочайшее соизволеніе [282]).

СЕЙМЪ 1863 ГОДА.

VI. Сеймъ 1863 года.

Государь вновь посѣтилъ Финляндію. Его пріѣздъ, видимо, былъ вызванъ международными осложненіями и желаніемъ произвести смотръ войскамъ. Гельсингфорсъ великолѣпно разукрасился въ ожиданіи Высокаго Гостя. Общее настроеніе было радостнымъ въ «незабвенные» іюльскіе дни 1863 года. Финляндія готовилась отпраздновать торжество «мира и любви». Солнце щедро дарило блескъ и теплоту. Красивая отъ природы гавань была особенно старательно принаряжена. Противъ памятника Императрицы Александры Федоровны воздвигнута была тріумфальная арка. Она должна была выразить «чувства привѣтствующаго его народа» и потому надпись гласила «Terve tultua» (добро пожаловать). На глыбѣ гранита возвышались далѣе стройныя ели—представители финскихъ лѣсовъ. Рядомъ находилась эстрада, покрытая цвѣтущимъ букетомъ прекраснаго пола гельсингфорсскихъ горожанокъ. «Кого ожидаетъ Финляндія въ своей цвѣтущей одеждѣ, съ зелеными вѣнками на всѣхъ берегахъ?» спрашивалъ поэтъ Сигнеусъ... Мы ждемъ Великаго Князя, который сдѣлалъ нашъ законъ правдою и крѣпче связалъ узы, соединяющія долгъ и свободу».— Гавань, покрытая лодками, полными народа, кипѣла подъ веслами гребцовъ. Всѣ напряженно ждали, но крѣпостныя пушки хранили молчаніе. Только въ половинѣ 10 веч. 17 іюля (1863) загрохотали свеаборгскія жерла. Оказалось, что въ пути произошла задержка, вслѣдствіе двукратной поломки механизма на яхтѣ «Штандартъ». Всѣмъ пришлось пересѣсть на пароходъ-фрегатъ «Олафъ» (построенный въ Финляндіи). Государя сопровождали Великіе Князья Александръ и Владиміръ Александровичи, князь Николай Максимиліановичъ Романовскій, военный министръ Милютинъ, князь Долгоруковъ, графъ А. Адлербергъ, графъ Ламбертъ, управляющій морскимъ министерствомъ Краббе, лейбъ-медикъ Каррелъ и др.

*

Въ ту-же ночь Государь отправился по желѣзной дорогѣ въ Тавастгусъ. Къ свитѣ присоединились генералъ-губернаторъ Рокасовскій, министръ статсъ-секретарь графъ Армфельтъ и губернаторъ нюландскій Валленъ. Въ половинѣ третьяго почи Государь прибылъ въ Тавастгусъ, гдѣ губернаторомъ былъ баронъ фонъ-Троиль. Въ числѣ лицъ, удостоившихся быть принятыми, находился крестьянинъ (Хейкиля), который благодарилъ Монарха за отеческія попеченія о народномъ языкѣ. «Тѣ же чувства благоговѣйной преданности къ Вашему Величеству пребудутъ въ насъ навсегда и за то, что Вы соизволили свято держать обѣщаніе въ Бозѣ почившаго Государя Александра I о возведеніи нашего народа на степень націи, даровавъ намъ сеймъ». Далѣе крестьянинъ выразилъ «непреложное желаніе финновъ, чтобы страна ихъ пребывала вѣчно подъ благотворнымъ и могущественнымъ скипетромъ» Его Величества...

Въ лагерѣ при дер. Парола-Мальмъ былъ произведенъ смотръ гвардейскому и девяти поселеннымъ финскимъ стрѣлковымъ баталіонамъ и другимъ частямъ, расположеннымъ въ краѣ (всего 7 тыс. чел.). Во время объѣзда линіи войскъ, финская гвардія играла русскій народный гимнъ.—Обращаясь къ финскимъ войскамъ, Государь выразилъ надежду, что, вѣроятно, всѣ финскіе воины, если будетъ надобность, окажутъ ту неизмѣнную храбрость и вѣрность, которыя, составляя народную славу, переданы имъ въ наслѣдство отъ предковъ. По окончаніи смотра, Государь объѣзжалъ всѣ части войскъ и благодарилъ каждую отдѣльно. Командиры частей переводили на финскій языкъ слова Государя своимъ солдатамъ. За обѣдомъ въ Парола, Государь пилъ за благоденствіе Финляндіи и за храбрыя и вѣрныя его войска. Музыка играла финскую народную пѣснь («Вортъ ландъ»). Вечеромъ состоялась увеселительная прогулка по озеру Ванаявеси на пароходѣ. На другой день происходили маневры [283]). По возвращеніи въ Гельсингфорсъ, передъ дворцомъ исполнена была серенада, закончившаяся пѣніемъ стихотворенія Рунеберга—«Нашъ Край!». Народное уваженіе къ этому «гимну» Государь почтилъ «снятіемъ съ головы фуражки». Затѣмъ Государь благодарилъ Паціуса за прекрасную композицію «гимна». «Въ этой симпатіи любимаго нашего Монарха,—писали въ гельсингфорсской газетѣ,—къ нашему народному гимну и въ этомъ милостивомъ поощреніи, которое благоугодно было оказать композитору, окрылившему любезныя намъ слова музыкальными звуками, заключаются отрадныя значенія, понятныя всякому какъ истинному сыну отечества, такъ и другу искуства!...»

Во время пріема, Государь выразилъ городскимъ представителямъ, что «съ того мгновенія, какъ Я вступилъ на финскую землю, Я переживалъ однѣ лишь пріятныя минуты». При осмотрѣ города, Государю въ лютеранской киркѣ на органѣ исполнили русскій народный гимнъ.

Депутація отъ Нюландской губерніи выразила Монарху всеподданнѣйшую благодарность «за созваніе сословій страны на сеймъ», въ чемъ депутація усмотрѣла доказательство «монаршей справедливости». Радость депутатовъ основывалась на «твердой надеждѣ видѣть учрежденіе края болѣе и болѣе развивающимся, согласно его основнымъ законамъ».—Вмѣстѣ съ тѣмъ наши довѣрители поручили намъ всеподданнѣйше просить Ваше Величество лично открыть этотъ всей страной такъ искренно желанный сеймъ». Государь изволилъ отвѣтить, что равно, какъ финская нація заботится о сохраненіи достоинства своихъ коренныхъ законовъ, такъ и Онъ одинаково заботится о сохраненіи этого чувства въ финской націи»... Вечеромъ устроили роскошный балъ, съ котораго Государь отправился прямо на свой пароходъ.

Всѣ слои населенія одушевленно привѣтствовали Повелителя Имперіи. Эти трое сутокъ были непрерывной цѣпью торжествъ, въ которыхъ сама природа гармонически участвовала со своей лѣтней красотой, блескомъ и теплотой. Своимъ посѣщеніемъ Государь, главнымъ образомъ, имѣлъ въ виду изслѣдовать желѣзную дорогу и произвести смотръ финскихъ войскъ.

Описанное пребываніе Государя въ Финляндіи, по мысли I. В. Снельмана и при содѣйствіи министра статсъ-секретаря, а еще болѣе его товарищемъ, ознаменовано было весьма благодѣтельнымъ для населенія мѣропріятіемъ—изданіемъ закона о финскомъ языкѣ. Въ періодъ засѣданій январской коммиссіи 1862 года, мѣстныя газеты заспорили о томъ, подлежитъ-ли вопросъ о языкѣ обсужденію сейма, или онъ имѣетъ исключительно административный характеръ. Къ послѣднему положенію склонялись преимущественно шведоманы, стоявшіе у власти, и Снельманъ.

Вопросъ о языкѣ былъ не новъ. О введеніи финскаго языка ходатайствовали у Монарха двѣ крестьянскія депутаціи. Крестьянинъ Lars Pelkonen изъ Куопіо, вмѣстѣ съ двумя другими крестьянами изъ Саволакса и Эстерботніи, отправились въ качествѣ крестьянской депутаціи въ Петербургъ, гдѣ милостиво были при-

няты Государемъ въ особой аудіенціи. Они выразили Царю благодарность своихъ соотечественниковъ за оказанныя благодѣянія и его отеческія попеченія, а также радость финскаго народа по поводу освобожденія русскаго крестьянина отъ вѣковой неволи. Затѣмъ подали прошеніе о томъ, чтобъ финскій языкъ былъ болѣе распространенъ въ школахъ и учрежденіяхъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ населеніе исключительно финское. «Кланяйтесь вашимъ соотечественникамъ и скажите имъ,—произнесъ Государь,—что Я въ вопросѣ о языкѣ желаю сдѣлать все, что смогу» [284]).

Затѣмъ (въ 1863 г.) членъ крестьянской депутаціи изъ Куопіо (Staffan Tolonen) также былъ принятъ Государемъ. Положеніе по фински говорящихъ крестьянъ въ дѣйствительности становилось все невыносимѣе и обиднѣе: они походили на чужеземцевъ на собственной родинѣ [285]). Январская выборная комиссія, какъ мы видѣли, также была озабочена участью финскаго языка; ея члены просили, чтобы для разсмотрѣнія вопроса о финскомъ языкѣ была учреждена особая комиссія изъ свѣдущихъ людей. Рокасовскій поддержалъ это ходатайство, и новая комиссія была образована, съ цѣлью указать, какими способами возможно введеніе финскаго языка въ низшихъ судахъ и присутственныхъ мѣстахъ тѣхъ частей края, гдѣ населеніе говоритъ исключительно по фински. Въ составъ ея вошелъ извѣстный знатокъ языка и собиратель рунъ «Калевалы» Эл. Ленротъ.

Комиссія усмотрѣла, что законъ (3 глава 24 отдѣла общаго уложенія 1734 г.) допускаетъ употребленіе финскаго языка въ судебныхъ приговорахъ, но что главнымъ препятствіемъ къ его употребленію является неподготовленность чиновниковъ, главный контингентъ которыхъ набирался изъ шведовъ. Поэтому комиссія предложила, въ видѣ первоначальной мѣры, допустить лишь подачу въ судебныя установленія бумагъ на финскомъ языкѣ, и обязать должностныхъ лицъ, знающихъ финскій языкъ, пользоваться имъ при рѣшеніи несложныхъ дѣлъ. Опредѣлить окончательный срокъ для перехода въ судахъ къ дѣлопроизводству на финскомъ языкѣ комиссія не рѣшилась, зная, что онъ для этого мало развитъ, а юридическая терминологія недостаточно разработана. Такой неопредѣленный результатъ трудовъ комиссіи подвергся сильному осужденію со стороны виднѣйшихъ публицистовъ финскаго лагеря—А. Мёрмана и Снельмана. Послѣдній зналъ, что сенатъ шведскаго состава не станетъ содѣйствовать проведенію финскаго языка въ судопроизводство края, а потому рѣшился воспользоваться пребываніемъ Государя въ лагерѣ Парола.

Графъ Армфельтъ колебался поднять вопросъ о государственныхъ дѣлахъ при такой необычной обстановкѣ, но его помощникъ, баронъ Шерваль-Валленъ, желалъ, чтобъ посѣщеніе Государя ознаменовалось какимъ-нибудь важнымъ рѣшеніемъ и потому настаивалъ на докладѣ. Снельманъ кромѣ того былъ готовъ представить вопросъ о монетной реформѣ. Докладъ графа Армфельта состоялся, по окончаніи тавастгусскихъ маневровъ. По вопросу о финскомъ языкѣ Государь никакихъ замѣчаній не сдѣлалъ, и такимъ образомъ получилось постановленіе (отъ 1 августа 1863 г.) о равноправности финскаго языка со шведскимъ. Монархъ самъ выразилъ, что Онъ этимъ желалъ оставить «прочную память о Своемъ посѣщеніи Великаго Княжества». Но когда перешли къ монетной реформѣ, касавшейся также и Имперіи, то Государь заявилъ, что не желаетъ рѣшать его, не выслушавъ мнѣнія министра финансовъ. Дѣло, слѣдовательно, не уладилось. Отказъ Государя, говоритъ Снельманъ, былъ таковъ, что слѣдовало почитать его за счастье [286]).

Писатели шведоманской партіи сильно укоряли Снельмана за совершенный шагъ. «Большую ошибку сдѣлалъ Снельманъ, говорили они, давъ съ самаго начала неправильный ходъ столь излюбленному имъ вопросу о финскомъ языкѣ; его слѣдовало передать на разсмотрѣніе сейма. Они находили, что къ этому должно было побудить Снельмана прежде всего то большое значеніе, какое имѣетъ языкъ для жизни націи [287]).

Обвиняющіе Снельмана прежде всего неискренны, а соображенія ихъ являются мотивами болѣе поздняго періода и измѣнившихся обстоятельствъ. Въ то время, на эту реформу смотрѣли, какъ на дѣло исключительно административнаго характера. Комиссія о языкѣ (språkkomiten), въ составѣ котораго находилось девять юристовъ, склонилась къ такому-же воззрѣнію. Январская комиссія, объединившая цвѣтъ населенія, также ничего не говорила о необходимости передачи сейму дѣла о языкѣ. Наконецъ, не видно, чтобы и сенатъ находилъ необходимымъ внесеніе сеймовой пропозиціи по этому вопросу.

Рескриптъ о языкахъ былъ заготовленъ въ статсъ-секретаріатѣ. Его контрасигнировалъ Армфельтъ, а два дня спустя его доложили сенату, и потому законъ помѣченъ первымъ (1) августа [288]).

Высочайшимъ постановленіемъ 1 августа 1863 года (сб. пост. В. К. Ф. № 26) шведскій языкъ оставленъ былъ по прежнему офиціальнымъ языкомъ края, финскій-же языкъ объявленъ имѣющимъ одинаковыя со шведскимъ права во всемъ, касающемся финскаго населенія края. Посему всѣмъ судебнымъ и администра-

тивнымъ присутственнымъ мѣстамъ вмѣнено было въ обязанность съ 1863 года безпрепятственно принимать бумаги и документы на финскомъ языкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сенату повелѣно было войти съ представленіемъ о способѣ и порядкѣ введенія финскаго языка въ дѣлопроизводство судебныхъ мѣстъ края. Судьямъ низшихъ инстанцій и должностнымъ лицамъ, имѣвшимъ опытность въ составленіи на финскомъ языкѣ документовъ, разрѣшалось его употребленіе, если о томъ послѣдуетъ ходатайство. Для обязательнаго примѣненія правилъ о равноправности финскаго языка былъ установленъ двадцатилѣтній срокъ.

Финское населеніе приняло новый законъ съ ликованіемъ, «какъ вѣсть объ освобожденіи изъ подъ вѣкового ига». Должностныя лица отнеслись къ нему непріязненно, вслѣдствіе того, что онъ налагалъ на нихъ новыя обязанности. На Снельмана негодовали еще за то, что сенатъ былъ обойденъ, и ему не дали возможности высказаться по вопросу. Претензія едва-ли своевременная, такъ какъ графъ Армфельтъ и графъ Бергъ пріучили его къ такому порядку веденія дѣлъ.

Снельманъ сознается въ своихъ запискахъ, что съ рескриптомъ поступилъ опрометчиво, но въ свое оправданіе указывалъ на спѣшность дѣла и на увѣренность, что получить согласіе большинства сената было болѣе чѣмъ сомнительно [289]).

«Крымская война была одновременно и торжествомъ внѣшняго непріятеля, и побѣдой внутреннихъ враговъ». Война обнаружила всю «фасадность» внѣшняго величія Россіи, за которымъ скрывалось внутреннее неустройство и разъѣдающая язва крѣпостного права. Язвы были раскрыты; предстояло уврачевать организмъ.

Начались реформы. Рекрутская повинность была отмѣнена на три года; ослаблена—цензура; университеты открыты для всѣхъ сословій; заграничные паспорты стали выдаваться безъ всякихъ стѣсненій; грозное третье отдѣленіе потеряло свое прежнее значеніе.

Но надъ всѣми этими реформами, какъ новая свѣтлая заря возсіяли день освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и гласный судъ. Съ 1859 года началось, по выраженію Я. И. Ростовцева, «созданіе русскаго народа». Мысль о необходимости освобожденія крестьянъ, и притомъ съ земельнымъ надѣломъ, преобладала уже во время Николая I. Передовая интеллигенція относилась къ крѣпостному праву, какъ къ страшному и

постыдному злу. Литература непрерывно продолжала въ этомъ дѣлѣ славную традицію Радищева. Достаточно назвать имена Грибоѣдова, Бѣлинскаго, Григоровича, И. С. Тургенева. Насталъ, наконецъ, «великій первый день свободнаго труда». Крѣпостное право было счастливо отмѣнено 19 февраля 1861 года. Крестьянамъ возвращена свобода, которой они лишились, одни въ смутное время конца XVI и начала XVII вѣка, другіе—позже. Этотъ громадный соціальный переворотъ прошелъ безъ особыхъ потрясеній, хотя пять восьмыхъ всего населенія жило на чужой землѣ. Помѣщика обязали надѣлить землей бывшихъ его крестьянъ. Крестьянамъ облегчили возможность пріобрѣтенія въ собственность отведенныхъ участковъ, при помощи выкупной государственной операціи. Уничтоженіе рабства сіяетъ особенно крупнымъ алмазомъ въ вѣнцѣ преобразованій Императора Александра II. « . . . . Государь, положившій начало освобожденію крестьянъ,—писалъ А. Герценъ,—заслужилъ великое имя въ исторіи, и благодарность наша остается неизмѣнной».

Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ не коснулся Финляндіи; но и здѣсь онъ принятъ былъ со всеобщей радостью, какъ «бюллетень побѣды свѣта и гуманности». Мѣстные дворяне и помѣщики усматривали особое свое «счастіе» въ томъ, что манифестъ не былъ распространенъ на Великое Княжество. Въ Финляндіи не было крѣпостного права, но въ ней стонали безземельные, батраки и торпари. Воззрѣніе на реформу правящаго класса выразилъ Авг. Шауманъ въ слѣдующихъ словахъ: «Извѣстно, что только могучая сила воли Монарха могла побороть противодѣйствіе и всякія препятствія, которыя мѣшали провести это дѣло, а потому еще съ большимъ довѣріемъ можно было здѣсь отнестись къ благородному и просвѣщенному Монарху, въ чьи руки вложенъ былъ скипетръ Финляндіи» [290]).

«Какъ въ краткую лѣтнюю сѣверную ночь одна заря спѣшитъ смѣнить другую, такъ въ годы царствованія Александра II зарю отмѣны рабства смѣняла заря настоящаго правдиваго и вмѣстѣ милосерднаго суда». Судебная реформа имѣла большое вліяніе на весь общественный строй жизни. Она внесла въ нее новые принципы публичности, гласности суда, полнаго отдѣленія судебной власти отъ административной и обвинительной, она установила независимость судей, ввела адвокатуру и состязательный порядокъ судопроизводства, причемъ болѣе важныя уголовныя дѣла указано было передавать на судъ общественной совѣсти, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей. Провозглашеніе «да правда

и милость царствуютъ въ судахъ» явилось въ сущности равносильнымъ словамъ «да будетъ судъ» [291]).

За освобожденіемъ крестьянъ и за учрежденіемъ новыхъ судовъ слѣдовали введеніе земскихъ учрежденій и самоуправленія городовъ. Народное образованіе было урегулировано Высочайше учрежденнымъ 14 іюня 1864 г. положеніемъ о начальныхъ народныхъ училищахъ. Обращено было вниманіе и на женское образованіе. Уничтожены военныя поселенія; послѣдовало сокращеніе срока солдатской службы съ 25 до 15 лѣтъ; отмѣнены унизительныя тѣлесныя наказанія; поднятъ уровень общаго образованія офицеровъ арміи, посредствомъ реформъ военныхъ учебныхъ заведеній. Въ 1864 году учреждена въ Россіи военно-окружная система, а въ 1874 году введенъ уставъ о воинской повинности, по которому все мужское населеніе имперіи, безъ различія состояній, подлежитъ воинской повинности. Бюджетъ, державшійся въ тайнѣ, сталъ публиковаться (съ 1862 г.) ежегодно. Желѣзныя дороги связали центръ съ западной границей, Чернымъ и Балтійскимъ морями. Съ 1856 года по 1870 годъ ежегодно прокладывалось въ среднемъ около 600 миль рельсоваго пути. Въ 1856 году образовалось общество пароходства и торговли, съ казенной субсидіей. Тарифы 1857 и 1858 годовъ были основаны на принципахъ свободы торговли. Короче, русская жизнь обновлялась широко и глубоко. Не всѣ надежды, возлагавшіяся на великую реформу поколѣніемъ шестидесятыхъ годовъ, оправдались. Но тутъ уже вмѣстѣ съ правительствомъ повинно само общество. Укоромъ истекшимъ десятилѣтіямъ звучатъ золотыя слова манифеста: «Самый благотворный законъ не можетъ людей сдѣлать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучіе подъ покровительствомъ закона. Довольство пріобрѣтается и увеличивается не иначе, какъ неослабнымъ трудомъ, благоразумнымъ употребленіемъ силъ и средствъ, строгою бережливостью и вообще честною въ страхѣ Божіемъ жизнью».

Какъ въ Россіи, такъ и въ Финляндіи царствованіе Императора Александра II было временемъ реформъ. И тутъ и тамъ общественная жизнь оживлялась и обновлялась.

Въ области политики нельзя уже наблюсти той-же отрадной картины, которую только что видѣли.

Финляндія мирно перешла къ либеральнымъ преобразованіямъ; она терпѣливо выждала возобновленіе сеймовъ и трудолюбиво стала развивать новый порядокъ, никогда не упуская изъ вида своихъ ближайшихъ и коренныхъ національныхъ цѣлей.

Въ Россіи, напротивъ, конецъ пятидесятыхъ и начало шестидесятыхъ годовъ отмѣчены особымъ неблагопріятнымъ броженіемъ. Печать развивала темы осужденія и отрицанія, склоняясь съ явной симпатіей къ космополитизму. Идеи отрицательнаго характера, благодаря своей поверхностности, легко воспринимались и распространялись по Россіи. Отрицаніе вело къ уничтоженію авторитетовъ, къ истребленію идеаловъ, къ «свистопляскѣ». Народился нигилизмъ, крѣпло украинофильство. Заволновалась учащаяся молодежь. Студенты стали «пылать за Польшу». Наиболѣе вліятельныя газеты «Голосъ»,—которому покровительствовали министръ народнаго просвѣщенія и графъ Валуевъ,—и «Петербургскія Вѣдомости» стояли за обособленіе Польши. Мятежъ 1863 года подготовили мы сами. «Мы жили тогда въ какой-то мягкой атмосферѣ уступчивости и слабости». Въ этомъ усматривалось слѣдованіе культурѣ и либерализму Запада. Представители либеральнаго космополитизма, въ родѣ Валуева, князя А. А. Суворова и др., играли видную роль. При большихъ матеріальныхъ силахъ у нашего правительства не хватало силы нравственной, какъ это видно изъ дѣйствій въ Польшѣ князя М. Д. Горчакова, графа Ламберта и др. «Въ высшихъ правительственныхъ кругахъ не было ни яснаго плана, ни устойчивой идеи». «Русское чувство было непонятно немалой части вліятельныхъ лицъ. Нѣкоторымъ оно претило, какъ нѣчто грубое и въ существѣ демократическое». «Мысль о русскомъ государствѣ для русскаго народа казалась узко-національной». «Мы считали себя недостойными и стыдились подчинить будто-бы европейски-культурное населеніе Царства Польскаго (и Финляндіи?) своему варварскому государству». «Какой мы слѣдуемъ политикѣ—покрыто мракомъ неизвѣстности, записалъ А. В. Никитенко 1 апрѣля 1863 года въ своемъ дневникѣ. Но, кажется, едва-ли мы не избрали несчастную систему уступокъ и мира во что бы то ни стало. Ничто не можетъ быть плачевнѣе этой системы». «Дыханіе мира и свободы пронеслось по русской землѣ», но въ то же время самоотрицаніе сдѣлалось еще болѣе всеобщимъ. «Намъ грозила утрата истиннаго, практическаго патріотизма, въ которомъ заключается главная общественная сила. Это-то непониманіе идеи исторической Россіи и было главнымъ источникомъ смуты политическихъ понятій», что наиболѣе ярко сказывалось въ окраинной политикѣ. Наши колебанія происходили отъ слабости національнаго духа. Въ нашихъ правящихъ сферахъ было много Онѣгиныхъ, этихъ— «москвичей въ гарольдовыхъ плащахъ», лицъ внѣшней дресси-

ровки, за которыхъ дѣлала и думала Европа. Представители русскаго дѣла не были согрѣты живой національной идеей [292]).

Наконецъ, необходимо отмѣтить еще то «конституціонное» движеніе, которое весьма опредѣленно вышло наружу въ началѣ царствованія, вмѣстѣ съ стремленіями ко всякимъ свободамъ. Рядомъ наблюдалось другое теченіе; оно сводилось къ предложеніямъ разныхъ перемѣнъ въ политической области и искало исхода внѣ конституціонныхъ формъ Запада. Требованія конституціи начались въ 1859 г., когда въ Петербургъ съѣхались депутаты отъ губернскихъ комитетовъ. Позднѣе послѣдовали адресы дворянскихъ депутатовъ.

Одинъ изъ представителей славянства, К. С. Аксаковъ, въ 1855 году предлагалъ установить «русское гражданское устройство» такъ, чтобы правительству принадлежала неограниченная власть государственная, политическая, а народу—полная свобода нравственная, свобода жизни и духа (мысли и слова)».

Ходатайство владимірскихъ дворянъ, а также дворянскихъ собраній Ярославской и Нижегородской губерній, носили еще въ скрытномъ видѣ конституціонныя вожделѣнія. Подобный же адресъ поданъ былъ харьковскимъ дворянствомъ (въ 1861 г.). Но чѣмъ далѣе катилась эта волна, тѣмъ ярче она окрашивалась.

Въ октябрѣ 1861 года появился нумеръ газеты «Великоруссъ» съ адресомъ, который заканчивался словами: «Только правительство, опирающееся на волю самой націи, можетъ совершить тѣ преобразованія, безъ которыхъ Россія подвергнется страшному перевороту. Благоволите, Государь, созвать въ одной изъ столицъ нашей русской родины, въ Москвѣ или Петербургѣ, представителей русской націи, чтобы они составили конституцію для Россіи. Благоволите созвать представителей польской націи въ ея столицѣ Варшавѣ, чтобы они устроили ея судьбу, сообразно ея потребностямъ». Этотъ адресъ, составленный лицами умѣренно либеральнаго направленія, не былъ, правда, поданъ Государю, но содержаніе этого документа свидѣтельствуетъ о томъ направленіи, которое уже успѣло распространиться.

Въ 1862 году славянофилъ А. И. Кошелевъ издалъ въ Лейпцигѣ двѣ брошюры: «Какой исходъ для Россіи изъ нынѣшняго ея положенія?» «Конституція, самодержавіе и земская дума». Исходъ Кошелевъ видѣлъ въ перемѣнѣ государственнаго строя, въ уничтоженіи бюрократическаго порядка. Кошелевъ, конечно, высказывался противъ конституціи, но созывъ выборной земской думы признавалъ необходимымъ. Министерство, по его мысли,

падлежало выбирать изъ состава думы. Говорятъ, что депутаты (избранные для занятій въ редакціонной комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ) намекнули на что-то похожее на конституцію. Но Государь очень спокойно отвѣтилъ, что они собраны для того, чтобы разсуждать о крестьянскомъ вопросѣ, и должны заниматься этимъ, а не посторонними дѣлами, которыя до нихъ не касаются.

13 апрѣля 1863 года графъ Валуевъ представилъ Государю записку, въ которой осторожно предлагалъ введеніе конституціи на слѣдующихъ главныхъ основахъ: 1) представители населенія, избранные земскими собраніями, вводятся въ государственный совѣтъ; 2) представителей избираютъ всѣ части Имперіи, кромѣ Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго; 3) представители участвуютъ въ обсужденіи только нѣкоторыхъ дѣлъ, порученныхъ государственному совѣту. Подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя предложеніе графа Валуева разсматривалось въ кругу довѣренныхъ лицъ, но эти засѣданія ни къ чему опредѣленному не привели [293]). Изъ проекта Валуева видно, что ограниченія самодержавной власти онъ касался весьма и весьма робко.

Какъ же относился Государь къ разнымъ домогательствамъ конституціоннаго характера? Извѣстны нѣкоторыя бесѣды, во время которыхъ Монархъ имѣлъ случай высказывать свои воззрѣнія на конституцію въ Россіи. «Покойный Государь,—по удостовѣренію Кавелина,—выразился однажды, что онъ понимаетъ самодержавіе и республиканское правленіе, но не понимаетъ конституціонныхъ ограниченій власти» [294]). Другіе современники, напротивъ, представляютъ Государя болѣе благосклоннымъ къ представительному образу правленія. «И теперь вы, конечно, увѣрены,—сказалъ Государь, въ разговорѣ съ Голохвастовымъ,—что Я изъ мелочнаго тщеславія не хочу поступиться своими правами! Я даю тебѣ слово, что сейчасъ, на этомъ столѣ, Я готовъ подписать какую угодно конституцію, если бы Я былъ убѣжденъ, что это полезно для Россіи. Но Я знаю, что сдѣлай Я это сегодня, и завтра Россія распадется на куски». Въ томъ же приблизительно смыслѣ высказался Государь по поводу домогательства Безобразова о созывѣ выборнаго собранія, когда надписалъ, что оно «произведетъ еще бо́льшій хаосъ».

Прибавимъ еще эпизодъ изъ болѣе поздняго времени.

Въ 1871 году Андрей Павловичъ Шуваловъ былъ призванъ во дворецъ, гдѣ Государь имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ. Государь сказалъ: «Мнѣ нынѣ сообщаютъ, будто-бы ты стоишь во главѣ конституціонной партіи въ Россіи. Я самъ пони-

маю, что въ Россіи будетъ установлено представительное правленіе, и желаю этого. Къ этому Я направлялъ мои реформы. Но покуда Я считаю конституцію у насъ, къ сожалѣнію, еще преждевременной и слѣдовательно вредной» [295]).

Такимъ образомъ имѣется нѣкоторое основаніе предположить, что Императоръ Александръ II въ принципѣ ничего не имѣлъ противъ конституціи и находилъ только несвоевременнымъ осуществить ее въ Россіи. По той-же, вѣроятно, причинѣ въ отвѣтахъ на адресы Тверскихъ и Тульскихъ дворянъ, съ просьбами о созваніи представителей народа, Государь отвѣтилъ: «Инициатива во всемъ, что касается реформъ, неразрывно связана съ самодержавной властью, врученною мнѣ Богомъ».

Но въ то же время извѣстно, что русскіе проекты конституціи не шли далѣе введенія совѣщательнаго учрежденія. Отсюда мы въ правѣ заключить, что едва-ли Государь иначе представлялъ себѣ тогда предлагавшуюся реформу. Врядъ-ли онъ видѣлъ въ ней серьезное ограниченіе Своей власти.

Вотъ, слѣдовательно, съ какими чувствами и воззрѣніями на конституцію онъ отправился въ сентябрѣ 1863 года открывать финляндскій сеймъ, на которомъ произнесъ рѣчь, возбудившую не мало толковъ и надеждъ. Желаніе нѣкоторыхъ русскихъ круговъ получить конституцію было извѣстно финляндцамъ, и они съ своей стороны едва-ли сочувствовали парламенту въ Россіи. По крайней мѣрѣ въ запискахъ Спельмана находимъ слѣдующія достойныя вниманія слова: «Перемѣна царствованія принесла надежды на всякія свободы. Меня-же опечалила смерть Государя Николая I. Для меня было ясно, что только сильная государева рука могла охранять насъ, но что съ появленіемъ свободныхъ учрежденій въ Имперіи начнется настоящая наша бѣда. Свободу мы, конечно, добудемъ, но свободу посылать нашихъ депутатовъ въ какое нибудь національное собраніе—въ Москвѣ» [296]).

Въ исторіи открытія финляндскаго сейма не малую роль сыграло поведеніе поляковъ. Въ противоположность мѣрамъ, предпринятымъ противъ поляковъ,—пишетъ одинъ изъ изслѣдователей общественнаго движенія въ Россіи,—манифестъ 6 іюня 1863 года возвѣстилъ о созваніи въ Гельсингфорсѣ государственныхъ чиновъ Великаго Княжества Финляндскаго. Въ программномъ разговорѣ, который Императоръ Александръ II имѣлъ въ августѣ 1863 года съ Н. А. Милютинымъ, Монархъ сказалъ, что не имѣетъ отвращенія къ представительному правленію, но что только не можетъ дать его полякамъ, которые бунтуютъ, не

давая его вѣрноподданнымъ русскимъ, а этихъ онъ еще не считалъ зрѣлыми для конституціи. Съ своей стороны Милютинъ, будучи сторонникомъ конституціи, думалъ, что прежде приступа къ реформамъ политическимъ надо окончить реформы административныя, а чтобы воспитать страну вести свои дѣла, надо дать ей практику мѣстнаго самоуправленія.

Прибавимъ къ этому, что въ 1863 году, когда рѣчь о Польшѣ была ежедневной и всеобщей, газета Journal de St. Pétersbourg однажды заявила, что «благодушныя намѣренія были обнаружены Его Величествомъ относительно финляндскихъ Его подданныхъ. Принятыя съ довѣріемъ и благодарностью, они привели къ торжественному освященію историческихъ привилегій Великаго Княжества открытіемъ сейма въ Гельсингфорсѣ» [297]).

Одинъ изъ близкихъ къ графу Армфельту современниковъ разсказываетъ, что министръ статсъ-секретарь очень ловко воспользовался сопротивленіемъ, оказаннымъ созыву сейма графомъ Бергомъ, и тревогой, вызванной въ обществѣ назначеніемъ выборной комиссіи. Ссылаясь на нихъ, онъ склонилъ Государя къ созыву сейма.

6—18 іюня 1863 года въ Царскомъ Селѣ состоялось Высочайшее повелѣніе о созывѣ сейма. Оно гласило: «Обративъ всемилостивѣйшее вниманіе на то, что множество особенно важныхъ и имѣющихъ вліяніе на развитіе дальнѣйшаго благосостоянія Великаго Княжества Финляндскаго дѣлъ требуютъ разсмотрѣнія и содѣйствія земскихъ чиновъ, для полученія такого рѣшенія, какое Мы ко благу края имѣемъ въ виду, и бывъ увѣрены, что земскіе чины Великаго Княжества въ своихъ совѣщаніяхъ о сихъ важныхъ для отечества дѣлахъ примутъ Наши благія намѣренія съ довѣріемъ и посвятятъ себя спокойному и зрѣлому обсужденію предложенныхъ дѣлъ, какъ того разсмотрѣніе ихъ и общее благо требуютъ, Мы предписываемъ и повелѣваемъ открыть общій сеймъ въ Гельсингфорсѣ 3—15 числа будущаго сентября сего года». Въ проектѣ сего офиціальнаго оповѣщенія, написанномъ рукою Снельмана значилось, что земскіе чины созываются для совѣта и рѣшенія дѣлъ. Редакцію измѣнилъ, вѣроятно, осторожный графъ Армфельтъ [298]).

Созыву сейма, конечно, обрадовались, такъ какъ онъ соотвѣтствовалъ желаніямъ образованнаго общества. Въ Або по этому по-

воду устроено было празднество. На пиръ собралось множество горожанъ. Профессоръ Шауманъ въ рѣчи выразилъ чувства благодарности народа Финляндіи своему Великому Князю, Императору Александру II, за то, что онъ исполнилъ данное имъ уже ранѣе обѣщаніе [299]).

Въ вопросѣ о созывѣ сейма единственнымъ рѣшающимъ обстоятельствомъ являлось «великодушіе гуманнаго Государя», хотя ненавистники Россіи, въ родѣ Эм. фонъ-Квантена, старались дать другое объясненіе дѣлу: «Совершившееся возстановленіе финляндскаго сейма,—писали они,—отнюдь не является добровольнымъ даромъ со стороны Царя, а есть слѣдствіе особыхъ политическихъ комбинацій въ Европѣ, но, прежде всего, оно послѣдовало въ виду настойчиваго отпора со стороны Финляндіи русскому самодержавію и въ виду отказа края одобрить политику Имперіи по отношенію къ Польшѣ» [300]). Благодаря Квантену, Швеція повѣрила такому объясненію и историкъ нашихъ дней E. Hildebrand повторяетъ: «Что касается Финляндіи, то Императору Александру удалось прекратить тамъ неудовольствіе тѣмъ, что напослѣдокъ согласился на требованіе финновъ созвать финляндскій сеймъ». Къ сожалѣнію, не одна Швеція восприняла такое объясненіе, гармонировавшее съ ея чувствами къ Россіи. Писатель Англіи Фрэнсисъ Генри Скринъ также утверждаетъ, что «громкій ропотъ финляндскаго сената и народа заставилъ» Александра II въ 1863 году созвать сеймъ въ Гельсингфорсѣ. Къ другимъ выводамъ иностранцу трудно было прійти, читая о гельсингфорсской демонстраціи и видя, что послѣ протеста нѣсколькихъ сенаторовъ появляется разъясненіе Государя. Передъ ними крупные факты, а подробности, разъясняющія дѣло, остались имъ неизвѣстны [301]).

Въ виду тучъ на политическомъ горизонтѣ и необходимости военныхъ приготовленій въ Финляндіи, имѣлось намѣреніе созвать чрезвычайный сеймъ весною 1863 года. Однако, онъ не состоялся [302]).

По поводу предстоявшихъ выборовъ сеймовыхъ уполномоченныхъ и сомнѣнія относительно того, что найдутся достойные кандидаты, абоская газета поспѣшила съ опредѣленнымъ совѣтомъ. «Прежде всего народъ Финляндіи долженъ сильно стараться, чтобы страна получила удостовѣреніе о періодическихъ сеймахъ, собираемыхъ черезъ три или пять лѣтъ, чтобъ сеймъ получилъ право моцій, и чтобы въ законномъ порядкѣ за нимъ признано было право обложенія податями и контроль надъ финансами. Въ другихъ частяхъ края послѣдовали не менѣе рѣшительныя ни-

струкціи уполномоченнымъ. Изъ Улеоборгской газеты извѣстно, что сеймовымъ депутатамъ горожане поручили въ Высочайшихъ петиціяхъ ходатайствовать о реформѣ представительнаго правленія, о періодическихъ сеймахъ, объ отвѣтственности министровъ, о вотированіи сеймомъ бюджета, о финансовомъ контролѣ, объ устройствѣ банка и монетнаго дѣла посредствомъ сеймовыхъ депутатовъ, объ учрежденіи финскаго торговаго флага, и полномъ отдѣленіи финляндскихъ войскъ и дѣлъ по оборонѣ отъ русскихъ». Пока эти петиціи не будутъ отправлены, «не должно давать согласія на чрезвычайныя подати». Это много! восклицаетъ Снельманъ. Но можно было-бы еще прибавить, — иронизируетъ онъ,—выборъ президента на три года [303]). Въ день выборовъ абоская газета писала: «Исполненный желаній и надеждъ народъ Финляндіи сегодня празднуетъ начало эпохи, которая неизгладимо будетъ начертана въ сердцѣ каждаго друга родины».

«Финляндія въ восторгѣ, ожидая собранія сейма! Еще-бы», писалъ Погодинъ [304]). Финляндія дѣятельно готовилась къ предстоящему торжеству. Многое нужно было приготовить. Дѣло являлось для администраціи и общества новымъ, такъ какъ единственный сеймъ (въ Борго въ 1809 г.) не имѣлъ ни закономъ установленныхъ нормъ, ни опыта практики или «политической традиціи». Власть шведскихъ рикстаговъ на финляндскіе ландтаги или сеймы не была полностію перенесена, почему требовалось создать нѣчто свое, приспособленное исключительно для Финляндіи.

Прежде всего, не имѣлось сеймоваго устава. Предстояло составить наказъ для чиновъ сейма. Для этого въ Швецію командировали чиновника сената. Въ результатѣ явилось наскоро написанное «Краткое изложеніе дѣйствующихъ постановленій и принятыхъ обычаевъ, которые примѣняются къ порядку на сеймахъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ». Оно напечатано, какъ обязательный законъ, въ сборникѣ постановленій (1863, № 13) и подписано такъ: «По Высочайшему повелѣнію: I. Снельманъ». Это «краткое изложеніе» является своеобразной компиляціей изъ всевозможныхъ старыхъ шведскихъ законовъ—устава рыцарскаго дома 1626 года, протокола государственнаго канцлера 1778 года, королевской резолюціи Кальмарской эпархіи 1728 года, протокола тайнаго комитета 1789 года и т. п.

Чтобы возстановить въ памяти общества прежніе шведскіе порядки, профессоръ гельсингфорсскаго университета Русенборгъ прочелъ рядъ лекцій о «Риксдагахъ». Другой правовѣдъ—профессоръ

Пальменъ—издалъ сборникъ «основныхъ законовъ» Финляндіи. «Лѣтомъ 1858 года въ Åbo Tidningar напечатаны были форма правленія 1772 года и актъ соединенія и безопасности 1789 года, что привело общество въ большое недоумѣніе, а когда въ концѣ того-же года дозволено было печатать упомянутые документы, а также и царскія удостовѣренія (regentförsäkran) Императоровъ Александра I, Николая I и Александра II подъ названіемъ «основные законы Финляндіи», то на это взглянули какъ на необыкновенно либеральную уступку со стороны высшихъ властей» [305]). 23 сентября (н. ст. 1863 г.) сдѣлался настоящимъ достопамятнымъ днемъ для Финляндіи,—пишетъ современникъ,—въ этотъ день вышелъ шведскій выпускъ «основныхъ законовъ Великаго Княжества Финляндскаго» Пальмена.— Исключая «Fänrik'a Stål'я» Рунеберга, ни одна новая книга не имѣла такое огромное число покупателей, какъ эта. Большинство финляндцевъ наканунѣ созыва сейма имѣли крайне смутныя понятія о сущности основныхъ законовъ. «Въ настоящее время, писалъ Спельманъ, число мудрецовъ, то есть знающихъ основные законы, велико. Но легко сосчитать, многіе-ли въ мартѣ 1861 г. могли говорить отомъ, что форма правленія 1772 года и актъ соединенія и безопасности 1789 года являлись основными законами края,— многимъ ли извѣстно было содержаніе этихъ законовъ. Графъ Армфельтъ, баронъ Шернваль-Валленъ и Л. Гартманъ отвергали право сейма контролировать финансовое управленіе края. По мнѣнію Л. Ф. Гартмана,—тѣ опредѣленія основныхъ законовъ, которыя давали подобное право, «давно уже отмѣнены и лишены значенія юридическихъ нормъ еще во времена шведскаго владычества». Баронъ Лангеншельдъ (и отчасти Спельманъ) находилъ, что правительство въ правѣ дѣлать государственные займы безъ обращенія къ сейму. Профессоръ Нордстремъ горячо оспаривалъ такое заявленіе [306]).

Предстояло еще составить церемоніалъ открытія сейма. Выработка его шла канцелярскимъ путемъ. Когда Государю представили проектъ «церемоніальнаго открытія сейма», Его Величество начерталъ: «Все, что относится до личнаго Моего присутствія, должно быть сказано условно и оговоренъ также порядокъ, если Меня самого не будетъ, а назначится другое лицо отъ Моего имени». (9—21 марта 1863 г.). Гдѣ говорилось (§ 22) о томъ, что ландмаршалы и тальманы «обращаются къ Его Императорскому Величеству со всеподданнѣйшею рѣчью», рукою Государя отмѣчено: «ограничиться краткими привѣтствіями, которыя должны быть предварительно представлены въ

Слѣдованіе Императора Александра II изъ Николаевскаго собора въ Гельсингфорсѣ по случаю открытія сейма.
(6—18 сент. 1864 г.)

Памятникъ Портана въ Або.
(1864 г.)

переводѣ». Церемоніалъ былъ составленъ примѣнительно къ открытію сейма 1778 года, сейма въ Борго 1809 года, протокола рыцарства и дворянства, введеннаго при сеймѣ 1800 года, положенія о сеймѣ 1617 года и устава рыцарскаго дома 6 іюня 1626 года. На эти законоположенія подъ §§ проекта церемоніала сдѣланы соотвѣтствующія ссылки.

Одновременно съ выработкой церемоніала возникли запросы и сомнѣнія относительно мундировъ финляндскаго дворянства. Сенаторамъ разрѣшено было на торжествахъ открытія сейма быть не въ парадныхъ мундирахъ, коихъ у нихъ не оказалось, а въ вицъ-мундирахъ, полукафтанахъ. Дворянамъ повелѣно было быть въ мундирахъ, но красный цвѣтъ дворянскихъ русскихъ мундировъ, на воротникѣ и обшлагахъ, Государь разрѣшилъ, по докладу Рокасовскаго, замѣнить свѣтло-синимъ. Въ іюнѣ 1863 года Рокасовскій просилъ дозволить, вмѣсто бѣлыхъ брюкъ, дворянамъ носить суконныя темнозеленаго цвѣта. Государь отвѣтилъ: «Правила, существующія для сего въ Имперіи, должны быть соблюдаемы и въ Финляндіи». (27 іюня—9 іюля 1863 г.).

Но главное вниманіе во время всѣхъ приготовительныхъ дѣйствій обращено было, конечно, на проектъ тронной рѣчи, такъ какъ руководители дѣла отлично понимали, что дальнѣйшая участь сеймовъ въ значительной мѣрѣ будетъ зависѣть отъ царскаго слова.

«Скоро мы будемъ имѣть случай устно бесѣдовать какъ о текстѣ тронной рѣчи, такъ и о вопросѣ относительно финскаго языка», предупреждалъ Шернваль-Валленъ письмомъ Снельмана» [307]). Въ іюнѣ 1863 года Шернваль-Валленъ побывалъ въ Гельсингфорсѣ, привезя съ собой первоначальный набросокъ рѣчи. Онъ совѣтовался съ Снельманомъ объ ея редактированіи. Снельманъ добивался того, чтобы въ рѣчь были включены обѣщанія о періодичности сеймовъ, о правѣ законодательнаго почина земскихъ чиновъ, а главное—о расширеніи правъ самообложенія, т. е. права опредѣленія косвенныхъ налоговъ и таможеннаго тарифа. «Нѣтъ ничего гибельнѣе для правительства,—значится въ запискѣ Снельмана,—какъ притворяться либеральнымъ, а на дѣлѣ опасаться свободы».

«Былъ у меня Шернваль-Валленъ съ наброскомъ къ тронной рѣчи, читаемъ въ воспоминаніяхъ Снельмана. Она содержала въ себѣ уже разныя концессіи, кромѣ расширенія права налоговъ, которое я желалъ, чтобы было внесено, періодическіе сеймы и, какъ мнѣ думается, право моцій».

*

Спельманъ, какъ онъ самъ признавался, усердно занялся составленіемъ проекта Высочайшей рѣчи, который въ общемъ былъ одобренъ. Понятно, значится въ его воспоминаніяхъ, что каждый пунктъ былъ провѣренъ въ Петербургѣ и, вѣроятно, по частямъ представленъ для Высочайшаго утвержденія [308]). Среди оставшихся послѣ него бумагъ,—пишетъ Т. Рейнъ (II, 160),—имѣется этотъ проектъ, довольно близко подходящій къ Высочайшей рѣчи. Болѣе крупное различіе заключается въ добавленіи словъ: «съ Моей стороны не было сдѣлано ничего, что могло бы нарушить согласіе, которое должно существовать между Государемъ и народомъ». Эти слова,—по увѣренію Рейна,—были добавлены самимъ Императоромъ. Другое добавленіе заключалось въ томъ, что Монархъ давалъ обѣщаніе расширить право земскихъ чиновъ по обложенію.

Письма, сохраняющіяся въ архивѣ статсъ-секретаріата (1864. № 30), также указываютъ, что Спельманъ состоялъ въ это время совѣтникомъ графа А. Армфельта какъ по общему направленію дѣлъ, такъ и по выработкѣ текста тронной рѣчи. Финскій текстъ рѣчи устанавливали совмѣстно Спельманъ и профессоръ Альквистъ. Проектированная рѣчь, внушалъ Спельманъ графу Армфельту, одинъ изъ красивѣйшихъ документовъ («Det är i sanning ett det vackraste dokument»). «Если, однако,—прибавляетъ онъ,—пропадетъ обѣщаніе о правѣ моцій, то онъ (документъ) будетъ испорченъ.... Если же останется обѣщаніе о періодичности сеймовъ, то отпадетъ послѣдній поводъ криковъ и шумовъ» [309]). То и другое обѣщаніе вошли въ рѣчь въ весьма опредѣленныхъ выраженіяхъ.

Кромѣ Снельмана и Армфельта, къ участію въ составленіи проекта тронной рѣчи были привлечены «герой брилліантовыхъ перьевъ» князь Горчаковъ и чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ изъ евреевъ Гамбургеръ [310]). Судя по дѣлу статсъ-секретаріата, рѣчь вырабатывалась долго, и дважды проектъ ея представлялся Государю. Видимо, что почва осторожно нащупывалась и изслѣдовалась графомъ Армфельтомъ, и въ концѣ-концовъ въ рѣчи создалось заявленіе о томъ, что «принципъ констуціонной монархіи» вошелъ въ нравы финскаго народа [311]).

---

31 августа Государь отплылъ изъ Кронштадта и заѣхалъ въ Выборгъ, гдѣ былъ встрѣченъ громаднымъ стеченіемъ народа.

На пристани красовалась арка съ надписью: «Привѣтствуемъ нашего возлюбленнаго Повелителя». Бургомистръ поднесъ хлѣбъ-соль и произнесъ нѣмецкую рѣчь. Губернаторомъ былъ генералъ-маіоръ Индреніусъ. Государь посѣтилъ православный соборъ; затѣмъ слѣдовалъ парадъ. Государь принялъ приглашеніе барона Николая и посѣтилъ его помѣстье Mon repos. При пріемѣ разныхъ чиновъ, одинъ крестьянинъ выразилъ по фински чувства привязанности и преданности Его Величеству за милость Монарха и присовокупилъ, что финны торжественно объявляютъ, что все зловредное, наносимое съ запада, не поколеблетъ ихъ чувствъ любви и долга къ своему возлюбленному Монарху.

Изъ Выборга Государь прослѣдовалъ въ Фридрихсгамъ, гдѣ состоялся парадъ нейшлотскаго полка и осмотръ кадетскаго корпуса, который содержался практично, просто и хорошо. На «Штандартѣ» Онъ продолжалъ путь до Гельсингфорса. При отплытіи кадеты спѣли «Боже, Царя храни» и «солдатскую пѣсню» [312]).

2—14 сентября 1863 года Императоръ прибылъ въ Гельсингфорсъ. Его сопровождали министръ двора Адлербергъ 1, министръ иностранныхъ дѣлъ князь Горчаковъ, военный министръ Д. Милютинъ, морской министръ Краббе, шефъ жандармовъ князь Долгоруковъ, командующій главною квартирою графъ Адлербергъ 2, генералъ-адъютантъ Ламбертъ 2, контръ-адмиралъ Аркасъ и лейбъ-медикъ Каррелъ [313]). Потомъ вызваны были еще Великіе Князья Александръ, Владиміръ и Алексѣй Александровичи и Николай Константиновичъ.

По пріѣздѣ Государь посѣтилъ сенатъ и университетъ. Обращаясь къ профессорамъ, онъ сказалъ: «Съ удовольствіемъ вижу себя между вами, господа, въ мѣстѣ, напоминающемъ мнѣ то время, когда Я былъ канцлеромъ университета. Я разсчитываю на ваше усердіе къ образованію юношества. Надѣюсь, что вы образуете молодыхъ людей трудолюбивыхъ, вѣрныхъ и преданныхъ, которые, служа своему краю, будутъ помнить, что они принадлежатъ къ великой семьѣ русскихъ, русскихъ Императоровъ» [314]). Ландмаршаломъ Государь назначилъ генерала І. М. Норденстама, тальманами: духовенства—архіепископа Эдварда Бергенгейма, горожанъ—полицейскаго бургомистра въ Выборгѣ Роберта Исидора Эрна и крестьянъ—крестьянина Августа Мекипеска [315]).

Входя въ залъ, гдѣ тальманы присягали, Государь по русски выразилъ надежду, что генералъ-лейтенантъ Норденстамъ оправдаетъ оказанное ему довѣріе. «Sire,—отвѣтилъ ландмаршалъ,—mon

devoir est de justifier la haute et gracieuse confiance de Votre Majesté (Государь, мой долгъ оправдать высокое и милостивое довѣріе Вашего Величества) [316]).

«Насталъ желанный день; его солнцемъ былъ Александръ II («Den bidade dagen kom, och Alexander II var dess sol..»).

Открытіе сейма (6 сентября) было обставлено весьма торжественно. Изъ орудій, поставленныхъ на пристани, произвели стрѣльбу. До Николаевскаго собора Государь, одѣтый въ мундиръ финскаго стрѣлковаго баталіона, проѣхалъ верхомъ. Въ соборѣ Онъ занялъ особое кресло и выслушалъ проповѣдь, произнесенную на шведскомъ и финскомъ языкахъ, а затѣмъ благодарственный молебенъ. Изъ собора Государь послѣдовалъ во дворецъ, гдѣ находился тотъ же тронъ, который изъ Москвы доставленъ былъ въ г. Борго (въ 1809 г.) [317]). Громко и ясно Государь прочелъ слѣдующую рѣчь на французскомъ языкѣ, текстъ которой былъ ему поданъ графомъ Армфельтомъ.

«Представители Великаго Княжества Финляндскаго! Видя васъ собранными вокругъ Меня, считаю Себя счастливымъ, что могу осуществить Мои желанія и ваши надежды.

Я давно уже обращалъ вниманіе на рядъ вопросовъ, которые послѣдовательно были возбуждаемы и касались самыхъ существенныхъ интересовъ края. Рѣшеніе этихъ вопросовъ отлагалось, такъ какъ для того требовалось участіе сейма. Высшія соображенія, оцѣнка которыхъ принадлежитъ Мнѣ, не дозволили Мнѣ собрать представителей четырехъ сословій Великаго Княжества въ первые годы Моего царствованія. Тѣмъ не менѣе, Я принялъ во время нѣкоторыя приготовительныя мѣры, ведущія къ этой цѣли, и такъ какъ нынѣ обстоятельства не требуютъ дальнѣйшей отсрочки, то Я созвалъ васъ, для соучастія въ дѣлѣ, выслушавъ предварительно мнѣніе финляндскаго Моего сената о проектахъ законовъ и нѣкоторыхъ административныхъ мѣрахъ, которыми вы займетесь въ теченіе нынѣшней сессіи. Имѣя въ виду важность этихъ законовъ и мѣръ, Я поручилъ комиссіи, составленной изъ лицъ, облеченныхъ довѣріемъ народа, разсмотрѣть ихъ предварительно. Гласность, которая была допущена относительно преній комиссіи, могла уже заранѣе ознакомить васъ съ тѣмъ, что составитъ предметъ вашихъ сужденій, и вы могли обдумать вполнѣ эти проекты, сообразуясь съ общественнымъ мнѣніемъ и потребностями края. По этой причинѣ, не смотря на значительное число и важность проектовъ, вы будете имѣть возможность разсмотрѣть ихъ окончательно въ установленное закономъ время.

Отчетъ о положеніи финансовъ, который будетъ вамъ сообщенъ, докажетъ, что государственные доходы всегда были достаточны для покрытія текущихъ расходовъ и что значительное увеличеніе косвенныхъ налоговъ, свидѣтельствующее объ общественномъ благосостояніи, дозволило приложить болѣе значительныя средства къ развитію матеріальныхъ и нравственныхъ силъ края. Я разрѣшилъ правительству Великаго Княжества Финляндскаго заключить займы единственно для того, чтобы удовлетворить потребностямъ, выказавшимся въ послѣднюю войну и покрыть издержки по сооруженію желѣзной дороги между Гельсингфорсомъ и Тавастгусомъ.

Отчетъ о расходованіи этихъ займовъ, который также будетъ сообщенъ вамъ, покажетъ, что нынѣшніе доходы государства достаточны для погашенія этого долга съ процентами. При всемъ томъ, Я желаю, чтобы впредь ни одинъ заемъ не былъ заключенъ безъ участія сейма Великаго Княжества, исключая только внезапнаго нашествія враговъ или другаго непредвидѣннаго общественнаго бѣдствія, которыя побудили бы Насъ уклониться отъ этого.

Новые налоги, предлагаемые Мною сейму, клонятся къ тому, чтобы осуществить различныя мѣры, предназначенныя къ умноженію благосостоянія края и къ процвѣтанію народнаго образованія. Вамъ предстоитъ рѣшить вопросъ о томъ, въ какой степени эти мѣры настоятельны и въ какихъ размѣрахъ онѣ должны быть осуществлены.

Многія постановленія коренныхъ законовъ Великаго Княжества оказываются несовмѣстными съ положеніемъ дѣлъ, возникшимъ послѣ присоединенія этого княжества къ имперіи; другія страдаютъ недостаткомъ ясности и опредѣленности. Желая исправить эти недостатки, Я имѣю намѣреніе поручить составленіе проекта закона, который, заключая въ себѣ поясненія и дополненія къ этимъ постановленіямъ, предложенъ будетъ на разсмотрѣніе послѣдующаго сейма, который Я предлагаю созвать черезъ три года. Оставляя неприкосновеннымъ принципъ конституціонной монархіи (le principe monarchique constitutionel), вошедшій въ нравы финляндскаго народа и запечатлѣвшій всѣ законы его и учрежденія, Я желаю расширить въ этомъ проектѣ право, принадлежащее уже сейму,—опредѣлять размѣръ и количество налоговъ, равно какъ и право предлагать проекты законовъ, которымъ пользовался сеймъ въ прежнее время, причемъ Я оставляю за Собой иниціативу во всѣхъ тѣхъ вопросахъ, которые будутъ касаться измѣненій коренного закона.

Вамъ извѣстны Мои чувства, вы знаете, какъ желаю Я счастія и благоденствія народовъ, ввѣренныхъ Моему попеченію. Съ Моей стороны не было сдѣлано ничего, что могло бы нарушить согласіе, которое должно существовать между Государемъ и народомъ.

Я желаю, чтобы это согласіе послужило и впредь залогомъ благопріятныхъ отношеній, установившихся между Мною и честнымъ и вѣрнымъ финляндскимъ народомъ. Оно будетъ могущественно содѣйствовать благосостоянію края, столь близкаго Моему сердцу, и послужитъ для Меня новымъ побужденіемъ созывать васъ въ опредѣленные сроки. Вамъ, представители Великаго Княжества, предстоитъ доказать достоинствомъ, умѣренностью и спокойствіемъ при сужденіяхъ, что въ рукахъ народа мудраго, готоваго дѣйствовать за одно съ Государемъ, съ практическимъ смысломъ для развитія своего благосостоянія, либеральныя учрежденія не только не опасны, но составляютъ залогъ порядка и благоденствія».

«Объявляю засѣданія сейма открытыми» [318]).

Рѣчь эта тутъ же была графомъ А. Армфельтомъ прочтена на шведскомъ и финскомъ языкахъ и въ печатныхъ экземплярахъ роздана присутствующимъ.

Отвѣчая на эту рѣчь, ландмаршалъ сказалъ, между прочимъ, по шведски: «Край съ радостію видитъ, что правительственныя начала развивались въ духѣ времени и согласно особенностямъ Финляндіи».

Вечеромъ все освѣщено было иллюминаціонными огнями. Въ гавани на одномъ пароходѣ въ каждомъ люкѣ красовалось по яркой буквѣ, составившихъ вмѣстѣ имя «Александръ», на другомъ пароходѣ между мачтами висѣлъ колоссальный вензель «А» съ императорскою короною. Студенты, въ числѣ 400, устроили факельное шествіе и у дворца пропѣли «Вортъ-ландъ». Затѣмъ состоялся блестящій балъ, для чего желѣзнодорожный вокзалъ преобразованъ былъ въ огромный залъ, вмѣстившій 2.000 приглашенныхъ. Потолокъ убрали цвѣтами; одну стѣну украсили гербомъ Финляндіи, другую—вензелемъ и императорской короной. Музыка исполнила «Боже, Царя храни»! а затѣмъ финляндскій «Нашъ край»! Великіе Князья много танцовали [319]).

На балу Государь оказалъ особое вниманіе Маріи Линдеръ; онъ долго бесѣдовалъ съ ней и, замѣтивъ, что у нея есть что то невысказанное, просилъ ее безъ опасенія выразить свою мысль. Она воспользовалась случаемъ и сказала: «Большая снисходитель-

ность Вашего Величества и доброта даютъ мнѣ смѣлость высказать мою большую просьбу,—которую иначе я не могла бы выразить,—просьбу, съ которой быть можетъ еще никто не осмѣлился обратиться къ вамъ, Государь! Я не о себѣ хлопочу, я говорю о тѣхъ многихъ тысячахъ, которые находятся въ такомъ же положеніи, какъ я. Вы освободили милліоны отъ цѣпей рабства, снимите ихъ также съ совѣсти. Государь, дайте Россіи свободу совѣсти» [320]). Пораженный Императоръ на минуту задумался.

На другой день послѣ открытія сейма, Аврора Карловна Карамзина (урожденная Шернваль-Валленъ, а по первому браку супруга Павла Демидова) имѣла счастье принимать у себя, въ имѣніи Трескъенда, вѣнценоснаго главу Россіи. Государь однажды обѣщалъ побывать у нея, во время своего пріѣзда въ Гельсингфорсъ, и теперь исполнилъ свое слово. Карамзина приняла Императора, съ рѣдкимъ великолѣпіемъ. Послѣ завтрака послѣдовала охота, а затѣмъ обѣдъ, балъ и роскошная иллюминація. Для охоты она приказала привезти изъ Германіи, Эстляндіи и Лифляндіи въ большомъ количествѣ дикихъ, хищныхъ и иныхъ звѣрей,—кабановъ, лисицъ, зайцевъ и фазановъ,—которые были выпущены въ прилегающемъ оцѣпленномъ лѣсу. Столъ изготовлялся представителями извѣстной парижской фирмы (Chevet), которая выслала своихъ поваровъ и свои вина. Изъ имѣнія Государь ночью возвращался въ Гельсингфорсъ по почтовой дорогѣ (въ 18 верстъ), которая была освѣщена двойнымъ рядомъ плошекъ и факеловъ, бросавшими свой розовый отблескъ также на массы народа, ликовавшаго при видѣ обожаемаго Монарха [321]).

На слѣдующій день въ Гельсингфорсѣ во дворцѣ данъ былъ обѣдъ земскимъ чинамъ, на которомъ министръ двора графъ Адлербергъ предложилъ тостъ за Государя, принятый обычнымъ громкимъ «ура» подъ звуки русскаго гимна. Государь выпилъ за благоденствіе Финляндіи, послѣ чего сыграли «Vårt land».

День открытія сейма отмѣченъ яркими буквами въ исторіи Финляндіи. Такія событія не часто повторяются въ исторіи народа. Рѣчь Монарха повсемѣстно была встрѣчена съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія. Органъ либеральной партіи «Helsingfors Dagblad» говоритъ по поводу ея: «Высочайшая рѣчь полна достоинства, красива и либеральна. Она радуетъ насъ, какъ доказательство того, что нашъ Монархъ открыто становится на одинаковую съ нами конституціонную точку зрѣнія, не только признавая за нами наши наслѣдственныя права, но и обѣщая намъ дальнѣйшее развитіе въ свободномъ направленіи. Представитель городского

сословія Эрнъ (Örn) сказалъ русскому корреспонденту, что «тронная рѣчь, удовлетворяя нашимъ самымъ задушевнымъ желаніямъ, далеко превзошла наши ожиданія, какъ ни много мы ожидали отъ благости Государя» [322]). Рѣчь Государя, въ оцѣнкѣ современныхъ намъ писателей, является однимъ изъ счастливѣйшихъ моментовъ новѣйшей исторіи Финляндіи. Долговременная тягостная неизвѣстность относительно полной сохранности конституціи исчезла и открылся путь къ конституціонному развитію и благотворному прогрессу, при совмѣстномъ довѣрчивомъ трудѣ Монарха и народа [323]).

Въ абоской газетѣ (№ 111, Åbo Und) помѣщена телеграмма (отъ 6—18 сентября) крупнымъ шрифтомъ: «Сегодня Его Величество открылъ риксдагъ». Оригинально отпразднованъ былъ день открытія сейма въ г. Вазѣ. Тамъ устроили, между прочимъ, особую батарею и произвели салютъ въ сто одинъ выстрѣлъ.

Торжество Финляндіи, по случаю открытія сейма, русскіе считали также своимъ торжествомъ. Всѣ газеты, исключая «Московскихъ Вѣдомостей», были въ восторгѣ и привѣтствовали сеймъ, какъ радостное для Россіи событіе [324]). «Событіе привѣтствовалось почти всѣми нашими журналами съ радостію», удостовѣряетъ также хроникеръ «Отечественныхъ Записокъ». «Оно весьма знаменательно для насъ и для всей Европы въ томъ отношеніи, что показываетъ мѣру тѣхъ преимуществъ и правъ, которыми могутъ пользоваться, подъ русскимъ скипетромъ, завоеванныя нами провинціи, когда онѣ ведутъ себя смирно. Финляндія испытала на себѣ великодушіе и гостепріимство русскаго владычества, искони благосклонное къ покореннымъ его иноземцамъ»... И. С. Аксаковъ писалъ: «Наконецъ въ Финляндіи сеймъ,—сеймъ такъ давно желанный, жданный и обѣтованный! Финляндія ликуетъ и празднуетъ, и Россія искреннимъ сердцемъ радуется вполнѣ законной и свѣтлой радости честнаго, трезваго, здороваго финляндскаго населенія... Это событіе, т. е. сеймъ, произведетъ, конечно, сильное дѣйствіе на общественное мнѣніе Европы и докажетъ ей, какъ спокойно и свободно могутъ жить и благоденствовать подъ покровомъ Россіи даже совершенно чуждыя ей народности, если только ихъ развитіе совершается не въ духѣ вражды и ненависти къ Россіи... Какъ мало стремленія у насъ, русскихъ, обрусить не русскихъ. Напротивъ, Россіи можно сдѣлать упрекъ именно въ томъ, что она слишкомъ легко допускала къ себѣ пропаганду иноземную». И дѣйствительно, «мы должны надѣяться,—продолжалъ Аксаковъ,—что финляндскій сеймъ обратитъ, наконецъ,

вниманіе на положеніе русскихъ въ Финляндіи и дастъ имъ возможность пользоваться правами, предоставленными кореннымъ финляндцамъ» [325]).

Послѣдствія открытія сейма оказались двоякими. Призывъ народнаго представительства явился весьма благотворнымъ для матеріальнаго и духовнаго развитія Финляндіи. Но, съ другой стороны, рѣчь, которою былъ открытъ сеймъ, «сильнѣе всякихъ мѣръ вела къ обособленію Финляндіи, она была источникомъ дальнѣйшихъ стремленій финляндцевъ къ отдѣленію отъ Россіи», какъ тогда опредѣлилъ ея значеніе современникъ. Необъяснимымъ остается, почему она была произнесена на французскомъ языкѣ. Государь не зналъ мѣстныхъ языковъ края. Но Государь являлся представителемъ Имперіи и потому, казалось, русскій государственный языкъ болѣе соотвѣтствовалъ мѣсту и назначенію, такъ какъ Финляндія была и оставалась составной и неразрывной частью Россіи и, кромѣ того, въ числѣ слушателей было болѣе лицъ, понимавшихъ русскій языкъ, чѣмъ международный французскій. Отвѣтныя благодарственныя рѣчи были произнесены: представителями дворянства и горожанъ по шведски, архіепископомъ—по французски и отъ имени крестьянъ—по фински. Получилась пестрая смѣсь языковъ. Впослѣдствіи всѣ рѣчи отъ Высочайшаго имени, при открытіи и закрытіи сеймовъ, стали произноситься на русскомъ языкѣ; но случалось, что отвѣты на нихъ иногда произносились на иностранныхъ языкахъ.

Заключительныя слова рѣчи Государя о томъ, что финнамъ предстоитъ доказать пользу либеральныхъ учрежденій, не прошли, конечно, незамѣченными въ Россіи, гдѣ въ органахъ извѣстнаго направленія возбудили «особенную радость и надежды» [326]).

Русская печать надѣялась, что открытіе сейма нѣсколько ослабитъ озлобленіе Запада. «Неужели этотъ актъ не избавитъ русское правительство отъ этикетовъ византійскаго и коварнаго». Нѣтъ, не вездѣ. Печать Швеціи открыла свои столбцы для злобнаго заявленія (Бакунина) о томъ, что тѣ, кто читалъ тронную рѣчь, произнесенную въ Гельсингфорсѣ, поняли дурную шутку, пущенную въ обращеніе въ послѣднюю половину девятнадцатаго вѣка, «о конституціи безъ свободы». Финны поняли эту прозрачную игру. Они знаютъ, что за все, происшедшее у нихъ, они обязаны благодарить внутренніе безпорядки, которые угрожали цѣлости государства, но прежде всего—польское возстаніе: благодаря имъ, они сдѣлались предметомъ фальшивой лести (falska smekningar) [327]).

Такъ какъ уже второй разъ въ русской исторіи, съ высоты престола, въ Высочайшей рѣчи, обращенной къ народнымъ представителямъ слышалось заявленіе о благотворности конституціонныхъ учрежденій, то естественно, что рѣчь Александра II къ финляндскому сейму, подобно рѣчи Александра I къ варшавскому сейму въ 1815 году, была принята въ Россіи за обѣщаніе земскаго собора, а сопоставленіе ея съ депешей 14 апрѣля (1863 года) русскому послу въ Англіи заставляло ожидать мѣстныхъ выборныхъ учрежденій, какъ перваго къ тому шага. Въ депешѣ канцлера князя Горчакова, адресованной русскому послу въ Англіи, въ отвѣтъ на предложеніе англійскаго правительства возстановить польскую конституцію 1815 года, князь Горчаковъ высказалъ мысль, что конституція 1815 года не есть единственно возможная форма правительства, что государства по пути къ конституціи должны проходить много степеней, что система постояннаго развитія была примѣняема (въ Россіи) ко всѣмъ отраслямъ общественной дѣятельности и существующимъ учрежденіямъ. «Система, принятая нашимъ Августѣйшимъ Монархомъ»,—заканчивалъ депешу канцлеръ, заключаетъ въ себѣ зародышъ, который долженъ быть развитъ временемъ и опытомъ, она имѣетъ своимъ назначеніемъ привести къ административной автономіи, на основаніи провинціальныхъ учрежденій, бывшихъ въ Англіи исходною точкою и основаніемъ величія и благоденствія».

Годъ созванія сейма можетъ считаться поворотнымъ пунктомъ въ новой исторіи Финляндіи. «Безсеймовый» или административный періодъ финляндской исторіи окончился. Получивъ сеймы, Финляндія обрѣла главнѣйшее условіе своей внутренней самостоятельности. Финляндцы получили новую форму въ устройствѣ управленія своего края и они съумѣли наполнить ее живымъ содержаніемъ. Они не потонули въ пустыхъ словопреніяхъ или безцѣльныхъ выходкахъ, звонкія фразы у нихъ не заступили мѣста мыслей и убѣжденій, нахватанное изъ поверхностнаго чтенія не замѣнило для нихъ продуманнаго знанія. «Опасались, что депутаты недостаточно подготовлены къ парламентской дѣятельности, но исходъ сейма показалъ, что представители народа хорошо понимаютъ интересы своего края» [328]). Депутаты занялись тѣмъ, чего требовала отъ нихъ родина для улучшенія ея духовнаго и матеріальнаго быта. Члены сейма разсматривали и совершенствовали вне-

сенные правительствомъ законопроекты и подняли нѣсколько существенныхъ вопросовъ. Ими руководили сознаніе долга и любовь къ своему краю. Сеймовая реформа вскорѣ проникла все бытіе края. Сеймъ пріобрѣлъ общее уваженіе, довѣріе и авторитетъ. Безъ участія сейма, по ихъ понятіямъ, не долженъ былъ создаваться ни одинъ сколько-нибудь серьезный законъ. Рѣшеніямъ сейма край безпрекословно подчинялся. Администрація и нѣкоторые болѣе энергичные дѣятели продолжали еще проводить то одно, то другое постановленіе помимо земскихъ чиновъ, но все это составляло уже исключеніе изъ общаго правила и въ главной массѣ разсмотрѣнныхъ сеймомъ дѣлъ.

Дальнѣйшая исторія Финляндіи въ существенныхъ своихъ проявленіяхъ совпадаетъ съ сеймами. Сеймы явились главнѣйшими этапными пунктами развитія мѣстной культуры. Общій обзоръ сеймовъ приводитъ къ выводу, что въ нихъ дѣятельности во всемъ лежитъ печать «практическаго разума» земскихъ чиновъ. Между правительствомъ и представительствомъ (вплоть до 1890 года) серьезныхъ конфликтовъ и недоразумѣній почти не возникало. Сеймъ естественно стремился къ расширенію своей власти, желалъ подчинить своему контролю всю администрацію, но онъ шелъ къ намѣченной цѣли преимущественно легальными путями, безъ насилія и угрозъ. Всякое намѣреніе правительства, имѣвшее цѣлью благо Финляндіи, всегда могло разсчитывать на сочувствіе и содѣйствіе земскихъ чиновъ.

Всѣмъ сословіямъ отведены были помѣщенія въ рыцарскомъ домѣ, который предназначался только для дворянства, но за неимѣніемъ другихъ удобныхъ мѣстъ, служилъ теперь пріютомъ для всего сейма. Зданіе рыцарскаго дома возведено было за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ на средства этого сословія, при пособіи отъ казны.

На первомъ же сеймѣ всѣ сословія объявили, что работы ихъ будутъ производиться гласно.

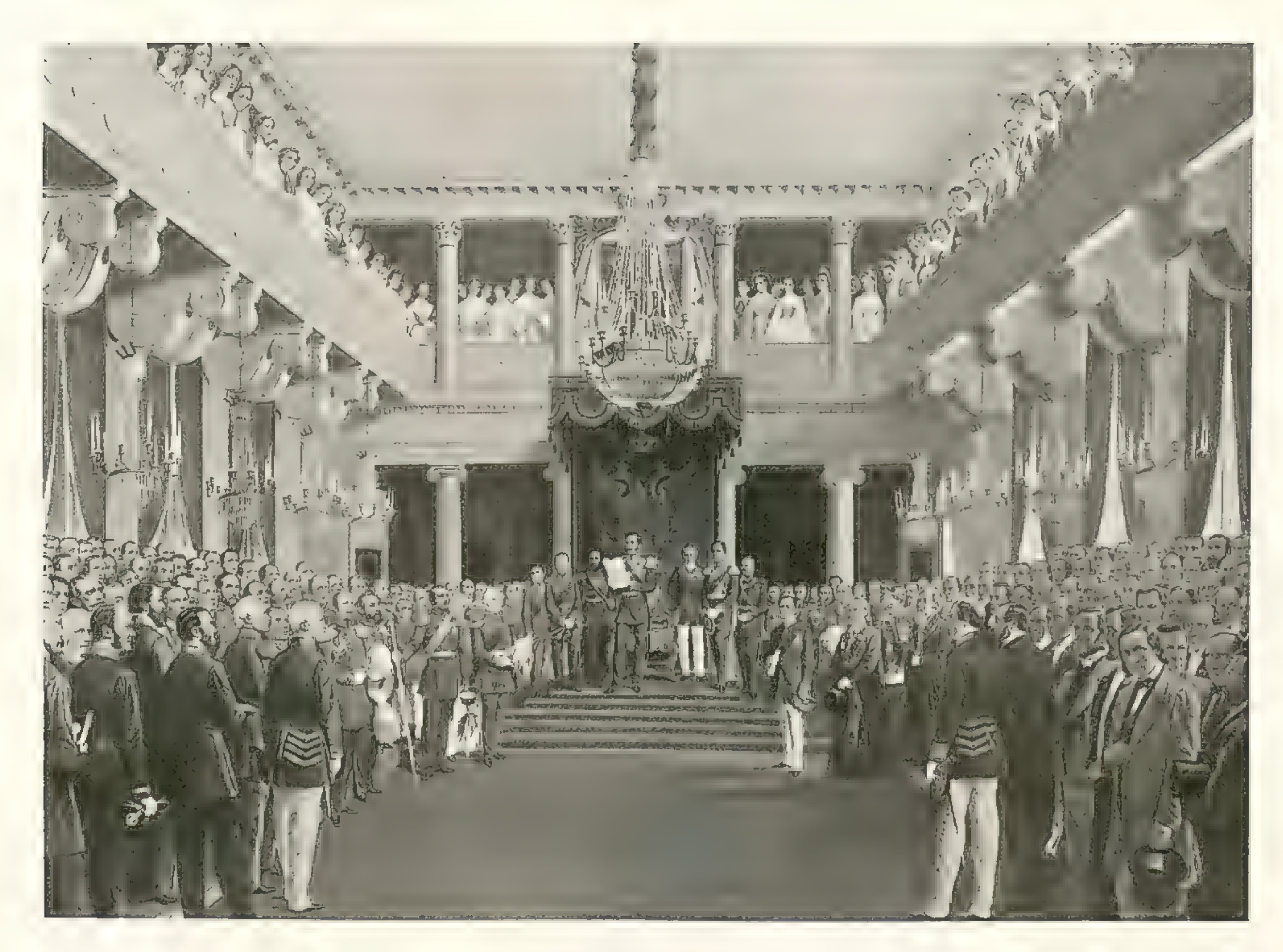
По предложенію духовенства, состоялось учрежденіе общаго клуба для всѣхъ членовъ сейма, чтобы болѣе сблизить между собою всѣ четыре сословія, такъ какъ по сеймовому закону они объединены весьма слабо только общими комитетами и конклавами или конференціями тальмановъ.

Съ открытіемъ сейма въ Гельсингфорсѣ появились двѣ небольшія еженедѣльныя газеты на финскомъ языкѣ баснословной дешевизны: «Дневникъ» (Päivätar) и «Народная газета» (Kansakurnan Lehti). Въ нихъ помѣщались почти исключительно статьи, относящіяся до Финляндіи. Главная цѣль ихъ—развить въ крестья-

нахъ охоту къ чтенію и дать возможность быть au courant всего того, что дѣлается въ ихъ отечествѣ.

На обсужденіе земскихъ чиновъ было передано 48 Высочайшихъ предложеній. Они касались почти всѣхъ отраслей законодательства и многихъ важныхъ финансовыхъ мѣропріятій. Сеймъ работалъ крайне медленно. Причинъ тому было много. Земскимъ чинамъ предстояло разобраться въ неясности и запутанности законовъ о формахъ засѣданій. Въ тихомъ ходѣ сеймовыхъ занятій сказались затѣмъ флегматическій характеръ народа, его неопытность въ новомъ для него дѣлѣ, крайняя педантичность нѣкоторыхъ депутатовъ и необходимость вести иногда засѣданія на двухъ языкахъ. Какъ примѣръ финляндской педантичности, «Русскій Инвалидъ» (1863 года, № 246) выставилъ тотъ фактъ, что въ дворянскомъ сословіи болѣе двухъ часовъ толковали о стульяхъ, поставленныхъ не въ указанномъ закономъ порядкѣ. Но затѣмъ, когда нѣсколько разобрались въ формальностяхъ внутренняго распорядка, занятія сейма пошли успѣшнѣе. Ни въ одномъ изъ сословій не обнаружилось недостатка въ лицахъ, способныхъ съ знаніемъ дѣла участвовать въ преніяхъ и въ рѣшеніи самыхъ разнообразныхъ вопросовъ.

Отъ 1,600 дворянъ на сеймѣ было 148 представителей, отъ 2,928 членовъ духовнаго сословія имѣлось 32 депутата; 8,413 избирателей-горожанъ прислали 39 своихъ членовъ, а 727,417 крестьянъ получили право отправить только 48 чел. Не имѣло вовсе представителей 88,664 мужского населенія (а считая женщинъ всего 183,538). Несостоятельность дѣйствовавшаго тогда закона о представительствѣ является такимъ образомъ очевидной. Этимъ объясняется подача на первомъ сеймѣ значительнаго числа петицій о необходимости измѣненія сего закона [329]). Но, помимо указаннаго, имѣлся еще одинъ довольно значительный пробѣлъ. Коренное населеніе Финляндіи составляютъ лютеране и православные; послѣднихъ считалось до 48,000—цифра довольно почтенная при тогдашнемъ населеніи въ 1,700,000 жителей. Въ Финляндіи имѣлись: православный епископъ и «пробскіе округи», но мы не видимъ, чтобы на общій сеймъ явилось духовное лицо отъ православнаго населенія, равно не находимъ, чтобы кто-либо былъ избранъ изъ православныхъ отъ городского или крестьянскаго сословія. «Мы слышали, писала газета «День» (1863 года, № 47), что нѣкоторые города избрали изъ своей среды православныхъ депутатовъ, но таковые не были приняты на томъ основаніи, что настоящій сеймъ созывается по статуту 1772 года, гдѣ не обо-



Открытіе сейма 1863 г.

значены православные въ числѣ жителей Финляндіи». Между тѣмъ на обсужденіе сейма предложены были вопросы «объ улучшеніи нравственныхъ и матеріальныхъ средствъ существованія церквей и духовенства въ Финляндіи».

Желая имѣть все свое собственное и отдѣльное, земскіе чины весьма настойчиво обрѣзывали всѣ малѣйшія нити, которыя могли сблизить и связать дѣла Финляндіи съ дѣлами Россіи. Съ русской администраціей они не желали соприкасаться, имѣть общія учрежденія съ Имперіей они избѣгали, содѣйствовать распространенію среди своихъ сородичей, путемъ закона, обязательнаго знанія русскаго государственнаго языка они не были склонны. Какъ только рѣчь заводилась о соприкосновеніи съ Россіей, вниманіе земскихъ чиновъ, общественныхъ дѣятелей и мѣстной печати удваивалось и они дружно напрягали всю свою изобрѣтательность, чтобы остаться особнякомъ, внѣ малѣйшей зависимости отъ русскихъ законовъ, властей и лицъ.

На первыхъ же засѣданіяхъ дворянство хотѣло отказать тремъ своимъ сочленамъ въ правѣ совмѣстно участвовать съ ними въ одной палатѣ только потому, что они состояли на русской службѣ. Правда, среди дворянъ по этому вопросу не оказалось полнаго единогласія. Одни отстаивали финляндскія права состоявшихъ па службѣ въ Россіи, другіе—горячо ихъ отвергали. Фонъ-Кноррингъ заявилъ: уставъ о рыцарскомъ домѣ отъ 6 іюня 1626 года (§ 12) и уставъ о привилегіяхъ рыцарства и дворянства (§ 32), оба согласуются въ томъ, что если шведскій дворянинъ поселится заграницей, подъ властью какого нибудь принца, или государства или господства, которые находятся въ дружескихъ отношеніяхъ съ его прежнимъ монархомъ, то онъ лишается права засѣданія и голоса въ рыцарскомъ домѣ. Поступокъ, который такимъ образомъ лишаетъ дворянина права принимать участіе въ засѣданіяхъ рыцарства и дворянства, сводится къ тому, что онъ поселился заграницей и остался подъ властью другого, а не князя собственной страны. Изъ упомянутаго устава не видно, чтобы Швеція, въ то время, когда издавался уставъ о рыцарскомъ домѣ, находилась въ личной уніи съ какой нибудь другой страной (Финляндіей?), въ какой теперь находится Финляндія съ Россіей. Въ законѣ, — продолжалъ Кноррингъ, — я особенно подчеркиваю слова принцъ, государство и владычество, потому что главнымъ образомъ это обстоятельство, т. е. нахожденіе подъ властью чужого властителя-князя, и лишаетъ человѣка гражданскихъ правъ въ его отечествѣ. — Между финскими и русскими подданными

проведена рѣзкая черта и послѣдніе не могутъ пользоваться правами гражданства въ Финляндіи, безъ особаго на то соизволенія Его Величества. Право же финскихъ уроженцевъ, хотя и поселившихся въ Россіи или служащихъ тамъ, считаться финскими гражданами, напротивъ, неоспоримо. Они могутъ быть землевладѣльцами въ Финляндіи и, въ качествѣ ихъ, пользоваться всѣми гражданскими правами, которыя дастъ право землевладѣнія. Однимъ словомъ, они равноправны съ другими финскими подданными. На этомъ основаніи и, въ виду того, что г.г. Уггла и фонъ-Шанцъ финскіе дворяне и родились отъ финскихъ отца и матери, а также хотя по своей службѣ и не живутъ въ странѣ, не подвластны чужому монарху, а служатъ верховному государю, который есть также и великій князь страны, и такъ какъ еще не имѣется дѣйствующаго, опредѣленнаго и яснаго закона, который лишалъ бы внѣ Финляндіи живущихъ финскихъ дворянъ права голоса въ рыцарскомъ домѣ,—а указанные пункты закона не должны быть истолкованы въ этомъ направленіи,—то я прошу рыцарство и дворянство одобрить просьбу и соизволить выдать вышеупомянутымъ господамъ билеты на право засѣданій (inträdespolett) въ сословіи рыцарства и дворянства [330]).

Шпингшельдъ возражалъ. Дворянинъ, который не только служитъ чужому государству,—говорилъ онъ,—но и ради какихъ нибудь своихъ интересовъ поселился въ чужой землѣ, ни подъ какимъ видомъ не можетъ засѣдать или имѣть право голоса въ финскомъ рыцарствѣ, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ уставъ рыцарскаго дома (п. 12). — Какъ неопровержимо то, что Финляндія и Россія составляютъ одну державу (rike), также неопровержимо и то, что онѣ составляютъ отдѣльныя государства (stat) [331]).

Другіе ораторы обратили вниманіе на то, что постановленіе о рыцарскомъ домѣ составлено тогда, когда нельзя было ни предвидѣть, ни даже подозрѣвать этого исключительнаго положенія, въ которомъ очутилась Финляндія въ ея отношеніи къ Россіи. Третьи исходили изъ того положенія, что въ каждомъ «конституціонномъ государствѣ» всѣмъ гражданамъ предоставляется право черезъ посредство своихъ представителей участвовать въ изданіи тѣхъ законовъ, которымъ они должны повиноваться, и въ наложеніи тѣхъ налоговъ, которые они должны нести. Слѣдовательно, по ихъ мнѣнію, только тѣ финляндцы могли пользоваться правомъ представительства, которые соотвѣтствовали указаннымъ условіямъ. Лица же, подчиненныя въ какомъ либо отношеніи инымъ, не-финскимъ, законамъ, не могутъ засѣдать на сеймѣ.

Такъ какъ пренія по разсматриваемому вопросу продолжались долго, то русскія газеты успѣли принять участіе въ дѣлѣ, близко касавшемся Россіи. Хорошо освѣдомленный тогда о ходѣ преній на сеймѣ «Русскій Инвалидъ» (1863 г., № 263) сейчасъ же подалъ свой голосъ. Рождалось опасеніе,—писалъ онъ,—что такое правило отниметъ представительство не только отъ финляндцевъ, служащихъ въ Россіи, но и отъ финляндцевъ, находящихся на русской службѣ, но постоянно живущихъ въ Финляндіи, такъ какъ они, по своимъ служебнымъ обязанностямъ, подчинялись въ извѣстныхъ случаяхъ русскимъ, а не финскимъ законамъ. Иначе говоря, постановленіе это отымало право представительства и отъ офицеровъ финскихъ войскъ, такъ какъ для нихъ приказы русскаго военнаго министра въ извѣстныхъ случаяхъ составляли законъ, хотя финляндцы не допускаютъ подобной мысли, считая, что финскія войска подчинены однимъ только финскимъ законамъ.

Вопросъ осложнялся, и на него было установлено нѣсколько разныхъ воззрѣній. Небольшая группа дворянъ (баронъ Мункъ, Троиль и флигель-адъютантъ Эрнротъ) находила несправедливымъ лишать права представительства лицъ, находящихся въ русской службѣ и имѣющихъ въ Финляндіи недвижимую собственность. Въ своемъ особомъ мнѣніи баронъ Мункъ между прочимъ писалъ: «Такое постановленіе слишкомъ тяжело падетъ на тѣхъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые состоятъ на русской службѣ и которые по политическому положенію страны почти обязаны служить внѣ предѣловъ отечества, а слѣдовательно должны подчиняться законамъ русскимъ, а не финскимъ. А потому Мункъ считалъ несправедливымъ, въ особенности по отношенію къ владѣльцамъ недвижимыхъ имуществъ, платящимъ повинности по имѣнію, лишать ихъ права представительства, принадлежащаго имъ по рожденію и подчиненныхъ по владѣнію недвижимою собственностью финскимъ законамъ, а русскимъ — лишь по своимъ служебнымъ обязанностямъ.» Указанная группа дворянъ, ухватилась за недвижимую собственность. Лица же, не имѣвшія недвижимости, но въ то же время состоявшія на русской службѣ, лишались права представительства. Создавалось новое неравенство положеній, такъ какъ финскіе чиновники, тоже не имѣвшіе недвижимой собственности, не лишались, однако, этого права. Правда, что финскихъ чиновниковъ (по новому тогда закону) имѣлось въ виду обязать платить личные налоги; но такое же обязательство легко было распространить и на лицъ, находившихся на русской

службѣ, чтобы «пуговицы на ихъ мундирахъ безъ финскаго льва», не лишали ихъ большого политическаго права [332]).

Во время преній было сдѣлано нѣсколько предложеній. Между прочимъ, одни желали, чтобы «дворянинъ, обязанный въ вѣрности и вѣрноподданности другому правительству, но не тому, которому подчинено великое княжество Финляндское», «если ни въ какомъ отношеніи не подчиненъ финскимъ законамъ», долженъ быть лишенъ права представительства. Другіе, взявъ за основаніе положеніе, что въ изданіи законовъ и въ опредѣленіи налоговъ могутъ участвовать лишь лица, повинующіяся этимъ законамъ и несущія эти налоги, предлагали формулировать текстъ постановленія такъ: «дворянинъ, обязанный иностранному правительству въ вѣрности и вѣрноподданности, или, по какимъ либо другимъ причинамъ не подчиненный финскимъ законамъ и не платящій податей», лишается права представительства. Инымъ хотѣлось установить просто извѣстный срокъ для нахожденія «внѣ предѣловъ отечества».

«Московскія Вѣдомости» усмотрѣли проявленіе сепаратизма въ этомъ стремленіи дворянства предоставить права представительства однимъ лишь чисто финскимъ гражданамъ и считать Россію чужимъ иностраннымъ государствомъ. Московская редакція совѣтовала дворянамъ Финляндіи менѣе говорить о своей самостоятельности, помня, какую огромную силу составляетъ другая сторона (Россія) въ этомъ дѣлѣ. Нѣкоторые финляндцы настолько «возмутились» воззрѣніями русской газеты, что принялись полемизировать съ нею въ сеймовыхъ дебатахъ. Главный директоръ медицинской части Ф. Виллебрандтъ просилъ слова, чтобы торжественно протестовать противъ «Московскихъ Вѣдомостей» и при этомъ сказалъ: «Физической силѣ мы противопоставимъ иную силу — силу закона. Законъ наша единственная защита, нашъ единственный оплотъ» [333]).

Пренія велись иногда съ большой горячностію. Нѣсколько членовъ (Борнъ и др.) демонстративно покинули даже залъ засѣданія. Часть дворянства лишала своихъ сочленовъ права представительства только за то, что они носили военный или гражданскій мундиръ, ставя ихъ наравнѣ съ лицами, совершившими безчестный поступокъ. По отношеніи къ тремъ финляндскимъ дворянамъ (Шанцу, Уггла и Бруну) сословіе большинствомъ 74 голосовъ противъ 34 постановило допустить ихъ къ засѣданіямъ, но съ условіемъ, чтобы это постановленіе не имѣло силы при открытіи будущаго сейма. Достойный отвѣтъ на тѣ ограничи-

тельныя правила, которыя вырабатывались по поводу сего случая, дворяне получили въ царской рѣчи при закрытіи сейма. По мнѣнію графа Армфельта, члены сейма, въ вопросѣ о допущеніи на засѣданія лицъ русской службы, показали лишь свою безтактность [334]).

Вопросъ о дворянствѣ долго не сходилъ съ очереди на первомъ сеймѣ. Еще въ 1860 году по Высочайшему повелѣнію выработанъ былъ проектъ новаго уложенія для рыцарскаго дома. Въ началѣ сейма (1863 г.) этотъ проектъ переданъ былъ для обсужденія дворянскому сословію. Затѣмъ А. Б. фонъ-Вейсенбергъ внесъ меморіалъ, предлагая подать петицію о томъ, чтобы дворянство впредь получило право отправлять на сеймъ довѣренныхъ лицъ, избранныхъ всѣмъ сословіемъ. Этимъ путемъ Вейсенбергъ надѣялся добиться полной гарантіи того, что представители сословія будутъ состоять изъ лицъ способныхъ и вполнѣ соотвѣтствующихъ своему назначенію и вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ имѣть случай вполнѣ отдаться тѣмъ дѣламъ, которыми занимаются на сеймѣ, тогда какъ, по существовавшему порядку, каждый старшій въ дворянскомъ родѣ имѣлъ право засѣдать на сеймѣ, внѣ зависимости отъ своихъ способностей и призванія. Петиція не встрѣтила поддержки [335]).

Большой интересъ вызвалъ Вейсенбергъ, предложившій дворянамъ подать всеподданнѣйшую петицію о разрѣшеніи сословію отказаться отъ своихъ привилегій. По счету ихъ было много, но по существу онѣ сводились къ обстоятельствамъ болѣе или менѣе второстепеннымъ. Права и преимущества дворянства были утверждены за ними кореннымъ закономъ 1723 года и сводились къ слѣдующему: дворянинъ имѣлъ преимущество на извѣстнаго рода должности (при дворѣ королей), право посѣщать чужіе края для изученія наукъ и свободныхъ искусствъ, служить у чужихъ государей, право быть арестованнымъ за извѣстныя уголовныя преступленія въ приличной комнатѣ, быть судиму гофгерихтомъ (судилище высшей инстанціи), на основаніи права, называвшагося jus patronatus, замѣщать должности главныхъ пасторовъ; право на владѣніе извѣстнаго рода имѣніями, почти свободными отъ налоговъ и повинностей; право на владѣніе въ городахъ домами, не подлежащими никакимъ почти городскимъ повинностямъ; право учреждать въ городахъ мануфактуры, оптовую торговлю; право производить рыбную ловлю въ открытомъ морѣ и завладѣвать выкидками съ моря и т. п. [336]).

Изъ рѣчей, посвященныхъ дворянскимъ привилегіямъ, выдѣлилась рѣчь фонъ-Кнорринга. Она произвела сильное впечатлѣніе

*

на дворянское сословіе и принята была ими съ особеннымъ одобреніемъ. Ораторъ, исчисливъ наличныя привилегіи дворянства, нашелъ ихъ до чрезвычайности ничтожными, и говорилъ, что сословіе, отказываясь отъ нихъ, не принесетъ себѣ никакого особеннаго ущерба, а слѣдовательно, не дѣлаетъ и великаго подвига. Большая часть изъ привилегій такого свойства, что 200 лѣтъ тому назадъ онѣ дѣйствительно могли имѣть значеніе, но, при новомъ устройствѣ общества, онѣ сдѣлались либо смѣшными, либо тягостными для самаго сословія, почему оно ими не пользуется. Въ отказѣ дворянства отъ своихъ привилегій важно не то—приноситъ ли оно своимъ отказомъ великую жертву отечеству, а важенъ принципъ, мысль, подающая надежду, что за примѣромъ дворянъ послѣдуютъ духовенство и бюргеры, и все народонаселеніе Финляндіи будетъ пользоваться одинаковыми правами, раздѣляясь на классы лишь по образованію.

Господинъ фонъ-Кноррингъ сказалъ, подхватилъ другой ораторъ (К. Ф. фонъ-Виллебрандтъ), что оставшіяся привилегіи такъ ничтожны, что не стоитъ о нихъ и говорить. Прекрасно! Тѣмъ болѣе основаній имѣется отказаться отъ нихъ. Здѣсь рѣчь идетъ о справедливости, дворянскія же привилегіи въ высшей степени несправедливы. Онѣ насильственно присвоены дворянствомъ въ то время, когда это сословіе одно занимало важнѣйшія мѣста въ обществѣ и могло диктовать себѣ привилегіи, безъ согласія на то риксдага. Въ то же время мы видимъ, что остальныя сословія уже въ теченіи двухсотъ лѣтъ постоянно возстаютъ противъ этихъ ненавистныхъ привилегій. Справедливость—главная наша цѣль, общественное же мнѣніе уже заклеймило привилегіи какъ несправедливость [337]).

Казалось, что рѣчи ораторовъ, принятыя съ большимъ одобреніемъ, повліяли и привели къ согласному съ ихъ желаніемъ рѣшенію, а между тѣмъ рѣшеніе оказалось противоположнымъ. Главная причина та, что дворянство, въ отказѣ отъ своихъ привилегій, видѣло не важность отказа, а принципъ его. И такъ какъ петиція принята была лишь двумя классами дворянства и то съ перевѣсомъ одного голоса, Рокасовскій полагалъ дѣло оставить безъ послѣдствій. Такъ Государь и рѣшилъ [338]).

Работа перваго сейма была не безрезультатной. Важнѣйшія въ соціальномъ отношеніи привилегіи дворянства заключались въ исключительномъ правѣ дворянъ владѣть дворянскими усадебными имѣніями, освобожденными отъ поземельныхъ повинностей и въ подсудности гофгерихту тяжкихъ преступленій, совершенныхъ

дворянами, а также гражданскихъ между ними тяжбъ [339]). Главное изъ этихъ преимуществъ было отмѣнено: закономъ 1864 г. всѣмъ финляндскимъ гражданамъ, безъ различія званія и состоянія, предоставлено право пріобрѣтать эти дворянскія усадебныя имѣнія.

Другимъ важнымъ улучшеніемъ въ правѣ владѣнія и распоряженія податною или скатовою поземельною собственностію явился законъ 19 декабря 1864 года, которымъ разрѣшено землевладѣльцу уступать изъ своего владѣнія другому лицу, на правѣ полной собственности, и притомъ въ видѣ самостоятельнаго имѣнія, такой участокъ, который былъ бы достаточенъ для обезпеченія въ обыкновенные годы семьи изъ трехъ взрослыхъ работниковъ, съ условіемъ, чтобы и сохраняемый владѣльцемъ участокъ имѣлъ подобную же цѣнность [340]).

На томъ же сеймѣ 1863 года, попытались коснуться привилегій духовенства, но безъ всякаго успѣха. Петиція доктора Хейкеля сводилась къ освобожденію духовнаго сословія отъ всѣхъ вещественныхъ знаковъ отличій и отъ титуловъ, въ виду того, что подобныя награды непристойны духовенству, для котораго единственною наградою должны быть любовь ближнихъ и спокойствіе собственной совѣсти. Петицію сословіе не приняло. Еще большую неудачу потерпѣла петиція Бейрата объ отторженіи имѣній отъ духовенства и назначенія, взамѣнъ имѣній, жалованья. Петиція эта была забаллотирована почти единогласно (26 голосовъ противъ двухъ), до такой степени она не понравилась духовенству. Такимъ образомъ наименьшимъ измѣненіямъ подверглись привилегіи духовенства. Эти привилегіи какъ видно доставляли лютеранской церкви и духовенству обезпеченное положеніе, а потому сохраненіе ихъ въ силѣ не являлось отклоненіемъ отъ того пути, на который вступило законодательство въ 1863 году, имѣвшее цѣлью отмѣну сословныхъ привилегій, на сколько онѣ противорѣчили равноправности всѣхъ гражданъ [341]).

Въ дворянскомъ сословіи была прочтена петиція о необходимости составить благодарственные адресы русскому и шведскому народамъ за ихъ пожертвованія, сдѣланныя въ предъидущемъ году, во время голода въ сѣверной Финляндіи. «При обсужденіи этого вопроса были высказаны нѣкоторыя совершенно неумѣстныя сужденія о томъ, что такой адресъ слѣдуетъ направить только въ Швецію» [342]). Сословія рѣшили составить адресы обоимъ государствамъ. Въ адресѣ «къ русскому народу» указывалось, что живое участіе и благородная щедрость, которыя Россія такъ наглядно

показала всему краю, вполнѣ цѣнится каждымъ финляндскимъ гражданиномъ, и память о нихъ навсегда сохранится въ признательныхъ сердцахъ. Заканчивался адресъ такъ: «Да сохранитъ Господь Богъ навсегда Россію и народъ его!» [343]).

Петиціи слѣдовали за петиціями. Просили о періодическихъ сеймахъ, объ измѣненіи общественнаго строя, о правѣ моцій и т. п. Депутату С. Грипенбергу показалось неприличнымъ досаждать Государю ходатайствами въ то время, когда самъ Монархъ оставилъ за собою право иниціативы по измѣненію основныхъ законовъ, и когда онъ «передъ всей Европой» обѣщалъ произвести рядъ преобразованій на благо финскаго народа. Грипенбергъ видѣлъ во всѣхъ подобныхъ петиціяхъ проявленіе нетерпѣливости. Поэтому онъ, въ истинныхъ интересахъ родины, предложилъ другую форму для представленія всеподданнѣйшаго желанія. Такъ какъ вся страна съ глубокой благодарностью приняла милостивыя обѣщанія Государя о реформахъ, которыя несомнѣнно должны были могущественно повліять на счастіе финскаго народа, то Грипенбергъ находилъ, что собравшійся сеймъ имѣлъ удобный случай представить Государю благодарственный и всеподданнѣйшій адресъ. Въ этомъ адресѣ сеймъ могъ въ яркихъ краскахъ выразить вмѣстѣ съ тѣмъ и свое всеподданнѣйшее желаніе; тогда ничто не помѣшало бы Государю привести въ исполненіе его благодѣтельныя намѣренія относительно реформъ, а въ томъ числѣ назначить также періодическіе сеймы. Представленныя въ такой формѣ желанія сейма, навѣрно достигнутъ цѣли [344]).

Меморіалъ Грипенберга и вообще вопросъ объ адресѣ Государю вызвалъ оживленныя пренія. Г. А. Шауманъ (издатель распространенной тогда газеты «Helsingfors Tidningar») сказалъ, что отвѣтный адресъ есть парламентарная форма, совершенно неизвѣстная въ шведскомъ сеймовомъ порядкѣ и не согласующаяся съ финляндскими наслѣдованными сеймовыми обрядами и обычаями [345]). Старинный шведскій сеймовый обрядъ требуетъ, чтобы на тронную рѣчь немедленно отвѣчали ландмаршалъ и тальманы. Такъ произошло и на этомъ сеймѣ.

Другой ораторъ (Кноррингъ) выразился еще опредѣленнѣе. Въ наше время,—сказалъ онъ,—такъ много говорятъ о довѣріи народа къ правительству, и для его усиленія и выраженія предлагаютъ адресы [346]). Но наши предки знали, что въ обращеніи правительствомъ желаній народа въ законъ и заключается довѣріе послѣдняго къ первому; они знали, что въ томъ государствѣ,

гдѣ законы суть изъявленія желаній народа, и довѣрія къ своему правительству много. По мѣрѣ того, какъ желанія народа дѣлались закономъ, законъ этотъ поддерживалъ тронъ и въ странѣ не было недостатка въ довѣріи къ правительству, хотя былъ недостатокъ въ адресахъ (Одобреніе). «Господа, не забудемъ и теперь этого великаго генія нашихъ предковъ и будемъ помнить, что только законъ можетъ быть основаніемъ глубокаго и вѣчнаго довѣрія народа къ своему правительству». (Общее одобреніе).

Слѣдующій ораторъ (фабрикантъ Тергренъ) пояснилъ ту-же мысль примѣромъ, сказавъ: «Для Его Величества не можетъ быть ничего пріятнѣе уничтоженія злоупотребленій и ненавистныхъ учрежденій, и мы можемъ быть убѣждены въ томъ, что если мы достойны, напримѣръ, благодѣяній свободной печати, то ужъ не онъ будетъ покровительствовать цензурѣ, этому тѣлохранителю бюрократіи, въ которомъ финскій народъ всегда видѣлъ вредъ для умственнаго и нравственнаго развитія» [347]).

Произошло разногласіе: часть депутатовъ желала подать адресъ (это дворяне), другіе говорили, что для сеймовыхъ чиновъ законъ указываетъ, какъ выражать свои желанія монарху. Рѣшили обойтись безъ адреса.

Рокасовскій обо всемъ донесъ особымъ рапортомъ Государю, прибавивъ, что всѣ, во всякомъ случаѣ, желали «выразить чувства безпредѣльной преданности и глубочайшей благодарности Вашему Императорскому Величеству» (21 октября—3 ноября 1863 года). «Довѣріе», о которомъ до этого времени напрасно проповѣдовали І. В. Снельманъ и его одномышленники, и которые главнымъ образомъ основывались на свѣдѣніяхъ о благорасположеніи монарха, понемногу въ послѣдніе годы проникло въ общество. Сперва даже среди представителей сейма высказывалась безнадежность относительно дальнѣйшаго конституціоннаго развитія въ странѣ; но когда затѣмъ увидѣли осуществленіе монетнаго вопроса, утвержденіе закона о печати, реформу въ правительственныхъ учрежденіяхъ и т. д., настроеніе значительно измѣнилось. Возможность національнаго бытія для финскаго народа подъ покровительствомъ Россійскаго царя считалось несомнѣннымъ, и на этомъ основаніи составлялись планы къ дальнѣйшей работѣ по внутреннему развитію страны.

Правительство внесло на разсмотрѣніе сейма 48 дѣлъ. Но кромѣ того изъ многочисленныхъ петицій образовался цѣлый потокъ новыхъ вопросовъ. Депутаты охотнѣе выступали съ вопросами политическаго характера, чѣмъ экономическаго. Молодая

политическая жизнь увлекала и радовала. Вейсенбергъ подалъ петицію о предоставленіи Финляндіи собственнаго торговаго флага. Петиція не была принята ландмаршаломъ, на томъ основаніи, что Финляндія находится въ зависимости отъ Россіи, и что въ конституціи великаго княжества ни слова не упоминается о собственномъ флагѣ. Съ такой же петиціей выступилъ крестьянинъ (M. Holm) [348]).

Просили (Ернефельдъ) о предоставленіи представителямъ націи права обсуждать тарифъ. Петицію отклонили.

На первомъ сеймѣ языку народа удѣлили должное вниманіе, вслѣдствіе сдѣланныхъ заявленій объ его униженномъ положеніи.

Неутомимый Вейсенбергъ поднялъ вопросъ о покупкѣ у Россіи телеграфной линіи, ссылаясь на то, что русскій телеграфъ, во первыхъ, минуетъ многіе приморскіе города, а во вторыхъ, онъ весьма дорогъ.

А. А. Теслевъ предложилъ повысить пенсію ветеранамъ войны 1808—1809 г.г. (Петиція удостоилась высочайшаго утвержденія).

Е. Г. Васаштерна подалъ петицію объ устройствѣ статистическаго учрежденія (бюро) въ Финляндіи. Отсутствіе офиціальной статистики страны особенно чувствовалось во время сейма въ комиссіи (inom statsutskottet).

Бьеркенгеймъ выразилъ желаніе видѣть поселенныя войска реорганизованными. Крейцъ коснулся всеобщей воинской повинности [349]).

Но охотнѣе всего депутаты останавливались на вопросахъ по преобразованію управленія и расширенію права представительства. Подобныя петиціи были подсказаны имъ мѣстною печатью и избирателями. Въ протоколѣ Бьернеборгскихъ избирателей (представленномъ сейму пробстомъ Хеленъ) значилось, напримѣръ: 1) необходимость періодическихъ сеймовъ; 2) предоставленіе сейму полнаго моціоннаго права; 3) устройство (національной) монетной системы такимъ образомъ, чтобы только финляндская монета была единственною законною монетою страны; 4) отвѣтственность сената передъ представителями народа и 5) ежегодная ревизія государственныхъ отчетовъ особыми ревизорами, выбираемыми изъ среды представителей сейма. Тѣ же пункты находились въ петиціи доктора Грюнфельда, съ добавленіемъ лишь упраздненія цензуры.

Періодичность сеймовъ составила предметъ особаго ходатайства профес. Фр. Шаумана. По его мнѣнію, самое главное измѣ-

Открытiе сейма 1863 г.

неніе, которое должно было войти въ основные законы, заключалось въ томъ, чтобы въ нихъ опредѣленно значилось, какъ часто Монархъ долженъ созывать сеймъ. Это важное дѣло, согласно дѣйствовавшаго закона, зависѣло отъ благоусмотрѣнія правителя. Петиція прошла съ большимъ сочувствіемъ во всѣхъ сословіяхъ. Дворянство предложило при этомъ трехлѣтній срокъ между сеймами [350].

О преобразованіи управленія края высказались депутаты Карпеланъ и Тёрнгренъ. Имъ желательно было достичь учрежденія государственнаго совѣта, созданія высшаго судилища, устройства коллегій и проч.

Къ ходатайству сословія горожанъ о предоставленіи сейму моціоннаго права дворянство отнеслось нѣсколько своеобразно. Когда депутація отъ бюргеровъ явилась къ дворянамъ, прося послѣднихъ присоединиться къ петиціи, рыцарство и дворянство единогласно отвергнули предложеніе горожанъ на томъ основаніи, что Его Императорское Величество въ тронной рѣчи обѣщалъ уже дать представителямъ націи моціонное право.

Въ началѣ засѣданій, сейму передана была выработанная финансовой экспедиціей въ сенатѣ печатная реляція о положеніи финляндской казны за время съ 1811 по 1862 годъ, но ландмаршалъ не допустилъ, однако, преній по этому вопросу, ссылаясь на § 50 формы правленія 1772 года [351].

Наиболѣе устарѣвшими въ уложеніи 1734 года являлись уголовныя постановленія. Со времени составленія отдѣловъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ уложенія 1734 года, благодаря болѣе гуманнымъ идеямъ и успѣхамъ психологіи, установились новые взгляды на существо преступленій и значеніе карательныхъ мѣръ. Противоположность между новыми принципами и дѣйствующими правовыми нормами, правда, до нѣкоторой степени была сглажена широкимъ примѣненіемъ принадлежащаго монарху права помилованія; такъ, напр., смертная казнь, установленная въ уложеніи за весьма многія преступленія, съ 1826 года не приводилась въ исполненіе. Но наказаніе, которымъ обыкновенно замѣнялась смертная казнь, а именно ссылка въ Сибирь, было чуждо карательной системѣ финляндскаго законодательства, примѣненія же разнаго рода тѣлесныхъ и другихъ наказаній, не имѣвшихъ цѣлью исправленіе преступника, не всегда оказывалось возможнымъ избѣжать посредствомъ смягченія наказанія. Сознавая необходимость новой системы, правительство передало земскимъ чинамъ на сеймѣ 1863 года проектъ основныхъ положеній

новаго уголовнаго уложенія. Эти основныя положенія во всѣхъ существенныхъ чертахъ земскими чинами были одобрены. Земскіе чины, ходатайствуя о совершенной отмѣнѣ смертной казни, исходили изъ высочайшаго предложенія, въ которомъ выражено было желаніе, чтобы всѣ роды смертной казни впредь были отмѣнены и не входили въ проектъ новаго уложенія. Государь начерталъ: «смертную казнь сохранить, впредь до утвержденія новаго уголовнаго уложенія» (25 февраля—9 марта 1865 года) [352]).

Власти, конечно, интересовались ходомъ занятій на сеймѣ и поведеніемъ первыхъ народныхъ представителей края. Письма Рокасовскаго и Армфельта этого времени полны сообщеніями о земскихъ чинахъ. «Сегодня утромъ, писалъ графъ Армфельтъ 8—20 января 1864 года, я передавалъ Государю Императору нашъ разговоръ по вопросу о вліяніи, которое слѣдуетъ имѣть на сеймѣ. Государь Императоръ вполнѣ согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, но выразилъ, что было-бы желательно, дабы члены отъ правительства лучше понимали свои отношенія къ Его Величеству, не задаваясь идеями, которыхъ современныя отношенія Великаго Княжества къ Имперіи допустить не могутъ. Я воспользовался случаемъ, дабы увѣрить Императора, что сеймъ до сихъ поръ дѣйствовалъ вполнѣ лояльно; я былъ убѣжденъ, что эти господа такъ и будутъ продолжать. Единственный упрекъ, который можно имъ сдѣлать: это отсутствіе такта въ вопросѣ о допущеніи (на сеймъ) лицъ, служащихъ въ Россіи... Ваше присутствіе здѣсь (въ Петербургѣ) способствовало успокоенію умовъ въ правительственныхъ сферахъ.... Полуофиціальная статья въ «Journal de St. Petersbourg» успокоила массы. За послѣдніе дни на насъ, финляндцевъ, уже не глядятъ съ видомъ презрѣнія и подозрѣнія, которыми насъ дарили нѣкоторое время» [353]).

Наибольшую опасность представляли крайніе обособленники, желавшіе воспользоваться польскою смутою для своихъ политическихъ фантазій. «Что же касается скандинавовъ,—утѣшалъ Рокасовскій министра статсъ-секретаря,—то у нихъ ничего нѣтъ опредѣленнаго; число ихъ ограничено и въ настоящее время они находятся совсѣмъ изолированными. Съ этой стороны, значитъ, опасности нѣтъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ мы узнали лицъ, составляющихъ эту партію.... Вполнѣ понятно, что меня обвиняютъ въ непринятіи суровыхъ мѣръ...» продолжалъ Рокасовскій графу Армфельту (14—26 января 1864 года)... Въ Россіи очень мало людей, знакомыхъ съ конституціоннымъ режимомъ. Я поступалъ по совѣсти и зналъ причину; кромѣ того, я былъ

убѣжденъ, что всякая незаконная мѣра могла бы только ухудшить положеніе Финляндіи.... Въ настоящее время все успокоилось и вошло въ свои рамки. Сеймъ работаетъ утромъ и вечеромъ и не возбудитъ подозрительности жителей Имперіи. И, значитъ, остается достойнымъ порицанія только вотированіе противъ допущенія къ представительству лицъ, служащихъ въ Россіи. Государь Императоръ захочетъ, конечно, отвѣтить формальнымъ отказомъ и этимъ все будетъ сказано...» [354]).

«По поводу вашего послѣдняго ко мнѣ письма,—отвѣчалъ графъ Армфельтъ,—содержаніе котораго я передалъ вчера Государю Императору, Онъ при прощаніи сказалъ: «Дай Богъ, чтобы вы всегда приносили мнѣ такія хорошія новости».... Смѣю васъ увѣрить, что несмотря на всѣ опасенія и страхи, которые циркулируютъ здѣсь, Государь всегда будетъ давать особое довѣріе тому, что вы Ему будете докладывать о состояніи умовъ въ странѣ, которую вы и знаете, и лучше можете оцѣнить, чѣмъ кто либо другой» [355]).

Занятія сейма затянулись и потому земскіе чины всеподданнѣйшимъ адресомъ просили о продленіи сессіи. Съ своей стороны, генералъ-губернаторъ Рокасовскій, изложивъ Государю (въ февралѣ 1864 года) ходъ работъ на сеймѣ, также просилъ о продленіи засѣданій. Государь соизволилъ «чтобы настоящее собраніе земскихъ чиновъ, сверхъ опредѣленнаго § 46 формы правленія отъ 21 августа 1772 года для засѣданій сейма наибольшаго срока въ три мѣсяца, было продолжено еще на таковое же время, т. е. по 3—15 марта будущаго 1864 года» [356]).

Изъ дѣлъ статсъ-секретаріата видно, что проектовъ рѣчи для закрытія сейма 1864 года было нѣсколько; ихъ составляли при статсъ-секретаріатѣ, но дѣло не обошлось безъ участія князя А. Горчакова. Извѣстно, напр., что слѣдующая мысль взята изъ его проекта: «Слѣдовательно ясное пониманіе истинныхъ пользъ Финляндіи должно склонять васъ къ упроченію, а отнюдь не къ ослабленію той тѣсной связи съ Россіею...» [357]).

Рѣчь Государя Императора Александра II, сказанная при закрытіи общаго сейма, гласила: «Представители Великаго Княжества Финляндскаго!

«Открывъ настоящій сеймъ въ минувшемъ сентябрѣ, Я предполагалъ, что вы окончите всѣ предстоящія вамъ занятія въ болѣе короткій срокъ. Впрочемъ, пріобрѣтенная вашими усиленными и продолжительными трудами опытность въ веденіи сеймовыхъ дѣлъ, Я надѣюсь, значительно облегчитъ занятія будущихъ сеймовъ.

«Благодарю васъ за неоднократно выраженныя вами отъ лица финскаго народа чувства вѣрности и преданности ко Мнѣ, но не могу не сожалѣть о томъ, что нѣкоторыя пренія сейма подали поводъ къ недоразумѣніямъ касательно отношеній Великаго Княжества къ Россійской Имперіи.

«Въ неразрывномъ своемъ соединеніи съ Россіей Финляндія ненарушимо сохранила предоставленныя ей права и подъ сѣнію своихъ законовъ продолжаетъ пользоваться всѣми нравственными и вещественными выгодами, предоставляемыми ей могуществомъ Имперіи. Россія открываетъ жителямъ Финляндіи обширное и безпрепятственное поприще торговли и промышленности, а благодушный русскій народъ не разъ, когда тяжелыя испытанія посѣщали вашъ край, доказывалъ свое братское участіе и дѣятельную помощь. Слѣдовательно ясное пониманіе истинныхъ пользъ Финляндіи должно склонять васъ къ упроченію, а отнюдь не къ ослабленію той тѣсной связи съ Россіею, которая служитъ неизмѣннымъ ручательствомъ благосостоянію вашей родины.

Намѣреваясь, какъ Я уже предъ вами заявилъ, вновь созвать земскіе чины чрезъ три года, Я объявляю нынѣшній сеймъ закрытымъ и, поручая васъ покровительству Всевышняго, пребываю къ вамъ и ко всему финскому народу Императорскою милостію Нашею благосклонный».

Послѣ роспуска сейма, найдено было возможнымъ наградить тѣхъ изъ его членовъ, которые своею «преданностію правительству и образомъ мыслей обратили на себя вниманіе»... Кромѣ того въ память работъ сейма выбита была медаль. Ее рѣшено было дать всѣмъ членамъ августѣйшей фамиліи, присутствовавшимъ при открытіи сейма, всѣмъ депутатамъ крестьянскаго сословія и другимъ, по усмотрѣнію сената. Медаль была сдѣлана тонкимъ рѣзцомъ г-жи Леи Альборгъ (въ Стокгольмѣ) [358]).

Едва сеймъ окончилъ свои занятія, какъ съ разныхъ сторонъ послышались злобные отзывы о его дѣятельности. Особенно осуждалась его медленность въ разсмотрѣніи дѣлъ. Уже 19-го апрѣля н. ст. 1864 года помѣщена была въ «Finl. Allmän. Tidning» (1864 г., № 89), за подписью . . . . g. (Грипенбергъ) статья противъ разъѣхавшихся сословій, которыя обвинялись въ «оппозиціи, властолюбіи и воркотнѣ». Сенаторъ, между прочимъ, писалъ: «Мы не можемъ не подивиться той настойчивости, съ

какою на этомъ сеймѣ, разрѣшенномъ намъ по истеченіи пятидесятилѣтняго промежутка и прежде еще, чѣмъ мы пріобрѣли удостовѣреніе, что созваніе сейма будетъ повторяться періодически, всѣ четыре сословія усиливались добиться болѣе значительной и обширной власти, чѣмъ та, которую даруютъ намъ наши коренные законы, имѣющіе въ настоящее время силу. Сеймовые чины предполагали просить о періодическомъ возобновленіи сеймовъ, о дарованіи имъ права законодательныхъ предложеній, объ участіи въ таможенномъ законодательствѣ, требовали, чтобъ въ ихъ руки было передано все финансовое управленіе, хотѣли измѣнить постановленія, относящіяся къ обязанностямъ совѣтниковъ Монарха, т. е. сдѣлать ихъ отвѣтственными передъ сеймомъ, словомъ—хотѣли отобрать у Монарха прерогативы власти, предоставленныя Его Величеству существующими основными законами, и все это несмотря на то, что Его Величество прямо объявилъ свою волю удержать за собою законодательный починъ во всѣхъ вопросахъ, относящихся къ основнымъ законамъ. Хотя представленія чиновъ и были облечены въ форму вѣрноподданническихъ выраженій, тѣмъ не менѣе истинная цѣль ихъ не могла укрыться, и мы рѣшительно не можемъ понять, какъ могли представители Финляндіи надѣяться, что, дѣйствуя такимъ образомъ, они пріобрѣтутъ довѣріе Монарха, безъ котораго они, очевидно, не могутъ сдѣлать ничего полезнаго для края. Неужели этимъ финляндцы докажутъ свою благодарность, подвергая дерзновенно опасности свои священнѣйшіе интересы и стараясь, единственно изъ пустаго удовлетворенія своей гордости, величаться своимъ теперешнимъ положеніемъ, какъ будто они дѣйствительно обязаны имъ только самимъ себѣ» [359]).

Со стороны русской печати раздались также сильные голоса. «Московскими Вѣдомостями» руководилъ тогда талантливый публицистъ Михаилъ Никифоровичъ Катковъ. Его слово замѣтно отражалось въ политической жизни Финляндіи, почему въ исторіи края онъ имѣлъ свой часъ. Знамя высоко поднятое «Московскими Вѣдомостями» было «знамя единства русской земли и національной политики». Финляндія возраждалась на новыхъ началахъ. Слабость національнаго духа сказалась во внутренней политикѣ Россіи.— Послѣдователи крайняго либерализма подымали голову. Всюду заговорили о необходимости дать свободу всѣмъ національностямъ. Государственному единству Россіи, созданному цѣною вѣковыхъ трудовъ, грозила опасность. Въ средѣ правительства создалось сильное теченіе въ пользу безпринципной либеральной политики

въ Царствѣ Польскомъ и Финляндіи. Ея сторонниками были министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, шефъ жандармовъ князь Долгоруковъ, канцлеръ князь Горчаковъ, князь А. А. Суворовъ и др. Въ виду этого лѣтопись патріота-публициста естественно оживилась вопросами польскимъ, финляндскимъ, остзейскимъ, армяно-грузинскимъ и даже бессарабскимъ.

Катковъ отвѣтилъ на всѣ окраинные вопросы и порознь и въ общихъ статьяхъ. «Сепаратизмъ,—писалъ онъ,—есть внутренняя язва, которая въ своемъ развитіи можетъ стать неизлечимымъ недугомъ. . . . Національный антагонизмъ есть спасительная сила, когда онъ обращенъ къ внѣшнему дѣйствію и когда дѣло идетъ объ охраненіи государства отъ внѣшнихъ опасностей. Но что-же можетъ быть ужаснѣе того зла, которое должно развиваться изъ національнаго антагонизма, обращеннаго внутрь и принятаго въ нѣдра одного и того-же государственнаго состава?»

Федеративнаго устройства Россійской Имперіи Катковъ, конечно, не желалъ, понимая, что въ конгломератѣ разныхъ національностей зародилось бы непреодолимое инстинктивное стремленіе къ обособленію, взаимному отчужденію и отдѣленію, а не къ единству дѣйствій.

Національное направленіе стало для Каткова предметомъ культа. «Голосъ» обвинялъ его въ «сепаратизмоманіи». Но это не смущало московскаго трибуна, такъ какъ онъ видѣлъ, какъ на его глазахъ изыскивались способы превратить Россію въ подобіе слабой Австріи. «Вліятельныя партіи употребляютъ всѣ усилія, чтобы ввести въ нашъ государственный организмъ принципъ національнаго раздѣленія. Насъ увѣряютъ, что Россія можетъ продолжать существованіе, если правительство примѣнитъ ко всѣмъ ея частямъ то самое начало, на основаніи котораго соединяется съ нею Финляндія». Въ Россіи хотѣли видѣть въ личномъ соединеніи много отдѣльныхъ и чуждыхъ другъ другу государствъ, подъ общею верховною властью. Пропагандировалась также и другая доктрина, въ силу которой верховная власть можетъ имѣть различный національный характеръ по отношенію къ различнымъ частямъ своихъ владѣній. «Если бы подобные планы задумывались и приводились въ исполненіе отъявленными врагами Россіи, то это было-бы совершенно въ порядкѣ вещей; но, къ сожалѣнію, они встрѣчали поддержку и сочувствіе въ нѣкоторыхъ правительственныхъ сферахъ».

Первое мѣсто въ этой программѣ будущаго устройства Россіи занимала, конечно, Польша. Затѣмъ—кромѣ Финляндіи—къ отдѣль-

ной жизни призывались Прибалтійскій край, Украина, Кавказъ и даже Сибирь.

Несомнѣнно, что эта сепаратистская идея занимала одно изъ главныхъ мѣстъ среди мнимо-либеральныхъ увлеченій русской молодежи шестидесятыхъ годовъ. Борьба съ сепаратизмомъ не была поэтому борьбою съ вѣтряными мельницами. Это была борьба съ великимъ зломъ, грозившимъ странѣ распаденіемъ и разложеніемъ. Сепаратистскія стремленія были формою того теченія, въ которомъ крылась главная опасность для нашего отечества.

Опасность увеличивалась еще вслѣдствіе того, что сепаратизму служили нашъ нигилизмъ и все наше революціонное движеніе. Ему выражали сочувствіе въ обществѣ, въ средѣ чиновничества, на каѳедрахъ, въ журналистикѣ; ему могущественно содѣйствовали нашъ космополитизмъ, наше непониманіе и даже презрѣніе русскихъ интересовъ.

Какъ сильно было стремленіе къ автономіямъ и представительству, можно судить уже по тому, что въ самый разгаръ польскаго мятежа признано было своевременнымъ возобновить финляндскій сеймъ. Онъ былъ открытъ въ сентябрѣ 1863 года, словно въ награду за хорошее поведеніе и въ назиданіе другимъ. Въ 1864 году открылся лифляндскій сеймъ, хотя и безъ законодательнаго характера. Генералъ-суперъ-интендантъ, докторъ Вальтеръ, произнесъ при открытіи сейма рѣчь о германизаціи края, объявляя его нѣмецкимъ и мало скрывая нерасположеніе и даже ненависть къ Россіи [360]).

Катковъ лучше другихъ понималъ, какъ были чреваты бѣдствіями въ будущемъ для Россіи тѣ уступки, которыя легкомысленно дѣлались нашимъ окраинамъ, отлично сознавая, что одна уступка вызываетъ другую, какъ оно и подтвердилось на примѣрѣ Финляндіи, искусственно оторванной теперь отъ Россіи.

Финляндскій вопросъ возбудилъ не Катковъ, а сила обстоятельствъ. Въ періодъ сейма 1863—1864 годовъ русское національное чувство было задѣто сперва нежеланіемъ земскихъ чиновъ предоставить права голоса финляндцамъ, находившимся на русской службѣ, а затѣмъ—вопросами о таможнѣ, объ особой финляндской государственности, особомъ флагѣ и т. п.

Наиболѣе горячо Катковъ отнесся къ первому вопросу. «Нахожденіе на русской службѣ, какъ честь для каждаго подданнаго Имперіи, не можетъ сокращать его политическихъ правъ», писалъ онъ. «Гельсингфорсскіе-же юристы перерыли законы своего новорожденнаго государства и открыли, что статуты его запре-

щаютъ финляндцамъ, жительствующимъ за границей, т. е. въ Россіи, пользоваться политическими правами въ Финляндіи . . . Вотъ какъ быстро идутъ на свѣтѣ! Только что успѣли мы поздравить Финляндію съ сеймомъ, какъ ея дворяне уже торопятся разсчесться съ Россіей . . . Вотъ что значитъ сепаратизмъ! Стоитъ только ему дать одинъ палецъ, онъ потребуетъ всей руки, дайте ему руку, онъ обхватитъ все тѣло».

Статьи эти по свидѣтельству «Русскаго Инвалида» (1863, № 234) произвели весьма сильное впечатлѣніе не только на членовъ сейма но и на все финляндское общество. Нѣкоторое время только и разговоръ былъ, что объ нихъ. Финляндцы говорили, что они кровно обижены «Московскими Вѣдомостями», жестоко оклеветавшими Финляндію передъ лицемъ Россіи. Въ этихъ строкахъ очевидно, слышится отголосокъ гельсингфорсскихъ настроеній, ибо самъ «Инвалидъ» весьма опредѣленно сталъ на сторону Каткова, заявивъ: «Напрасно въ своей рѣчи Виллебрантъ коснулся «Московскихъ Вѣдомостей» и упрекалъ ихъ въ несправедливыхъ нападкахъ на финляндцевъ,—стремленія, имъ самимъ высказываемыя, вполнѣ оправдываютъ эти нападки. Съ своей стороны, мы также позволимъ завѣрить партію, что ея тенденціи не только не возбудятъ сочувствія къ себѣ въ Россіи, но заставятъ потерять уваженіе къ ея политическому смыслу» [361]).

Финляндскія газеты не оставили «Московскихъ Вѣдомостей» безъ возраженій. «Helsingin Utiset» (№ 101) писала: «И г. Каткову кажется весьма естественнымъ, чтобы лица, не участвующія въ несеніи налоговъ, и не подчиненныя финляндскимъ законамъ, засѣдали на сеймѣ единственно для своего удовольствія, а не для пользы страны, такъ какъ они участвовали бы тогда въ изданіи законовъ, которымъ не подчиняются, и въ наложеніи налоговъ, которыхъ имъ не придется нести». Финская газета, не раздѣляя «шведскаго патріотизма», доказывала, что «политическое положеніе Финляндіи въ настоящее время несравненно лучше, нежели въ былое шведское время», но прибавляла, что «Финляндія съ 9-го года является особымъ государствомъ, особымъ народомъ. Статья «Helsingin Utiset» кончалась слѣдующими словами: «Менѣе всего мы опасаемся, чтобы нашъ великодушный Монархъ перемѣнилъ въ настоящее время свое мнѣніе о насъ, финляндцахъ.—Государь убѣжденъ, что финляндскіе его подданные также свято будутъ исполнять свои обязанности, какъ отстаиваютъ свои права. А при подобныхъ обстоятельствахъ, мы можемъ оставить крики Каткова безъ вниманія; но все-таки

лучше было-бы, если-бы не было ни кого, поджигающаго вражду. Мы надѣемся, что когда со стороны финскаго народа не будетъ дано поводовъ ко враждѣ, какъ нѣтъ ихъ въ настоящее время, то здравый смыслъ русскаго народа заставитъ замолчать всѣхъ, подобныхъ «Московскимъ Вѣдомостямъ», нарушителей мира и спокойствія».

Катковъ отнюдь не злобствовалъ. Онъ старался, по возможности, ослабить значеніе сдѣланныхъ на финляндскомъ сеймѣ заявленій, отнеся ихъ къ увлеченіямъ, вполнѣ понятнымъ на первыхъ порахъ возобновленія дѣятельности сеймовъ. «Мы очень хорошо понимаемъ, что самое созваніе сейма на первыхъ порахъ могло дать слишкомъ яркій оттѣнокъ мѣстному патріотизму. Человѣкъ склоненъ преувеличивать значеніе того, чѣмъ дорожитъ, а что финляндцы дорожатъ своими политическими учрежденіями, въ этомъ нельзя видѣть ничего, кромѣ хорошаго. Пусть не восторгаются они туманною теоріей (г. Пиппингшельда) будто Россія и Финляндія составляютъ одну державу и два государства. Въ то время, когда Финляндія была подчинена Швеціи, считалась-ли она для Финляндіи иностраннымъ государствомъ, и служба въ Швеціи дѣлала-ли финляндскаго дворянина неспособнымъ къ участію въ финляндскомъ сеймѣ? [362])».

Финляндская печать подхватила этотъ споръ. Газета «Dagbladet» стала настаивать на мнѣніи, что Финляндія есть отдѣльное государство. Мы имѣемъ свое войско, свою администрацію, свой сеймъ, восклицали гельсингфорсскіе публицисты, и должны имѣть свой флагъ и свой флотъ; никто изъ русскихъ не смѣетъ переселиться къ намъ безъ разрѣшенія нашего особаго правительства. Отчего-же намъ не заключать трактатовъ съ Россіей? Развѣ таможенный законъ не есть уже нѣкоторымъ образомъ трактатъ?

«Что-же болѣе? отвѣчалъ на это Катковъ:—чего-же недостаетъ Финляндіи, чтобы, при столкновеніи Россіи съ другими державами, она не объявила намъ войну или, по крайней мѣрѣ, не сохраняла грознаго вооруженнаго нейтралитета? Но не будемъ слишкомъ строго винить гельсингфорсскихъ политиковъ за то, что они увлекались своими фантазіями. Въ самомъ дѣлѣ, виноваты-ли были они, что вино, которымъ они упивались, было въ такомъ ходу, и было такъ дешево? Виноваты-ли они, что все заставило ихъ раздѣлять общую увѣренность въ ничтожествѣ русскаго народа и въ близкомъ разложеніи Россіи? [363])».

Около этого времени одинъ изъ московскихъ доброжелателей Финляндіи написалъ графу А. Армфельту содержательное письмо,

въ которомъ очень вѣрно схвачена сущность дѣла: «Статьи нашихъ газетъ повергаютъ меня въ лихорадку. Ваши «Dagblad» и «Helsingfors Tidningar» причиняютъ вашей странѣ безконечно много вреда и кончатъ тѣмъ, что вызовутъ недовольство Государя къ народу, который Имъ почти избалованъ (nästan skämt bort). Я вполнѣ понимаю желаніе вашего сейма, чтобы лица, живущія внѣ края и слѣдовательно не знающія его нуждъ, не принимали участія въ его работахъ... но время дурно избрано и, какъ во всемъ, тонъ дѣлаетъ музыку. Но чего я не понимаю, такъ это бѣшенства вашихъ публицистовъ въ проповѣдываніи этой системы сепаратизма и независимости, съ употребленіемъ выраженій, которыя заставляютъ весь свѣтъ вѣрить, что Финляндія враждебна Россіи и имѣетъ причины жаловаться на насъ, до сихъ поръ, никогда не вмѣшивавшихся въ финляндскія дѣла! Финляндія—покоренная страна, формальнымъ договоромъ уступленная Россіи и являющаяся такимъ образомъ составною частью имперіи. Императоръ Александръ I сохранилъ за ней ея законы, ея старый образъ правленія, и Россія выразила свое согласіе на этотъ благородный и великодушный поступокъ. Но Россія никогда хладнокровно не будетъ смотрѣть на сепаратистскія притязанія, кои, какъ видно, раздѣляются у васъ многими лицами, притязанія, которыя Государь никогда не могъ бы подписать, а мы, русскіе люди,—одобрить» [364]).

Это правдивое слово, какъ и вся описанная полемика, не утратили своего значенія по настоящее время.

Полемика эта была заключена сообщеніемъ, напечатаннымъ въ «Journal de St.-Petersbourg» 28-го декабря 1863 года, гдѣ взгляды финляндской журналистики были преданы порицанію, какъ политическая метафизика, высказанная притомъ не только опрометчиво, но даже съ запальчивостью. Офиціальная россійская дипломатическая газета высказалась въ статьѣ, по формѣ своей направленной противъ финляндской печати, особенно противъ «Helsingfors Dagblad». Здѣсь положеніе Финляндіи характеризовалось, какъ страны, присоединенной къ Россіи, и которая по желанію монарха пользуется административною автономіей, но въ политическихъ вопросахъ зависитъ отъ имперіи, съ которой ея судьба связана». Лучшее средство отвѣчать на запальчивость, говорила «Journal de St.-Petersbourg», состоитъ въ томъ, чтобы передать ее на судъ здраваго смысла финской націи и представить на собственную ея оцѣнку интересы Финляндіи [365]).

Сеймовый балъ 1863 г.

Сильное слово Каткова побуждало внимать ему высшихъ финляндскихъ чиновниковъ, склонныхъ игнорировать значеніе русскихъ властей. Они считались съ его заявленіями и оправдывались передъ Государемъ. 21-го января 1864 года (№ 16) въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появилась статья «Изъ Финляндіи», въ которой указывалось на несправедливое отношеніе къ русскимъ торговцамъ въ краѣ. Уже 30-го января гр. А. Армфельтъ представилъ Государю объясненіе, что все дѣлается по закону и справедливо. По чьей иниціативѣ послѣдовало объясненіе—неизвѣстно. Государь выразилъ желаніе имѣть о статьѣ мнѣніе генералъ-губернатора. Онъ отвѣтилъ (4—16 февраля 1864 года), что къ нему жалобъ на стѣсненіе русскихъ торговцевъ не поступало, и что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ само населеніе рѣшилось противодѣйствовать имъ. Составлено было опроверженіе статьи «Моск. Вѣд.» и послано министру внутреннихъ дѣлъ [366]).

Въ связи съ указанной окраинной полемикой Каткова находился слѣдующій эпизодъ. 20 іюня 1866 года Государь принялъ Каткова въ кабинетѣ наединѣ, крѣпко взялъ его за руку и посадилъ. «Я тебя знаю, сказалъ Государь, вѣрю тебѣ—считаю «своимъ». Сохрани тотъ священный огонь (тотъ feu sacre—какъ выразился Государь), который есть въ тебѣ: я подаю руку тѣмъ, кого знаю и уважаю. Тебѣ не о чемъ безпокоиться. Я внимательно слѣжу за «Московскими Вѣдомостями»; постоянно ихъ читаю. Въ тебѣ вполнѣ увѣренъ». Государь перешелъ къ вопросу о сепаратизмѣ. «Не надо какъ бы колоть и раздражать происхожденіемъ. Всѣ могутъ быть вѣрными подданными и хорошими гражданами. Надо говорить объ этомъ, но слѣдуетъ сохранить мѣру. Покушенія этого рода есть; Я знаю и съ тобой согласенъ. Величіемъ и единствомъ имперіи,—кончилъ Государь свой разговоръ съ улыбкой,—я дорожу конечно, не менѣе тебя... Помни, я въ тебѣ вполнѣ увѣренъ».

Новую Высочайшую оцѣнку дѣятельности Каткова сдѣлалъ уже Императоръ Александръ III, послѣ смерти знаменитаго публициста, телеграфировавъ его женѣ: ...«Сильное слово покойнаго мужа вашего, одушевленное горячею любовью къ отечеству, возбуждало русское чувство и укрѣпляло здравую мысль въ смутныя времена».

VII. Реформы.

«По вопросу о свободѣ печати, больше чѣмъ по какому либо другому, въ интересахъ Россіи знать о томъ, что дѣлается въ Финляндіи,—писалъ В. Спельманъ (въ 1862 г.). Нельзя требовать, чтобы русское правительство,—если право слова въ печати въ Россіи будетъ иное, чѣмъ въ Финляндіи,—на границѣ выставила стражу для охраны края, какъ мѣсто склада нелегальной литературы. Мы говоримъ: нельзя требовать, потому что пустота этого требованія скоро выяснилась бы ея безполезностью. Но есть во всякомъ случаѣ одно обстоятельство, которое можетъ согласовать интересы Финляндіи съ интересами Россіи. Это то, что печатаемое здѣсь на финскомъ и шведскомъ языкахъ—является безразличнымъ для Россіи. Оно не найдетъ въ ней читателей.

«Во многихъ дѣлахъ развитіе Финляндіи зависитъ отъ обстоятельствъ въ имперіи. Это фактъ, о которомъ нечего и разсуждать. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ надобности въ этой зависимости, она становится несправедливой. И къ этимъ случаямъ относится свобода печати, насколько она касается финскаго и шведскаго языковъ. Этотъ вопросъ можно и должно разсматривать исключительно съ финской точки зрѣнія, въ зависимости отъ культурной точки зрѣнія финскаго народа. Ввозимая шведская литература касается одной Финляндіи, такъ какъ въ Россіи ее не читаютъ» [367]).

Въ томъ-же 1862 году Снельманъ, разсмотрѣвъ вопросъ о правѣ свободнаго выраженія мнѣній въ печати, выставилъ и развилъ слѣдующія положенія, которыя графомъ Армфельтомъ были представлены въ переводѣ Государю Императору.

«Уже давно понятно и рѣшено, что изо всѣхъ стремленій въ жизни европейскихъ народовъ въ три послѣднія двадцатипятилѣтія наиболѣе высказалось стремленіе къ политической свободѣ.

Съ такою же достовѣрностью можно предположить и близкое окончаніе этого періода, такъ какъ цѣль скоро будетъ достигнута большею частью европейскихъ народовъ. Главное дѣло въ томъ, чтобы государственное законодательство пришло въ положеніе, при которомъ управляемые могли бы участвовать въ законодательствѣ и управленіи. Подобное участіе въ управленіи заключается въ правѣ самообложенія повинностями.

«Можно сказать, что исторія перешла изъ внутренней области государственнаго права во внѣшнюю, отъ установленія законодательства къ опредѣленію взаимныхъ правъ народа.

«Теорія и исторія показываютъ, что расширеніе и свойство правъ зависятъ отъ степени образованности каждаго народа. Поэтому въ разное время различными государственными формами старались дать политическимъ правамъ такіе размѣры, которые соотвѣтствовали бы требованіямъ времени.

«Можно спросить: право свободнаго выраженія мнѣній принадлежитъ ли къ гражданскимъ или къ политическимъ правамъ? Въ общепринимаемомъ теперь значеніи этого слова, т. е. въ смыслѣ свободнаго выраженія мнѣнія въ печати, оно безъ сомнѣнія принадлежитъ къ правамъ политическимъ.

«Изо всѣхъ даровъ природы, даръ слова самымъ опредѣленнымъ образомъ отличаетъ человѣка отъ животнаго,—почему свободное употребленіе этого дара представляется самымъ естественнымъ дѣломъ на свѣтѣ.

«Свобода мысли, убѣжденія—неприкосновенна. Но, когда человѣкъ хочетъ сообщить свое знаніе другимъ, хочетъ передать другимъ свои убѣжденія, тогда онъ непремѣнно долженъ обращаться съ ними, какъ съ духовнымъ народнымъ достояніемъ. Потому даже и право изустнаго выраженія мнѣній подвержено надзору государства. Частное лицо не въ правѣ сообщать другому все, что ему вздумается; никто не можетъ проповѣдывать своихъ мнѣній на площади, каковы бы они ни были.

«Какъ извѣстно, право свободнаго выраженія мнѣній въ печати—сравнительно ново въ мірѣ.

«Исторія показываетъ, что еще не существовало государства, въ которомъ ученіе было бы вполнѣ свободно. Мы уже не говоримъ о томъ, что никакое государство и ни въ какомъ случаѣ не можетъ предоставить свободу безбожнымъ, безнравственнымъ и враждебнымъ обществу ученію и воспитанію. Мы повторяемъ: должно стремиться къ тому, чтобы ученіе могло быть свободно и чтобы для лжи не требовалось никакого другого

исправителя, кромѣ голоса правды; но сознаемся также, что подобный порядокъ вещей составилъ бы на землѣ царство Божіе.

«Вышесказанное опредѣляетъ причину ограниченія права свободнаго выраженія мнѣній. И никогда не слѣдуетъ порицать подобнаго ограниченія въ государствѣ. Умственное образованіе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть столь высоко и обще, а повиновеніе закону и добрые нравы столь тверды, чтобы ихъ не сбивали съ прямого пути гибельныя ученія.

«Если признать справедливость всего вышесказаннаго, то мѣриломъ степени, въ какой свобода тисненія должна быть предоставлена или не предоставлена краю, можетъ служить только уже пріобрѣтенное народомъ духовное и нравственное образованіе. Если хотятъ ратовать противъ ограниченія печати, то доказательства должны исходить съ точки зрѣнія на образованность народа, о которомъ идетъ рѣчь.

«Оставляемъ въ сторонѣ вопросъ свобода-ли въ выраженіи мнѣній ведетъ за собою свободную форму правленія, или наоборотъ, существованіе послѣдней дѣлаетъ возможнымъ и свободное выраженіе мнѣній? Исторія показываетъ, что и то и другое развивается одновременно. И несомнѣнно, что никакой конституціонной свободы, вообще, не можетъ существовать безъ права свободнаго выраженія мнѣній, и что оно въ новоевропейскихъ государствахъ невозможно безъ свободы тисненія».

Мнѣніе Снельмана можно считать мнѣніемъ образованнаго и передового общества края. Онъ его пропагандировалъ громко и, какъ выдающійся и рѣшительный человѣкъ, имѣя враговъ, пріобрѣлъ и много послѣдователей. Такимъ образомъ обрисовывалась часть той среды, съ которой приходилось имѣть дѣло власти, продолжавшей держаться необходимости цензурныхъ ограниченій. Естественно, что при наличности понятій, изложенныхъ Снельманомъ, цензурныя кары дѣйствовали острѣе и вызывали большее неудовольствіе. Къ этому присоединились и другія обстоятельства, съ которыми приходилось считаться. Страна переживала періодъ новыхъ мыслей и стремленій, а газеты пріобрѣли новое политическое значеніе. Ихъ роль значительно возрасла, съ увеличеніемъ круга ихъ читателей [368]). При такихъ условіяхъ цензорамъ надлежало дѣйствовать съ удвоенной осмотрительностью. Какъ-же поставлено было въ это время цензурное дѣло и какъ вели себя мѣстныя редакціи?

Начиная съ 1857 года, какъ мы ранѣе указывали, вся власть по печати передана была въ руки начальника края. Но кромѣ

того, министръ статсъ-секретарь графъ Армфельтъ и его товарищъ Шернваль-Валленъ заботливо опекали печать изъ Петербурга, стараясь руководить въ этомъ дѣлѣ генералъ-губернаторомъ Рокасовскимъ, при посредствѣ частныхъ писемъ и офиціальной переписки. Въ маѣ (19—31) 1862 года Армфельтъ писалъ Рокасовскому: «Статья, помѣщенная въ «Helsingfors Dagblad» (отъ 13 мая № 109), производитъ въ Петербургѣ большую сенсацію. Великій князь генералъ-адмиралъ прислалъ мнѣ статью вчера, въ подлинникѣ и переводѣ». Въ іюнѣ 1863 года графъ Армфельтъ офиціально, хотя и секретно, написалъ барону П. И. Рокасовскому: «До свѣдѣнія Государя Императора дошло, что нѣкоторыя изъ финляндскихъ газетъ, употребляя во зло снисходительность цензуры, позволяютъ себѣ превратно объяснять распоряженія правительства и его намѣренія, а потому Его Императорское Величество, имѣя въ виду, что въ настоящее время, волнуемое страстьми и политическими стремленіями, распространеніе подобныхъ толкованій легко можетъ увлечь общественное мнѣніе на ложный путь и разрушить довѣріе между правительствомъ и народомъ, Высочайше повелѣлъ мнѣ сообщить объ этомъ вашему высокопревосходительству на тотъ конецъ, не изволите ли вы, м. г., смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, признать нужнымъ принять противъ этого направленія газетъ какія либо мѣры».

«Исполняя симъ означенную Высочайшую волю, я съ своей стороны долгомъ считаю присовокупить, что подобное направленіе замѣчается въ особенности въ газетахъ «Helsingfors Dagblad» и «Åbo Underrättelser» [369]), которыя часто распространяютъ ученія и виды, находящіеся въ явномъ противорѣчіи съ обязанностями, лежащими на финскомъ народѣ въ отношеніи своего Государя и имперіи вообще. Это направленіе помянутыхъ газетъ, безъ сомнѣнія, не могло укрыться отъ бдительнаго вниманія вашего высокопревосходительства и вы по всей вѣроятности уже изволили поставить отвѣтственнымъ издателямъ газетъ на видъ предосудительность выраженныхъ ими стремленій и сдѣлали предостереженіе, что газеты ихъ немедленно будутъ запрещены, если только въ нихъ попрежнему станутъ появляться превратныя сужденія о дѣйствіяхъ правительства; однако, въ случаѣ если бы эти мѣры оказались безуспѣшными, то не изволите ли вы, милостивый государь, войти со всеподданнѣйшимъ представленіемъ о другихъ болѣе дѣйствительныхъ средствахъ въ отвращеніе Высочайше замѣченнаго въ финляндскихъ газетахъ направленія».

Съ своей стороны генералъ Рокасовскій былъ озабоченъ другой стороной дѣла. Ожидались засѣданія перваго сейма. Новое дѣло требовало особаго вниманія начальника края, и онъ поспѣшилъ съ просьбой къ министру статсъ-секретарю. «Во вниманіе необходимости принимать по цензурной части надлежащія мѣры, чтобы во время обсужденія на сеймѣ переданныхъ ему Высочайшихъ предложеній, газеты не могли неосновательными и ведущими въ заблужденіе разсужденіями противодѣйствовать правильному и спокойному производству дѣлъ, покорнѣйше прошу ваше сіятельство,—писалъ онъ (въ августѣ 1863 года) графу Армфельту,—исходатайствовать Высочайшее Государя Императора разрѣшеніе генералъ-губернатору дать въ семъ отношеніи прямо отъ себя надлежащія наставленія главному цензурному управленію и тѣмъ начальствамъ, коимъ подвѣдомствены мѣстные газетные цензоры».

На дѣлѣ наставленій оказалось недостаточно, и пришлось прибѣгать къ карѣ и притомъ весьма серьезной. По распоряженію прокурора редакторъ «Åbo Underrättelser» привлеченъ былъ къ суду (въ мартѣ 1864 г.) за оскорбленіе Его Величества (högmåls brott), выразившемся въ томъ, что онъ въ новогоднемъ обзорѣ высказалъ «открытое неодобреніе того, что иностранныя власти не вмѣшивались враждебно противъ мѣропріятій императорскаго правительства по внутреннимъ дѣламъ государства». Рѣчь шла о польскомъ возстаніи [370]).

Генералъ-губернаторъ предложилъ сенату высказать свое мнѣніе по вопросу о закрытіи изданія. При этомъ Спельманъ сказалъ, что признаетъ выраженія газеты преступными, «какъ составляющія непристойное публичное осужденіе мѣропріятій правительства и политики Монарха, и какъ оскорбленіе того могущественнаго народа, отъ котораго судьба нашей родины въ столь значительной степени находится въ зависимости». Но на запрещеніе газеты онъ не согласился. Прибавимъ кстати, что редакторъ J. W. Lillja, о которомъ шла рѣчь, для своего времени являлся несомнѣнно выдающейся личностью. Онъ началъ съ должности «мальчика на побѣгушкахъ» при книжномъ магазинѣ. Газета редактировалась имъ въ либеральномъ направленіи, пользовалась успѣхомъ и вела постоянную борьбу съ цензурой. Вмѣсто зачеркнутыхъ статей, Лилья вставлялъ портретъ Гуттенберга разной величины и при томъ такъ, что по надписи надъ портретомъ можно было догадываться о содержаніи непропущенной статьи.

Публицистическій міръ оживился появленіемъ нѣсколькихъ новыхъ изданій, имѣвшихъ значительное вліяніе на ходъ современныхъ имъ дѣлъ.

Съ 1862 года стала выходить независимая ежедневная газета «Helsingfors Dagblad». «Появленіе этой газеты стало возможнымъ благодаря пробужденію политическаго интереса и либеральнымъ вліяніямъ, которыми ознаменовалось восшествіе на престолъ Александра II. Редакціонные пріемы ея также были новыми для Финляндіи. Послѣ Эдварда Берга, который первые годы редактировалъ газету, веденіе ея принялъ на себя Робертъ Лагерборгъ (1835—1882 гг.). Благодаря ему Финляндія получила первую, такъ-сказать, европейскую газету, органъ, который поставилъ себѣ задачей скоро и точно сообщать о всѣхъ событіяхъ въ Финляндіи и за границей. Газета держалась либеральнаго направленія. Въ техническомъ отношеніи она стала образцомъ, достичь который стремились потомъ всѣ крупныя газеты Финляндіи. Поэтому даже одинъ изъ приближенныхъ газеты «Morgonbladet», которая впослѣдствіи конкурировала съ «Dagblad», остроумно замѣтилъ: «что въ Dagblad'ѣ сообщается сегодня (i dag) то, что въ Morgonblad'ѣ появится завтра (i morgon)».

Въ 1864 году Августъ Шауманъ, ясно понявшій потребности развивающагося Гельсингфорса, основалъ газету «Hufvudstads bladet» («Столичный Листокъ»). Эта газета, первоначально незначительная по объему и всегда дешевая, развивалась параллельно съ главнымъ городомъ края и теперь она въ Финляндіи самый большой и распространенный органъ и газета объявленій quand même.

«На финскихъ газетахъ, разумѣется, также отозвались измѣнившіяся въ 60-хъ годахъ условія. Въ 1863 году «Suometar» (Финляндка) стала выходить два раза въ недѣлю, и въ томъ же году появилась другая газета «Helsingin Uutiset» (Гельсингфорсскія Новости), и еженедѣльная газета «Päivätär» (Дочь дня), подъ редакціею Эрнеста Линдера. Обѣ послѣднія вскорѣ прекратились, но за то «Suometar» въ 1864 году стала ежедневною газетою. Такъ продолжалось, однако, только два года; въ 1866 году «Suometar» снова стала выходить тольто два раза въ недѣлю, а къ исходу того же года газета эта совершенно прекратилась. Два года главный городъ Финляндіи не имѣлъ финской газеты, и полдюжины провинціальныхъ еженедѣльныхъ газетъ должны были удовлетворять потребности финской публики [371]).

Страна получила сеймы; но сеймовая жизнь безъ законной свободы печати была бы не полна. И на первомъ-же сеймѣ не обошли

столь жизненнаго вопроса, какъ право свободнаго печатнаго слова. Депутатъ Шильдтъ внесъ петицію объ отмѣнѣ предварительной цензуры. По поводу ея публицистъ I. А. ф.-Эссенъ (впослѣдствіи—съ 1866 г.—губернаторъ въ Куопіо) произнесъ блестящую рѣчь, исполненную сильныхъ нападокъ на учрежденіе цензуры. «Не рѣдко утверждаютъ,—сказалъ онъ,—что для журналистики нужна узда; я отвѣчаю, что для журналистики нуженъ только законъ. Я требую свободной журналистики, но не журналистики необузданной, а такой, которая была бы наравнѣ со всѣмъ другимъ подчинена закону, подлежала-бы отвѣтственности передъ нимъ и пользовалась бы его защитой. Свободная журналистика то-же для общественной жизни, что солнце для природы; она имѣетъ силу освѣщать, согрѣвать и производить; она—огонь, котораго свѣтъ и теплота должны проникать повсюду; но за нею надобно и надзирать, какъ за огнемъ, чтобъ она не причинила разрушительнаго пожара. Однако-же въ этомъ надзорѣ долженъ господствовать не произволъ, а законъ. Правда, цензура признаетъ законъ, но этотъ законъ имѣетъ только одну главу, въ этой главѣ находится только одна статья, въ этой статьѣ—одно только слово—произволъ. Цензура не подвергаетъ слѣдствію, не судитъ, она только зачеркиваетъ и душитъ».

Одинъ изъ членовъ дворянства назвалъ цензуру «спутникомъ бюрократіи, палачемъ интеллигенціи и нравственнаго развитія». Къ этому ф.-Эссенъ добавилъ: она вѣрный оруженосецъ обскурантизма, милостивая покровительница богини лжи и насмѣшки, ненадежный батракъ правительства и истинный мучитель народа. Цензура дѣлаетъ видъ, что охраняетъ власть правительства. Фальшивѣе этого ничего не можетъ быть. Напротивъ, она подрываетъ эту власть, потому что она воздвигаетъ неприступную стѣну между правительствомъ и народомъ.

Дѣло по петиціи было пріостановлено на сеймѣ, потому что въ началѣ февраля 1864 года внесено было Высочайшее предложеніе о свободѣ печати и условіяхъ пользованія ею.

Въ этомъ предложеніи заявлено было, что Государь желаетъ, дабы упомянутый законъ,—если онъ будетъ принятъ земскими чинами,—дѣйствовалъ только до будущаго сейма, т. е. явился лишь временнымъ и условнымъ. Отъ сейма послѣдовалъ такой отвѣтъ: Опытъ многихъ лѣтъ, пріобрѣтенный какъ въ собственной, такъ и въ чужихъ странахъ, показываетъ, что нельзя разсчитывать на дѣйствительную и прочную гарантію для свободы слова до тѣхъ поръ, пока упомянутый законъ не будетъ опредѣ-

ленно зависѣть отъ обѣихъ государственныхъ властей (т. е. сейма и Монарха). Нынѣшняя степень образованія финскаго народа и государственное устройство края допускаютъ, по мнѣнію сейма, право на свободу слова, и эта свобода составляетъ необходимое условіе для развитія общественныхъ дѣлъ. Чтобъ нація могла развиваться въ культурномъ отношеніи, ея дѣла должны разсматриваться всесторонне, а существующіе порядки и сдѣланныя правительственныя распоряженія должны подлежать критикѣ.... Давленіе цензуры дѣйствуетъ угнетающе, и это особенно чувствуется въ Финляндіи, гдѣ трудно найти образованныхъ людей, которые бы заняли цензурныя должности.

Въ виду изложеннаго, сеймъ находилъ, что предложенный законъ о свободѣ печати слѣдуетъ предпочесть дѣйствующему постановленію, и потому сеймъ согласился принять его. Главная цѣль будетъ уже достигнута тѣмъ, что свобода печати ставится (Высочайшимъ предложеніемъ) въ зависимость отъ обѣихъ государственныхъ властей. Можно надѣяться,—писали земскіе чины,—что этотъ законопроектъ снова будетъ внесенъ на слѣдующій сеймъ [372]).

Послѣ сейма, вопросъ о печати перешелъ въ комитетъ финляндскихъ дѣлъ, гдѣ онъ разсматривался дважды: первый разъ въ мартѣ предварительно и въ присутствіи генералъ-губернатора, и въ апрѣлѣ окончательно, но уже безъ его участія.

Баронъ Рокасовскій, имѣя въ виду обѣщаніе Государя, изложенное въ Высочайшемъ предложеніи земскимъ чинамъ (въ февралѣ 1864 г.), и согласіе сейма принять новый законъ на сообщенныхъ ему условіяхъ, высказался за утвержденіе и распубликованіе закона. Онъ находилъ, что новый законъ дастъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность провѣрить политическую зрѣлость финскаго народа.

Товарищъ министра статсъ-секретаря баронъ Шерпваль-Валленъ, раздѣляя мнѣніе генералъ-губернатора въ отношеніи введенія новаго постановленія о печати, въ видѣ опыта, считалъ, однако, необходимымъ, чтобы составъ главнаго управленія по дѣламъ печати гарантировалъ неослабное преслѣдованіе проступковъ, или же былъ въ состояніи опровергать въ офиціальныхъ вѣдомостяхъ могущія появляться нападки на правительство. Таковыя средства къ опроверженію и исправленію, по мнѣнію барона, крайне необходимы для избѣжанія болѣе опасныхъ послѣдствій; но такъ какъ лицъ, имѣющихъ подобныя качества и желающихъ принять на себя помянутыя обязанности, въ Финлян-

діи весьма трудно найти и, быть можетъ, въ короткое время вовсе нельзя отыскать, то баронъ Шернваль-Валленъ полагалъ изданіе новаго закона отложить до тѣхъ поръ, пока состоятся переговоры съ способными лицами. Министръ статсъ-секретарь графъ Армфельтъ выразилъ мнѣніе, согласное съ мнѣніемъ барона Шернваль-Валлена.

Сенаторъ Брунéръ отозвался такъ: «когда предложеніе земскимъ чинамъ Финляндіи касательно изданія новаго постановленія о печати въ семъ краѣ было поддержено комитетомъ, то имѣлось въ виду, что и въ Россіи подобный законъ, въ то время также приготовлявшійся, долженъ быть и изданъ, и обнародованъ, если не прежде, то по крайней мѣрѣ одновременно съ предположеннымъ для Финляндіи постановленіемъ. Между тѣмъ вопросъ о печати въ имперіи еще не рѣшенъ, и такъ какъ, по мнѣнію сенатора, въ числѣ вопросовъ, касающихся взаимнаго положенія Россіи и Финляндіи, нѣтъ ни одного предмета болѣе щекотливаго свойства и легче могущаго подать поводъ къ самымъ непредвидимымъ запутанностямъ, чѣмъ вопросъ о печати и все имѣющее съ нею связь, то онъ (сенаторъ Брунéръ) считаетъ своею вѣрноподданническою обязанностью повергнуть на Высочайшее благоусмотрѣніе, не соизволитъ ли Его Императорское Величество отложить дѣло о печати въ Финляндіи до того времени, когда послѣдуетъ Высочайшее повелѣніе или о сохраненіи предупредительной цензуры въ имперіи, или о введеніи тамъ свободы печати. Въ случаѣ изданія въ Россіи постановленія о печати, не встрѣчается, по мнѣнію сенатора Брунéра, препятствія къ дарованію подобнаго преимущества и Финляндіи, но если въ Россіи будетъ сохранена цензура, то въ Финляндіи какъ странѣ, находящейся въ зависимости отъ имперіи, едва ли можетъ быть введено нынѣ предположенное постановленіе».

Воззрѣніе Брунéра удостоились особаго Высочайшаго вниманія и Государь повелѣлъ: «Исполнить по мнѣнію сенатора Брунéра». (Въ С.-Петербургѣ. 26 марта—7 апр.—1865 г.) [373]).

Иначе говоря, дѣло было отложено, но, какъ оказалось, не на долго.

Послѣ этого предварительнаго совѣщанія, дѣло вновь доложено было въ засѣданіи комитета финляндскихъ дѣлъ 20 апрѣля 1865 года [374]). Въ отзывѣ (отъ 30 января—11 февраля 1865 года) баронъ Рокасовскій выступилъ защитникомъ сейма, въ виду того, что ему былъ переданъ «полный проектъ постановленія, и земскіе чины на оный согласились, то всякое измѣненіе или до-

полненіе проекта постановленія, которыя не основывались на всеподданнѣйшихъ предположеніяхъ земскихъ чиновъ, было бы по мнѣнію Рокасовскаго неудобнымъ».

На протоколѣ Государь надписалъ: «Быть по сему». (Въ Царскомъ Селѣ, 1—13 іюня 1865 г.) и такимъ образомъ состоялось утвержденіе постановленія о свободѣ печати.

Въ началѣ этого закона говорится, что земскіе чины «всеподданнѣйше изъявили согласіе на принятіе сего постановленія», а затѣмъ отъ лица Монарха оговорено: «Мы симъ постановляемъ нижеслѣдующія правила о печати и предоставляемъ Себѣ, буде обстоятельства того потребуютъ, по истеченіи срока, на которое это постановленіе имѣетъ служить къ руководству, снова вступить въ полное пользованіе принадлежащимъ Намъ правомъ рѣшать все, касающееся печати и надзора за нею, единою Нашею властью». Въ концѣ постановленія указано, что оно вступаетъ въ дѣйствіе 1 января 1866 года и «сохраняетъ силу до конца слѣдующаго собранія сейма» [375]).

Рядомъ съ проектами о цензурѣ проявлялась забота объ упорядоченіи печати иными способами. Въ частной перепискѣ съ Рокасовскимъ, вскорѣ послѣ назначенія его генералъ-губернаторомъ, Шернваль сожалѣлъ, что въ краѣ не имѣлось хорошаго офиціальнаго органа, для поддержанія благомыслящихъ; остальныя же изданія захватила «смѣлая и безсовѣстная клика». Печать, по словамъ Шернваля, продолжала мутить общество, которому онъ совѣтовалъ завести хорошій органъ печати въ противовѣсъ шумящимъ. Мы видѣли,—добавляетъ онъ,—пользу возраженій Грипенберга, Фуругельма и Лангеншельда въ общественныхъ листкахъ [376]). Желательно,—продолжалъ Шернваль (31 января—12 февраля 1862 г.),—чтобы печать хорошо вліяла на умы, и чтобы она держалась тона болѣе сдержаннаго и деликатнаго въ вопросахъ, касающихся финскаго языка и замѣны имени города Вазы. Не слѣдуетъ давать печати дурныхъ привычекъ въ дѣлѣ вліянія на экзальтированные умы. Въ заключеніи Шернваль сообщилъ, что Головнинъ (министръ народнаго просвѣщенія) обдумывалъ способы воспрещенія финляндскихъ журналовъ въ Петербургѣ. «Странное время переживаемъ мы, сѣтовалъ въ своемъ письмѣ графъ Армфельтъ. Это ежеминутно подтверждаютъ наши газеты, выражая безъ стѣсненія свои симпатіи и антипатіи. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ газеты, которая могла-бы быть правительственнымъ органомъ и выставлять вещи въ настоящемъ ихъ свѣтѣ... Журналисты-же обыкновенно искажаютъ факты» [377]).

Такимъ образомъ, предоставляя одной рукой свободу печати, правительство другой писало проекты, дававшія возможность держать ее въ извѣстной колеѣ. Имѣя въ виду, что законъ объ отмѣнѣ цензуры можетъ быть принятъ Государемъ, графъ А. Армфельтъ высказалъ мысль о желательности учрежденія правительствомъ своей газеты, помимо офиціальной, или преобразованія ея, но такъ, чтобы газета находилась подъ надзоромъ и руководствомъ кого-либо изъ правительственныхъ или другихъ высшихъ въ краѣ лицъ, имѣющихъ связь съ правительствомъ, чтобы газета была разнообразна по содержанію и пр. «Мысль эту одобряю»—надписалъ Государь (8—20 февраля) 1864 года.

Исходя изъ указанной мысли, правительство озабочено было пріисканіемъ писателей, которые-бы приняли на себя обязанность опровергать въ офиціальныхъ вѣдомостяхъ могущія появляться нападки на правительство и превратныя истолкованія его распоряженій. Сенатъ съ своей стороны призналъ это обязанностью редактора офиціальныхъ вѣдомостей [378]).

Тѣмъ не менѣе въ октябрѣ 1864 года Рокасовскій возбудилъ вопросъ объ ассигнованіи 4.000 р. для содержанія офиціальнаго публициста, который-бы опровергалъ ложныя извѣстія. Изъ предосторожности газетамъ воспрещено было печатать тогда «статьи касательно политическихъ отношеній Финляндіи къ имперіи, предосудительныя сужденія авторовъ о правахъ верховной власти по сеймовымъ дѣламъ, или же оскорбительные отзывы о войскахъ, въ здѣшнемъ краѣ расположенныхъ» [379]).

Существовавшая ранѣе Финляндская офиціальная газета на шведскомъ языкѣ состояла первоначально, по редакціи и по цензурѣ, въ зависимости отъ канцеляріи генералъ-губернатора. Финляндская-же офиціальная газета на финскомъ языкѣ издавалась подъ наблюденіемъ финляндскаго сената, въ томъ соображеніи, что офиціальные акты и документы, изъ которыхъ газета должна была почерпать свои свѣдѣнія, находились въ архивѣ сената. Съ 1863 года все офиціальное издательство сосредоточено было при экспедиціи сената.

Въ Россіи въ это время (1863 г.) цензура перешла изъ министерства народнаго просвѣщенія въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ апрѣлѣ 1865 года появились временныя правила о цензурѣ и печати. Они не представляли собою полнаго цензурнаго устава, а преобразованіе главнаго управленія по дѣламъ печати и установленіе института карательной цензуры рядомъ съ

цензурой предварительной. Спельману предложили высказаться относительно новаго законопроекта. «Разсуждая принципіально,— писалъ онъ,—необходимо придти къ заключенію, что свободная печать едва ли допустима въ неограниченной монархіи. Ибо всякая критика общественныхъ порядковъ при такой системѣ, повидимому, въ концѣ концовъ обращается на главу государства, что не можетъ быть допущено». Но если желательно сдѣлать опытъ, то благоразумнѣе не останавливаться на полъ-дорогѣ, оставляя въ силѣ предварительную цензуру... Съ особенной силой Снельманъ обрушился на систему «предостереженій», находя ее особенно тягостной, въ виду того, что по усмотрѣнію министра могутъ быть уничтожены значительные матеріальные интересы частныхъ лицъ и ихъ семействъ. Спельманъ вообще совѣтовалъ поставить печать въ независимое положеніе отъ министерствъ [380]).

«По штату къ 1 января 1865 года состояли: управленіе инспектора финскихъ войскъ, л.-гв. финскій стрѣлковый батальонъ и 9 поселенныхъ батальоновъ; всего 149 офицеровъ, 4.842 нижнихъ чина.

Войска эти руководствовались по части инспекторской и строевой, существовавшими для войскъ имперіи законами и положеніями и подчинялись въ служебномъ отношеніи командующему войсками, въ Финляндіи расположенными, и черезъ него центральному военному управленію, съ военнымъ министромъ во главѣ; для дѣлопроизводства по ихъ управленію при штабѣ командующаго войсками Финляндіи состояло особое отдѣленіе для финскихъ войскъ. По хозяйственной части финскія войска подчинялись сенату (въ силу постановленія отъ 25 января 1858 года). Дѣла военно-законодательнаго характера разработывались сенатомъ, а затѣмъ восходили большею частью, помимо военнаго министра, на Высочайшее утвержденіе черезъ статсъ-секретаря Великаго Княжества Финляндскаго.

Инспекторскіе смотры производились согласно Королевской инструкціи (отъ 24 мая) 1794 года, Военнаго Артикула 1798 года и Высочайшаго постановленія (23 іюля) 1868 года.

Дѣлопроизводство и отчетность финскихъ войскъ по части инспекторской и строевой велись на русскомъ языкѣ, а по части хозяйственной и судной—на шведскомъ языкѣ, за исключеніемъ лишь того случая, когда войска съ представленіями, по части хо-

зяйственной, должны были входить къ военному начальству, тогда переписка производится также на русскомъ языкѣ.

Государь не отступалъ отъ принятой ранѣе системы и своими резолюціями старался внести единство въ войска имперіи. Онъ и мысли не допускалъ объ обособленіи финскихъ баталіоновъ. Его вниманіе исправляло нерадѣніе его командующаго войсками графа Адлерберга и парализовало стремленія финляндцевъ. Въ октябрѣ 1867 года Государь выразилъ Свою волю: «чтобы и въ Финляндіи, по примѣру имперіи, офицерскіе военные чины въ корпусѣ инженеровъ путей сообщеній были замѣнены гражданскими». Финляндское милиціонное вѣдомство желало освободиться отъ обязанности отводить огороды русскимъ войскамъ. Государь надписалъ: (3—15 ноября 1867 г.): «Объясниться по этому съ военнымъ министромъ». Даже на бивакѣ въ Раденицѣ (3—15 сентября 1877 г.), когда Государю подали докладъ о возведеніи близъ Тавастгуса пороховыхъ погребовъ для русскихъ войскъ, онъ пожелалъ предварительно узнать: «Было ли объ этомъ сдѣлано сношеніе съ военнымъ министромъ»? [381]).

Недочетовъ въ финскихъ войскахъ того времени было много, и только въ сентябрѣ 1863 года инспекторъ финскихъ войскъ поднялъ вопросъ объ ихъ преобразованіи. Для этой цѣли составили особую комиссію [382]). Тѣ стороны, которыя въ прежнее время ставились въ заслугу поселенному солдату—его близкая связь съ землею и народомъ, высокая нравственность, по сравненію съ вербованнымъ солдатомъ—признаны были теперь недостаточными для восполненія его небоевыхъ качествъ. Законтрактованный землевладѣльцами поселенный солдатъ оставался въ войскахъ до преклоннаго возраста; поселенные баталіоны не обладали достаточной военной подготовкой и подвижностью вслѣдствіе того, что привлекались въ учебные сборы на непродолжительное время. Личный составъ поселенныхъ войскъ медленно освѣжался и страдалъ отсутствіемъ запаса; наконецъ, солдаты въ большинствѣ случаевъ, будучи людьми семейными, обзаводились своимъ крестьянскимъ хозяйствомъ. Все это дѣлало поселенныя войска несоотвѣтствующими требованіямъ войны. Современная армія нуждалась въ иныхъ качествахъ. Военный министръ Милютинъ, видя недостатки поселенной системы, предпочелъ видѣть въ Финляндіи баталіоны укомплектованными вербованными солдатами. Но повсемѣстный неурожай и голодъ, постигшіе окраину въ 1867 году, вызвали упраздненіе «впредь до времени» наличныхъ финскихъ войскъ, «въ видахъ достиженія требуемаго обстоятельствами сбереженія въ рос-

писи ординарныхъ расходовъ края». Девять поселенныхъ баталіоновъ были распущены. Мѣру эту съ политической точки зрѣнія многіе финляндцы считали нежелательной. Въ Финляндіи осталось только л.-гв. финскій стрѣлковый баталіонъ и финскій морской кадровый экипажъ, составленные изъ вербованныхъ солдатъ [383]).

Въ финскомъ кадровомъ экипажѣ состояло только 116 человѣкъ и 2 офицера. На него расходовали около 85.000 марокъ. Морской службы проходить они не могли. Вербовались на три года. Судовъ для плаванія не имѣли [384]). Л.-гв. финскій стрѣлковый баталіонъ входилъ въ составъ русской гвардейской стрѣлковой бригады [385]). И этимъ, вѣроятно, объясняется отчасти намѣреніе Государя послать его (въ 1862 г.) на Кавказъ, хотя таковое назначеніе не состоялось. «Его Величество сказалъ,—значится въ письмѣ графа Армфельта (отъ 8—20 апрѣля 1862 г. и 3 мая—21 апрѣля)—что по всей вѣроятности въ настоящее время стрѣлки гвардейскіе не будутъ посланы на Кавказъ».

Говоря о морскихъ силахъ Великаго Княжества, необходимо напомнить слѣдующую совершенно забытую страницу изъ ея исторіи. Для усиленія обороны Финляндіи на случай войны, признано было (въ февралѣ 1864 г.) необходимымъ учредить флотиліи на внутреннихъ ея озерахъ: Тавастгусѣ, Несіярви, Пэйяне и Саймѣ, для чего потребовался заказъ нѣсколькихъ желѣзныхъ пароходовъ и баржъ. Для покрытія расходовъ по сему предмету, было испрошено 145 тыс. руб. сер. изъ государственнаго казначейства. Для означенной флотиліи на финляндскихъ верфяхъ заказано было 4 парохода и 6 баржъ) [386]). Весь расходъ на предметы плаванія, а также вербовку экипажа надлежало отнести на статныя суммы Финляндіи, обязанной содѣйствовать оборонѣ страны, но управляющій морскимъ министерствомъ (отъ 21 января за № 898) сообщилъ генералу Рокасовскому, что «Государь Императоръ, желая оказать новую особую Монаршую милость Финляндіи, въ виду голода и другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, бывшихъ послѣдніе годы въ Финляндіи, Высочайше повелѣть соизволилъ», независимо суммы въ 145 тыс. руб. сер., ассигнованной изъ государственнаго казначейства на учрежденіе озерныхъ флотилій, назначить также соотвѣтственный экипажъ изъ имперіи. Кромѣ того, Его Величеству благоугодно было въ тѣхъ же видахъ, повелѣть «отнести на суммы морскаго министерства: 1) все береговое содержаніе командируемыхъ на озерныя флотиліи чиновъ и 2) все морское довольствіе ихъ за время навигаціи» [387]).

Такова была внѣшняя исторія финскихъ войскъ передъ введеніемъ всеобщей воинской повинности. Численность всѣхъ финскихъ войскъ, выставленныхъ во время кампаніи 1854—1855 годовъ доходила до 10.711 чел. Постепенно они были уменьшены до 3.620 чел., а послѣ упраздненія поселенныхъ баталіоновъ численность финскихъ войскъ въ теченіе 10 лѣтъ равнялась лишь 700 чел. [388]).

Начиная съ 1859 года въ Финляндіи обнаруживается движеніе, имѣвшее цѣлью создать изъ своихъ войскъ національную защиту, предназначенную исключительно для нуждъ Финляндіи. Въ газетѣ «Suometar» высказано было желаніе, чтобъ солдаты финскаго поселеннаго войска назывались бы финскими именами. Редакція «Åbo Underrättelser» добавила, чтобъ въ этихъ войскахъ команда произносилась на понятномъ имъ финскомъ языкѣ. «Войска выставляются для защиты Финляндіи», а потому и естественно и удобно, чтобъ къ нимъ обращались на ихъ родномъ языкѣ во время ученій». При этомъ редакція напомнила, что финскія поселенныя войска никогда не могутъ быть выводимы за предѣлы Финляндіи, безъ нарушенія мѣстныхъ постановленій. Такимъ образомъ, тѣ мысли и планы, которые были осуществлены уставомъ о воинской повинности 1878 года, ведутъ свое начало съ 1859 года [389]).

Въ 1863 году, когда газета «Helsingfors Dagblad» требовала установленія для Финляндіи своего флага и нейтральнаго положенія; вопросъ объ отдѣленіи финскаго военнаго вѣдомства отъ русскаго и о преобразованіи финскихъ войскъ также былъ поставленъ на очередь. Другая очень либеральная газета «Åbo Underrättelser» въ статьѣ «Нѣчто о финскомъ войскѣ» развивала воззрѣнія, которыя въ то время болѣе и болѣе раздѣлялись въ краѣ, въ связи съ тѣмъ, что финляндцы стали чувствовать подъ собою конституціонную почву. Ранѣе,—поясняла газета,—относились совершенно равнодушно къ существовавшему войску, главнымъ образомъ потому, что трудно было опредѣлить, считать-ли его дѣйствительно финскимъ, или нѣтъ, такъ какъ оно подчинялось русскому военному министру, команда производилась на чужомъ языкѣ и его даже выводили за предѣлы края, причемъ финскіе офицеры могли быть переводимы въ русскую армію. Преобразованіе войска связывалось съ вопросомъ о нейтралитетѣ Финляндіи. «Если-бъ было установлено,—продолжалъ финляндскій авторъ, что Финляндія противъ ея воли не будетъ вовлечена въ войну, которая ведется въ чужихъ интересахъ, а не въ ея собственныхъ,

*

если-бъ она была увѣрена, что ея войска не будутъ употреблены въ чужихъ странахъ, и если-бъ, наконецъ, не было сомнѣнія въ томъ, что миссія финской арміи заключается лишь въ защитѣ нейтральной области Финляндіи, тогда симпатіи къ войскамъ были-бы совершенно иныя, чѣмъ теперь, и край навѣрно готовъ былъ бы на большія жертвы для его содержанія». Не трудно поставить это войско на національную ногу. Единственнымъ способомъ выставить значительную армію для защиты Финляндіи,—по мнѣнію мѣстнаго автора,—представляется введеніе общей воинской повинности и организація добровольческихъ частей (frivilliga kårer), подобныхъ тѣмъ, какія имѣются въ Англіи и Швеціи. Въ заключеніи авторъ надѣялся, что сеймъ обсудитъ этотъ вопросъ и поставитъ его на правильный путь [390]).

«Искреннѣйшимъ желаніемъ всего населенія, писалъ Снельманъ въ началѣ 1864 года въ обзорѣ финансовъ Финляндіи, предназначавшейся для Наслѣдника Цесаревича,—является устраненіе, путемъ сформированія собственныхъ войскъ, необходимости пользоваться въ краѣ войсками русскими» [391]).

На сеймѣ 1863 года подымался вопросъ о войскахъ, но петиціонеры имѣли въ виду иныя цѣли. Крейцъ заявилъ о необходимости всѣмъ классамъ общества участвовать въ оборонѣ государства и тѣмъ облегчить военную повинность, падавшую исключительно на однихъ землевладѣльцевъ. Депутатъ Л. М. Біеркенгеймъ предложилъ дворянству представить общую петицію объ освобожденіи землевладѣльцевъ, поставляющихъ солдатъ въ поселенныя войска, отъ обязанности снабжать этихъ солдатъ землею и торпой, а предоставить имъ самимъ, т. е. землевладѣльцу и поселенцу-солдату, улаживать дѣло по взаимному соглашенію и добровольной сдѣлкой, какъ это дѣлалось въ Швеціи [392]).

Въ прошломъ финскихъ войскъ замѣтная страница принадлежитъ Фридрихсгамскому кадетскому корпусу.

По восшествіи на престолъ, Государь Императоръ Александръ II оставилъ за собой еще нѣкоторое время личное руководство по высшему управленію военно-учебныхъ заведеній, причемъ правой его рукой являлся генералъ-адъютантъ Я. И. Ростовцевъ. Прощаніе Его Величества въ Петербургѣ съ представителями сего вѣдомства и учащимися было чрезвычайно трогательно. Со слезами Государь прочелъ вслухъ Свой приказъ и сказалъ: «Любите, дѣти, и радуйте Вашего Государя, какъ вы прежде любили и радовали вашего начальника»... «Я бы желалъ перецѣловать всѣхъ», прибавилъ Монархъ,—цѣлуя ближайшихъ кадетъ.

Директора, генералъ-лейтенанта барона Мунка, назначеннаго вице-канцлеромъ гельсингфорсскаго университета, замѣнили послѣдовательно генералъ-майоръ О. Г. фонъ-Бломъ (1855—1858 г.), генералъ-лейтенантъ К. А. Мартинау (1858—1862 г.) и генералъ-майоръ Э. Ѳ. авъ-Форселлесъ (1862—1871 г.). Въ 1860 году главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній назначенъ былъ великій князь Михаилъ Николаевичъ, который вскорѣ (въ 1862 г.) произвелъ въ вѣдомствѣ весьма существенныя преобразованія.

Въ 1862 году Фридрихсгамскій кадетскій корпусъ отпраздновалъ 50-лѣтіе своего существованія. Прибывшій изъ Петербурга Великій Князь Михаилъ Николаевичъ привѣтствовалъ присутствующихъ съ праздникомъ и передалъ благодарность Государя Императора всѣмъ служащимъ и бывшимъ воспитанникамъ корпуса, за ихъ вѣрную и полезную службу. Послѣ обычнаго парада, весь корпусъ отправился въ церковь шведскаго прихода, гдѣ происходила служба, при которой присутствовалъ и его высочество. Затѣмъ въ зданіи корпуса статскій совѣтникъ Михелинъ прочелъ на русскомъ языкѣ исторію 50-ти-лѣтняго существованія этого заведенія, изъ которой видно, что въ теченіи полустолѣтія въ финляндскомъ корпусѣ воспитывалось 882 кадета. На торжественномъ обѣдѣ, послѣ офиціальныхъ тостовъ, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ поднялъ бокалъ за процвѣтаніе корпуса, «этого образцоваго во всѣхъ отношеніяхъ заведенія», и пожелалъ, чтобы былъ «исполненъ финляндскій народный гимнъ» [393]).

При разсмотрѣніи росписи доходовъ и расходовъ на 1862 годъ, сенатъ заявилъ, что кадетскій корпусъ тяжело обременяетъ бюджетъ, не соотвѣтствуя ни доходамъ края, ни его потребностямъ. Подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора была учреждена коммиссія, которая произвела измѣненія какъ въ табеляхъ, такъ и въ положеніи о корпусѣ. При слѣдующемъ главномъ начальникѣ военно-учебныхъ заведеній генералъ-адъютантѣ Н. В. Исаковѣ (въ 1865 г.) было исходатайствовано Высочайшее соизволеніе на содержаніе,—изъ 120 положенныхъ по штату кадетъ,—40 воспитанниковъ на счетъ русской казны, причемъ имѣлось въ виду «сохранить за Фридрихсгамскимъ кадетскимъ корпусомъ то положеніе, при которомъ это заведеніе служило полезною и прочною связью между Россіей и Княжествомъ». Тогда-же корпусъ получилъ право выпускать достойнѣйшихъ въ гвардію [394]).

Была и другая причина недовольства корпусомъ. Онъ готовилъ офицеровъ для арміи имперіи. Въ виду малаго состава собственныхъ войскъ Финляндіи, часть фридрихсгамцевъ вынуждена

была опредѣляться на службу въ Россіи, гдѣ они, какъ прекрасные службисты, доходили до высшихъ чиновъ и затѣмъ выражали желаніе вернуться на родину, куда они часто назначались губернаторами и сенаторами, принося съ собой нѣкоторыя русскія воззрѣнія и привычки. Это не нравилось мѣстнымъ политикамъ, которые изливали свое недовольство въ печати, возбуждая общественное мнѣніе противъ подобныхъ назначеній.

Манифестомъ 17—29 декабря 1809 года установлено было, что россійская серебряная монета признается коренною монетою Финляндіи, хотя населеніе довольно долго еще, въ силу необходимости, вносило казенныя подати шведскими деньгами.

Въ 1839 году произведенная въ имперіи девальвація, распространилась и на Финляндію. Съ 1 января 1843 года шведскіе риксдалеры, ходившіе въ краѣ, были изъяты изъ обращенія.

Послѣ Восточной войны 1854—1855 годовъ финансы имперіи находились въ состояніи полнаго разстройства. Неудачная война опустошила казну. За время съ 1853 года по 1856 годъ дефицитъ возросъ до 800.000.000 р. Кредита на иностранныхъ рынкахъ не было, почему пришлось прибѣгнуть къ усиленному выпуску кредитныхъ билетовъ, коихъ въ 1857 году находилось въ обращеніи почти на 690.000.000 р. Высшій комитетъ о финансахъ, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича, предложилъ устранить этотъ дефицитъ путемъ уменьшенія издержекъ. Затѣмъ начался длинный рядъ реформъ и нововведеній по финансамъ и народному хозяйству, для поднятія экономическаго состоянія имперіи. Преобразована была государственная отчетность, введено единство кассы, пересмотрѣны системы податей и налоговъ и т. д.

Хотя экономическая судьба Финляндіи была связана съ народнымъ хозяйствомъ Россіи, но не настолько, чтобы каждое колебаніе въ послѣдней неизбѣжно отражалось на этой окраинѣ. Она имѣла свои источники доходовъ: лѣсныя богатства, таможенныя поступленія и пр. Только война 1854—1855 годовъ тяжело коснулась ея благосостоянія, ухудшивъ финансы казны на 3.500.000 р.

Какъ только въ Россіи установился принудительный курсъ на кредитные билеты, мѣстный сенатъ выразилъ опасеніе, чтобы населеніе не пострадало отъ него. Пользуясь отъ Россіи всякими благодѣяніями, Финляндія пожелала оградить себя отъ могущей

пасть на нее кредитной тягости. Съ этого времени началась усиленная совмѣстная дѣятельность сената и статсъ-секретаріата по обособленію Финляндіи отъ имперіи въ финансовыхъ дѣлахъ.

Въ январѣ 1857 года финляндскій сенатъ представилъ на утвержденіе роспись доходовъ и расходовъ, на которой Государь надписалъ: «Весьма удовлетворительно. Сообщить къ свѣдѣнію министра финансовъ».

Въ томъ же 1857 году сенатъ ходатайствовалъ о Высочайшемъ разрѣшеніи не принимать впредь при сборѣ казенныхъ податей русскихъ кредитныхъ билетовъ, а обмѣнивать ихъ, начиная съ 1 января 1858 года, на мѣстные депозитные билеты, выпускавшіеся финляндскимъ банкомъ [395]). Генералъ - губернаторъ Бергъ, находившійся въ то время подъ вліяніемъ Лангеншельда, или какъ выразился современникъ: «Бергъ, опутанный ласкательствами и довѣріемъ къ Лангеншельду», раздѣлилъ мнѣніе сената и частнымъ письмомъ старался повліять на графа А. Армфельта, находя проектируемую мѣру мудрой и справедливой (la mesure projetée est sage et juste). Дѣло, по Высочайшему повелѣнію, было передано въ комитетъ финляндскихъ дѣлъ, который высказался противъ домогательствъ сената.

Неудача не сокрушила мѣстныхъ дѣятелей. Прошло два года, и сенатъ, вновь поддержанный генералъ-губернаторомъ, просилъ Государя установить хожденіе русскихъ ассигнацій въ Финляндіи по курсу, а не по нарицательной цѣнѣ. Сенатъ сослался при этомъ на прошенія, поступившихъ отъ гельсингфорсскихъ и бьернеборгскихъ купцовъ и разныхъ обывателей края. Есть основаніе предполагать, что подача подобныхъ прошеній была внушена мѣстными администраторами.

Въ представленіи сената о мѣрахъ къ отвращенію затруднительнаго финансоваго положенія Финляндіи, между прочимъ, говорилось, что существовавшая въ краѣ, «денежная система, въ теченіи продолжительнаго времени, имѣла самое благодѣтельное вліяніе на промышленность и общее благосостояніе края, не смотря на то, что принятая ею, для столь бѣдной страны, какъ Финляндія, слишкомъ высокая монетная единица, рубль серебромъ, можетъ быть произвелъ въ краѣ нѣкоторую дороговизну». Графъ Бергъ, съ своей стороны, находилъ это ходатайство основаннымъ на самой неизбѣжной необходимости и полагалъ справедливымъ не считать пріемъ россійскихъ кредитныхъ билетовъ обязательнымъ въ Финляндіи, «такъ какъ и пріемъ билетовъ финляндскаго банка не обязателенъ въ имперіи» [396]).

Вопросъ опять поступилъ на разсмотрѣніе комитета финляндскихъ дѣлъ [397]). Но Государь этимъ не ограничился и надписалъ: «для рѣшенія сего дѣла буду ожидать соображеній министра финансовъ имперіи, согласно изустныхъ объясненій при послѣднемъ докладѣ» (24 марта—5 апрѣля 1859 г.).

Большинство членовъ комитета, съ разными оговорками, высказались за одобреніе мѣры, предложенной сенатомъ. Одинъ только генералъ-лейтенантъ баронъ Рокасовскій взглянулъ на дѣло съ точки зрѣнія интересовъ Россіи. Онъ выразилъ сомнѣніе въ пользѣ для самой Финляндіи мѣропріятія, вызваннаго временными обстоятельствами и полагалъ, что оно поведетъ къ пониженію русскаго заграничнаго курса. Согласіе же правительства на принятіе въ провинціи, подвластной имперіи, кредитныхъ билетовъ по цѣнѣ ниже нарицательной, было бы, по мнѣнію Рокасовскаго, собственнымъ сознаніемъ своей несостоятельности, по исполненію принятыхъ на себя обязательствъ, а въ политическомъ отношеніи подобная мѣра стала бы, «вмѣсто вящшаго сближенія съ Финляндіей—болѣе и болѣе отдѣлять ее отъ Россіи». Баронъ Рокасовскій не оставилъ также безъ отвѣта искусственный доводъ генералъ-губернатора Берга [398]).

Чтобы повліять на правительственныя сферы, графъ Армфельтъ не замедлилъ указать на волненіе среди жителей Финляндіи. Причиной волненія явилось якобы то обстоятельство, что публикѣ случайно сдѣлалось извѣстнымъ ходатайство сената. Баронъ Рокасовскій (тогда членъ комитета финляндскихъ дѣлъ) со «всею откровенностью» указалъ, что поспѣшность сената въ оглашеніи своего щекотливаго представленія «поставило правительство въ необходимостѣ или изъявить согласіе на это ходатайство къ упадку русскихъ кредитныхъ билетовъ, или же, отказавъ въ просимомъ, произвести почти общее въ Финляндіи неудовольствіе, въ нѣкоторой степени поколебать довѣріе къ распоряженіямъ, исходящимъ отъ Высшей Власти». Противъ этихъ словъ въ журналѣ комитета рукою Императора Александра II написано: «Весьма справедливое замѣчаніе» [399]). Изложенное мнѣніе генерала Рокасовскаго въ полномъ объемѣ удостоилось Высочайшаго утвержденія.

Министръ финансовъ Брокъ, отстаивая интересы русскихъ, находилъ ходатайство финляндцевъ несогласнымъ съ достоинствомъ имперіи.

А такъ какъ волненіе умовъ среди жителей и опасеніе за «жизненный для Финляндіи вопросъ» оказались болѣе грозными

Joh. Vilh. Snellman

I. В. Снельманъ.

Лангеншёльдъ.

на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности, то оставленіе безъ послѣдствій попытки сената войти по финансовому вопросу на самостоятельный путь, были приняты въ Гельсингфорсѣ весьма заурядно.

Отклонивъ ходатайство сената, Государь повелѣлъ русскому казначейству принимать финляндскіе депозитные билеты и войти въ сношеніе съ министромъ финансовъ о способахъ улучшенія денежнаго положенія Финляндіи.

Сообщая объ этомъ генералъ-губернатору, министръ статсъ-секретарь писалъ (27 января 1860 г.), что вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше разрѣшено финляндскому банку получать «изъ выпускаемой въ имперіи новой серебряной размѣнной монеты» 50.000 р., въ обмѣнъ на Россійскіе государственные билеты, а финляндскому сенату представить о другихъ мѣрахъ для устраненія недостатка въ размѣнной монетѣ» и если предоставленіе финляндскому банку права чеканить для Финляндіи особую размѣнную мѣдную монету можетъ содѣйствовать достиженію цѣли, то чтобы сенатъ и о семъ представилъ проектъ».

«Въ связи съ симъ Его Величество, обративъ вниманіе на указываемое сенатомъ во всеподданнѣйшемъ представленіи неблагопріятное для столь небольшой страны, какъ Финляндія, вліянія нынѣ существующей слишкомъ большой монетной единицы, Высочайше соизволилъ поручить сенату также, не будетъ-ли, согласно съ денежными и другими обстоятельствами края, ввести въ Великомъ Княжествѣ какъ въ счетахъ казны, такъ и между частными лицами меньшую, но въ опредѣленномъ и неизмѣнномъ отношеніи къ русскому серебряному рублю находящуюся монетную единицу, и въ такомъ случаѣ и по сему предмету войти со всеподданнѣйшимъ представленіемъ и проектомъ» [400]).

Такой неожиданный результатъ явился, очевидно, послѣдствіемъ особыхъ стараній и ловкости графа А. Армфельта, такъ какъ изъ Высочайше утвержденнаго Государемъ Императоромъ мнѣнія Рокасовскаго изложенныя положенія не только не вытекали, но скорѣе стояли къ нимъ въ полномъ противорѣчіи. О чеканкѣ мѣдной монеты и о новой монетной единицѣ въ мнѣніи Рокасовскаго не было сказано ни единаго слова. Кромѣ того, столь важные вопросы поставлены на очередь безъ малѣйшей предварительной разработки и безъ сношенія съ министромъ финансовъ. Въ отношеніи графа А. Армфельта эти вопросы ставятся, какъ уже рѣшенные въ принципѣ. Проектъ этого оповѣ-

щенія на имя генералъ-губернатора не былъ представленъ на Высочайшее усмотрѣніе осторожнымъ въ иныхъ случаяхъ графомъ Армфельтомъ, который по менѣе важнымъ дѣламъ имѣлъ обыкновеніе обращаться къ Государю съ проектами своихъ бумагъ и вызывать особое вниманіе Монарха.

Всеподданнѣйшій рапортъ графа Берга за 1860 годъ не вноситъ новаго освѣщенія въ дѣло. Изъ рапорта можно только узнать, что возраставшій недостатокъ мелкой серебряной и мѣдной монеты, а также увеличивавшаяся дороговизна жизни побудили генералъ-губернатора, «по Его Императорскаго Величества повелѣнію», сдѣлать пробу въ этой части имперіи введенія монетной единицы, стоимостью менѣе рубля. Въ дальнѣйшемъ поясненіи графа Берга излагается очень ничтожный мотивъ, а именно указывается, что «эта мѣра дастъ администраціи возможность пріостановить недочетъ, получившійся вслѣдствіе необходимости, допущенной директорами промышленныхъ заведеній, разсчитывать рабочихъ на фабрикахъ контрамарками (les petits billets)». Такой безпорядокъ и «недочетъ» исчезнутъ съ появленіемъ мелкой монеты [401]).

Сенатъ не замедлилъ представленіемъ проектовъ [402]). Уменьшая монетную единицу, онъ остановился на одной четверти рубля, подраздѣленной на сто частей, и для того, чтобы эта «собственно финляндская монета» скорѣе вошла въ употребленіе среди населенія края, ей дали древнее наименованіе монеты, имѣвшееся въ финскомъ языкѣ «maarka»—марка (mark). Что же касалось чеканки размѣнной мѣдной монеты, то разрѣшеніе испрашивалось впередъ, на то время, когда позволятъ обстоятельства, пока-же выражено было желаніе имѣть право выпускать бумажныя деньги, соотвѣтствующія 1 и 5 маркамъ.

Къ исполненію этихъ мѣръ министръ финансовъ А. М. Княжевичъ, къ удивленію, никакихъ препятствій не встрѣтилъ. Онъ не понялъ и не хотѣлъ видѣть, что главными двигающими пружинами явились причины политическаго характера. Указаніе на рубль, какъ на слишкомъ крупную монетную единицу, не имѣло особаго значенія потому, что при шведскомъ владычествѣ Финляндія пользовалась талеромъ, который былъ еще больше рубля, а за время русскаго владычества и при обращеніи рубля въ краѣ, какъ удостовѣрилъ нѣсколько ранѣе тотъ-же сенатъ, экономическое развитіе достигло «блестящихъ» результатовъ. Управленіе дряхлаго и слабохарактернаго Княжевича вообще оставило по себѣ тяжелые слѣды, хотя «вся Россія,—какъ утверждалъ

Кокоревъ,—была обрадована его назначенiемъ (6 марта 1858 г.). Къ финляндскимъ дѣламъ онъ не проявилъ никакого интереса, не смотря на то, что «въ немъ была та русская жилка, которой у Броковъ не бываетъ» [403]). Когда Рокасовскiй, по словамъ его жены, возвратясь изъ-заграницы и встрѣтивъ министра финансовъ, въ отчаянiи воскликнулъ «что вы сдѣлали?» (согласившись на утвержденiе сената), Княжевичъ спокойно отвѣтилъ: «Я калифъ на часъ».

Имѣя согласiе министра финансовъ, комитетъ по финляндскимъ дѣламъ не сталъ, конечно, препятствовать осуществленiю проектовъ сената, и они были утверждены (23 марта 1860 г.).

23 марта (4 апрѣля) 1860 года состоялся Высочайшiй манифестъ, которымъ устанавливалась для Финляндiи особая монетная единица—марка, соотвѣтствовавшая, по количеству серебра, четверти рубля, а финляндскому банку предоставлялось право чеканить размѣнную мѣдную монету [404]).

Одновременно съ вопросомъ о недостаточности размѣнной монеты и о наименованiи новыхъ денегъ марками и пенями, представлены были образцы ихъ рисунковъ, на которыхъ Государь подписалъ: «Передѣлать орлы по утвержденному для Финляндiи образцу (23 марта—4 апрѣля 1860 г.).

Во всемъ этомъ финляндцы не безъ основанiя усмотрѣли значительный успѣхъ, въ дѣлѣ «признанiя ихъ обособленности отъ Россiи» и побужденiе работать далѣе въ томъ же направленiи [405]). Мѣстный финансистъ нашихъ дней (Е. Шюбергсонъ) придаетъ особенно важное значенiе—съ монетно-политической точки зрѣнiя—какъ измѣненiю наименованiя, такъ и введенiю денежной единицы, разнящимся отъ наименованiя и величины, принятыхъ въ имперiи [406]). Значенiя подобныхъ реформъ не хотѣли уразумѣть только министры имперiи, поставленные на стражѣ русскихъ интересовъ.

Слѣдуетъ припомнить, что вопросъ о монетѣ былъ обсуждаемъ и установленъ на боргоскомъ сеймѣ, слѣдовательно, по воззрѣнiямъ финляндцевъ, онъ не долженъ былъ и теперь рѣшаться и измѣняться безъ сейма. Но такъ какъ дѣло шло о политическомъ обособленiи Финляндiи, то никто не протестовалъ.

Поводомъ для новаго шага въ монетной реформѣ послужила записка Лангеншельда. Прiѣхавъ въ Петербургъ и желая расположить въ пользу финляндцевъ высшiя правительственныя сферы, онъ обратился къ графу Армфельту съ запиской, въ которой пояснялъ, что необходимо возможно «скорѣе прiучить народъ

считать на новую монету. А для сего нужно, чтобы представители этой новой монеты какъ металлическіе, такъ и бумажные встрѣчались въ народномъ обращеніи преимущественно передъ другими (т. е. русскими) денежными знаками»[407].

Графъ Армфельтъ воспользовался запиской Лангеншельда весьма искусно. Онъ доложилъ ее Государю, вмѣстѣ съ журналомъ комитета по финляндскимъ дѣламъ о новой монетной единицѣ, и одновременно съ манифестомъ 23 марта состоялось Высочайшее повелѣніе сенату озаботиться принятіемъ мѣръ къ осуществленію сего манифеста. Сенатъ одновременно получилъ право представить проектъ монетнаго двора въ Гельсингфорсѣ, для чеканки также серебряной монеты. Ясно, что принимавшіяся мѣры шли далѣе самаго содержанія манифеста, въ которомъ ничего не говорилось о серебряной монетѣ.

Новое представленіе сената, проходя черезъ комитетъ финляндскихъ дѣлъ, встрѣтило только одно частное возраженіе со стороны Рокасовскаго, который настаивалъ на необходимости бóльшаго согласованія новыхъ денегъ съ деньгами имперіи. Въ этомъ случаѣ онъ исходилъ изъ общаго, усвоеннаго имъ, мнѣнія, что монетная система Финляндіи должна и на будущее время оставаться въ тѣсной связи съ системой имперіи. Чтобы не дать повода къ установленію разности въ денежныхъ системахъ, Рокасовскій возражалъ противъ желанія сената чеканить серебряную монету въ 5 марокъ (т. е. $1^1/_2$ руб.), такъ какъ въ Россіи не существовало соотвѣтствующаго ему типа. На томъ же основаніи Рокасовскій высказался противъ выпуска кредитныхъ билетовъ въ 10, 15 и 50 марокъ, предложивъ замѣнить ихъ билетами (12, 20, 40 и 100-марочнаго достоинства), соотвѣтствующими 3, 5, 10 и 25 рублямъ, обращавшимся въ Финляндіи. Къ этому генералъ Рокасовскій добавилъ, что съ введеніемъ нынѣ, въ видѣ опыта, монетной единицы въ $^1/_4$ руб. слѣдуетъ, кажется, устранить всякій поводъ думать о бóльшемъ отдѣленіи Финляндіи отъ Россіи въ финансовомъ отношеніи».

Не смотря на то, что министръ финансовъ подалъ свое мнѣніе за проектъ сената, Государь утвердилъ предложеніе генерала Рокасовскаго, надписавъ: «Исполнить по мнѣнію генерала Рокасовскаго» (19—31 мая 1860 г.). Впослѣдствіи мнѣніе генерала Рокасовскаго, принятое Государемъ, было тѣмъ не менѣе игнорировано и дальнѣйшая монетная реформа повела къ отдѣленію Финляндіи отъ Россіи[408].

Такимъ образомъ, изъ «нѣкоторыхъ» мѣръ къ осуществленію манифеста 23 марта создались новыя и совершенно самостоятель-

ныя узаконенія. Манифестъ допускалъ чеканку только мѣдной монеты и выпускъ кредитныхъ билетовъ исключительно въ одну и три марки. Мѣрами же къ осуществленію сего манифеста постановлено чеканить серебряную монету и выпускать билеты высшаго достоинства. Финляндцамъ протянули палецъ, а они захватили руку до локтя...

Разрѣшеніе перейти къ новой монетѣ имѣлось. Законы были распубликованы. Но прошло еще пять лѣтъ прежде, чѣмъ создалась возможность фактическаго ихъ осуществленія. Финляндія не располагала достаточнымъ количествомъ серебра, чтобы завести новую монету.

Тѣмъ временемъ сенатъ и статсъ-секретаріатъ хлопотали у Царя о признаніи металлической монеты единственнымъ законнымъ средствомъ всякихъ платежей въ Финляндіи. Этимъ новымъ шагомъ имѣлось въ виду окончательно вытѣснить изъ края русскіе кредитные билеты. На помощь сенату вновь поступили прошенія отъ нѣкоторыхъ обывателей, которые явились довѣренными 2,170 жителей. Опять указывалось на безпокойство и опасенія народа. Опять нужно было оградить Финляндію отъ угрожавшаго, яко бы, бѣдствія...

Новую эту петицію по монетному вопросу должна была представить Государю депутація, которая однако по «государственнымъ причинамъ» не получила аудіенціи, но, какъ частныя лица, члены ея были приняты, причемъ Монархъ побуждалъ жителей Финляндіи довѣриться генералъ-губернатору, который затѣмъ и принялъ адресъ, подписанный 2,170 лицами.

Графъ Армфельтъ насторожился. У него явились сомнѣнія, которыя онъ, вмѣстѣ со своими взглядами, изложилъ въ частныхъ письмахъ къ генералъ-губернатору. «Публика занята плохимъ вексельнымъ курсомъ,—писалъ 23 декабря 1861 года (4 января 1862 г.) графъ Армфельтъ къ Рокасовскому. Вопросъ подхваченъ шведскими газетами и поддержанъ партизанами полной эмансипаціи Финляндіи. Я не финансистъ, но принятыя мѣры приведутъ къ полному разоренію Финляндіи. Они не желаютъ понять, что Финляндія, предоставленная собственнымъ средствамъ, не въ состояніи выдержать коммерческихъ обязательствъ и представитъ такое банкротство, что всѣ капиталы будутъ уничтожены». Заявленіе, сдѣланное въ письмѣ, повторено было однажды графомъ Армфельтомъ устно. «Въ дѣлѣ о монетной единицѣ графъ Армфельтъ,—пишетъ его петербургскій современникъ,—сознавалъ неправильность и, какъ бы въ оправданіе, сказалъ мнѣ:

я не раздѣляю мнѣніе этихъ господъ (т. е. сенаторовъ), но ничего не могу сдѣлать противъ нихъ—я долженъ все доложить Государю. Но говорилъ ли онъ то же самое Государю—о своемъ собственномъ воззрѣніи на дѣло—это сомнительно». Въ слѣдующемъ письмѣ графа Армфельта къ барону Рокасовскому мысли его вновь обращены къ монетному вопросу. Государь говорилъ объ адресѣ, который циркулируетъ въ Финляндіи и имѣетъ большое число подписей. Адресъ касался вопроса о непринятіи въ странѣ рубля. Говорили, что и епископъ подписалъ адресъ. Это удивило Государя. «Не лучше ли правительству взять иниціативу, чтобы парализовать дурной эффектъ и не поставить Государя въ необходимость отказать въ дѣлѣ, которое Онъ рано или поздно долженъ по существу исполнить (пожаловать). Надо бы дать урокъ лицамъ, берущимъ на себя иниціативу по дѣламъ, принадлежащимъ администраціи» (29 декабря 1861 г.—10 января 1862 г.). На слѣдующій день графъ Армфельтъ, какъ бы продолжая свои прерванныя разсужденія, писалъ: «Вопросъ о вексельномъ курсѣ—вопросъ непріятный. Хорошо, если бы правительство сдѣлало что-нибудь для успокоенія общественнаго мнѣнія. Мѣры ни къ чему не приведутъ, но мы время выиграемъ для обсужденія мѣры, а кто выиграетъ время, тотъ выиграетъ дѣло (qui gagne du temps puit possiblement gagner la partie)», прибавилъ графъ, повторяя свою излюбленную поговорку.

Сенатъ сдѣлалъ представленіе, въ которомъ указывалъ, что кредитные билеты причиняютъ убытокъ какъ казнѣ, такъ равно помѣщику и крестьянину. Предпріятія остановились. Устранить зло предлагалось новымъ закономъ о томъ, что единственнымъ мѣриломъ цѣнностей въ Финляндіи слѣдуетъ считать металлическую монету. Такое узаконеніе ущерба Россіи не причинитъ вслѣдствіе того, что въ Финляндіи въ обращеніи количество русскихъ кредитныхъ билетовъ не велико и не превышаетъ нѣсколько сотенъ тысячъ [409]). «Народная гордость Россіи,» продолжалъ сенатъ, не можетъ также оскорбляться тѣмъ, что «кредитные билеты имперіи не станутъ обращаться по паришательной цѣнѣ въ краѣ, соединенномъ съ этимъ великимъ государствомъ». Въ заключеніе сенатъ взывалъ къ «великодушной справедливости» Его Величества и выражалъ надежду, что «этотъ край, какъ бы малъ онъ ни былъ, его финансы и его благосостояніе не будутъ принесены въ жертву въ одномъ случаѣ, когда того ни мало не требуютъ ни дѣйствительная польза, ни настоящій интересъ великой имперіи». Благопріятное-же рѣшеніе вопроса только

«еще болѣе скрѣпитъ узы, связывающія Финляндію съ великой имперіей».

Финляндію въ жертву, конечно, не принесли, хотя финансовое затрудненіе въ Россіи было повсемѣстнымъ.

Рокасовскій былъ въ это время уже генералъ-губернаторомъ и находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ графомъ Армфельтомъ, Шернвалемъ, Норденстамомъ и другими сенаторами. Прежнія отношенія возобновились, и,—по словамъ его современника,—за нимъ ухаживали, ему льстили, а онъ съ своей стороны не противился ни выборной комиссіи, ни созванію сейма, а въ вопросѣ о монетѣ не выказывалъ уже прежней энергіи. Остается при этомъ невыясненнымъ, свое-ли убѣжденіе онъ проводилъ въ прежнихъ своихъ заявленіяхъ, или подпалъ вліянію Каткова; существуетъ также предположеніе, что помѣщикъ Выборгской губерніи статскій совѣтникъ А. Л. Депъ внушилъ Рокасовскому нѣкоторыя воззрѣнія, несходившіяся съ идеями Снельмана и Генриха Боргстрёма младшаго.

Препровождая на этотъ разъ просьбу сената министру статсъ-секретарю, Рокасовскій, подтвердивъ ненадежное денежное положеніе Финляндіи, отказался войти «въ разсмотрѣніе сего важнаго вопроса, касающагося, по его словамъ, финансовыхъ и политическихъ отношеній собственно имперіи». Такимъ образомъ единственный защитникъ интересовъ Россіи временно смолкъ. Легко было поэтому предвидѣть новый успѣхъ финляндцевъ.

«Нельзя отвергать, — читаемъ въ заключеніи комитета (окт. 1861 г.), что денежные обороты въ Финляндіи находятся въ настоящее время въ стѣсненномъ положеніи, и это происходитъ по большей части отъ той зависимости, въ которой Финляндія находится въ отношеніи къ имперіи, вслѣдствіе общей системы обязательнаго пріема россійскихъ кредитныхъ билетовъ. Но если съ одной стороны Финляндія пользуется во многихъ отношеніяхъ несомнѣнными выгодами, проистекающими отъ соединенія ея съ великимъ и могущественнымъ государствомъ подъ одною и тою же державою, то съ другой стороны справедливо, чтобы она, при стеченіи неблагопріятныхъ въ этомъ государствѣ обстоятельствъ, вмѣстѣ съ нимъ подвергалась также и жертвамъ, которыя при этомъ должна раздѣлять и нести терпѣливо. Съ улучшеніемъ рано или поздно финансовыхъ обстоятельствъ, Финляндія можетъ также разсчитывать на выгоды, которыя произойдутъ отъ этой перемѣны. Впрочемъ, дабы пособить денежнымъ оборотамъ Финляндіи, Его Императорское Величество

уже соизволилъ на то, чтобы въ этомъ краѣ выпускаема была своя собственная монета, которая должна обращаться въ краѣ вмѣстѣ съ россійскою государственною монетою. До сихъ поръ однако не обнаружилось никакихъ существенныхъ выгодъ отъ этой мѣры, и такъ какъ повелѣніе о семъ состоялось весьма недавно и о вліяніи ея еще нельзя сдѣлать никакого вѣрнаго вывода, то комитетъ и не считаетъ себя въ правѣ выразить объ этомъ какое либо рѣшительное сужденіе».

Министромъ финансовъ съ 1862 года состоялъ М. Х. Рейтернъ—лифляндецъ по происхожденію. Онъ считался честнымъ и безкорыстнымъ государственнымъ дѣятелемъ и принадлежалъ къ либеральному лагерю. Обстоятельства, слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи благопріятствовали установленію полной финансовой автономіи Финляндіи. Разсмотрѣвъ представленіе сената о необходимости отмѣны въ Финляндіи обязательнаго пріема государственныхъ кредитныхъ билетовъ, Рейтернъ сообщилъ графу Армфельту, что въ имперіи озабочены принятіемъ мѣръ къ устройству денежной системы такъ, чтобы цѣнность кредитныхъ билетовъ установилась наравнѣ со звонкою монетою [410]).

На выручку дѣла явился въ Петербургъ Лангеншельдъ съ двумя записками, въ которыхъ настаивалъ на скорѣйшемъ признаніи металлической монеты единственнымъ законнымъ платежнымъ средствомъ, иначе дѣла края сильно запутаются, особенно если финляндскому банку начнутъ предъявлять требованія по размѣнѣ бумажныхъ денегъ. Въ краѣ растетъ справедливое неудовольствіе отъ тяжелаго финансоваго бремени. Неудовлетвореніе ходатайства уничтожитъ «симпатіи къ Россіи». Желаніемъ сената россійскіе денежные интересы не нарушаются. А политическіе? О нихъ Лангеншельдъ умолчалъ. Онъ торопилъ правительство и слегка угрожалъ ему. Опасеніе его вполнѣ объяснимо. Если-бы Россіи, какъ она задумала, удалось фиксировать курсъ съ опредѣленнымъ лажемъ на серебро, создалась-бы полная возможность возвращенія Финляндіи къ прежней русской монетѣ. Этого-то конечно, болѣе всего и не желали, мѣстные дѣятели, не успѣвшіе выпустить въ обращеніе своей марки.

Въ имперскій комитетъ финансовъ, гдѣ предстояло разсмотрѣніе просьбы сената, приглашены были Лангеншельдъ и товарищъ министра статсъ-секретарь Шернваль-Валленъ. Комитетъ раздѣлилъ соображенія сената о необходимости прочнаго устройства денежной системы Финляндіи и не встрѣтилъ препятствія къ производству заграничнаго займа, о которомъ также хлопоталъ Ланген-

шельдъ, для пополненія металлическихъ средствъ финляндскаго банка. Положеніе комитета было утверждено 24 іюля 1862 года [411]).

Финансовое обособленіе Финляндіи состоялось! Оставалось только практически осуществить его. Банкирскій домъ М. А. Ротшильдъ и сыновья устроили займъ въ 4.400.000 талеровъ. Постройка монетнаго двора въ Гельсингфорсѣ была окончена въ 1862 году; чеканить же монету пришлось только съ осени 1864 г.

Все было готово, чтобы произвести финансовое отдѣленіе Финляндіи, но на сѣверѣ ея открылся голодъ, поглотившій большую часть займа. Безъ надлежащаго же металлическаго фонда въ банкѣ, не позволено было приступать къ реформѣ.

25 апрѣля 1862 года Лангеншельдъ оставилъ свою должность и вскорѣ умеръ. Его отечество,—предметъ его любви,—не довѣряло его цѣлямъ, не одобряло тѣ мѣры, къ которымъ онъ прибѣгалъ для ихъ достиженія. Планы, отъ осуществленія которыхъ онъ надѣялся пожать признаніе и славу, должны были, не дозрѣвшіе и едва начатые, перейти въ другія руки, которымъ суждено присвоить себѣ заслугу ихъ выполненія.

Твердость и послѣдовательность, съ которыми Лангеншельдъ проводилъ монетный вопросъ, должно приписать въ извѣстной мѣрѣ, кажется, также вліянію Генриха Боргстрёма (р. 1830 г.—1865 г.), который въ реформѣ монетной системы видѣлъ цѣль своей жизни и которому принадлежитъ первоначальная ея идея. По его же инищіативѣ возникли другія важныя въ экономическомъ отношеніи предпріятія: Финляндское ипотечное общество, основанное въ 1860 году, и союзный банкъ, который открылъ свою дѣятельность въ 1862 году [412]). По другимъ экономическимъ вопросамъ Лангеншельду давалъ совѣты его родственникъ Іоганъ Ульрихъ Себастіанъ Грипенбергъ (род. 1795 г.), который назначенъ былъ сенаторомъ и первымъ начальникомъ учрежденной, по постановленію 17 сентября 1860 года, экспедиціи земледѣлія и общественныхъ работъ. Онъ также находился въ близкихъ отношеніяхъ съ Іоганомъ Вильгельмомъ Снельманомъ, но неизвѣстно, Лангеншельдъ ли вліялъ на Снельмана, или наоборотъ [413]). Другая причина успѣха Лангеншельда кроется въ томъ, что онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ съ графомъ Бергомъ и русскими министрами, особенно съ министромъ финансовъ, а также съ графомъ А. Армфельтомъ и его товарищемъ Шерндаль-Валленомъ. Реформа же монетной системы показываетъ, въ какой мѣрѣ онъ умѣлъ извлекать пользу для своей родины изъ своего положенія. Ко всему этому, Лангеншельдъ имѣлъ способность убѣ-

ждать и уговаривать. И когда онъ въ Парижѣ и во Франкфуртѣ велъ переговоры о финляндскомъ первомъ заграничномъ займѣ, его личныя качества въ извѣстной мѣрѣ способствовали успѣху дѣла. Существуетъ еще указаніе современника, что «Лангеншельдъ былъ чрезмѣрно честолюбивъ, талантливъ, смѣлъ и энергиченъ и потому онъ рѣшилъ быстро выдвинуть свое отечество. Русскихъ властей въ Петербургѣ и генералъ-губернатора онъ скоро изучилъ, а потому въ дѣйствительности онъ сталъ управлять финляндскими дѣлами». Въ большую услугу Лангеншельду ставятъ, наконецъ, то, что покончилъ съ секретной системой, которая въ тѣ времена господствовала въ финансовомъ управленіи, и ввелъ гласность въ его отчеты. Онъ первый помѣстилъ въ «Finlands Allmänna Tidning» таблицы о положеніи и развитіи финансовъ страны съ 1859 года [414]).

Къ этому прибавимъ маленькую подробность. Въ началѣ 1862 года графъ Армфельтъ конфиденціально сообщилъ Рокасовскому бюджетъ имперіи, прося ознакомиться съ нимъ въ виду того, что «и мы наканунѣ отпечатанія бюджета въ Финляндіи».

Замѣстителемъ Лангеншельда явился Снельманъ. Желаніе ускорить реформу побудило Снельмана возбудить финансовый вопросъ, во время пребыванія Государя въ лагерѣ при деревнѣ Парола (около Тавастгуса) въ іюлѣ 1863 года. Государь повелѣлъ снестись съ министромъ финансовъ. Снельманъ отправился въ Петербургъ.

Рейтернъ согласился на реформу, при условіи, чтобы металлическій фондъ банка достигалъ 8 милліоновъ марокъ и чтобы финляндцы обождали исхода дѣла по фиксированію курса бумажныхъ денегъ въ имперіи.

Временно реформа такимъ образомъ пріостановилась. Сенатъ, не желая терять времени, поднялъ вопросъ объ измѣненіи пробы финляндской монеты по метрической системѣ. Сенатъ просилъ измѣнить пробу финляндской мелкой серебряной монеты пенни, съ разрѣшеніемъ чеканить впредь, вмѣсто 72-й, изъ серебра $83^1/_3$ пробы. Сенатъ ссылался на нѣкоторыя европейскія страны, но указанія его не подтвердились, почему министръ финансовъ Рейтернъ заявилъ, что, во всѣхъ государствахъ германскаго союза, въ Гамбургѣ, во Франціи, Швейцаріи, а также Голландіи чеканилась размѣнная монета пробы значительно низшей противъ монетной единицы [415]). Такимъ образомъ, министръ финансовъ не убѣдился въ надобности принять мѣру сената и чеканить размѣнную монету $83^1/_3$ пробы, вмѣсто 72-й. Здѣсь въ дѣло вмѣ-

шался, замолчавшій было, генералъ-губернаторъ и высказался еще опредѣленнѣе. Онъ понялъ, что это вело къ окончательному отдѣленію Финляндіи отъ Россіи въ финансовомъ отношеніи, такъ какъ проба по десятичной системѣ совершенно уничтожала существовавшее соотношеніе между рублемъ и маркою. Комитетъ по финляндскимъ дѣламъ пропустилъ вопросъ о пробѣ, но доводы Рокасовскаго и министра финансовъ оказались болѣе убѣдительными, и Государь повелѣлъ дѣло «оставить безъ послѣдствій». «Назначеніе единообразія низшей пробы русской монеты съ финской являлось такимъ образомъ отступленіемъ отъ основы монетной реформы,—пишетъ финляндецъ (Е. Шюбергсонъ),—но пришлось сдѣлать уступку и въ этомъ случаѣ, чтобы не затормозить монетной реформы».

Въ ноябрѣ 1864 года вопросъ о признаніи звонкой монеты единственнымъ платежнымъ средствомъ вновь былъ поставленъ на очередь. Снельману повелѣно было прибыть въ Петербургъ.

Какъ прежде, такъ и теперь явилось коллективное прошеніе отъ 52 купцовъ, фабрикантовъ и ремесленниковъ. Но мотивъ уже былъ иной. Прежде торговцы и обыватели жаловались на застой промышленности и разореніе, выводя отсюда необходимость особой монеты для Финляндіи. Теперь, прося о водвореніи звонкой монеты, они указывали, что торговля удовлетворительна, въ банкѣ достаточно денегъ. Не видно только, какія обстоятельства въ теченіи трехъ, четырехъ лѣтъ измѣнили такимъ коренньмъ образомъ экономическое положеніе въ краѣ.

Снельманъ подалъ министру финансовъ двѣ пространныя записки, доказывая въ нихъ, что русскія ассигнаціи не должны приниматься въ Финляндіи до тѣхъ поръ, пока онѣ будутъ падать въ цѣнѣ. «Единственное дѣйствительное неудобство отъ курса на россійскіе кредитные билеты въ Финляндіи будетъ испытывать только россійская казна». Средства устранить это неудобство не имѣлось, почему Снельманъ просилъ «великодушнаго пожертвованія, требуемаго на самомъ дѣлѣ и правосудіемъ, и справедливостію». Справедливость же къ слабѣйшему онъ находилъ хорошей и единственной политикой, «достойной великой націи, которой Провидѣніе предоставило могущественною рукою участвовать въ развитіи судебъ человѣчества». «Было-бы,—продолжаетъ онъ,—несправедливо придавать политическое значеніе стараніямъ, стремящимся обезпечить настоятельныя матеріальныя потребности. Могущественная Россія имѣетъ спо-

собѣ вознаграждать убытки, финляндская казна едва-ли будетъ въ состояніи облегчать оныя».

Такъ какъ въ русскихъ сферахъ настроеніе не склонялось еще въ пользу реформы, то Снельману пришлось много хлопотать въ Петербургѣ, писать объяснительныя и успокоительныя статьи для «Русскаго Инвалида» и пр. Работа кипѣла. Снельманъ проявлялъ еще болѣе энергіи, чѣмъ его предшественникъ. Въ «Инвалидѣ» Снельманъ утѣшалъ публику, что русская монета попрежнему останется въ ходу въ Финляндіи, но недѣйствительнымъ будетъ въ предѣлахъ края только принудительный курсъ русскихъ ассигнацій. Марка, какъ малая монетная единица, необходима странѣ съ малыми торговыми оборотами.

Послѣ долгихъ размышленій онъ нашелъ, наконецъ, средства спасти реформу. «Господинъ баронъ,—обратился онъ къ Шернваль-Валлену,—представляйте меня къ лентѣ Александра Невскаго». «Охотно сдѣлалъ-бы это, если оно зависило-бы отъ меня. Однако, чѣмъ-же теперь вы особенно заслужили эту награду?» «Какъ же, я отыскалъ секретъ для проведенія монетной реформы»,—отвѣтилъ Снельманъ. Дѣло сводилось къ тому, что нужно было для видимости сдѣлать какую-нибудь уступку. Снельманъ и предложилъ признать русскій металлическій рубль, съ его подраздѣленіями, законнымъ платежнымъ средствомъ. Финская марка, по его мысли, должна была представлять собою только часть, или подраздѣленіе этой общегосударственной монетной единицы. Принятая въ имперіи монета должна была считаться дѣйствующей также и въ Финляндіи. Марка такимъ образомъ должна была явиться не самостоятельной монетной единицей, а лишь средствомъ, приспособленнымъ для потребностей края. Проектъ, представленный тогда финляндцами, съ поправкой Снельмана, долженъ былъ удовлетворять «справедливымъ требованіямъ единства монетной системы въ имперіи» [416]).

Эту мысль Снельманъ впослѣдствіи назвалъ «колумбовымъ яйцомъ». Мысль оказалась богатою по своимъ послѣдствіямъ, такъ какъ она сдѣлала экономическій департаментъ государственнаго совѣта болѣе уступчивымъ и примирила всѣ разногласія. У русской власти получилась возможность утвердить проектъ, не опасаясь сепаратистскихъ тенденцій. Его Величество сказалъ Снельману: «Имѣйте терпѣніе, и все кончится благополучно». Такъ и вышло.

Въ имперскомъ комитетѣ финансовъ Рейтернъ склонился къ доводамъ Снельмана, хотя министру имперіи ясно было, что

реформа невыгодно отразится на русскихъ финансахъ вслѣдствіе того, что кредитные билеты Россіи будутъ вытѣснены изъ Финляндіи и между ними и марками края установится невыгодный для русскихъ курсъ. Рейтернъ предвидѣлъ также, что «впечатлѣніе, которое будетъ произведено реформою въ Россіи, вѣроятно, при нынѣшнемъ настроеніи умовъ, будетъ невыгодно», но онъ утѣшался «колумбовымъ яйцомъ» Снельмана и желалъ, чтобы въ Финляндіи платежнымъ средствомъ была объявлена не одна марка, но также и русскій рубль.

Въ намѣченной реформѣ имѣлась еще одна явно убыточная для русскихъ сторона. Положеніе тѣхъ въ Финляндіи, которые получали жалованіе отъ русской казны, или жили на пенсіи, дѣлалось крайне стѣснительнымъ. Затрудненіе для нихъ возникало изъ того несомнѣннаго факта, что монетная реформа вызывала повышеніе цѣнъ на разные товары. Снельманъ не отрицалъ правильности этого вывода. Министръ финансовъ (29 мая 1865 г., № 3666) находилъ необходимымъ принять на счетъ финляндской казны часть потери по довольствію русскихъ войскъ въ Финляндіи отъ предположенной монетной реформы, такъ какъ финляндская казна исключительно воспользовалась выгодными послѣдствіями введенія денежнаго обращенія, основаннаго на звонкой монетѣ. Когда о необходимости повышенія жалованія было доложено Государю, то Его Величество высказался въ томъ смыслѣ, что такъ какъ Финляндія одна извлекаетъ выгоды изъ реформы, то убытки, которые могутъ понести главнымъ образомъ войска, должны быть возмѣщены изъ финляндской казны [417]).

Военный министръ поднялъ вопросъ о вліяніи реформъ на оклады чиновъ военнаго вѣдомства въ Финляндіи. Сенатъ призналъ, что послѣ монетной реформы «цѣна множества для продовольствія войскъ необходимыхъ продуктовъ должна непремѣнно понизиться», а потому предлагалъ въ теченіи года отпускать отъ 10 до 15% на сумму, назначенную на денежное довольствіе русскихъ войскъ и морскихъ чиновъ въ Финляндіи. Рокасовскій нашелъ это обезпеченіе недостаточнымъ въ виду того, что вексельный курсъ на бумажныя деньги имперіи былъ на 17% ниже пари. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обратилъ вниманіе на то, что сенатъ отпускалъ 10—15% лишь на одинъ годъ [418]). Въ виду этого, Рокасовскій настаивалъ на томъ, чтобы прибавка (до 15%) была возложена на финляндскую казну. Когда вопросъ передали въ комитетъ финляндскихъ дѣлъ, то онъ весьма развязно заявилъ, что пособіе русскимъ войскамъ не можетъ быть отнесено на

счетъ финляндской казны, которая для этого не располагаетъ достаточными средствами.

Тогда подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора Рокасовскаго образовали особую коммиссію, которая склонилась къ прежнему рѣшенію сената.

Министръ финансовъ призналъ отпускъ, опредѣленный сенатомъ, достаточнымъ и просилъ разложить его на два года [419]).

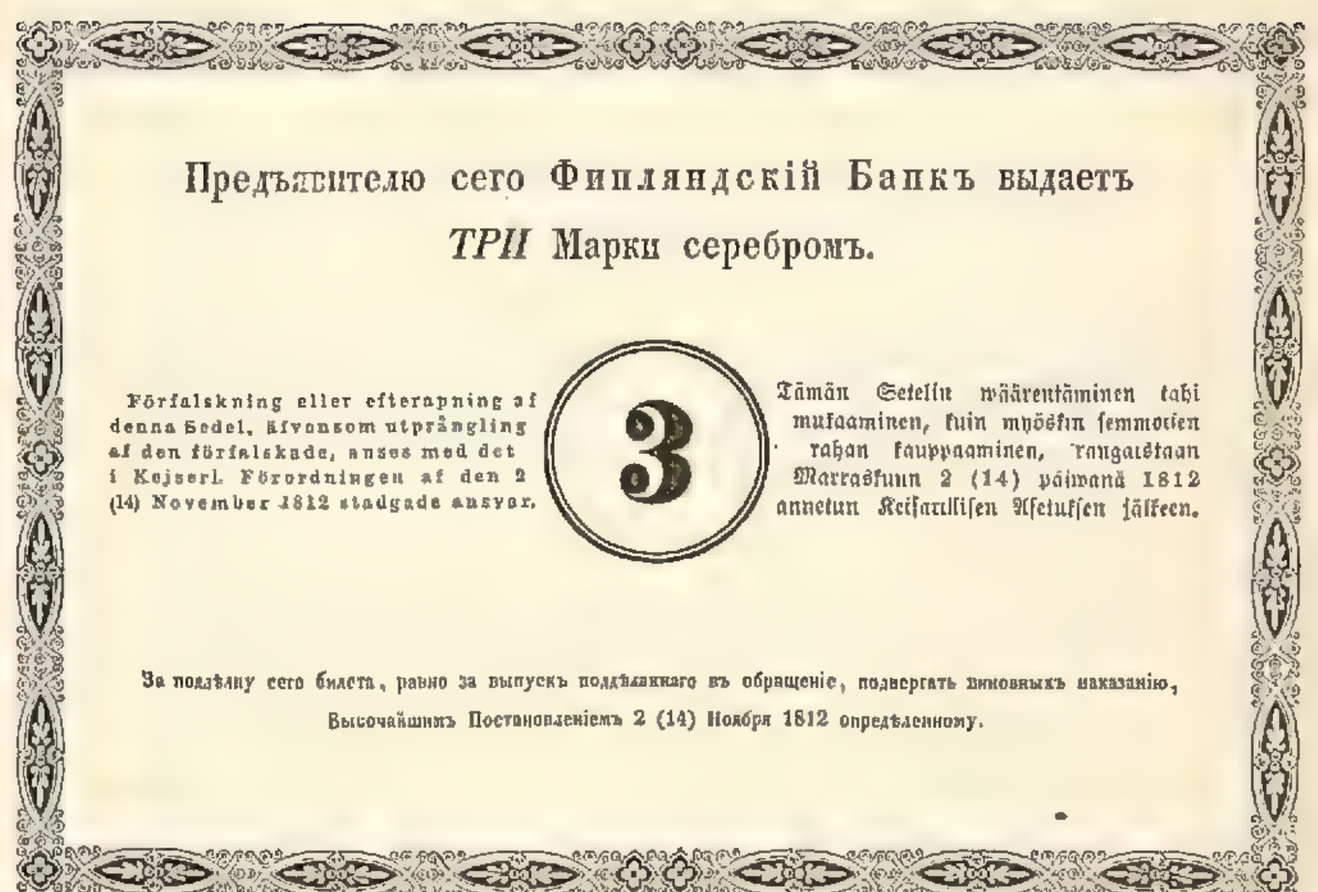
Раскладка была распредѣлена такимъ образомъ, что въ первый годъ сенатъ долженъ былъ выдать 61.571 руб. (10%), а во второй годъ—30.785 руб. (или 5%) довольствія войскамъ. Послѣ же этихъ двухъ лѣтъ «курсовая надбавка» пала на кассу государственнаго казначейства, которая продолжала выплачивать ее вмѣсто финляндцевъ.

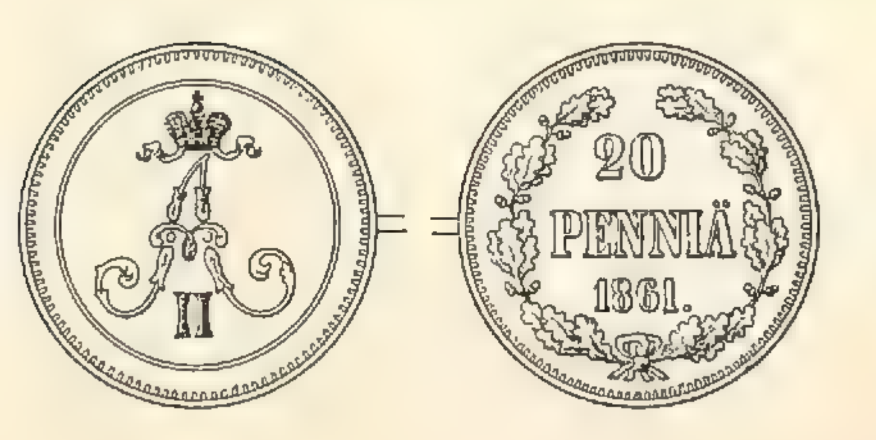
28 Сентября 1865 года графъ Армфельтъ вновь представилъ всеподданнѣйшій докладъ сената о своевременности введенія реформы. При этомъ сенатъ просилъ, въ случаѣ отклоненія реформы, разрѣшить ему надлежащимъ образомъ довести о томъ до свѣдѣнія населенія, чтобы прекратить тяжелую неизвѣстность, отозвавшуюся на торговыхъ оборотахъ края, гдѣ сдѣлки, кромѣ того, велись уже въ расчетѣ на монетную реформу. Состоялось повелѣніе разсмотрѣть представленіе сената въ особомъ совѣщаніи въ Петербургѣ, которое склонилось къ ходатайству сената. Комитетъ финляндскихъ дѣлъ съ своей стороны поддержалъ, конечно, необходимость реформы.

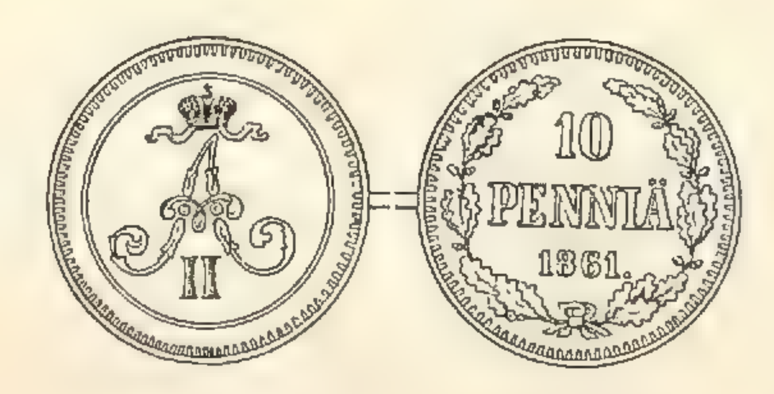
Наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, 21 октября 1865 года Государь утвердилъ монетное преобразованіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было обнародовать постановленіе отъ 20 января, которое объявляло «марку только подраздѣленіемъ рубля и гарантировало ему значеніе законнаго платежнаго средства въ Финляндіи».

Такъ проведена была реформа, потребовавшая «много ума, ловкости и такта» [420]), проведена «вопреки желанію тогдашняго генералъ-губернатора» Рокасовскаго.

Вся финансовая реформа проводилась почти исключительно силами статсъ-секретаріата, при содѣйствіи сперва Лангеншельда, а затѣмъ Снельмана. Центръ тяжести вопроса находился въ Петербургѣ. Сенатъ оставался въ тѣни и въ роли болѣе зрителя, чѣмъ участника: о передачѣ вопроса сейму и рѣчи не было, хотя россійскій серебряный рубль былъ принятъ монетною единицею Финляндіи на сеймѣ въ Борго (1809 г.). Когда Снельманъ двинулъ реформу при посредствѣ своего «колумбова яйца»,







Финляндскія деньги.

сенатъ даже не былъ запрошенъ, и новое предложеніе вошло въ законъ безъ его заключенія. Снельманъ вообще держался того мнѣнія, что реформу монеты и банка надлежало вести по строго обдуманному плану и что всякая разногласица могла только повредить дѣлу. Въ этомъ отношеніи его взгляды совпали съ мнѣніемъ Лангеншельда, котораго также стѣсняли конституціонныя формы, и потому онъ самовольно обходилъ ихъ [421]). «Конечно,—писалъ Снельманъ министру статсъ-секретарю,—легче было-бы укрыться за чужой вотумъ и сказать, что вина не моя, но до такой трусости я не унижусь».

А протесты противъ новой финансовой системы и дѣйствій Снельмана послышались въ краѣ уже въ то время, когда реформа только обсуждалась, а 28 апрѣля 1865 года на Высочайшее имя подано было прошеніе, подписанное многими финляндцами. Они считали, что реформа причинитъ «великія несчастія значительному числу мѣстныхъ землевладѣльцевъ, промышленниковъ и вывозчикамъ товаровъ», почему ходатайствовали, чтобы реформа была отложена. Сенатъ оставилъ это прошеніе безъ послѣдствій. Сенаторъ Грипенбергъ также полагалъ полезнымъ отложить реформу, опасаясь неудовольствій со стороны Россіи и считая выгоды реформы сомнительными. Сенатъ признавалъ политическую запутанность въ отношеніи Россіи болѣе вредной для Финляндіи, чѣмъ потерю нѣсколькихъ тысячъ марокъ.

Anders Ramsay, хозяинъ огромнаго помѣстья и владѣлецъ завода, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Въ воскресенье 12 ноября новаго стиля 1865 года—я никогда не забуду этого дня—въ разныхъ церквахъ страны прочитано было удивительное (underlig) постановленіе, запутанное и трудно понимаемое, изъ котораго явствовало, что съ этого времени только полноцѣнная серебряная монета является въ Финляндіи законной платежной единицей. Было бы парадоксомъ отрицать большую пользу монетной реформы для Финляндіи, но для многихъ шатко поставленныхъ предпріятій она явилась ужаснымъ сокрушающимъ ударомъ. Она была внезапной. Край, въ его совокупности, насладился ея плодами, но отдѣльные интересы не были приняты во вниманіе. Порицанію подвергался поэтому преимущественно способъ осуществленія реформы. Многіе находили, что кризисъ возможно было уменьшить извѣстной постепенностью въ проведеніи новаго порядка, между тѣмъ многимъ причинены были большіе и ничѣмъ съ ихъ стороны не вызванные убытки, другимъ дарованы ничѣмъ не оправдываемые барыши. Реформа подготовлялась

въ величайшей тайнѣ, и общество не было къ ней совершенно подготовлено. Многое, что оправдывалось въ теоріи, на практикѣ оказывалось совершенно не осуществимымъ. Сердце полно было огорченія, но стыдились жаловаться, такъ какъ по странѣ проносился восторженный гулъ одобренія прекрасной монетной реформы!» Тѣмъ не менѣе съ разныхъ сторонъ раздавались рѣзкіе укоры Снельману за насильственное правительственное распоряженіе [422]).

Дѣло не обошлось безъ жертвъ. Рокасовскій донесъ (въ ноябрѣ 1865 г.), что финляндскій банкъ предъявилъ курсъ на русскіе кредитные билеты. Рыночные цѣны поднялись, а не понизились, какъ ожидали. Для дѣловыхъ людей она сказалась повышеніемъ курса почти на 20 процентовъ въ одинъ только день. Но монетная реформа настолько различалась отъ курсовыхъ повышеній въ обыкновенномъ смыслѣ, что о поворотѣ не могло больше быть и рѣчи. Казна, которой въ это время даны были займы, вдовьи и сиротскія кассы, сберегательные банки и другія общественныя учрежденія или частныя лица, которыя имѣли деньги въ займахъ въ финскихъ маркахъ, получили огромную выгоду отъ реформы. Зато должники наоборотъ соотвѣтственно понесли убытки; особенно ощутительна была реформа для земледѣльцевъ, имѣвшихъ долги. Для тѣхъ, которые имѣли сбытъ внутри страны, вліяніе реформы ощущалось незначительно. Цѣнность рубля немедленно понизилась, но марка, по крайней мѣрѣ непосредственно, пропорціонально не повышалась. Тѣмъ, которые вели дѣло съ русскимъ рынкомъ, реформа обошлась особенно тяжело. За рубль они не получали больше прежняго, тогда какъ онъ по отношенію къ дѣйствующей въ краѣ монетѣ понизился почти на 20 процентовъ [423]).

Число недовольныхъ реформой въ самой Финляндіи было весьма значительно. Многіе были сбиты съ толку и жаловались на «систему душенія» (strypsystem). Краховъ, банкротствъ и разореній послѣдовало немало. Повсюду началась спекуляція. По почтѣ, съ оказіей и цѣлыми фурами привозили въ страну серебряную русскую монету низкой пробы, которую пускали въ оборотъ при оплатѣ на рынкѣ, при выдачѣ жалованья фабричнымъ рабочимъ, а также при оплатѣ въ таможнѣ, на почтѣ и вообще при взносахъ казенныхъ податей.

Такимъ образомъ въ одну таможню поступило въ теченіи 8—10 дней 40.000 рублей. Явилась поэтому необходимость, посредствомъ объявленія (отъ 6 декабря 1865 г.), ограничить

пріемъ монеты низкой цѣнности въ таможнѣ и казенныхъ кассахъ. Но и эта мѣра не прекратила спекуляціи.

Въ письмѣ генералъ-губернатора Рокасовскаго къ министру статсъ-секретарю, графу А. Армфельту, отъ 25 января 1866 года, говорится: «Послѣ обнародованія Высочайшаго постановленія отъ 8 ноября истекшаго года, реформа монетной системы была встрѣчена мѣстами съ большимъ одушевленіемъ.... Но вскорѣ слышны были заявленія жалобъ: со стороны должниковъ на увеличеніе ихъ долговъ на 20%; со стороны селянъ восточной части Финляндіи, имѣющихъ главный сбытъ своихъ продуктовъ въ Петербургѣ, на затрудненіе и убытки по добыванію нужныхъ имъ для платежей въ Финляндіи денегъ; наконецъ, оказался застой въ заграничной торговлѣ, а у населенія сѣверной и восточной части края отняты были средства къ обыкновеннымъ заработкамъ, усугубивъ тамъ нужду и нищету, происшедшія отъ нѣсколькихъ неурожайныхъ лѣтъ сряду. Нищенство въ губерніяхъ Улеоборгской и Куопіоской приняло огромные размѣры, но въ какой степени можно приписать оное введенію монетной реформы, еще положительно не разслѣдовано. Убытки претерпѣваетъ преимущественно большое число рабочихъ, снискивающихъ себѣ дневное пропитаніе трудами рукъ своихъ. Также сама казна несетъ убытки въ своихъ доходахъ; произошли столкновенія и неурядицы, не только воспрепятствовавшія правильному введенію монетной реформы, но даже угрожавшія разстройствомъ принятыхъ мѣръ».

Опасенія, высказанныя генералъ-губернаторомъ, раздѣлялись особенно торговыми людьми Выборгской губерніи. Они, вмѣстѣ съ помѣщиками, составили протестъ, который направили черезъ землевладѣльца Шателовича по начальству.

Снельманъ, какъ говорятъ, выразился такъ: «что сгнило, то пусть рушится». Указывали, однако, что не только «гнилое» рушилось, но мимоходомъ было загублено и немало здороваго. По заявленію мѣстнаго историка, Снельманъ недостаточно понималъ реформу, проведеніе которой онъ унаслѣдовалъ отъ своего предшественника. Хорошо сознавая ея значеніе, онъ съ упорствомъ поддерживалъ этотъ планъ, но его познанія въ политической экономіи были слишкомъ элементарны, чтобы онъ глубоко могъ вдуматься въ тотъ экономическій процессъ, который онъ пустилъ въ ходъ и который поэтому причинилъ странѣ страданія, кои можно было бы избѣжать [424]).

Не смотря на все это, одержана была большая побѣда, хотя и цѣною жертвъ со стороны частныхъ лицъ, и весьма возможно,

что правъ былъ Снельманъ, когда говорилъ, что если бы реформа не удалась именно тогда, то и впослѣдствіи не могла бы быть проведена [425]). Въ общемъ результатѣ реформа явилась, несомнѣнно, благодѣтельной для финскаго населенія, и потому Гельсингфорсскіе купцы подали Государю адресъ, въ которомъ говорилось: «Великодушный актъ, которымъ Вашему Императорскому Величеству благоугодно было всемилостивѣйше допустить, чтобы Финляндія имѣла собственную монету, чрезъ что на будущее время обезпечено ея экономическое положеніе и развитіе, составляетъ для насъ новое, драгоцѣнное и убѣдительное доказательство въ томъ, что правительство имперіи съ истиннымъ и просвѣщеннымъ благорасположеніемъ отдаетъ справедливость нашимъ стремленіямъ; съ другой же стороны этотъ актъ будетъ служить для каждаго финляндскаго гражданина новымъ, ненарушимымъ обязательствомъ—съ признательностью помнить благодѣянія и выгоды, проистекающія отъ нашего положенія къ имперіи, а также съ удовольствіемъ и добросовѣстностью исполнять долгъ, возлагаемый тѣмъ на страну».

Когда дипломатическіе ходы въ Петербургѣ по денежной реформѣ были закончены, Шернваль-Валленъ написалъ Снельману: «То проявленіе всемилостивѣйшаго расположенія, которое только что намъ оказано нашимъ Государемъ и Великимъ Княземъ, можемъ оцѣнить по достоинству только мы, здѣсь находящіеся и близко знакомые съ проявляющимся теперь въ имперіи принципомъ государственнаго единства. Въ этомъ нельзя не усмотрѣть признанія лояльности поведенія финляндцевъ послѣ 1809 года. Только бы это обстоятельство не породило у насъ самомнѣнія и не дало повода къ оскорбительнымъ для русскихъ отзывамъ!» Въ свою очередь Снельманъ (11 декабря 1866 г.) излилъ свои чувства въ письмѣ къ министру финансовъ Рейтерну: «Выражая глубочайшую мою признательность вашему высокопревосходительству, осмѣливаюсь завѣрить, что я почелъ бы счастьемъ для себя, если бы мнѣ удалось доказать глубокое чувство благодарности, вызванное во мнѣ благосклоннымъ отношеніемъ русскаго правительства къ монетной реформѣ въ Финляндіи, каковымъ мы прежде всего обязаны благородной справедливости и просвѣщенному образу мыслей вашего высокопревосходительства» [426]).

По словамъ Снельмана, въ послѣдней стадіи развитія монетной реформы, сами финны совѣтовали Рокасовскому не соглашаться на реформу. Но онъ находилъ, что интересы Россіи выиграютъ, когда финны будутъ довольны своимъ присоединеніемъ.

Когда Государь усмотрѣлъ всѣ послѣдствія реформы и то впечатлѣніе, которое она должна была произвести въ Россіи, то, какъ разсказываютъ, Онъ обмолвился приблизительно такими словами (lärer hafva fällt uttrycket): «On a escamoté mon consentement» [427]). Сенаторъ Брунéръ, жившій тогда въ Петербургѣ, сообщилъ Спельману, что реформа произвела сенсацію въ дипломатическомъ корпусѣ и вызвала «ворчаніе» въ политическихъ кругахъ.

Наиболѣе вліятельная русская газета того времени «Голосъ» [428]) доказывала невыгодность обособленія финансовъ какой-либо части государства отъ финансовъ всего государства. «Въ финансовыхъ отношеніяхъ Финляндіи къ Россіи происходитъ теперь нѣчто, невольно вызывающее на вопросъ, горячилась газета Краевскаго: что такое, наконецъ, Финляндія—провинція Россійской Имперіи, или особое государство, живущее совершенно отдѣльною отъ русскаго государства жизнью и имѣющее право преслѣдовать свои, финляндскіе, государственные интересы, внѣ общихъ интересовъ русскаго государства? Если Финляндія—отдѣльное государство, то въ такомъ случаѣ совершенно непонятно, на какомъ основаніи Великое Княжество Финляндское продолжаетъ пользоваться даромъ, и даже съ избыткомъ, благами, которыми могутъ пользоваться только провинціи, составляющія нераздѣльную часть могущественнаго государства и участвующія въ доставленіи средствъ для поддержки этого могущества. Если же Финляндія провинція Россійской Имперіи, но пользующаяся только, по благости русскихъ государей, особыми правами и преимуществами, то опять непонятно, какимъ образомъ эта провинція не признаетъ у себя обязательнымъ обращеніе русскихъ бумажныхъ денегъ по тому же курсу, по какому онѣ обращаются внутри имперіи».

Возникла слабая полемика. Защитникомъ финляндскихъ интересовъ офиціально выставленъ былъ русскій чиновникъ (В. А. Чередѣевъ). Этотъ защитникъ, конечно, не былъ въ состояніи доказать, что интересы русскаго государства требовали финансоваго и экономическаго обособленія Финляндіи. «Финляндія и въ настоящее время, уклончиво отвѣчали изъ канцеляріи статсъ-секретаріата, есть тоже, что была съ первой поры присоединенія ея къ Россіи, цѣлый обширный край, состоящій изъ нѣсколькихъ губерній, страна, хотя и завоеванная и присоединенная къ Россіи, но, управляемая по особому уложенію, дарованному монархомъ-завоевателемъ; страна, которой монархъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, соблаговолилъ сохранить ея основные законы, прежнія права и привилегіи, въ томъ числѣ и право управленія своими финансами.....

«Въ постановленіи о преобразованіи монеты сказано, что рубль серебромъ, съ своими подраздѣленіями, остается государственною монетою также и въ Финляндіи. Введенныя вновь монеты имѣютъ законность только въ Финляндіи; между тѣмъ, какъ монета рубль, съ своими подраздѣленіями, какъ монета всей имперіи имѣетъ ходъ и въ Россіи, и въ Финляндіи». Въ заключеніе выражено было желаніе «не встрѣчать въ русской газетной литературѣ враждебной критики противъ Финляндіи и финляндцевъ» [429]).

Вся денежная реформа Финляндіи причинила кореннымъ губерніямъ Россіи одни только убытки. Съ того времени, какъ финляндскій банкъ началъ чеканить свою монету, русское государственное казначейство вынуждено было завести у себя новую графу выдачъ «на пополненіе курсовой разницы» всѣмъ русскимъ служащимъ въ предѣлахъ Финляндіи, такъ какъ мѣстная администрація уклонялась отъ этихъ платежей, благодаря тому, что русскіе люди ни въ Россіи, ни въ Финляндіи не стояли на стражѣ интересовъ и достоинства имперіи [430]).

Въ дѣятельности земскихъ чиновъ, начиная съ перваго сейма стало проявляться стремленіе къ расширенію своей компетенціи въ особенности относительно финансовыхъ вопросовъ, причемъ они неоднократно высказывали, что ихъ вотированію должны подлежать не только прямые, но и косвенные налоги и въ томъ числѣ, главнымъ образомъ, таможенныя пошлины. Петиціями, поданными въ сословіяхъ крестьянъ и дворянъ, сдѣлана была (въ 1863 г.) попытка поставить таможенное дѣло въ зависимость отъ земскихъ чиновъ. «Если таможенный налогъ, — писали петиціонеры, — въ прежнее время и имѣлъ въ виду защиту нѣкоторыхъ промысловъ», то впослѣдствіи онъ измѣнилъ свой характеръ и обратился въ чрезвычайный или промысловый налогъ. Повидимому пошлину теперь можно причислить къ тѣмъ податямъ и налогамъ, о которыхъ сеймъ имѣетъ право совѣщаться и условиться съ монархомъ, въ противномъ-же случаѣ самообложеніе податями останется одной иллюзіей.

Въ лицѣ І. У. С. Грипенберга петиція встрѣтила, въ дворянскомъ сословіи, возраженіе. «То, что, пожалуй, признается справедливымъ и по совѣсти требуется, не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣмъ, что составляетъ основной законъ для финляндскаго

сейма. Въ нашемъ нынѣ дѣйствующемъ основномъ законѣ не содержится постановленія, на которомъ можно было бы основать требованіе права участія земскихъ чиновъ въ таможенномъ законодательствѣ. Если разсматривать вопросъ съ практической стороны, то также рождается сомнѣніе, чтобъ право было полезно. Положеніе о таможнѣ въ Финляндіи болѣе или менѣе находится въ зависимости отъ соотвѣтствующаго законодательства въ имперіи. Отъ этой связи Финляндія никакъ не можетъ освободиться, а потому вмѣшательство сейма въ таможенномъ законодательствѣ скорѣе могло-бы привести къ разнымъ непріятнымъ недоразумѣніямъ» [431]).

Стоявшія на стражѣ общегосударственныхъ интересовъ, «Московскія Вѣдомости» не пропустили безъ отпора домогательство сейма: «Неужели, — читаемъ въ нихъ, — практическіе политики Финляндіи серіозно думаютъ, что таможенная регалія въ Финляндіи принадлежитъ не Всероссійскому Императору, а Финляндскому Великому Князю? Неужели они не видятъ, что уступить эту регалію финляндскому сейму значитъ поставить въ зависимость отъ него интересы Россіи? Неужели Финляндія можетъ до такой степени обособиться, чтобы, напримѣръ, заключать съ Россіей торговые трактаты. Даже таможенная линія служитъ теперь для шведскихъ патріотовъ въ Гельсингфорсѣ достаточнымъ основаніемъ для международныхъ отношеній къ Россіи, — таможенный кордонъ, который еще такъ недавно самымъ невиннымъ образомъ отдѣлялъ отъ Россіи Одессу» [432]).

«Одно время казалось, что и само правительство готово было до извѣстной степени пойти на встрѣчу этимъ стремленіямъ. Въ мартѣ 1864 года послѣдовало учрежденіе комитета для составленія проекта необходимыхъ объясненій и дополненій основныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ». Въ Высочайше утвержденной программѣ, данной названному комитету, значится: «право собственнаго наложенія на себя податей, нынѣ уже предоставленное земскимъ чинамъ, можетъ относительно экстраординарныхъ налоговъ быть еще болѣе расширено, въ такой мѣрѣ, что не только законодательство о винокуреніи.... должно на будущее время подлежать обоюдному обсужденію Государя Императора и земскихъ чиновъ, но и общія начала таможенныхъ налоговъ могутъ быть такимъ-же порядкомъ установляемы, съ тѣмъ однако, что отъ Государя Императора одного будетъ зависѣть опредѣлять количество всякой таможенной пошлины, причемъ Государь Императоръ также предоста-

вляетъ себѣ одному установлять основанія и количество таможенныхъ пошлинъ, кои могутъ быть опредѣляемы для издѣлій русскаго происхожденія, ввозимыхъ изъ имперіи въ Финляндію.

Однако труды комитета и петиціи сеймовыхъ депутатовъ остались безъ послѣдствій, и такимъ образомъ дальнѣйшее руководство таможеннымъ законодательствомъ было всецѣло сохранено за правительствомъ, что составило новую заслугу генералъ-губернатора Рокасовскаго, который 17—29 Іюня 1864 года писалъ Шернваль-Валлену:... Касательно предложенія будущему сейму проекта закона (о чемъ просило крестьянство и дворянство), о предоставленіи земскимъ чинамъ права вмѣстѣ съ правительствомъ опредѣлить главныя начала взиманія таможенныхъ пошлинъ, я полагалъ-бы просьбу эту оставить безъ вниманія, въ томъ уваженіи, что опредѣленіе таможенныхъ сборовъ принадлежитъ собственно верховной власти и что право это, по моему мнѣнію, должно въ настоящее время оставаться во всей своей силѣ». Государь Императоръ раздѣлилъ воззрѣніе своего генералъ-губернатора (27 февраля — 11 марта 1865 года [433]).

«Неурожай и голодъ, поразившіе Финляндію въ 1867 году, побудили правительство принять рядъ мѣръ, съ цѣлью помочь населенію перенести послѣдствія этихъ бѣдствій. Къ этимъ мѣрамъ относились: 1) Высочайшее объявленіе отъ 27 февраля 1867 года объ отмѣнѣ на 5 лѣтъ вывозной пошлины для нѣкоторыхъ товаровъ, вывозъ коихъ изъ Финляндіи былъ воспрещенъ, и 2) новый таможенный тарифъ 1869 года.

По таможенному вопросу сенатъ полагалъ отмѣнить вообще вывозныя пошлины въ Финляндію. Однако, — по его мнѣнію, — дѣло отмѣны ихъ представлялось столь важнымъ, что слѣдовало дать земскимъ чинамъ возможность представить о немъ свой отзывъ. Комитетъ финляндскихъ дѣлъ не призналъ на этотъ разъ справедливымъ поддержать ходатайство сената, «такъ какъ въ настоящее время еще остается нерѣшеннымъ, въ какой мѣрѣ Его Императорскому Величеству благоугодно будетъ вообще предоставить чинамъ обсужденіе вопроса о таможенныхъ пошлинахъ [434])». Государь Императоръ соизволилъ утвердить мнѣніе комитета, почему и на этотъ разъ таможенный вопросъ не вошелъ въ сферу компетенціи сейма.

Второй мѣрой борьбы съ бѣдствіями неурожая предполагалось введеніе новаго таможеннаго тарифа. «Вслѣдствіе высочайше утвержденнаго въ 1868 году новаго для имперіи тарифа по европейской торговлѣ, сенатъ всеподданнѣйше представилъ на

утвержденіе Государя Императора проектъ таможеннаго тарифа для Великаго Княжества Финляндскаго, составленнаго сообразно съ помянутымъ тарифомъ имперіи съ немногими лишь измѣненіями, вызванными, по необходимости, дѣйствующими мѣстными обстоятельствами» [435]). Министръ Финансовъ, на заключеніе коего поступилъ означенный проектъ, съ своей стороны, излагалъ, что, по его мнѣнію, «въ видахъ развитія торговыхъ сношеній съ Финляндіею и въ особенности при предстоящемъ соединеніи ея съ имперіею рельсовымъ путьемъ, а равно сокращенія случаевъ контрабанднаго провоза товаровъ и достиженія возможности уменьшить таможенный надзоръ на пограничной чертѣ, было-бы весьма желательно совершенно уравнять таможенныя пошлины въ Финляндіи съ пошлинами по имперіи». Тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе, что такое уравненіе пошлинъ вдругъ можетъ быть оказало-бы невыгодное вліяніе на обороты торговаго сословія въ Финляндіи и что, съ другой стороны, проектированныя финляндскимъ сенатомъ измѣненія въ пошлинномъ обложеніи товаровъ клонятся уже къ желаемому постепенному уравненію пошлинъ, статсъ-секретарь Рейтернъ не встрѣчалъ препятствія къ принятію пошлинъ, проектированныхъ по новому финляндскому тарифу. Проектъ сената послѣ этого удостоился Высочайшаго утвержденія 9—12 іюля 1869 года.

«Тарифъ 1869 года, изданный отчасти для доставленія обѣднѣвшему населенію возможности получать дешевые иностранные товары, отчасти въ видахъ увеличенія таможенныхъ доходовъ казны, вводилъ рядъ пониженныхъ пошлинъ и дозволялъ безпошлинный ввозъ необходимыхъ для промышленности сырыхъ продуктовъ, а также нѣкоторыя орудія производства» [436]).

Хотя министръ финансовъ Рейтернъ и повторялъ, очевидно, со словъ финляндской администраціи, что случаи контрабанднаго провоза товаровъ сократились, но тайный привозъ спиртныхъ напитковъ изъ Швеціи настолько увеличился, что вынуждены были въ Финляндіи воспретить на пространствѣ пяти миль отъ морского берега и государственной границы имѣть склады арака, рома и коньяка [437]).

Таможенная граница между имперіей и Финляндіей приносила огромную денежную выгоду Финляндіи; чистый доходъ съ пошлинъ на товары, привозимые изъ Россіи, составляли самую крупную сумму въ бюджетѣ края. Государю ежегодно представлялись отчеты о состояніи таможенной части въ Финляндіи, и Онъ нерѣдко дѣлалъ на нихъ свои замѣчанія. «Я

надѣялся болѣе удовлетворительнаго результата», надписалъ Государь 24 мая — 5 іюня 1861 года, когда сумма поступленія достигла 1,430,338 р. На отчетѣ за 1866 годъ значится: «Весьма удовлетворительно». Въ февралѣ 1869 года Ему представили совмѣстные результаты земледѣлія, торговли и промышленности въ Финляндіи за время съ 1861 по 1865 года, и Государь отмѣтилъ: «прочелъ съ удовольствіемъ» (26 февраля — 10 марта 1869 г.). Еще болѣе Его порадовали успѣхи торговли за послѣдующее время. «Очень радъ»,—гласитъ Его надпись отъ 13—25 октября 1874 года.

Продолжавшіяся стремленія финляндцевъ къ таможенному обособленію встрѣтили вскорѣ отпоръ со стороны петербургской печати, которая указала имъ на выгоды, истекавшія для этой страны изъ самаго факта ея принадлежности къ Россійской Имперіи. Уже одно положеніе Финляндіи къ составѣ Россіи являлось крупнѣйшей причиной, способствовавшей развитію финляндской культуры. Съ 1809 года, писали «С.-Петербургскія Вѣдомости» (1873 г., № 209), когда открылся для Финляндіи русскій рынокъ,—экономическое положеніе ея значительно улучшилось. И это очень понятно, такъ какъ извѣстно, что внутренняя торговля несравненно значительнѣе внѣшней, на которую до тѣхъ поръ была обречена Финляндія. Для финляндскаго сельскаго хозяйства открылся сбытъ въ Петербургъ, гдѣ земледѣльческіе продукты всегда находились въ высокой цѣнѣ, финляндскій торговый флотъ получилъ выгодные фрахты въ обширной русской торговлѣ по Балтійскому морю, финляндскіе механическіе и горные заводы начали снабжать металлами и издѣліями столицу и другіе балтійскіе рынки; то-же самое нужно сказать и о всѣхъ финляндскихъ фабрикахъ, издѣлія которыхъ съ выгодою сбываются у насъ. Въ Россіи Финляндія имѣетъ родъ запаснаго магазина дешеваго хлѣба на случай неурожая; гарантія русскаго правительства удешевила для маленькой Финляндіи заграничный кредитъ и пр. А потому нужно только удивляться тому обстоятельству,—заключаетъ газета,—что въ то время, когда всѣ государства на западѣ стремятся къ объединенію своихъ таможенъ, почтъ, телеграфовъ, монеты, мѣръ и пр., Финляндія не только не принимаетъ ничего для установленія общей съ Россіей монетной и метрической системы, таможеннаго тарифа, торговаго и промышленнаго законодательства, но идетъ въ противоположномъ направленіи» [438]).

Вопросъ о «мѣрѣ и вѣсѣ», при всей своей кажущейся незначительности, представляетъ извѣстный интересъ какъ показатель настойчиваго преслѣдованія финляндцами задуманныхъ ими цѣлей и вѣчныхъ колебаній русскаго правительства.

Достигнувъ отдѣленія отъ Россіи въ монетномъ отношеніи, они пожелали отмѣнить употреблявшіеся у нихъ шведскіе мѣру и вѣсъ.

Тотчасъ по присоединеніи Финляндіи къ Россіи, въ первомъ проектѣ таможеннаго тарифа, предполагалось ввести русскіе вѣсъ и мѣру; но мѣсто Сперанскаго въ комиссіи финляндскихъ дѣлъ занялъ баронъ Г. М. Армфельтъ и онъ отстоялъ вѣсъ и мѣру прежнихъ шведскихъ временъ.

Пользуясь припадкомъ либерализма въ Россіи и политическими обстоятельствами, сопровождавшими мятежъ въ Польшѣ, а главное—сеймомъ, при открытіи котораго произнесена была рѣчь, вышедшая изъ подъ пера Спельмана и князя Горчакова, рѣчь, которую русскій современникъ называетъ замѣчательной «по своей непослѣдовательности и безпричинности», земскимъ чинамъ было сдѣлано множество, составленныхъ сенатомъ, предложеній и между прочимъ одно о томъ, не признаютъ-ли они удобнымъ измѣнить разные роды мѣръ и вѣсовъ.

Проектъ этого предложенія былъ Высочайше утвержденъ, и земскіе чины, само собою разумѣется, согласились и представили объ отмѣнѣ десятичнаго дѣленія и о принятіи метрической системы.

4—16 іюня Государь написалъ: «Я рѣшительно на все это несогласенъ. Мѣры и вѣсы должны оставаться одинаковыя во всей имперіи». Здѣсь произошло недоразумѣніе, такъ какъ мѣры и вѣсы въ Финляндіи и Россіи были различные. Высочайшая резолюція крайне озадачила финляндцевъ и надо полагать, что она послѣдовала подъ вліяніемъ происходившихъ въ то время въ заграничной печати горячихъ споровъ о введеніи особыхъ мѣръ и вѣсовъ въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, по возвращеніи Государя изъ-за границы, баронъ Шернваль представилъ по дѣлу докладную записку, въ которой изложилъ весь ходъ дѣла, разсмотрѣннаго въ комитетѣ. 16—28 іюля 1864 года Государь положилъ на ней слѣдующую резолюцію: «утверждаю только отмѣну старинныхъ вѣсовъ въ рескриптѣ на имя генералъ-губернатора». Рескриптъ былъ тогда же представленъ и подписанъ. И такимъ образомъ вопросъ прошелъ безъ участія земскихъ чиновъ.

Комитетъ по финляндскимъ дѣламъ въ протоколѣ 23 іюля 1864 года старался выпутаться изъ этого дѣла и исправить ошибку Шернваль-Валлена. Эти обстоятельства побуждаютъ насъ представить протоколъ въ его дословной передачѣ. «Бывшій генералъ-губернаторъ графъ Бергъ, значится въ протоколѣ, всеподданнѣйше представилъ Государю Императору списокъ дѣламъ, по которымъ признавалось необходимымъ потребовать на первомъ же сеймѣ отзыва земскихъ чиновъ Финляндіи. Въ этотъ списокъ внесенъ былъ также и вопросъ объ измѣненіи мѣръ и вѣсовъ края. Затѣмъ Высочайше повелѣно было составить Высочайшее предложеніе сейму, которое и удостоилось Высочайшаго одобренія. Въ отзывѣ на это земскіе чины изъявили согласіе на немедленную отмѣну разныхъ способовъ взвѣшиванія металловъ и при томъ неодобрительно отнеслись къ предложенному введенію десятичнаго дѣленія нынѣ употребляющихся мѣръ и вѣсовъ, единицъ фунта и фута и ходатайствовали о принятіи метрической системы мѣры и вѣса. Вслѣдъ за этимъ финляндскій сенатъ, которому поручено было представить свое заключеніе касательно отзыва земскихъ чиновъ и проектъ постановленія объ измѣненіи системы мѣръ и вѣсовъ, всеподданнѣйше донесъ объ учрежденіи комиссіи изъ свѣдущихъ лицъ для составленія подобнаго проекта. Затѣмъ по всеподданнѣйшему докладу Государь Императоръ, рескриптомъ на имя генералъ-губернатора, соизволилъ на отмѣну съ начала 1865 года вѣсовъ штапельныхъ и внутреннихъ городовъ, горнаго и для чугуна, признавъ за благо изъявить Высочайшую волю, чтобы мѣры и вѣсы оставались одинаковыми во всей имперіи.

«Комитетъ, въ мнѣніи своемъ, полагаетъ необходимымъ дать пройти нѣкоторому времени до принятія какого-либо распоряженія и введенія другой системы мѣръ и вѣсовъ въ краѣ. На этомъ основаніи комитетъ, встрѣчая надобность ближе ознакомиться съ предметомъ и въ то-же время собрать разныя необходимыя свѣдѣнія, представляетъ, не соизволитъ-ли Его Императорское Величество повелѣть, чтобы на непродолжительное время были отложены всѣ предварительныя распоряженія касательно введенія въ Финляндіи системы мѣръ и вѣсовъ, однообразной съ принятой въ Россіи, а между тѣмъ объявить объ оставленіи впредь до времени безъ послѣдствій какъ разсмотрѣннаго на сеймѣ вопроса объ измѣненіи финляндскихъ мѣръ и вѣсовъ, такъ и всѣхъ уже Высочайше предписанныхъ или сдѣланныхъ сенатомъ распоряженій по этому предмету».

Этотъ протоколъ комитета (за № 253), подписанный графомъ Армфельтомъ, Государь утвердилъ въ Царскомъ Селѣ 10—22 августа 1865 года.

Въ отношеніи къ генералъ-губернатору, съ препровожденіемъ рескрипта, сказано было: что вопросъ о введеніи въ Финляндіи измѣненной системы мѣръ и вѣсовъ, а также всѣ вслѣдствіе этого уже Высочайше предписанныя или сдѣланныя сенатомъ распоряженія, имѣютъ быть впредь до времени оставлены безъ послѣдствій.

Дѣло не обошлось безъ нѣкоторой путаницы и непослѣдовательности, такъ какъ нѣсколько позже, при денежной реформѣ, для золотой монеты принятъ былъ вѣсъ въ граммахъ. Реформа мѣръ и вѣсовъ была проведена въ слѣдующее царствованіе. Настойчивые и послѣдовательные финляндцы добились того, что въ 1885 году сейму передано было Высочайшее предложеніе о введеніи метрической системы. Земскіе чины приняли предложеніе и съ 1887 года были введены метрическіе мѣры и вѣсъ, т. е. состоялось обособленіе окраины отъ центра государства въ новой сферѣ [439]).

13—25 апрѣля 1863 года послѣдовало разрѣшеніе читать въ университетѣ публичныя лекціи на финскомъ языкѣ, «коль скоро этимъ языкомъ владѣетъ большинство слушателей» [440]).

Согласно постановленію отъ 1 августа 1863 года, сенату, какъ мы видѣли, предстояло высказаться о «мѣрахъ и способахъ, потребныхъ для постепеннаго развитія и введенія финскаго языка въ дѣлопроизводства судебныхъ и присутственныхъ мѣстъ края» [441]). Въ ноябрѣ 1863 года онъ предложилъ преподавать въ учебныхъ заведеніяхъ на финскомъ языкѣ нѣкоторые предметы, учредить въ университетѣ каѳедру финскаго языка и требовать отъ кандидатовъ свидѣтельство въ знаніи сего языка. Затѣмъ сенатъ затребовалъ по этому предмету отзыва отъ нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстъ. Всѣ они высказались за отсрочку реформы, указывая на невозможность предъявленія къ чиновникамъ, состоявшимъ на службѣ ранѣе изданія сего закона, новыхъ требованій. Сенатъ охотно склонился къ такимъ ходатайствамъ, такъ какъ весьма мало былъ расположенъ дѣлать уступки финскимъ требованіямъ.

Въ слѣдующемъ своемъ заключеніи, данномъ въ концѣ 1864 г., сенатъ держался того мнѣнія, что «употребленіе финскаго

*

языка, какъ куріальнаго, слѣдуетъ подготовить ученымъ путемъ, частью преподаваніемъ и упражненіями въ учебныхъ заведеніяхъ, частью-же другими мѣрами и начать вводить его мало по малу въ низшихъ вѣдомствахъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ сенатъ просилъ о томъ, чтобы только низшіе судьи и чиновники, поступившіе на службу послѣ 1 января, обязывались производить извѣстныя дѣла на финскомъ языкѣ.

Комитетъ по финляндскимъ дѣламъ (см. его протоколъ отъ 12 декабря 1864 г.) раздѣлилъ мнѣніе сената и въ своей мотивировкѣ воспроизвелъ доводы, которые обыкновенно производились тогда шведской стороной. Сенатъ, по мнѣнію комитета, удачно рѣшилъ трудный вопросъ, сводившійся къ тому, чтобы удовлетворить требованіямъ финскаго населенія, основаннымъ на правдѣ и справедливости, не нарушая однако правъ нынѣшнихъ чиновниковъ, знающихъ только шведскій языкъ, причемъ сенатъ также имѣлъ въ виду предупредить разстройство, которое иначе могло-бы произойти отъ введенія новаго куріальнаго языка, а именно: остановку въ дѣятельности всего государственнаго механизма и всякое нарушеніе правильнаго хода дѣла въ судебныхъ и административныхъ управленіяхъ.

Говорили, что предположенныя сенатомъ мѣры и распоряженія будутъ недостаточны для введенія реформы до 1884 года. На это комитетъ отвѣтилъ: если это случилось бы, то причину тому должно искать въ свойствѣ самаго языка и въ крайней его необработанности. Въ доказательство сего достаточно, кажется, привести слѣдующія обстоятельства: финскій языкъ имѣетъ нѣсколько нарѣчій: эстерботническое, тавастландское, абоское, кои всѣ въ существенныхъ частяхъ различны между собою; лишь только изъ слитія всѣхъ этихъ нарѣчій долженъ образоваться письменный языкъ, но пройдетъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ до тѣхъ поръ, пока означенный письменный языкъ достигнетъ неоспоримой твердости; и наконецъ опытомъ не разъ уже доказано, что реформы относительно языковъ не принадлежатъ къ числу такихъ, которыя можно было бы ввести насильственно посредствомъ предписаній.

«Все образованное сословіе въ Финляндіи до нынѣшняго дня воспитывалось и обучалось на шведскомъ языкѣ,—читаемъ далѣе въ томъ же мнѣніи комитета, и это сословіе, за немногими лишь исключеніями, можетъ употреблять финскій языкъ только въ разговорѣ. Всѣ мѣры, клонящіяся къ устраненію всѣхъ шведскихъ элементовъ образованія, съ обращеніемъ онаго въ совер-

шенно финское, повели-бы къ тому результату, что не только совершенно пріостановилось-бы всякое дальнѣйшее развитіе, но и мало-по-малу всѣ классы народа, въ образѣ мыслей и выраженій, были бы отодвинуты назадъ настолько, насколько финскій языкъ относительно утонченности и развитія нынѣ находится и долго еще будетъ находиться ниже языковъ большей части европейскихъ народовъ».

Главный защитникъ финскаго языка, Снельманъ, не раздѣлялъ воззрѣній сенаторовъ и потому боролся съ ними словесно въ засѣданіяхъ сената, а письменно въ особыхъ запискахъ, поданныхъ гр. Армфельту, но на этотъ разъ безуспѣшно. Снельманъ находилъ, что въ заключеніяхъ присутственныхъ мѣстъ, присланныхъ въ сенатъ, совершенно отсутствовало представленіе о національномъ значеніи предлагаемой реформы. Событія-же времени требовали уваженія къ національной сторонѣ вопроса. Въ сужденіяхъ присутственныхъ мѣстъ упущена изъ вида будущность Финляндіи. «Нельзя забывать безсмертныхъ словъ Арвидсона (доцента абоскаго университета): «Мы не шведы, а русскими мы сдѣлаться не можемъ». Всѣ забыли объ опасности, которая можетъ грозить краю, и никто не обмолвился о необходимости работать ради его сохраненія. «Въ нашемъ краѣ мало слугъ своей родины,—писалъ Снельманъ,—и гораздо больше наемниковъ на жалованьѣ» [442]).

Горячая патріотическая рѣчь Снельмана не нашла отзвука въ сердцѣ шведа А. Армфельта и закономъ 20 февраля 1865 года было разъяснено, въ согласіи съ проектомъ сената, какіе предметы надлежитъ преподавать въ элементарныхъ училищахъ и гимназіяхъ на финскомъ языкѣ. Тогда же учреждена была должность экстраординарнаго профессора финскаго языка при университетѣ.

Самое могучее выраженіе и самую сильную связь національное чувство въ Финляндіи нашло въ любви и трудѣ на пользу финскаго языка, который такъ долго и несправедливо отстранялся. Въ прежнее время, если не исключительно, то по крайней мѣрѣ преимущественно, это было дѣломъ лишь индивидуальнаго патріотизма, въ послѣднюю-же четверть вѣка эта любовь и этотъ трудъ все больше и больше выдвигались впередъ и становились предметами заботъ какъ самого Монарха, такъ и правительства [443]).

Великое дѣло языкъ! Онъ есть первое основаніе народнаго единства. Тѣмъ болѣе великое дѣло для народнаго бытія вообще и для скрѣпленія его связи—«языкъ въ письменахъ». Только чрезъ

письмена выростаетъ племя въ народъ; его самосознаніе, его творчество не замираетъ въ воздухѣ вмѣстѣ съ рѣчью, не остается нѣмымъ, подобно памятникамъ зодчества, не подвергается искаженіямъ, подобно устному преданію. Такого воззрѣнія держались въ Россіи, когда рѣчь шла о значеніи апостольскихъ трудовъ св. Кирилла и Меѳодія для славянъ; то же самое воззрѣніе сказывалось въ тѣхъ случаяхъ, когда въ правительственной средѣ на очередь выдвигался языкъ того или иного изъ культурныхъ инородцевъ имперіи.

Въ 1863 году судебнымъ и административнымъ присутственнымъ мѣстамъ вмѣнено было въ обязанность безпрепятственно принимать бумаги и документы на финскомъ языкѣ, а съ 1 января 1867 года стали требовать, чтобы коронные фохты и ленсмана, уѣздные бухгалтеры и прочіе чиновники губернскаго правленія составляли нѣкоторыя бумаги, въ мѣстностяхъ съ финскимъ населеніемъ, на финскомъ языкѣ [444]). Эти мѣропріятія искренно привѣтствовались въ сердцѣ Россіи—Москвѣ—даже представителями славянофильства. «Недавно въ Финляндіи,—писалъ И. С. Аксаковъ,—русское правительство явило новый примѣръ высокаго безпристрастія и мудраго вниманія къ нуждамъ народнымъ. Оно разрѣшило, какъ объявлено во всѣхъ газетахъ, принимать просьбы не на одномъ только шведскомъ, но и на русскомъ и финскомъ языкахъ. Этимъ постановленіемъ облегчается возможность искать правосудія и покровительства законовъ небольшому числу русскихъ, проживающихъ въ Финляндіи, но главное—этимъ обезпечивается въ своихъ отношеніяхъ къ суду и власти вся масса финскаго народа. Шведскій языкъ есть языкъ меньшинства. Правительство, вѣрное своимъ обязанностямъ, не захотѣло долѣе терпѣть, чтобы большинство приносимо было въ жертву меньшинству, чтобъ господствующая національность,—національность туземная, давшая бытіе и названіе краю, — была поставлена въ подчиненное отношеніе къ національности, извнѣ занесенной, иноземной, и чтобъ эта послѣдняя находилась въ исключительномъ привилегированномъ положеніи. Чуждое обѣимъ этимъ національностямъ, русское правительство могло отнестись вполнѣ безпристрастно къ правамъ и требованіямъ всѣхъ классовъ страны, не давая ни одного въ обиду другому, являясь защитникомъ слабыхъ противъ сильныхъ и правосуднымъ посредникомъ между всѣми частными и сословными интересами. Таково призваніе всякаго честнаго и справедливаго правительства, особенно въ странѣ, гдѣ, какъ въ Финляндіи, сталкиваются между

собою не одни интересы сословные и экономическіе, но и интересы чуждыхъ правительству національностей, и особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ объ облегченіи всѣмъ гражданамъ доступа къ покровительству законовъ. Безъ всякаго сомнѣнія, финскій народъ благословляетъ теперь правду русской верховной власти.

«Такое снисхожденіе не уничтожаетъ, впрочемъ, нисколько справедливости принципа, что офиціальный языкъ государства долженъ быть единый и общій для всѣхъ,—и потому къ постепенному примѣненію этого принципа должны быть направлены и законодательныя, и административныя мѣры. Для этого прежде всего должна быть дана возможность всѣмъ подданнымъ нерусской національности усвоить себѣ знаніе русскаго языка. Мы даже не разумѣемъ здѣсь какой-либо обязательной законодательной мѣры,—хотя она была-бы и вполнѣ законна и вполнѣ справедлива,—но говоримъ только о предоставленіи возможности, объ облегченіи способовъ для подданныхъ инородцевъ къ пріобрѣтенію этого необходимаго для нихъ знанія» [445]).

Языкъ является однимъ изъ средствъ сближенія и культурнаго объединенія народовъ. Этимъ объясняется стремленіе законодателя къ упроченію изученія языка путемъ его введенія въ служебное дѣлопроизводство, въ общественный и въ особенности школьный обиходъ. Языкъ первѣйшее средство скрѣпленія государственнаго единства. Языкъ—проводникъ государственности. Ничто такъ не разъединяетъ людей, какъ языкъ, ничто также не объединяетъ ихъ прочнѣе языка. Интересы государства требуютъ, чтобы на всемъ пространствѣ россійской имперіи правительство говорило однимъ языкомъ. Это его неотъемлемое право, и никакая народность, входящая въ составъ имперіи, не можетъ домогаться того, чтобы правительство, въ отправленіяхъ государственной жизни, отказалось отъ употребленія своего языка. «Языкъ—духовное знамя Россіи». Высшія учрежденія Финляндіи въ то же время суть органы Россійской имперіи, почему обязаны стоять подъ тѣмъ же общимъ духовнымъ знаменемъ всего государства. Иное дѣло языкъ въ обиходѣ семьи, въ литературѣ, въ богослуженіи. Тутъ мѣстные языки инородцевъ могутъ развиваться и процвѣтать безпрепятственно.

«Въ шестидесятыхъ годахъ обнаружилось въ дѣйствіяхъ правительства значительное отступленіе отъ общаго стремленія къ упроченію русскаго языка среди должностныхъ лицъ.

Генералъ-губернаторъ графъ Бергъ въ отчетѣ о состояніи Финляндіи за 1860 годъ отмѣтилъ, что «преподаваніе русскаго языка

не производится въ семъ краѣ съ желательнымъ успѣхомъ». По Высочайшему повелѣнію, министръ-статсъ-секретарь потребовалъ отъ экзаменатора русскаго языка, С. Барановскаго, объясненія причинъ неуспѣшности дѣла и указанія мѣръ къ лучшему распространенію и обученію преподаванія русскаго языка. Барановскій отвѣтилъ, что неохота и равнодушіе къ русскому языку проистекаютъ изъ той гегемоніи, какимъ этотъ языкъ пользовался, и потому рекомендовалъ объявить его необязательнымъ предметомъ въ учебныхъ программахъ Финляндіи. По сему вопросу высказалась тогда же (10 апрѣля 1861 г.) и университетская консисторія, которая находила, что «теперь имѣется 50-лѣтній опытъ относительно надобности и успѣховъ преподаванія русскаго языка, и болѣе чѣмъ одно поколѣніе чиновниковъ испробовали важность изученія упомянутаго языка. Консисторія находитъ, что занятія русскимъ языкомъ повели только къ потерѣ времени и труда безъ соотвѣтствующей пользы, такъ какъ большинство чиновниковъ не имѣетъ случая и надобности пользоваться своими въ школѣ пріобрѣтенными познаніями въ русскомъ языкѣ и поэтому, за неимѣніемъ упражненія (практики) забываютъ все... Было-бы поэтому для университета, гимназій и элементарныхъ училищъ весьма полезно, если-бы преподаваніе русскаго языка было объявлено необязательнымъ». Сенатъ высказался (19 мая 1862 г.) приблизительно въ томъ же смыслѣ.

На первое предложеніе сената считать преподаваніе русскаго языка необязательнымъ Императоръ собственноручно отвѣтилъ: «Никакъ не могу согласиться»; однако, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, правительство уступило [446]).

Совѣтъ, данный профессоромъ русскаго языка и словесности при Гельсингфорскомъ университетѣ С. Барановскимъ оказался столь радикальнымъ, что министръ статсъ-секретарь не нашелъ возможнымъ принять его цѣликомъ и отказался отъ предложеннаго измѣненія существовавшихъ уставовъ, въ виду недавняго ихъ примѣненія. Но съ другой стороны графъ Армфельтъ усмотрѣлъ невозможнымъ принятіе какихъ либо мѣръ усиленія распространенія русскаго языка потому, что «при господствующемъ въ Финляндіи въ настоящее время направленіи умовъ всякая подобная мѣра не только была бы несвоевременною но, вызвавъ еще большее нерасположеніе, осталась бы даже безполезною». Онъ полагалъ, что «успѣховъ изученія русскаго языка въ Финляндіи надлежитъ ожидать не отъ измѣненія постановленій и отъ усиленныхъ мѣръ, а скорѣе отъ времени и перемѣны обстоятельствъ,

которыя однѣ могутъ дать почувствовать финляндцамъ необходимость знанія этого языка и побудить ихъ къ болѣе старательному занятію имъ» [447]).

По заведенному тогда порядку запросили мнѣнія комитета финляндскихъ дѣлъ. Онъ заявилъ, что «въ теченіи почти полустолѣтія со времени введенія русскаго языка въ число обязательныхъ предметовъ въ учебныхъ заведеніяхъ Финляндіи, опытъ доказалъ, что мѣра эта не могла сдѣлать знаніе сего языка въ краѣ столь общимъ, какъ это вѣроятно имѣлось въ виду. Напротивъ того, остается неоспоримымъ фактомъ, что обученіе сему языку отнимало много времени и было препятствіемъ къ пріобрѣтенію другихъ необходимыхъ познаній. Извѣстно также, что всѣ лица, которыя занимались изученіемъ русскаго языка, отчасти для производства на служебномъ поприщѣ, отчасти-же для другихъ ученыхъ цѣлей, пріобрѣтали свои познанія въ этомъ языкѣ совсѣмъ иными способами, а не въ учебныхъ заведеніяхъ края».

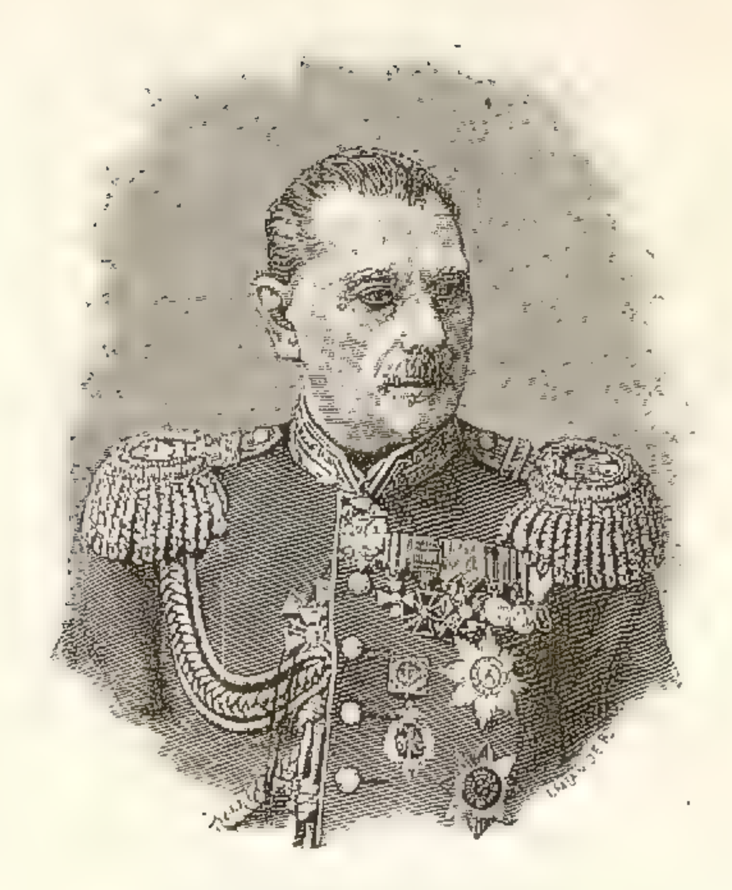
По этимъ причинамъ комитетъ, согласно съ сенатомъ, всеподданнѣйше представилъ, чтобы русскій языкъ былъ исключенъ изъ числа обязательныхъ предметовъ въ элементарныхъ училищахъ Финляндіи и чтобы изученіе его, какъ предложилъ сенатъ, было предоставлено выбору учениковъ». Высочайшая резолюція гласила: «Быть по сему» [448]).

Высочайшимъ объявленіемъ 9 февраля 1863 года, во вниманіе къ отзыву сената и мнѣнію комитета финляндскихъ дѣлъ о чрезмѣрномъ обремененіи воспитанниковъ финляндскихъ учебныхъ заведеній изученіемъ слишкомъ большого числа языковъ въ ущербъ другимъ предметамъ преподаванія, отмѣненъ обязательный экзаменъ по русскому языку при поступленіи въ Александровскій университетъ и при экзаменахъ по юридическимъ и камеральнымъ наукамъ. Обученіе русскому языку предоставлено было выбору тѣхъ учениковъ, которые имѣли въ знаніи его надобность для будущихъ своихъ цѣлей. Вмѣсто русскаго государственнаго языка предписали: въ высшихъ элементарныхъ училищахъ назначать 4 часа для нѣмецкаго и 2 часа для латинскаго языка. Языку великой имперіи предпочли мертвый языкъ римлянъ. Въ 1862 году (30 октября—11 ноября) должность экстраординарнаго профессора русскаго языка была упразднена. Знаніе русскаго языка требовалось только для занятія должностей по финляндскому статсъ-секретаріату, канцеляріи финляндскаго генералъ-губернатора [449]).

Такимъ образомъ финляндскія учебныя заведенія «эмансипировались отъ насильственнаго изученія русскаго языка». С. Барановскаго превознесли за его «открытое и правдивое» заявленіе и большую услугу, оказанную имъ русскому языку, избавленіемъ его отъ тяжелаго бремени презрѣнія и нерасположенія финляндцевъ [450]).

Русскій языкъ очутился въ положеніи той науки, о которой сатирикъ Кантемиръ писалъ, что она «изо всѣхъ знатныхъ домовъ съ ругательствомъ сбита». Мѣстное населеніе съ большимъ сочувствіемъ встрѣтило отмѣну обязательнаго изученія въ финляндскихъ школахъ русскаго языка и перечисленіе его въ разрядъ предметовъ факультативныхъ. Снельманъ, который ранѣе уже много разъ доказывалъ вредъ господствовавшей въ финляндскихъ школахъ принудительной системы, привѣтствовалъ реформу. «Такое важное извѣстіе,—говоритъ онъ въ первомъ выпускѣ «Литературнаго Листка» за 1863 годъ,—заслуживаетъ того, чтобы о немъ говорить во всеуслышаніе. Конечно, для нашего края очень полезно, чтобы наши чиновники, особенно высшіе, владѣли русскимъ языкомъ, но несправедливо было требовать, чтобы чиновники вообще знали русскій языкъ, и чтобы всѣ безъ исключенія воспитанники нашихъ школъ посвящали изученію этого предмета весьма значительную часть своего времени». Иначе смотрѣлъ на дѣло Л. ф.-Гартманъ. Онъ предлагалъ усилить требованія по русскому языку. Въ запискѣ, предназначенной для графа Берга, онъ указывалъ правительству на необходимость «revendiquer, en entiers et sans réserve l'influence administrative de la lange où le Gouvernement place et doit placer sa force concentrique [451]).

Для выясненія отношенія финляндскихъ дѣятелей изъ статсъ-секретаріата и нашего правительства къ основнымъ законамъ шведскаго времени необходимо начать съ маленькой исторической справки. Когда въ 1861 году Государю доложили представленіе финляндскаго сената, касательно вопросовъ, которые, по мнѣнію сената, слѣдуетъ предложить на обсужденіе перваго финляндскаго сейма, то послѣдовала резолюція, засвидѣтельствованная подписью графа Армфельта 6—18 октября 1862 года: «Высочайше утверждено за исключеніемъ ссылки на 42 п. Формы правленія 1772 года». При докладѣ приложена была справка, въ которой приводился § 42 формы правленія 1772 года и противъ



Генералъ Норденстамъ.

Генералъ - губернаторъ
П. Рокасовскій.

первой части этого параграфа отмѣчено: «Измѣненъ § 6 акта соединенія и безопасности». Въ самомъ-же докладѣ, гдѣ сенатъ говорилъ о необходимости новыхъ постановленій касательно обязанностей землевладѣльцевъ по устройству водоотводовъ при расчисткѣ рѣкъ, и гдѣ сенатъ дѣлаетъ ссылку на § 42 формы Правленія 21 августа 1772 года, рукою Государя написано: «Съ этимъ заявленіемъ Я не могу согласиться, ибо постановленіе 21 августа 1772 года отмѣнено позднѣйшимъ актомъ отъ 21 февраля и 3 апрѣля 1789 года. Слѣдовательно, сей послѣдній законъ одинъ теперь обязателенъ и долженъ непремѣнно служить руководствомъ впредь» [452]). Далѣе въ томъ-же дѣлѣ, когда говорилось: комитетъ считалъ долгомъ представить о необходимости повелѣнія приступить къ полному собранію всѣхъ нынѣ дѣйствующихъ основныхъ законовъ края и къ новой ихъ редакціи, согласной съ настоящими обстоятельствами,—рукою Государя отмѣчено: «Признаю первѣйшею необходимостью»—послѣ чего составленный проектъ предложить на утвержденіе Государственнымъ чинамъ перваго-же предстоящаго сейма».

Эта справка показываетъ, что въ 1862 году правительство отвергало цѣликомъ примѣнимость къ Финляндіи шведской формы правленія 1772 года. Всѣ эти резолюціи Монарха лучше, чѣмъ кому либо другому были извѣстны графу Армфельту. Имѣя передъ собой эту справку, обратимся къ послѣдующимъ дѣйствіямъ названнаго министра статсъ-секретаря.

Въ тронной рѣчи, которою Государь открылъ сеймъ 1863 года, указано было, что «многія постановленія коренныхъ законовъ Великаго Княжества оказываются несовмѣстными съ положеніемъ дѣлъ, возникшихъ послѣ присоединенія этого княжества къ имперіи, другія страдаютъ недостаткомъ ясности и опредѣленности». Вслѣдствіе этого имѣлось въ виду составить проектъ новаго закона. Исходя изъ сихъ царскихъ словъ, графъ Армфельтъ въ январѣ 1864 года представилъ Монарху два всеподданнѣйшихъ доклада, испрашивая разрѣшеніе образовать двѣ особыя комиссіи: одну для начертанія «проекта необходимыхъ объясненій и дополненій къ основнымъ законамъ Великаго Княжества», а другую—для реформы сената. Членовъ комиссіи долженъ былъ назначить сенатъ. По мысли статсъ-секретаря, въ руководство редакціонной комиссіи по составленію объясненій и дополненій къ основнымъ законамъ надлежало дать слѣдующія положенія: «основными законами, коими опредѣляются взаимныя права и обязанности Государя и народа считаются актъ о формѣ правленія отъ 21 авгу-

ста 1772 года и актъ соединенія и безопасности отъ 21 февраля 1789 года». Коммиссіи надлежало, въ видахъ удобства, «соединить помянутые два акта въ одинъ», «держась буквальнаго смысла постановленій». «Изъ новаго акта должно исключить: «постановленія о вѣроисповѣданіи Государя, о престолонаслѣдіи, объ управленіи государствомъ во время болѣзни и дальняго путешествія Монарха. Въ подобныхъ случаяхъ въ Финляндіи дѣйствовалъ законъ имперіи. Въ новый законъ надлежало включить Высочайшее соизволеніе на то, что впредь займы не будутъ производиться безъ согласія земскихъ чиновъ, что право сейма по обложенію податями будетъ расширено, что земскимъ чинамъ будетъ возвращено право возбужденія предложеній, что подъ ихъ гарантію будетъ учрежденъ особый банкъ и т. п.

Вмѣстѣ съ тѣмъ статсъ-секретарь испрашивалъ Высочайшее разрѣшеніе возложить на ту же комиссію составленіе редакціи проекта «сеймоваго положенія».

На все это послѣдовало согласіе Государя.

Ясно, что статсъ-секретаріатскіе руководители финляндской политики путались въ старыхъ основныхъ шведскихъ законахъ. Въ октябрѣ 1862 года они докладывали Монарху, что форма правленія 1772 года къ Финляндіи вовсе не примѣнима, въ виду того, что она отмѣнена цѣликомъ актомъ соединенія и безопасности 1789 года, а въ январѣ 1864 года представили Государю, что оба закона, т. е. и 1772 и 1789 годовъ, равно являются основными для Финляндіи. Очевидно также, что графъ Армфельтъ, поднося къ утвержденію Императора Александра II програму для комиссіи основныхъ законовъ, не представилъ Ему, въ видѣ справки, Высочайшія резолюціи 1862 года.

Программой, данной комиссіи по преобразованію сената, предлагалось совершенно выдѣлить судебный департаментъ, преобразовавъ его въ высшее судебное учрежденіе, съ несмѣняемыми членами. Хозяйственный департаментъ надлежало раздѣлить на экспедиціи, кои впредь должны были «соотвѣтствовать министерствамъ». Главная же задача сей комиссіи сводилась къ тому, чтобы устранить изъ сената генералъ-губернатора, какъ не знающаго обыкновенно мѣстные языки. Ему представлялось, однако, «наблюдать за сохраненіемъ интересовъ имперіи».

Необходимость подобныхъ преобразованій графъ Армфельтъ мотивировалъ голосомъ общественнаго мнѣнія, который имѣлъ свой отзвукъ также и въ сеймѣ (1863 г.), желавшемъ установленія отвѣтственности сената передъ «государственными чинами»,

учрежденія должности повѣреннаго отъ юстиціи и т. п. Министръ статсъ-секретарь рекомендовалъ правительству взять на себя иниціативу дѣла, ранѣе чѣмъ сеймъ успѣетъ договориться по вопросу.

Эта программа для второй комиссіи также удостоилась Высочайшаго одобренія.

Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ то обстоятельство, что графъ Армфельтъ по столь кореннымъ реформамъ не переговорилъ съ генералъ-губернаторомъ, не смотря на то, что въ періодъ доклада записокъ Государю, баронъ Рокасовскій находился въ Петербургѣ. Начальникъ края такимъ образомъ не зналъ, что дѣлалось въ статсъ-секретаріатѣ. Трудно установить истинную причину подобнаго дѣйствія со стороны Армфельта, такъ какъ онъ могъ руководиться двумя совершенно противоположными мотивами: или онъ опасался встрѣтить личное противодѣйствіе Рокасовскаго, или-же вовсе не хотѣлъ съ нимъ считаться, зная, что въ Петербургѣ онъ лишенъ былъ вліятельныхъ связей. Во всякомъ случаѣ тактика Армфельта оказалась ошибочной, и задуманнаго дѣла, вслѣдствіе этого, ему не удалось осуществить. «Склони Армфельтъ Рокасовскаго на свою сторону,—читаемъ въ запискахъ одного современника,—и все дѣло было бы выиграно финляндцами. Но Рокасовскій былъ честный человѣкъ и мужественно стоялъ за интересы Россіи».

Въ мартѣ 1864 года статсъ-секретаріатъ сообщилъ (за № 139) генералъ-губернатору, что имѣется въ виду составить проектъ «необходимыхъ объясненій и дополненій основныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ», и произвести реформу сената. Кромѣ того, существовало предположеніе передать проектъ основныхъ законовъ будущему сейму. Статсъ-секретаріатъ, сообщая барону Рокасовскому Высочайшее повелѣніе о комиссіяхъ, просилъ также, чтобы сенатъ представилъ кандидатовъ въ ихъ члены. Предсѣдателемъ первой комиссіи избрали вице-президента хозяйственнаго департамента, генералъ-лейтенанта барона Норденстама. Предсѣдателемъ второй комиссіи былъ назначенъ тайный совѣтникъ баронъ Карлъ Клинковстремъ.

Въ ноябрѣ 1864 года состоялось засѣданіе усиленнаго комитета финляндскихъ дѣлъ. Комитетъ выработалъ программы для обѣихъ комиссій и повергъ ихъ на Высочайшее благовоззрѣніе. Комитетъ вводилъ въ программы нѣсколько новыхъ руководящихъ началъ, въ дополненіе къ ранѣе одобреннымъ, и потому

просилъ Государя объ ихъ утвержденіи. По мысли комитета, обѣ комиссіи получили право представить свои проекты непосредственно отъ себя на Высочайшее благоусмотрѣніе. «Быть по сему»—гласитъ резолюція Императора отъ 7—19 декабря 1864 года. «О срокѣ созыва будущихъ сеймовъ полагаю лучше не говорить».

Попутно комитетъ добивался установленія впредь законодательства о винокуреніи и таможнѣ съ «обоюднаго согласія Государя Императора и земскихъ чиновъ».

Въ тотъ же день, т. е. 7—19 декабря, на утвержденіе Государя, вмѣстѣ съ журналомъ комитета, были поднесены два своеобразныхъ акта. Они были подписаны всѣми членами комитета финляндскихъ дѣлъ, но по содержанію являются предписаніями предсѣдателямъ комиссіи основныхъ законовъ Норденстаму и комиссіи сената—Клинковстрему и заключали въ себѣ подробныя руководящія начала, коимъ эти комиссіи обязаны были слѣдовать.

Нѣкоторыя положенія будущихъ проектовъ были здѣсь категорически формулированы. Напримѣръ, «Великое Княжество Финляндское, составляя часть Россійскаго государства, состоитъ съ нимъ въ неразрывномъ соединеніи», «Великое Княжество управляется согласно съ его формою правленія и законами». И т. п.

Одинъ изъ русскихъ современниковъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, со словъ вдовы барона Рокасовскаго,—женщины умной, освѣдомленной и внимательно слѣдившей за политикой,—что баронъ П. И. Рокасовскій просилъ предсѣдателя комиссіи, генерала Норденстама, сообщить ему Высочайше утвержденную программу комиссіи, но въ этомъ генералъ-губернатору было отказано. Современникъ добавляетъ, что передъ этимъ Рокасовскій получилъ изъ Новгородской губерніи частное письмо, въ которомъ его предупреждали, что въ Финляндіи, подъ видомъ систематизаціи основныхъ законовъ, сочиняется новая конституція. Дѣлался даже упрекъ начальнику края за допущеніе имъ вреда русскимъ интересамъ.

Первое изъ этихъ заявленій подтверждается документами архива статсъ-секретаріата. Графъ Армфельтъ, игнорируя барона Рокасовскаго, дѣйствительно не призналъ нужнымъ сообщить ему программы комиссій, почему начальникъ канцеляріи генералъ-губернатора, Моландеръ, написалъ (29 декабря 1864 г.—10 января 1865 г.) директору канцеляріи статсъ-секретаріата, В. П.

Степанову, что генералъ Рокасовскій желаетъ получить Высочайше утвержденную программу для комиссіи Норденстама. Желаніе начальника края было удовлетворено. Но предварительно Армфельтъ былъ у Государя. Послѣ доклада министръ статсъ-секретарь объявилъ, что Его Величество повелѣлъ сообщить програмы генералъ-губернатору. Прибавимъ кстати, что записка сенатора Спельмана (декабрь 1864) по финансовому вопросу также миновала Рокасовскаго, и ему пришлось просить статсъ-секретаріатъ дать ему прочесть черновой ея переводъ.

Програмы раскрыли генералъ-губернатору намѣренія финляндскихъ политиковъ и побудили его, не теряя времени, дѣйствовать, согласно своему разумѣнію. Рокасовскій, не дожидаясь поступленія проекта основныхъ законовъ на утвержденіе Государя, представилъ 19—31 мая 1865 года Его Величеству въ собственныя руки конфиденціально свою записку, въ которой высказалъ, что «изданіе полнаго уложенія, при настоящемъ настроеніи умовъ, можетъ дать поводъ къ неумѣстнымъ преніямъ на сеймѣ и въ нѣкоторой степени подкрѣпить неточныя понятія о самостоятельности страны». Обращеніе судебнаго департамента въ верховный судъ Рокасовскій признавалъ необоснованнымъ, а учрежденіе коллегій—требующимъ значительныхъ денежныхъ расходовъ. «Наконецъ, въ предполагаемомъ преобразованіи сената, съ назначеніемъ финляндскаго уроженца предсѣдателемъ онаго, повидимому, главная цѣль заключается въ уничтоженіи вліянія генералъ-губернатора на дѣла управленія».

«Вообще можно сказать, что предположенное постановленіе, если внесено будетъ въ новое уложеніе, лишитъ правительство должнаго контроля за дѣйствіями мѣстнаго управленія и отниметъ у него дѣйствительное средство къ успѣшному приведенію въ исполненіе Высочайшихъ повелѣній.

«Въ заключеніе считаю долгомъ выразить, что повторяющіяся настоянія о новыхъ правахъ невольно наводятъ мысль на потаенныя дѣйствія радикальной партіи. Въ послѣднее время измѣнилось многое въ финляндскомъ обществѣ; явились новыя понятія о самостоятельности края, стремленія къ сепаратизму и неуклонное желаніе обезпечить будущность. Въ монетной реформѣ эти дѣйствія высказались довольно ясно: испрошены мало-по-малу и систематически разныя уступки, сами по себѣ незначительныя, но которыя, наконецъ, довершили отдѣленіе Великаго Княжества отъ имперіи. Въ настоящемъ проектѣ, если слѣдить за ходомъ дѣла, нельзя не подозрѣвать ту же радикальную партію, распростра-

няющую безпрерывно свои мнѣнія, съ указаніемъ даже на лицо, достойное находиться во главѣ управленія. При этомъ не долженъ я умолчать, что программа радикаловъ мнѣ давно извѣстна и только часть оной нынѣ предложена къ обсужденію въ комитетахъ».

«Принимая все вышесказанное во вниманіе, я бы находилъ лучшимъ оставить дѣйствующія нынѣ учрежденія въ своей силѣ. Для меня, какъ ни дороги интересы финляндцевъ къ правильному ихъ развитію и благоденствію края, но не могу этого желать въ ущербъ интересовъ имперіи, полагая притомъ, что новыя уступки не удовлетворятъ радикальную партію и поведутъ только къ новымъ несбыточнымъ желаніямъ».

На этой запискѣ Рокасовскаго рукою Государя было отмѣчено: «Имѣть въ виду при представленіи новыхъ проектовъ сюда».

Записка предназначалась лично для Монарха, который довѣрительно передалъ ее графу Армфельту. Послѣдній не былъ уполномоченъ передавать ее кому бы то ни было. Но какъ только записка попала въ его руки, она сдѣлалась извѣстной не только членамъ финляндскаго комитета въ Петербургѣ, но и финляндскому сенату въ Гельсингфорсѣ. Рѣшено было написать опроверженіе. Возраженіе составлялъ Брунéръ, вмѣстѣ съ Седеркрейцемъ, Шернвалемъ и Армфельтомъ.

Наибольшій интересъ представляютъ слѣдующія соображенія, особенно подчеркнутыя въ возраженіи. «Генералъ-губернаторы лишь въ исключительныхъ случаяхъ владѣютъ общеупотребительными въ Финляндіи языками; кромѣ того, они обыкновенно лишь съ трудомъ и послѣ долговременныхъ стараній могутъ вникнуть во всѣ свойственныя Финляндіи обстоятельства и, слѣдовательно, долго остаются чуждыми краю. Между тѣмъ желательно, чтобы предсѣдатель сената на дѣлѣ, а не по имени только предсѣдательствовалъ въ немъ». Этимъ доводомъ имѣлось въ виду поддержать мнѣніе о пользѣ назначенія предсѣдателя изъ природныхъ финляндцевъ.

Появленіе радикальной партіи финляндцы въ своемъ возраженіи не отрицали, но утверждали, что на населеніе, отличающееся спокойнымъ нравомъ, малой склонностію къ нововведеніямъ, и по образу мысли являющемуся «преимущественно монархическимъ», ея вліяніе не распространяется.

Сепаратизмъ въ Финляндіи несомнѣнно сказывается, но только «въ желаніи финляндцевъ сохранить свои отдѣльные законы и управленіе». «Впрочемъ, нельзя не сознаться,—читаемъ

въ возраженіи,—и это не было скрыто отъ Его Императорскаго Величества, что въ Финляндіи есть лица, питающія не совсѣмъ доброе расположеніе къ Россіи, и быть можетъ и желанія, несогласныя съ зависимостью Финляндіи отъ имперіи, но эти лица почти всѣ на счету, и образъ ихъ мыслей не есть тайна». Когда же затѣмъ въ возраженіи выражено было негодованіе на генералъ-губернатора за его утвержденіе, что «будто бы подобныя лица встрѣчаются между сановниками» и даже требованіе, чтобы они были «открыты и удалены», то Государь отмѣтилъ: «Прошу не забывать, что записка генералъ-губернатора была написана только для меня». Общая же резолюція Монарха на представленномъ возраженіи гласила: «Такъ какъ записка генералъ-губернатора была совершенно конфиденціальная, то желаю, чтобы содержаніе ея сохранилось въ тайнѣ. Возраженія нахожу вообще дѣльными»...

Комиссія генерала Норденстама представила проектъ уложенія, состоявшій изъ 68 параграфовъ. Въ какомъ духѣ и направленіи велись эти работы показываютъ слѣдующія извлеченія изъ проекта.

«Россійскій Императоръ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и Великій Князь Финляндскій и одновременно восходитъ на престолъ какъ имперіи, такъ и Великаго Княжества» (§ 2).

«Границы Финляндіи..... не могутъ быть измѣнены безъ совокупнаго рѣшенія Государя Императора и земскихъ чиновъ (§ 4).

Евангелическо-лютеранская вѣра объявлялась «господствующею религіею края» (§ 5).

За Государемъ Императоромъ признавалось «высшее начальство надъ финляндскими военными силами» (§ 8).

Послѣ Государя, «высшая административная власть въ краѣ принадлежала финляндскому сенату» (§ 14).

По проекту уложенія генералъ-губернаторъ, какъ не входившій въ составъ финляндскихъ чиновниковъ, не оставлялся предсѣдателемъ сената (§ 21).

Подъ рѣшеніями Государя требовалась скрѣпа министра статсъ-секретаря (§ 26).

Къ служебнымъ должностямъ допускались одни только финляндцы (§ 31).

Предполагалось установить обязательнымъ, чтобы земскіе чины собирались на сеймъ каждые три года.

Основные законы, подати, таможенные налоги должны были устанавливаться «сообща» Государемъ и земскими чинами (§§ 39, 48, 50).

17

Комиссія по составленію проекта основныхъ законовъ, окончивъ свою работу, представила (20 іюня 1865 г.) свой проектъ, минуя генералъ-губернатора, непосредственно министру статсъ-секретарю, для доклада Государю Императору. Отъ Его Величества послѣдовало, однако, повелѣніе, прежде разсмотрѣнія въ сенатѣ, препроводить къ финляндскому генералъ-губернатору (15—27 іюля 1865 г). Такимъ образомъ Рокасовскій почти случайно получилъ возможность офиціально высказаться по дѣлу. Имѣются два отвѣта Рокасовскаго. «Я не нахожу повода,—писалъ онъ (23 іюля—4 августа 1865 г. № 1771),—измѣнить выраженное мною предъ симъ убѣжденіе, что утвержденіе предложенныхъ преобразованій не принесетъ желаемаго результата. Что-же касается генералъ-губернатора, то власть его всегда была ограничена закономъ, лишеніе же его права предсѣдательствовать въ сенатѣ лишитъ его и возможности дѣйствовать съ успѣхомъ въ указанномъ законами кругѣ его служебныхъ обязанностей».

4—16 августа 1865 года п. д. министра статсъ-секретаря Шернваль просилъ уже отложить окончательное разсмотрѣніе составленнаго кодификаціонною комиссіею свода финляндскихъ узаконеній. «Предоставляю себѣ переговорить объ этомъ съ графомъ Армфельтомъ, когда онъ возвратится», отвѣтилъ Государь надписью на докладѣ.

Во второмъ отвѣтѣ главнѣйшія замѣчанія генерала Рокасовскаго сводились къ слѣдующему: «Представленный комитетомъ проектъ уложенія составляетъ въ нѣкоторомъ отношеніи конституцію для великаго княжества, въ которой съ одной стороны расширены права земскихъ чиновъ, а съ другой ограничены права верховной власти». Въ видѣ примѣра генералъ-губернаторъ указалъ на лишеніе Государя права высылать подозрительныхъ лицъ изъ одного мѣста жительства въ другое; на устраненіе отъ предсѣдательствованія въ сенатѣ генералъ-губернатора, чѣмъ отнималось у него всякое вліяніе на управленіе. Новымъ проектомъ генералъ-губернатора составители уложенія имѣли въ виду предавать особому суду, вмѣстѣ съ другими высшими чиновниками. Государь согласился со всѣми заявленіями Рокасовскаго, отмѣтивъ собственноручно на поляхъ его доклада: «Совершенно справедливо», «и Я раздѣляю это мнѣніе»...

Чтобы яснѣе опредѣлить свое несогласіе съ комиссіей основныхъ законовъ, генералъ-губернаторъ, направляя въ статсъ-секретаріатъ свои заключенія, написалъ, что комиссія, «составивъ проектъ новаго уложенія, не только соединила въ одинъ актъ преж-

нія законоположенія, но дополнила ихъ новыми, которыми, съ ограниченіемъ правъ верховной власти, расширены права земскихъ чиновъ». Вслѣдствіе этого Рокасовскій отказался «подкрѣпить утвержденіе сего проекта».

Замѣчанія барона Рокасовскаго по проекту второй комиссіи о реформѣ сената и вообще высшихъ правительственныхъ мѣстъ сводились къ тому, что онъ не признавалъ пользы выдѣленія изъ сената судебнаго департамента и устраненіе генералъ-губернатора отъ предсѣдательствованія въ сенатѣ, такъ какъ послѣдняя реформа поведетъ къ тому, что принятыя сенатомъ мѣры останутся неизвѣстными начальнику края, и онъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ лишенъ возможности вліять на выборъ лицъ, «тогда какъ онъ одинъ въ цѣломъ краѣ, который, не имѣя ни родства, ни интересовъ при замѣщеніи должностей, можетъ болѣе другихъ дѣйствовать совершенно безпристрастно». Переписка по вопросу о преобразованіи сената продолжалась затѣмъ при преемникѣ барона Рокасовскаго.

Министръ статсъ-секретарь, видя, что Государь сталъ склоняться къ доводамъ генералъ-губернатора, и желая спасти проектъ уложенія отъ полнаго неодобренія, ходатайствовалъ (25 августа—6 сентября 1865 г.), въ виду важности дѣла, «требующаго особенной осмотрительности», о вызовѣ въ Петербургъ генерала Норденстама, «для представленія необходимыхъ объясненій по замѣчаніямъ генералъ-губернатора». Государь надписалъ: «Замѣчанія генералъ-губернатора нахожу вообще основательными и желаю, чтобы они были еще здѣсь обсуждены въ присутствіи его самого, графа Армфельта и генерала Норденстама».

На замѣчанія генералъ-губернатора были сдѣланы письменныя возраженія, подписанныя генералъ-лейтенантомъ Норденстамомъ (20 сентября 1865 г.) и представленныя Его Величеству.

Эти возраженія основаны главнымъ образомъ на Высочайше утвержденной программѣ. Безъ вѣдома генералъ-губернатора Государю поднесли односторонне составленныя положенія, которыя не выдержали впослѣдствіи критики Рокасовскаго, исходившаго въ своихъ замѣчаніяхъ изъ государственныхъ интересовъ Россіи. Но тѣмъ не менѣе, добившись утвержденія въ программѣ нѣкоторыхъ предположеній, финляндцы затѣмъ крѣпко держались ихъ, не желая понять, что нельзя давать предположеніямъ значенія чего-то незыблемаго [453]).

Въ октябрѣ 1865 года проектъ уложенія былъ препровожденъ на разсмотрѣніе финляндскаго сената. Сенатъ ввелъ нѣко-

торыя измѣненія, и генералъ-губернаторъ вновь представилъ свои возраженія. При передачѣ проекта въ статсъ-секретаріатъ Нордестамъ, въ письмѣ (отъ 24 февраля 1866 г.), обратилъ особое вниманіе графа Армфельта на нѣкоторыя статьи и между прочимъ совѣтовалъ не называть въ проектѣ представителя Государя отдѣльно генералъ-губернаторомъ на тотъ случай, если Его Величеству впослѣдствіи угодно будетъ назначить въ Финляндію намѣстника. Затѣмъ дѣло съ проектами основныхъ законовъ докладывалось въ комитетѣ финляндскихъ дѣлъ, но (въ мартѣ) разсмотрѣніе внезапно прекратилось, вслѣдствіе засѣданія, бывшаго у Государя.

Въ кабинетѣ Его Величества собрались: Государь Наслѣдникъ, князь Горчаковъ, графъ Блудовъ, баронъ Рокасовскій, генералъ Норденстамъ и графъ Армфельтъ. Рокасовскій поддерживалъ свое мнѣніе о томъ, что составленное уложеніе есть ни что иное, какъ новая конституція Финляндіи и если проектъ будетъ утвержденъ, то, конечно, не онъ наложитъ руку на достоинство Россіи. Графъ Армфельтъ съ жаромъ говорилъ о вѣрноподданническихъ чувствахъ финляндцевъ и нападалъ на Рокасовскаго. Горчаковъ и Блудовъ молчали. По окончаніи диспута,—разсказывала впослѣдствіи супруга Рокасовскаго,—графъ Армфельтъ, выходя изъ кабинета Государя, вызывающе сказалъ П. И. Рокасовскому: «Eh bien, mon général! Vous partez et moi—je reste! Nous verrons: rira bien ce qui rira le dernier. Возвратясь домой, Рокасовскій предупредилъ свою жену, что имъ надо готовиться къ оставленію Гельсингфорса, такъ какъ онъ замѣтилъ неудовольствіе Государя.

Опозиція генералъ-губернатора проекту новой конституціи очень озлобила вліятельныхъ финляндцевъ и сдѣлала ихъ непримиримыми врагами Рокасовскаго. Они не скупились на обвиненія. Ему ставили въ вину даже то, чѣмъ онъ пытался заслужить ихъ расположеніе. Говорили, что онъ выказывалъ пренебреженіе къ русскимъ, приглашая на свои вечера газетчиковъ и учителей и не удостаивая зова русскихъ штабъ-офицеровъ. Находили, что онъ гонялся за популярностью и т. п. Еще разъ подтвердилась прискорбная истина, что въ Россіи труднѣе всего отстаивать русскіе интересы...

Остается прибавить, что проектъ формы правленія, выработанный комиссіею Норденстама, не былъ утвержденъ Государемъ. Опозиція барона Рокасовскаго не прошла, такимъ образомъ, безслѣдно, и онъ не безполезно палъ ея жертвой.

Успѣхъ неизмѣнно сопутствовалъ финляндцамъ. Послѣ рѣчи, которой былъ открытъ сеймъ 1863 года, имъ удалось направить въ свою пользу таможенное дѣло, монетную реформу и пр. Занятые затѣмъ реформой сеймоваго представительства, переустройствомъ высшаго управленія, кодификаціей основныхъ законовъ и т. п., они озабочены были насажденіемъ своихъ новыхъ воззрѣній не только среди соотечественниковъ, но и высшихъ петербургскихъ сферъ. Свою заботу въ этомъ направленіи они предусмотрительно простерли такъ далеко, что занялись планами внушенія ихъ Наслѣднику Всероссійскаго престола.

Въ одномъ финляндскомъ изданіи находимъ слѣдующее признаніе: «Въ интересахъ будущаго Армфельтъ обращалъ большое вниманіе на Наслѣдника престола Александра Николаевича, къ которому, какъ канцлеру гельсингфорсскаго университета, часто являлся для постепеннаго и незамѣтнаго развитія въ немъ расположенія къ Финляндіи» [434]). Когда великій князь Александръ Николаевичъ взошелъ на Всероссійскій престолъ, такое-же вниманіе обращено было финляндцами на Его старшаго сына, которому надлежало впослѣдствіи возложить на себя корону великой имперіи».

Въ 1858 году баронъ Норденстамъ былъ въ Петербургѣ. На аудіенціи у Государя онъ выразилъ свои мысли о желательности ознакомленія Наслѣдника престола съ законодательствомъ Финляндіи, о чемъ, вѣроятно, ранѣе бесѣдовалъ съ Шернваль-Валленомъ, а можетъ быть и съ другими финляндцами (барономъ Котеномъ, Брунеромъ, Седеркрейцемъ. Баронъ Шернваль, послѣ отъѣзда Норденстама, въ письмѣ къ нему отъ 6—18 марта, говоритъ, что Его Величество съ особымъ благоволеніемъ принялъ и одобрилъ его, Норденстама, мысли и велѣлъ графу Армфельту составить записку, въ которой были-бы изложены эти планы болѣе обстоятельно, а потому, по порученію Армфельта, Шернваль просилъ Норденстама изложить мысли, представленныя Государю. Записка была, конечно, прислана.

Норденстамъ писалъ: «Важность того, чтобы будущій Государь въ юности своей могъ изучить общественное устройство народа, коимъ Ему современемъ придется управлять,—неисчислима какъ для Него Самого при рѣшеніи государственныхъ дѣлъ, такъ и для народа. Что касается до Финляндіи, то для нея было бы неоцѣненнымъ счастіемъ, еслибъ Государь Императоръ дозволилъ юному Наслѣднику престола, предназначенному Провидѣніемъ править современемъ судьбою финскаго народа, кромѣ другихъ

знаній, свойственныхъ Его высокому призванію, изучить государственное устройство Финляндіи, а именно: историческое развитіе, сущность основныхъ законовъ и начала настоящаго управленія краемъ. Затѣмъ было бы полезно, въ сопровожденіи министра статсъ-секретаря или его товарища, предпринять путешествіе какъ для того, чтобы на мѣстѣ провѣрить и еще болѣе уяснить пріобрѣтенныя знанія, такъ и для того, чтобы ознакомиться съ краемъ и въ другихъ отношеніяхъ. Сочиненіе означеннаго руководства скорѣе всего можно было бы поручить профессору правъ Пальмену. Переводъ же сего руководства на русскій и самое преподаваніе можетъ быть ввѣрено дѣйствительному статскому совѣтнику Гроту.

«Путешествіе по Финляндіи, по своимъ послѣдствіямъ было-бы самымъ благодѣтельнымъ, какъ для будущности Финляндіи, такъ и для царствующаго дома. Оно, ясно показывая финскому народу волю Государя Императора дать краю правленіе, согласное съ его положеніемъ и законами, безъ сомнѣнія будетъ глубоко почувствовано и съ восторгомъ принято народомъ. Оно еще болѣе усилитъ и укрѣпитъ питаемую въ краѣ къ Особѣ Государя Императора, съ самой его юности, всеобщую любовь и невольно заставитъ искренно полюбить юнаго князя, который въ глазахъ народа, даже въ своемъ отечествѣ, не щадитъ ни времени, ни трудовъ для пріобрѣтенія свѣдѣній о финскомъ краѣ, чтобы со временемъ сдѣлать его счастливымъ. Путешествіе это, предпринятое съ столь благородною цѣлью, сдѣлается извѣстнымъ по всей Финляндіи и при свойственномъ Россійскому Императорскому дому великодушіи и общей всѣмъ членамъ Его доступности, оставитъ въ краѣ неизгладимое и благодѣтельное впечатлѣніе о сердечномъ и благородномъ обхожденіи съ Своимъ финскимъ народомъ. Это впечатлѣніе глубоко укоренится въ сердцахъ народа, перейдетъ отъ родителей къ дѣтямъ и впослѣдствіи, при поддержаніи основаннаго на законахъ образа управленія, вѣрнѣе будетъ способствовать достиженію цѣли, нежели множество повелѣній и учрежденій, кои не смотря на ихъ благія намѣренія, могутъ быть осуждаемы и ложно толкуемы преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ касается политическихъ интересовъ».

Вслѣдствіе этой записки графомъ Армфельтомъ былъ рекомендованъ для преподаванія Яковъ Гротъ, который съ 1852 года состоялъ уже наставникомъ дѣтей Августѣйшаго канцлера и внушалъ имъ, что «Государь и народъ должны составлять одно. Нѣтъ на землѣ союза величественнѣе и важнѣе этого. Съ любовью

бремя правленія легко даже въ тяжелое время». Сколько извѣстно, «государственное устройство Финляндіи» особо не преподавалось и путешествіе по краю не состоялось [455]).

Прошло шесть лѣтъ и, вѣроятно, стараніями графа А. Армфельта пытались осуществить другой планъ ознакомленія Наслѣдника престола съ Финляндіей. Въ началѣ 1864 года Армфельтъ сообщилъ Снельману, что великій князь Николай Александровичъ изъявилъ желаніе получить свѣдѣнія о финансовомъ управленіи края. Снельманъ принялся за исполненіе лестнаго порученія и въ апрѣлѣ Армфельтъ имѣлъ уже «Обзоръ финансоваго управленія», который былъ составленъ чрезвычайно искусно, или точнѣе—дипломатично. Политикъ и патріотъ Снельманъ не преминулъ, конечно, использовать случай для блага своей родины и потому ввелъ въ обзоръ казенныхъ доходовъ и расходовъ главнѣйшія очередныя желанія своихъ согражданъ. Коснувшись таможенной системы, онъ оговорилъ, что таможенная граница установлена для иностранныхъ, а не для русскихъ товаровъ и въ то-же время служитъ «охраною главнѣйшаго источника финляндской казны, т. е. налога на вино, могущаго быть повышено не иначе, какъ съ согласія земскихъ чиновъ. Говоря о милиціонномъ штатѣ, Снельманъ заявилъ, что кадетскій корпусъ «не пользуется популярностью въ краѣ, такъ какъ оканчивающіе въ немъ курсъ не могутъ получить мѣста на родинѣ и быть ей полезны, особенно потому, что многіе его питомцы, дослужившись въ Россіи до большихъ чиновъ, назначаются затѣмъ на высокіе посты въ Финляндіи, успѣвъ уже отвыкнуть отъ условій мѣстной жизни и обыкновенно пользуются своими должностями, какъ синекурою. Снельманъ упомянулъ далѣе, что средства, отпускаемыя на университетъ, недостаточны для поощренія науки, литературы и искусства. Когда очередь дошла до военнаго фонда, онъ писалъ: «Искреннѣйшимъ желаніемъ всего населенія является устраненіе, путемъ сформированія собственныхъ войскъ, необходимости пользоваться въ краѣ русскими войсками. Такимъ путемъ самъ собою исчезъ-бы одинъ изъ поводовъ къ постояннымъ непріятностямъ. Въ то-же время угнетающимъ образомъ должно,—по его мнѣнію,—дѣйствовать сознаніе невозможности выставить, въ случаѣ войны, какой-нибудь болѣе значительной военной силы въ распоряженіе Его Величества»... Снельманъ, выражая желаніе также реорганизаціи войска, не забылъ поучительно добавить, что такая реорганизація возможна только при участіи земскихъ чиновъ. Въ отдѣлѣ о долгахъ Снельманъ повелъ рѣчь о необходи-

мости сдѣлать финскую металлическую монету единственно дѣйствующей денежной системой края». «Какъ видно,—прибавляетъ біографъ Снельмана,—онъ не мало потрудился надъ своимъ обзоромъ финансовъ» [456]).

Но молодая жизнь великаго князя, для котораго предназначался очеркъ, къ сожалѣнію, пресѣклась 12—24 апрѣля 1865 года въ Ниццѣ, и вторая попытка ввести Наслѣдника престола въ кругъ финляндскихъ дѣлъ и основныхъ законовъ не удалась.

Непрочность своего положенія баронъ П. Рокасовскій почувствовалъ уже въ началѣ 1864 года. «Во время моего короткаго пребыванія въ Петербургѣ, писалъ онъ Армфельту (14—26 января 1864 г.) слухъ о моей отставкѣ укоренился здѣсь (въ Гельсингфорсѣ) до такой степени, что масса народа выражали мнѣ чувства удовольствія по моемъ сюда возвращеніи. Я старался доискаться источника и думаю, что слухъ этотъ былъ распространенъ нѣкоторыми военными, которые можетъ быть считаютъ меня слишкомъ мягкимъ въ отношеніи финляндцевъ и желали бы имѣть значеніе, которое имѣютъ наши войска въ западныхъ губерніяхъ».

Лѣто 1864 года генералъ-губернаторъ Рокасовскій проводилъ въ Веве (Швейцаріи). Его замѣнялъ Норденстамъ. Слухи объ уходѣ Рокасовскаго не прекращались и, видимо, не безъ основанія говорили объ этомъ. При дворѣ были не совсѣмъ довольны его пассивнымъ образомъ дѣйствій вообще. Находили, что онъ не обладаетъ широкими взглядами и сильными двигателями въ вопросахъ, касающихся экономическаго развитія страны. Государственными способностями баронъ дѣйствительно не отличался, но въ мѣру своихъ силъ онъ честно относился къ генералъ-губернаторскимъ обязанностямъ и если къ концу своего управленія краемъ не справился съ трудной задачей, то, вѣроятно, уже уступая надвигавшейся старости (ему было 66 лѣтъ) и плотному кольцу мѣстныхъ дѣятелей и учрежденій, среди которыхъ ему одному нерѣдко приходилось идти противъ общаго теченія. Прежней популярности въ населеніи края онъ вполнѣ не утратилъ. Его характеръ болѣе соотвѣтствовалъ тѣмъ либеральнымъ реформамъ, которыя стояли на очереди, чѣмъ характеръ его предмѣстника «сатрапа» и «проконсула» Берга. Нѣкоторымъ

начинаніямъ онъ сочувствовалъ (напр. выборной комиссіи), другимъ противодѣйствовалъ. Но вслѣдствіе проявленной слабости, мѣстные дѣятели стали его явно игнорировать и обходить.

19 апрѣля—1 мая 1866 года барона Рокасовскаго уволили, назначивъ его членомъ государственнаго совѣта. Онъ палъ жертвой своего патріотизма, отстаивая русскіе интересы. Какъ человѣкъ честный онъ открылъ власти глаза, указавъ на истинныя стремленія финляндцевъ. Рокасовскій потерялъ свой постъ, но и графъ Армфельтъ не добился утвержденія главной своей затѣи—проекта уложенія. Государь, вѣроятно, замѣтилъ, что зашелъ далеко; но остался недоволенъ тѣмъ, что Рокасовскій раньше не предупредилъ его. Нельзя забывать, что первые шаги задуманной Армфельтомъ реформы сдѣланы были за спиной генералъ-губернатора.

Политическая роль барона окончилась. Началась ея оцѣнка. Наиболѣе рѣзвый отзывъ о Рокасовскомъ вышелъ изъ подъ пера русскаго чиновника, который писалъ: «Отвѣтить на вопросъ о томъ, онъ-ли управлялъ Финляндіею, а жена его командовала войсками, или наоборотъ—я предоставляю будущимъ изслѣдователямъ исторіи края. Тотъ фактъ однако, что человѣкъ, подобный Рокасовскому, могъ быть терпимъ въ такое время въ Финляндіи, въ качествѣ фактическаго генералъ-губернатора и командующаго войсками, указываетъ на всю беззаботность и халатность, съ которыми важнѣйшіе посты въ государствѣ замѣщались лицами, совершенно не отвѣчавшими требованіямъ поручаемой имъ должности» [457]).

Много сердечнѣе и спокойнѣе отнеслись къ нему окраинцы. «Достоинства Рокасовскаго не были ослѣпительны,—читаемъ, въ книгѣ финляндца,—но онъ былъ честенъ и мыслилъ благородно. Онъ старался серьезно вникнуть въ дѣла страны, а недостаточность инициативы, въ которой его упрекали, зависѣла отъ его конституціоннаго воззрѣнія на свою должность». Другой финляндецъ (Фуругельмъ) также отнесся съ симпатіей къ бывшему начальнику края, сказавъ: во всякомъ случаѣ, можно утверждать, что баронъ Рокасовскій былъ наилояльнѣйшій и вмѣстѣ съ тѣмъ самый любимый изъ русскихъ генералъ-губернаторовъ въ Финляндіи. Въ апрѣлѣ 1869 года онъ скончался въ Ниццѣ, гдѣ и похороненъ.

Барона Рокасовскаго на посту генералъ-губернатора смѣнилъ генералъ-адъютантъ графъ Николай Владиміровичъ Адлербергъ (р. 1819 г.). Онъ гордился своимъ шведскимъ происхожде-

піемъ. Его родъ шелъ по прямой линіи отъ извѣстнаго епископа упсальскаго Олофа Свебеліуса, внукъ котораго, пріобрѣтя дворянство, былъ въ рыцарскомъ домѣ записанъ въ Ревелѣ [458]).

Его административная карьера довольно заурядна. Его послужной списокъ свидѣтельствуетъ, что должностей онъ занималъ много и достаточно награждался, но всюду прошелъ безъ слѣда и пользы для отечества. Въ молодыхъ чинахъ онъ участвовалъ въ кавказскомъ и венгерскомъ походахъ (1841—1844, 1849 г.); затѣмъ менѣе года правилъ (въ 1853 г.) городомъ Таганрогомъ и нѣсколько болѣе года состоялъ симферопольскимъ военнымъ губернаторомъ и губернаторомъ Крыма (1854 г.), но нигдѣ никакихъ талантовъ не проявилъ и не отмѣтилъ себя пригоднымъ для государственной дѣятельности, хотя былъ полонъ самомнѣнія и чванства. «Народы — это дѣти, которыхъ надо руководить», была любимой поговоркой графа Адлерберга, которую онъ привезъ съ собой изъ Берлина, гдѣ, до назначенія генералъ-губернаторомъ Финляндіи, состоялъ военнымъ агентомъ.

Прибывъ въ Гельсингфорсъ, новый начальникъ края обратился къ высшимъ чиновникамъ со слѣдующимъ словомъ: «Считаю себя счастливымъ, господа, что первыми словами, которыми имѣю честь васъ привѣтствовать,—мнѣ Высочайше поручено,—возобновить вамъ увѣреніе всемилостивѣйшаго благорасположенія Августѣйшаго Монарха. Его Императорскому Величеству благоугодно было поручить мнѣ благодарить своихъ финляндскихъ подданныхъ за многократныя доказательства вѣрноподданнической любви и непоколебимой преданности, выраженныя всѣми сословіями народонаселенія, по случаю отвращеннаго, покровительствомъ Божіимъ, злодѣйскаго покушенія. Хотя Государь Императоръ никогда не изволилъ сомнѣваться въ искренности этихъ чувствъ, тѣмъ не менѣе единодушное ихъ выраженіе, стекавшееся съ восторженнымъ соревнованіемъ со всѣхъ концовъ пространной имперіи, были утѣшительны царскому сердцу.

Высоко цѣня всемилостивѣйшее назначеніе меня генералъ-губернаторомъ Великаго Княжества Финляндскаго, я приложу ревностное усердіе оказаться достойнымъ павшаго на меня царскаго выбора и заслужить Высочайшее довѣріе; въ то-же время я буду домогаться пріобрѣсть и ваше довѣріе, довѣріе всѣхъ финляндцевъ, и затѣмъ оправдать его. Будучи здѣсь орудіемъ Государя Императора, я имѣю въ виду и въ сердцѣ, благосо-

стояніе и преуспѣніе этой страны; уважая и охраняя ея законы, содѣйствуя императорскому сенату обдуманною дѣятельностью, я не оставлю непрестанно заботиться о развитіи всѣхъ источниковъ народнаго благосостоянія.

Напередъ увѣренный въ вашихъ благонамѣренныхъ чувствахъ, я считаю себя въ правѣ ожидать, что вы облегчите правительству эту задачу, ибо всѣ мы должны быть проникнуты однимъ общимъ основнымъ началомъ: честнаго долга, долга вѣрноподданства возлюбленному Монарху и долга совѣсти, въ отношеніи къ общему составу имперіи, ибо Великое Княжество Финляндское, хотя и пользуется собственными законами, особыми правами и мѣстными учрежденіями, составляя лишь часть обширной имперіи россійской, должно гордиться тѣмъ, что принадлежитъ столь могущественному государству.

Слова эти, обращаемыя мною къ вамъ, господа, изъ глубины души, я заключаю возгласомъ вѣрноподданства, коего отголосокъ повторится въ сердцахъ вашихъ: «Да здраствуетъ Государь Императоръ!»

СЕЙМЪ 1867 ГОДА.

VIII. Голодъ 1867 года. Сеймовый уставъ.

Открытіе сейма 1867 года состоялось 14—26 января по обычному церемоніалу и ознаменовалось маленькимъ эпизодомъ. Боргоскій епископъ Ф. Л. Шауманъ одѣтъ былъ въ простую черную мантію, хотя церемоніалъ предписалъ полное облаченіе. Такое уклоненіе, происшедшее вслѣдствіе отвращенія Шаумана къ епископскому одѣянію, привело впослѣдствіи къ рѣзкой перепискѣ, въ которой генералъ-губернаторъ угрожалъ Шауману привлеченіемъ къ суду, чего, однако, не воспослѣдовало [459]).

Генералъ-губернаторъ прочелъ на русскомъ языкѣ собственноручно Его Императорскимъ Величествомъ подписанную монаршую рѣчь, въ которой, между прочимъ, значилось: «Представители Великаго Княжества Финляндскаго! Осуществляя выраженное Мною при открытіи предыдущаго сейма намѣреніе, Я собралъ васъ вновь для разсмотрѣнія важныхъ вопросовъ, подлежащихъ вашему обсужденію.

Опытъ засѣданій созваннаго послѣ многихъ лѣтъ сейма указалъ на необходимость издать опредѣлительный сеймовый уставъ.

Разработанный нынѣ по Моимъ предначертаніямъ проектъ таковаго устава передаю на ваше обсужденіе, предполагая встрѣтить сочуствіе ваше къ Моимъ мыслямъ и желаніямъ установить собраніе представителей, облеченныхъ довѣріемъ народа, сообразно тому, чего требуетъ достоинство торжественнаго призыва на соучастіе въ государственной работѣ.

Обративъ въ то время вниманіе земскихъ чиновъ на утратившуюся силою обстоятельствъ совмѣстность коренныхъ законовъ Великаго Княжества съ положеніемъ дѣлъ, возникшимъ послѣ присоединенія Финляндіи къ имперіи, Я изъявилъ желаніе упрочить впредь смыслъ этихъ законовъ необходимыми поясненіями

и дополненіями. Многосложность этой работы, потребовавъ осмотрительныхъ соображеній и продолжительныхъ занятій, къ сожалѣнію Моему, въ настоящую пору еще не созрѣла до того окончательнаго вида, который-бы Мнѣ далъ возможность удовлетворить первоначальному намѣренію предложить оную на обсужденіе настоящаго сейма» [460]).

Въ отвѣтъ на тронную рѣчь были произнесены слова старшинами всѣхъ сословій. Рѣчи представителя дворянства и архіепископа были сказаны на французскомъ языкѣ. Рѣчь старшины гражданскаго сословія на шведскомъ; крестьянскаго—на финскомъ языкѣ. «Господинъ графъ! сказалъ баронъ Норденстамъ. Между многими доказательствами благосклонной заботливости о Финляндіи Его Величества Государя Императора, самую искреннюю благодарность къ великодушному Монарху вызвали мѣры созванія сейма 1863 года. Это правительственное распоряженіе, уже столь важное само по себѣ, пріобрѣтаетъ еще большее значеніе для нынѣ открывшагося сейма; оно даетъ намъ возможность видѣть въ немъ выраженіе намѣренія Его Императорскаго Величества дать правильный ходъ разрѣшенію законодательныхъ вопросовъ, посредствомъ періодическаго созванія сеймовъ». Въ заключеніе выражалась признательность, за милостиво доставленную Его Величествомъ возможность финляндцамъ самимъ обсудить и рѣшить ихъ важнѣйшія дѣла. Изъ рѣчи архіепископа Бергенгейма отмѣтимъ слѣдующія слова: «Мы понимаемъ все значеніе рѣдкаго великодушія, заставляющаго могущественнаго Государя великаго, благороднаго и храбраго народа, дарить довольство и счастіе маленькой націи, утвердивъ за нею сохраненіе ея національныхъ, религіозныхъ и другихъ общественныхъ правъ, составляющихъ для нея драгоцѣнное наслѣдіе ея отцовъ . . . Финляндскій народъ въ своей душевной преданности не отстанетъ ни отъ одного изъ могущественнѣйшихъ и храбрѣйшихъ народовъ міра». Старшина горожанъ Френкель упомянулъ о любви финскаго народа къ представительному государственному учрежденію, которымъ онъ проникнутъ. Крестьянское сословіе устами Мякипеска «въ простотѣ своей» обращалось къ Императору и Великому Князю «нашей страны», радостно вспоминая торжественные дни, когда «любимый нами Великій Князь» лично открылъ послѣдній сеймъ.

Сейму переданы были, въ числѣ другихъ проектовъ, законъ о порядкѣ созыва сеймовъ, новый церковный уставъ, объ отмѣнѣ смертной казни, объ оброчныхъ статьяхъ, о свободѣ печати и др.

Вскорѣ по открытіи сейма, сословія его представили Государю Императору всеподданнѣйшій адресъ, въ которомъ между прочимъ говорилось: «Примите Ваше Императорское Величество чрезъ насъ, собранныхъ здѣсь финляндскихъ чиновъ, сердечныя изъявленія радости и благодарныя поздравленія цѣлаго финскаго народа по случаю спасенія Вашего Величества отъ угрожавшей опасности. Мы не могли устоять предъ желаніемъ хотя-бы и слабо выразить предъ Вашимъ Величествомъ эти чувства, которыя уже прежде съ разныхъ мѣстъ нашей страны были повергнуты къ стопамъ Вашего Величества и которыя одушевляютъ весь финскій народъ. Мы можемъ только чувствовать, но не выразить, какъ драгоцѣнна жизнь Вашего Величества для всѣхъ народовъ, надъ которыми распространяется скипетръ Вашего Величества» [401]).

Характеръ сейма 1867 года наиболѣе ярко обрисовали слѣдующія дѣла. Въ Финляндіи, какъ и во всѣхъ странахъ, какъ только начинали возникать суды, каждое сословіе или курія выработало себѣ отдѣльный сословный судъ. Такимъ образомъ создались, напр., городскіе суды. На основаніи дворянскихъ привилегій 1723 года, всѣ дѣла, касающіяся дворянъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою лишеніе жизни, чести, свободы, наслѣдственныхъ правъ и т. д., рѣшались окончательно въ гофгерихтахъ (надворныхъ судахъ); дворянство вовсе не подлежало суду низшей инстанціи и судилось равными себѣ дворянами.

Такой порядокъ вещей, неудобный и затруднительный, долгое время считался необходимымъ для поддержанія чести и достоинства перваго сословія шведскаго королевства. Тѣмъ не менѣе правительство, уступая общему желанію, предложило на предшествующемъ сеймѣ: всѣ дѣла о дуэляхъ и объ оскорбленіи чести между членами дворянскаго сословія предоставить разсмотрѣнію общихъ судовъ. Предложеніе это было принято; а вслѣдъ за нимъ поступило нѣсколько петицій о совершенномъ упраздненіи сословныхъ судовъ. Опираясь на эти заявленія, правительство смѣло выступило на нынѣшнемъ сеймѣ съ двумя проектами: объ отмѣнѣ сословныхъ городскихъ и объ уничтоженіи сословныхъ дворянскихъ судовъ. Первое предложеніе было принято почти единогласно; второе отвергнуто тѣмъ-же дворянствомъ, которое вызвало его своими петиціями. Консерваторы мотивировали свой отказъ слѣдующими разсужденіями: «существующій порядокъ, основанный на привилегіи дворянства, не мѣшаетъ и не вредитъ

18

другимъ сословіямъ; онъ зиждется на нашихъ вѣковыхъ привилегіяхъ, онъ поддерживаетъ ихъ».

Извѣстіе о рѣшеніи дворянъ въ вопросѣ о forum privilegiatum разнеслось съ негодованіемъ по всей странѣ. Чрезъ нѣсколько засѣданій послѣ этого, восемь дворянъ потребовали занесенія въ протоколъ, что они, по уважительнымъ причинамъ, не только не присутствовали въ этомъ знаменитомъ засѣданіи, но даже не были въ Гельсингфорсѣ. Финляндія на всѣхъ парусахъ шла къ реформамъ, желала сбросить ветошь привилегій и исключительныхъ правъ,—и въ то же время часть дворянства упорно удерживала привилегіи.

Въ предложеніи по вопросу о смертной казни говорилось, что желаніе сейма 1863 года о совершенной отмѣнѣ смертной казни не было Высочайше одобрено, въ виду того, что правосознаніе о необходимости полной отмѣны смертной казни еще недостаточно усвоено въ странѣ, чтобъ это измѣненіе въ законѣ можно было произвести съ полной увѣренностью въ его пользѣ. Напротивъ, обезпеченіе права будетъ болѣе прочно съ сохраненіемъ смертной казни до поры до времени, но съ примѣненіемъ ея только при самыхъ большихъ и оскорбляющихъ общество преступленіяхъ. Къ этому и сводилось желаніе правительства, хотя у земскихъ чиновъ сейма 1867 года преобладало стремленіе къ совершенной отмѣнѣ этого ужаснаго наказанія. Сеймовый комитетъ, разрабатывавшій вопросъ о смертной казни, указалъ на то, что въ теченіи полустолѣтія смертная казнь фактически была отмѣнена въ Финляндіи, ибо за это время никогда не примѣнялась. Нѣкоторые депутаты (Делашапель и ф. Кноррингъ) понимали, что нельзя было надѣяться на утвержденіе новаго закона, если за преступленіе, заключающее въ себѣ враждебный замыселъ противъ имперіи, не будетъ опредѣлено смертной казнью. Нѣтъ сомнѣнія, что ее примѣнять въ Финляндіи не придется за подобное преступленіе, но если такое измѣненіе въ отзывѣ комитета приведетъ съ Высочайшему одобренію рѣшенія сейма, то тѣмъ самымъ достигнется огромный успѣхъ, въ пользу культуры и человѣчества [462]).

Изъ многочисленныхъ дѣлъ, разсматривавшихся на сеймѣ 1867 года, одинъ вопросъ рѣзко выдѣлился изъ числа другихъ по своему политическому характеру. Онъ касался продленія срока принятаго на предыдущемъ сеймѣ временнаго закона о свободѣ печати. Условіемъ продленія срока этого закона ставилось введеніе нѣкоторыхъ стѣснительныхъ мѣръ, которыя земскими чинами

найдены были столь неблагопріятными, что не могли быть ими одобрены. Это повело къ тому, что свобода печати прекратилась, и возстановлена была предварительная цензура. Инициатива въ этомъ дѣлѣ исходила отъ вновь назначеннаго генералъ-губернатора графа Адлерберга, который въ началѣ своей службы въ Финляндіи былъ весьма чувствителенъ къ газетной критикѣ [463]). Дѣло происходило такъ: послѣ назначенія генералъ-губернаторомъ графа Адлерберга, былъ возбужденъ вопросъ о мѣрахъ, кои, по прекращенію дѣйствія постановленія о свободѣ печати, должны быть приняты относительно ея въ краѣ. Такъ какъ прежнее постановленіе (1865 г.) графъ Адлербергъ находилъ недостаточнымъ, то проектировались нѣкоторыя его измѣненія. Дѣло разсматривалось въ комитетѣ финляндскихъ дѣлъ въ усиленномъ составѣ. Не обращаясь въ сенатъ, по недостатку времени, въ Петербургѣ-же составили предложеніе, которое и было сообщено сейму.

Въ предложеніи говорилось: «Хотя Его Величество и предоставилъ себѣ право по истеченіи срока рѣшать все касающееся печати и надзора за нею, однако,—по мнѣнію комитета,—было бы весьма желательно, чтобы положеніе о печати и впредь могло быть установлено подобнымъ-же постановленіемъ, которое состоялось-бы при содѣйствіи земскихъ чиновъ. Однако въ нѣкоторыхъ газетахъ, особенно въ послѣдніе мѣсяцы, появились разныя статьи, кои какъ по содержанію, такъ и по направленію несообразны съ положеніемъ, какое должна имѣть періодическая печать въ благоустроенномъ обществѣ. Таковыя уклоненія печати не могли быть съ успѣхомъ преслѣдуемы оттого, что постановленіе о печати въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не полно, а отчасти содержитъ не довольно точныя опредѣленія. Поэтому комитетъ выразилъ желаніе ввести въ законъ соотвѣтствующія дополненія и исправленія. Государь повелѣлъ: «Исполнить» [464]).

Сеймъ, по смыслу Высочайшаго предложенія,—какъ указалъ депутатъ проф. Ф. Л. Шауманъ,—не имѣетъ права подробнѣе разсматривать его. Онъ могъ или принять или отказаться отъ новаго постановленія по вопросу о свободѣ печати, т. е. дать краткій отвѣтъ на предложеніе: да или нѣтъ. Сенаторъ Спельманъ предлагалъ земскимъ чинамъ принять предложеніе правительства. Законъ о свободѣ печати,—говорилъ онъ,—не есть обыкновенное законоположеніе, а является политическимъ закономъ. «Мнѣ думается, что въ Европѣ найдутся страны, гдѣ подобный законъ признавался бы большимъ преимуществомъ передъ отсутствіемъ всякаго

закона. Если намъ предстоитъ будущность безъ закона о печати, то мы возвратимся къ положенію, существовавшему до 1863 года. Каждый, вѣроятно, помнитъ, какое недовольствіе царило тогда въ странѣ въ виду того произвола, которому была предоставлена печать; всякъ помнитъ агитаціи и демонстраціи, которыя слѣдовали одна за другой. Не говорю уже о корреспонденціяхъ, къ которымъ единственно можно было прибѣгать и которыя принесли большой вредъ странѣ» [405]).

По разсмотрѣніи на сеймѣ 1867 года Высочайшаго предложенія, земскіе чины не согласились на проектированныя правительствомъ перемѣны. Проектъ, предложенный сеймомъ, былъ отвергнутъ, и въ административномъ порядкѣ составленъ и утвержденъ новый законъ о печати.

Въ видѣ итога дѣятельности земскихъ чиновъ, отмѣтимъ, что на сеймѣ 1867 года «сословія приняли на себя отвѣтственность за «финляндскій банкъ», ассигновали сумму для выкупа сельскихъ усадебъ, находящихся на донаціонныхъ земляхъ, и на постройку желѣзной дороги Рихимяки-Петербургской, приняли новый церковный законъ, по которому послѣдователямъ евангелическо-лютеранскаго вѣроисповѣданія дозволяется переходить въ другую вѣру и принимать въ свою всѣхъ, кромѣ лицъ православнаго исповѣданія, и имѣть не далѣе, какъ черезъ каждыя десять лѣтъ, церковные соборы. Вообще этимъ закономъ установлена мѣстная финляндская церковь. Затѣмъ, тотъ же сеймъ 1867 года расширилъ свободу торговли и промысловъ, и главное — принялъ сеймовой уставъ, который значительно расширилъ конституціонныя права Финляндіи: имъ узаконено періодическое, не далѣе какъ черезъ пять лѣтъ, созваніе сеймовъ, предоставлено сословіямъ право свободы сходокъ и др.

Слѣдовательно финляндскій сеймъ 1867 года работалъ столь же усердно и плодотворно, какъ и первый.

При закрытіи сейма епископъ Ф. Л. Шауманъ вновь проявилъ свою строптивость и не встрѣтилъ генералъ-губернатора согласно § 7 церемоніала у церковныхъ дверей и вовсе не присутствовалъ на торжествѣ. Государь не одобрилъ поступка Шаумана, но заявленіе генералъ-губернатора тѣмъ не менѣе оставлено было Его Величествомъ безъ послѣдствій. Сеймъ былъ закрытъ Высочайшею рѣчью, въ которой говорилось: «Съ наступленіемъ всемилостивѣйше указаннаго Мною срока для закрытія настоящаго сейма, за дѣйствіями коего Я слѣдилъ съ отеческимъ участіемъ, отдавая полную справедливость трудолюбивой дѣятельно-

сти вашей, не могу однако же не выразить сожалѣнія Моего, касательно возникшихъ по нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ недоразумѣній, въ отношеніи къ Моимъ соображеніямъ, чрезъ что вы сами привели Меня въ необходимость прибѣгнуть къ распоряженіямъ, которыхъ я желалъ предупредить взаимнымъ соглашеніемъ на прочныхъ и благихъ началахъ.

Въ опроверженіе возникшаго ошибочнаго толкованія порядка передачи Государемъ сейму предложеній, Мною вмѣстѣ съ симъ Сенату указано на существующія постановленія» [466]).

Лѣто 1867 года долго оставалось страшнымъ воспоминаніемъ для финскаго земледѣльца. Финляндію посѣтилъ ужаснѣйшій голодъ. Грозное бѣдствіе сказалось сперва общимъ недостаткомъ кормовъ, вслѣдствіе продолжительной зимы. Начался падежъ и истребленіе скота, ибо приходилось убивать его, за неимѣніемъ продовольствія. «Въ южной Финляндіи земля еще во второй половинѣ мая была покрыта сугробами снѣга. Изъ Тавастгуса писали 29 мая (1867 г.): снѣгъ выпалъ еще на этой недѣлѣ, ходятъ по льду; изъ Сердоболя—1 іюня: мы здѣсь еще почти занесены снѣгомъ, а изъ Вазы газеты извѣщали 25 мая: въ началѣ недѣли безопасно переѣзжали по льду изъ Швеціи. Казалось, что лѣта вовсе не будетъ. Въ сѣверной Финляндіи ледъ исчезъ лишь въ началѣ іюня, а около Улеоборга онъ лежалъ еще 12 іюня. Въ южной Финляндіи деревья покрылись зеленью лишь къ Иванову дню. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наблюдалась такая картина: то, что вчера представляло ослѣпительную снѣжную поляну, сегодня было сплошь покрыто водой. Крѣпкіе морозы смѣнились лѣтнимъ тепломъ. Весны не было, а сразу наступило лѣто, но лѣто необыкновенно короткое. Едва стекли воды съ луговъ, какъ показалась зелень.— Населеніе, сбитое съ толку, не знало за что приняться.—Болѣе сносные всходы хлѣба замѣчались на возвышенныхъ мѣстахъ. Послѣ лѣта сразу наступила зима.

Въ ночь на 4 сентября морозъ повсемѣстно уничтожилъ запоздалый урожай хлѣба. «Я посѣялъ зерна, но пожалъ ледяныя иглы». Можно было предвидѣть съ увѣренностью, что въ слѣдующую зиму и лѣто нужда станетъ очень чувствительной, особенно въ сѣверныхъ частяхъ страны. Наступило великое всеобщее бѣдствіе. О размѣрѣ бѣдствія говорятъ слѣдующія данныя: урожай далъ въ 1866 году свыше 4 милліоновъ бочекъ, въ 1868 году

нѣсколько менѣе этого количества, урожай-же 1867 года всего 2.424.000 бочекъ. Эти цифры, лишь приблизительной точности, показываютъ дефицитъ голоднаго года, сравнительно съ нормой.

Газеты очень «скупо» оповѣщали своихъ читателей о посѣтившей бѣдѣ: онѣ точно желали скрыть ее, или показать, что она не столь сильна, какъ ее представляли въ разговорахъ.

Ужасный голодъ 1867 года—самый сильный, какой испытывала Финлядія со времени голода 1697 года: тяжесть неурожая 1862 года была перенесена относительно легко въ сравненіи съ бѣдствіемъ въ 1867—1868 годахъ.

Улеоборгскій губернаторъ фонъ-Альфтанъ писалъ сенату, что для ввѣренной ему части края потребуется до 75.000 бочекъ жита. Чтобы получить подробныя свѣдѣнія о нуждахъ народа въ его губерніи и посовѣтоваться о необходимыхъ мѣропріятіяхъ, онъ просилъ дозволеніе созвать общій губернскій съѣздъ, вродѣ случайнаго земскаго совѣщанія (Landsting). 10-го сентября въ гор. Улеоборгѣ собрались выборные уполномоченные отъ четырехъ городовъ и 60-ти деревенскихъ приходовъ. Общее мнѣніе было, что выборные возвратились домой съ приподнятымъ духомъ и очень довольные. Въ остальныхъ частяхъ края губернаторы письменно потребовали мнѣнія общинъ объ ихъ экономическомъ состояніи.

На долю Спельмана выпала тяжелая задача руководить правительственною дѣятельностью, направленной къ облегченію нужды. При этомъ онъ строго держался того принципа, что помощь государства не должна доводиться до размѣровъ, ослабляющихъ заботливость и трудолюбіе частныхъ лицъ. Этотъ умный и энергичный дѣятель понималъ, что нельзя прокормить часть страны на однѣ пожертвованныя деньги, и что населеніе будетъ спасено, когда оно въ самомъ себѣ найдетъ силы выйти изъ несчастія. Съ того времени въ Финляндіи стало укореняться воззрѣніе, что лучше занять деньги для общеполезнаго предпріятія, нежели на общественное призрѣніе; лучше оказать помощь предоставленіемъ заработка, нежели раздачею милостыни. Чтобы имѣть свѣдѣнія объ истинныхъ размѣрахъ бѣдствія, Спельманъ вступилъ въ частную переписку съ губернаторами. «Нѣсколько словъ, сказанныхъ частнымъ образомъ, объясняютъ больше, чѣмъ пространныя офиціальныя бумаги», писалъ Снельманъ куопіоскому губернатору С. Г. Антелю. И дѣйствительно, изъ частныхъ писемъ губернаторовъ ему часто удавалось узнавать много существеннаго.

Казна организовала всякаго рода вспомогательныя работы, какъ-то: канализацію, осушку болотъ, спускъ озеръ, постройку

мостовъ и дорогъ, причемъ имѣлось въ виду, чтобы работы эти производились въ различныхъ мѣстахъ, для избѣжанія слишкомъ большого скопленія народа.

Высочайшимъ предписаніемъ отъ 24 сентября 1867 года учрежденъ былъ вспомогательный фондъ, для котораго ассигновали жита и наличныхъ денегъ отъ казны до 6.382.000 мар. Но когда денежныя субсидіи предлагались купцамъ, то они отказывались отъ нихъ, зная, что крестьяне не въ состояніи покупать привезенный товаръ. Поэтому само правительство вынуждено было озаботиться ввозомъ хлѣба. Другая часть вспомогательнаго фонда употреблена была на устройство повсемѣстныхъ работъ. Убыль вспомогательнаго фонда отъ этихъ работъ доходила до $4^1/_2$ милліоновъ марокъ.

Чтобы получить этотъ вспомогательный фондъ пришлось сдѣлать заемъ у банкирскаго дома М. А. ф.-Ротшильда, въ размѣрѣ 5.529,150 мар., и заимствовать изъ различныхъ наличныхъ фондовъ до 1.100.000 мар. Заемъ у Ротшильда удался не сразу.

«Я писалъ Ротшильду,—вспоминалъ Снельманъ,—жалуясь на наше бѣдственное положеніе, и просилъ у него кредита на 6 милліоновъ. Въ отвѣтѣ своемъ онъ выразилъ предположеніе, что бѣдствіе очевидно заставило меня потерять голову, если я могъ допустить мысль, что банкиры изъ собственныхъ средствъ выдаютъ такіе займы. Заключите правительственный заемъ въ обычной формѣ, и я постараюсь, по мѣрѣ возможности, распродать облигаціи. Больше я ничего не могу сдѣлать». Снельманъ отвѣтилъ, что на столько-то у него хватитъ ума, ночто пока будутъ исполнены всѣ формальности правительственнаго займа, и господинъ Ротшильдъ благосклонно распродастъ облигаціи, финскій народъ успѣетъ уже умереть съ голоду. «При такихъ условіяхъ не годятся обыкновенные окольные пути. Вы должны теперь всетаки быть столь добры и взять необходимую для насъ сумму изъ собственнаго кармана». Ротшильдъ помогъ.

Но эти средства оказались недостаточными, чтобы облегчить повсемѣстную нужду. На помощь бѣдствующимъ пришла частная благотворительность общества. Въ пользу голодавшихъ устраивались концерты и лотереи, танцовали и праздновали, ѣли и пили, все обычнымъ шаблоннымъ порядкомъ. Но было придумано и нѣчто новое. Во многихъ мѣстахъ образовались такъ называемыя кустарныя общества, чтобы вызвать новую или увеличенную промысловую дѣятельность, особенно для вывоза за границу. Они заботились объ умноженіи способовъ заработковъ и облегченіи способовъ сбы-

та мѣстныхъ произведеній. Частныя лица и казна соединили свои труды для того, чтобы доставить работу и пищу голодающимъ въ ихъ мѣстахъ жительства и помѣшать имъ нищенствовать по странѣ. Необыкновенно ранняя зима увеличила затрудненіе. Нѣсколько предыдущихъ неурожайныхъ годовъ уменьшили денежный доходъ въ странѣ и крестьянскіе платежные взносы, вслѣдствіе отсутствія средствъ. «Помощь поступила въ голодномъ году какъ отъ мѣстныхъ обывателей, такъ и изъ-за границы. Пожертвованія стекались изъ Германіи, Англіи, Швеціи и Даніи. Въ особенности щедрая поддержка на этотъ разъ явилась изъ Россіи. Государь, по полученіи одного изъ отчетовъ о положеніи Финляндіи, пожертвовалъ 12.000 марокъ. Въ Петербургѣ учрежденъ былъ, подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника великаго князя Александра Александровича, комитетъ вспомоществованія пострадавшимъ въ Финляндіи и сѣверной Россіи, причемъ былъ устроенъ особый сборъ въ пользу Финляндіи принцессой Евгеніей Максимиліановной. Благодаря этимъ мѣропріятіямъ, поступило вскорѣ 10.000 р. серебромъ, а впослѣдствіи и еще довольно значительныя суммы. Многія частныя лица присылали изъ Россіи большія пожертвованія». Купецъ Орловъ, одинъ изъ первыхъ частныхъ жертвователей, прислалъ 100 кулей муки и оплатилъ провозъ ихъ до Куопіо. Невозможно перечислить всѣ пожертвованія, о которыхъ упоминалось въ газетахъ, да и тѣ дали-бы приблизительно вѣрный результатъ. Изъ Риги прислано было по крайней мѣрѣ 16.000 марокъ, изъ Ревеля, Москвы и Тулы получены были также значительныя суммы.

Въ городахъ Финляндіи устроены были пекарни, для обученія способамъ приготовленія муки изъ ягелей и печенія изъ нея довольно вкуснаго и питательнаго хлѣба. Въ Або съ этой цѣлью перебывало до сотни лицъ. Для полученія ягельной муки собирали чистый мохъ, мыли его, а потомъ выщелачивали изъ него муку. Ягельная мука, какъ подспорье къ мукѣ ржаной, во всякомъ случаѣ была болѣе питательной, чѣмъ, напримѣръ, мука изъ еловой коры.

18 марта (1868) вазаскій губернаторъ пишетъ Снельману: «Нужда всюду въ губерніи, дѣйствительно, ужасная. Объ этомъ потрясающе свидѣтельствуютъ распухшія лица и исхудавшія тѣла крестьянъ, въ особенности дѣтей». За ужасами голода слѣдовалъ неумолимый тифъ. Случаевъ голодной смерти было не мало; по офиціальнымъ даннымъ, число умершихъ отъ голода достигало 2349, а замерзшихъ 112. Однако эти цифры въ дѣйствительности нужно значительно увеличить. Смертность, которая въ преды-

дущіе годы доходила приблизительно до 24 на 1000, дошла въ 1866 году до 34, въ 1867 году до 38 и въ 1868 году до 79 на 1000.

По мѣстностямъ, не захваченнымъ недородомъ, нищіе разносили заразныя болѣзни. Нищенство возросло, вслѣдствіе «пагубной надежды на постороннюю помощь».

Во время постройки желѣзной дороги отъ станціи Рихимяки по направленію къ Выборгу, къ полотну со всѣхъ концовъ стекалась бѣднота. «Господинъ инженеръ, тамъ въ амбарѣ лежитъ мертвый человѣкъ», таковъ былъ обычный привѣтъ подрядчика, при встрѣчѣ съ начальникомъ. «Пусть сколотятъ гробъ и похоронятъ его», слѣдовалъ столь же обычный отвѣтъ.

Во многихъ странахъ случалось, что разъяренный народъ во время эпидеміи обвинялъ врачей и высокопоставленныхъ лицъ въ отравленіи колодцевъ или въ другихъ преступныхъ дѣяніяхъ, направленныхъ къ гибели населенія. Финскій народъ, по своей простой «мужицкой философіи», приписывалъ голодъ наказанію Божію. Установлено также, что не приходилось крѣпче замыкать дверей или заколачивать ставней, не было надобности и въ заряженныхъ револьверахъ. Хозяева спокойно спали въ своихъ помѣщеніяхъ, окруженные толпами чужихъ людей. Даже на большой дорогѣ воза не подвергались опасности ограбленія. Уголовная статистика не показываетъ отступленій отъ нормальнаго положенія. Финскій народъ умиралъ, но не искалъ спасенія въ противозаконныхъ вѣяніяхъ. «Таковымъ былъ нашъ народъ въ этой борьбѣ, замѣчаетъ А. Мерманъ, человѣкъ близко его знавшій и любившій. И откуда бралась эта сила? Она исходила изъ старой идеи», что Богъ находитъ нужнымъ иногда напоминать людямъ, что строитель напрасно строитъ, сѣятель тщетно сѣетъ, если Господь не посылаетъ имъ своего благословенія... Въ докладѣ Улеоборгскаго губернатора, Г. Ф. Альфтана, о положеніи губерніи 1865—1870 годовъ значилось: «Трогательно смиренно страдали и погибали сотни и тысячи людей, у которыхъ и въ мысляхъ не было покушенія на имущества болѣе счастливыхъ сосѣдей, и съ поразительной энергіей и самоотверженностью населеніе снова вспахивало свои поля и засѣвало ихъ тѣми сѣменами, которыми на мгновеніе могли-бы заморить снѣдающій голодъ.

Нужда вызвала «переселеніе» на югъ; нужда выгнала бѣдняковъ на большую дорогу съ котомками за плечами. Множество дворовъ опустѣло. Денежныя условія колебались въ своихъ основаніяхъ; тысячи прежде самостоятельно жившихъ гражданъ остав-

ляли свои дома; нищіе наполняли селенія и города... Въ финансовомъ отношеніи положеніе оказалось труднымъ, но всетаки не безвыходнымъ. Заключенные займы, хотя сравнительно и крупные, были, однако, не столь значительны, чтобы казна не могла справиться съ ними. «Шерпваль-Валленъ въ письмѣ къ Спельману, въ октябрѣ 1867 года, намекаетъ, что важные для Финляндіи политическіе интересы поставлены на карту; она не должна была терять возможности самостоятельно справиться съ финансовыми затрудненіями».

И она справилась...

Наконецъ, окончена была продолжительная работа смерти. Какъ всегда, послѣ большой потери людей, возникъ вопросъ, какую прибыль доставила народная жертва. Повидимому для прогресса необходимо, чтобъ народы время отъ времени были потрясены до глубины души, чтобъ они пробудились отъ усыпляющаго однообразія будничной жизни для болѣе живой дѣятельности. Бури настолько-же необходимы въ духовной жизни, какъ и въ матеріальной.

И мы видимъ, что представленная мрачная картина имѣла свои свѣтлыя послѣдствія, которыя вскорѣ обозначились на фонѣ ближайшаго къ голодному году времени. Исторія ужаснаго 1867 года поучительна именно по своимъ изумительнымъ послѣдствіямъ. Въ тяжелой школѣ нужды край многому научился. Грозные уроки не прошли безслѣдно для народа, въ которомъ таилась здоровая жизненная энергія. Изъ купели бѣдствій онъ возсталъ обновленнымъ. Въ глубокихъ слояхъ крестьянства исчезли многіе вѣковые предразсудки. «Неурожай 1867 года послужилъ окончательнымъ поворотомъ въ экономическихъ дѣлахъ Финляндіи»,— пишетъ А. Мерманъ. Дорогой цѣной, но полезное наставленіе получилъ финскій земледѣлецъ отъ голоднаго года. По словамъ Р. Гротенфельта, онъ явился равносильнымъ объявленію конкурса старымъ унаслѣдованнымъ отъ отцовъ пріемамъ земледѣлія. Земледѣлецъ оставилъ свои односторонніе экстенсивные способы обработки почвы и охотно сталъ прислушиваться къ болѣе раціональнымъ совѣтамъ: обработка луговъ и скотоводство улучшилось. Крестьянинъ признавалъ значеніе травосѣянія. Съ этого времени начинается значительный вывозъ масла изъ края, такъ какъ вмѣсто прежняго «винокуренія» стали заниматься молочнымъ производствомъ. Такимъ образомъ финскій народъ получилъ прочную выгоду отъ своихъ тяжелыхъ страданій.

Сберегательныя кассы умножились. Въ деревняхъ поняли, какое большое значеніе имѣетъ совѣщаніе и сотрудничество въ общихъ дѣлахъ. Доказательствомъ того, насколько въ короткое время улучшилось экономическое состояніе крестьянъ при послѣдующихъ урожайныхъ годахъ, можетъ служить тотъ фактъ, что казенныя недоимки въ теченіи четырехъ лѣтъ 1867—1870 годовъ понизились отъ 38 до 6 процентовъ податнаго сбора, тогда какъ казенные доходы, которые еще въ 1866 году составляли около 16 милліоновъ, уже черезъ 10 лѣтъ, или въ 1876 году, превышали 31 милліонъ марокъ.

Ясно, что нужда вызывала усиленную дѣятельность. Хотя неурожаи и имѣли угнетающее вліяніе на экономическую дѣятельность края, но они принуждали народъ съ новыми усиліями прибѣгать ко всѣмъ своимъ рессурсамъ, стремиться использовать старые и испробовать новые и мало распространенные промыслы. Охота, рыболовство, пряденіе, кустарные и другіе болѣе или менѣе заброшенные промыслы оживились въ минуту нужды по собственной иниціативѣ населенія или благодаря постороннему вліянію.

Какъ же все это произошло и измѣнилось. Объ этомъ повѣствуетъ маленькое, но драгоцѣнное изслѣдованіе Аг. Мермана «Голодные годы» (Hungeråren), изъ котораго сдѣлаемъ нѣкоторыя извлеченія. «Сомнительно,—пишетъ онъ,—насколько отпускавшееся обыкновенно правительствомъ вспомоществованіе, въ размѣрѣ 10.000 марокъ, въ дѣйствительности облегчало нужду, но извѣстно, что и правительство, и населеніе пріучили себя къ тому, что казна обязана помогать, когда-бы и гдѣ бы то ни требовалась эта помощь. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ американцы, не воспитываютъ. Если правительство когда либо выражало желаніе вернуть свои затраты, то всегда находились тѣ, которые доказывали, что время сему еще не благопріятствовало. Съ 1862 года собственно начался рядъ голодныхъ годовъ. Правительство выдало тогда 2.130.000 рублей, которые предоставлены были купцамъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ, для ввоза жита на продажу. Этой же системѣ слѣдовало правительство и въ послѣдующее время, вплоть до самаго 1867 года. Какъ ни казался разуменъ такой пріемъ, но онъ имѣлъ свои тѣневыя стороны. Купцы привозили больше муки, чѣмъ требовала бы самая лютая нужда. Поэтому они навязывали въ долгъ свой товаръ каждому, къ кому они питали довѣріе. «Теперь можно жить», говорили люди, «когда куль муки можно получать за 12 копѣекъ» (цѣна

гербовой марки на роспискѣ). Положительно можно утверждать, прибавляетъ А. Берманъ, что никогда и нигдѣ правительство не затрачивало большихъ суммъ на помощь населенію, если сопоставить ихъ съ доходами его казны вообще». Но пользы было мало.

Когда грянула новая бѣда (1867 г.), въ газетахъ, даже офиціальныхъ, опять появлялись статьи съ совѣтами правительству начать закупку хлѣба заграницей въ размѣрахъ большихъ, чѣмъ прежде. Но на какія средства возможно было сдѣлать этотъ запасъ, когда всѣ источники казны уже изсякли въ предыдущіе годы и продолжали уменьшаться вслѣдствіе застоя въ промышленности, и изъ какихъ доходовъ народъ въ состояніи былъ-бы оплачивать муку, объ этомъ благодѣтельные совѣтники не подумали. Къ счастью для Финляндіи, во главѣ финскаго управленія стоялъ человѣкъ крѣпкой воли—Снельманъ. Однажды, когда одинъ сенаторъ и одинъ губернаторъ явились къ нему съ докладомъ о голодѣ, Снельманъ, по-просту говоря, «выругалъ» («skällt») и отдѣлалъ ихъ хуже, чѣмъ школьниковъ. Въ двухъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Finlands Allmänna Tidning», Снельманъ высказался о тогдашнемъ положеніи. Единственный исходъ изъ бѣдствія,—писалъ онъ,—увеличить количество тѣхъ вывозныхъ продуктовъ, которые поселяне въ состояніи добывать; вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо, чтобъ торговцы принимали эти предметы въ уплату за хлѣбъ. Какіе же это продукты? Все, чѣмъ обладаютъ поселяне, все, что можно продавать и покупать: руками пиленыя еловыя доски разной величины, палки, бревна, весла, смола, канифоль, поташъ, шкуры, шерсть, нитки, овчинки, ткани всѣхъ родовъ и т. п. Для бѣднаго населенія посредниками должны служить вспомогательные комитеты и общества покровительства бѣдныхъ. Другого исхода нѣтъ! настаивалъ Снельманъ. Постройкой куска желѣзной дороги отъ Рихимяки до Выборга не добудешь хлѣба на 180.000 человѣкъ въ Улеоборгской губерніи и 200.000 въ Куопіоской губерніи. Это можетъ сдѣлать только патріотическая энергія торговцевъ и старанія самого населенія. Если не прибѣгнуть къ этой помощи въ обширныхъ размѣрахъ, то другою человѣческая власть не располагаетъ.

Общинныя правленія (komunalstyrelserna) откликнулись и стали закупать все, что предлагалось для продажи.

Вспомогательныя работы,—писалъ Снельманъ осенью 1867 года,—слѣдуетъ начинать только въ мѣстахъ, охваченныхъ общей и тяжелой нуждой. Подобные способы облегчать нужду очень

печальны, потому что они выманиваютъ народъ изъ его дома, и тѣмъ увеличиваютъ бѣдственное его положеніе.

Несомнѣнно, что одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ жизни Спельмана составляетъ удивительно выдержанный, смѣлый и сильный трудъ за время послѣдней голодовки.

Честно боролся финскій народъ съ голодомъ, и эта борьба доставила потомству болѣе прочное завоеваніе, чѣмъ принесли многія блестящія побѣды въ исторіи, въ которыхъ слѣпыя пули и тяжелые мечи положили десятки тысячъ людей по приказанію властей земныхъ... Великое предпріятіе, постройка Рихимякской (Петербургской) желѣзной дороги—достойный памятникъ безыменнымъ павшимъ. Серьезный урокъ получило и правительство. Финляндія не обладала достаточнымъ количествомъ путей сообщенія и надлежащимъ кредитомъ. Вотъ два обстоятельства, также проливающихъ свѣтъ на голодный годъ. Финляндія не была соединена желѣзной дорогой съ Россіей—своей житницей. Необходимость выдвинула этотъ вопросъ и вскорѣ онъ былъ разрѣшенъ. При первомъ-же случаѣ позаботились и о кредитѣ. Въ сеймъ 1872 года передано было Высочайшее предложеніе, «касавшееся назначенія кредита на вспомоществованіе во время недородовъ и другихъ чрезвычайныхъ надобностей». Въ немъ говорится, что въ тяжелые неурожайные годы, каковы были 1862 и 1867 года, правительство вынуждено было заграницей сдѣлать кредитный заемъ, котораго добились лишь на очень тяжелыхъ условіяхъ. Поэтому предлагалось, чтобъ для упомянутой цѣли назначенъ былъ кредитивъ въ финляндскомъ банкѣ, доходящій до одного милліона марокъ, дабы правительству возможно было во время недорода или другихъ чрезвычайныхъ надобностяхъ, не прибѣгая къ заграничному займу, сейчасъ же приступить къ выдачѣ помощи, вызванной нуждой.

Всѣми сознано, что щедрая помощь правительства въ 1856 и 1862 годахъ существенно ослабила моральное и экономическое положеніе народа и тѣмъ способствовала тому, что ему тяжелѣе было перенести страшное бѣдствіе 1867 года. Но то, что такой какъ 1867 годъ несомнѣнно требуетъ помощи со стороны правительства, еще не опровергаетъ высказаннаго мнѣнія о томъ, что помощь правительства въ основѣ своей вредна [467]).

Обстоятельства сложились такъ, что вскорѣ за годами голода обрѣтенъ былъ первый обильный источникъ, который оказал-

ся въ состояніи оживить упадшія надежды и поднять промышленность. Это—лѣсъ. Съ 1871 по 1876 годъ около 64% всей поверхности Финляндіи покрыты были лѣсами. Въ лѣсѣ мѣстная промышленность усмотрѣла свое главное сырье.

По прежнимъ положеніямъ нельзя было распоряжаться лѣсомъ по своему усмотрѣнію; число лѣсопиленъ также было ограничено. Такимъ образомъ выходило, что помѣщикъ владѣлъ лѣсомъ, но не имѣлъ полнаго права имъ распоряжаться. Для каждой лѣсопильни отведенъ былъ участокъ сырого матеріала и опредѣлено было количество допускаемыхъ къ выпилкѣ бревенъ. Лѣсъ терялъ вслѣдствіе этого свою цѣнность. Съ 1857 по 1866 года изъ края вывозилась въ значительномъ размѣрѣ только смола (около 15% всего вывоза страны). Такой узко-бюрократическій взглядъ на лѣсное хозяйство уступилъ мѣсто новому. Апрѣльскій законъ 1861 года снялъ ограниченія съ лѣсопиленъ. Каждому предоставлено право распоряжаться со своимъ лѣсомъ по собственному усмотрѣнію. Установленію такого широкаго права способствовали прежде всего интересы самой казны, желавшей извлечь какую либо пользу изъ своихъ огромныхъ лѣсовъ, которые, начиная съ 1859 года, подчинены были надзору правительственныхъ учрежденій. Едва-ли тогда кто-либо предусмотрѣлъ тѣ громадныя послѣдствія, которыя вытекли изъ новаго закона. На дѣлѣ-же оказалось, что точно кто-то взмахнулъ волшебнымъ жезломъ надъ землей Суоми и тѣмъ пробудилъ дремавшіе лѣсные милліоны. *Основа національнаго благосостоянія была заложена.*

Страна нуждалась въ деньгахъ. Глубокія борозды въ ея экономическомъ состояніи проложены были годами голода. Лѣсъ послужилъ цѣлебнымъ источникомъ для уврачеванія ранъ. Вскорѣ послѣ 1870 года французскіе милліарды руками нѣмцевъ разнесены были по земному шару, вызывая къ новой дѣятельности и полагая основы многимъ новымъ предпріятіямъ. Часть милліоновъ не миновала богатой лѣсами Финляндіи. Изъ Норвегіи явился предпріимчивый человѣкъ (Аслакъ Хольмсенъ) и научилъ финляндцевъ новому способу сплавлять лѣса черезъ рѣчные пороги, по желобамъ. Удача норвежца вызвала многочисленныя подражанія. Изъ за границы все чаще и больше прибывали покупщики лѣса, нуждавшіеся преимущественно въ пильномъ товарѣ. Большой залъ главной гостинницы (Societetshuset) Гельсингфорса превратился въ семидесятыхъ годахъ въ своеобразную биржу, гдѣ рѣшались большія и малыя лѣсныя предпріятія. Здѣсь за столами, съ пѣнящимися стаканами, группировались спеку-

лянты на лѣсъ. Раскладывались карты и планы. По нимъ заключались предварительные контракты. Здѣсь закладывали, продавали, покупали лѣсные товары, считались деньги, подписывались чеки. Лѣса сплавлялись; лѣсопильни умножились. Предпріимчивые торопились нажить состоянія.

За пятилѣтіе (1871—1876) заграничный отпускъ лѣсныхъ произведеній достигъ небывалыхъ размѣровъ въ исторіи Финляндіи. Хозяева лѣсопиленъ покупали лѣсъ на корню, платя за срубъ его части столько, сколько цѣнилось прежде все имѣніе. Землевладѣльцы продавали свой лѣсъ такъ выгодно, что получили возможность улучшить свое хозяйство. Усиленный спросъ на лѣсъ занялъ многія тысячи рабочихъ рукъ, обогатилъ земледѣльцевъ и лѣсоторговцевъ, принесъ большую выгоду самой казнѣ, которая ранѣе приплачивала за управленіе своими лѣсами, а теперь въ одинъ 1872 годъ получила прибыли въ 262 тыс., а до конца 1875 года она уже имѣла съ лѣса $3\frac{1}{2}$ мил. марокъ.

Указанное обстоятельство имѣетъ огромное значеніе въ послѣдующихъ культурныхъ успѣхахъ края.

Блестящій лѣсопильный періодъ, конечно, миновалъ. Высокія цѣны не могли остаться постоянными на продолжительное время; французскіе милліарды сыграли свою роль; все понемногу вошло въ болѣе обычную колею. Спекулировавшіе лѣсомъ должны были это предусмотрѣть; но жажда наживы отуманивала и послѣдствіемъ увлеченій были неслыханные крахи. Горячка прошла, и лѣсное дѣло установилось на прочныхъ и правильныхъ основахъ, продолжая приносить странѣ существенныя выгоды. Вывозъ лѣсныхъ товаровъ достигалъ значительныхъ размѣровъ, составляя приблизительно половину цѣнности всего вывоза изъ края. Въ числѣ странъ, торгующихъ лѣсомъ, Финляндія заняла потомъ пятое мѣсто послѣ Швеціи, Канады, Австріи и Норвегіи, чему много способствовали географическія условія страны и обладаніе дешевыми естественными внутренними путями для сплава и перевозки бревенъ [468]).

Ужасы пережитыхъ голодовокъ показали необходимость улучшенія путей сообщенія. Этотъ урокъ пришелся особенно своевременно, такъ какъ приступъ къ проведенію желѣзнодорожныхъ линій породилъ пессимизмъ въ обществѣ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ первая желѣзная дорога не оправдала возложенныхъ на

нее надеждъ. Ожидаемыхъ процентовъ прибыли она не дала. Доходы въ первые годы не покрывали даже расходовъ на ея содержаніе. Но помимо того, желѣзнодорожная политика породила два противоположныхъ направленія. «Проходя по сердцу страны, Тавастгусская дорога пріятно щекотала народническія финноманскія чувства». «Лучше оставить всѣ желѣзныя дороги,—кричали противники финномановъ,—чѣмъ строить ихъ на пользу разныхъ мечтателей народниковъ». Вообще Тавастгусская дорога возбудила въ Финляндіи опасеніе за безплодно затраченный капиталъ. Къ счастью это обстоятельство не охладило надеждъ правительства на будущее. Оно представило въ 1863 году въ сеймъ предложеніе объ улучшеніи коммуникаціонныхъ учрежденій, причемъ желѣзная дорога отъ станціи Рихимяки до селенія Лахтисъ (на южной оконечности системы Пэйяне) и продолженіе главнаго пути отъ Тавастгуса до Таммерфорса представлены были, какъ необходимѣйшія очередныя линіи. Согласіе сейма на сдѣланное предложеніе не имѣло значенія, въ виду отсутствія средствъ для постройки.

Въ маѣ 1864 года фабрикантъ В. фонъ-Нотбекъ представилъ особую записку, въ которой предложилъ продавать казенный лѣсъ, а деньги обратить на постройку желѣзной дороги отъ Лахтиса до Выборга. Планъ Нотбека повелѣно было передать въ сенатъ [469]).

Дѣло о новой линіи до Петербурга передано было на разсмотрѣніе сейма 1867 года. На этомъ предложеніи выставлено число 1 мая 1867 года. Отвѣтъ сейма послѣдовалъ немедленно, и правительству поручено было сдѣлать заемъ въ 18 милліоновъ. Безпримѣрный неурожай этого года неотложно побуждалъ доставить работу голодающему населенію. Экономическое положеніе края въ это время было весьма грустное, но земскіе чины справедливо видѣли въ проектированной желѣзной дорогѣ средство къ поднятію промышленности края, и поэтому, не смотря на финансовыя затрудненія, не колеблясь, приняли проектъ ея постройки.

Земскіе чины высказались за узкую колею. Того-же мнѣнія держался сенатъ и особенно Снельманъ, рекомендовавшій строгую бережливость въ расходованіи истощенныхъ казенныхъ средствъ. За узкую колею стояла въ Финляндіи та часть общественнаго мнѣнія, которая имѣла своимъ органомъ «Абоскія Извѣстія», гдѣ помѣщена была обширная (на 12 столбцахъ) статья о преимуществахъ для края узкой колеи [470]).

По иниціативѣ графа Адлерберга, Снельманъ, сенаторы Траппъ и фонъ-Борнъ, а также генералъ Шернваль и нѣкоторые

желѣзнодорожные инженеры были вызваны въ концѣ октября 1867 года въ Петербургъ, для обсужденія вопроса. Снельманъ видимо продолжалъ и тамъ держаться особаго мнѣнія и надѣялся на поддержку со стороны Армфельта, который, однако, на этотъ разъ не послѣдовалъ за нимъ. «Соображенія стратегическаго характера заставляли отдать предпочтеніе принятой въ Россіи пятифутовой (широкой) колеѣ, каковыя соображенія генералъ-губернаторомъ были поставлены на первый планъ и одобрены Государемъ».

Тогда же, т. е. въ октябрѣ 1867 года, состоялся всеподданнѣйшій докладъ генералъ-губернатора. Высочайшая резолюція повелѣвала дѣло «обсудить въ особомъ совѣщаніи съ министромъ финансовъ и генераломъ Мельниковымъ». Члены сего особаго совѣщанія министры: финансовъ и путей сообщенія, генералъ-губернаторъ, министръ статсъ-секретарь Великаго Княжества Финляндскаго и его товарищъ согласовали свои мнѣнія по слѣдующимъ пунктамъ:

1) Великое Княжество обязывается выстроить дорогу пятифутовой ширины отъ станціи Рихимяки до С.-Петербурга.

2) Государственное Казначейство даетъ субсидію въ 2.500.000 металлическихъ рублей, но ни въ какомъ случаѣ болѣе.

3) Государственное казначейство получаетъ участіе въ чистомъ доходѣ, въ размѣрѣ одной трети.

4) Если бы въ началѣ выручка не покрывала расходовъ эксплоатаціи, то недостающее количество вознаграждается Великому Княжеству изъ первыхъ чистыхъ доходовъ, а затѣмъ уже какъ Великое Княжество, такъ и государственное казначейство будутъ получать условленный въ 3-й статьѣ дивидендъ.

На это послѣдовало Высочайшее утвержденіе: «Исполнить».

Было рѣшено построить ширококолейную дорогу, но съ легкимъ верхнимъ строеніемъ, и въ возможно непродолжительномъ времени приступить къ работѣ. Въ этомъ смыслѣ и былъ изданъ Высочайшій рескриптъ (17/29 ноября 1867 г.), коимъ въ то же время утверждался гарантированный земскими чинами 18 милліонный заемъ. Основаніемъ для займа въ рескриптѣ выставлялось желаніе придти на помощь пострадавшему отъ неурожая населенію. Снельманъ часто говорилъ впослѣдствіи, что Императоръ Александръ въ рѣшеніи этого вопроса руководился своей обычной доброжелательностью къ Финляндіи. Говорятъ, что Государь сказалъ: «Если финляндская желѣзная дорога будетъ узкоколейной, и русскій подвижной составъ не будетъ въ состояніи

передвигаться по ней непосредственно, то въ Россіи подымется такая буря противъ Финляндіи, что не въ моихъ силахъ будетъ защитить финляндцевъ; поэтому для нихъ лучше, если дорога будетъ построена по образцу русскихъ» [471]).

Рихимяки—Петербургская линія была отодвинута отъ берега Финскаго залива вглубь края, съ цѣлью соединенія ея съ системой озеръ Пэйяне и Сайма. Этимъ осуществлялась идея финномана І. В. Снельмана, желавшаго, чтобы желѣзныя дороги соединяли внутренніе водяные пути съ моремъ, такъ какъ, по его мысли, съ моря проникла какъ духовная, такъ и матеріальная культура; этимъ же путемъ должна проникать и впредь духовная сила. Этому взгляду противопоставлялся другой, указывавшій на экономическое значеніе желѣзныхъ дорогъ, какъ капитала, долженствующаго приносить извѣстный доходъ.

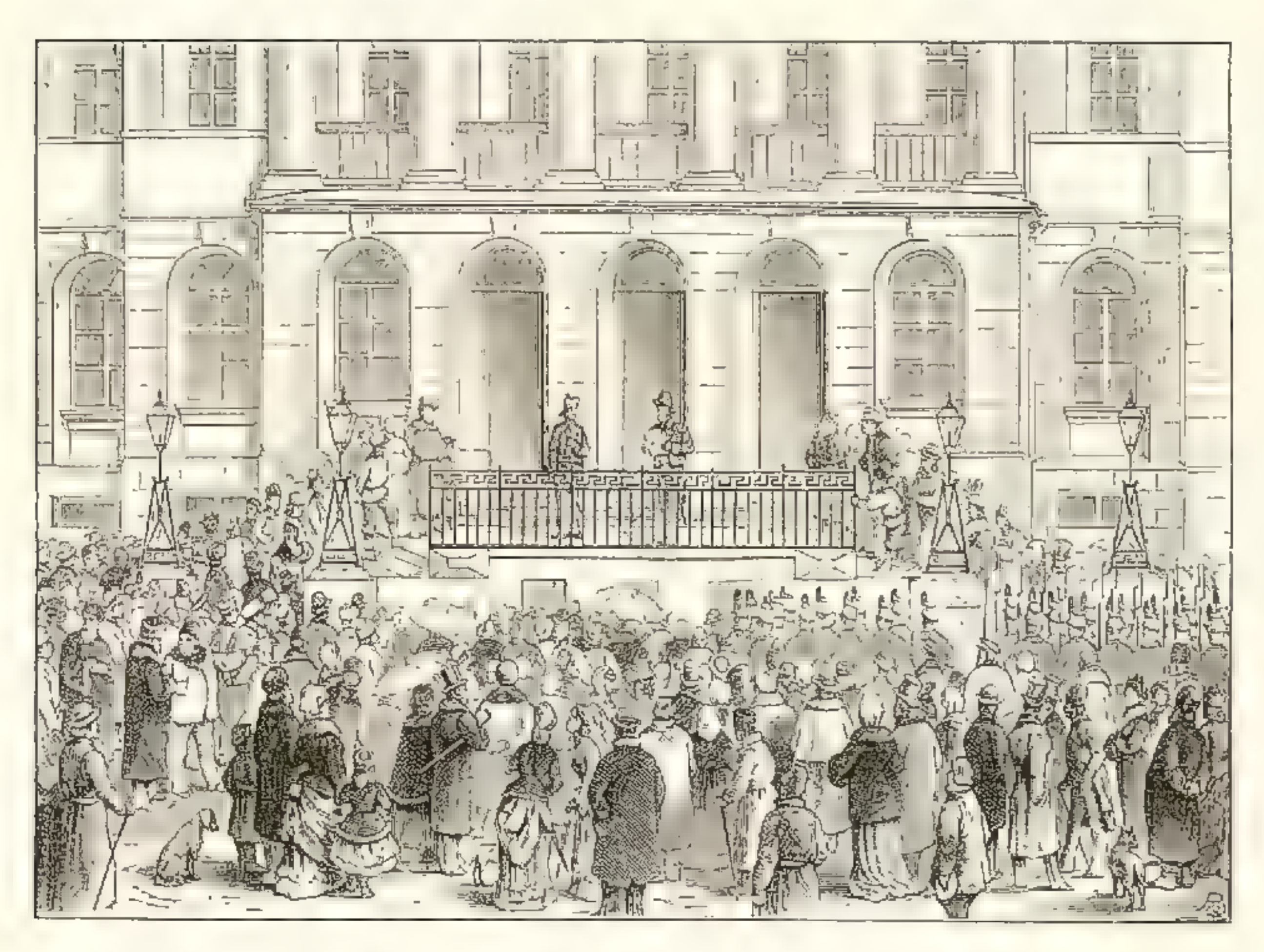
За приморскую дорогу болѣе другихъ ратовалъ Л. ф.-Гартманъ. Онъ добивался въ свое время соединенія Або съ Петербургомъ; онъ хотѣлъ такой дороги, «которая бы служила для лучшей защиты Петербурга отъ возможныхъ нападеній со стороны Швеціи», и въ то же время «приблизила бы Финляндію къ имперіи и соединила съ нею».

Благодаря другой предусмотрительности финляндцевъ, было постановлено, чтобы «предпріятіе это, во всякомъ случаѣ, поставлено было въ зависимость только отъ финляндскаго правительства и чтобы та часть новой дороги, которая имѣла быть сооружена на счетъ финляндской казны отъ границы имперіи до С.-Петербурга, находилась подъ финляндскимъ управленіемъ на такихъ же условіяхъ, какія опредѣлены и для частныхъ акціонерныхъ обществъ или лицъ, принявшихъ на себя постройку и эксплоатацію желѣзныхъ дорогъ въ имперіи [472]).

Узнавъ о тѣхъ милостяхъ, которыя вновь щедрой рукой Монарха дарованы были Финляндіи, мѣстный сенатъ (въ декабрѣ 1867 г.) сдѣлалъ слѣдующее всеподданнѣйшее представленіе: «Къ многочисленнымъ доказательствамъ милости и попеченія, полученнымъ Финляндіею отъ своего Августѣйшаго Великаго Князя, Ваше Императорское Величество благоволили присоединить новое, пожаловавъ изъ россійскихъ суммъ не менѣе десяти милліоновъ марокъ на пособіе на сооруженіе желѣзной дороги отъ станціи Рихимяки до столицы имперіи—С.-Петербурга.

Это щедрое пособіе открываетъ возможность осуществить предпріятіе, которое не только крайне необходимо въ настоящее время для доставленія средствъ къ существованію претерпѣвающему

Открытіе Петербурго-Выборгской жел. дороги
1 февраля 1870 г.



Объявленіе объ открытіи сейма съ сенатскаго крыльца
въ Гельсингфорсѣ.

нужду сельскому населенію, но и должнѣ имѣть неизмѣримое вліяніе на развитіе его благосостоянія посредствомъ постояннаго и быстраго сообщенія съ имперіею. Отрадная вѣсть о постройкѣ желѣзной дороги безъ сомнѣнія уже успѣла достигнуть самыхъ отдаленныхъ частей края, ожививъ духъ народа и его упованіе на будущее.

Подъ впечатлѣніемъ таковыхъ чувствъ сенатъ испрашиваетъ милости выразить передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ свое искреннее убѣжденіе, что память о благодѣяніи, такимъ образомъ дарованномъ финскому народу неусыпнымъ попеченіемъ Вашего Величества, будетъ хранима въ благодарной груди и еще болѣе скрѣпитъ узы непоколебимой вѣрности и преданности, которыя всегда соединяли сей народъ съ великодушнымъ его Монархомъ».

Русское правительство не только выдало $2^1/_2$ милліона рублей (10 милліоновъ марокъ), но нѣсколько ранѣе (въ октябрѣ 1867 г.) повелѣло упразднить финскіе стрѣлковые баталіоны, «въ видахъ достиженія требуемаго обстоятельствами сбереженія въ росписи ординарныхъ расходовъ края» [473]). Сумма въ $2^1/_2$ милліона рублей составляла разницу стоимости постройки между проектированной финляндцами узкоколейной дорогой и потребованной русскимъ правительствомъ ширококолейной.

Въ виду того, что личная иниціатива въ приведеніи въ исполненіе петербургскаго желѣзнодорожнаго вопроса принадлежала графу Адлербергу, то его раздражали малѣйшія препятствія, мѣшавшія скорѣйшему начатію предпріятія, которое онъ считалъ едва-ли не личнымъ дѣломъ. Такъ какъ наиболѣе сильную оппозицію составлялъ настойчивый Снельманъ, то графъ Адлербергъ рѣшилъ предложить Монарху отставить несговорчиваго сенатора. По мысли Снельмана, «большія вспомогательныя работы должны были производиться лишь въ мѣстностяхъ, наиболѣе пострадавшихъ». Кромѣ того, Снельманъ вообще не желалъ, чтобы крестьяне оставляли свои дома и скоплялись въ большомъ количествѣ около строящейся линіи. Въ противоположность времени Рокасовскаго, генералъ-губернаторъ имѣлъ теперь первенствующее вліяніе на Монарха, и отодвинулъ на второй планъ стараго министра статсъ-секретаря. Графъ Адлербергъ былъ ровесникомъ Государя и съ дѣтства ихъ связывали узы дружбы. Государь еще потому больше дорожилъ мнѣніемъ Адлерберга, чѣмъ мнѣніемъ Армфельта, что первый жилъ въ Финляндіи, тогда какъ Армфельтъ, за время своего продолжительнаго пребыванія въ Петербургѣ, могъ нѣ-

*

сколько отстать отъ финляндскихъ дѣлъ. Снельманъ, участь котораго рѣшалась въ это время, пользовался въ началѣ своей политической дѣятельности сильной поддержкой Армфельта, но теперь обстоятельства ясно указывали, что графъ не пойдетъ противъ сильнаго при дворѣ генералъ-губернатора. Графъ Адлербергъ уговорилъ сенатора Траппа взять финансовую «портфель», а Снельману далъ понять, чтобъ онъ просилъ объ увольненіи отъ службы.

Въ 1868 году, когда нужно было пріобрѣсти въ Петербургѣ землю подъ станцію новой желѣзной дороги, графъ Адлербергъ столь ретиво принялъ сторону финляндцевъ, что не остановился даже предъ интересами военнаго вѣдомства, лабораторія котораго стояла на нужной для финляндцевъ землѣ. Онъ возражалъ Баранцову, грозилъ возможной задержкой работъ по линіи и т. п. Государь не взялъ однако на себя иниціативы и повелѣлъ: «Для окончательнаго выбора мѣста для станціи снестись съ кѣмъ слѣдуетъ» (18/30 іюля 1868 года). Успѣхъ подѣйствовалъ ободрительно и графъ Адлербергъ продолжалъ досаждать русскимъ властямъ, содѣйствуя финляндцамъ. Такъ, въ маѣ 1869 года онъ дважды просилъ министра финансовъ преждевременно ассигновать 750.000 рублей. Оба раза министръ отказалъ. Адлербергъ доложилъ дѣло Государю, чтобы сложить съ себя отвѣтственность въ предстоящемъ уменьшеніи числа рабочихъ на строившейся желѣзной дорогѣ.

Открытіе движенія по всей линіи отъ Петербурга до Рихимяки состоялось 11 сентября 1870 года.

Дорога построена исключительно финляндскими инженерами. Желѣзныя части мостовъ и подвижной составъ заказывались въ Англіи и Германіи, но по проектамъ финляндскихъ строителей. Безпорядокъ между рабочими произошелъ только разъ, около Лахтиса, въ сентябрѣ 1868 года.

Благодаря низкой рабочей платѣ линія отъ Петербурга до Рихимяки (длиною въ 372 километра) обошлась въ 27.525.000 марокъ, хотя разсчитано было, что она будетъ стоить 30.000.000 марокъ. Тѣмъ не менѣе экономія оказалась химерической, потому что впослѣдствіи потребовалось множество весьма дорогихъ дополнительныхъ работъ. Онѣ привели къ тому, что дороги отъ Гельсингфорса до Тавастгуса и до Петербурга, которыя первоначально стоили 41.948.000 марокъ, впослѣдствіи представили цѣнность не менѣе какъ въ 67.045.000 марокъ, т. е. почти 60% сверхъ первоначальнаго капитала.

Доходъ съ дороги оказался вначалѣ незначительнымъ. Въ русской печати тогда же высказана была очень цѣнная мысль, цѣликомъ къ сожалѣнію до сихъ поръ не осуществленная, что «единственное средство поднять доходность Петербургской желѣзной дороги—продолженіе ея до Гангё и постройка моста через Неву, для связи съ русскими дорогами» [474]).

За содѣйствіе графа Адлерберга по постройкѣ желѣзной дороги до Петербурга финляндцы выхлопотали ему право пользоваться экстренными поѣздами безплатно, пока останется генералъ-губернаторомъ.

Когда устанавливали форму одежды для желѣзнодорожныхъ служащихъ, Государь повелѣлъ, чтобъ она для чиновниковъ и служащихъ при означенныхъ дорогахъ была совершенно одинакова съ формой, утвержденной въ имперіи, но съ той только разницей, чтобы вмѣсто свѣтло-зеленаго цвѣта въ Финляндіи былъ установленъ свѣтло-синій. Когда затѣмъ вырабатывалось положеніе объ условіяхъ разрѣшенія частнымъ лицамъ и обществамъ концессій на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ въ Финляндіи, то Государь, всегда смотрѣвшій на Финляндію какъ на нѣчто нераздѣльное съ Россіей, опять начерталъ: «Желаю знать прежде мнѣніе министра финансовъ и путей сообщенія» (30 января—11 февраля 1874 г.). Иначе говоря, онъ имѣлъ въ виду все согласовать съ имперскими порядками. Въ этомъ отношеніи онъ проявилъ въ своихъ резолюціяхъ большую послѣдовательность. Слѣдующее по очереди ходатайство объ учрежденіи особаго желѣзнодорожнаго управленія, отдѣленнаго отъ главнаго управленія путей сообщенія, не было уважено. Резолюція Государя гласила: «Я не раздѣляю этого мнѣнія и полагаю, что проще было бы усилить составъ главнаго управленія, если это признается необходимымъ, но не отдѣляя отъ него завѣдываніе желѣзными дорогами» (5/17 марта 1875 г.).

Неуклонность въ дѣлѣ объединенія сказалась и въ другой области. Въ 1878 году Его Величеству подали проектъ «Объ изданіи новыхъ правилъ касательно пассажирскихъ пароходовъ». Государь соизволилъ надписать: «Сообщить предварительно Г.-А. Посьету». (28 іюня—10 іюля 1878 года).

Въ 1882 году Финляндія уплатила свой долгъ Россіи по желѣзной дорогѣ и сдѣлалась полной владѣлицей всей линіи вплоть до Петербурга. Часть линіи, какъ извѣстно, пролегаетъ по территоріи Петербургской губерніи. Строилась она на правахъ частныхъ акціонерныхъ предпріятій, но къ частнымъ желѣзнымъ дорогамъ имперіи ее не причислили, а называется она «Финлянд-

ской правительственной желѣзной дорогой», вѣдаетъ ея дѣлами финляндскій сенатъ, и всѣ служащіе на ней состоятъ на «финляндской службѣ» и подчиняются финляндскимъ законамъ и властямъ [475]).

Финляндія пережила желѣзнодорожную горячку, но она не была ни продолжительной, ни обширной. Она совпала, примѣрно, со временемъ лѣсныхъ спекуляцій, но не встрѣтила для себя среди финляндцевъ благопріятной почвы. Скромная и спокойная жизнь финляндскаго общества не дала развиться дутымъ желѣзнодорожнымъ концессіямъ. Капиталовъ для подобныхъ предпріятій въ странѣ также не нашлось, русскіе же и иностранные капиталисты не усмотрѣли для себя выгодной арены въ предѣлахъ Финляндіи. Мысль о соединеніи станціи Рихимяки съ прекрасной гаванью Гангё нѣкоторое время занимала финляндскихъ предпринимателей. Они искали себѣ компаньоновъ среди русскихъ, но неудачно. Около года предпріятіемъ завѣдывалъ таинственный chevalier de Hoffman (осужденный впослѣдствіи вѣнскимъ судомъ за крупныя мошенничества). Ему удалось втянуть въ дѣло петербургскихъ банкировъ Гинцо и Арнольди. Дорога была правда достроена, но милліоны названныхъ лицъ безвозвратно утрачены. Все предпріятіе обошлось въ 22 милліона марокъ и на слѣдующій же годъ перешло въ казну за скромные 9 милл. [476]).

Съ вопросомъ о желѣзныхъ дорогахъ тѣсно связывался вопросъ о телеграфѣ. Уже сеймъ 1863 года подымалъ этотъ вопросъ. Въ поданной тогда петиціи онъ просилъ объ устройствѣ телеграфа на счетъ финской казны или средствами финской компаніи, или, наконецъ, о передачѣ мѣстнаго телеграфа въ завѣдываніе особаго управленія Финляндіи. Главное управленіе путей сообщенія имперіи дало по этому поводу обстоятельный отвѣтъ. Оно писало: «Единство и нераздѣльность (identité) телеграфовъ признаны необходимымъ основнымъ началомъ для успѣха телеграфнаго дѣла, не только въ одномъ и томъ-же государствѣ, но даже и въ державахъ, раздѣленныхъ политическими границами. Германскія государства слили свои телеграфы въ одно нераздѣльное цѣлое, подъ именемъ германо-австрійскаго телеграфнаго союза, съ которымъ, какъ съ одною сосѣднею державою, заключенъ Россіею телеграфный договоръ и производится общій расчетъ за депеши. Принципъ этого единства признанъ Россіею

и по внутреннему управленію телеграфами, которые поэтому подчиняются одному общему центральному управленію, и былъ-бы нарушенъ поступленіемъ финляндскихъ телеграфовъ подъ особое управленіе. При отдѣленіи финляндскихъ телеграфовъ отъ центральнаго управленія необходимо было-бы назначить переходный пунктъ между телеграфами имперіи и Финляндіи и вести по обѣ стороны этого пункта особый счетъ разстояній (поясовъ), что могло-бы повести къ измѣненію тарифа депешъ, а это въ свою очередь противорѣчило-бы заключеннымъ Россіею съ сосѣдними иностранными державами телеграфнымъ конвенціямъ. Считая телеграфъ органомъ правительственныхъ распоряженій, раздробленіе его послужило-бы во вредъ административнымъ и политическимъ цѣлямъ правительства».

Отвѣтъ главнаго управленія путей сообщенія оказался столь категорическимъ, что даже комитетъ финляндскихъ дѣлъ (13 ноября 1864 г.) не рѣшился поддержать передъ Монархомъ ходатайства своихъ соотечественниковъ.

Желѣзнодорожный телеграфъ въ великомъ княжествѣ устроенъ былъ на средства финляндской казны и состоялъ въ ея собственности и подчинялся дѣйствію исключительно финляндскихъ законоположеній.

Въ 1870 году состоялось утвержденіе россійскаго устава о телеграфахъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Онъ былъ изданъ въ видахъ достиженія «единства въ устройствѣ и содержаніи телеграфовъ въ имперіи». На Финляндію его полностію не распространили, вслѣдствіе особыхъ сношеній съ генералъ-губернаторомъ. Неудобство такого исключенія скоро сказалось, и министерство внутреннихъ дѣлъ (въ апрѣлѣ 1876 г.) вынуждено было просить о приведеніи въ дѣйствіе въ Финляндіи названнаго устава «въ полномъ объемѣ», такъ какъ управленіе государственныхъ телеграфовъ имперіи, въ случаѣ надобности, напр., подвѣсить проводы свои къ столбамъ финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ, приходилось заключить съ управленіемъ этихъ дорогъ особыя на то условія. Такой порядокъ нельзя было, конечно, признать ни нормальнымъ, ни удобнымъ [477]).

Въ присоединенной къ Россіи Петромъ Великимъ Выборгской губерніи и части нынѣшней С.-Михельской губерніи русское правительство пожаловало въ разное время разнымъ лицамъ гей-

маты и имѣнія. Въ этихъ пожалованныхъ земляхъ съ теченіемъ времени возникли сложныя отношенія между прежними владѣльцами имѣній, крестьянами и тѣми лицами, коимъ земли эти жаловались. Постановленіемъ 25 ноября 1826 года правительство старалось прекратить споры; новымъ закономъ всѣ владѣльцы донаціонныхъ имѣній признавались имѣющими фрельзовое право на земли. Иначе говоря, постановленіе 1826 года дало владѣльцамъ донаціонныхъ имѣній разомъ полное право собственности на земли и сдѣлало крестьянъ означенныхъ имѣній арендаторами этихъ владѣльцевъ, т. е. поставило крестьянъ въ такое положеніе, въ какомъ находились торпари въ остальной Финляндіи, съ тою только разницею, что донаціонный крестьянинъ могъ быть удаленъ безъ законнаго срока съ земли, которую онъ наравнѣ съ своими предками считалъ собственною.

Эти донаціонныя имѣнія представляли большія пространства—около 950 манталовъ земли, на которыхъ считалось приблизительно до 190 тыс. жителей. Положеніе населенія отъ закона 1826 года не улучшилось.

Судя по показаніямъ, собраннымъ на мѣстѣ, кажется, въ общемъ не было грубыхъ злоупотребленій со стороны владѣльцевъ.

Но тѣмъ не менѣе положеніе крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ приходилось признать неудовлетворительнымъ вслѣдствіе того, что права ихъ на землю были менѣе обезпечены, нежели остальнаго крестьянскаго населенія въ другихъ частяхъ края. Крестьяне, кромѣ того, унаслѣдовали представленіе, что они терпѣли посягательства на свои права.

Во время объѣзда края генералъ-губернаторомъ графомъ Бергомъ, ему подано было въ восточной части Выборгской губерніи много прошеній отъ донаціонныхъ крестьянъ. Эти прошенія побудили графа Берга (въ сентябрѣ 1857 г.) обратить вниманіе на то, что «между владѣтелями донаціонныхъ имѣній Выборгской губерніи и живущими на ихъ земляхъ крестьянами не заключаются контракты, которыми съ точностію опредѣлялись-бы слѣдуемыя съ крестьянъ въ пользу помѣщиковъ повинности». Такой порядокъ велъ къ столкновеніямъ и ставилъ крестьянъ въ полную зависимость отъ помѣщиковъ. Въ виду этого начальникъ края просилъ черезъ министра статсъ-секретаря объ учрежденіи комиссіи. Но ее не учредили, такъ какъ она могла легко быть понята крестьянами въ томъ смыслѣ, что «имѣется въ виду подвергнуть состоявшіяся о донаціонныхъ имѣніяхъ въ Выборгской губерніи постановленія пересмотру и отмѣнѣ.

Въ дѣлѣ приказано было разобраться Выборгскому губернатору. Въ то-же время графъ Армфельтъ просилъ этого губернатора дать ему конфиденціальнымъ образомъ свѣдѣнія о положеніи сихъ крестьянъ. Генералъ-маіоръ Индреніусъ, сообщая нужныя свѣдѣнія, съ своей стороны, въ заключеніе заявилъ, что во все время управленія имъ Выборгскою губерніею не было никакихъ жалобъ на донаціонныхъ владѣльцевъ, а если таковыя послѣдуютъ, то онъ по возможности не преминетъ быть посредникомъ между фрельзовыми владѣльцами и крестьянами. «Изъ сего донесенія Индреніуса видно,—писалъ графъ Армфельтъ,—что крестьяне донаціонныхъ имѣній питаютъ еще надежду на предоставленіе имъ права собственности на обитаемые ими геймaты, и что, слѣдовательно, учрежденіе предположенной генералъ-губернаторомъ комиссіи могло бы еще болѣе утвердить ихъ въ этомъ мнѣніи и совершенно противодѣйствовать достиженію цѣли учрежденія сей комиссіи [478]).

Безъ движенія этотъ вопросъ пролежалъ не долго. Изысканіе мѣръ къ устраненію всѣхъ неблагопріятныхъ условій было одною изъ задачъ возрождавшейся политической жизни края. Сейму 1863 года было передано предложеніе объ устраненіи давнишняго зла. Правительство возбудило вопросъ о займѣ, какъ единственномъ средствѣ обезпечить крестьянъ, живущихъ на донаціонныхъ земляхъ, и устранить наслоившіяся недоразумѣнія. Было желательно, чтобы крестьяне могли выкупить для себя въ собственность тѣ угодья, на которыхъ они жили. Предложеніе было озаглавлено «о заключеніи правительственнаго займа, съ цѣлью подготовки для живущихъ въ донаціонныхъ имѣніяхъ Выборгской губерніи крестьянъ средства къ выкупу обитаемыхъ ими угодій». Въ предложеніи проектировалось, чтобы правительство, «при недостаткѣ другихъ средствъ», выпустило, подъ ручательствомъ земскихъ чиновъ, заемъ для выкупа находящихся въ Выборгской губерніи геймaтовъ, которые воздѣлываются различными крестьянами. Имѣлось въ виду устроить такъ, что владѣльцы донаціонныхъ имѣній обязаны будутъ получить выкупъ за свои земли, и этотъ выкупъ надлежало установить по опредѣленію оцѣнщиковъ тамъ, гдѣ онъ не могъ быть установленъ по добровольному соглашенію.

Бюджетная комиссія сейма нашла положеніе крестьянъ удрученнымъ и безправнымъ, чему не мало содѣйствовало постановленіе 1826 года. Задачей своей сеймовая комиссія ставила не столько распутываніе прежнихъ правонарушеній, сколько изы-

скаціе средства для культурнаго подъема донаціонныхъ крестьянъ.

Земскіе-же чины обратили болѣе вниманія на правовыя отношенія и желали предварительно разобраться въ древнихъ грамотахъ и документахъ, а потому просили, между прочимъ, разрѣшенія ознакомиться съ содержаніемъ отзыва комитета 1825 года и съ содержаніемъ тѣхъ дѣлъ, на основаніи которыхъ былъ данъ его отзывъ. Въ 1825 году былъ учрежденъ комитетъ для составленія проекта объ устройствѣ положенія донаціонныхъ имѣній. Заключеніе сего комитета Императоръ Александръ I повелѣлъ оставить секретнымъ и потому его не выдали сейму 1863 года. Высочайшій отказъ послѣдовалъ 15 февраля 1864 года. Вслѣдствіе сего земскіе чины просили о Высочайшемъ соизволеніи на учрежденіе комиссіи, которая-бы на мѣстѣ собрала свѣдѣнія объ основаніяхъ, на которыхъ зиждутся права какъ донатаріевъ, такъ и донаціонныхъ крестьянъ, и чтобы этотъ вопросъ потомъ былъ переданъ для окончательнаго рѣшенія на предстоящій сеймъ.

Постановленіе сейма не удостоилось, однако, утвержденія правительства, о чемъ хлопоталъ также генералъ-губернаторъ Рокасовскій, и въ соотвѣтствіи съ этимъ не было издано по сему предмету никакого постановленія; вмѣсто сего собравшимся въ 1867 году земскимъ чинамъ было передано новое предложеніе, въ которомъ, въ заключеніи, говорилось, что правительство признало «единственнымъ законнымъ путемъ», для разрѣшенія донаціоннаго вопроса, предоставленіе владѣльцамъ донаціонныхъ имѣній и крестьянамъ возможности заключать такія соглашенія, которыя постепенно могли-бы привести къ успѣшному выкупу гейматовъ.

Разрѣшить вопросъ по прежнимъ правовымъ основаніямъ было уже немыслимо; пришлось поэтому направить дѣло законодательнымъ путемъ, съ цѣлью измѣненія положенія донаціонныхъ крестьянъ. Единственный способъ, который оставался возможнымъ, былъ тотъ, чтобы крестьяне, уплатой наличной суммы, освободили себя отъ повинностей помѣщикамъ, и единственная помощь, которую могли указать земскіе чины, сводилась къ тому, чтобы казна явилась посредникомъ и дала донаціоннымъ крестьянамъ необходимыя для выкупа средства. Земскіе чины спѣшили своимъ рѣшеніемъ и вмѣшательствомъ, понимая, что въ будущемъ они легко могли лишиться повода содѣйствовать разрѣшенію донаціоннаго вопроса.

Продолженіе существовавшаго положенія означало бы,—по мнѣнію земскихъ чиновъ,—что внутри границъ Финляндіи нахо-

дятся клочки чужой земли. Свыше ста тысячъ финскихъ согражданъ, обрабатывавшихъ девятьсотъ пятьдесятъ манталовъ финской земли, оставались-бы лишенными самыхъ важныхъ изъ преимуществъ, кои гражданскіе законы края предоставляютъ другимъ. Какую охоту къ работѣ можно было ожидать у донаціоннаго крестьянина, когда онъ зналъ, что, если бы ему удалось повысить свои доходы, помѣщикъ, или его управляющій, могли тотчасъ, путемъ повышенія шкатоваго оброка, завладѣть этой прибылью. Земскіе чины приняли (въ 1867 г.) поэтому проектъ о заключеніи статнымъ вѣдомствомъ займа, предназначавшагося для пріобрѣтенія въ казну донаціонныхъ имѣній Выборгской и С.-Михельской губерній, по добровольному соглашенію съ владѣльцами ихъ, и съ тѣмъ, чтобы имѣнія эти, по размежеваніи, продавались мѣстнымъ крестьянамъ. Казна израсходовала впослѣдствіи на это дѣло приблизительно 17.000.000 марокъ, изъ которыхъ большая часть постепенно погашалась крестьянами. Населеніе въ 80.000 человѣкъ такимъ образомъ пріобрѣло полное право собственности на землю, съ обезпеченіемъ экономическаго и нравственнаго преуспѣянія. Это было своего рода освобожденіе крестьянъ. Они не были крѣпостными, но оставались всетаки несвободными, такъ какъ во многомъ зависѣли отъ произвола помѣщика.

Это одна сторона большого донаціоннаго вопроса, сторона преимущественно экономическая. Но имѣлась и другая, которая играла еще большую роль въ рѣшеніяхъ сейма и мѣстной администраціи, это—сторона политическая.

Пограничное населеніе было всегда предметомъ двухъ противоположныхъ вліяній и трудно было предвидѣть, въ какую сторону направятся его симпатіи и стремленія. Выкупами донаціонныхъ земель имѣлось поэтому въ виду облегчить слитіе карелъ съ финнами. Для этого, конечно, нужно было избавить карелъ отъ всякихъ вліяній и воздѣйствій «съ востока», нужно было оборвать оставшіяся съ русскихъ временъ отношенія, которыя болѣе всего сказывались, разумѣется, въ донаціонныхъ имѣніяхъ.

Писатель А. Чумиковъ не безъ основанія выразилъ сожалѣніе, что «русское правительство, разрѣшивъ Финляндіи сдѣлать заемъ, косвеннымъ образомъ само способствовало къ вытѣсненію русскихъ началъ изъ той Кареліи, которая искони входила въ составъ Великаго Новгорода, и языческіе обитатели которой еще при Ярославѣ (1227 г.) приняли православіе, и гдѣ до настоящаго времени считается не одинъ десятокъ православныхъ храмовъ со

многими тысячами прихожанъ». Въ русской печати дѣлались также указанія на то, что финляндское правительство, для надѣленія своихъ мелкихъ землевладѣльцевъ, даже выпросило у графа Валуева безвозмездно 10.000 десятинъ въ Суоярви Салминской дачи министерства государственныхъ имуществъ, близь Ладоги.

Между населеніемъ восточной Финляндіи, западной части Олонецкой губерніи и сѣверной Петербургской губерніи нѣтъ рѣзкаго различія, хотя въ послѣднихъ распространены и русскій языкъ и православная вѣра. Населяющіе эти части карелы финскаго происхожденія. Часть ихъ лютеране, общины которыхъ получали пасторовъ изъ Финляндіи. На содержаніе проповѣдника и учителей въ лютеранскихъ приходахъ Олонецкой губерніи средства отпускались также финляндской казной. «Русское духовенство не старалось обратить этихъ карелъ въ православіе». «Такія удивительныя отношенія существуютъ и существовали уже въ продолженіе трехъ-четвертей столѣтія на разстояніи всего какого-нибудь десятка верстъ отъ Петербурга». Но даже и подобнымъ положеніемъ финляндская администрація не удовлетворилась; она пожелала создать такія условія, чтобы карелы неизбѣжно вошли въ лоно финскаго народа и освободились отъ вліяній «съ востока».—Донаціонныя же имѣнія, расположенныя въ приходахъ Кивинеббъ, Мола, Валкіярви, Раутусъ, Саколла и Пюхеярви и принадлежавшія прежде именитымъ родамъ Апраксиныхъ, Долгорукихъ, Трубецкихъ, Воронцовыхъ, Чернышевыхъ, Шуваловыхъ, Салтыковыхъ и др., представляли не малую угрозу возможности обрусѣнія ихъ крестьянъ, такъ какъ послѣдніе нерѣдко искали работы въ Петербургѣ, подолгу служили тамъ у своихъ господъ, вступали въ бракъ и пр. Эти крестьяне говорили о столицѣ русскаго государства и объ историческихъ условіяхъ, совершенно чуждыхъ остальной Финляндіи. Все это обезпокоивало истинныхъ патріотовъ.

Если владѣлецъ имѣнія былъ русскій дворянинъ съ большимъ состояніемъ—это чаще всего такъ и бывало—онъ обыкновенно не посвящалъ особенно большой заботы своему помѣстью въ Кареліи и довольствовался полученіемъ, безъ дальнихъ хлопотъ, доходовъ, которые ежегодно представлялъ ему управляющій. Лично пребывалъ онъ въ деревенской «резиденціи» (hovi) лишь нѣсколько недѣль лѣтомъ, для перемѣны воздуха и охоты. Мѣстомъ его постояннаго жительства былъ, конечно, Петербургъ—средоточіе того общества, къ которому онъ принадлежалъ. Большія донаціонныя имѣнія бывали обыкновенно достаточны, чтобы давать неза-

висимость своимъ владѣльцамъ. Имѣніе Пелліле представляло стоимость въ $1^1/_2$ милліона марокъ; оно занимало почти весь приходъ Мола; въ имѣніи считалось отъ 4.700 до 4.800 человѣкъ. Имѣніе барона Фредерикса занимало почти цѣликомъ приходы Валкіярви и Пюхеярви и имѣло населеніе въ 7.800 чел.; его оцѣнивали въ 2.861.385 марокъ. Однимъ изъ малыхъ донаціонныхъ имѣній являлось Кюреле, но и оно имѣло 1.123 жителя и цѣнилось въ 180.000 марокъ, а Лейникюле—отъ 6.000 до 7.000 жителей и стоило около 169.700 марокъ.

По изслѣдованію финляндца, строгими господами вообще владѣльцы донаціонныхъ имѣній не были, и если они взимали иногда ежевыми рукавицами недоимки земельнаго оброка, то происходило это, вѣроятно, чаще всего по невѣдѣнію положенія вещей. Когда же они лично вмѣшивались въ управленіе своими имѣніями, то дѣлали это, видимо, съ благимъ намѣреніемъ, хотя и не всегда съ хорошимъ успѣхомъ.

Истинной властью въ донаціонныхъ имѣніяхъ являлся, конечно, управляющій, происходившій чаще всего изъ русскихъ или остзейскихъ нѣмцевъ. Онъ замѣнялъ владѣльца, со всѣми его правами, но съ меньшею отвѣтственностью. О надлежащемъ контролѣ надъ его управленіемъ не возникало обыкновенно вопроса. Крестьяне,—по свидѣтельству того-же финляндскаго изслѣдователя,—не предъявляли большихъ притязаній и, за отсутствіемъ между ними и помѣщиками правомѣрныхъ отношеній, приспособлялись къ условіямъ насколько могли путемъ практики и старинныхъ обычаевъ.

«Владѣльцы донаціонныхъ имѣній неоднократно пробовали дружелюбно побудить крестьянъ подписывать договоры объ арендѣ, которые давали-бы имъ право на 50 лѣтъ впередъ безпрепятственно обрабатывать свои земли съ условіемъ, чтобы они вносили разъ на всегда правильно установленный ежегодный платежъ, каковое условіе, по имѣющимся свѣдѣніямъ, въ большинствѣ случаевъ примѣнялось весьма умѣренно. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянамъ предоставлялась въ будущемъ обезпеченность въ томъ, въ чемъ уже ранѣе можно было явно предвидѣть надобность, и требовали только, чтобы они отказались добровольно отъ правъ, которыхъ они были уже лишены по распоряженію правительства». Подобныя дѣла не обходились безъ участія пастора, который, видя съ одной стороны стѣсненныя обстоятельства крестьянина, а съ другой—возможность обезпеченія ему извѣстнаго сноснаго существованія, совѣтовалъ подписать договоръ. Но и доброе слово духовнаго лица

не помогало. Крестьяне опасались, что подписью отказываются отъ своей свободы и сдѣлаются крѣпостными.

Когда финляндская казна выразила желаніе пріобрѣтать донаціонныя имѣнія, то владѣльцы ихъ легко соглашались на продажу и казна скоро сдѣлалась ихъ собственникомъ. Русскими сановниками руководили одни только экономическія соображенія. Никто изъ нихъ не проявилъ ни государственныхъ воззрѣній, ни патріотизма, которыя столь обильно сказались въ финляндскихъ дѣятеляхъ, задумавшихъ и приведшихъ въ исполненіе обширный планъ очищенія Финляндіи отъ вліятельнаго, какъ они полагали, русскаго элемента. Предстояло затѣмъ продать и передать земли крестьянамъ, которыхъ обязывали въ теченіе извѣстнаго продолжительнаго срока выплатить стоимость пріобрѣтаемой части имѣнія. Какъ только крестьянинъ начиналъ дѣлать свои взносы, ему выдавалась шкатовая грамота (perintökirje), дѣлавшая его собственникомъ земли. Задержки во всѣхъ этихъ операціяхъ происходили отъ малаго числа землемѣровъ, которымъ надлежало произвести межеваніе, и отъ недостатка наличныхъ денегъ у крестьянъ, привыкшихъ платить свои повинности барщиной и натурой. Переходное время къ новому порядку, продолжавшееся для разныхъ хозяйствъ отъ четырехъ до десяти лѣтъ, легло большой тяжестью на крестьянъ донаціонныхъ земель [479]).

На сеймѣ 1863 года пробстъ Хейкель подалъ меморіалъ, въ которомъ было сказано: «Послѣ того какъ сеймовый уставъ отъ 17 октября 1723 года отмѣненъ и замѣненъ формой правленія 1772 года, но за неимѣніемъ другого сеймоваго устава, въ главныхъ своихъ опредѣленіяхъ всетаки примѣнялся какъ на риксдагѣ 1772 года, такъ и на сеймахъ послѣдующихъ годовъ, когда Финляндія еще принадлежала Швеціи, а также на сеймѣ въ Борго 1809 года; и такъ какъ для Финляндіи очень важно имѣть опредѣленный основной законъ, въ которомъ былъ-бы начертанъ способъ составленія представительнаго собранія на сеймахъ и порядокъ дѣлопроизводства, я предлагаю сейму подать петицію о томъ, чтобъ можно было выработать полный сеймовый уставъ и представить его, какъ Высочайшее предложеніе, въ слѣдующій сеймъ».

Къ мысли пробста сеймъ отнесся одобрительно и дѣлу дали дальнѣйшій ходъ.

Комитетъ финляндскихъ дѣлъ, разсматривая труды выборной январской комиссіи, отмѣтилъ въ своемъ журналѣ (въ іюлѣ 1863 года): «Принимая въ соображеніе, что указанія и предписанія о порядкѣ собранія государственныхъ сеймовъ, подготовкѣ дѣлъ и ихъ разрѣшенія на сеймѣ, находящіяся въ сеймовомъ уставѣ 20 января 1617 года и въ опредѣленіи (шведскихъ) государственныхъ чиновъ отъ 26 января 1779 года, оказываются отчасти крайне недостаточными, отчасти-же неудобопримѣнимыми къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ, комитетъ считаетъ долгомъ повергнуть на Высочайшее благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества, не слѣдуетъ-ли изготовить сообразный съ цѣлью проектъ сеймового устава для Великаго Княжества и предложить означенный проектъ на утвержденіе чинамъ перваго сейма».

Комиссіи объ основныхъ законахъ (ген. Норденстама) поручено было, на указанныхъ основаніяхъ, составить полный проектъ сеймоваго устава.

Въ основу проекта были положены слѣдующія начала: Финляндія получила форму сословнаго представительства. Въ ея сеймъ посылались депутаты отъ дворянъ, духовенства, горожанъ и крестьянъ. Они не служили, конечно, выраженіемъ народныхъ нуждъ и соціальныхъ отношеній края, хотя слѣдуетъ отмѣтить, что высшимъ классамъ нельзя сдѣлать упрека въ исключительномъ преслѣдованіи узкихъ классовыхъ интересовъ. Многіе классы населенія остались безъ всякаго представительства. Изъ $2^1/_3$ милліоновъ жителей политическими правами стали пользоваться едва 700.000, а остальные $70^0/_0$ оставались безправными. Эти недостатки были извѣстны составителямъ новаго закона, но они признавали тогда болѣе полезнымъ примириться съ ними, чѣмъ пойти противъ Высочайшаго предложенія и рискнуть вовсе остаться безъ сеймового устава, которому предстояло имѣть большое значеніе въ развитіи политической жизни Финляндіи [480]).

Сословія составляли на сеймѣ отдѣльныя палаты, куріи и въ рѣшеніи вопросовъ пользовались одинаковой компетенціей и равною властью. Правомъ участія на сеймѣ отъ дворянства пользовались старшіе въ каждомъ дворянскомъ родѣ. Они занимали мѣста безъ выборовъ. Изъ духовенства, безъ выборовъ, на сеймъ попадали только архіепископъ и епископы; остальныя духовныя лица подлежали избранію. Въ составъ духовнаго сословія входили представители отъ гельсингфорскаго университета и педагогическаго персонала.

Депутаты отъ горожанъ (буржуа) опредѣлялись прямыми выборами изъ числа правильно вносившихъ подати, а отъ крестьянъ—двухстепенными выборами, черезъ «электоровъ»—изъ числа владѣвшихъ недвижимымъ имѣніемъ или арендовавшихъ казенныя земли.

Личность депутата считалась неприкосновенной. Сеймовое дѣлопроизводство сосредоточивалось въ коммисіяхъ, коихъ было пять: законовъ, хозяйственная, статная, чрезвычайныхъ податей и банковая.

«Но мы напрасно стали-бы искать въ сеймовомъ уставѣ 1869 года правилъ, опредѣляющихъ отношенія народнаго представительства къ Монарху и, въ частности, устанавливающихъ мѣру участія земскихъ чиновъ въ законодательствѣ и финансовомъ контролѣ; правда, въ уставѣ встрѣчаются мѣстами разрозненныя указанія, которыя могли быть использованы при разрѣшеніи нѣкоторыхъ возникавшихъ въ семъ отношеніи вопросовъ; прямого же отвѣта на большинство такихъ вопросовъ, и притомъ на важнѣйшіе съ принципіальной точки зрѣнія сеймовый уставъ не давалъ [481]). Опредѣленно можно только сказать, что вопросы хозяйственные и экономическіе, бюджетъ и таможня, законъ о печати, языкахъ, санитарной части, учебныхъ заведеній предоставлялись единоличному рѣшенію Монарха».

Въ Высочайшемъ предложеніи о новомъ порядкѣ созванія сеймовъ говорилось: «Такъ какъ существующія въ Финляндіи, изданныя въ давнее время, постановленія и предписанія, касательно съѣздовъ и собраній сословій, во многихъ отношеніяхъ лишены необходимой полноты, ясности и опредѣленности, а равно не соотвѣтствуютъ настоящему положенію, Его Величество повелѣлъ разработать новый сеймовый уставъ для Великаго Княжества Финляндскаго и предложить его на обсужденіе сословій. Главные пункты этого устава слѣдующіе: 1) Финскія сословія имѣютъ собираться, по призыву Императора и Великаго Князя, каждые четыре года къ урочному сейму. 2) Сословія не связаны другими предписаніями, кромѣ основныхъ законовъ страны. 3) Правомъ выбора пользуются: граждане, судохозяева, заводчики, ремесленники, обладающіе различными привилегіями, и домохозяева, а равно и городскіе бургомистры и совѣтники. 4) Не пользуются правомъ выбора: женщины какъ замужнія, такъ и незамужнія. 5) При каждомъ урочномъ сеймѣ финансовое управленіе страны. обязано, или еще до начала засѣданій, или въ продолженіе первыхъ двухъ недѣль послѣ открытія сейма, представить отчетъ о

финансовомъ положеніи страны для разсмотрѣнія и обсужденія членами сейма. 6) Пренія сословій происходятъ публично, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, когда сословія пожелаютъ иныхъ преній. 7) Предложенія Императора и Великаго Князя должны всегда стоять на первомъ мѣстѣ въ преніяхъ сословій. 8) Коренные законы государства могутъ составляться, измѣняться, поясняться или отмѣняться только по предложенію Императора и Великаго Князя и съ согласія всѣхъ сословій.

Предложенное проектомъ сеймоваго устава представительство по сословіямъ въ глазахъ нѣкоторыхъ, и не безъ основанія, являлось несвоевременнымъ и отсталымъ. Противъ него поднялись голоса, которые справедливо указывали, что четырехсословное представительство можетъ привести, между прочимъ, къ тому, что многіе изъ финскихъ гражданъ и многіе уважительные ихъ интересы будутъ исключены изъ представительства. Сеймовыя дѣла будутъ производиться медленно и ненадежно, а также часто приводить къ неопредѣленнымъ и неудовлетворительнымъ результатамъ. Главнымъ-же образомъ оно не соотвѣтствуетъ требованіямъ современнаго государственнаго права (statsrätt) въ томъ отношеніи, что выборы въ народное представительство должны быть общіе, одинаковые для гражданъ всѣхъ слоевъ общества. Исторія показываетъ, что въ различныхъ сословіяхъ часто возникали споры между собою, которые препятствовали нормальному развитію государства (statens) и дробили націю на враждебныя партіи. Это происходитъ вездѣ, гдѣ существуетъ сословное представительство. На этомъ основаніи во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ Европы сословное представительство уже отступило передъ представительствомъ, основаннымъ на общихъ выборахъ, и Финляндія въ то время составляла единственную страну, гдѣ этотъ политическій институтъ еще существовалъ.

Распредѣленіе на четыре сословія сопряжено съ нѣкоторыми неудобствами. Возможны случаи, когда извѣстные вопросы не во всѣхъ сословіяхъ могутъ быть обсуждаемы съ полнымъ знаніемъ дѣла. Недостатокъ этотъ однако, какъ поясняли сами финляндцы, устранялся предварительною подготовкою дѣлъ въ общихъ коммиссіяхъ. Когда между сословіями возникало разногласіе, этими-же коммиссіями для согласованія рѣшеній сословій, проектировалось новое рѣшеніе дѣла, поступавшее вновь на разсмотрѣніе сословій. Съ другой стороны, распредѣленіе на сословія имѣло ту выгоду, что пренія въ сословіяхъ весьма рѣдко превращаются въ турниры краснорѣчія, которые въ большихъ представительныхъ собраніяхъ

часто наносятъ ущербъ существу дѣла. На финляндскихъ сеймахъ пренія имѣли по преимуществу характеръ дѣлового обмѣна мыслей, безъ широковѣщательныхъ красивыхъ фразъ.

По старо-шведскому праву значительная часть бюджета не подлежала утвержденію народнаго представительства. Это воззрѣніе отразилось и въ уставѣ 1869 года. Институтъ отвѣтственности правительства передъ народнымъ представительствомъ также не былъ извѣстенъ сеймовому уставу.

Когда рѣчь коснулась вопроса о составѣ духовенства, ректоръ Рейнъ въ дворянскомъ сословіи рекомендовалъ включить въ предложеніе новый пунктъ, мотивируя свое заявленіе слѣдующимъ соображеніемъ: «Періодическая печать въ Имперіи часто не безъ основанія осуждала то обстоятельство, что финскіе уроженцы православнаго вѣроисповѣданія у насъ не пользуются тѣми-же гражданскими правами, какими пользуются жители лютеране... Только настоящее Высочайшее предложеніе проектируетъ для нихъ это право, и надо надѣяться, что къ слѣдующему сейму исповѣдующіе православную вѣру будутъ пользоваться правомъ выборовъ въ сословія горожанъ и крестьянъ. Однако, одного законоположенія здѣсь нѣтъ. Лютеранская церковь, къ которой принадлежитъ большинство жителей страны, имѣетъ своихъ представителей на сеймѣ; но такъ какъ въ странѣ находится болѣе 40.000 православныхъ, то ихъ право на представительство въ сеймѣ слѣдуетъ признать справедливымъ, поскольку оно зависитъ отъ законоположеній Финляндіи. Поэтому я предлагаю, чтобъ и эта церковь имѣла право выбирать своего представителя въ духовномъ сословіи. А такъ какъ надо предполагать, что среди православнаго духовенства нѣтъ никого, кто былъ бы знакомъ съ финскимъ законоположеніемъ, то необходимо за нимъ признать право на передачу своихъ полномочій избраннымъ лицамъ, хорошо знакомымъ съ финскими законами. Такое предложеніе считаю, по совѣсти, и справедливымъ». Во время преній по сему предмету высказано было мнѣніе, что инціатива по вопросу, требующему столь существеннаго измѣненія въ дѣйствующихъ основныхъ законахъ Финляндіи, всецѣло должна принадлежать Государю, а потому предложеніе Рейна рѣшено было оставить безъ послѣдствій [482]).

Никакихъ существенныхъ замѣчаній по проекту сеймового устава не было высказано ни генералъ-губернаторомъ, ни сенаторами. Особенно печально молчаніе представителя русскихъ интересовъ. Нельзя не признать, что система представительства и вообще всѣ порядки сеймового устава были хороши для развитія края въ

матеріальномъ и духовномъ отношеніи. Конечно, народное представительство оживило дѣятельность края. Но уставъ имѣлъ и оборотную сторону: онъ велъ Финляндію къ обособленію отъ Россіи, дѣлалъ ее чуждой и нерасположенной къ ней.

Земскіе чины (1867 года), придерживаясь древняго обычая, выразили свое одобреніе новаго закона тѣмъ, что представители сословій—ландмаршалъ и тальманы—подписали его особо.

Но помимо сего въ сеймовомъ уставѣ, ранѣе подписи Монарха, оказалась своеобразная вставка со ссылками на форму правленія 1772 года и актъ соединенія и безопасности 1789 года. Извѣстно при этомъ, что изъ сейма 1867 года уставъ вышелъ безъ сей утвердительной приписки. Въ дѣлахъ архива статсъ-секретаріата сохраняется шведскій текстъ сеймового устава. Онъ весь написанъ одной рукой, а утвердительная переписка—другой. То же самое приходится сказать о переводѣ устава на русскій языкъ: весь переводъ написанъ одним почеркомъ, а приписка—другимъ. Эта справка устанавливаетъ только, что приписка чинами сейма и сената вовсе не устанавливалась и не обсуждалась, а явилась въ статсъ-секретаріатѣ и притомъ въ послѣдній моментъ, непосредственно передъ поднесеніемъ устава къ подписи Государя [483]). На подлинномъ экземплярѣ устава приписка написана рукой переписчика, а не Его Величества.

Далѣе, въ архивѣ статсъ-секретаріата сохраняется копія съ шведской бумаги, никѣмъ не подписанной и безъ всякой даты. Въ концѣ сего документа значится: «Противъ предложеннаго сенатомъ введенія я ничего не имѣю возразить, но недостаетъ проекта самаго утвержденія и мнѣ кажется, что сенатъ могъ также дать къ этому поводъ. Поэтому я позволю себѣ слѣдующее изложеніе въ надеждѣ, что кто-нибудь другой сдѣлаетъ это лучше: «Сохраняя за Собою принадлежащее Намъ право въ томъ видѣ, какъ оно установлено въ формѣ правленія отъ 21 августа 1772 года и въ актѣ соединенія и охраненія отъ 21 февраля и 3 апрѣля 1789 года и неизмѣнно точными словами въ вышеизложенномъ сеймовомъ уставѣ, Мы Высочайше одобряемъ и утверждаемъ сей уставъ, какъ неизмѣнный основной законъ. Для вящшаго-же удостовѣренія подписали Мы сіе собственноручно, въ . . . ». Эта приписка почти дословно оказалась вставленной въ сеймовой уставъ впереди подписи Государя.

Впослѣдствіи въ частномъ архивѣ одного финляндскаго дѣятеля намъ довелось найти такой-же документъ, но на русскомъ языкѣ, въ началѣ котораго значится: «промеморія Брунéра».

*

Такимъ образомъ вполнѣ опредѣленно устанавливается, что идея утвердительной приписки принадлежитъ сенатору Брунéру, который входилъ въ составъ комитета финляндскихъ дѣлъ при статсъ-секретаріатѣ. Онъ, слѣдовательно, внушилъ эту мысль графу Армфельту, который, безъ согласія сейма и сената, внесъ приписку въ сеймовой уставъ. Такимъ путемъ явилась въ финляндскомъ законодательствѣ первая прямая и опредѣленная ссылка на форму правленія 1772 года и актъ соединенія и безопасности 1789 года.—Вслѣдствіе безконтрольнаго хозяйничанія статсъ-секретаріата въ важнѣйшихъ дѣлахъ края получилось два акта за Высочайшей подписью, изъ которыхъ одинъ отъ 1864 года устанавливаетъ, что въ Финляндіи дѣйствуетъ только актъ соединенія и безопасности 1789 года, а другой сеймовой уставъ 1869 года признаетъ рядомъ съ нимъ и форму правленія 1772 года.

Въ той-же «промеморіи» сенатора Брунèра читаемъ: . . . «Нынѣ уже невозможно оставить проекта сеймового устава безъ того, чтобы не пострадало уваженіе и довѣріе къ Императору и Его слову, чего болѣе всего необходимо избѣгать. Императоръ Самъ въ своей рѣчи указалъ, что основные законы требуютъ улучшенія и поясненія. Съ этой цѣлью Имъ предложенъ сеймовой уставъ, который принятъ земскими чинами безъ существенныхъ измѣненій.... Если бы все осталось безъ послѣдствій, то дѣло приняло-бы видъ кукольной комедіи, недостойной верховной власти, и чего въ началѣ вовсе не предполагалось. Конечно, порицаніе и негодованіе прежде всего пало бы на совѣтниковъ Государя, но и на Него Самого ляжетъ тѣнь, которую впослѣдствіи нелегко будетъ устранить». Этими строками, очевидно, имѣлось въ виду воздѣйствовать на самого графа Армфельта, который быть можетъ заколебался передъ докладомъ, помня, что Государь отказался утвердить новое уложеніе или форму правленія, съ которой неразрывно связано происхожденіе и содержаніе сеймоваго устава. Брунéръ служилъ въ комитетѣ финляндскихъ дѣлъ, являлся близкимъ и постояннымъ совѣтникомъ Армфельта по юридическимъ тонкостямъ, и потому близко, конечно, зналъ воззрѣнія и настроенія министра статсъ-секретаря, и если явилась особая «промеморія» Брунéра, то для каждаго ясно, что въ ней представлялась настоятельная необходимость, вслѣдствіе затрудненій, возникшихъ при проведеніи сеймового устава черезъ петербургскій государственный фарватеръ. Графа Армфельта гельсингфорскіе политики склонили на свою сторону.

Говорили, что Монархъ колебался утвердить уставъ. Уже въ январѣ 1868 года сенатъ высказалъ свое мнѣніе. Болѣе года страна томилась неизвѣстностію и безпокойствомъ за судьбу сеймового устава и графу Адлербергу удалось наконецъ разсѣять послѣднее колебаніе Государя.

Расположить-же въ свою пользу графа Адлерберга видимо не представилось особыхъ затрудненій для финляндцевъ.—Былъ назначенъ день его пріѣзда въ Петербургъ.—Вечеромъ на станцію финляндской желѣзной дороги явились Армфельтъ, Шернваль и члены комитета финляндскихъ дѣлъ; всѣ были въ бѣлыхъ галстукахъ и при орденахъ. Станцію иллюминовали. Послѣ такой торжественной встрѣчи, графа Адлерберга, пріѣхавшаго со своей супругой, проводили въ домъ Петропавловской церкви (на Большой Конюшенной), гдѣ для него была нанята цѣлая меблированная квартира, освѣщенная a giorno. Во время пріѣзда графа Адлерберга въ Петербургъ состоялось засѣданіе комитета финляндскихъ дѣлъ, на которомъ присутствовалъ генералъ-губернаторъ и его помощникъ Индреніусъ. Засѣданіе носило исключительно формальный характеръ. Сенатъ, которому ранѣе повелѣно было высказать свое мнѣніе о проектѣ сеймового устава, нашелъ его вполнѣ пріемлемымъ и, «во вниманіе къ новымъ и измѣнившимся обстоятельствамъ», настоятельно необходимымъ, почему ходатайствовалъ, не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству утвердить его «Собственноручною подписью». Комитетъ съ своей стороны просилъ Монарха «соизволить на изложенное представленіе сената» [484]).

Высочайшій манифестъ состоялся 3 (15) апрѣля 1869 года; онъ заключалъ въ себѣ весь сеймовой уставъ [485]). 4—16 Апрѣля появилось уже сообщеніе въ офиціальныхъ листкахъ о томъ, что новый основной законъ наканунѣ подписанъ монархомъ. Справедливость требуетъ признать,—пишетъ Эдв. Бергъ,—что графъ Адлербергъ, повидимому, лояльно содѣйствовалъ устраненію нерѣшительности монарха въ этомъ отношеніи. По мѣрѣ того, какъ новость разлеталась по городамъ Финляндіи, устраивались иллюминаціи, празднества и разныя вѣрноподданническія доказательства радости [486]).

Гельсингфорсъ, по призыву редакціи «Helsingfors Dagblad», былъ иллюминованъ. Газета предлагала «выразить радость, ощущаемую каждымъ отъ сего многообѣщающаго въ будущемъ событія». Студенты исполнили пѣсни передъ университетомъ и рыцарскимъ домомъ. Жители города Куопіо прислали телеграмму

съ изъявленіемъ восторженныхъ чувствъ. Музыка играла «Боже Царя храни». Отъ Выборгскаго магистрата и старшинъ г. Кексгольма также получились привѣтствія.

Въ 1872 году земскіе чины поднесли Государю адресъ за утвержденіе сеймового устава 1869 года.

Впослѣдствіи (въ 1894 г.) когда признательная Финляндія ставила памятникъ Александру II, З. Топеліусъ написалъ: «Если-бы отъ правленія Императора Александра II Финляндіей не осталось другого слѣда, кромѣ сеймового устава отъ 15 апрѣля (н. ст.) 1869 года, то достаточно было-бъ увѣковѣчить его имя». Оглядываясь на прошлое, по случаю двадцатипятилѣтія царствованія Александра II, проф. З. Топеліусъ вернулся къ утвержденію сеймового устава и заявилъ: «Лѣтописи такимъ образомъ отмѣчаютъ оригинальный фактъ: Всероссійскій Самодержецъ возвратилъ Финляндіи два важныхъ конституціонныхъ основныхъ закона, которые «первый гражданинъ среди свободнаго народа», король Густавъ III, находилъ необходимымъ отнять у этого своего народа [487]).

Финляндцы имѣли серьезный поводъ ликовать. Попытка составить для края основные законы или конституцію, въ видѣ уложенія работы комиссіи Норденстама, не удалась и осуществленіе желаній по установленію государственной обособленности Финляндіи пришлось отложить. Сеймовымъ уставомъ они отчасти восполнили этотъ пробѣлъ въ своей государственности и значительно подвинулись впередъ къ завѣтной цѣли. Совмѣстная работа комитета и сената не прошла безъ пользы, такъ какъ утвержденный теперь сеймовой уставъ содержалъ въ себѣ различныя постановленія государственнаго права, которыя первоначально предназначены были для новой формы правленія, скромно названной уложеніемъ. Проектъ сеймового устава, по просьбѣ финляндцевъ, выработанъ бывшимъ профессоромъ гельсингфорскаго университета, переѣхавшимъ затѣмъ въ Швецію—I. I. Нордстремомъ, который и переслалъ его на свою родину еще до созыва сейма 1863 года. «Этотъ проектъ составляетъ прекраснѣйшій подарокъ Нордстрема своему бывшему отечеству», читаемъ у E. Vest'a [488]).

Ловкій политическій шагъ гельсингфорсскихъ дѣльцовъ былъ своевременно раскрытъ графу Армфельту въ отдѣльной запискѣ, въ которой говорилось: «такъ какъ вопросъ о пересмотрѣ главныхъ основныхъ законовъ по Высочайшему повелѣнію на нѣкоторое время отложенъ, то считаю долгомъ заявить сомнѣніе, не

будетъ-ли противорѣчить сему повелѣнію принятіе §§ 2, 5, 57 и 71 въ представленномъ нынѣ сеймовомъ уставѣ». Но графъ Армфельтъ склонялся къ утвержденію устава и сочувствовалъ маневру своихъ соотечественниковъ и потому записка осталась безъ послѣдствій. При безпечности и крайней ограниченности генералъ-губернатора, графа Адлерберга, некому было напомнить Монарху о недавнемъ прошломъ и обнаружить сокрытое....

Сеймовой уставъ, по основному своему назначенію, долженъ былъ установить лишь правила о созывѣ и выборѣ земскихъ чиновъ, о внутреннемъ распорядкѣ и дѣлопроизводствѣ на сеймѣ и т. п. и тѣмъ не менѣе въ немъ нашли себѣ мѣсто положенія конституціоннаго характера (см. напр. §§ 1, 2, 3, 4, 5, 71, 72, 81 и 83). Прежніе сеймы продолжались три мѣсяца, теперь они имѣли право засѣдать мѣсяцемъ дольше; шведскіе короли созывали ихъ въ разныхъ городахъ, впредь Императоръ Россіи обязывался собирать ихъ только въ «столицѣ» края; прежде верховная власть назначала сеймы по своему усмотрѣнію, теперь она должна была созывать ихъ по крайней мѣрѣ черезъ пять лѣтъ.

Почти двѣсти лѣтъ просуществовали шведскіе порядки. Финляндцамъ удалось, наконецъ, отдѣлаться отъ ихъ неопредѣленности. Радость ихъ была поэтому естественной. Въ этихъ законныхъ пріобрѣтеніяхъ они усматривали «твердый опорный пунктъ своихъ дальнѣйшихъ стремленій», какъ откровенно призналась газета «Helsingfors Dagblad» (1869, № 88). И она не ошиблась. Сеймы вышли за предѣлы земскихъ собраній (ландтаговъ) и сыграли весьма значительную политическую роль въ государственно-правовомъ отдѣленіи Финляндіи отъ Россіи. Финляндцы, продолжая перечень преимуществъ, пріобрѣтенныхъ ими благодаря утвержденію сеймового устава, писали: важнѣйшею изъ реформъ, введенныхъ сеймовымъ уставомъ 1869 года, является періодичность сейма. Система представительства была существенно улучшена. Принципіальное-же значеніе имѣло опредѣленіе устава, что земскіе чины Финляндіи являются представителями финскаго народа. Изъ реформъ, которыя введены были уставомъ рыцарскаго дома, изданнымъ одновременно съ сеймовымъ уставомъ, слѣдуетъ упомянуть отмѣну существовавшаго изстари дѣленія дворянскаго сословія на три класса, изъ которыхъ каждый пользовался однимъ голосомъ.

Финляндія радовалась; Россія молчала.—Въ Россіи, начиная съ правительства, на стражѣ интересовъ котораго въ Финляндіи стоялъ крайне недальновидный графъ Адлербергъ, и кончая редакціями лучшихъ органовъ печати, никто не замѣтилъ крупнѣй-

шаго нововведенія на окраинѣ. Финляндскіе-же дѣятели, ловко проведя уставъ, насторожились. Въ статсъ-секретаріатѣ опасались съ одной стороны, что гельсингфорсскій либеральный органъ, руководимый Лагерборгомъ, проболтается о задушевныхъ желаніяхъ своихъ соотечественныхъ политиковъ и скомпрометируетъ ихъ, а съ другой—ожидали выступленій русской печати, особенно «Московскихъ Вѣдомостей» и «Голоса», и наконецъ, интересовались узнать, какъ посмотритъ на новый серьезный законъ русское общество. Финляндскіе члены комитета на засѣданіи (11 апрѣля) подвергли всѣ подобные вопросы предварительному разсмотрѣнію и рѣшили заготовить для русскихъ газетъ двѣ статьи, кои, по заявленію Армфельта, выразили желаніе напечатать у себя «Биржевыя» и «Петербургскія» Вѣдомости. Армфельтъ опасался толковъ и неудовольствія русской публики, какъ было въ 1863 году, во время польской смуты. Заготовленныя успокоительныя статьи должны были смягчить непріятное впечатлѣніе. Напрасная тревога! Въ Россіи утвержденіе важнаго финляндскаго акта прошло совершенно незамѣченнымъ. Въ Россіи національное самосознаніе не пробуждалось и общественное мнѣніе по дѣламъ Финляндіи ни въ чемъ сильно не сказывалось. Равнодушно Россія встрѣтила въ 1809 г. присоединеніе Финляндіи, равнодушно она продолжала относиться къ тому, что тамъ дѣлалось.

Финляндскіе дѣятели съ большимъ упорствомъ, въ теченіи долгихъ лѣтъ и на нѣсколькихъ сеймахъ кряду, добивались преобразованія сената, учрежденія высшаго или верховнаго суда, а также назначенія одного верховнаго контролера на внѣ-сеймовые періоды. Главная идея, проникавшая всѣ эти проекты,—возможная независимость властей и учрежденій Финляндіи отъ русскаго правительства. Судей верховнаго суда имѣли въ виду сдѣлать, конечно, несмѣняемыми, изъ сената создать болѣе сильную правительственную организацію, а всю администрацію подчинить надзору земскихъ чиновъ. Но такъ какъ мотивы оказывались слабыми и искусственными, то проекты успѣха не имѣли.

Ходатайства по перечисленнымъ вопросамъ начались на сеймѣ 1863 года. Въ палатѣ дворянъ двумя членами, барономъ Карпеланомъ и Тёрнгреномъ представлены были петиціи о преобразованіи управленія края; они исходили изъ положенія, что сенатъ въ настоящемъ его составѣ не соотвѣтствуетъ требованіямъ вре-

мени; прогрессъ края по всѣмъ направленіямъ требуетъ бóльшихъ силъ. Для устраненія недостатковъ они полагали полезнымъ учредить: 1) государственный совѣтъ, съ подраздѣленіемъ на потребное число департаментовъ; 2) высшее судилище, и 3) разныя коллегіи для разсмотрѣнія во второй инстанціи жалобъ на рѣшенія губернаторовъ и другихъ мѣстъ по дѣламъ административнымъ. Подавшіе петицію требовали еще, чтобы всѣ финляндскіе совѣтники Его Величества были отвѣтственны, государственное управленіе было контролируемо черезъ депутатовъ сейма, и чтобы чинамъ сейма было предоставлено право выбирать сановника для надзора, отъ ихъ имени, за исполненіемъ законовъ. У насъ нѣтъ,— говорилъ на сеймѣ депутатъ Тёргренъ,—обычнаго во многихъ конституціонныхъ странахъ, должностнаго лица, которое отъ имени сейма слѣдитъ за соблюденіемъ закона. Желательно, поэтому, чтобы сеймъ назначалъ такое лицо, которое-бы, когда оно найдетъ необходимымъ, непосредственно докладывало Государю о случившихся нарушеніяхъ законовъ.

Такъ какъ ходатайство земскихъ чиновъ никакихъ послѣдствій не имѣло, то на слѣдующемъ сеймѣ 1867 года Шателовичъ выступилъ съ однороднымъ петиціоннымъ меморіаломъ, который также касался преобразованія правительственнаго учрежденія. Шателовичъ усматривалъ, что всѣ условія политическія и экономическія, въ которыхъ находится Финляндія, заставляютъ видѣть въ вопросѣ о реформѣ высшаго учрежденія «вопросъ о жизни и смерти страны». Онъ доказывалъ, «что устарѣлыя судебныя учрежденія не соотвѣтствуютъ потребностямъ настоящаго времени», что «высшія учрежденія глубоко захватываютъ экономическую жизнь страны какъ медленнымъ рѣшеніемъ дѣлъ, такъ и недостаткомъ общественнаго контроля». Далѣе онъ обвинялъ бюрократическую систему, господствующую въ управленіи, въ томъ, что она препятствуетъ всякой реформѣ. Онъ указывалъ на необходимость облегчить промышленныя и торговыя сношенія Финляндіи съ Россіею и заграницею. Онъ предлагалъ обратить департаментъ юстиціи сената въ высшее судебное мѣсто и такимъ образомъ экономическій департаментъ составилъ-бы высшее правительственное учрежденіе, состоящее изъ предсѣдателя и нѣсколькихъ членовъ, которые и стали бы исполнять обязанности министровъ съ портфелями.

Засѣданіе, въ которомъ обсуждалось это предложеніе, возбудило общее вниманіе. Послѣ преній предложеніе это было отвергнуто. Болѣе замѣчательными оппонентами Шателовичу высту-

пили фонъ-Кнорригъ и Біеркстенъ: первый особенно ожесточенно напалъ на ту часть предложенія, въ которой указывалась необходимость подчинить министровъ нравственной отвѣтственности передъ обществомъ; онъ находилъ, что «министръ, который будетъ гоняться за общественнымъ одобреніемъ, не будетъ самостоятельнымъ»; онъ доказывалъ необходимость «стѣснительныхъ коллегіальныхъ формъ». По мнѣнію Біеркстена, министры, подлежащіе одной нравственной отвѣтственности, могутъ обратиться въ независимыхъ, самоуправныхъ князьковъ; что едва-ли страхъ общественной отвѣтственности можетъ служить достаточною гарантіей противъ подобной случайности. «Нѣтъ, господа, сказалъ онъ, останемтесь лучше пока при нашихъ старыхъ учрежденіяхъ, несмотря на ихъ недостатки, чѣмъ мѣнять ихъ на новыя, такъ мало соотвѣтствующія нашимъ потребностямъ».

Противъ первоначальнаго проекта преобразованія сената, какъ было указано, возражалъ Рокасовскій. Дѣло перешло затѣмъ къ его замѣстителю графу Адлербергу. «Ознакомившись съ порядкомъ администраціи въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ и съ производствомъ дѣлъ въ различныхъ правительственныхъ мѣстахъ и разсмотрѣвъ составленные проекты преобразованія таковыхъ»,— писалъ генералъ-губернаторъ (26 іюня—8 іюля 1867 года) министру статсъ-секретарю,—я, съ своей стороны, не могу во всѣхъ отношеніяхъ раздѣлить мнѣнія, на коихъ основаны эти предложенія». Отдѣленіе высшей судебной инстанціи отъ сената, какъ административной власти, графъ Адлербергъ въ принципѣ признавалъ основательнымъ и на практикѣ полезнымъ; но отвергалъ учрежденіе новыхъ административныхъ инстанцій въ видѣ коллегій. Графъ Адлербергъ, подобно Рокасовскому, признавалъ нежелательнымъ устраненіе генералъ-губернатора отъ предсѣдательствованія въ сенатѣ. «Полезно и даже необходимо,—писалъ онъ,—оставить его предсѣдателемъ сената», что предоставитъ ему болѣе нравственнаго вліянія на весь административный механизмъ въ краѣ». Въ заключеніе графъ Адлербергъ просилъ поручить сенату составленіе новаго проекта.

Составили новые проекты положенія о сенатѣ, о верховномъ судѣ и новую инструкцію прокурору. Сенаторы просили объ утвержденіи своего проекта, хотя единогласія по этому вопросу среди нихъ не было достигнуто и нѣкоторые (Форсманъ, Шультенъ и др.) находили реформу совершенно не нужной. Въ созданіи-же верховнаго суда они видѣли «столь существенныя, обширныя и для будущности края важныя перемѣны», что ходатайствовали о

передачѣ проекта на «заключеніе» земскихъ чиновъ. Генералъ-губернаторъ не одобрилъ проектовъ и «выслушаніе земскихъ чиновъ призналъ едва-ли полезнымъ», почему полагалъ опять все вернуть сенату для исправленія [489]).

«Финляндскій университетъ, основанный въ 1640 году въ Або по инціативѣ тогдашняго генералъ-губернатора Финляндіи графа Пера Брахе, имѣлъ громадное значеніе для культурнаго развитія Финляндіи». Университетъ—сердце Финляндіи. Въ немъ сосредоточивалась вся умственная жизнь страны. Это объясняется тѣмъ, что въ Финляндіи никогда не было другого авторитетнаго культурнаго центра, который бы обладалъ значительнымъ вліяніемъ на образъ мысли и нравы ея населенія. Гельсингфорсскій университетъ—умственное отечество всего многочисленнаго образованнаго класса Финляндіи. Онъ—его мысль, его духъ. Воспоминанія о немъ объединяютъ пасторовъ, чиновниковъ, врачей, многихъ купцовъ, помѣщиковъ и литераторовъ. Изъ Або университетъ перевели въ Гельсингфорсъ. Нахожденіе университета въ центрѣ края и въ средоточіи высшаго управленія Финляндіи подняло особенно національное значеніе университета. «Финляндскій университетъ по всей справедливости можетъ быть названъ университетомъ края—не только потому, что онъ является единственнымъ во всемъ краѣ, но и потому, что въ немъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, бьется пульсъ культурной жизни Финляндіи, потому что въ немъ, какъ въ оптическомъ фокусѣ, сходятся лучи духовной жизни народа, чтобы затѣмъ вновь разойтись по разнымъ направленіямъ, все освѣщая и согрѣвая на своемъ пути. Съиздавна финляндцы окружали свою «alma mater» любовью и уваженіемъ. Эти чувства находятъ себѣ наиболѣе яркое и трогательное выраженіе въ особенности на торжествѣ магистерскихъ промоцій, происходящихъ черезъ каждые три года. Само собою понятно, что вліяніе, оказываемое университетомъ на общественное мнѣніе края, очень велико». Въ Россіи университетскій юбилей—праздникъ для незначительнаго относительно кружка питомцевъ, въ Финляндіи—это праздникъ всего общества. Въ Россіи университетъ—«alma mater» бывшихъ и настоящихъ студентовъ, а въ Финляндіи онъ—«alma mater родины. Особенно большое значеніе придавалось «академическому гражданину» въ то время, когда не было свободы чтенія, свободы печати, свободы собраній; тогда студентъ являлся передатчикомъ идей, «электри-

ческой проволокой», сообщавшей о вліяніи времени, о чувствахъ народнаго сердца, тогда онъ былъ «выразителемъ интимнѣйшихъ и тончайшихъ чувствъ націи».

Во главѣ университета стоитъ особый канцлеръ. Ближайшее завѣдываніе всѣмъ внутреннимъ распорядкомъ ввѣрено консисторіи, въ которой предсѣдательствуетъ вице-канцлеръ. Кромѣ того имѣется особая дисциплинарная комиссія съ отдѣльнымъ юрисконсультомъ. Диссертаціи представлялись большею частью на шведскомъ, а съ 1858 года также и на финскомъ языкѣ, хотя не воспрещается писать ихъ по-латыни, или на одномъ изъ новыхъ иностранныхъ языковъ. Въ 1868 году введена была снова популярная между студентами группировка по землячествамъ, коихъ всего шесть, по числу областей края: Нюландское, Саволаксъ-Карельское, Тавастландское, Западно-Финское, Выборгское и Эстерботническое. Каждое землячество подчинено особому инспектору изъ числа профессоровъ и куратору. Студенческія землячества обязаны слѣдить за поведеніемъ своихъ членовъ и даже уполномочены налагать, въ случаѣ надобности, на провинившихся наказаніе. Финляндскіе студенты пользуются также правомъ постановлять на общихъ собраніяхъ рѣшенія по вопросамъ, затрогивающимъ ихъ корпоративные интересы.

Приливъ молодежи въ университетъ значительно усилился со времени открытія въ странѣ большаго числа среднихъ учебныхъ заведеній и съ ростомъ культурнаго развитія Финляндіи въ теченіи послѣднихъ десятилѣтій. Поступленіе первой студентки въ финляндскій университетъ относится къ 1870 году. Общимъ объединяющимъ учрежденіемъ для финляндскаго студенчества служитъ такъ называемый студенческій домъ, построенный частью на добровольныя пожертвованія, поступавшія со всѣхъ концовъ Финляндіи, частью на суммы, вырученныя самими студентами съ литературныхъ вечеровъ, концертовъ и т. п. Краснорѣчивая надпись на фронтонѣ студенческаго дома «spei suae patria dedit» какъ нельзя лучше характеризуетъ исторію его возникновенія. Это зданіе было торжественно освящено 26 ноября 1870 года. Изъ Гельсингфорсскаго университета финляндцы сдѣлали не только высшее учебное заведеніе, но также и учрежденіе политическое и патріотическое. Къ голосу университета всегда внимательно прислушивался «весь народъ». Университетъ стоялъ какъ во главѣ національнаго движенія, такъ и во главѣ другихъ движеній, бывшихъ въ краѣ. Только съ возобновленіемъ сеймовъ уменьшилось нѣсколько политическое значеніе университета, уменьшилось, но

не прекратилось. Самая агитація въ пользу сеймовъ началась въ университетѣ; въ его стѣнахъ дебатировались всѣ важнѣйшіе политическіе вопросы дня. На маевкѣ 1848 года университетъ установилъ пѣніе въ Финляндіи своего «гимна», вмѣсто русскаго. Съ университетской каѳедры велась самая горячая пропаганда теоріи объ уніи Финляндіи съ Россіей. Университетъ далъ краю общественныхъ дѣятелей. Студенческія землячества «нерѣдко дебатируютъ вопросы, имѣющіе общественное значеніе»; во время лѣтнихъ каникулъ землячества устраиваютъ, каждое въ своей губерніи, празднества, которыя не обходятся безъ политики, безъ пропаганды партійныхъ интересовъ и «государственнаго» ученія, безъ патріотическихъ воззваній, воинственныхъ пѣсенъ и т. п. Къ каникулярнымъ университетскимъ курсамъ также примѣшивается доза политики. Словомъ, если одну часть года университетъ удѣляетъ наукѣ, то другая занята политикой всевозможныхъ видовъ и оттѣнковъ [490]).

Время графа Адлерберга, какъ и ранѣе правленіе графа Берга, не обошлось безъ «исторіи» въ стѣнахъ университета. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1869 года генералъ-губернаторъ жаловался, что студенты Нюландскаго отдѣленія, принявъ поднесенное имъ нѣкоторыми дамами знамя, носили его во время прогулки по улицамъ Гельсингфорса. Нѣсколько раньше студенты въ полномъ составѣ также появлялись со своимъ знаменемъ. Графъ Армфельтъ, докладывавшій канцлеру университета, Государю Наслѣднику, дѣла по высшему учебному заведенію, склонилъ Его къ убѣжденію, что въ этомъ нѣтъ ничего дурного и вмѣсто запрещеній лучше дозволить употребленіе знамени. Наслѣдникъ Цесаревичъ велѣлъ увѣдомить вице-канцлера, генералъ-лейтенанта Индреніуса, чтобы онъ дружески посовѣтовалъ студентамъ не носить знаменъ публично, кромѣ случаевъ, имѣющихъ исключительное значеніе для университета. Его Императорское Высочество полагалъ, что мѣстныя корпораціи тѣмъ охотнѣе исполнятъ Его желаніе, что подобныя знамена не употребляются въ имперіи студентами и пользованіе ими можетъ повлечь лишь къ непріятнымъ послѣдствіямъ. Однако, предварительно исполненія, проектъ такого отношенія былъ Наслѣдникомъ представленъ Государю, который не одобрилъ его, и знамя, вышитое для студентовъ дамами, было возвращено.

Въ февралѣ 1870 года студенты произвели довольно невинную демонстрацію въ пользу свободы слова, желая вмѣстѣ съ тѣмъ выразить неудовольствіе лицу (с.с. Арппе), стоявшему во главѣ главнаго управленія по дѣламъ печати. По окончаніи бывшаго

въ городѣ карнавальнаго катанія, они, группой въ 100 человѣкъ, отправились по очереди къ редакціямъ трехъ мѣстныхъ газетъ, гдѣ пропѣли «Вортъ ландъ», и прокричали: «ура» и «да здравствуетъ независимая печать». Вечеромъ они собрались въ ресторанѣ новаго шведскаго театра. Здѣсь шведскій подданный, по просьбѣ многихъ присутствующихъ, произнесъ рѣчь, въ которой весьма деликатно осудилъ поступокъ, выходившій за предѣлы законности. Онъ сказалъ, между прочимъ: жилъ-былъ крестьянинъ; по его землѣ протекала рѣка; каждую весну она выходила изъ береговъ, опустошала его участокъ и уничтожала его трудъ. Тогда онъ ввелъ воду въ канаву и построилъ около нея мельницу. Вода текла по указанному направленію и больше не опустошала окрестностей, а работала для хозяина, для другихъ и для общества. Такъ происходитъ все и въ общей жизни; давленіе можетъ быть сильнымъ и благодатнымъ лишь тогда, когда оно будетъ обуздано формой, когда оно течетъ въ маленькой канавѣ, а не выходитъ изъ береговъ. Требованія, предъявляемыя къ членамъ единственнаго учрежденія для высшаго образованія въ Финляндіи, очень высоки; но Александровскій университетъ долженъ мочь и желать всего истиннаго, всего добраго, всего справедливаго, желать все это съ силою и мощью молодости, съ мощью, которая не выходитъ изъ береговъ и не опустошаетъ, какъ весенній разливъ, хотя обладаетъ большею силою, потому что она не выходитъ изъ опредѣленныхъ границъ. «Господа, я пью за оформленіе, за законное давленіе; однимъ словомъ, за воду въ мельничномъ жолобѣ»... Рѣчь произвела замѣтное впечатлѣніе на присутствовавшихъ.

Съ своей стороны вице-канцлеръ (съ 1869 года) баронъ Котенъ выразилъ порицаніе поступку и предложилъ студенческимъ землячествамъ высказаться противъ демонстраціи. Выходка студентовъ, вѣроятно, находилась въ связи съ агитаціей, которая проявилась въ краѣ, «съ цѣлью измѣненія дѣйствующаго въ Финляндіи постановленія о печати» [491]).

Около этого же времени въ краѣ носились съ мыслію поставить памятникъ одному изъ героевъ войны 1808—1809 годовъ, К. В. Мальму и для этого желали открыть общую подписку. Начальство воспретило и то, и другое. Родилось неудовольствіе. Газеты стали доказывать справедливость и естественность общаго желанія. «Мы должны освободить себя отъ укора въ томъ, что забываемъ нашихъ ратниковъ 1808 и 1809 годовъ, писали редакціи. Воины Финляндіи кровью своею возвысили свой народъ въ число самостоятельныхъ націй. Это уваженіе къ отцамъ не

должно оскорблять русскаго народа, умѣющаго цѣнить любовь, съ которой населеніе края сохраняетъ свои историческія воспоминанія». Газеты приписали воспрещеніе подписки «политическому страху и трусости». Редакторъ офиціальнаго изданія «Finlands Allmänna Tidning» проф. Нордквистъ, возражая газетамъ, напомнилъ (въ № 81, 1871 года) нарушенный законъ, запрещавшій всякій публичный сборъ, безъ разрѣшенія начальника края. Затѣмъ онъ смѣло указалъ, что вся затѣя поднята агитаціей не безъ задней мысли.

Финляндцы увлеклись въ «излишне большой оцѣнкѣ своей исторіи и дѣятельности своихъ великихъ мужей». Подобныя заблужденія встрѣчаются всюду; явились они и у насъ (финляндцевъ). Къ нимъ относимъ мы, между прочимъ, идею о томъ, что финское войско своею чрезвычайною храбростью будто-бы произвело такое впечатлѣніе на Императора Александра I-го, что онъ вслѣдствіе этого рѣшился включить финскій народъ «въ число націй». Мы не хотимъ оспаривать возможности, что храбрая оборона и непоколебимая вѣрность законному правительству могли еще болѣе утвердить Монарха въ Его намѣреніи дозволить финляндскому народу сохранить свое древнее уложеніе и подарить ему нынѣшнее его автономное положеніе; но всякому, кто знаетъ исторію Россіи, извѣстно также, какъ мало вниманія обращалось съ русской стороны на эту войну и что рѣшеніе Императора Александра I относительно положенія Финляндіи преимущественно зависѣло отъ тогдашняго направленія его духа, подъ вліяніемъ котораго онъ какъ бы искалъ случая осуществить свои либеральныя политическія идеи. Мы полагаемъ также,— продолжалъ авторъ офиціальной статьи,—что эта война въ памяти современнаго населенія, и особенно чисто финскаго народа, вовсе не занимаетъ того мѣста, на которое она возведена въ сознаніи шведскаго образованнаго класса, описаніями нашихъ поэтовъ и исторіографовъ. Далѣе стараются доказать, что это движеніе, съ цѣлью воздвигнуть памятники на могилахъ финскихъ воиновъ, самое невинное дѣло и само въ себѣ не заключаетъ демонстраціи. Но вѣдь газеты приглашаютъ воздвигнуть памятники воинамъ, павшимъ на войнѣ противъ Россіи, тогда какъ другіе сыны отечества, мирными дѣяніями, заслужившіе гораздо въ большей мѣрѣ благодарность своего народа, не удостоиваются такого отличія. Подобное признаніе и награжденіе по преимуществу военныхъ заслугъ, оказанныхъ въ борьбѣ съ Россіею, конечно составляетъ явленіе, которое неизбѣжно должно предста-

виться демонстраціею, если и неумышленною, однако безсознательною».

Студенты устроили проф. Нордквисту за эту статью кошачій концертъ, шумѣли и выбивали стекла въ его квартирѣ. Графъ Адлербергъ горячо принялъ къ сердцу эти безпорядки и находилъ, что «дерзкій поступокъ» подлежитъ строгому примѣрному взысканію съ виновныхъ [492]). Вице-канцлеръ, генералъ-лейтенантъ баронъ Котенъ, тоже не любилъ противорѣчій, а потому дѣло приняло серьезные размѣры. 5-го Апрѣля (1871 года) графъ Адлербергъ послалъ графу Армфельту шифрованную телеграмму, что «студенты, несмотря на строгое внушеніе вице-канцлера, произвели новую демонстрацію, проявляя сочувствіе редакціямъ оппозиціонныхъ газетъ. Такая наглость требуетъ немедленно строжайшаго взысканія. Просите Государя Наслѣдника (т. е. канцлера университета) телеграммою Высочайше уполномочить вице-канцлера, буде по обстоятельствамъ мы оба признаемъ нужнымъ, немедленно закрыть.» На этомъ докладѣ Наслѣдникъ написалъ: «Государь Императоръ согласенъ на испрашиваемое разрѣшеніе, въ случаѣ надобности закрыть университетъ, но прибавилъ, что весьма желательно избѣгнуть этой крайности».

Графъ Адлербергъ поѣхалъ въ Петербургъ, совѣщался съ графомъ Армфельтомъ и членами комитета о мѣрахъ къ обузданію студентовъ и настаивалъ, въ случаѣ нужды, на закрытіе университета. Армфельтъ также горячился, выходилъ изъ себя и предлагалъ перевести университетъ въ Борго или куда-нибудь внутрь страны. Члены комитета не раздѣляли такой крайности, а графъ Адлербергъ нашелъ ихъ чрезмѣрными. Угрозы графа Армфельта оказались лишь ловкимъ политическимъ маневромъ, которымъ онъ сдержалъ первоначальный гнѣвъ графа Адлерберга. Вскорѣ вице-канцлеръ университета баронъ Котенъ получилъ отъ Наслѣдника Цесаревича рескриптъ, въ которомъ говорилось: «По доведеніи канцлеромъ университета до Высочайшаго свѣдѣнія о безпорядкахъ и буйномъ безчинствѣ, Государь изволилъ выразить крайнее неудовольствіе по поводу этого невѣжественнаго и дерзкаго поступка, и повелѣлъ: если въ 24 часа не будутъ обнаружены всѣ студенты, участвовавшіе въ демонстраціи, то немедленно закрыть университетъ на одинъ годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было указано, что студенты, обязанные «исключительно заниматься науками, присваиваютъ себѣ какое-то политическое значеніе и мечтаютъ о вліяніи своемъ на благомыслящее общественное мнѣніе и даже на правительственное направленіе, а потому прика-

Гельсингфорсъ семидесятыхъ годовъ XIX ст.

зано было составить коммиссію для пересмотра университетскаго устава» [493]).

Къ этому времени графъ Ал. Армфельтъ перемѣнилъ свою тактику. При докладѣ дѣла канцлеру, онъ уже не одобрялъ ни мѣръ крайней строгости, ни предполагаемаго дарованія амнистіи, почему канцлеръ на проектѣ отношенія, представленномъ Государю, написалъ: «Графъ Армфельтъ не одобряетъ посылки этого письма». Письмо къ Котену было, однако, послано, но «подъ рукою ему дано было знать, чтобы студенты, во избѣжаніе закрытія университета, повинились». Когда баронъ Котенъ предъявилъ ультиматумъ, т. е. пригрозилъ закрытіемъ университета и потребовалъ отъ студентовъ отвѣтъ въ 24 часа, то они дѣйствительно повинились и выдали зачинщиковъ, которые были исключены изъ университета. Такъ кончилось это шумное дѣло. Нордквистъ оставилъ редакторство.

Графъ Адлербергъ не долюбливалъ студентовъ еще и потому, что, послѣ непринятія представленнаго сеймомъ закона о печати и изданія Высочайшею властію постановленія о семъ, появились въ Гельсингфорсѣ стихи неприличнаго содержанія, направленные противъ генералъ-губернатора.

Уставъ 1852 года подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ. Корпоративныя права студентовъ были ограничены. Вице-канцлера, барона Котена, уволили, вслѣдствіе столкновенія съ графомъ Адлербергомъ. Мѣсто Котена занялъ прокуроръ и сенаторъ баронъ І. Ф. Пальменъ.

Поводы къ манифестаціямъ, въ которыхъ принимала участіе университетская молодежь, не переводились. День рожденія І. Л. Рунеберга, Портана, Спельмана, освященіе памятниковъ героямъ войны 1808—1809 годовъ и пр. сопровождались болѣе или менѣе рѣзкими выходками не только студентовъ, но и нерѣдко ихъ профессоровъ. Въ сентябрѣ 1875 года министръ статсъ-секретарь вынужденъ былъ письменно обратиться къ и. д. генералъ-губернатора барону Бернгарду Эмануиловичу Индреніусу, съ просьбой о принятіи мѣръ къ разслѣдованію поступка профессора Альквиста, вслѣдствіе того, что въ русскихъ газетахъ были помѣщены отрывки его рѣчи, произнесенной на 400-лѣтнемъ юбилеѣ крѣпости Олофсборга (около Нейшлота), которые произвели «неблагопріятное впечатлѣніе на нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ государственнаго управленія». Оказалось, что профессоръ Альквистъ говорилъ весьма холодно, отчасти даже враждебно о Россіи и отрицалъ по отношенію къ ней всякій долгъ благодарности Финляндіи.

Было бы болѣе странно услышать отъ финляндскихъ дѣятелей того времени отзывы противоположнаго характера. Профессоръ Ирье-Коскиненъ настаивалъ, напримѣръ, на томъ, что Финляндія своимъ благосостояніемъ не въ малой степени обязана покровительству Россіи. Но за то его воззрѣніе признано было необходимымъ отвергнуть при торжественной обстановкѣ юбилея, а самъ онъ никогда не пользовался симпатіями шведоманскаго лагеря, который укорялъ его въ пользованіи «петербургскими путями» для своихъ цѣлей.

СЕЙМЪ 1872 ГОДА.

*

IX. Развитіе общественныхъ учрежденій.

25 января (6 февраля) 1872 года состоялось открытіе третьяго очереднаго сейма. Высочайшая рѣчь къ земскимъ чинамъ, прочитанная генералъ-губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ графомъ Адлербергомъ 3-мъ, отъ Высочайшаго Имени гласила: «Представители Великаго Княжества Финляндскаго! Мнѣ отрадно привѣтствовать ваше собраніе на урочный сеймъ при настоящихъ обстоятельствахъ, столь утѣшительныхъ въ сравненіи съ лишеніями, тяготѣвшими надъ краемъ вскорѣ послѣ закрытія предъидущаго вашего засѣданія, когда Финляндія, постигнутая повсемѣстнымъ неурожаемъ, по неисповѣдимой волѣ Провидѣнія, потерпѣла небывалый съ незапамятныхъ временъ голодъ.

«Въ столь тяжкое время испытаній частная благотворительность выказала самое трогательное и примѣрное для всего рода человѣческаго содѣйствіе; но, несмотря на всѣ частныя пожертвованія, какъ извнѣ, такъ и въ особенности въ самомъ краѣ собранныя, несмотря на ассигнованіе изъ статнаго фонда чрезвычайныхъ вспомоществованій деньгами и продуктами, истощеніе всѣхъ средствъ вынудило правительство заключить за границею заемъ въ пять съ половиною милліоновъ марокъ, для пріобрѣтенія зерна на прокормленіе сотенъ тысячъ бѣдствующихъ и для весенняго посѣва, но къ несчастію ни эти мѣры, ни учрежденіе значительныхъ общественныхъ работъ не отвратили гибельныхъ послѣдствій голода; заразительныя тяжкія болѣзни не замедлили распространиться почти повсемѣстно, и къ душевному Моему прискорбію жестоко испытанное страданіями народонаселеніе въ значительной мѣрѣ уменьшилось. Возношу съ вами усердное благодареніе Всевышнему, благословившему въ послѣднее время край достаточными урожаями, которые утолили проникнувшія въ сердце народа страданія. Земледѣліе, торговля, промышленность и личная дѣятель-

ность вновь оживилась, а вмѣстѣ съ тѣмъ и экономическое состояніе статнаго вѣдомства на столько улучшилось, что доходы его не только удовлетворяли смѣтнымъ расходамъ и потребности помянутаго займа, но и дозволили полезныя для края работы и предпріятія; въ томъ числѣ первое мѣсто занимаетъ желѣзная дорога, соединившая столицу имперіи съ главнымъ городомъ Великаго Княжества на очевидную пользу взаимныхъ интересовъ торговли и промышленности, дѣятельностью коихъ сближаются жители разныхъ мѣстностей. Таковое сближеніе, способствуя вообще всестороннему развитію, непремѣнно послужитъ и постепенному разсѣянію мѣстныхъ предубѣжденій и тѣмъ самымъ упрочитъ чувства пріязни и единства, которыя Я такъ искренно желаю видѣть непринужденно и дружно вселенными между народами, соединенными подъ Моимъ скипетромъ.

«Принявъ во вниманіе безуспѣшность изученія русскаго языка въ училищахъ, между тѣмъ какъ необходимость въ основательномъ знаніи его обнаруживается не только на служебномъ поприщѣ, но и въ практической частной жизни, Я призналъ за благо нынѣ повелѣть, въ связи съ преобразованіемъ учебныхъ заведеній, вновь ввести въ училищахъ края русскій языкъ въ число обязательныхъ предметовъ.

«Вопросъ по объявленному Мною въ минувшемъ году, рескриптомъ на имя генералъ-губернатора, предположенію о введеніи въ Великомъ Княжествѣ общей воинской повинности не можетъ быть нынѣ предложенъ на ваше обсужденіе, такъ какъ мѣра эта еще не введена въ Имперіи.

«Новый сеймовый уставъ и уставъ рыцарскаго дома подробно опредѣляютъ кругъ вашей дѣятельности, а пріобрѣтенная вами опытность даетъ Мнѣ поводъ надѣяться, что вы съ успѣхомъ въ установленный срокъ окончите предстоящія занятія.

«Да послужитъ ваша добросовѣстная и усердная дѣятельность къ истинному благу края и къ вящшему упроченію взаимнаго довѣрія между правительствомъ и народомъ, на что да благословитъ васъ Всемогущій Богъ»! [494]).

Ко времени созыва земскихъ чиновъ, страна дѣйствительно успѣла оправиться послѣ неурожайныхъ годовъ. «Хорошіе урожаи, продолжавшіеся до конца 70 годовъ, оживили всѣ отрасли промышленности. Возраставшіе доходы казны давали полную возможность постепенно развивать общественныя учрежденія, согласно требованіямъ современнаго культурнаго положенія края какъ-то по части народнаго просвѣщенія, по врачебной части, по

постройкѣ маяковъ и проч. Многочисленные проекты, переданные земскимъ чинамъ на сеймѣ 1872 года, касались почти исключительно постановленій гражданскаго права и вопросовъ экономическихъ и финансовыхъ. Лишь со стороны земскихъ чиновъ возбуждены были политическіе вопросы въ нѣкоторыхъ петиціяхъ. Тогда же возникъ вопросъ о нѣкоторомъ расширеніи правъ евреевъ».

Первымъ дѣломъ сейма 1872 года была подача всеподданнѣйшаго адреса по поводу утвержденія сеймоваго устава. Въ адресѣ говорилось .... «Ваше Величество съ высокимъ благодушіемъ возстановили основанное на коренныхъ законахъ совмѣстное дѣйствіе Монарха и народа, составляющее краеугольный камень нашего государственнаго устройства».

Вопросъ о стѣснительной цензурѣ объединилъ всѣ сословія въ попыткахъ достичь нѣкоторой свободы печатнаго слова. По мнѣнію сейма, мѣстныя власти въ своихъ стремленіяхъ оправдали бы довѣріе Монарха и страны и принесли бы многостороннюю пользу, а также встрѣтили бы сильную опору въ открытомъ обмѣнѣ мыслей въ свободной печати, и всякое недовѣріе къ властямъ черезъ это совершенно исчезло. Представители сословій рѣшили просить о дозволеніи собравшемуся сейму выработать и представить на Высочайшее заключеніе проектъ о свободѣ печати. Во избѣжаніи же проволочки при выработкѣ новаго законопроекта по вопросу столь обширнаго свойства, сословія просили составить Высочайшее предположеніе по сему дѣлу, въ главнѣйшихъ частяхъ согласное съ Высочайшимъ постановленіемъ отъ 18 іюля 1865 года [495]. Но еще въ періодъ засѣданія сейма послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ Верховной Власти въ рескриптѣ (отъ 15—27 марта 1872 года) земскимъ сословіямъ Великаго Княжества Финляндскаго.

«Намъ доложена была—значилось въ рескриптѣ—всеподданнѣйшая петиція ваша объ изданіи, по взаимному нашему съ земскими сословіями соглашенію, закона о печати въ Финляндіи; но какъ мѣропріятія по сему предмету въ Великомъ Княжествѣ, по законамъ края, зависятъ исключительно только отъ единой Нашей власти, и Мы не имѣемъ намѣренія уступать ни одного изъ присвоенныхъ Намъ законами правъ; притомъ не усматриваемъ повода измѣнять существующее нынѣ постановленіе о печати въ Финляндіи, тѣмъ менѣе, что подобныя же основанія указаны Нами для печати въ прочихъ частяхъ Нашего Государства, то Мы на помянутую петицію Монаршаго соизволенія не изъявляемъ.

«Напоминаемъ, при этомъ, земскимъ сословіямъ, что ежели Мы признали возможнымъ обезпечить послѣдовательность политической дѣятельности народныхъ представителей Финляндіи дарованіемъ періодическихъ собраній и права подавать на Наше воззрѣніе петиціи, на основаніи утвержденнаго Нами сеймоваго устава, то этимъ вящшимъ знакомъ Монаршаго довѣрія, какъ и изъяснено въ помянутомъ уставѣ, ни въ чемъ не измѣняется единственно Намъ принадлежащее право иниціативы по вопросамъ, касающимся основныхъ законовъ края, а потому и время, и способъ возбужденія такихъ вопросовъ зависитъ исключительно отъ Нашего благоусмотрѣнія».

Тѣмъ не менѣе ходатайство земскихъ чиновъ не прошло безслѣдно. Уже 6 апрѣля (25 марта) генералъ-губернаторъ сообщилъ сенату: «министръ статсъ-секретарь увѣдомилъ меня, что Государь Императоръ, при подписаніи Высочайшаго рескрипта, всемилостивѣйше изволилъ замѣтить, что нынѣ дѣйствующимъ въ Финляндіи постановленіемъ о печати всякому предоставлена свобода излагать свои мысли и сужденія, лишь съ ограниченіемъ противъ злоупотребленій, которыя, нарушая должное уваженіе къ церкви, престолу, правительству, правдѣ, личной чести и общественной благопристойности, никогда не должны быть терпимы; о чемъ, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, мною сообщено ландмаршалу и тальманамъ земскихъ сословій» [496]). Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, до конца 80-хъ годовъ, повременная печать, безъ существенныхъ стѣсненій, могла обсуждать общественныя дѣла края.

Не мало времени на сеймѣ удѣлено было вопросу объ учебныхъ заведеніяхъ. Сеймъ выработалъ петицію, въ которой просили о томъ, чтобъ школьное управленіе было преобразовано согласно проекту 1867 года, и чтобъ земскіе чины имѣли право высказать свое мнѣніе о новомъ школьномъ уставѣ. По поводу послѣдняго желанія, чтобъ сеймъ могъ участвовать въ законодательствѣ по школьному вопросу,—ландмаршалъ отвѣтилъ, что онъ, на основаніи Высочайшаго рескрипта отъ 27 марта не считаетъ для себя возможнымъ войти съ такимъ предложеніемъ, потому что Государь оставилъ за собой право одному рѣшать подобные вопросы. По остальнымъ пунктамъ не ограничивалъ права обсужденій [497]).

При разсмотрѣніи дѣла объ учебныхъ заведеніяхъ земскіе чины дружно проводили протестъ противъ школьной политики барона ф.-Котена. Этотъ шагъ привелъ къ обоюднымъ неудачамъ: ф.-Котена вынудили оставить службу, а новый законъ о школахъ (1872 г.) явился безъ участія сейма.

Л. Мехелинъ выступилъ съ предложеніемъ, клонившемся къ тому, чтобы представители сословій утверждали бюджетъ края на время отъ одного сейма до другого, но ландмаршалъ и тальманы духовнаго и крестьянскаго сословія не допустили обсужденія сего проекта.

Помимо указаннаго, сеймъ разсматривалъ вопросы: объ учрежденіи верховнаго суда, о городскомъ общественномъ управленіи, о преобразованіи тюремъ, о новомъ морскомъ уставѣ, который замѣнилъ уставъ 1667 года, и проч.

Указанныя попытки сейма расширить свои права не прошли незамѣченными. Въ Высочайшей рѣчи, оглашенной при закрытіи сейма, общее вниманіе обращено было на слова: «Объяснивъ уже передъ симъ Мой взглядъ касательно предметовъ петицій, подаваемыхъ земскими сословіями, Я признаю нужнымъ при настоящемъ случаѣ вновь выразить желаніе, чтобы земскими чинами было на будущее время принято за правило ограничивать свои петиціи въ указанныхъ предѣлахъ, ибо разработка такихъ вопросовъ, которые по самому существу дѣла не могутъ быть Мною приняты, лишь напрасно увеличиваетъ многосложныя ваши работы и кромѣ того возбуждаетъ несоотвѣтственныя возраженія и несогласія» [498]).

Разъ начатаго дѣла финляндцы не бросали, не испытавъ всѣхъ средствъ и путей къ его проведенію. То же повторилось съ проектомъ преобразованія сената. На сеймѣ 1872 г. во всѣхъ его сословіяхъ поднятъ былъ вопросъ о петиціи, касающейся учрежденія высшаго суда и новой должности для контроля надъ законодательствомъ въ судѣ и въ странѣ. Во всеподданнѣйшей петиціи излагались основанія для несмѣняемости судей въ высшемъ судѣ, который долженъ былъ замѣнить собою судебный департаментъ сената, и указывалось, между прочимъ, что положеніе высшихъ судей края должно повести къ разработкѣ части формы правленія 1772 года (именно § 16). Предлагаемый новый чиновникъ-контролеръ, избранный сеймомъ, обязывался давать отчеты земскимъ чинамъ о своей дѣятельности между сеймами. Его обязанность не ограничивалась наблюденіемъ за судопроизводствомъ въ высшемъ судѣ», онъ долженъ былъ контролировать всѣхъ, кромѣ прокурора сената. Далѣе дѣлалась такая оговорка: «наблюденіе со стороны чиновника отъ земскихъ чиновъ

можетъ быть ограничено въ отношеніи права контролировать генералъ-губернатора». Изъ этой нѣсколько дипломатической формулировки необходимо заключить, что сеймъ желалъ контроля и надъ генералъ-губернаторомъ, но впредь до времени не настаивалъ на этомъ. Всѣ эти мысли и планы не были ни новыми, ни оригинальными. Сеймъ лишь копировалъ съ соотвѣтствующихъ шведскихъ образцовъ [499]).

Не только въ Финляндіи, но и въ Россіи заходила рѣчь объ отвѣтственности высшихъ должностныхъ лицъ. Великій Князь Константинъ Николаевичъ высказалъ мысль, что «не худо-бы годовые отчеты министровъ отдавать на предварительный пересмотръ государственнаго совѣта». Князь Орловъ и графъ Панинъ справедливо замѣтили, что въ такомъ случаѣ министры сдѣлаются отвѣтственными. «Что же въ томъ худого»? спросилъ Государь. «Худо то Ваше Величество, отвѣтилъ князь Орловъ, что отвѣтственность министровъ поведетъ къ конституціонному правленію». «Впрочемъ,—продолжалъ графъ Панинъ,—если Вашему Величеству угодно дать Россіи конституцію, то предполагаемая мѣра будетъ хороша». . . Государь въ своемъ отвѣтѣ осудилъ отчеты губернаторовъ и министровъ, которые читалъ съ «особеннымъ презрѣніемъ», такъ какъ въ нихъ заключалось много лести и были крайне объемисты. Одно было ясно, что Императоръ желалъ порядка и добросовѣстности въ бюрократическомъ механизмѣ и имѣлъ намѣреніе поставить слугъ отечества хоть подъ какой нибудь контроль [500]).

Сенату и прокурору сената надлежало высказать свои мнѣнія по петиціи сейма. Прокуроръ І. Ф Пальменъ усмотрѣлъ, что вопросъ объ отдѣленіи судебнаго департамента отъ сената и образованіе изъ него высшаго суда «не долженъ требовать никакихъ дальнѣйшихъ распоряженій», а по вопросу о контролѣ за судопроизводствомъ высшаго суда онъ просилъ ходатайство земскихъ чиновъ оставить безъ послѣдствій [501]). Въ общемъ собраніи сената (14 января н. ст. 1874 года) произошло разногласіе. Большинство полагало испросить Высочайшаго соизволенія на утвержденіе ходатайства сейма; меньшинство—стояло за оставленіе его безъ послѣдствій, въ виду того, что сенатъ, какъ «политическое учрежденіе», вполнѣ приспособлено къ положенію Финляндіи, и чтобы преобразовать его нужны болѣе вѣскія основанія. Что же касается новой фискальной должности, то она была единогласно отвергнута сенатомъ. Сенаторъ Шультенъ, примкнувшій къ мнѣнію меньшинства, замѣтилъ кромѣ того, что просьба земскихъ чиновъ заклю-

чаетъ въ себѣ расширеніе права петиціи и вторженіе въ область, которая принадлежитъ одному только Монарху. Комитетъ финляндскихъ дѣлъ 27 февраля 1876 года, вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ примкнули къ сенатскому меньшинству. Мнѣніе комитета было 14—26 апрѣля 1876 года Высочайше утверждено.

Статсъ-секретаріатъ, увѣдомляя о томъ, что петиція оставлена безъ послѣдствій, прибавилъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало Высочайшее соизволеніе на представленіе каждому сейму отчета прокурора о ходѣ законодательства и о соблюденіи законовъ за внѣ сеймовый періодъ [502]).

Такимъ образомъ сенатъ сохранилъ свое прежнее положеніе. Замѣнять его коллегіями не имѣлось, конечно, основаній. Онъ функціонировалъ вообще исправно, хотя и медленно. За пятидесятилѣтній періодъ существованія сената въ немъ было разсмотрѣно 284,415 дѣлъ. Иногда онъ позволялъ себѣ произвольныя дѣйствія, за что и получалъ соотвѣтственныя указанія верховной власти. Въ 1858 году министръ статсъ-секретарь просилъ утвердить распоряженіе сената, который своей властью выпустилъ лишнюю серію облигацій, для покрытія расходовъ по Тавастгусской желѣзной дорогѣ; Государь 9—21 іюля 1858 года надписалъ: «Исполнить, но долженъ замѣтить сенату, что ему слѣдовало предварительно испросить Мое разрѣшеніе, для чего телеграфъ представлялъ всѣ удобства».—Когда ходатайствовали о преобразованіи хлѣбныхъ магазиновъ въ Финляндіи, Государь (24 апрѣля—6 мая) начерталъ: «Исполнить, причемъ дѣлаю замѣчаніе сенату, что ему не слѣдовало допускать произвольной замѣны хлѣбныхъ запасовъ деньгами, зачѣмъ и имѣть впредь строгое наблюденіе». Затѣмъ извѣстенъ рескриптъ на имя генералъ-губернатора отъ 14—26 мая 1867 г. Онъ былъ вызванъ недовольствомъ сената на то, что предложеніе о свободѣ печати помимо него было передано сейму. «Финляндскій сенатъ до сихъ поръ», писалъ Императоръ Александръ Николаевичъ,—«никакимъ закономъ никогда не былъ облеченъ значеніемъ и правами существовавшаго до 1789 года шведскаго государственнаго совѣта и, слѣдовательно, не могъ и не долженъ былъ, безъ особаго на то указанія, быть признаваемъ непремѣннымъ учрежденіемъ (какъ до 1789 года государственный совѣтъ) для обсужденія въ общемъ собраніи передаваемыхъ Государемъ сейму предложеній» [503]).

Конечно подобныя явленія представлялись рѣдкими исключеніями въ долгой службѣ сената своей родинѣ.

1869 годъ ознаменовался утвержденіемъ сеймоваго устава, которому придавали первостепенное политическое значеніе, и потому царская милость была принята ликованіемъ. Но вслѣдъ за радостнымъ настроеніемъ, вызваннымъ утвержденіемъ новаго основного закона, послѣдовало усиленное неудовольствіе по поводу преслѣдованія печати и придирчиваго гоненія каждаго независимаго мнѣнія; такія гоненія вошли тогда въ систему. Газета Uusi Suometar, напримѣръ, запрещена была потому, что она помѣстила на своихъ страницахъ въ переводѣ протоколы одного судебнаго дѣла, печатаніе которыхъ дозволено было судомъ. Редакторъ газеты (Ирье-Коскиненъ) подалъ жалобу прокурору на финскомъ языкѣ. Жалобу возвратили съ указаніемъ, что шведскій языкъ продолжаетъ быть офиціальнымъ языкомъ страны, а финскій языкъ равноправенъ съ нимъ только въ такихъ случаяхъ, когда дѣло непосредственно касается финскаго народа.

Несмотря на существовавшую цензуру, генералъ-губернаторъ испросилъ себѣ особую усиленную власть. Въ іюнѣ 1869 года послѣдовалъ на его имя слѣдующій Высочайшій рескриптъ. «Принимая во вниманіе, что нѣкоторыя изданія финской періодической печати не только невѣрнымъ толкованіемъ положенія Финляндіи относительно имперіи стараются вводить въ заблужденіе общественное мнѣніе, возбуждая притязанія на такія права, которыя не принадлежатъ сему краю, но и подобными дѣйствіями навлекаютъ на жителей Финляндіи со стороны прочихъ подвластныхъ скипетру Нашему странъ нерасположеніе, могущее имѣть вредныя послѣдствія для Великаго Княжества, Мы признали полезнымъ предоставить Нашему генералъ-губернатору Финляндіи право предписывать о прекращеніи газеты, временно или вовсе, по его усмотрѣнію» [504]).

Этимъ правомъ гр. Адлербергъ ни разу не пользовался, хотя газета «Helsingfors Dagblad» явно и долго проводила сепаратистскія идеи.

Существовавшее постановленіе о печати отъ 31-го мая н. ст. 1867 года вызвало большое неудовольствіе, которое искало случая высказаться передъ трономъ. 31-го марта (н. ст.) 1870 года гельсингфорскіе представители послѣдняго сейма передали въ сенатъ всеподданнѣйшую петицію Государю о принятіи мѣръ къ улучшенію дѣлъ печати. Петиція изложена была на шведскомъ и французскомъ языкахъ и подписана 589 гражданами изъ Гельсингфорса, Борго, Тавастгуса, Таммерфорса, Фридрихсгама, Вазы,

Нюкарлебю, Якобстата и Сердоболя. Одновременно представлены были одинакія петиціи съ сотнею подписей изъ Або, Выборга, Гамле-Карлебю и Куопіо. Не безъ основанія надѣялись, что такое общественное мнѣніе повліяетъ на Монарха. На другой же день, послѣ подачи петицій въ сенатъ, онѣ были напечатаны въ газетахъ. 8-го апрѣля (н. ст.) генералъ-губернаторъ получилъ рескриптъ о томъ, что петиціи не будутъ приняты.

Въ добавленіи къ нему, министръ статсъ-секретарь увѣдомилъ, отдѣльнымъ письмомъ, генералъ-губернатора, что Государь чрезвычайно изумленъ напечатаніемъ въ газетахъ петиціи, которая Ему еще не представлена и о которой Онъ узналъ лишь по слухамъ. Такое отношеніе во всякомъ случаѣ безтактно и неприлично. Вмѣстѣ съ тѣмъ Государь узналъ, что газеты дерзко нападаютъ на управленіе по дѣламъ печати, хотя оно того вовсе не заслуживало. При этомъ Государь сожалѣлъ, что въ краѣ, гдѣ вообще существуютъ добрые, честные и правдивые образы мыслей, есть партія, которая, повидимому, поставила себѣ задачей возбуждать умы газетными статьями, совершенно непристойными при настоящихъ обстоятельствахъ [505]).

Этотъ случай имѣлъ впослѣдствіи отголосокъ въ русской печати, также чувствовавшей тяжелую руку цензуры. Въ «Голосѣ» (1871 года № 133) появилась корреспонденція изъ Гельсингфорса. Въ заключеніи редакція говорила, что вполнѣ сочувствовала бы желанію финляндскихъ газетъ получить большую свободу печатнаго слова, если бы эта свобода не выходила изъ предѣловъ правъ, дарованной русской прессѣ.

По этому поводу было указано, что въ Гельсингфорсѣ и другихъ мѣстахъ происходили сходки безъ разрѣшенія, лишь по созыву нѣкоторыхъ агитаторовъ, причемъ публично обсуждался вопросъ о томъ, что слѣдуетъ предпринять, въ видѣ безпричинной строгости относительно печати. Затѣмъ составлялись прошенія, которыя были публично выставлены для подписи въ разныхъ мѣстахъ. Петиціи эти, кромѣ 3-хъ или 4-хъ лицъ, извѣстныхъ въ Финляндіи, подписаны ремесленниками, портными, сапожниками, прикащиками и, наконецъ, купцами. Если въ странахъ, болѣе цивилизованныхъ и далеко опередившихъ Финляндію, право произвольныхъ сходокъ еще не вполнѣ признано, то нельзя думать, чтобы въ Финляндіи допускалось, кому вздумается, и по какому бы то ни было общественному дѣлу, собирать произвольныя сборища для сужденія о дѣлахъ правительственныхъ, хотя-бы то и было по предметамъ, не воспрещеннымъ закономъ.

Конституціонно-монархическій духъ финскаго народа не дозволилъ, однако, приписать наличныя цензурныя стѣсненія измѣнившемуся личному настроенію Монарха. Въ «краѣ, гдѣ вообще царили хорошія, честныя и правдивыя мысли», тиранію печати объясняли тѣмъ, что Монарху не были извѣстны всѣ тѣ мелочи, которыми она была создана и обставлена. Порицанію общественнаго мнѣнія подвергались тѣ власти, которыя искали себѣ прикрытіе за священнымъ лицомъ Монарха, и предлагали ему издать указы, которые на него возлагали вину за ихъ поступки. Эта система вскорѣ вызвала движеніе въ общественномъ настроеніи, приведшее совершенно не къ тому, чего добивались. По обыкновенію симптомы волненія прежде всего обнаружились въ средѣ академической молодежи, которая 15-го апрѣля 1871 года подъ окнами проф. А. Ф. Нордквиста устроила «кошачью серенаду» [506]).

Когда собрался сеймъ 1872 года, то первый общій его петиціей была просьба объ узаконенной свободѣ печати. Государь отвѣтилъ извѣстнымъ намъ уже рескриптомъ (15—27 марта), осуждая земскихъ чиновъ только за присвоеніе себѣ иниціативы. Надзоръ же за печатью,— если не новымъ закономъ, то во всякомъ случаѣ фактически,—былъ ослабленъ. Въ цензурной строгости едва-ли возможно винить генералъ-губернатора графа Адлерберга. Отвѣтственность за цензурныя тиски должна падать преимущественно на графа Армфельта, недолюбливавшаго развязной рѣчи и критики либеральныхъ органовъ печати.

Цензурной строгости особенно сочуствовалъ статсъ-секретаріатъ, откуда продолжали поступать прямые запросы начальнику края, о тѣхъ мѣрахъ, которыя приняты имъ по отношенію къ газетамъ, замѣченнымъ въ несдержанности. «Helsingfors Dagblad» открыто порицала мѣры, утвержденныя верховной властью, стокгольмская «Aftonbladet» никогда не церемонилась съ Россіей, но генералъ-губернаторъ ничего этого не замѣчалъ, а потому не удивительно, что бодрствовать приходилось министру статсъ-секретарю. Въ виду полнаго нерадѣнія графа Адлерберга, былъ случай запроса со стороны 3-го отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Она вынуждена была обратить вниманіе начальника края на то, что дѣлалось во ввѣренномъ ему краѣ. «При вышедшихъ (въ мартѣ 1876 г.) въ Гельсингфорсѣ газетахъ приложена была, для безплатной раздачи абонентамъ, брошюра Рудольфа Тенгберга подъ заглавіемъ: «Finlands historiska ställning», содержащая въ себѣ превратныя толкованія историческихъ фак-

товъ изъ эпохи присоединія Финляндіи къ Россіи и слѣдовавшихъ затѣмъ событій до послѣдняго времени. Государь Императоръ Высочайше повелѣлъ объ изложенномъ сообщить генералъ-губернатору для замѣчанія цензурному управленію о неумѣстномъ распространеніи извѣстной брошюры» [507]).

Когда же, напротивъ, русская печать допускала какую-нибудь неправильность по отношенію къ Финляндіи, графъ Адлербергъ лично заинтересовывался дѣломъ и хлопоталъ о составленіи опроверженій или объ обузданіи провинившихся редакцій. Такъ, напримѣръ, въ іюлѣ 1866 года, онъ писалъ одному изъ чиновъ статсъ-секретаріата. «До свѣдѣнія вашего превосходительства безъ сомнѣнія также дошла статья газеты «Голосъ». Признавая необходимымъ сдѣлать гласное, но приличное опроверженіе противу задорныхъ нападеній на ввѣренный моему управленію край, я, съ одной стороны, поручилъ сенатору Спельману систематически изложить опроверженія со стороны финансовой точки зрѣнія, а съ другой, занялся лично изложеніемъ данныхъ, по моему достаточно убѣдительныхъ и справедливыхъ, для опроверженія неумѣстныхъ и необдуманныхъ обвиненій» [508]).

Въ 1872 году, когда баронъ Норденстамъ исправлялъ должность финляндскаго генералъ-губернатора, онъ въ письмѣ къ графу Армфельту упоминаетъ о томъ, что графъ Адлербергъ ему лично сообщилъ о Высочайше предоставленномъ ему правѣ непосредственно запрещать изданіе въ печати статей неумѣстныхъ и вредныхъ. Такъ какъ это повелѣніе вѣроятно хранится у графа Адлерберга и ему неизвѣстно, предоставлено ли это право только лично или принадлежитъ должности генералъ-губернатора, онъ просилъ для соображеній сообщить ему копію, если это право дано генералъ-губернатору. На это Армфельтъ конфиденціальнымъ отношеніемъ сообщилъ, что Государь Императоръ предоставилъ лично вамъ, на время исправленія должности, право непосредственно запрещать изданіе газетъ, періодическихъ изданій и брошюръ неумѣстныхъ или вредныхъ. Въ 1873 году въ газетѣ Helsingfors Dagblad (въ № 16) появилась передовая статья, которая была задержана, по главнымъ управленіемъ печати пропущена и которую Норденстамъ нашелъ крайне неприличною и противною смыслу Высочайшаго рескрипта отъ 27 марта—8 апрѣля 1870 года и потому запретилъ выпускъ этого номера. Но считая неудобнымъ, что конфиденціальное отношеніе хранится у него секретно и неизвѣстно публикѣ и не можетъ служить руководствомъ для редакцій, просилъ не слѣдуетъ ли опубликовать содержаніе сказаннаго отношенія. На это ему данъ

былъ конфиденціально отвѣтъ, что, по доведеніи о семъ до Высочайшаго свѣдѣнія, Государь повелѣлъ принятіе этой мѣры отложить до возвращенія графа Адлерберга [509]).

Во время исправленія должности генералъ-губернатора сенаторомъ Норденстамомъ, цензура особенно проявляла свою дѣятельность. Такая же перемѣна замѣчалась и ранѣе, при графѣ Бергѣ, когда, за отъѣздомъ его изъ края, бразды правленія переходили въ жесткія руки Норденстама. Слѣдовательно, строгостью цензуры финляндцы нерѣдко были обязаны своимъ-же выдвинувшимся согражданамъ [510]).

«Многосторонній процессъ развитія, охватившій Финляндію въ XIX столѣтіи, распространился и на народныя массы и тѣмъ самымъ упрочилъ жизненную мощь финляндскаго народа въ будущемъ»,—читаемъ въ мѣстномъ сборникѣ. Тѣмъ не менѣе въ Финляндіи народное образованіе, въ широкомъ значеніи этого слова, глубоко коренится въ прошломъ. Грамотность, въ смыслѣ умѣнья читать, усвоена народомъ уже триста лѣтъ тому назадъ. Финляндія, какъ и прочія протестантскія страны, такимъ распространеніемъ грамотности обязана реформаціи. Въ средніе вѣка школами завѣдывала церковь. Даже и послѣ реформаціи финляндское духовенство, въ лицѣ духовныхъ консисторій, сохранило за собой эту прерогативу [511]).

Въ 1858 году послѣдовалъ,—какъ мы уже видѣли,—указъ учредить центральное управленіе училищъ, съ подчиненіемъ ему всѣхъ народныхъ школъ, и основать семинарію, съ цѣлью образовать учителей и учительницъ. Этими двумя важными мѣрами народная школа въ Финляндіи, съ одной стороны, навсегда освободилась отъ опеки духовенства, которое здѣсь, какъ и въ другихъ протестантскихъ странахъ, всецѣло заправляло ею и видѣло въ ней не болѣе какъ вспомогательное средство для церкви, а съ другой—пріобрѣла возможность имѣть педагогически-образованныхъ дѣятелей. До этого времени учители какъ постоянныхъ народныхъ школъ, такъ и подвижныхъ, не получали никакого педагогическаго образованія; спеціальнаго училища для этой цѣли не существовало; педагогическихъ журналовъ и сочиненій, оригинальныхъ или переводныхъ, посвященныхъ дѣлу воспитанія, также вовсе не было въ финляндской литературѣ.

Шведская школа и шведская литература развивались безпрепятственно. Финнамъ же пришлось приложить большія усилія, чтобы

отвоевать права гражданства для своей школы. «Мѣстная администрація, въ которой господами сидѣли шведы, не внимала стремленіямъ къ образованію со стороны финновъ, а лишь чинила помѣхи въ учрежденіи требуемыхъ учебныхъ заведеній съ финскимъ языкомъ преподаванія, пока глубокіе слои населенія не стали основывать и содержать эти учебныя заведенія на свои средства. Училищное управленіе, ослѣпленное партійной враждой, не считало нужнымъ въ 1871 году для финновъ имѣть болѣе лицеевъ, какъ въ трехъ городахъ—Ювяскюля, Таваступсѣ и Куопіо. По мнѣнію мѣстнаго правительства, было вполнѣ справедливымъ имѣть одно среднее учебное заведеніе на 400.000 финновъ и одно среднее учебное заведеніе на 22.000 шведовъ; такъ обстояло дѣло еще въ 1877 году.

Въ Гельсингфорсѣ частное элементарное финское училище было основано въ 1869 году, частный финскій лицей въ Улеоборгѣ—въ 1874 году, въ Або, Выборгѣ, Бьернеборгѣ, Вильманстрандѣ въ 1879 году, въ Николайстадѣ—1880 году, Таммерфорсѣ въ 1881 году. О финскихъ женскихъ школахъ, содержимыхъ правительствомъ, не было и рѣчи до шестидесятыхъ годовъ.

Но движеніе въ пользу финскаго языка не ограничилось сферой мужскихъ учебныхъ заведеній, а отразилось также и въ области женскаго образованія. По частной иниціативѣ въ 1864 году въ Ювяскюля открылось первое финское женское училище. Въ 1869 году послѣдовало открытіе такого же училища въ Гельсингфорсѣ; въ Улеоборгѣ, Куопіо, С.-Михелѣ—въ 1879 г. Мѣстная администрація, бывшая всецѣло въ рукахъ шведовъ, цѣлыми годами не отпускала никакого пособія этимъ школамъ, несмотря даже на то, что сеймъ въ 1872 и 1877—1878 годахъ указалъ средства на ихъ содержаніе. Мѣстныя власти еще не прозрѣли.

Чтобы поддержать финскія школы въ Улеоборгѣ учителя первые года давали уроки отчасти безплатно, отчасти за самое скудное вознагражденіе, да и изъ послѣдняго нѣкоторые изъ нихъ пожертвовали 1.800 марокъ въ пользу частнаго лицея въ 1878 году [512]). Настойчивость финновъ дала хорошіе результаты: школы замѣтно умножились. Даже самые непримиримые изъ свекомановъ вынуждены были признать, что «именно благодаря своимъ школамъ финноманское движеніе одержало величайшія побѣды».

Для успѣшной педагогической дѣятельности теоретическую и практическую подготовку могло дать лишь особо приноровленное для этой цѣли учебное заведеніе. Чтобы удовлетворить этой на-

стоятельной потребности открыто было въ 1864 году въ Гельсингфорсѣ нормальное училище, долженствовавшее служить центральнымъ заведеніемъ для подготовленія будущихъ преподавателей. Лица, желающія посвятить себя педагогической карьерѣ и сдавшія уже университетскій экзаменъ, для ознакомленія съ учебнымъ дѣломъ, поступаютъ на годъ въ это училище, находящееся подъ наблюденіемъ профессора университета по каѳедрѣ педагогіи и дидактики. Слушателямъ нормальнаго училища назначаются практическія занятія и испытанія подъ руководствомъ и контролемъ четырехъ старшихъ его преподавателей. Это училище, обнимающее какъ элементарные, такъ и гимназическіе классы, имѣетъ типъ совершенно законченнаго учебнаго заведенія.

«Характерной чертой школьнаго дѣла какъ шведскаго, такъ и финскаго, въ Великомъ Княжествѣ является демократическое его направленіе. Плата за обученіе взимается весьма умѣренная и доступъ къ образованію открытъ для всѣхъ сословій. Сыновья и дочери батрака, или ремесленника и богатаго землевладѣльца, капиталиста, или государственнаго сановника — сидятъ въ школѣ рядомъ на одной скамьѣ.

«Заботы о народномъ образованіи неминуемо должны были возбудить мысль о созданіи цѣлесообразной народной литературы и распространеніи ея произведеній въ народныхъ массахъ. Дѣйствительно въ Финляндіи организовалось нѣсколько обществъ, задающихся такою цѣлію. Старѣйшими изъ нихъ является «Общество распространенія народнаго просвѣщенія», начавшее свою дѣятельность въ 1874 году» [513]).

Въ 1872 году, когда въ имперіи министерство народнаго просвѣщенія занялось реформою подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеній, главное управленіе училищъ въ Финляндіи также произвело у себя нѣкоторыя существенныя перемѣны.

Къ реформѣ отнеслись весьма горячо; но около нея столкнулись и схватились представители разныхъ воззрѣній. Сеймъ желалъ, чтобы въ столь важномъ вопросѣ былъ выслушанъ его голосъ; руководители-же администраціи не проявили склонности выпустить дѣла изъ своихъ рукъ.

Безпокойство и недовольство финляндцевъ школьными порядками усилились съ того времени, когда во главѣ духовной экспедиціи сената поставленъ былъ (въ 1852 году) баронъ Казимиръ фонъ-Котенъ—личность, по выраженію Эдварда Берга, «ненавистная отечеству». Финляндскіе писатели не отказываютъ фонъ-Котену (р. 1807 года) въ энергіи и предпріимчивости, но онъ вышелъ изъ

біурократической школы князя А. С. Меншикова и его любимца К. Фишера, унаслѣдовавъ ихъ пріемы и воззрѣнія. Баронъ К. фонъ-Котенъ, будучи губернаторомъ въ Выборгѣ ознаменовалъ себя запрещеніемъ газетъ «Kanava» и «Сайма». Имѣется основаніе утверждать, что расположенію и довѣрію князя Меншикова и К. Фишера къ фонъ-Котену Финляндія обязана постановленіемъ о томъ, что финскій языкъ воспрещено было въ 1850 году употреблять въ иныхъ печатныхъ статьяхъ, кромѣ религіозныхъ и экономическихъ, Высочайшимъ предписаніемъ отъ 8 декабря 1851 года о томъ, что губернаторы могутъ быть привлечены къ отвѣтственности за служебные проступки, и, наконецъ, проектомъ раздѣленія Финляндіи на два генералъ-губернаторства.

Фонъ-Котенъ сдѣлался ненавистнымъ соотечественникамъ уже тогда (1852 года), когда онъ вошелъ въ составъ комитета, которому поручено было озаботиться попеченіемъ о религіозномъ воспитаніи юношества. Финляндцы стремились тогда уже къ освобожденію школы отъ вліянія духовенства и покорность Котена требованіямъ правительства, конечно, не могла понравиться имъ. Второй причиной нерасположенія къ Котену—являлось его открытое руссофильство, принявшее «характеръ маніи».

Ставъ въ 1852 году начальникомъ духовной экспедиціи сената, фонъ-Котенъ задумалъ сдѣлать предварительный докладъ Государю объ основаніяхъ для общаго преобразованія элементарныхъ учебныхъ заведеній, а затѣмъ, не теряя времени, онъ приступилъ къ выработкѣ проекта новаго школьнаго устава. Сенатъ пошелъ за фонъ-Котеномъ и такимъ образомъ явился уставъ 1856 года. «По этому уставу учреждались, между прочимъ, гимназіи для гражданскихъ чиновниковъ. Преподаваніе латинскаго языка въ нихъ отмѣнялось, а русскому и французскому отводилось много времени, причемъ въ старшихъ классахъ гимназій вводились факультетскія дѣленія съ преподаваніемъ спеціальныхъ предметовъ» [514]).

«При Викторѣ Фуругельмѣ, занявшемъ мѣсто фонъ-Котена, въ сенатѣ были отмѣнены многія существенныя положенія устава 1856 года: русскій языкъ пересталъ быть обязательнымъ предметомъ въ высшихъ элементарныхъ школахъ и гимназіяхъ. Правительство дозволяло и поощряло учительскіе съѣзды. Печать распространяла проектъ новой школьной организаціи, оживились общественные толки о школьныхъ дѣлахъ—все въ противодѣйствіе системѣ фонъ-Котена».

Въ 1855 году фонъ-Котена отвлекли отъ завѣдыванія учебной частью, назначивъ его сперва инспекторомъ финскихъ поселен-

*

ныхъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, а затѣмъ, въ 1857 году, начальникомъ вновь учрежденной милиціонной экспедиціи. Въ 1861 году мы находимъ его уже членомъ правительствующаго сената имперіи. Но его тянуло въ Финляндію, къ дѣятельности, и въ 1869 году онъ занялъ должность вице-канцлера Гельсингфорскаго университета и предсѣдателя вновь учрежденнаго тогда же главнаго управленія по школьному вѣдомству, гдѣ немедленно приступилъ къ выработкѣ новаго училищнаго устава, не имѣя на это никакихъ порученій со стороны правительства. Это административное мѣропріятіе вызывало большое волненіе въ странѣ, которое и высказалось во множествѣ возникшихъ среди всѣхъ сословій петицій относительно школьнаго вопроса на сеймѣ 1872 года. Рѣчи ораторовъ этого сейма (Ф. Л. Шаумана, А. Мермана и І. В. Спельмана) въ значительной мѣрѣ были направлены противъ личности фонъ-Котена. Главнѣйшія пожеланія, высказанныя въ петиціяхъ этого сейма, таковы:

1) Главное управленіе по школьному вѣдомству должно быть преобразовано.

2) Земскіе чины должны получить право участвовать въ школьномъ законодательствѣ наравнѣ съ государемъ.

3) Высочайшее объявленіе (отъ 30 ноября 1871 года, т. е. появившееся тремя мѣсяцами раньше петиціи) касательно преобразованія элементарныхъ училищъ страны, не должно до времени входить въ дѣйствіе.

«Всѣ эти петиціи»,—по мнѣнію финляндцевъ,—«старались поставить школьный вопросъ на твердую и вмѣстѣ съ тѣмъ законную почву. Все основаніе, на которомъ зиждется нашъ теперешній общественный строй,—читаемъ въ той же петиціи,—предполагаетъ участіе народа, чрезъ законныхъ его уполномоченныхъ, въ удовлетвореніи тѣхъ его нуждъ, которыя наиболѣе глубоко проникаютъ въ его жизнь. Первостепенная нужда такого рода есть дѣло обученія, касающееся сокровеннѣйшаго ядра жизни націи тѣмъ, что этимъ дѣломъ существенно обусловлено направленіе развитія образованія подрастающаго поколѣнія». «Ни школьный уставъ 1843 года, ни позднѣйшіе уставы 1856 и 1872 годовъ,—пояснялъ проф. Доннеръ,—не произошли законнымъ путемъ: они были такого же рода наростами на государственномъ нашемъ развитіи, какъ изданныя для Финляндіи, исключительно административнымъ путемъ, постановленія отъ 8 сентября 1842 года, касательно гербовой бумаги. Въ школьномъ вопросѣ уполномоченные народа постоянно ожидаютъ возможности

воспользоваться правомъ, которое принадлежитъ имъ и по буквѣ, и по духу закона» [515]).

Пока на сеймѣ по поводу школьнаго вопроса изливался потокъ краснорѣчія, главное управленіе не дремало. Происходило интересное зрѣлище: «Съ одной стороны,—писали финляндцы,—фонъ-Котенъ, съ нѣсколькими единомышленниками, съ опрометчивою поспѣшностію преобразовывалъ школу, сообразуясь при этомъ не съ тѣми мнѣніями, которыя были популярны въ странѣ, и даже не со взглядами отдѣльныхъ политическихъ партій, а единственно со своими прихотями и фантазіями; съ другой стороны, неслись сердечныя просьбы всѣхъ сословій къ Его Императорскому Величеству о томъ, чтобъ онъ не одобрялъ «разрушительныхъ» плановъ школьной администраціи. Положеніе дѣла становится еще болѣе натянутымъ и въ конституціонномъ отношеніи значительнымъ, когда узнается, что во время обсужденій земскими чинами школьнаго вопроса сенатъ уже представилъ Его Величеству новый проектъ всеобщаго для Финляндіи школьнаго устава, который поступилъ къ Государю незадолго до окончанія сословныхъ преній, но былъ утвержденъ уже долго спустя послѣ закрытія сейма» [516]).

Фонъ-Котена поддержали графъ Адлербергъ и нѣкоторые члены сената. Въ статсъ-секретаріатѣ онъ имѣлъ друга въ лицѣ барона Шернваль-Валлена. Этимъ объясняется, что 15 марта 1872 года послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ сейму, въ которомъ напоминалось земскимъ сословіямъ, что ни въ чемъ не измѣнилось право иниціативы, принадлежавшее Монарху по основнымъ законамъ края. Государь настолько остался недоволенъ дѣйствіями земскихъ чиновъ, что въ рѣчи, которой закрытъ былъ сеймъ, Его Величество еще разъ выразилъ желаніе, «чтобы земскими чинами было на будущее время принято за правило ограничивать свои петиціи въ указанныхъ предѣлахъ».

Сенатъ, зная о состоявшемся уже Высочайшемъ утвержденіи школьнаго устава, тѣмъ не менѣе обратился къ Государю съ представленіемъ о сеймовыхъ петиціяхъ по школьному вопросу: «Не соблаговолитъ ли»,—спрашиваетъ сенатъ,—«Его Императорское Величество впредь, при болѣе важныхъ измѣненіяхъ въ школьномъ уставѣ, принять во вниманіе представленныя всеподданнѣйшія мнѣнія сеймовыхъ сословій по этому предмету». Его Величество чрезъ министра статсъ-секретаря изволилъ объявить, что разъ школьный уставъ утвержденъ, всѣ дальнѣйшія обсужденія его должны прекратиться. «Но финляндцы не стѣсняются на слѣдую-

щемъ же сеймѣ 1877 года вновь утруждать Государя своими петиціями по школьному дѣлу, впрочемъ опять безуспѣшно».

Въ борьбѣ съ сеймомъ, фонъ-Котенъ на этотъ разъ побѣдилъ. Но торжество его было непродолжительнымъ. Армфельтъ однажды сказалъ: «Не безпокойтесь о Котенѣ, онъ обладаетъ свойствомъ самъ себя дѣлать невозможнымъ вездѣ». Надо полагать, что общественное мнѣніе, сказавшееся въ петиціяхъ сейма, повліяло на финляндцевъ, стоявшихъ ближе къ трону, и фонъ-Котенъ былъ признанъ ими неподходящимъ въ занимаемыхъ должностяхъ. Въ 1874 году его уволили и онъ уѣхалъ къ своей дочери въ Мекленбургъ [517]).

Рядомъ съ описанной борьбой шла другая, также изъ-за школы. Здѣсь на одной сторонѣ стояли финляндскія власти, а на другой русскія. Въ концѣ 1869 и въ началѣ 1870 года возникъ вопросъ объ открытіи русской учительской семинаріи въ г. Сердоболѣ. Святѣйшій Синодъ, не встрѣтивъ препятствій къ осуществленію этого плана, выразилъ лишь желаніе, чтобы «всѣ предметы были преподаваемы на русскомъ языкѣ, а на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, финскомъ и карельскомъ, были дѣлаемы объясненія, непонятныя для учащихся на русскомъ языкѣ». Синодъ выразилъ даже желаніе принять часть расходовъ на свой счетъ, главное-же содержаніе семинаріи (по 8.140 р. въ годъ), съ Высочайшаго соизволенія, возложено было на министерство народнаго просвѣщенія. Финляндскій сенатъ усмотрѣлъ, что наставленіе православныхъ исповѣдниковъ Финляндіи въ религіи и нравственности не будетъ достигать цѣли, при преподаваніи учебныхъ предметовъ на русскомъ, а не на природномъ языкѣ населенія, именно финскомъ, такъ какъ карельскій языкъ есть только его нарѣчіе. Генералъ-губернаторъ, графъ Адлербергъ, полагалъ допустить преподаваніе на мѣстномъ языкѣ въ тѣхъ приходахъ, гдѣ населеніе не знаетъ русскаго языка, по крайней мѣрѣ, на первое время, вмѣнивъ, однако, въ обязанность постепенное его введеніе. Министръ статсъ-секретарь, графъ А. Армфельтъ, раздѣлилъ мнѣніе сената и генералъ-губернатора. Узнавъ объ этомъ, синодъ выразилъ желаніе, чтобы въ Финляндіи по вопросу о языкѣ преподаванія были приняты къ руководству мѣры, Высочайше утвержденныя 26 марта 1870 года, которыя предлагаютъ, для первоначальнаго обученія каждаго племени, пользоваться его роднымъ нарѣчіемъ, переходя постепенно къ русскому языку. Но гр. А. Армфельтъ отказался даже обсуждать послѣдствія сихъ мѣръ, въ примѣненіе къ финляндскимъ православнымъ приходамъ, ссылаясь на отсутствіе у него надле-

жащихъ данныхъ. Напрасно синодъ указывалъ на то, что мѣры, одобренныя правительствомъ въ 1870 году, были уже тщательно испытаны въ инородческихъ мѣстностяхъ Россіи и дали удовлетворительные результаты, напримѣръ, въ Ригѣ, въ средѣ эстовъ и латышей, которые едва-ли болѣе финляндцевъ знакомы съ русскимъ языкомъ. Напрасно также синодъ говорилъ, что «религіозное образованіе православныхъ нашихъ инородцевъ, и въ томъ числѣ финновъ и кареловъ, живущихъ въ Финляндіи, слишкомъ важно для синода, чтобы онъ могъ предлагать въ этомъ отношеніи мѣры, недостаточно испытанныя въ своей цѣлесообразности». Министерство народнаго просвѣщенія заявило, что «если со стороны финляндскихъ властей не послѣдуетъ согласія на принятіе условій закона 26 марта 1870 года, то оно сочтетъ себя не только въ правѣ, но обязаннымъ отказаться отъ участія въ расходахъ на семинарію изъ своихъ суммъ». Синодъ поставилъ такое-же условіе для выдачи своего денежнаго пособія [518]).

Синодъ и министерство, отказавъ въ денежной субсидіи на устройство Сердобольской семинаріи, тѣмъ самымъ предоставили финляндскимъ властямъ свободу дѣйствія въ указанномъ дѣлѣ. Этого только и нужно было мѣстнымъ дѣятелямъ.

Коллежскій ассесоръ Германъ Халлонбладъ и его жена Елизавета Халлонбладъ подали всеподданнѣйшую просьбу о принятіи въ распоряженіе правительства существующей, около города Сердоболя, народной школы, подъ названіемъ И. Ситонской, съ принадлежащими ей строеніями и землею, а также капиталомъ въ 200.000 марокъ, который образовался изъ частныхъ пожертвованій. Поводомъ къ всеподданнѣйшей просьбѣ послужилъ отказъ общины г. Сердоболя принять въ свое вѣдѣніе означенную школу. При этомъ Халлонбладъ и его жена просили о преобразованіи упомянутой народной школы въ семинарію для учителей народныхъ школъ. Въ то время правительство имѣло въ виду учрежденіе подобной семинаріи въ сосѣднемъ городѣ Нейшлотѣ, но затѣмъ усмотрѣло болѣе удобнымъ устроить ее въ г. Сердоболѣ,— вмѣсто прежней Ситонской народной школы — съ двухгодичнымъ курсомъ, съ цѣлью образованія учителей и учительницъ для начальныхъ школъ, какъ постоянныхъ, такъ и передвижныхъ.

Такимъ образомъ, въ Сердоболѣ вмѣсто русской семинаріи создалась финская учительская семинарія. Вмѣсто русскихъ начальныхъ школъ стали открываться въ Карельскомъ краѣ финскія школы [519]).

Предстояло введеніе всеобщей воинской повинности. Это обстоятельство заставило финновъ вновь задуматься надъ судьбой своей школы. «То обстоятельство, что говорящее по фински населеніе принуждено было съ большими пожертвованіями открывать и содержать учебныя заведенія съ преподаваніемъ на своемъ собственномъ языкѣ, тогда какъ одновременно администрація на свой счетъ оплачивала эти образовательныя учрежденія, предназначенныя для шведскаго населенія, все это заставляло озабоченныхъ гражданъ выжидать того момента, когда благородное обѣщаніе Государя будетъ приведено въ исполненіе, т. е. когда финскій языкъ и финскія учебныя заведенія поставлены будутъ въ одинаковыя условія со шведскимъ языкомъ и шведскими школами. Въ порядкѣ вещей, что именно въ тѣ дни, когда долженствующіе отбывать воинскую повинность финны первый разъ приступятъ къ жребію, тяжелой становится мысль, что общество не озаботилось доставить возможность достигнуть образованія финскимъ дѣтямъ края въ такой-же мѣрѣ, какъ это сдѣлано для братьевъ, говорящихъ по-шведски, и что такимъ образомъ святой долгъ защиты родины раздѣленъ между ними неблагопріятно» [520]).

Каждый новый успѣхъ брался финнами съ боя; каждое новое постановленіе сопровождалось оговорками, дававшими извѣстный просторъ усмотрѣнію сената шведскаго состава. По представленіи особымъ комитетомъ всеподданнѣйшаго отзыва о степени общаго развитія финскаго языка и о мѣрѣ, въ которой его можно ввести въ учебную програму, состоялось Высочайшее постановленіе 30 ноября 1871 года, согласно коему въ каждомъ классическомъ училищѣ преподаваніе должно производиться на одномъ только языкѣ, шведскомъ или финскомъ, другой же языкъ изучается въ высшихъ классахъ какъ теоретически, такъ и практически. Сенату разрѣшено было, смотря по обстоятельствамъ, опредѣлять языкъ преподаванія въ реальныхъ классическихъ училищахъ съ тѣмъ, чтобы онъ въ народныхъ училищахъ сообразовался съ языкомъ населенія [521]).

На сеймѣ 1872 года крестьянское сословіе просило принять мѣры по финскому языку въ судѣ и администраціи; но сенатъ и комитетъ при статсъ-секретаріатѣ отказались поддержать это ходатайство. Слѣдовательно, часть самихъ финляндцевъ препятствовала народному дѣлу [522]).

Но прошло нѣкоторое время и русское правительство, какъ увидимъ, дало просимое, проявивъ тѣмъ гуманное и справедливое отношеніе къ бытовымъ, этнографическимъ и культурнымъ особенностямъ инородцевъ, входящихъ въ составъ Имперіи. «Россія, подобно леднику, на которомъ хорошо сохраняется лѣтомъ всякая провизія, обладаетъ способностью сохранять въ полной чистотѣ всевозможныя, даже мелкія національности, ни капли не вліяя на ихъ языкъ, нравы и обычаи. Обрусительной способности у насъ пока никакой. Я васъ завоевалъ; я на васъ истратился и кровь свою пролилъ, но я въ сущности, человѣкъ добрый и простоватый, извините, что я это съ вами сдѣлалъ»... какъ будто хочетъ сказать русскій человѣкъ, являясь завоевателемъ въ чужую страну» [523]). Въ этой чертѣ русскаго народа кроется и сила его государственности и ея слабость.

Русское правительство никогда не препятствовало инородцамъ сохранить свою національную личность, свой національный обликъ, свой языкъ. Ровному и спокойному отношенію къ инородцамъ способствуетъ самый характеръ русскаго народа. «Особенность и сила русскаго народа въ томъ именно и состоитъ, — писалъ К. Д. Кавелинъ, — что онъ умѣетъ, оставаясь собой, уживаться со всѣми племенами, народами и вѣрами. Такимъ сдѣлала его исторія, географическое положеніе, культурный возрастъ, и дай Богъ, чтобы въ немъ эта складка осталась навсегда... Русскій народъ не впутываетъ ни исповѣдныхъ, ни племенныхъ предубѣжденій въ оцѣнку людей, и не имѣя высокой культуры, по одному вѣрному и тонкому чутью дѣйствительности, гораздо ближе, чѣмъ думаютъ, къ понятію о государствѣ, какъ нейтральной средѣ и союзѣ разноплеменныхъ и разновѣрныхъ народовъ. Все наше настоящее и прошедшее направляютъ насъ къ такимъ воззрѣніямъ и воспитываютъ въ нихъ отъ колыбели и до гроба».

«Русскій смотритъ на всѣ народы, замежеванные въ безконечныя границы Сѣвернаго Царства, — читаемъ у Хомякова, — какъ на братьевъ своихъ. Лихой казакъ Кавказа беретъ жену изъ аула Чеченскаго, крестьянинъ женится на татаркѣ или мордовкѣ, и Россія называетъ своею славою и радостію правнука негра Ганнибала.... Я знаю,—говоритъ далѣе А. С. Хомяковъ,— что нашимъ западнымъ сосѣдямъ смиреніе наше кажется униженіемъ; я знаю, что даже многіе изъ моихъ соотечественниковъ желали бы видѣть въ насъ начала аристократическія и родовую гордость германскую. Но чуждая стихія не сростается съ духовнымъ складомъ славянскимъ. Мы будемъ, какъ всегда были, де-

мократами между прочихъ семей Европы; мы будемъ представителями чисто человѣческаго начала, благословляющаго всякое племя на жизнь вольную и развитіе самобытное».

Россію нельзя упрекнуть въ излишествахъ національной политики. Въ завоеванныхъ странахъ не только оставлялись во всей ихъ силѣ прежніе законы, учрежденія, религія, языкъ, нравы и обычаи, но эти страны поставлялись даже въ «привилегированное положеніе сравнительно съ русскимъ населеніемъ» (М. Катковъ). Денаціонализировать въ Россіи насильственно никогда никого не желали. Нигдѣ не услышите рѣчи о подавленіи племенъ чуждаго происхожденія, а просто обсуждаются мѣры къ возвышенію русской народности въ государственномъ, образовательномъ и экономическомъ отношеніяхъ.

Петръ Великій сохранилъ въ 1710 и 1721 годахъ за Прибалтійскимъ краемъ сословныя преимущества, лютеранскую церковь, нѣмецкій языкъ въ судѣ и мѣстномъ управленіи. «Бокъ-о-бокъ съ органами правительства дѣйствовали городскія учрежденія (т. н. landes staat—земскій штатъ), рыцарскіе конвенты, ландтаги, ландмаршалы, ландраты и т. д. Церковное управленіе, хозяйственное управленіе, школа, дорожное, продовольственное дѣло—все находилось въ рукахъ сословнаго самоуправленія. Въ краѣ господствовало особое право (гражданское, уголовное, церковное, камеральное), отчасти нѣмецкое, отчасти римское, отчасти шведское». Когда въ 1815 году Польша досталась Россіи, Императоръ Александръ I далъ полякамъ самую широкую автономію. Польша получила свой сенатъ, свою монету, знамя, гербъ, даже войско. Польскій языкъ сохранился въ судѣ и управленіи. Связывало Польшу съ Россіей — личность монарха, да русскій намѣстникъ.

Но есть области, въ которыхъ государственная необходимость побуждаетъ правительство водворять извѣстное единство. Таковой является, напр., область государственнаго дѣлопроизводства, въ которой немыслимо допустить смѣсь разныхъ языковъ. Въ проведеніи этого начала въ предѣлахъ Финляндіи не наблюдается, впрочемъ, должной послѣдовательности. Либеральная односторонность, съ которой отнеслись къ языку великой имперіи въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, скоро заставила властей одуматься и дать ему мѣсто, болѣе соотвѣтствующее его положенію. Благодаря царскому заступничеству, русскому языку были вновь нѣсколько открыты двери финскихъ судовъ и присутственныхъ мѣстъ, такъ какъ 3 декабря 1866 года установлено было, чтобы названными учрежденіями принимались «прошенія и

бумаги на русскомъ языкѣ». Другимъ Высочайшимъ Объявленіемъ (27 апрѣля 1868 года), въ видахъ поощренія изученія русскаго языка, финляндскимъ студентамъ, изучавшимъ этотъ языкъ въ Московскомъ университетѣ и кончившимъ полный курсъ по юридическому факультету въ Александровскомъ университетѣ, предоставлено было преимущественное право на занятіе вакантныхъ должностей въ финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ и канцеляріи финляндскаго генералъ-губернатора, хотя законъ этотъ на практикѣ оставался мертвой буквой. Нѣсколько ранѣе (въ 1862 году) баронъ Рокасовскій полагалъ необходимымъ постановить, чтобы при замѣщеніи управляющихъ почтовыми конторами и чиновниковъ таможенныхъ и земской полиціи въ пограничныхъ съ имперіею мѣстахъ, было обращено вниманіе на знаніе ими русскаго языка. Наконецъ, въ 1871 году (30 мая) послѣдовало еще одно узаконоположеніе, дававшее преимущество лицамъ, умѣвшимъ «письменно выражаться на русскомъ языкѣ» [524]).

Въ Высочайшей рѣчи, которою въ 1872 году былъ открытъ сеймъ въ Гельсингфорсѣ, указывалось, что «принявъ во вниманіе безуспѣшность изученія русскаго языка въ училищахъ, между тѣмъ какъ необходимость въ основательномъ знаніи этого нарѣчія обнаруживается не только на служебномъ поприщѣ, но и въ практической частной жизни, Я призналъ за благо нынѣ повелѣть, въ связи съ преобразованіемъ учебныхъ заведеній, вновь ввести въ училищахъ края русскій языкъ въ число обязательныхъ предметовъ». Въ 1872 году въ Гельсингфорсѣ учрежденъ былъ реальный лицей, для подготовленія молодыхъ людей къ занятію должностей, сопряженныхъ съ знаніемъ русскаго языка. Постановлено было вмѣстѣ съ тѣмъ, что учителями могутъ быть лица и не финляндскаго происхожденія, а также безъ свидѣтельства отъ гельсингфорсскаго университета. Для надзора за преподаваніемъ русскаго языка уставъ 1872 года назначалъ одного экзаменатора, хотя не обязательно русскаго уроженца.

Непослѣдовательность въ постановленіяхъ о русскомъ языкѣ была причиною того, что онъ не могъ утвердиться въ школахъ и сдѣлаться живою существенною частью организма обученія, но всегда считался случайнымъ элементомъ, почти не имѣвшимъ связи съ внутренней жизнію и дѣятельностью школы. Что вводилось однимъ постановленіемъ, отмѣнялось другимъ. Едва русскій языкъ успѣвалъ пустить нѣкоторые корни, какъ снова вырывался и затѣмъ приходилось начинать работу вновь. Непослѣдовательность въ школьной политикѣ неизбѣжно отражалась на образѣ

мыслей въ краѣ. Главная же непослѣдовательность выражалась въ слѣдующемъ: училищные уставы предъявляли все-таки кое-какія требованія по русскому языку отъ будущихъ чиновниковъ, но дѣлопроизводство въ учрежденіяхъ Финляндіи по прежнему оставлялось шведскимъ, т. е. велось на языкѣ пришлаго меньшинства населенія края. Русская власть, оставивъ (послѣ 1809 года) вездѣ шведовъ-чиновниковъ и шведскій языкъ, тѣмъ самымъ поддержала связь Финляндіи съ Швеціей. «Съ этимъ языкомъ и особенно при сохраненіи шведскихъ законовъ, Финляндія продолжала считать центромъ своей общественной и умственной жизни Стокгольмъ, а не Петербургъ. Россія, завоевавъ Финляндію, сохранила и укрѣпила тѣ связи, которыя шведское правительство искусственно создавало, чтобы притянуть финляндскій край къ Швеціи [525]). Все это, конечно, создавало одно лишь отрицательное отношеніе финляндцевъ къ государственному языку. Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣлопроизводство оставалось на шведскомъ языкѣ, университетская консисторія въ 1861 году не безъ основанія указала, что «занятія русскимъ языкомъ повели только къ потерѣ времени и труда безъ соотвѣтствующей пользы, такъ какъ большинство чиновниковъ не имѣетъ случая и надобности пользоваться своими познаніями въ русскомъ языкѣ». А разъ только при опредѣленіи на службу, серьезныхъ и систематическихъ требованій по государственному языку не предъявлялось, то вполнѣ естественно, что учащіеся не обращали на него никакого вниманія, а экзаменаторы легко выдавали свидѣтельства, открывавшія доступъ къ правительственнымъ должностямъ.

Лицъ, сочувствующихъ насажденію государственнаго языка въ финляндской школѣ, было очень мало. Баронъ Котенъ (въ 1872 году), находясь во главѣ училищнаго дѣла, командировалъ профессора русскаго языка въ Остзейскій край, для ознакомленія съ мѣрами, принятыми тамъ для изученія этого языка. Весьма хорошо высказался о русскомъ языкѣ нѣкогда ФабіанъКолланъ, заявивъ: «Русское образованіе для насъ (финновъ) имѣетъ теперь большое значеніе и мы должны съ нимъ освоиться, ибо благодаря русскому національному языку, его литературѣ и всей русской духовной жизни, мы въ состояніи будемъ вполнѣ вѣрно понять нашихъ восточныхъ сосѣдей и ознакомить ихъ съ нами, такъ какъ это познаніе и во внѣшнихъ проявленіяхъ жизни представляется для насъ крайне необходимымъ» [526]). Въ общей массѣ финляндцевъ, воззрѣнія Коллана и стремленія ф.-Котена являлись не болѣе, какъ счастливымъ исключеніемъ. Котенъ находилъ, что

высшее сословіе Финляндіи—шведское дворянство—по рожденію и по своему исключительному положенію признано управлять не только судьбами шведской націи, но и по историческому предопредѣленію оно назначено, въ силу своей высокой образованности, занять выдающееся мѣсто въ русской чиновной сферѣ, а также производить вліяніе на Россію и Скандинавію, особенно при той возможной политической комбинаціи, что Скандинавія когда нибудь станетъ въ федеративныя отношенія къ Россіи. Это воззрѣніе традиціонно было распространено среди дворянскихъ семей Финляндіи и, какъ полагали, вело свое начало отъ извѣстнаго архіепископа времени Александра I—Тенгстрема. Но для того, чтобы дворянство въ состояніи было исполнить свое назначеніе, ему надлежало вполнѣ ознакомиться съ языкомъ той страны, съ которой судьба Финляндіи неразрывна связана. Безъ изученія русскаго государственнаго языка финляндскіе дворяне не могли разсчитывать на занятіе высшихъ должностей даже въ собственной странѣ и потому веденіе ея дѣлъ пришлось бы уступить тѣмъ русскимъ, которые предусмотрительно пріобрѣли познанія въ мѣстныхъ языкахъ Финляндіи.—Какъ на «memento» ф.-Котенъ указывалъ своимъ соотечественникамъ на русскую Александровскую гимназію въ Гельсингфорсѣ, которая, по его предсказанію, должна была послужить колыбелью будущихъ финскихъ государственныхъ мужей (statsmân), въ случаѣ собственныя школы края не будутъ преобразованы въ указанномъ имъ практическомъ направленіи [527]). Руководимый этими воззрѣніями, ф.-Котенъ въ 1872 году, сталъ хлопотать, чтобы русскій языкъ въ учебныхъ планахъ лицеевъ занялъ мѣсто, равное съ однимъ изъ туземныхъ языковъ. По этому поводу публицистъ А. Мерманъ сказалъ: «финны содрагаются отъ такихъ ледяныхъ словъ, которыя родное ставятъ на одну доску съ чѣмъ-то чужимъ. Мертва та нація, которая относится такимъ образомъ къ своему родному, и ни одинъ честный человѣкъ не стерпитъ этого». Имя Котена за эту попытку перешло въ потомство съ дурной славой.

Достаточно взглянуть на карту Финляндіи, чтобы понять какое важное значеніе имѣетъ въ дѣлѣ обороны края запутанный шхерный лабиринтъ. Ихъ фарватеръ въ состояніи знать только люди, выросшіе среди этихъ острововъ. Между тѣмъ финляндское лоцманское вѣдомство находится внѣ всякой почти зависимости

отъ русскихъ военныхъ законовъ и морского вѣдомства и вслѣдствіе этого ключъ отъ морской границы сѣвернаго Финскаго побережья и пути, ведущаго прямо къ столицѣ имперіи, находится не въ русскихъ рукахъ. Въ интересахъ обороны государства, конечно, желательно, чтобы эти шхеры служили крѣпкой опорой русскому флоту въ дни его борьбы съ могущественнымъ непріятелемъ. Лоцманская часть Выборгской губерніи подчинялась морскому вѣдомству и состояла на его иждивеніи. Но въ февралѣ 1857 года и ее подчинили финляндскому лоцманскому управленію, въ видахъ единообразія. Сдѣлано это было съ согласія Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала. Директоръ гидрографическаго департамента (въ 1855. г.) находилъ, что черезъ это соединеніе «лоцмана старой Финляндіи, далеко отставшіе отъ новофинляндскихъ, соединясь подъ одно управленіе, скорѣе переймутъ отъ нихъ морскую смѣтливость и бойкость».

Лоцманское и маячное вѣдомство (по уставу 9 мая 1870 г.) устроено въ видѣ военнаго учрежденія, что выражается въ томъ, что офицерскіе его чины носятъ военную форму и за упущенія по службѣ отвѣтственны передъ военнымъ закономъ. Но все это въ дѣйствительности обращено въ пустой звукъ. Вся зависимость вѣдомства сводится къ обязанности «сообщать» гидрографическому департаменту морского министерства объ измѣненіяхъ въ финляндской лоціи. Отсутствіе прочной связи лоцманскаго вѣдомства съ морскими учрежденіями имперіи приводило къ значительнымъ недоразумѣніямъ. Наконецъ въ 1873 году морское министерство (Краббе) заявило о несостоятельности финляндскаго лоцманскаго вѣдомства къ полному обезпеченію для военныхъ судовъ безопаснаго плаванія по шхернымъ фарватерамъ.

Государь Императоръ Александръ Николаевичъ тогда-же призналъ необходимымъ,—какъ гласитъ его резолюція отъ 19 февраля 1873 года: «войти въ соглашеніе съ статсъ-секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго о подчиненіи на будущее время лоцманскаго и маячнаго вѣдомства Финляндіи, въ военно-морскомъ отношеніи, морскому министерству». Въ томъ же году броненосный фрегатъ «Адмиралъ Чичаговъ» сѣлъ на мель въ шхерахъ и потому Высочайше повелѣно было «ускорить движеніе» дѣла по подчиненію лоцмановъ. Вице-адмиралъ Рудаковъ, тогдашній командиръ Свеаборгскаго порта, предлагалъ всецѣло подчинить финляндскихъ лоцмановъ морскому министерству, изъявъ ихъ вовсе изъ вѣдѣнія финляндской администраціи и соединивъ должность лоцъ-директора съ должностью командира Свеаборгскаго порта. Осо-

бая смѣшанная комиссія, созванная по Высочайшему повелѣнію подъ предсѣдательствомъ товарища управляющаго морскимъ министерствомъ, встрѣтилась прежде всего съ настойчивымъ протестомъ своихъ финляндскихъ членовъ (сенатора Гартмана, доктора правъ Цилліакуса и капитана Крогіуса); въ поданной ими запискѣ въ общихъ выраженіяхъ ссылались на свои «основные законы», не допускающіе подчиненія финляндскаго учрежденія имперскому министерству. Вмѣсто «подчиненія» ограничились «нѣкоторыми улучшеніями» и когда, благодаря вліянію графа Армфельта, центръ тяжести работъ былъ перемѣщенъ въ Финляндію, то все кончилось простымъ контролемъ со стороны морского министерства за дѣятельностью финляндскаго лоцманскаго вѣдомства, контролемъ, сводившимся къ взаимному обмѣну циркуляровъ.

Болѣе благопріятные результаты достигнуты были въ области матеріальной, такъ какъ Финляндія отпустила 500 тысячъ марокъ на промѣры, дала 650 тысячъ марокъ на плавучій маякъ, выдавала затѣмъ значительныя суммы на другіе маяки. Но финляндцы крѣпко продолжали стоять на томъ, чтобы лоцманское вѣдомство оставалось финляндскимъ учрежденіемъ [528].

Общій видъ Гельсингфорса.
(1871 г.).

X. Періодъ выставки и Турецкой войны.

Въ 1875 г. сошелъ съ политической арены гр. Армфельтъ. О немъ приходилось часто упоминать и это обязываетъ насъ дать характеристику этого дѣятеля. Современники графа и финляндскіе писатели многократно подводили итоги его службы и оцѣнивали его заслуги передъ родиной. Предоставляемъ поэтому имъ слово.

Графъ Александръ Армфельтъ одинъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей эпохи преобразованій въ Финляндіи. «Геніальностью или даже какими либо особенно выдающимися служебными способностями онъ не отличался, а равно не выдавался также ни обширностью, ни глубиною своихъ познаній». Но онъ пользовался большимъ довѣріемъ Государя, а въ этомъ едва ли не главный секретъ его сильнаго вліянія на политическую жизнь края.

Александръ Армфельтъ былъ вторымъ сыномъ весьма извѣстнаго въ исторіи сѣвера шведскаго генералъ-лейтенанта, впослѣдствіи русскаго члена государственнаго совѣта и предсѣдателя комиссіи финляндскихъ дѣлъ барона, а затѣмъ графа Густава Маурица Армфельта и Гедвиги Ульрики Делагарди, происходившей по прямой линіи отъ Якова Понтуса Делагарди. Онъ родился въ 1794 году въ Ригѣ; по словамъ его—при въѣздѣ въ городъ, на мосту. Послѣ 2-хъ лѣтняго ученія въ Упсалѣ (1810 г.), Александръ Армфельтъ вмѣстѣ съ своимъ старшимъ братомъ былъ посланъ въ Эдинбургскій университетъ, чтобы тамъ научиться англійскому языку. Въ 1813 году Александръ Армфельтъ записался студентомъ въ Або и, какъ разсказываютъ, вскорѣ сдѣлался львомъ той эпохи. Послѣ смерти отца, онъ въ 1814 году перешелъ на военное поприще и назначенъ колоно-вожатымъ по генеральному штабу и состоящимъ при тогдашнемъ финляндскомъ генералъ-губернаторѣ Фабіанѣ Штейнгель. Онъ продолжалъ военную службу

до 1827 года, когда былъ уволенъ въ отставку съ чиномъ капитана гвардіи.

Назначенъ товарищемъ министра статсъ-секретаря въ 1835 году, а министромъ въ 1842 году.

Графъ Александръ Армфельтъ почти 35 лѣтъ занималъ довѣренный постъ при Особѣ Императора по дѣламъ Финляндіи. Въ этотъ періодъ произошли важнѣйшія перемѣны въ политическомъ отношеніи, пережитыя Финляндіей послѣ 1809 года. Сперва господствовала система, мало благопріятствовавшая проявленію личной иниціативы. Въ дѣятельности правительства господствовала таинственность, которая только по временамъ дозволяла совершившимся уже фактамъ являться предъ судомъ общественнаго мнѣнія. Въ царствованіи Николая I, подъ ферулою графа Закревскаго и князя Меншикова, въ Финляндіи никто не осмѣливался возбуждать политическихъ вопросовъ или думать о реформахъ. Даже такія лица, какъ графы Ребиндеръ и Армфельтъ, не высказывали прямо своихъ мыслей, а являлись безмолвными исполнителями повелѣній Государя.

Николай I назначилъ Армфельта докладчикомъ съ повелѣніемъ «воздерживаться отъ всякихъ интригъ». Въ виду этого приказанія, а также и вслѣдствіе природной склонности, графъ Армфельтъ вообще держалъ себя осторожно и обдуманно. Во все это царствованіе онъ былъ покорнымъ слугой князя Меншикова и въ случаѣ столкновеній съ какимъ либо вѣдомствомъ, уклонялся отъ борьбы или обходилъ затрудненія. При Николаѣ I онъ старался имѣть въ статсъ-секретаріатѣ русскихъ чиновниковъ, женился на русской, дѣтей крестилъ въ православную вѣру [529]).

Съ кончиной Императора Николая I, дѣятельность графа Армфельта совершенно измѣнилась. «Правительственные акты, кои сдѣлались оплотомъ національной финляндской независимости и ихъ конституціоннаго устройства, безъ котораго труды и стремленія финскаго народа остались бы безъ воздуха и солнца»,— контрасигнированы имъ. Всѣ внѣшнія мѣры, которыя въ этотъ періодъ создали новую жизнь и новую надежду на будущее, въ послѣдней стадіи были доложены и необходимость ихъ истолкованы Императору и Великому Князю Армфельтомъ [530]). «Сколь бы могуществен и великодушенъ ни былъ правитель, сколь бы ему ни принадлежала преимущественная доля чести въ этомъ великомъ дѣлѣ, которое занесется на страницы исторіи—участіе ближайшаго совѣтника также займетъ важное мѣсто въ лѣтописяхъ. Онъ могъ установить и подавить. Онъ могъ способствовать и благопріятствовать. Онъ сдѣлалъ послѣднее».

Осторожность и тактика графа Армфельта характеризуется слѣдующимъ случаемъ. Однажды, подавая графу Армфельту бумаги, подчиненный ему по статсъ-секретаріату спросилъ, не нужно ли объ этомъ сообщить для свѣдѣнія въ подлежащія вѣдомства. Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ надобности и привѣтливо сказалъ: «чѣмъ меньше насъ (т. е. Финляндію и недостатки финляндцевъ) знаютъ, тѣмъ лучше». Армфельтъ устроилъ такъ, что въ Россіи ничего не знали почти о Финляндіи и не слыхали, такъ какъ цензура русскихъ статей объ этой окраинѣ держалась въ статсъ-секретаріатѣ, да и вообще Армфельтъ не мало содѣйствовалъ усиленію строгости цензуры того времени.

Одаренный отъ природы здравымъ умомъ и въ то же время не страдая претензіей на непогрѣшимость, Армфельтъ охотно слѣдовалъ совѣтамъ и указаніямъ лицъ, патріотизму и опытности которыхъ онъ довѣрялъ (Спельмана, Нервандера и др.) По этой же причинѣ графъ Армфельтъ, состоя министромъ статсъ-секретаремъ, все время велъ обширную переписку съ разными лицами въ Финляндіи, желая быть освѣдомленнымъ относительно всего, что происходило внутри страны. Онъ получалъ отъ родственниковъ и другихъ близкихъ ему лицъ исправныя еженедѣльныя хроники, часть которыхъ наполнены были сплетнями и давали матеріалъ для хорошо разсказываемыхъ имъ исторій. Желая быть хорошо освѣдомленнымъ, графъ Армфельтъ высказался въ 1857 г. въ пользу учрежденія вновь комитета по финляндскимъ дѣламъ въ Петербургѣ, упраздненнаго въ 1826 году. Занимая отвѣтственный постъ, онъ хорошо понималъ, какую пользу могъ извлекать изъ мнѣній компетентныхъ членовъ этого комитета, особенно по дѣламъ законодательнаго и административнаго характера. Армфельтъ особенно чаровалъ тою обходительностью и тѣми изящными манерами, которыя столь необходимы для людей высокопоставленныхъ, почему ему удавалось осуществить многое, что для иныхъ, менѣе свѣтскихъ людей, могло бы оказаться не по силамъ, хотя бы эти послѣдніе и обладали болѣе солидными познаніями.

Пріемы и качества Армфельта, принесшіе столь обильные плоды Финляндіи, рекомендуются теперь, какъ обязательные для министровъ статсъ-секретарей. «Первымъ свойствомъ, необходимымъ для финляндскаго дѣятеля въ Петербургѣ, должно быть умѣнье войти въ хорошія, пріятельскія отношенія къ власть имущимъ лицамъ». Пользоваться неизмѣннымъ довѣріемъ Монарха, умѣть терпѣливо подготовлять, выжидать и затѣмъ уловить благопріятный моментъ и хорошо воспользоваться наличнымъ настрое-

ніемъ.. Въ оцѣнкѣ качествъ министра статсъ-секретаря среди финляндскихъ писателей прежнихъ и современныхъ нѣтъ разногласія. «Мы съ полнымъ основаніемъ считали, пишетъ послѣдній изъ нихъ по времени, что взаимоотношенія обѣихъ странъ требуютъ, чтобы царь и великій князь былъ единственнымъ русскимъ, который долженъ и можетъ имѣть вліянія на финляндскія дѣла». Но событія послѣднихъ лѣтъ убѣдили финляндцевъ, что не самодержавная власть оберегла ихъ отъ русскихъ посягательствъ и проектовъ нивелировки, а министры статсъ-секретари и прежде всего «то довѣріе, которое умѣли они возбудить къ себѣ». Это довѣріе давало имъ возможность использовать обстоятельства на благо Финляндіи [531]).

Въ теченіе долгаго времени, будучи докладчикомъ Государя Наслѣдника по дѣламъ Александровскаго университета, онъ имѣлъ возможность узнать его «либеральный образъ мыслей», сблизиться съ Нимъ и пріобрѣсти Его довѣріе. Со времени вступленія Его Величества на престолъ, графъ Армфельтъ сталъ обнаруживать свою самостоятельность и давать дѣламъ такое направленіе, какое считалъ полезнымъ для Финляндіи. При первомъ докладѣ Ему уже какъ Императору, когда Александру II поднесено было для подписанія обычное удостовѣреніе финляндскихъ привилегій, Армфельтъ осмѣлился доложить Государю въ главныхъ чертахъ образъ правленія въ Финляндіи, разсказать о тѣхъ надеждахъ, которыя питались финляндцами на введеніе въ дѣйствіе болѣе полной конституціи, обрисовать особенное положеніе страны въ отношеніи къ Россіи и пр. Одинъ изъ его подчиненныхъ говорилъ: «Я увѣренъ, что при докладахъ Государю онъ ничего не скрывалъ», но, излагая и объясняя дѣло, можно высказываться и въ одномъ и въ другомъ духѣ, а также давать то или другое освѣщеніе и направленіе. Изъ присущей ему осторожности въ дѣлахъ вытекала и его практика. Если онъ чего либо желалъ достигнуть, то никогда прямо не начиналъ дѣла, а предварительно, какъ бы мимоходомъ, изслѣдовалъ почву. Случалось, что изслѣдованія возобновлялись и при томъ не однажды. Закончивъ ихъ, онъ приступалъ къ дѣлу. Часто, напр., по дѣламъ о монетѣ, сеймовомъ уставѣ онъ устранялся отъ иниціативы, стараясь быть на второмъ планѣ, изъ желанія достигнуть цѣли. Кажется только однажды онъ выступилъ открыто предъ Государемъ противъ графа Берга, но и тутъ предварительно дѣйствовали и подготовляли дѣло бароны Котенъ и Шернваль-Валленъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ онъ не былъ явнымъ иниціаторомъ, а предоставлялъ починъ или

самому Государю, или представлялъ дѣло, какъ требованіе силы обстоятельствъ. Въ качествѣ докладчика, онъ съ большой ловкостью пользовался обстоятельствами: замѣтивъ, что обстановка не благопріятствовала тому или другому дѣлу, онъ тотчасъ переставалъ настаивать, терпѣливо выжидая болѣе удобнаго момента. «Такъ, напр., онъ болѣе трехъ лѣтъ держалъ въ своемъ портфелѣ важный вопросъ о пересмотрѣ нашихъ законовъ», читаемъ въ книгѣ «Oma ma» (стр. 106). Рѣчь идетъ, очевидно, о сводѣ финляндскихъ законовъ, каковымъ дѣломъ руководилъ графъ Блудовъ. «Долго съ безпокойствомъ ожидавшееся рѣшеніе представило, наконецъ, возможность сохранить законы 1734 года безъ измѣненій: пересозданіе ихъ по русскому образцу было оставлено». Съ другой стороны онъ никогда не позволялъ себѣ рѣзко отвергать предложенія, исходящія отъ другихъ лицъ, хотя бы и считалъ ихъ невыгодными для края, но всегда, въ концѣ концовъ, успѣвалъ повернуть дѣло такъ, что окончательное рѣшеніе вопроса по тѣмъ или инымъ соображеніямъ откладывалось до времени, болѣе благопріятнаго данному дѣлу. . . Любимой его поговоркой было изреченіе «кто выигрываетъ время, тотъ выигрываетъ все». Согласно такому житейскому правилу, онъ избѣгалъ всего, что могло коголибо оскорбить, онъ искусно лавировалъ среди общественныхъ мелей и утесовъ, выбрасывая якорь при первомъ противномъ вѣтрѣ и подымалъ паруса при благопріятномъ горизонтѣ. Въ Армфельтѣ вовсе не было того, чѣмъ такъ богата была натура его предмѣстника гр. Ребиндера:—желѣзной воли и самостоятельнаго характера [532]). Армфельтъ крайне неохотно касался щекотливыхъ темъ въ письмахъ, даже къ самымъ приближеннымъ людямъ, а всегда предпочиталъ въ подобныхъ случаяхъ устный обмѣнъ мнѣній. Искусно пользовался онъ также совѣтами разныхъ лицъ, иногда далеко не одинаковыхъ воззрѣній. Часто ему удавалось доводить проекты до благополучнаго окончанія лишь при помощи эластичной настойчивости, не впадая въ суетливую поспѣшность. Проведя значительную часть своей жизни въ придворныхъ сферахъ Петербурга и близко ознакомившись съ тѣми трудностями, которыя проистекали изъ особаго политическаго положенія Финляндіи, Армфельтъ понималъ многое гораздо глубже, чѣмъ остальные финляндцы. Заботясь постоянно о томъ, что-бы со стороны финляндцевъ не допускалось ничего, что могло бы оскорбить русское общественное мнѣніе, а главное ничего, что могло бы вызвать неудовольствіе гуманнаго Монарха, отъ доброй воли котораго въ столь значительной сте-

пени зависѣло дальнѣйшее развитіе края, онъ нерѣдко придавалъ меньшее значеніе обстоятельствамъ и фактамъ, которые въ самой Финляндіи считались важными. Ласковый, предупредительный со всѣми, онъ не любилъ отпускать отъ себя просителя недовольнымъ, почему нерѣдко давалъ и такія обѣщанія, которыхъ впослѣдствіи не могъ исполнить [533]).

Яркую черту къ характеристикѣ Армфельта вноситъ Снельманъ, близко его изучившій. «Когда графъ Армфельтъ посѣщалъ меня въ гостинницѣ въ Петербургѣ, гдѣ я жилъ, то онъ могъ цѣлый часъ говорить такъ откровенно о вещахъ и лицахъ, что я иногда столбенѣлъ отъ его откровенности. Отвѣтственность передъ Монархомъ и страной не мала. Но нравъ и характеръ графа не знали такой отвѣтственности, такъ же какъ не знали и честолюбія, хотя онъ и умѣлъ поддерживать достоинство своей службы» [534]).

18-го апрѣля 1874 года министру статсъ-секретарю графу Армфельту исполнилось 80 лѣтъ. Этотъ день былъ праздничнымъ днемъ для всей Финляндіи. Графу посланы были и адресы, и депутаціи. Монархъ пожаловалъ ему Андреевскую звѣзду съ брилліантами [535]). Это чествованіе было искреннимъ выраженіемъ общественнаго чувства, которое съумѣло оцѣнить его «дорогую службу» для финляндскаго отечества. Съ теченіемъ времени симпатіи края возросли къ Армфельту, а довѣріе Монарха не прерывалось. Въ русскихъ и иностранныхъ сферахъ Петербурга, въ коихъ вращался, онъ неизмѣнно пользовался уваженіемъ и вниманіемъ, какъ гуманный, дѣльный и вмѣстѣ съ тѣмъ тонкій свѣтскій человѣкъ.

Въ другихъ странахъ, гдѣ министры часто мѣняются, всегда бываетъ много лицъ, которыя въ состояніи быть ихъ преемниками. Иначе поставлено дѣло въ Финляндіи, гдѣ качества, кои требуются отъ высокаго призванія министра статсъ-секретаря, чрезвычайно рѣдки. Къ счастію Финляндіи, она пережила въ своемъ родѣ исключительныя обстоятельства: въ теченіе 65 лѣтъ только два финскихъ дѣятеля занимали этотъ почетный и важный постъ.

11-го мая 1875 года съ нимъ сдѣлался ударъ. Послѣ этого онъ нѣсколько поправился, но не на долго. 8-го января 1876 года онъ скончался. Александръ II посѣтилъ его передъ его смертью. Дѣла статсъ-секретаріата свидѣтельствуютъ, что Государь Императоръ проявилъ къ нему много личнаго расположенія. Графъ Армфельтъ просилъ, напр., позволенія представиться Его Величеству. «Радъ буду васъ принять въ понедѣльникъ въ $^1/_2$12 ч. въ Зимнемъ Дворцѣ» (22 ноября—4 декабря 1874 г.)—отвѣ-

тилъ Монархъ собственноручной надписью. Когда врачи изслѣдовали графа Армфельта и рекомендовали уѣхать на воды, Государь надписалъ: «Дай Богъ, чтобы онъ могъ прожить до весны» (сент. 1875 г.). Графъ Ал. Армфельтъ возвратился въ Петербургъ больной. Донесли Государю и Онъ начерталъ: «убѣдительно прошу графа Армфельта не утомлять себя дѣлами». Узнавъ о томъ, что по нездоровью Армфельтъ не въ силахъ лично представиться Его Величеству—Государь милостиво надписалъ: «весьма сожалѣю» [536]).

Замѣстителемъ гр. Армфельта былъ избранъ баронъ Шернваль-Валленъ.

До 1876 года Финляндія принимала только болѣе или менѣе дѣятельное участіе какъ въ русскихъ большихъ мануфактурныхъ выставкахъ, которыя поочередно устраивались въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ международныхъ выставкахъ по русскому ихъ отдѣлу; но мѣстныхъ большихъ промышленныхъ выставокъ, которыя знакомили-бы всесторонне и полно съ характеромъ и строемъ всей финляндской производительности, до 1876 года въ краѣ не было. По временамъ открывались только общія или мѣстныя выставки однихъ продуктовъ сельскаго хозяйства. Въ шестидесятыхъ годахъ, въ средѣ мѣстной интеллигенціи, возникла мысль объ устройствѣ выставки, но голодъ, посѣтившій край, и другія неблагопріятныя обстоятельства препятствовали осуществленію этой мысли. Иниціатива устройства первой общей финляндской выставки принадлежитъ нѣкоторымъ негоціантамъ и болѣе крупнымъ финляндскимъ фабрикантамъ, которые были и самыми дѣятельными ея организаторами. Средства (около 400.000 марокъ) для осуществленія этой мысли собраны были по подпискѣ между тѣми же лицами, а сенатъ финляндскій пришелъ лишь на помощь частной иниціативѣ, гарантируя покрытіе расходовъ до 150.000 марокъ, если они превзойдутъ эту цифру [537]).

Зданіе было построено въ гельсингфорсскомъ городскомъ саду Брунсъ-паркѣ изъ одного только дерева. Къ началу іюля все было готово, и финляндцы нетерпѣливо ожидали открытія первой обще-финской выставки, посредствомъ которой,—по словамъ мѣстнаго сенатора Борна,—Финляндія должна вступить въ число европейскихъ странъ. На торжествѣ открытія предсѣдатель выставочнаго комитета, сенаторъ Борнъ, прочелъ на шведскомъ языкѣ отчетъ по устройству выставки. Хоръ пропѣлъ сочиненную мѣст-

нымъ поэтомъ приличествующую случаю кантату. Когда прозвучали послѣдпія ея ноты, графъ Адлербергъ произнесъ краткую рѣчь на французскомъ языкѣ, въ которой объявилъ выставку открытой. Раздались звуки «Vårt land», на флагштокахъ зданія взвились флаги и началась пальба изъ пушекъ. Итакъ, русскій генералъ-губернаторъ открылъ выставку на языкѣ дипломатовъ и не озаботился тѣмъ, чтобы своды ея огласились звуками національнаго русскаго гимна [538]). Все это какъ нельзя болѣе характеризуетъ графа Н. В. Адлерберга 3-го.

«Выставка изобразила Финляндію страною вовсе не столь бѣдною въ промышленномъ отношеніи, какъ обыкновенно думали»,—писалъ членъ русскаго вольно-экономическаго общества В. Э. Иверсенъ. «Я слышалъ отъ многихъ иностранныхъ посѣтителей выставки, что если-бы взять любыя 8 коренныхъ русскихъ губерній съ гораздо большимъ населеніемъ и пользующихся лучшими климатическими и почвенными условіями, то онѣ не могли бы устроить столь богатую выставку изъ своихъ мѣстныхъ произведеній».

Выставка явилась экзаменомъ и отчетомъ новаго курса, а не моднымъ оттягивающимъ пластыремъ. Выставка имѣла ближайшею цѣлью развернуть передъ ея посѣтителями успѣхи въ «искусствахъ и промышленности». Отдѣлъ изящныхъ искусствъ полностію отразилъ художественный уровень края. На немъ преобладалъ пейзажъ кисти Мунстергельма, Линдгольма, Оскара Клейна, Хольмберга, Янсона и др. Въ пейзажной и жанровой живописи финляндцы сдѣлали несомнѣнные успѣхи. Были между ними дѣйствительные таланты, шедшіе по вѣрному пути реальнаго воспроизведенія жизни. «Но покуда,—писалъ русскій обозрѣватель В. И. Ассоновъ,—творчество ихъ ограничивается лишь изображеніемъ мѣстной природы и небольшихъ сценъ изъ народнаго быта, въ другихъ-же болѣе трудныхъ отрасляхъ живописи, напр. исторической, они себя еще ничѣмъ не заявили». Художественный отдѣлъ отличался преимущественно поразительно вѣрными пейзажами мѣстной природы.

Другая часть выставки охарактеризована русскими посѣтителями также очень сочувственно и въ пользу финляндцевъ. Продукты лѣсоводства, охоты и рыбной ловли занимали весьма видное мѣсто и давали понятіе о состояніи лѣсного хозяйства, но въ расположеніи продуктовъ не было соблюдено надлежащаго порядка. По самому свойству страны, рыболовство и охота составляли не только занятіе вынужденное и прибыльное, но и предметъ развлеченія [539]).

Садоводство, огородничество и пчеловодство были мало развиты въ краѣ, въ силу климатическихъ условій страны. Цѣлыя груды бумаги и картона свидѣтельствовали о значительномъ развитіи въ Финляндіи писчебумажнаго производства. Дѣйствительно, уже въ 1866 году Финляндія могла отпустить заграницу на 99.000 руб. бумаги и картона, а къ 1875 году стоимость вывоза дошла до 733.500 рублей.

Учебныя принадлежности и ученическія работы были выставлены 456-ю экспонентами! Это показываетъ большой интересъ къ важному дѣлу края.

Русскіе посѣтители были стѣснены при обзорѣ выставки отсутствіемъ каталога, который былъ изданъ только на шведскомъ языкѣ [540]).

«Финская мануфактурная и художественная выставка въ 1876 году составила вѣнецъ того подвига, который совершилъ финляндскій народъ и правительство въ послѣдніе двадцать лѣтъ; выставка явилась доказательствомъ ихъ крѣпости и силы, ихъ мужества и надежды на будущее. Выставка была тоже своего рода сеймомъ, на которомъ громко слышался голосъ народа».

«Небольшой чистенькій и скромный городокъ Гельсингфорсъ никогда еще не казался такимъ оживленнымъ, какъ за послѣднюю недѣлю». На рейдѣ сосредоточилась вся бронепосная эскадра подъ флагомъ адмирала Бутакова и всѣ отдѣльные учебные отряды. Все это оживило Гельсингфорсъ и придало ему своеобразный видъ. Гельсингфорсъ принарядился и ожидалъ Высокихъ гостей.

Императоръ Александръ II былъ семь разъ въ Финляндіи: три раза будучи Наслѣдникомъ престола (1842, 1851, 1854 г.) и четыре раза императоромъ (1856, 1863 (два раза) и 1876 году). Теперь онъ пріѣхалъ въ Гельсингфорсъ вечеромъ 2—14 іюля, вмѣстѣ съ Императрицей, Наслѣдникомъ престола и Его супругой, съ Своей дочерью Маріей Александровной, тогда уже герцогиней Эдинбургской, и многими другими лицами царствующаго дома. Дождь нѣсколько мѣшалъ общему торжеству, но народу всюду было много въ движеніи. Внутренній рейдъ до острова Лон-э, равно какъ и всѣ улицы города представляли алеи флаговъ всѣхъ цвѣтовъ и узоровъ, преобладалъ однако русскій. Банкъ давалъ 399, 95 за 100 руб.; въ гостинницахъ русскій рубль принимали за 4 марки [541]). «Государь постарѣлъ, корона была тяжела, война стояла у предверія государства. Но онъ увидѣлъ,—писалъ Топеліусъ,—успѣхи своей Финляндіи за время мирнаго своего правленія. Онъ увидѣлъ искусство техники, которое въ трудныя времена

должно было замѣнить охваченные морозомъ снопы полей. Онъ увидѣлъ въ рисункахъ и картинахъ неожиданно роскошно распустившійся цвѣтокъ культуры. Его взоръ просвѣтлѣлъ: онъ увидѣлъ передъ собой плоды новой жизни, которую онъ вызвалъ въ Финляндіи, и награжденіемъ ему была та неподдѣльная любовь, которая объяла его со всѣхъ сторонъ».

На другой день погода болѣе благопріятствовала праздничному настроенію города. Уже въ 8 час. утра жители могли видѣть Монарха одного, прогуливающагося по Эспланадной улицѣ. Принимая (3-го іюля) членовъ сената, Государь представилъ имъ своего Наслѣдника, съ пожеланіемъ, чтобъ то довѣріе, которое всегда господствовало между нимъ и финляндскимъ народомъ, продолжалось и въ царствованіе его сына.

3-го же числа Императоръ осмотрѣлъ выставку. По осмотрѣ ея Государь Императоръ и Наслѣдникъ Цесаревичъ изволили посѣтить русскую Александровскую гимназію, въ которой собраны были всѣ преподаватели и до ста учениковъ. Кромѣ гимназіи Его Величество и Его Высочество посѣтили военный госпиталь. Во время царскаго обѣда во дворцѣ мѣстныя пѣвицы Базилье, Фострёмъ и Энгдаль исполнили лучшія нумера своего репертуара. Когда Государь и члены Императорской фамиліи показались на балконѣ дворца, при громкихъ кликахъ ура, студенты пропѣли на финскомъ языкѣ русскій народный гимнъ, послѣ этого «Нашъ край» (Vårt land) и, въ честь Цесаревны (Дагмары)—датскій гимнъ. Императоръ сказалъ по-шведски—«благодарю». Вечеромъ Императоръ, Наслѣдникъ съ супругой и Герцогиня Марія Александровна посѣтили шведскій театръ, а на слѣдующій день большое народное гулянье въ Тёлескомъ паркѣ, гдѣ опять исполнялись русскій и датскій гимны и «Vårt land». Отдѣльный хоръ составили воспитанники морского училища.—5-го іюля Государь благоволилъ отправиться утромъ по желѣзной дорогѣ въ Тавастгусъ, гдѣ въ лагерѣ Парола произвелъ смотръ, и въ тотъ же день вернулся въ Гельсингфорсъ, а вечеромъ изволилъ отплыть на яхтѣ «Держава» въ Петергофъ. Наслѣдникъ съ супругой остались еще на одинъ день.

Посѣщеніе высочайшими особами Гельсингфорса оставило по себѣ замѣтное впечатлѣніе на мѣстныхъ жителяхъ. Надо сказать, писалъ русскій корреспондентъ, что до сихъ поръ всегда замѣчался нѣкоторый антагонизмъ, существовавшій между русскимъ и финляндскимъ населеніемъ; правда, этотъ антагонизмъ не билъ такъ рельефно въ глаза наблюдателя, какъ это замѣчалось въ Остзей-

Выставка 1876 г. въ Гельсингфорсѣ и типы ея посѣтителей.

скомъ краѣ, но, во всякомъ случаѣ, никто не станетъ отрицать существованія нѣкоторой непріязненности финляндцевъ къ русскимъ. Мы нарочно присматривались къ отношеніямъ финляндцевъ къ русскимъ за послѣдніе дни и должны сознаться, что замѣчавшаяся непріязненность, по крайней мѣрѣ, въ это время совершенно стушевалась [542]).

30-го іюля (н. ст.) 1876 года, Шернваль-Валленъ писалъ барону К. фонъ-Котену: «Ты уже знаешь изъ газетъ, что царское посѣщеніе превзошло всякія ожиданія, что все прошло великолѣпно, что Его Величество остался чрезвычайно доволенъ порядкомъ у насъ, поведеніемъ народа и той радостью Его пріѣзду, которую выражали всѣ лица. Удивлялись также тому такту, съ какимъ выступало общество, студенты, которые явились пропѣть «Боже Царя храни» въ финскомъ переводѣ; подано не болѣе трехъ прошеній, и тѣ объ опредѣленіи сыновей въ военную службу. Эти три памятныхъ дня доставили Ему такое искреннее удовольствіе, что Онъ еще вчера говорилъ мнѣ о своемъ полномъ удовлетвореніи. Объ этомъ всѣ говорятъ, даже въ русскомъ обществѣ. Я имѣлъ случай (когда переводилъ посвященные Ему въ Выборгѣ стихи Лагуса) обратить Его вниманіе на то, что за все видѣнное Имъ и признанное хорошимъ на выставкѣ, мы должны быть благодарны Ему и Его правленію въ теченіи двадцати лѣтъ; ибо и локомотивы, и механическія работы, произведенія изъ майолики, ткани и пр., все относится къ тому времени, а также и успѣхи школъ. Отъ удовольствія у него навернулись слезы на глазахъ, и онъ въ милостивыхъ словахъ высказалъ мнѣ свое удовольствіе; народный праздникъ тоже сошелъ очень хорошо, публика выказала чрезвычайно хорошее поведеніе, и требовался лишь одинъ полицейскій для поддержанія порядка и указанія мѣстъ. Ни одинъ изъ этихъ признаковъ порядка не ускользнулъ отъ него, и онъ сказалъ мнѣ, что съ момента пріѣзда къ границѣ, онъ встрѣчалъ одни лишь веселыя лица и что въ порывѣ радости вездѣ протягивали ему букеты изъ полевыхъ цвѣтовъ. И Императрица была въ восторгѣ въ первый разъ видѣть страну. Дагмарѣ студенты пропѣли датскій гимнъ; за такое вниманіе Его Величество просилъ ее выйти на балконъ въ знакъ благодарности. Ея благодареніе не было слышно, потому что пѣли, но она аплодировала, и это привело публику въ восторгъ. На все посѣтители обратили вниманіе. Еслибъ мнѣ вздумалось привести здѣсь всѣ лестные отзывы, которые мнѣ пришлось выслушать, то конца не предвидѣлось бы моему разсказу объ удовольствіи, достаточно прибавить,

что пріемъ вполнѣ удался и что Цесаревна третьяго дня еще разъ мнѣ выразила свое удовольствіе, увидѣвъ нашъ край, который она нашла столь схожимъ съ Даніей. Великій Князь Наслѣдникъ сказалъ своимъ родителямъ, что слѣдуетъ ознакомиться съ центромъ края, чтобъ имѣть понятіе о его красотахъ. Обѣщано вернуться, и Наслѣдникъ намѣренъ купить себѣ имѣніе въ шхерахъ. Такимъ образомъ успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія. Видимо Богъ насъ хранитъ, воздадимъ Ему славу, а мы должны быть довольны» [543]).

Выставку посѣтило до 100.000 человѣкъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ царскаго посѣщенія наиболѣе распространенная газета Россіи помѣстила передовую статью, въ которой значилось: «пребываніе въ Гельсингфорсѣ возбудило въ жителяхъ живѣйшую радость. 13 лѣтъ прошло съ того времени, какъ Государь въ послѣдній разъ посѣтилъ Финляндію». Со времени сейма 1863 г. Государь совершилъ рядъ великихъ преобразованій на благо своихъ разноплеменныхъ народовъ. Далѣе слѣдуетъ выписка изъ статьи финляндскаго писателя: «Въ теченіи 13 лѣтъ нашъ общій монархъ, безъ сомнѣнія, неоднократно имѣлъ случай познать, какъ тяжело бремя короны. Но для насъ утѣшительно имѣть право высказать убѣжденіе, что по крайней мѣрѣ Финляндія и ея жители не увеличили заботъ своего повелителя и не способствовали усиленію для него бремени этихъ заботъ. Финляндія можетъ съ чистою совѣстью, искренно и отъ всего сердца привѣтствовать своего Императора и Великаго Князя при настоящемъ его посѣщеніи; населеніе въ правѣ питать увѣренность, что оно честно стремилось къ исполненію своихъ обязанностей, какъ граждапъ своей страны, а также по возможности и тѣхъ обязательствъ, которыя вытекаютъ изъ отношеній родины къ великой имперіи. Во все продолженіе нынѣшняго царствованія, неизмѣнно наслаждаясь полнѣйшимъ внутреннимъ спокойствіемъ, Финляндія употребила это время настолько съ пользой для себя, что,—какъ о томъ свидѣтельствуетъ нынѣшняя выставка,—умѣла довести развитіе земледѣлія, промышленности и торговли до удовлетворительныхъ результатовъ, не смотря на суровыя почвенныя и климатическія условія». Финляндія, -прибавляетъ «Голосъ»,—дѣйствительно доказала свою политическую зрѣлость въ умѣніи пользоваться широкими правами и преимуществами ей дарованнаго конституціоннаго самоуправленія [544]).

Судьба родственныхъ Россіи славянскихъ племенъ на Балканскомъ полуостровѣ всегда привлекала вниманіе и сочувствіе русскаго народа и правительства. Изъ этихъ племенъ въ 60-хъ годахъ сербы, румыны и черногорцы добились нѣкоторой самостоятельности; не такова была участь славянъ въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи. Здѣсь турецкій гнетъ и произволъ царилъ во всей своей необузданности, вызывая частыя отчаянныя возстанія жителей, доведенныхъ до крайности. Въ 1874 году вспыхнуло возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ. Пламя его охватило скоро сосѣднія Сербію и Черногорію. Славянскіе комитеты поддержали инсургентовъ волонтерами, оружіемъ и деньгами. Въ ряды сербской арміи потянулись тысячами русскіе добровольцы, и, наконецъ, командованіе надъ нею перешло въ руки генерала Черняева. Послѣдовало вмѣшательство державъ Европы.

«По мѣрѣ развитія и осложненія событій, Европа,—замѣчаетъ князь Гогенлоэ,—начинала терять голову. Англія со страху обезумѣла, а Италія тщилась выудить что-нибудь для себя изъ мутной водицы.» Наиболѣе безпокойства и нервности проявила европейская дипломатія въ концѣ 1876 года. Въ ноябрѣ лордъ Биконсфильдъ держалъ рѣчь на обѣдѣ лорда-мэра, въ Гильдхаллѣ Лондона, которая была вызывающаго характера по отношенію къ Россіи. «Англія,—говорилъ онъ,—не та страна, которой приходится задуматься выдержать двѣ или три кампаніи за правое дѣло.» За правое дѣло Англія сумѣетъ принять борьбу, которая не окончится раньше, чѣмъ она не получитъ удовлетвореніе. Двадцать четыре часа спустя Монархъ Россіи далъ свой достойный отвѣтъ въ рѣчи, произнесенной въ Москвѣ. Искреннее желаніе Императора Александра Николаевича ограничиться нравственнымъ давленіемъ на султана не дало никакихъ результатовъ. Общественное мнѣніе Англіи склонялось на сторону турокъ, не смотря на сильную оппозицію Гладстона. Въ Россіи въ набатъ билъ М. Катковъ. За войну подавалъ свой голосъ и русскій представитель въ Константинополѣ графъ Н. П. Игнатьевъ. Москва была воодушевлена славянофилами. Россія приняла живѣйшее участіе въ страданіяхъ ея братьевъ по вѣрѣ и по происхожденію. На походъ въ Турцію стали смотрѣть, какъ на «святое призваніе.» Миролюбіе Императора Александра II оставалось внѣ всякаго сомнѣнія и по всей Европѣ быстро пронеслось успокоительное его слово, сказанное въ Ливадіи лорду Лифтусу: «je n'irai jamais à Constantinople (Я никогда не пойду на Константинополь)»,

по ему пришлось считаться съ стихійнымъ движеніемъ среди его подданныхъ въ защиту порабощенныхъ славянъ.

Турціи была объявлена война. По многимъ причинамъ Александръ II не могъ питать никакихъ иллюзій и рѣшился на этотъ шагъ съ большой неохотой. Онъ отдался внутреннимъ реформамъ своего обширнаго царства. Новая система всеобщей воинской повинности не была еще вполнѣ проведена, и армія находилась въ переходномъ состояніи. Равновѣсіе въ финансахъ едва было возстановлено послѣ тяжелой Крымской войны. Перевооруженіе арміи новыми малокалиберными ружьями системы Бердана далеко еще не было окончено. Черноморскій флотъ, возстановленный въ 1871 году, не успѣлъ возрости еще въ могучую силу. Наличныхъ желѣзнодорожныхъ путей для Россіи было недостаточно. Государь все это сознавалъ. Въ его памяти оставались еще свѣжи печальныя событія Крымскихъ дней. Онъ глубоко сочувствовалъ людскимъ страданіямъ и съ горестью принужденъ былъ согласиться на войну. Война эта была начата «не по разсчету, не изъ матеріальныхъ выгодъ или честолюбивыхъ политическихъ замысловъ, но въ силу чувства, заглушающаго всякія постороннія побужденія, изъ чувства христіанскаго, чувства человѣколюбія, того чувства, которое охватываетъ всякаго честнаго человѣка, при видѣ вопіющаго зла».

Русскій планъ кампаніи состоялъ въ одновременномъ нападеніи на Европейскую и Азіатскую Турцію. Дунайской арміей (въ 250,000 чел.) командовалъ великій князь Николай Николаевичъ; во главѣ Кавказскихъ войскъ (60.000) всталъ великій князь Михаилъ Николаевичъ. Въ апрѣлѣ 1877 года совершился переходъ черезъ Дунай у Зимницы противъ Систово. Передовой отрядъ генерала Гурко захватилъ Тырново, перешелъ Балканы. Генералъ Криденеръ овладѣлъ Никополемъ. Путь къ Константинополю былъ однако прегражденъ Сулейманъ-пашею. Въ то же время Османъ-паша оттѣснилъ русскихъ изъ Виддина и занялъ сильную позицію въ Плевнѣ. Положеніе русской арміи оказалось весьма стѣснительнымъ. Потребовались большія подкрѣпленія. И только въ сентябрѣ удалось взять Ловчу, а въ ноябрѣ, послѣ третьяго отчаяннаго штурма, сломить Османа-пашу въ Плевнѣ [345]).

Въ Финляндіи всѣ отдавали полную справедливость стараніямъ Императора достичь рѣшенія вопроса мирнымъ путемъ. О настроеніи, господствовавшемъ въ Финляндіи, можно судить по слѣдующему эпизоду. Докторъ I. I. Бергъ выступилъ въ духовномъ сословіи сейма съ весьма красивымъ и симпатичнымъ

предложеніемъ. Его петиція гласила: Финскій народъ въ теченіе 70 лѣтъ пользовался покровительствомъ и выгодами присоединенія къ имперіи и имѣлъ безчисленныя доказательства величайшей заботы его Монарха; при такихъ условіяхъ финскій народъ не можетъ остаться равнодушнымъ зрителемъ совершающагося всемірнаго событія. А поэтому сейму надлежитъ отъ имени финскаго народа сдѣлать пожертвованіе. Духовному сословію слѣдовало-бы, въ виду сего, ходатайствовать о Высочайшемъ соизволеніи на отпускъ изъ чрезвычайныхъ податей и иныхъ средствъ, на содержаніе больныхъ и раненыхъ воиновъ одинъ милліонъ марокъ, которыя предоставить потомъ въ распоряженіе Его Величества. Эта петиція не была принята въ сословіи горожанъ, гдѣ 26 голосовъ высказалось противъ 14. На долю инціатора предложенія, доктора Берга, выпало много суровыхъ сужденій за то, что онъ своей петиціей «поставилъ представителей Финляндіи въ неловкое положеніе». Съ одной стороны опасались ложныхъ толковъ; съ другой—предполагали, что представителямъ сейма придется прибѣгнуть къ такимъ мѣрамъ, которыя со временемъ могутъ привести къ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Хотя Бергъ не очень обращалъ вниманія на общественный вихрь, тѣмъ не менѣе пересуды, которымъ подверглось его доброжелательное предложеніе, побудили его выйти изъ состава сейма. Кончилось тѣмъ, что земскіе чины ассигновали одинъ милліонъ марокъ на призрѣніе больныхъ и раненыхъ воиновъ. Государь повелѣлъ благодарить ихъ, а деньги передать въ Красный Крестъ [546]).

Но помимо этого Финляндіи пришлось принять нѣкоторое активное участіе въ ходѣ дѣлъ на Балканахъ. Финскій гвардейскій баталіонъ, вмѣстѣ съ русскими гвардейскими полками, отправленъ былъ на театръ военныхъ дѣйствій. Съ 1840 по 1860 годовъ л.-гв. финскій стрѣлковый баталіонъ содержался въ числѣ 1000 строевыхъ нижнихъ чиновъ, а потомъ составъ былъ уменьшенъ до 840 человѣкъ. Пополненіе убыли въ его рядахъ производилось вербовкою или наймомъ на 6 лѣтъ. Передъ походомъ 1877 года нужно было наполнить ряды 240 рекрутами и спѣшно обучить ихъ необходимѣйшему въ военномъ дѣлѣ. Послѣ предварительной публикаціи, вербовка пошла успѣшно. Желавшихъ поступить на службу было болѣе, чѣмъ требовалось. Изъ офицеровъ въ баталіонѣ 90,5% были учениками Финляндскаго кадетскаго корпуса. Баталіонъ содержался на средства Великаго Княжества. Но на время похода установлено было, по Высочайшему повелѣнію, чтобъ ему ежемѣсячно выдавалось изъ походнаго казначей-

ства по 10.000 рублей звонкою монетой, съ тѣмъ, конечно, что эта позаимствованная сумма будетъ пополнена по окончаніи кампаніи.

25 августа 1877 года баталіонъ выступилъ изъ Гельсингфорса. Государь въ телеграммѣ выразилъ увѣренность, что баталіонъ «въ настоящую кампанію, какъ и прежде, покроетъ свое знамя славою». Корреспондентъ вѣнской газеты «Presse», описывая впечатлѣніе, полученное имъ при наблюденіи русскихъ войскъ, отмѣтилъ: «Но самый чудный видъ представляли финны. Только-что прибывшій сюда финскій гвардейскій стрѣлковый баталіонъ шелъ для прикрытія гвардейской артиллеріи. Четыре недѣли назадъ эти люди отправились въ походъ съ родины и, не смотря на продолжительный путь, они были такъ бодры, веселы и довольны, что невольно чувствовалось весело съ ними». Въ Горномъ Студенѣ Государь съ блестящею свитою встрѣтилъ баталіонъ и повелѣлъ ему, при слѣдованіи къ бивaку, играть «финскій національный гимнъ». Подъ Горнымъ Дубнякомъ баталіонъ побывалъ въ дѣлѣ. Въ его рядахъ въ этотъ день находилось: 18 офицеровъ и 806 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Упорный бой сказался для финскихъ воиновъ въ потерѣ 119 человѣкъ, изъ коихъ 24 было убито, а остальные 95 ранены. Всѣ исполнили свой долгъ съ полнымъ самоотверженіемъ.—22 октября Государь, подъѣхавъ къ баталіону, обнялъ командира баталіона Рамзая и милостиво сказалъ офицерамъ: «благодарю васъ, господа, вы сдѣлали то, что я отъ васъ ожидалъ». Нижніе чины также удостоились царскаго спасибо. Послѣ того баталіону пришлось принять участіе еще въ нѣсколькихъ незначительныхъ стычкахъ при деревнѣ Правцѣ, Ташкисенонъ, Дальнимъ Кимарцемъ, Враждебною. За вѣрную службу въ эту кампанію баталіонъ удостоился получить преимущества старой гвардіи. Весь походъ баталіона продолжался 8 мѣсяцевъ [547]).

Съ того времени, какъ заговорили о заступничествѣ Англіи за Турцію, въ крѣпостяхъ Финляндіи закипѣла работа. Началась спѣшная постройка укрѣпленій и вооруженіе ихъ. Результаты этой дѣятельности были наглядны и осязательны. Крѣпость Свеаборгъ приведена въ такое состояніе, что она сдѣлалась почти неприступною. Въ особенности старательно укрѣпили остр. Рентанъ, лежавшій ближе всѣхъ къ Гельсингфорсу. Еще сильнѣе вооруженъ островъ Скансландъ или Александровскій. Но, какъ извѣстно, не пришлось примѣнить всѣ эти дорого стоящія пушки и батареи къ дѣлу. Вмѣстѣ съ пріостановкою вооруженій расформиро-

ваны были также управленіе обороны и крѣпостная дивизія. Начальникомъ обороны состоялъ адмиралъ Бутаковъ. Благодаря его энергіи, заботамъ и знанію дѣла, работы по оборонѣ шли успѣшно. Что касается до крѣпостной дивизіи, то она просуществовала только на бумагѣ, такъ какъ изъ трехъ крѣпостныхъ баталіоновъ формировать полковъ надобности не предвидѣлось, хотя начальникъ дивизіи и его штабъ были уже назначены [548]).

Много русскіе сдѣлали крупныхъ и малыхъ ошибокъ во время кампаніи и много было неудачъ. Но рядомъ съ такими фактами, какъ продолжительное пребываніе подъ Плевной, какъ неудача второго періода дѣйствій передового отряда,—военная исторія навсегда сохранитъ память о блистательной переправѣ черезъ Дунай, о рѣшительныхъ дѣйствіяхъ передового отряда по захвату горныхъ проходовъ, о легендарныхъ бояхъ на Шипкѣ, о сказачномъ переходѣ черезъ Балканы, съ плѣненіемъ одной турецкой арміи и разсѣяніемъ другой, о штурмѣ Карса, о стойкости Рущукскаго отряда, объ оборонѣ Баязета и многихъ другихъ подвигахъ. Это цѣлый рядъ краснорѣчивыхъ фактовъ, которые исторія сохранитъ въ долготу вѣковъ, во свидѣтельство, что наши войска отъ главнокомандующаго до солдата заслуженно добыли военные трофеи. Всегда будетъ памятна эта война не только въ славянскомъ мірѣ, но и въ мірѣ любви, свѣта и правды; милліоны освобожденныхъ христіанъ и ихъ потомки будутъ вѣчно вспоминать Царя-Освободителя и русскихъ воиновъ-крестоносцевъ, на костяхъ которыхъ создалась свобода дотолѣ презрѣнныхъ турецкихъ рабовъ. Осѣнятъ себя крестнымъ знаменіемъ православные славяне и призовутъ Божіе благословеніе на тотъ народъ, который кровью своею и достояніемъ своимъ завоевалъ имъ свободу. «Здравствуйте, братья-славяне, на родной и свободной славянской землѣ!» сказалъ Царь-Освободитель, и его историческое слово не забудется.....

Санъ-Стефанскій договоръ 19 февраля 1878 года, помимо своей прямой цѣли—освобожденія Балканскихъ славянъ отъ позорнаго турецкаго ига,—принесъ Россіи кое-какіе утѣшительные результаты. Вмѣшательство Европы, ревниво слѣдившей за успѣхами Россіи, Берлинскимъ трактатомъ значительно съузило размѣры этихъ результатовъ, но все-же они остаются довольно значительными. Россія пріобрѣла придунайскую часть Бессарабіи и пограничныя съ Закавказьемъ турецкія области съ крѣпостями Карсомъ, Ардаганомъ и Батумомъ, обращеннымъ въ порто-франко. На Берлинскомъ конгрессѣ Россія «не сдѣлала торга ни изъ

своихъ жертвъ, ни изъ своихъ успѣховъ». Русскій народъ подчинилъ свои «права побѣдителя высшимъ интересамъ общаго мира и солидарности народовъ. Жертвы его принесли плоды, принесутъ ихъ еще больше въ будущемъ» [549]).

На югѣ гремѣли орудія и лилась кровь; на сѣверѣ устроено было культурное торжество въ честь мирной науки. Въ 1877 г. университетъ въ Упсалѣ праздновалъ свой четырехсотлѣтній юбилей. Представителями Россійской Академіи наукъ были Я. К. Гротъ и генералъ А. В. Гадолинъ,—знакомые со шведскимъ языкомъ. «Отъ петербургскаго университета поѣхалъ извѣстный химикъ Д. И. Менделѣевъ. Харьковъ, Дерптъ (Юрьевъ) и др. также имѣли своихъ представителей. Академія желала,—какъ сказалъ въ своей рѣчи Гротъ въ Упсалѣ,—не только доказать свое давнишнее уваженіе къ заслугамъ великихъ ученыхъ Швеціи, способствовавшихъ къ развитію науки въ Европѣ, но также засвидѣтельствовать то высокое мнѣніе, которое господствуетъ въ русскомъ обществѣ относительно шведской образованности. Извѣстно, что еще Петръ Великій умѣлъ цѣнить общественное устройство Швеціи, и что оно послужило ему образцомъ при учрежденіи коллегій.... Но самымъ лучшимъ доказательствомъ того уваженія, какое пріобрѣла у насъ шведская культура, можетъ служить покровительство, оказываемое нашими великодушными монархами, съ самаго присоединенія Финляндіи, законамъ, правамъ и образованности этой страны, которымъ отдаетъ справедливость всякій, кто безпристрастно судитъ о нихъ.... Пользуясь случаемъ высказать отъ имени моихъ соотечественниковъ искреннѣйшее желаніе,—заключилъ Гротъ свою рѣчь,—чтобы оба разноплеменные народа сѣвера тѣснѣе между собою сблизились, чтобы между ними установился болѣе живой обмѣнъ мыслей и знаній, произведеній искуствъ и промышленности».... Столь-же тепла была рѣчь представителя Гельсингфорскаго университета З. Топеліуса. «Родина моя не должна остаться безъ органа на этой трибунѣ, которая сдѣлалась международною.... Отъ своихъ боргоскихъ могилъ (недавно скрывшихъ навѣки Рунеберга и епископа Шаумана) и отъ гулкихъ раскатовъ пушечныхъ выстрѣловъ на Балканахъ мы пришли къ вамъ—сказалъ поэтъ-профессоръ—порадоваться процвѣтанію Швеціи, славѣ Упсальскаго университета; мы пришли отъ народа, трудящагося только надъ началомъ своего развитія, къ народу со

старинною исторіею, старинною культурою, и съ честью охраняющему эти сокровища для грядущихъ поколѣній. Прекрасная будущность, представлявшаяся вашимъ и нашимъ отцамъ, какъ марево или далекій сонъ—время, когда воинъ вложитъ свой окровавленный мечъ въ ножны, когда уврачуются раны и человѣческій духъ будетъ въ состояніи свободно предаться высокому и идеальному подвигу, это время уже 60 лѣтъ продолжается въ Швеціи, подъ защитою великодушныхъ и просвѣщенныхъ вѣценосцевъ, при содѣйствіи полнаго силы и доблестнаго народа. Мы благодаримъ Швецію и Упсальскій университетъ за радостный и увлекательный примѣръ богатаго всесторонняго развитія, которымъ этотъ край опередилъ окружающіе его народы и, въ частности, нашъ, имѣвшій честь въ теченіи столѣтій идти рука объ руку со Швеціей. Намъ, согражданамъ университетской науки, принадлежитъ царство духа, не знающее границъ и нераздѣляемое моремъ, а потому я прошу позволенія выразить благопожеланіе цѣлйкому общему труду и вашего, и другихъ народовъ на пользу европейскаго просвѣщенія и для усовершенствованія человѣчества. Пусть мирныя завоеванія одного народа всегда будетъ славою, утѣшеніемъ и благомъ всѣхъ другихъ, и этимъ-то желаніемъ, въ настоящій торжественный часъ, привѣтствую я, отъ имени своихъ соотечественниковъ, древнюю Швецію и древнюю Упсалу».

Значительный историческій интересъ представляетъ также свидѣтельство знаменитаго Д. И. Менделѣева объ упсальскихъ дняхъ. «Шведы и вообще скандинавскіе народы—датчане, норвежцы—хорошіе друзья русскаго народа, писалъ онъ въ своей корреспонденціи изъ Стокгольма (отъ 9 сент. 1877 года). Они забыли прежнюю вражду. Они ждутъ отъ Россіи много хорошаго. Знаютъ они, что русскій народъ питаетъ братское расположеніе къ своимъ близкимъ сѣвернымъ сосѣдямъ, понимаютъ, что Финляндія служитъ звеномъ нашего сближенія, что послѣ освобожденія крестьянъ Россія твердо пошла по пути дальнѣйшаго развитія.... Скандинавскіе народы, едва ли не самые просвѣщенные во всемъ мірѣ (таковъ результатъ статистики и таково мнѣніе многихъ мыслителей), ждутъ и ищутъ случаевъ тѣснѣе сблизиться съ Россіей не какъ съ сильнымъ сосѣдомъ, могущимъ быть полезнымъ при новомъ столкновеніи съ другими сосѣдями, а какъ съ государствомъ, народъ котораго долженъ играть благую роль въ успѣхахъ цивилизаціи.... Въ Упсалѣ нашлось много горячихъ почитателей Тургенева и другихъ русскихъ литераторовъ». Король, узнавъ во мнѣ русскаго, продолжаетъ Менделѣевъ, заговорилъ по

*

русски. Это были слова привѣтствія и радости видѣть близость русскихъ и шведскихъ ученыхъ. Затѣмъ по французски, король припомнилъ тотъ сочувственный пріемъ, который встрѣтилъ въ Россіи и, прощаясь, опять по русски, выразилъ сожалѣніе, что не можетъ свободно говорить на языкѣ дружественнаго сосѣдняго народа.

«Профессора проводили студентовъ общимъ, невольно вырвавшимся и повторившимся восклицаніемъ: «да здравствуютъ упсальскіе студенты!». (Vive les etudiants d' Upsala!). Съ радостью повторяю это теперь еще разъ и отъ души желаю видѣть въ Россіи такое же свободное выраженіе народныхъ чувствъ, какое видѣлъ въ Швеціи» [530]).

СЕЙМЪ 1877—1878 ГОДА.

XI. Продолженіе реформъ.

«Мнѣ отрадно привѣтствовать васъ словами благодарности,— такъ начиналась Высочайшая рѣчь, которою повелѣно было открыть сеймъ 1877 года. Послѣ тринадцати лѣтъ Я посѣтилъ въ іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго года, съ Императрицею, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Цесаревною и Великою Княгинею Маріею Александровною, главный городъ Финляндіи, и Мы всюду были встрѣчаемы съ непритворною радостью и преданностью. Вѣрноподданническія чувства финскаго народа и его благородный и честный образъ мыслей, о которыхъ постоянно свидѣтельствовали и донесенія генералъ-губернатора, доставили Намъ истинное удовольствіе.

«На общей выставкѣ въ Гельсингфорсѣ Мнѣ было пріятно удостовѣриться въ преуспѣяніи промышленности края, и Я соединяюсь съ вами желаніемъ видѣть плоды этого перваго успѣха въ вящшемъ развитіи благосостоянія Финляндіи.

«Въ пять лѣтъ, протекшихъ со времени послѣдняго сейма, страна, благодаря Всевышнему, не подвергалась вновь гибельному неурожаю, вслѣдствіе чего ея общее экономическое положеніе возстановилось.

«Або-Таммерфорсо-Тавастгусская желѣзная дорога сооружена и открыта для движенія; кромѣ того на счетъ суммъ статнаго вѣдомства пріобрѣтена построенная частнымъ обществомъ Ганге-Хювингеская желѣзная дорога, а нынѣ вамъ будетъ сообщено предложеніе о распространеніи сѣти желѣзныхъ дорогъ на сѣверъ.

«На этомъ сеймѣ вамъ будетъ также передано предложеніе о введеніи въ краѣ общей воинской повинности. Я убѣжденъ, что руководимые сознаніемъ долга участвовать въ защитѣ Отечества, вы, при обсужденіи этого вопроса, выразите полную готовность, по своимъ средствамъ, принять указываемыя необходимостью мѣры, которыя будутъ вамъ предложены.

«Объявляю настоящій сеймъ открытымъ и да благословитъ Господь труды ваши» [551]).

Отвѣтныя рѣчи ландмаршалъ баронъ фонъ Борнъ и архіепископъ Бергенгеймъ произнесли на французскомъ языкѣ, бургомистръ Фрей—на шведскомъ, крестьянинъ Слотте—на финскомъ. Рѣчи были представлены Государю, который, прочтя ихъ, надписалъ: «Можно публиковать и поручить генералъ-губернатору благодарить отъ Моего имени» (23 января 1877 года).

Дѣла, поступившія на разсмотрѣніе сейма 1877 года, были многочисленны, сложны и важны. Первое мѣсто между ними занималъ проектъ устава о воинской повинности, затѣмъ слѣдовала монетная реформа, новая присяга и др.

Въ связи съ переходомъ къ золотой монетѣ стоялъ вопросъ о порядкѣ разсмотрѣнія бюджета земскими чинами. «Изложенный въ § 36 сеймоваго устава конституціонный принципъ, что новыя суммы на пополненіе средствъ казначейства должны быть разрѣшаемы лишь въ случаѣ недостатка постоянныхъ доходовъ казны, получилъ практическое значеніе послѣ того, какъ расходы стали превышать постоянные доходы. Бюджетная комиссія сейма составила на слѣдующій финансовый періодъ смѣту для выясненія размѣра суммъ,которыя соотвѣтственно дѣйствительнымъ потребностямъ подлежали ассигнованію отъ сейма на разные предметы. Этотъ порядокъ, которымъ достигалась болѣе правильная система мѣстнаго хозяйства и ограничивался размѣръ экстраординарнаго обложенія, соблюдался и на всѣхъ слѣдующихъ сеймахъ» [552]).

Измѣненіе формы присяги задумано было духовенствомъ. Собравшійся въ 1876 году первый общій церковный соборъ въ Финляндіи выразилъ желаніе, чтобы при назначеніи въ священническую должность не требовалось присяги на вѣрность службы и вѣрноподданство отъ лица, предъ тѣмъ уже принесшаго подобную присягу, или же чтобы сказанная присяга мало-по-малу была совершенно отмѣнена. По дѣйствовавшимъ законамъ какъ духовная, такъ и гражданскія должностныя лица присягали не только при первомъ опредѣленіи на службу, но и за тѣмъ каждый разъ при назначеніи въ новую должность. При разсмотрѣніи этого дѣла сенатъ полагалъ, что присяга на вѣрность службы и вѣрноподданство можетъ быть установлена такимъ образомъ, чтобы должностныя лица и чиновники, при поступленіи на службу, приносили присягу на исполненіе всѣхъ обязанностей, какія лежатъ на нихъ по оной или впредь могутъ быть возлагаемы при производствѣ или переводѣ въ другую гражданскую должность, а равно, чтобы

лица духовнаго званія, которыя при посвященіи въ духовный санъ принесли установленнымъ порядкомъ присягу на вѣрность службы и вѣрноподданство, въ послѣдствіи, при назначеніи ихъ на вакантныя священническія должности, не возобновляли таковой присяги.

Составленный согласно съ этими воззрѣніями проектъ постановленія объ измѣненіи формъ присяги на вѣрность службы, вѣрноподданство и проч. сенатъ просилъ утвердить. Генералъ-губернаторъ раздѣлилъ мнѣніе сенаторовъ и новый порядокъ былъ санкціонированъ верховной властью. Въ 1880 году измѣнили присягу врачей примѣнительно присяги 1877 для должностныхъ лицъ гражданскаго вѣдомства [553]).

Изъ остальныхъ сеймовыхъ дѣлъ этой сессіи обращаетъ на себя вниманіе петиція, поданная Л. Мехелинымъ о пересмотрѣ формы правленія 1772 года и акта соединенія и безопасности 1789 года, или же по крайней мѣрѣ о кодификаціи всѣхъ дѣйствующихъ постановленій, принадлежащихъ къ категоріи основныхъ законовъ. Мнѣніе законодательной комиссіи по этому вопросу было принято дворянскимъ сословіемъ и горожанами. Но когда дѣло (21 декабря 1877 года) было доложено въ духовномъ сословіи, поднялось противоположное теченіе. Г. Чильманъ представилъ, что посредствомъ этой петиціи испрашивается почти новая конституція для финскаго народа. Профессоръ Форсманъ сказалъ: «Что касается политической стороны этого дѣла, то нѣсколько рисковано, или по крайней мѣрѣ не совсѣмъ разумно, въ настоящее время возбуждать конституціонные вопросы, разрѣшеніе которыхъ нельзя съ увѣренностью предугадать». Монтгомери желалъ болѣе частаго созыва сеймовъ. Мерманъ, не отвергая пользы болѣе частаго созыва сеймовъ, находилъ тѣмъ не менѣе нежелательнымъ пріучать себя сразу производить измѣненія въ основныхъ законахъ. Должны существовать вѣскіе мотивы, чтобы сдѣлать такой важный шагъ, особенно когда это касается основныхъ правилъ представительства края. «То обстоятельство, продолжалъ ораторъ, что сеймъ собирается лишь каждый пятый годъ, не составляетъ еще самаго большого недостатка сеймоваго устава. Гораздо большая непрочность заключается въ томъ, что взаимныя отношенія между сеймомъ и правительствомъ столь ненадежны. Какъ теперь, такъ быть можетъ еще и впредь, въ теченіи извѣстнаго времени, на сеймъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на совѣщательное собраніе. Здѣсь мы составляемъ законы, но судьба ихъ остается неизвѣстной».

Сеймъ кончилъ тѣмъ, что рѣшилъ просить о сокращеніи періода между созывами земскихъ чиновъ [534]).

Дѣла, поступившія на разсмотрѣніе земскихъ чиновъ въ 1877 году, были столь многочисленны, что не могли быть окончены въ обычный срокъ. Послѣ лѣтняго перерыва, осенью, сеймъ возобновилъ свои занятія, которыя закончились лишь въ январѣ 1878 года.

Въ 1870 году рѣшено было ввести въ имперіи всеобщую воинскую повинность. Тогда же Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ генералъ-губернатору Финляндіи отъ 31 декабря 1870 года (12 января 1871 года), Государю Императору благоугодно было объявить, что «по поводу предположенія о распространеніи прямого участія въ воинской повинности на всѣ сословія имперіи, Его Величество соизволилъ принять въ соображеніе справедливость введенія такой же повинности и въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, на мѣсто нынѣшней системы поселенныхъ войскъ, руководствуясь при этомъ дѣйствующими въ Финляндіи законами и постановленіями». Для исполненія этой Высочайшей воли въ Гельсингфорсѣ была учреждена особая комиссія изъ представителей отъ всѣхъ сословій Финляндіи, подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта барона Индреніуса.

12 февраля 1871 года военный министръ, генералъ-адъютантъ Милютинъ, представилъ Государю Императору всеподданнѣйшую записку слѣдующаго содержанія: «Великому Княжеству Финляндскому даровано Монаршей волею полное самоуправленіе. Тѣмъ не менѣе страна эта, присоединенная къ Россіи силою оружія, составляетъ неразрывную часть имперіи и, слѣдовательно, пользуясь своимъ управленіемъ мѣстнымъ и своими законами мѣстными, не можетъ однако же домогаться всѣхъ атрибутовъ отдѣльнаго и независимаго государства.

«Необходимая и неопровержимая политическая связь Финляндіи съ Имперіею Россійской должна выражаться прежде всего въ единствѣ верховной власти, а затѣмъ—въ единствѣ управленія дѣлами дипломатическими и военными. «Никакая часть государства не можетъ имѣть своей политики внѣшней, такъ же какъ и своей отдѣльной вооруженной силы. Немыслимо предоставить Финляндіи особое управленіе иностранными дѣлами и имѣть своихъ дипломатическихъ агентовъ. Точно также не

слѣдовало-бы, кажется, предоставлять ей имѣть свою армію, совершенно независимую отъ общаго въ имперіи управленія военною частью...

«Что касается до самаго способа употребленія финляндцевъ на службу, то въ этомъ отношеніи проявляется существенное и рѣзкое различіе во взглядахъ. «Въ Россіи общественное мнѣніе требуетъ, чтобы финляндцы несли службу наравнѣ съ прочимъ населеніемъ имперіи и сливались съ нимъ въ одной арміи—русской. Сама же Финляндія разумѣетъ вопросъ иначе: она не отказывается нести военную повинность, но съ тѣмъ, чтобы содержать свои особыя войска, не имѣющія ничего общаго съ русской арміею. Конечно, масса народа въ Финляндіи, такъ же какъ и вездѣ, чужда всякихъ политическихъ тенденцій; для нея было-бы всего желательнѣе избѣгнуть и новой повинности личной, и новыхъ налоговъ. Но въ средѣ высшаго слоя общества,—среди такъ называемой «интеллигенціи»—не только не противятся предполагаемой новой повинности, а, быть можетъ, даже радуются возстановленію финляндскихъ войскъ, въ видахъ еще большаго упроченія автономіи Финляндіи. Не разъ уже въ прежніе годы были возбуждаемы проекты объ учрежденіи въ этой странѣ особой военной системы, на подобіе прусскаго ландвера. Къ счастью, проекты эти были отклоняемы. Итакъ, если въ настоящее время признается необходимымъ допустить существованіе въ Финляндіи отдѣльныхъ войскъ національныхъ, то слѣдовало-бы, кажется, положить въ основаніе ихъ будущаго устройства нѣкоторыя условія, обезпечивающія, на сколько возможно, общіе интересы имперіи.

«Условія эти могли бы заключаться въ слѣдующемъ:

1) «Войска финляндскія, такъ же какъ и принадлежащіе имъ склады запасовъ оружія и все необходимое для устройства ихъ, состоятъ въ завѣдываніи военнаго министерства и военно-окружнаго управленія.

2) «Состоящіе на дѣйствительной службѣ чины финляндскихъ войскъ подвѣдомы общимъ военно-суднымъ учрежденіямъ имперіи.

3) «Генералы, штабъ и оберъ-офицеры изъ уроженцевъ Финляндіи служатъ безразлично въ войскахъ финляндскихъ и русскихъ; съ другой стороны—въ финляндскія войска назначаются офицеры изъ финляндцевъ или русскихъ, по Высочайшему благоусмотрѣнію.

4) «Строевые уставы, командныя слова, снаряженіе и вооруженіе должны быть одни и тѣ же въ финляндскихъ и русскихъ войскахъ.

и 5) «Войска финляндскія, какъ въ мирное время, такъ и въ военное, могутъ быть употребляемы на службу по Высочайшему благоусмотрѣнію, какъ въ предѣлахъ имперіи, такъ и за границей».

На запискѣ Милютина имѣется собственноручная Высочайшая резолюція: «Главныя основанія, изложенныя въ этой запискѣ, совершенно согласны съ Моими мыслями».

Выработанный коммиссіей генерала Индреніуса проектъ устава былъ представленъ на заключеніе военнаго министра. «Вникнувъ въ сущность этихъ предположеній, — отвѣчалъ Милютинъ, — нельзя не придти къ тому заключенію, что, съ утвержденіемъ ихъ, какъ-бы узаконится существованіе въ предѣлахъ имперіи совершенно отдѣльнаго самостоятельнаго войска, которое не будетъ имѣть ничего общаго съ русскими войсками, т. е. съ арміею того государства, въ политическій составъ котораго входитъ и Великое Княжество Финляндское. Для собственной своей безопасности Финляндія не можетъ, конечно, нуждаться въ организаціи отдѣльнаго финскаго войска, такъ какъ нѣсколько ея баталіоновъ ни въ какомъ случаѣ одни не могутъ служить ей надежной защитой. Въ дѣйствительности предѣлы Великаго Княжества охраняются и будутъ всегда охраняться военными силами всей имперіи. А потому финскія войска, даже съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ, только тогда могутъ соотвѣтствовать своему назначенію, когда будутъ имѣть связь съ русскою арміею».

Такимъ образомъ направленіе, взятое финляндцами въ военномъ вопросѣ, вполнѣ обозначилось.

Разсмотрѣвъ проектъ коммиссіи генерала Индреніуса, военный министръ въ заключеніи высказалъ, что «интересы Россіи, въ сущности, были-бы болѣе обезпечены продленіемъ настоящаго безоружнаго положенія края, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока въ населеніи Финляндіи не утвердится сознаніе въ полной солидарности политическихъ и экономическихъ ея интересовъ съ интересами Россіи».

Таково было первоначальное движеніе дѣла въ офиціальныхъ сферахъ. Въ то же время въ сферахъ общественныхъ происходило слѣдующее.

Еще раньше одной изъ сеймовыхъ комиссій поручено было составить докладъ по дѣлу о воинской повинности. Комиссія заявила между прочимъ: «Различіе языковъ, нравовъ, религіи, законовъ и дисциплины, долговременныя непогоды, непривычка къ русской пищѣ, разнообразіе климата, совмѣстная жизнь съ народами, съ которыми онъ

не желаетъ имѣть никакого общенія—все это вмѣстѣ дѣлаетъ финляндца неспособнымъ служить подъ русскими знаменами и содѣйствовать благу такого разноплеменнаго государства, какъ Россія».

Въ томъ же направленіи работала печать, настолько невоздержано, что цензура въ теченіи одной недѣли наложила свою руку 4 раза на три періодическихъ изданія. Мѣстная печать, желая избавить своихъ земляковъ отъ службы въ рядахъ русской арміи, представила финляндцевъ какимъ-то избраннымъ народомъ, какою то привилегированною особенною кастою не только среди подданныхъ русскаго государста, но и всѣхъ прочихъ народовъ. Въ наше время,—писалъ кореспондентъ «Голоса» (1871, № 40, 9 февраля),—когда даже граждане странъ съ самыми либеральными учрежденіями безропотно и съ самоотверженіемъ вступаютъ въ ряды защитниковъ отечества, финляндцы не могутъ это сдѣлать потому, видите, что «раздѣляютъ шведскій взглядъ на несправедливость конскрипціи, что свободному гражданину непристойно вступать въ казарменную касту и служить въ постоянныхъ арміяхъ, гдѣ требуется безусловное повиновеніе и рабская подчиненность». Изъ этихъ словъ слѣдуетъ, что всѣ эти misères военной службы пригодны только для русскаго человѣка: одинъ онъ способенъ и обязанъ выносить на своихъ плечахъ всю ея черную работу, а финляндцы, если заблагоразсудятъ, займутъ въ русской арміи офицерскія и другія высшія должности. Всѣ эти финляндскія рѣчи велись къ тому, чтобъ доказать необходимость отдѣльнаго національнаго войска, дальнѣйшая организація котораго должна, по ихъ словамъ, быть предоставлена членамъ предстоящаго въ 1872 году сейма.

Между тѣмъ уже собиралась назначенная правительствомъ комиссія (генералъ-губернаторъ, финляндскій статсъ-секретарь и его товарищъ, генералы Индреніусъ и Эрнротъ, вице-предсѣдатель сената, генералъ Норденстамъ, финляндскіе сенаторы Траппъ и Фуругельмъ и баронъ Бунсдорфъ) для предварительнаго обсужденія экономической стороны вопроса. Корифей гельсингфорсской печати «Helsingfors Dagblad» не безъ нѣкотораго лукавства выразился о составѣ этой комиссіи: «Члены ея безъ сомнѣнія, примутъ во вниманіе желанія страны, насколько они извѣстны; но съ другой стороны, кажется не подлежитъ сомнѣнію, что взгляды, существующіе въ Россіи относительно воинскаго вопроса, сильно повліяютъ на ходъ занятія комиссіи» [555]).

Продолжая обсужденіе вопроса о воинской повинности газета «Helsingfors Dagblad» (отъ 9 января 1871 г.) писала: Нашлись

люди, которые, будучи совершенно незнакомы съ нашимъ конституціоннымъ исключительнымъ положеніемъ, выразили желаніе, чтобъ русскій законъ о воинской повинности распространился и на насъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Но сперва Государь пожелалъ выслушать мнѣніе объ этомъ финляндскаго генералъ-губернатора графа Адлерберга, министра статсъ-секретаря барона Шернваль-Валлена и товарища его Пальмрота. На совѣщаніи въ Зимнемъ Дворцѣ военный министръ стоялъ за проектъ введенія воинской повинности въ Финляндіи безъ спроса у земскихъ чиновъ. «Но когда,—по разсказамъ финляндцевъ,—генералъ-губернаторъ графъ Адлербергъ представилъ Монарху о незаконности такой мѣры и, вмѣстѣ съ тѣмъ, попросилъ объ увольненіи отъ должности, въ случаѣ если воинская повинность будетъ установлена въ Финляндіи безъ согласія земскихъ чиновъ, Его Величеству благоугодно было всемилостивѣйше повелѣть составить проектъ пропозиціи предстоявшему сейму». Такимъ образомъ не финляндецъ статсъ-секретарь, а русскій генералъ-губернаторъ края выступилъ противъ графа Д. А. Милютина проводникомъ финляндскаго взгляда на военное дѣло [356]).

Пока проектъ устава о воинской повинности пересылался по административнымъ инстанціямъ, печать края продолжала подготовлять общественное мнѣніе въ духѣ своихъ партій. Домогательства крайняго лагеря мѣстныхъ дѣятелей выражены были особенно ярко газетой «Викингъ» (1871, № 2). «Хорошія стороны воинской повинности ясны: обязанность принимать участіе въ защитѣ общей страны ляжетъ равномѣрнѣе на всѣ классы. Издержки если и будутъ значительны, то, всетаки, менѣе, чѣмъ при одинаковомъ числѣ навербованнаго войска. Сверхъ того, военныя упражненія способны развивать въ народонаселеніи храбрость и воинскій духъ, подкрѣпляемые внутреннимъ сознаніемъ гражданина, что и онъ, когда настанетъ часъ, будетъ содѣйствовать къ защитѣ своей родины. Но не забудемъ, что всѣ эти преимущества всеобщей воинской повинности имѣютъ только значеніе для націй, пользующихся рѣшающими голосами въ вопросѣ войны и мира и которымъ приходится защищать собственную свободу и независимость. Для нашего-же народа, не пользующагося подобными правами, вся тяжесть воинской повинности, значительно связывающей свободу гражданина, почувствуется вдвое сильнѣе. Сражаться за безопасность семьи и дома—прекрасный долгъ, но весьма неутѣшительно и крайне прискорбно видѣть, какъ вся молодежь сзывается на брань для безызвѣстныхъ ей цѣлей и про-

тивъ враговъ, враждебность которыхъ ей также неизвѣстна. Сообразивъ всѣ эти практическія неудобства распространенія всеобщей воинской повинности и на нашъ народъ, приходишь къ убѣжденію, что время для подобной повинности для насъ еще не настало. Хотя существующая поселенная система также тягостна для народа, но если дополнить эту систему еще системой вербовки, то наши потребности въ войскѣ будутъ совершенно удовлетворены. Для упражненія въ стрѣльбѣ можно устроить стрѣлковыя общества и ввести воинскія упражненія въ училищахъ. Подобнымъ способомъ Швеція и Англія устроили у себя сильныя средства защиты. Отчего же не достигнуть намъ, при твердой волѣ, тѣхъ же самыхъ результатовъ?..»

Наиболѣе вліятельная газета имперіи того времени—«Голосъ» не оставила финляндскій органъ безъ достойнаго урока. «Защита отечества вездѣ есть обязанность каждаго неопороченнаго по суду гражданина. Только духъ партіи можетъ настолько затмить разсудокъ, что можно дойти до проповѣдыванія въ печати о несвоевременности воинской повинности въ Финляндіи, или о томъ, что молодежь созывается для безызвѣстныхъ ей цѣлей. Каждому честному финляндцу, изъ долгаго прошедшаго, конечно, должно быть ясно, что, сражаясь съ русскими войсками за самостоятельность и величіе Россіи, они вмѣстѣ съ тѣмъ, отстаиваютъ свою собственную родину, независимо отъ того, будетъ ли поприщемъ дѣйствія Сѣверозападный Край или низовья Дуная» [557]).

Существовало правда и иное воззрѣніе на очередной военный вопросъ, но съ какими оговорками! Въ краѣ проявились также теченія, благопріятствовавшія общеобязательной повинности, но при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы для Финляндіи создано было самостоятельное войско, настолько обособленное отъ русской арміи, чтобъ даже командныя слова были введены финскія. Представителемъ этихъ воззрѣній выступило изданіе «Kirjallinen Kuukauslehti.» (1871). Въ его статьѣ много поучительнаго.

«Въ настоящее время, писалъ онъ,—мы находимся въ довольно странномъ положеніи. Сыны народа погрузились въ такой безмятежный покой, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не умѣютъ даже стрѣлять изъ ружья, хотя въ другихъ и встрѣчаются довольно хорошіе стрѣлки. Все наше туземное войско состоитъ изъ нѣсколькихъ сотенъ гвардейцевъ. Въ теченіи 60-ти лѣтъ не было у насъ ничего похожаго даже на пародію артиллеріи и кавалеріи, а весь нашъ военный флотъ въ настоящее время заключается въ пустой казармѣ на Скатуденѣ и нѣсколькихъ лодкахъ, неизвѣстно гдѣ находящихся.

Саволакскихъ егерей, бьернеборгскую пѣхоту и нюландскихъ драгуновъ встрѣтишь только въ сказкахъ и пѣсняхъ. Ясно, что и отъ Финляндіи требуется та-же самая всеобщая воинская повинность, которая вводится въ имперіи, и,—по нашему убѣжденію—нація, которая хочетъ сохранить свое самостоятельное положеніе, рядомъ съ могучимъ государствомъ, съумѣетъ исполнить требованія своей чести и долга. Совершенно естественно также, что отъ насъ ожидается соглашеніе съ тѣмъ, что предполагается ввести въ Россіи, и справедливость требуетъ, чтобъ мы не отказывались подчиниться тому, что не противно своеобразнымъ естественнымъ условіямъ нашей земли и нашего народа.

«Весьма естественно, у насъ возникаетъ опасеніе, что если мы пошлемъ нашихъ сыновей въ военную службу, то ихъ могутъ при случаѣ, смѣшать съ русскимъ войскомъ и увести въ отдаленныя части имперіи, откуда они никогда не могли-бы вернуться на родину. Но и относительно этого обстоятельства наши государственные люди, въ заключенномъ на сеймѣ въ Борго съ Императоромъ Александромъ I трактатѣ, о нашемъ присоединеніи и будущихъ отношеніяхъ къ русскому государству, съ мудрой попечительностью съумѣли исходатайствовать обѣщаніе, что если Финляндія когда-нибудь будетъ поставлять войско, то нижніе чины и начальство должны состоять изъ туземцевъ и это національное войско не должно быть употребляемо для командировокъ и военныхъ предпріятій внѣ Финляндіи. Это постановленіе строго исполненное, можетъ показаться нѣсколько несправедливымъ и, въ случаѣ войны, конечно, могутъ встрѣтиться обстоятельства, которыя потребуютъ отступленія отъ основной мысли. Но когда вспомнишь неслыханное пространство, занимаемое русскою имперіею, когда вспомнишь, что война гораздо рѣже можетъ возникнуть изъза насъ, чѣмъ изъ-за Россіи, и когда, наконецъ, примешь въ соображеніе, что финское войско и въ собственной странѣ имѣетъ нести особенно важную и почетную службу на пользу Россіи, именно защищать главный городъ имперіи съ запада, то совершенно справедливымъ окажется требованіе, чтобъ наше войско не было употреблено иначе, какъ на самомъ ближайшемъ отъ насъ театрѣ войны, а не въ Хивѣ или Арменіи, или въ другихъ, совершенно чуждыхъ намъ областяхъ. Необходимо и для всѣхъ понятно, что когда обязанность военной службы сдѣлается болѣе общею, при командѣ долженъ употребляться только собственный языкъ страны. Это намъ, конечно, не помѣшаетъ сражаться на ряду съ русскимъ войскомъ, потому что всѣмъ

извѣстно, что въ сраженіи команда раздается не вдругъ для цѣлой арміи».

Когда Финляндія принадлежала Швеціи, не было, конечно, и рѣчи о воспрещеніи шведамъ поступать въ ряды финскихъ войскъ, а тѣмъ болѣе о томъ, что войска эти не могутъ употребляться внѣ предѣловъ Финляндіи. Напротивъ, финляндскіе поэты и патріоты до сихъ поръ восторгаются тѣмъ, что кровь ихъ сыновъ, подъ знаменами Густава Адольфа и Карла XII, «текла по пескамъ Польши, по Лейпцигскимъ долинамъ и по холмамъ Лютцена».

Общественное мнѣніе Россіи, выразителемъ котораго являлся органъ Краевскаго «Голосъ», вновь укорилъ финляндцевъ за стремленіе раздѣлить военныя силы имперіи. «Финляндцы,—писала газета,—не могутъ не понимать, что рѣчь о самостоятельномъ финскомъ войскѣ, съ финскими офицерами, съ финскими командными словами, могла имѣть смыслъ въ томъ единственномъ случаѣ, еслибъ Россія составляла часть Финляндіи, причемъ само собой разумѣется, что и войска изъ русскихъ мѣстностей должны были обучаться тогда по финскому уставу. При обратной-же зависимости отъ русскаго военнаго министерства будетъ зависѣть, куда направить на службу мѣстные контингенты: въ центральную ли Россію, на берега-ли Вислы, или на Кавказъ. Неужели нужно объяснять, что въ русскомъ государствѣ можетъ быть только одна армія, а не двѣ, и всѣ вооруженныя силы страны должны руководствоваться однимъ уставомъ, одними положеніями и быть руководимы одною волею? Мы попытались однажды создать особую армію для бывшаго Царства Польскаго, но всѣмъ извѣстно, какихъ потоковъ крови и сколькихъ бѣдствій стоилъ государству опытъ столь своеобразнаго и расходящагося съ указаніями разума устройства вооруженныхъ силъ» [538]).

Мы не скупились на выписки изъ финляндскихъ газетъ, желая этимъ путемъ наглядно обрисовать воззрѣнія финляндской журналистики на наше общее съ Финляндіею дѣло.

Стокгольмская печать («Aftonbladet») чрезвычайно удивлялась тому, что Финляндія, повидимому, готова была допустить своимъ сыновьямъ проливать свою кровь «за честь, выгоды и прихоти чужого народа». По этому поводу І. В. Снельманъ написалъ. Если при существующемъ политическомъ положеніи Финляндіи «солдатъ не можетъ проливать свою кровь за свободу собственнаго края, то послѣдствіемъ сего было бы, что Финляндія вообще не должна выставлять ни одного солдата». Онъ напоминалъ о томъ, что

Финляндія своимъ соединеніемъ съ великой державой ограждена отъ опустошеній войны, что походы Россіи вмѣстѣ съ тѣмъ ведутся и для безопасности Финляндіи, и что уже это обстоятельство налагаетъ на финляндцевъ извѣстныя обязанности. «Развѣ Финляндія во время своего соединенія со Швеціей не несла безъ ропота свою долю тягостей?» Снельманъ указалъ, наконецъ, что ихъ собственныя требованія политической самостоятельности въ извѣстной степени обусловливаютъ необходимость основанія собственнаго войска по системѣ русской защиты [559]).

Сеймъ 1877—1878 годовъ, въ которомъ находились представители обоихъ указанныхъ направленій, исходилъ изъ того положенія, что финскія войска не должны быть смѣшиваемы съ русской арміей, и, что,—согласно политическому положенію края,— это войско можетъ имѣть одну только цѣль: защищать престолъ Финляндіи и родину финновъ. Для того, чтобы финское войско отличалось отъ русскаго и чтобы оно служило одной только Финляндіи, сеймъ создалъ нѣчто среднее между постоянной арміей и милиціей съ кадрами. Пренія по военному вопросу на сеймѣ продолжались нѣсколько дней. Тѣ чувства, которыя руководили сеймомъ, наиболѣе опредѣленно были высказаны слѣдующими депутатами: «Престолъ можетъ быть въ опасности, какъ въ горахъ Кавказа, такъ и на равнинахъ Польши и у береговъ Финляндіи, но выводить арміи изъ Финляндіи ни подъ какимъ условіемъ нельзя»,—говорилъ Эклундъ. «Для финской военной организаціи не можетъ быть другой цѣли, кромѣ защиты собственной страны», добавилъ Шауманъ. «Когда меня спрашиваютъ, желаю-ли я принять воинскую повинность для защиты «государства» (Россійскаго), для того, чтобы отстаивать родину другого народа (т. е. русскаго) и политическіе интересы другихъ странъ (не финляндскихъ), я долженъ открыто заявить: нѣтъ! Мы можемъ защищать свой край и хотимъ остаться дома и не оставлять родины»,—заявилъ Р. Гартманъ. «Всеобщая воинская повинность можетъ быть вмѣнена въ обязанность только для защиты отечества и для охраны его интересовъ»; «собственная защита—въ этомъ все»; «всеобщая повинность не можетъ быть введена для иной цѣли, кромѣ защиты родины; подъ словомъ «тронъ» можно подразумѣвать только законное правительство Финляндіи; когда говорится, что защищающее Финляндію финское войско содѣйствуетъ защитѣ имперіи, то тѣмъ самымъ сказано, что никакимъ инымъ образомъ финское войско не обязано защищать имперію»,—пояснялъ проектъ устава въ своихъ рѣчахъ Л. Мехелинъ. «Войско, которое здѣсь на сеймѣ

предполагается, не можетъ быть выводимо изъ края»,—утверждалъ отставной полковникъ К. Антель. Такое сплошное отрицательное отношеніе большинства депутатовъ къ интересамъ Россіи побудило нѣкоторыхъ финляндцевъ открыто сдѣлать нѣсколько замѣчаній, кои, въ свою очередь, еще болѣе помогаютъ уяснить истинныя стремленія представителей финскаго народа на сеймѣ въ 1877 году. «Мы, сыны Финляндіи, отстраняемъ отъ себя возможность быть употребленными на любомъ театрѣ войны»,—говорилъ І. В. Спельманъ. «Въ средѣ дворянскаго сословія края говорятъ о чужихъ интересахъ, когда дѣло касается войны за Россію,—не безъ нѣкотораго сожалѣнія и укора сказалъ своимъ соотечественникамъ графъ Кронгельмъ. Здѣсь господа объявляютъ себя свободными отъ всякой солидарности съ тѣмъ государствомъ (Россіей), которое болѣе полустолѣтія охраняло насъ отъ всякихъ чужеземныхъ нападеній. Мать согрѣла и воспитала ребенка, а онъ послѣ сего отварачивается, не желая дѣлить ея участи». «Исходя изъ той точки зрѣнія»,—сказалъ генералъ Альфтанъ,—что достоинство и благо страны безусловно требуютъ, чтобы Финляндія какъ можно скорѣе выставила и содержала свое собственное хорошее войско, и въ виду того, что случай, представляющійся нынѣ для полученія такого войска на удобныхъ условіяхъ, быть можетъ никогда болѣе не повторится, я полагаю, что земскіе чины поступили-бы необдуманно, если-бъ упустили этотъ случай, не принявъ, въ той или иной формѣ, основной принципъ въ правительственномъ предложеніи о введеніи общей воинской повинности.... Всю внутреннюю гарнизонную службу, даже содержаніе карауловъ у нашихъ тюремъ и казначействъ, приходилось поручать русскимъ солдатамъ. Что въ этомъ заключалось, и все еще заключается, нѣкоторое глубокое униженіе (djupt förödmjukande) для Финляндіи, это навѣрное едва ли захочетъ отрицать кто-либо, кто чувствителенъ къ значенію своего отечества въ своихъ и чужихъ глазахъ. Правительственное (русское) предложеніе о введеніи всеобщей воинской повинности въ Финляндіи при такихъ условіяхъ должно быть всякимъ привѣтствуемо съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Представляя странѣ этимъ предложеніемъ возможность получить свою хорошую военную силу тѣмъ самымъ признаютъ, что подчиненное положеніе, въ какомъ страна до сихъ поръ находилась, представляется возможнымъ прекратить. Съ того времени, когда законъ будетъ принятъ сеймомъ Финляндіи въ существенной мѣрѣ въ состояніи будетъ защищать самое себя, и тѣмъ самымъ содѣйствовать защитѣ имперіи и ея столицы. Я не думаю также,

чтобы былъ въ странѣ какой-либо мыслящій человѣкъ, который не считалъ бы необходимостью для Финляндіи обладать хорошею арміею». По мнѣнію Монтгомери, одинъ изъ депутатовъ (Сильверсванъ), предлагая свою особую систему организаціи финскаго войска, желалъ въ самой организаціи найти непреодолимое препятствіе къ тому, чтобы финская армія не могла быть употреблена на что либо другое, какъ только на защиту собственнаго края [560]).

Итакъ, существовавшія политическія воззрѣнія и истекавшія изъ нихъ новыя домогательства были высказаны ораторами сейма 1878 года безъ всякихъ недомолвокъ. Чтобы въ самомъ текстѣ закона указать сравнительно ограниченную задачу, которую должно имѣть организованное на началѣ всеобщей воинской повинности финляндское войско, по самому существу политическаго положенія края, земскіе чины дополнили проектъ устава слѣдующимъ опредѣленіемъ: «Военныя силы Финляндіи имѣютъ цѣлью защищать престолъ и отечество и тѣмъ *содѣйствовать* также и защитѣ имперіи».

Дебаты на первыхъ засѣданіяхъ сейма были такого свойства, что дворянское сословіе, напримѣръ, постановило вовсе исключить ихъ изъ своего протокола [561]).

Въ систему организаціи финскихъ войскъ сеймъ ввелъ много особенностей, придерживаясь не русскихъ, а шведо-норвежскихъ образцовъ и исходя также изъ ложнаго воззрѣнія, что Финляндія есть особое государство, соединенное—т. е. состоящее въ уніи съ Россіей. Офицерскій составъ опредѣлено было комплектовать изъ «финляндскихъ подданныхъ». Новыя войска подчинялись не командующему войсками округа, а гражданской власти—генералъ-губернатору. Чины финскихъ баталіоновъ обязывались присягать «согласно § 18 формы правленія 1772 года», т. е. «государству» (Финляндіи) и «государственнымъ чинамъ» (т. е. сейму) и въ то же время земскіе чины отвергли русскій проектъ, въ которомъ говорилось, что воинская повинность вводится «для защиты престола и государства», такъ какъ здѣсь рѣчь шла о Россіи [562]).

Сеймъ долго разсматривалъ вопросъ, но его вниманіе болѣе заняла политическая сторона дѣла и отношенія будущихъ финскихъ воиновъ къ Россіи, чѣмъ существо вводимой воинской повинности. Земскіе чины замѣтили, что жеребій плохой сортировщикъ призывныхъ; но тѣ большіе изъяны системы всеобщей воинской повинности, которые озабочивали тогда уже серьезныхъ изслѣдователей на западѣ и въ Россіи прошли для нихъ незамѣченными. Уже при самомъ зарожденіи своемъ идея воинской по-

винности встрѣчала многихъ противниковъ. Достаточно назвать Тюрго и Кондорсэ, которые считали эту систему варварскою, дающею притомъ весьма плохихъ солдатъ, ибо не можетъ быть хорошимъ воиномъ тотъ, кто служитъ противъ воли. Принципъ этотъ былъ единодушно осужденъ и французскимъ національнымъ собраніемъ 1789 года.

Правительство назвало новое военное дѣло «повинностью» и призывало гражданъ подъ знамена лишь временно. Въ этомъ крылись слабыя стороны новой идеи. По убѣжденію древнихъ, это вовсе не повинность только, а прежде всего—призваніе, и только та армія хороша, которая хочетъ быть арміей и остается ею навсегда. Какого вы хотите воинскаго духа, когда солдатъ знаетъ, что онъ гость въ полку, что вся его долгая жизнь будетъ посвящена какому хотите дѣлу, только не военному? Воинскій духъ, какъ всякое увлеченіе, накапливается—и для этого нужно время. Лишь то дѣлается священнымъ въ глазахъ нашихъ, чему—какъ нѣкоему богу—мы приносимъ самое великое жертвоприношеніе—свою жизнь. Всякое случайное дѣло есть чужое дѣло,—только постоянное занятіе можетъ быть своимъ. Кому же придетъ охота втягиваться на два, на три года въ профессію, чтобы ее затѣмъ бросить?

Центръ вниманія военныхъ техниковъ сосредоточился тогда на количествѣ, а не на качествѣ боевыхъ единицъ.

Ко времени введенія воинской повинности въ европейской литературѣ накопился обильный матеріалъ, на который, однако, не было обращено достаточнаго вниманія земскими чинами. Точно также и въ русской литературѣ не было недостатка въ серьезной критикѣ этой идеи. «Современникъ» еще въ 1861 году писалъ: «Кто изъ родителей будетъ благодарить Бога: тѣ ли, у которыхъ дѣти молодцы по росту и здоровью, или тѣ, у которыхъ дѣти имѣютъ нѣкоторые недостатки—кривошеи, кривоноги, золотушны? Мать во время набора благословляетъ судьбу свою за то, что у нея сынъ малорослъ или кривошей. Странное положеніе общества, въ которомъ родители радуются тому, что ихъ дѣти уроды!» Кіевскій профессоръ финансовой науки Сидоренко въ своей обширной диссертаціи о рекрутской повинности (напечатанной въ 1869 г.) представилъ обстоятельную и всестороннюю критику воинской повинности, которая для финляндцевъ прошла совершенно незамѣченной. «Призывая къ военной службѣ такихъ людей, писалъ профессоръ Сидоренко, которые не имѣютъ ни соотвѣтственныхъ способностей, ни склонности къ

ней, и которые могли быть гораздо полезнѣе въ другихъ сферахъ дѣятельности, конскрипція нарушаетъ нормальное распредѣленіе рабочихъ силъ въ обществѣ еще больше, нежели рекрутскіе наборы изъ однихъ низшихъ классовъ, и тѣмъ гибельно отзываются на производительности страны». «Всеобщая воинская повинность, писалъ позднѣе «Вѣстникъ Европы», игнорируетъ различія качествъ и способностей, употребляетъ дорогостоящія силы тамъ, гдѣ нужны самыя дешевыя, и содѣйствуетъ растратѣ драгоцѣнныхъ достояній народа безъ видимой пользы для дѣла. Способъ войны послѣднихъ десятилѣтій заключался въ томъ, чтобы подавляющимъ перевѣсомъ числа замѣнить недостатокъ внутренней прочности и выдержки войскъ, а чтобы имѣть какъ можно больше войскъ, приходится сокращать срокъ службы и дѣлать ее возможною для всѣхъ въ ущербъ боевому характеру арміи. Уровень военныхъ качествъ понижается ради численности, и вмѣстѣ съ тѣмъ росла убыль въ народномъ хозяйствѣ отъ ухода работниковъ въ солдаты» [563]).

Указанныхъ сторонъ воинской повинности земскіе чины не замѣтили. Это показываетъ, что сеймъ не былъ достаточно подготовленъ для этого дѣла и не стоялъ на высотѣ своей задачи, какъ и вообще многолюдныя коллегіальныя учрежденія не спеціальнаго характера.

Уставъ о воинской повинности принятъ былъ сословіями большинствомъ $^2/_3$ всѣхъ поданныхъ голосовъ. Ландмаршалъ баронъ І. А. фонъ-Борнъ телеграммой увѣдомилъ графа Адлерберга о принятіи земскими чинами устава о воинской повинности. Графъ Адлербергъ въ свою очередь приказалъ телеграфировать объ этомъ Шернваль-Валлену. Довольный такимъ исходомъ дѣла на сеймѣ, графъ Адлербергъ представилъ къ орденамъ депутатовъ Мехелина и Монтгомери за то, что они «значительно содѣйствовали къ рѣшенію вопроса о введеніи въ Финляндіи всеобщей воинской повинности». Норденстамъ, поясняя уставъ о воинской повинности графу Адлербергу, указалъ, что проектъ сейма не вполнѣ согласуется съ предложеніемъ, но утѣшалъ графа тѣмъ, что земскіе чины просятъ Государя по прошествіи десяти лѣтъ или ранѣе предложить пересмотрѣть законъ [564]).

Когда представленіе земскихъ чиновъ сейма о воинской повинности поступило въ статсъ-секретаріатъ, министръ статсъ-секретарь баронъ Шернваль-Валленъ просилъ Государя позволить передать его на разсмотрѣніе сената, а затѣмъ на заключеніе военнаго министра (14—26 марта 1878 г.). Государь разрѣшилъ.

Проектъ сейма и заключеніе сената были затѣмъ направлены въ Петербургъ, въ комитетъ по финляндскимъ дѣламъ, который для разсмотрѣнія этого дѣла переѣхалъ въ Гельсингфорсъ, гдѣ и открылъ свои экстренныя засѣданія.

Статсъ-секретаріатъ, препровождая затѣмъ на заключеніе военнаго министра сеймовый проектъ устава съ мнѣніемъ сената, ничего не сообщилъ графу Милютину о ходатайствѣ сейма и сената придать нѣкоторымъ положеніямъ устава значеніе основныхъ законовъ края. Фактъ этотъ установленъ теперь вполнѣ опредѣленно и признанъ даже чрезвычайнымъ сеймомъ 1899 года [565]). Слѣдовательно, не все дѣло по уставу о воинской повинности было сполна препровождено на заключеніе генералъ-адъютанту Милютину: главнѣйшій изъ возникшихъ на сеймѣ, и поддержанныхъ сенатомъ, вопросовъ не былъ вовсе доведенъ до его свѣдѣнія. Вслѣдствіе этого, очень важное обстоятельство—о конституціонномъ свойствѣ одной части будущаго военнаго закона—осталось совершенно неосвѣщеннымъ съ русской государственной точки зрѣнія. Генералъ-адъютантъ Милютинъ смотрѣлъ на уставъ, какъ на временное законоположеніе, вводимое лишь на десять лѣтъ, которое можетъ легко быть измѣнено по указаніямъ практики. Превращеніе же одной части устава о воинской повинности въ основной законъ, т. е. включеніе его въ конституцію Финляндіи, совершенно пересоздавало это условіе, такъ какъ для измѣненія основного закона правительство должно было получить «согласіе» всѣхъ четырехъ сословій сейма. Знай все это графъ Милютинъ, онъ не могъ бы остаться при томъ убѣжденіи, что нужныя перемѣны легко будутъ внесены въ уставъ, когда въ томъ явится необходимость. Надо помнить, что уже въ 1877 году газета «Helsingfors Dagblad» (№ 1), руководившая общественнымъ мнѣніемъ, находила, что нельзя установить вопроса о воинской повинности, не укрѣпивъ одновременно финляндскаго конституціональнаго положенія.

Въ сокрытіи отъ военнаго министра столь важнаго ходатайства нельзя не видѣть поэтому извѣстной преднамѣренности, особенно, если припомнить, что Милютинъ высказывался противъ передачи устава на обсужденіе земскихъ чиновъ. Нѣтъ также сомнѣнія въ томъ, что Милютинъ всѣмъ своимъ авторитетомъ возсталъ-бы противъ такого домогательства сейма, какъ онъ самъ высказался о томъ впослѣдствіи генералу Куропаткину, во время бытности его въ Ливадіи 6 декабря 1899 года. Сокрытіемъ же отъ него ходатайства сейма, министру статсъ-

секретарю легче удалось добиться его согласія на утвержденіе устава.

Изъ частнаго письма графа Д. А. Милютина гофмейстеру и историку К. Ф. Ордину (отъ 13 марта 1890 г.) мы узнаемъ немаловажное признаніе бывшаго военнаго министра Императора Александра II: «Помню только, пишетъ графъ, что я дѣйствительно представилъ покойному Государю Императору многія и существенныя возраженія на составленный финляндскою комиссіею проектъ означеннаго положенія (т. е. воин. повин.), и что Его Величество изъявилъ согласіе на большую часть моихъ мнѣній. Не смотря на то, въ окончательно утвержденномъ положеніи большая часть указанныхъ мною неудобныхъ статей осталась безъ перемѣны».....

Изъ писемъ, коими обмѣнялись Шерваль-Валленъ съ барономъ фонъ Котеномъ, видно, что дѣло устава находилось въ опытныхъ рукахъ Пальмрота. 9/20 іюня 1878 года баронъ Шерваль-Валленъ писалъ фонъ Котену: «Мнѣ предстоитъ только доложить для Высочайшей санкціи воинскую повинность, и я надѣюсь, что она не встрѣтитъ препятствія въ военномъ министрѣ, которому надлежитъ предварительно дать свое заключеніе». Въ ноябрѣ (18/30) и декабрѣ 1878 года баронъ сообщалъ изъ Флоренціи: «Мнѣ надлежало бы немедленно ѣхать туда (въ Петербургъ) для доклада военнаго вопроса (о воин. повин.); но Пальмротъ знаетъ это дѣло такъ же хорошо, какъ и я, и я предоставляю ему эту заботу» и потому Шерваль спрашивалъ Государя, соизволитъ-ли Его Величество повелѣть ему вернуться на свой постъ, или разрѣшитъ остаться на югѣ, такъ какъ «дѣла подъ руководствомъ Пальмрота идутъ такъ же хорошо, какъ и подъ моимъ». Дѣло о воинской повинности К. Пальмротъ послалъ въ Ливадію, прося позволеніе или лично доложить, или отложить дѣло, въ виду финансовыхъ и законодательныхъ вопросовъ, связанныхъ съ уставомъ о воинской повинности. Государь надписалъ: «Отложить до моего возвращенія» (9/21 сентября 1878 г.).

Утвержденіе устава о воинской повинности состоялось 6 декабря 1878 года, но въ силу онъ долженъ былъ войти съ 1881 года. Между тѣмъ на Балканскомъ полуостровѣ разгорѣлась уже война, и опасались, что тайная союзница Турціи Англія произведетъ диверсіи въ Балтійскомъ морѣ, а потому Свеаборгъ успѣшно укрѣпляли. Нужно было подумать и о вооруженіи финновъ. Оружіе предполагалось взять «изъ запасовъ артиллерійскаго вѣдомства». Въ 1878 году сдѣлано было представленіе о сформированіи въ Фин-

ляндіи 4-хъ вербованныхъ стрѣлковыхъ баталіоновъ. Государь положилъ резолюціи: «Быть по сему». «О времени же формированія дамъ особое приказаніе» (10/22 мая и 9 іюня 1878 г.). Еще раньше представлены были соображенія о постройкѣ финскихъ казармъ (9/21 марта 1877 г.). Государь повелѣлъ: «Дѣло это отложить до окончательнаго разрѣшенія вопроса о новой воинской повинности въ Финляндіи» [566]).

Въ іюлѣ 1879 года въ морскомъ министерствѣ возбужденъ былъ вопросъ о привлеченіи финляндцевъ къ военно-морской службѣ. При этомъ Его Императорскому Высочеству, генералъ-адмиралу, стоявшему во главѣ морского вѣдомства,—«угодно было выразить мнѣніе, чтобы финляндскому сенату было поручено сообразить, не представляется ли удобнѣйшимъ изъ числа лицъ, поступающихъ въ военную службу на основаніи закона о всеобщей воинской повинности, отчислить опредѣленное количество, преимущественно изъ людей береговаго населенія, для морской службы, съ образованіемъ изъ нихъ флотскаго экипажа въ дѣйствующемъ и резервномъ составѣ, а затѣмъ относительно приготовленія для экипажа офицеровъ изъ финляндскихъ уроженцевъ, учредить при финляндскомъ кадетскомъ корпусѣ особый курсъ, изъ котораго воспитанники поступали бы въ соотвѣтственные высшіе классы морского училища въ С.-Петербургѣ». Дѣло кончилось неожиданно упраздненіемъ финскаго кадроваго экипажа, безъ всякой его замѣны другимъ экипажемъ.

Въ 1881 году сформированы были первые финскіе баталіоны по уставу о воинской повинности 1878 года. Общая численность всѣхъ 8 финскихъ баталіоновъ достигала 5.000 человѣкъ. Это дало одному сеймовому депутату (Хёккерту) поводъ сказать, что войска вводились не для пользы, а для вида. Форма для стрѣлковыхъ финскихъ баталіоновъ была такая-же, какъ у соотвѣтствующихъ войскъ имперіи, но погоны и выпушки—голубого цвѣта [567]).

Ссылаясь на короткій срокъ службы, на запасъ и особенно на созывъ запаса въ военное время, когда некогда будетъ обучать людей, и на незнаніе языка, сенатъ просилъ разрѣшенія произносить команды въ войскахъ на финскомъ языкѣ. Государь надписалъ: «Требую, чтобы всѣ команды дѣлались, какъ это и доселѣ было, на русскомъ языкѣ» (29 января—10 февраля 1881 г.). Командующій же войсками графъ Адлербергъ до такой степени во всемъ слѣдовалъ въ фарватерѣ сената, что даже въ данномъ случаѣ не возразилъ противъ явно несообразнаго домогательства.

Уставъ былъ утвержденъ. Финляндія много выиграла въ политическомъ отношеніи, такъ какъ ожидалось усиленіе и возвышеніе патріотизма среди призванныхъ подъ знамена. Но предстояло еще установить много новыхъ порядковъ. На стражѣ мѣстныхъ военно-политическихъ интересовъ продолжала стоять редакція «Helsingfors Dagblad», руководимая бывшимъ офицеромъ Лагерборгомъ. Она неустанно взывала къ «конституціонному образу мыслей» и внушала работникамъ милиціонной экспедиціи сената вести реформы «въ финскомъ патріотическомъ духѣ, не уступающемъ ни малѣйшаго мѣста для постороннихъ (русскихъ) вліяній». Газета доказывала, что докладчикомъ по дѣламъ финскихъ войскъ могъ быть только финляндецъ и ни въ какомъ случаѣ не русскій начальникъ штаба финляндскаго военнаго округа. Газета допускала только одно исключеніе въ пользу русской власти надъ финскими войсками, это подчиненіе ихъ военному министру имперіи. Далѣе настаивалось на томъ, чтобы финскія войска были расположены внутри страны. Нюландскій батальонъ предлагалось расположить въ Гельсингфорсѣ, такъ какъ въ этомъ городѣ находится большая часть «государственныхъ учрежденій», которыя нуждаются въ охранѣ военною стражею. До тѣхъ поръ эта обязанность лежала на русскихъ войскахъ, занимавшихъ въ городѣ караулы. Отъ этой-то «чужой для нихъ службы» и надлежало освободить ихъ [568]). По мнѣнію газеты, русскія войска должны убраться, куда имъ угодно, а финскій экипажъ, какъ вербованный,—расформированъ. Иначе говоря, финскія войска всѣми способами обособлялись и выдѣлялись изъ состава русской арміи, и потому то въ печати столь громко велась рѣчь объ особомъ патріотизмѣ финскихъ военныхъ начальниковъ, а одинъ изъ ораторовъ сейма сказалъ, что новая воинская повинность дастъ массу инструкторовъ для народа.

Русскіе, отдававшіе себѣ отчетъ о происходившемъ вокругъ ихъ военно-организаціонномъ движеніи, обезпокоились настойчивымъ стремленіемъ финляндцевъ къ новой цѣли, понимая, что при благодушномъ отношеніи нашихъ правящихъ сферъ къ Финляндіи и полной безпечности и непониманіи дѣла генералъ-губернаторомъ, обособленность финскихъ войскъ могла повести къ такимъ неудобствамъ, которыя со временемъ въ состояніи были создать для Россіи политическія затрудненія и, во всякомъ случаѣ тяжело отозваться на отношеніяхъ финляндскихъ войскъ къ русской арміи. «И теперь уже, писалъ весьма сдержанный корреспондентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (1879, 11 янв., № 11)

при существованіи всего только двухъ военныхъ финскихъ частей въ городѣ,—финскаго стрѣлковаго баталіона и кадроваго экипажа,— незамѣтно никакого общаго товарищескаго духа, не говорю уже между солдатами, но и между офицерами русскихъ войскъ и финскихъ. А эти качества въ военномъ дѣлѣ не послѣдняя вещь. Военные финны держатъ себя совершенно особнякомъ и свысока относятся къ русскимъ военнымъ».

Побуждаемые желаніемъ создать для себя отдѣльную армію, финляндцы (въ іюлѣ 1880 г.) хлопотали о созывѣ комиссіи, съ цѣлью обсужденія вопроса по сформированію особой финской артиллеріи. Однако на означенное ходатайство Высочайшаго разрѣшенія не послѣдовало, и «самое возбужденіе вопроса о формированіи артиллеріи для помянутыхъ войскъ было отклонено [569])». Въ артиллеріи финляндцамъ отказали, но вскорѣ русское правительство, никогда не отличавшееся послѣдовательностью въ финляндской политикѣ, предложило имъ сформировать свой кавалерійскій полкъ.

Когда Финляндія, въ силу манифеста 4 апрѣля (н. ст.) 1860 года, получила право на собственную монетную единицу, то историкъ этого періода пояснялъ достигнутый успѣхъ, не только какъ признаніе финляндской обособленности по отношенію къ Россіи, но такъ же какъ первый шагъ, сдѣланный въ томъ предположеніи, чтобы при будущихъ удобныхъ обстоятельствахъ произведены были остальные шаги въ томъ же направленіи. Послѣдовательные финляндцы этого не забыли и при новомъ подходящемъ случаѣ двинулись далѣе по пути финансоваго обособленія [570]).

До 1870 года серебряная денежная единица не вызывала въ Финляндіи никакихъ возраженій. Но вслѣдъ засимъ, особенно въ 1874 и 1875 годахъ, обнаружилось паденіе цѣнности серебра на денежномъ міровомъ рынкѣ и многіе изъ тѣхъ государствъ, съ которыми Финляндія вела торговлю, перешли къ золотой валютѣ. Быстрыя и значительные колебанія курса, а также увеличеніе платежей по займамъ причинили финляндскому банку и финляндской казнѣ значительные убытки. Сеймовые уполномоченные банка, опираясь на это обстоятельство, возбудили (въ началѣ 1876 г.) ходатайство о томъ, чтобы впредь въ Финляндіи основой монетной системы служило золото, а не серебро. Министръ статсъ-

секретарь Шерваль-Валленъ при первомъ же докладѣ повергъ дѣло на Высочайшее благовоззрѣніе. Государь отвѣтилъ, что такая мѣра по отношенію къ Финляндіи можетъ быть принята только тогда, когда остальная Россія перейдетъ къ золоту. Сенатъ оставилъ поэтому представленіе уполномоченныхъ банка безъ разсмотрѣнія [571]).

Финляндцы сознали, что поторопились и потому стали обдумывать, какъ исправить оплошность. При статсъ-секретаріатѣ Пальмротъ и Форсманъ подосадовали на Шерваля и рѣшено было просить объ учрежденіи особой комиссіи для предварительнаго разсмотрѣнія дѣла. Не въ тонъ политическимъ дѣльцамъ попалъ также исправлявшій должность генералъ-губернатора Индреніусъ. Сообщая министру статсъ-секретарю о томъ, что отвѣтъ Государя переданъ сенату и тамъ заслушанъ, генералъ добавилъ, что «вопросъ о введеніи въ Финляндіи золота монетнымъ основаніемъ не возбуждаетъ въ краѣ особеннаго общаго интереса; только въ газетахъ появлялись по временамъ о томъ разсужденія, равно и въ торговомъ сословіи, которыя повидимому начинаютъ утихать» [572]). Отвѣтъ Индреніуса былъ доложенъ Его Величеству Шерваль-Валленомъ и тѣмъ не менѣе «Государю Императору благоугодно было разрѣшить сенату назначить особую комиссію для разсмотрѣнія изложеннаго вопроса, а затѣмъ войти по оному съ представленіемъ обыкновеннымъ порядкомъ» [573]).

Дѣло было поднято съ откоса и поставлено на рельсы и далѣе оно покатилось уже безпрепятственно. Не смотря на лѣтнее время, вопросъ разсмотрѣли въ комиссіи и стали просить о передачѣ его земскимъ чинамъ. Комиссія остановилась на необходимости перехода отъ серебра къ золоту, какъ единственному мѣрилу цѣнностей и единственному средству измѣненія тяжелаго положенія края. Вмѣстѣ съ этимъ предложено было приравнять «главную монету страны» къ одной изъ иностранныхъ монетъ, дабы не вводить на всемірный рынокъ неизвѣстной единицы. Выборъ палъ на французскій франкъ. Очевидно, что члены комиссіи смотрѣли на Финляндію, какъ на отдѣльное государство, которому предстояло вести торговлю «съ иноземными странами». Сенатъ, не взирая на то, что постановленіемъ 8 ноября 1865 года металлическій рубль оставленъ законной монетой, дополнилъ проектъ комиссіи ходатайствомъ объ исключеніи этого рубля изъ обращенія въ Финляндіи. Это положеніе особенно развивалъ сенаторъ Моландеръ.

Вопросъ направили въ министерство финансовъ. Рейтернъ (14 августа) призналъ, что золото упрочитъ экономическое поло-

женіе Финляндіи, но въ то-же время открыто и опредѣленно не рѣшился высказаться за изгнаніе русскаго рубля, т. е. за отнятіе у него значенія законнаго платежнаго знака, въ виду Высочайшаго постановленія (8 ноября 1865 г.), которымъ этотъ рубль установленъ законодѣйствительною монетою и общею монетою государства, такъ какъ серебряная марка составляла лишь подраздѣленіе его и соотвѣтствовала одной четверти рубля. Тогда къ Рейтерну отправился сенаторъ Моландеръ и между ними произошелъ такой примѣрно разговоръ: «Вѣдь вы желаете имѣть золотую монету»? спросилъ министръ. «Да», отвѣтилъ сенаторъ. «Въ такомъ случаѣ оставьте пока серебряный рубль, а впослѣдствіи, когда будетъ у васъ золотая монета, можете представить о неудобствахъ серебрянаго рубля и отмѣнить его par force majeure». Финляндцы, конечно, поступили такъ, какъ научилъ ихъ русскій министръ, почему въ журналѣ комитета финляндскихъ дѣлъ значилось: «Что касается вопроса объ исключеніи изъ обращенія серебрянаго рубля, то комитетъ рѣшилъ, въ виду отзыва министра финансовъ, объ означенной мѣрѣ впредь до времени совершенно не представлять» [574]).

Генералъ-губернаторъ графъ Адлербергъ подтвердилъ наличность обстоятельствъ, приведенныхъ сенатомъ въ пользу необходимости введенія въ краѣ золотой единицы и находилъ желательнымъ,— въ видѣ дополненія къ прежнимъ положеніямъ о чеканкѣ въ Финляндіи особенной серебряной монеты и выпускѣ особыхъ кредитныхъ билетовъ,—разрѣшеніе чеканенія и золота, такъ какъ наличные запасы этого металла вполнѣ обезпечиваютъ осуществленіе такого предположенія [575]). «Быть по сему»,—гласила царская резолюція, начертанная 1—13 сентября 1876 года, въ Ливадіи, «но съ тѣмъ, чтобы проектъ о введеніи въ Финляндіи золотой монетной единицы былъ, предварительно Моего утвержденія, разсмотрѣнъ въ Комитетѣ Финансовъ» [576]).

Въ резолюціи Государя не упоминается о передачѣ дѣла сейму, но такъ какъ въ представленіи сената и въ журналѣ комитета финляндскихъ дѣлъ говорится о передачѣ вопроса земскимъ чинамъ, то утвержденіе Государемъ сего журнала было понято, какъ одобреніе всего въ немъ изложеннаго, а въ томъ числѣ и Его согласіе на передачу проекта земскимъ чинамъ. На такомъ шаткомъ основаніи вопросъ о монетной системѣ впервые былъ направленъ въ сеймъ, между тѣмъ какъ вся прежняя монетная реформа проведена была безъ выслушанія голоса о ней земскихъ чиновъ. Сами финляндцы не знали, необходимо-ли и

полезно-ли участіе въ семъ дѣлѣ сеймовыхъ депутатовъ. Въ газетахъ по этимъ вопросамъ высказывались разныя мнѣнія. Передача сейму вопроса о монетной системѣ состоялась въ силу §§ 40 и 44 формы правленія 1772 года [577]). Нѣсколько раньше въ газетахъ возникла полемика, въ которой принялъ участіе еще Лангеншельдъ, о правѣ правительства производить заемъ безъ участія земскихъ чиновъ. Все это свидѣтельствуетъ о той неопредѣленности, которая господствовала въ умахъ финляндскихъ дѣятелей по столь существенному дѣлу, какимъ являются законы о финансахъ края.

Въ комитетѣ финансовъ вопросъ былъ рѣшенъ очень просто и быстро. Въ запискѣ, при которой дѣло вносилось въ этотъ комитетъ, министръ Рейтернъ не коснулся даже вопроса о томъ, не разрывается-ли проектомъ финляндцевъ о золотой валютѣ послѣдняя связь съ русскою монетною системою, основанной на серебрѣ. Представитель Россіи объ этомъ не заботился. Его болѣе занимали интересы Финляндіи. Чтобы охранить ихъ, онъ вновь предостерегалъ упорныхъ финляндцевъ до поры до времени не упоминать вовсе о совершенной отмѣнѣ обращенія серебрянаго рубля. Со словъ одного изъ участниковъ засѣданія комитета финансовъ—товарища министра статсъ-секретаря Пальмрота—извѣстно, что послѣ оглашенія доклада и чтенія соображеній министра финансовъ только государственный контролеръ Грейгъ замѣтилъ: «Если Финляндія желаетъ имѣть золотую монету, то пусть вмѣсто серебрянаго рубля приметъ русскій полуимперіалъ». На это Ламанскій возразилъ, что полуимперіалъ есть монета неудобная и непримѣнимая въ международныхъ отношеніяхъ. Другіе члены — Абаза, Заблонскій и Моландеръ—а также предсѣдатель комитета — Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ согласились съ Рейтерномъ и дѣло было окончено».

Императоръ Александръ II оставался послѣдовательнымъ: ни одной важной реформы въ Финляндіи онъ не хотѣлъ производить безъ заключенія соотвѣтствующихъ министровъ имперіи. Такъ дѣйствовалъ Онъ и въ финансовыхъ дѣлахъ. Когда проектировалось учрежденіе въ Петербургѣ конторы финляндскаго банка, Государь повелѣлъ запросить министра финансовъ (29 іюля—10 августа 1858 г.). Когда поднятъ былъ вопросъ (уже въ 1874 г.) объ измѣненіи правилъ выпуска билетовъ финляндскаго банка, Государь настаивалъ: «Спросить предварительно мнѣніе министра финансовъ» (23 февраля—7 марта 1874 г.). Къ сожалѣнію, министръ финансовъ не проявилъ никакого старанія согласовать

требованія имперіи съ интересами ея окраинъ и заботы Государя не встрѣтили отзвука въ сердцѣ лифляндца Михаила Христофоровича Рейтерна, который, принадлежа къ либеральному лагерю, сообразно съ этимъ относился къ политическимъ вопросамъ: польскому, прибалтійскому и финляндскому [578]).

5 апрѣля 1877 года министръ финансовъ увѣдомилъ генералъ-губернатора, графа Адлерберга, о томъ, что, согласно Высочайше утвержденному журналу комитета финансовъ, можно дать дальнѣйшій ходъ предложеніямъ сейму, но съ тѣмъ, чтобы въ нихъ не упоминалось о совершенномъ прекращеніи обязательнаго хожденія въ Финляндіи русской серебряной полнопробной монеты [579]).

Чинамъ сейма были представлены правительственныя предложенія: 1) о введеніи въ Финляндіи золотой монетной единицы и 2) о цѣнности русскаго серебра въ Финляндіи. Первое предложеніе заключаетъ въ себѣ слѣдующіе главнѣйшіе пункты: въ Финляндіи вводится золотая монетная единица, вмѣсто существующей серебряной. Въ Финляндіи серебро будетъ служить размѣнною монетою. Всѣ обязательства по контрактамъ должны быть уплачиваемы золотомъ, исключая суммъ менѣе десяти марокъ. При уплатахъ же въ казну и размѣнѣ въ финляндскомъ банкѣ, серебро будетъ приниматься въ неограниченномъ количествѣ. Съ 1 января 1878 года, всѣ счеты должны вестись на золото. Русскій рубль, а равно русское серебро 84-й пробы, будутъ служить наравнѣ съ финляндскимъ серебромъ, размѣнною монетою. Эти высочайшія предложенія были приняты на сеймѣ (1877—1878 г.) безъ возраженій и измѣненій.

Государь въ это время находился на театрѣ военныхъ дѣйствій. Доклады Ему посылались въ главную квартиру арміи — въ Зимницу на Дунаѣ и затѣмъ въ Бѣлую. Туда-же отправленъ былъ отзывъ земскихъ чиновъ о введеніи въ Финляндіи золотой монеты. Государь поставилъ на общемъ докладѣ знакъ ℓ (читалъ?). Итакъ, въ далекой Болгаріи, на бивакѣ въ Бѣлой 11—23 іюля 1877 года Государь утвердилъ законъ о золотой монетѣ Финляндіи. Одновременно было издано постановленіе о томъ, что казенныя кассы обязаны брать при платежахъ не болѣе 2 р. 50 к. русскою серебряною монетою!

Такъ заканчивалась—писалъ К. Ф. Ординъ,—одна изъ «печальныхъ страницъ нашей исторіи», и Финляндія добилась полнаго обособленія своей денежной системы отъ имперской [580]).

Въ свое время Рокасовскій напоминалъ о необходимости сохраненія тѣсной финансовой связи Финляндіи съ Россіей. Даже

Спельманъ признавалъ справедливость требованій единства монетной системы въ предѣлахъ имперіи. Но все это забылось или оставалось неизвѣстнымъ нерадивому къ русскимъ интересамъ генералъ-губернатору графу Адлербергу: марку приравняли къ франку и монетное единство въ предѣлахъ имперіи было совершенно уничтожено. Замѣчательно то, — какъ передаетъ Спельманъ, — что щекотливый вопросъ о монетной реформѣ болѣе поддерживали русскія власти, чѣмъ тѣ лица, которыя стояли ближе къ Финляндіи. Изъ русскихъ руку помощи охотно протянули финляндцамъ предсѣдатель государственнаго совѣта и комитета финансовъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, финляндскій генералъ-губернаторъ, министръ финансовъ статсъ-секретарь Рейтернъ и статсъ-секретарь Валуевъ, коимъ финляндцы и выражали свою признательность [381]).

Земскіе чины 1878 года, по предложенію проф. Монтгомери, возбудили ходатайство о сокращеніи межсеймовыхъ періодовъ. Когда по этому вопросу запросили мнѣніе сената, голоса раздѣлились: меньшинство полагало поддержать сеймъ, большинство же основательно усмотрѣло, что новый сеймовый уставъ примѣнялся столь непродолжительное время, что опытъ не даетъ для ходатайства никакихъ серьезныхъ основаній. При этомъ приняли во вниманіе, что крестьянское сословіе высказалось противъ частыхъ созывовъ дорого стоящихъ сеймовъ. Генералъ-губернаторъ также не былъ склоненъ къ удовлетворенію ходатайства и просилъ «отказать въ изложенной петиціи». Комитетъ финляндскихъ дѣлъ (2 марта 1879 г.) присоединился къ большинству сената, подкрѣпленному начальникомъ края.

Но этимъ роль комитета въ данномъ случаѣ не окончилась. Съ Высочайшаго разрѣшенія, предсѣдатель комитета, баронъ Шернваль-Валленъ, предложилъ членамъ его разсмотрѣть вопросъ о томъ, не окажется ли возможнымъ инымъ образомъ достигнуть упрощеніе производства дѣлъ на сеймѣ. Комитетъ испросилъ тѣмъ не менѣе Высочайшее разрѣшеніе представить на благоусмотрѣніе Его Величества свои соображенія по столь важному вопросу. Соизволеніе Государя послѣдовало 22 марта—3 апрѣля 1879 года. Самъ ли Государь возбудилъ вопросъ объ этомъ порученіи, или баронъ Шернваль сдѣлалъ это ловкое предложеніе—неизвѣстно, но комитетъ призналъ необходимымъ себя оградить Высочайшимъ

повелѣніемъ. Такъ возникло крайне серьезное дѣло о дарованіи сейму законодательной инициативы.

При обсужденіи въ комитетѣ вопроса о правѣ моцій единогласія не было достигнуто. Но засѣданія велись тайно, безъ протокола, въ виду секретности дѣла, и потому особое мнѣніе одного члена комитета не было отмѣчено и барону Шернвалю не представляло труда скрыть это обстоятельство отъ Монарха. Впослѣдствіи же, когда (въ 1884 г.) вопросъ пересталъ быть секретнымъ, всѣ прежнія бумаги были подшиты къ дѣлу, кромѣ особаго письменнаго мнѣнія члена комитета, которое исчезло безслѣдно.

Это особое мнѣніе сводилось къ слѣдующему: причину сложности сеймоваго производства надо искать, во 1-хъ, въ четырехъкамерной системѣ сейма и, во 2-хъ, въ тѣхъ двухъ языкахъ, которые употребляются въ его дѣлахъ. Право законодательной инициативы очень мало способно упростить и ускорить дѣлопроизводство, а между тѣмъ, судя по дѣятельности сейма, можно ожидать представленія такихъ проектовъ, которые до сихъ поръ отклонялись правительствомъ, напримѣръ, о разсмотрѣніи бюджета, о высшемъ судѣ, о судебномъ контролѣ сейма, о свободѣ печати, о кодификаціи основныхъ законовъ, о контролѣ таможенныхъ сборовъ, о консульскомъ представительствѣ, о національномъ флагѣ и о разныхъ политическихъ вопросахъ. По симъ соображеніямъ членъ комитета охотнѣе склонялся къ болѣе частымъ созывамъ сейма, чѣмъ къ предоставленію земскимъ чинамъ права моцій.

Отъ имени комитета послѣдовала докладная записка на французскомъ языкѣ, въ которой испрашивалось для сейма право инициативы. «О разногласіи въ комитетѣ ни слова не упомянуто и особаго мнѣнія будто не существовало»,—читаемъ въ запискахъ современника. Государь надписалъ: «Я желалъ бы знать мнѣніе князя Урусова объ этомъ».

Второе отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, начальникомъ котораго состоялъ князь С. Н. Урусовъ, не замедлило (22 января 1880 г., № 53), конечно, отвѣтомъ, который сводился къ согласію съ мнѣніемъ комитета. Здѣсь необходима маленькая подробность. Финляндецъ Брунъ (будущій министръ статсъ-секретарь) состоялъ въ это время товарищемъ князя Урусова и, послѣ соглашенія съ Пальмротомъ (товарищемъ Шернваля), вѣроятно, составилъ отвѣтъ второго отдѣленія.

Одновременно статсъ-секретаріатъ велъ конфиденціальную переписку по тому же дѣлу съ генералъ-губернаторомъ. Графъ Адлербергъ (9 февраля 1880 г.), отношенія котораго къ барону

Шернвалю тогда испортились, заявилъ: «Несмотря на то, что я знаю всѣ достойныя уваженія стороны финскаго народа и сочувствую исполненію всѣхъ его желаній, и въ то же время, не касаясь впечатлѣнія, которое могутъ произвести въ имперіи нововведенія, дающія великому княжеству право моцій, я осмѣливаюсь однако замѣтить, что утвержденіе этого права за Финляндіей можетъ отозваться неблагопріятно въ Россіи, особенно въ данный моментъ, когда нѣкоторые умы возбуждены и могутъ въ немъ обрѣсти поводъ къ ропоту, глядя на Финляндію, которая получаетъ новое и значительное право сейма, тогда какъ Россія никакимъ представительнымъ правленіемъ не пользуется». Далѣе въ письмѣ графа Адлерберга идетъ ссылка на барона Норденстама и барона Шультена (бывшаго вице-предсѣдателя сената), а также профессора Пальмена, изъ которыхъ первые двое «совершенно отказались отъ мысли предоставленія права моцій сейму», а третій,—на вопросъ генералъ-губернатора, почему сеймъ такъ настойчиво добивается права моцій, не пріобрѣтая въ сущности никакихъ преимуществъ,—отвѣтилъ: «это болѣе вопросъ самолюбія, чѣмъ правительственнаго значенія; это ставитъ ихъ страну въ положеніе другихъ представительныхъ правленій и человѣкъ, предлагающій законъ, хвастается потомъ полученіемъ на него согласія Императора и сейма»... Послѣ сего послѣдовала Высочайшая резолюція: «Отложить до болѣе удобнаго времени» (февраль 1880 г.).

Не прошло и трехъ полныхъ мѣсяцевъ, какъ баронъ Шернваль-Валленъ вновь пишетъ (3 мая 1880 г.) графу Адлербергу: «Вашему Сіятельству во всякое время въ точности извѣстны тѣ обстоятельства, по которымъ со стороны финляндскаго управленія можетъ оказаться цѣлесообразнымъ вновь повергнуть изложенный вопросъ на Высочайшее Его Величества заключеніе». Министръ статсъ-секретарь убѣдился, что на сеймѣ существуетъ партія, «стремящаяся къ расширенію правъ земскихъ чиновъ»; но въ то же время онъ держится воззрѣнія, что починъ въ дополненіи или измѣненіи законовъ долженъ принадлежать Монарху. «Примѣняя это соображеніе къ вопросу о дарованіи сейму права предложеній (motionsrätt), продолжалъ Шернваль, я полагаю, что своевременное предоставленіе сейму помянутого права, по личному соизволенію нашего возлюбленнаго Монарха, произвело бы во всемъ краѣ въ высшей степени благопріятное впечатлѣніе, какъ новое доказательство довѣрія Его Императорскаго Величества къ Его вѣрноподданному и преданному финскому народу. Нельзя также упу-

Генералъ-губернаторъ
гр. Н. В. Адлербергъ.

Министръ статсъ-секретарь
Шернваль-Валленъ.

стить изъ вида, что таковая новая милость именно въ то время, когда правительство требуетъ отъ сеймовыхъ сословій новыхъ крайне ощутительныхъ жертвъ на содержаніе войска, безъ сомнѣнія, побудило бы ихъ съ своей стороны съ готовностью принять на себя требуемыя жертвы». Графъ Адлербергъ отвѣтилъ уклончиво: противъ дарованія сейму права моцій онъ ничего не имѣлъ, но взять на себя починъ представленія вопроса Его Величеству отказался (13—21 мая 1880 г.). На этомъ остановилось движеніе вопроса въ царствованіе Императора Александра II [582]).

XII. Политическая жизнь края.

На первыхъ сеймахъ партій въ политическомъ смыслѣ не было вслѣдствіе того, что самостоятельная политическая жизнь, съ созывами земскихъ чиновъ, едва зачиналась въ предѣлахъ Финляндіи. Но вскорѣ же стали сказываться обстоятельства, которыя должны были разграничить группы общественныхъ дѣятелей. Одни проявили нетерпѣливость въ проведеніи реформъ, другіе недовѣрчиво встрѣчали всякое нововведеніе; первые крѣпко держались скандинавской культуры и шведскаго языка, вторые находили несправедливымъ пренебреженіе къ языку главной массы края. Во время преній по вопросу о періодичности сеймовъ (въ 1863 г.) одни депутаты усомнились въ самомъ правѣ сейма петиціонировать по такому предмету. Это обстоятельство также содѣйствовало образованію двухъ противоположныхъ партій. Такимъ образомъ во взглядахъ однихъ депутатовъ стало выдвигаться консервативное направленіе, а въ другихъ, особенно среди дворянскаго сословія, возобладали либеральныя стремленія. Наконецъ, вопросъ о языкахъ, «сводившійся къ предоставленію финскому языку въ общественной жизни мѣста, соотвѣтствующаго племенному составу населенія», послужилъ главнѣйшимъ поводомъ и основаніемъ къ созданію двухъ партій. «Споръ о языкахъ — говоритъ г. Nemo — есть нѣчто большее, нежели простая борьба національностей: это есть классовый споръ двухъ различныхъ слоевъ общества. Обстоятельства, вліявшія на развитіе нашей національности сложились у насъ такъ, что работа въ пользу финскаго населенія и его правъ была вмѣстѣ съ тѣмъ работою въ пользу народа. Финноманскія стремленія направлялись не противъ говорящаго по шведски простонародія, а противъ говорящаго по шведски образованнаго сословія. Наоборотъ: ревнители шведскаго языка и шведской культуры имѣли, прежде всего, въ виду защиту старинныхъ правъ именно этого образованнаго класса» [583]).

Первое зерно финноманской партіи было посажено въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда Эліасъ Ленротъ положилъ основаніе «Финскому литературному обществу», изъ котораго впослѣдствіи вышли главные вожди финномановъ—І. В. Снельманъ и Ирье-Коскиненъ. Около того же времени (1839) приватъ-доцентъ Арвидсонъ высказалъ ту основную мысль, которая до сихъ поръ считается первой заповѣдью финноманскаго политическаго катехизиса: «Если финны желаютъ когда-либо выступить, какъ самостоятельная нація, то они должны прежде всего отдѣлиться отъ материнской земли (modersländet), т. е. Швеціи, съ которой они черезъчуръ близко связаны любовью и мыслями, чтобы получить возможность думать на свой ладъ». Новый толчекъ финскому дѣлу былъ данъ общимъ національнымъ движеніемъ сороковыхъ годовъ. Когда закипѣла политическая жизнь въ Финляндіи, финноманы вскорѣ встрѣтились уже лицомъ къ лицу со своими будущими противниками—шведоманами и викингами,—и подъ ихъ постояннымъ натискомъ финноманская партія продолжаетъ рости и крѣпнуть вплоть до нашихъ дней. Мѣстный сенатъ, руководимый викингами, притѣснялъ все финское; издано было, напримѣръ, постановленіе, въ силу котораго на финскомъ языкѣ разрѣшено было печатать только книги религіознаго характера и по земледѣлію, причемъ къ первой категоріи отнесены были исключительно Библія, Катехизисъ и Псалтирь. Тогда же сенатъ подумалъ закрыть финскій нормальный лицей въ Гельсингфорсѣ. Стоявшій въ то время во главѣ школьнаго управленія баронъ Котенъ, говорилъ, что считаетъ финскія классическія гимназіи совершенно лишними,—довольно съ финновъ и реальныхъ школъ. Профессоръ Форсманъ (Ирье-Коскиненъ) по суду подвергся отвѣтственности за рѣзкую статью (въ Suometar 1865, № 186) о введеніи финскаго языка въ судѣ и администраціи. Подобныя притѣсненія чиновно-барской партіи вызывали протесты. И вообще требованіе справедливости побудило многихъ вступить въ лагерь финномановъ, сильный и привлекательный идейной стороной своего движенія.

Подъ воздѣйствіемъ нѣмецкой литературы либерализмъ сталъ осуждаться финноманами, какъ «преодолѣваемое направленіе времени». Ясно вырисовалась партія, ставившая себѣ цѣлью побѣду финскаго языка, право включеніе его въ законодательство, администрацію, преподаванія, общество и во всѣ соціальныя и гражданскія отношенія края. Организовавшаяся политическая партія называла себя «національной», но стала она общеизвѣстной подъ

кличкой «финномановъ» или фенномановъ, которую ей дали противники.

Во главѣ финноманскаго движенія сталъ Іоганъ Вильгельмъ Снельманъ. Онъ явился не только руководителемъ партіи, но однимъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей цѣлой эпохи, обнимающей шести-и-семидесятые годы. Жизнь такихъ людей, какъ Снельманъ, во многихъ отношеніяхъ есть исторія современнаго имъ общества. Безъ ученія Снельмана многое останется непонятнымъ въ программѣ финской партіи. Онъ поражаетъ своей разносторонностью и кипучей дѣятельностью. Это типичный свободолюбивый и рѣшительный эстерботніецъ, котораго не смогли сломить никакія неблагопріятныя обстоятельства. Онъ родился на кораблѣ, началъ учиться въ народной школѣ, окончилъ курсъ наукъ въ германскомъ университетѣ, сидѣлъ за прилавкомъ торговой конторы и достигъ званія сенатора. «Самъ онъ сдѣлалъ свою голову», самъ онъ проложилъ себѣ путь въ высшія административныя сферы. Онъ родился 12 мая 1806 года. Былъ ректоромъ лицея (гимназія) въ Куопіо. Ставъ во главѣ финноманской партіи, онъ сдѣлалъ (въ 1844 г.) ея органомъ свой журналъ «Сайма», задача которой сводилась къ возрожденію финской національности. Успѣхъ «Саймы», удѣлявшей много мѣста вопросамъ народнаго благосостоянія, превзошелъ ожиданія. Воспитательное значеніе статей Снельмана было громадно. Онѣ будили общественную мысль, вносили жизнь въ сонную атмосферу финской журналистики, высмѣивали чиновно-буржуазное самодовольство тогдашнихъ финляндцевъ. Статьи Снельмана съ опредѣленнымъ направленіемъ, съ живымъ разнообразнымъ содержаніемъ, талантливо составленныя, не въ примѣръ статьямъ «семи спящихъ братьевъ», какъ Снельманъ, въ насмѣшку, называлъ семь издававшихся тогда въ Финляндіи газетъ. Публицистическая дѣятельность Снельмана оставила глубокій слѣдъ въ финской жизни.

Въ 1846 году Снельманъ основалъ, вмѣстѣ съ Ленротомъ, другой журналъ «Litteraturbladet», въ которомъ проводилъ тѣ же идеи. Въ 1855 году, онъ занялъ каѳедру философіи въ Гельсингфорсскомъ университетѣ. Назначенный вскорѣ послѣ того сенаторомъ, онъ явился жаркимъ защитникомъ многихъ реформъ.

Слово его имѣло громадное значеніе и до самой кончины своей онъ оставался предводителемъ финноманской партіи, выработавшей, подъ его руководствомъ, либеральную программу, которая отчасти уже осуществлена. Снельманъ—это громкій призывъ къ истинному патріотизму, такъ какъ онъ не упускалъ случая

напомнить образованному классу его обязанности передъ родиной. Главнѣйшія мысли, которыя разновременно были высказаны Снельманомъ, устанавливали, что шведская культура коснулась лишь такъ называемаго образованнаго класса, состоящаго изъ чиновниковъ, пасторовъ, немногочисленнаго дворянства и, наконецъ, торговаго и промышленнаго класса; главная же масса населенія—«земледѣльцы»—оставалась почти внѣ шведскаго культурнаго вліянія. Образованное сословіе не только по языку, но и по вкусамъ, привычкамъ, по всѣмъ своимъ симпатіямъ было въ значительной степени шведскимъ. На Финляндію оно смотрѣло, какъ на часть Швеціи, насильственно отъ нея оторванную. «Вѣковая зависимость—писалъ Снельманъ—привела къ тому, что въ Финляндіи нѣтъ патріотизма; между образованнымъ классомъ и народомъ лежитъ пропасть: первый не сознаетъ потребности поднять народъ до себя, а въ народѣ нѣтъ сознанія своего достоинства... Правда, со шведскихъ временъ у насъ образовалось нѣчто въ родѣ умственной аристократіи, но эта аристократія чисто бюрократическая... Мы финны многочисленны; намъ необходимо восполнить нашу численную слабость широкимъ распространеніемъ просвѣщенія»... Въ этихъ словахъ заключалась программа будущей дѣятельности Снельмана и его единомышленниковъ: они призывали интеллигенцію къ сближенію съ народомъ и къ культурному на него воздѣйствію.

Въ 1863 г. появилась статья Снельмана «О гражданской и политической свободѣ», въ которой онъ возвращался къ мысли Арвидсона о необходимости порвать тѣсную связь съ Швеціей (modersländet). По мысли Снельмана, до 1809 г. не могло быть и рѣчи о спеціальныхъ финскихъ интересахъ. Лишь послѣ присоединенія къ Россіи создались въ краѣ сельское хозяйство, промышленность, наука, литература и искусство со своей особой финской окраской, т. е. началось развитіе финскаго народнаго самосознанія.

Въ капитальномъ философскомъ сочиненіи «Ученіе о государствѣ» Снельмана проводится мысль, что человѣкъ получаетъ наивысшее нравственное удовлетвореніе въ общественной дѣятельности. Субъективной нормой этой дѣятельности служитъ патріотизмъ, а объективной—духъ національности; работая для своей національности, человѣкъ работаетъ и для всего человѣчества. Нѣтъ сомнѣнія, что, говоря такъ, Снельманъ имѣлъ въ виду родину.

«Моя миссія—писалъ онъ,—будить отъ смертнаго сна финскій народъ, положенный уже въ гробъ». И онъ будилъ его,

«какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой». Въ Финляндіи «политика находилась въ зимней спячкѣ, цензура положила свою тяжелую руку на литературу, а національный духъ едва проявлялъ себя». Вообще на страну «троглодитовъ» (какъ онъ называлъ тогда Финляндію) Снельманъ смотрѣлъ не безъ пессимизма [584]).

Финскій языкъ былъ слишкомъ еще мало обработанъ и распространенъ среди образованнаго класса, почему Снельманъ вынужденъ былъ писать по шведски. Въ финскомъ литературномъ обществѣ пренія велись до 1850 года также на шведскомъ языкѣ. Одно духовенство въ силу практической необходимости, обращалось къ народу на понятномъ ему языкѣ. Не безъ основанія поэтому Снельманъ говорилъ, что «нельзя воспитать народъ политически, пока въ школахъ и судахъ господствуетъ чуждый ему языкъ». Отсюда ясно, что боевымъ конемъ Снельмана сдѣлался вопросъ о финскомъ языкѣ и національномъ образованіи. И то, и другое имъ отстаивалось съ большой эрудиціей, энергіей и теплотой. Онъ утверждалъ, между прочимъ, что въ Финляндіи мало читаютъ, потому что пишутъ не на родномъ языкѣ. «Образованный классъ, благодаря своему шведскому языку, являлся чужимъ въ странѣ», а это въ свою очередь вело къ тому, что вся образованность стояла не на національной основѣ. Литература—вытверженный урокъ; образованіе—произведенный заемъ. Далѣе, онъ настаивалъ на томъ, что необходимо финскій языкъ ввести въ школу и сдѣлать его офиціальнымъ, такъ какъ онъ «есть отраженіе духа финскаго народа». По мнѣнію умѣренныхъ, политическое положеніе страны требовало, чтобы шведскій языкъ сохранилъ свое мѣсто рядомъ съ финскимъ. Снельманъ не сдавался и указывалъ, что, при господствѣ шведскаго языка, въ Финляндіи нѣтъ возможности провести образованіе въ глубь и въ ширь народа, почему политическому существованію и значенію этого народа неизбѣжно грозитъ опасность.

Сильную поддержку въ борьбѣ за финскія начала Снельманъ встрѣтилъ въ генералъ-губернаторѣ графѣ Бергѣ, который говорилъ, пародируя извѣстное изреченіе Вольтера: «Если-бы финномании не было, ее надо было бы выдумать» [585]).

Обыкновенно шведоманы козыряли тѣмъ доводомъ, что финны обязаны скандинавамъ и своей азбукой, и своимъ евангеліемъ. Снельманъ, въ свою очередь, заявлялъ, что «шведы любятъ въ финнахъ только свою славу» и финнамъ, чтобы не быть блѣдной тѣнью шведовъ, слѣдуетъ эмансипироваться отъ скандинавизма.

Если свести къ краткимъ положеніямъ все то главнѣйшее, что разновременно было высказано представителями финноmановъ, то получится слѣдующее: они желаютъ пріобщить народную массу къ европейской культурѣ, чтобы такимъ образомъ увеличить производительныя силы края, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Для этого они хотятъ сдѣлать языкъ народа языкомъ литературы, образованія и администраціи. Народъ—по ихъ воззрѣніямъ—долженъ быть движимъ однимъ чувствомъ, почему нуженъ одинъ языкъ, доступный всѣмъ. Финноманы стремятся создать образованный классъ, который бы говорилъ по фински. Образованіе не должно быть монополіей высшаго класса, и для того, чтобы оно проникло въ низшіе классы, необходимо признаніе того языка, на которомъ говоритъ народъ. Господство одного языка и притомъ еще языка меньшей части населенія Финляндіи, т. е. шведскаго, вопіющая несправедливость и тормазъ въ дѣлѣ развитія народа. Такая несправедливость по отношенію къ языку главнаго населенія края опасна также и для политическаго существованія Финляндіи: если народъ не участвуетъ въ устроеніи общества, онъ дѣлается равнодушнымъ къ будущей судьбѣ своей родины. Финскій народъ до тѣхъ поръ не въ состояніи будетъ выполнить своей исторической задачи, пока языкъ большинства не станетъ языкомъ образованнаго класса; до тѣхъ же поръ не будетъ также сознанія общности интересовъ. Въ малыхъ странахъ надо поставить дѣло такъ, чтобы кандидаты на высшіе посты могли вербоваться отовсюду. Въ Финляндіи же большинство служилаго сословія—шведы, администрація направляется шведами, законодательныя работы заготовляются по-шведски, правосудіе отправляется преимущественно судьями изъ шведовъ—и всѣ администраторы, законодатели и судьи остаются чуждыми массѣ народа, почему сильно страдаетъ сознаніе финляндскаго единства. Извнѣ могутъ нахлынуть разныя бѣдствія, тогда, при явной розни, отпоръ будетъ оказанъ недостаточно дружный и сильный. Будущность Финляндіи требуетъ единой народной культуры. Слѣдовательно, шведскій языкъ необходимо отодвинуть на второй планъ. Финноманы свято чтутъ завѣтъ Арвидсона, который сказалъ: «Мы не шведы, русскими мы не желаемъ быть, а потому будемъ финнами». Къ этому въ послѣдствіи добавили народную поговорку: въ Финляндіи долженъ быть одинъ языкъ—одна душа [586]).

Финноманы не отвергаютъ благодѣтельности шведскаго культурнаго вліянія, но находятъ, что шведское вліяніе неизбѣжно

будетъ уменьшаться, такъ какъ политическое положеніе страны измѣнилось, а отдаленность Финляндіи отъ культурныхъ центровъ не имѣетъ въ наше время такого значенія, какъ въ XVIII вѣкѣ. Финноманы понимаютъ, что имъ нельзя пока еще обойтись безъ шведскаго языка. На шведскомъ языкѣ писали лучшіе поэты Финляндіи; до сихъ поръ еще мѣстная шведская литература относительно богаче финской.

Главные дѣятели и ораторы первыхъ сеймовъ, которые составили затѣмъ ядро шведской партіи, какъ-то К. Г. фонъ Эссенъ, его двоюродный братъ Іоганъ Августъ фонъ Эссенъ—публицистъ, земледѣлецъ, а въ послѣдствіи губернаторъ, профессоръ, а потомъ епископъ Ф. Л. Шауманъ, настоятель прихода въ Педерсёре Генрихъ Гейкель (Heikel), Генрихъ Боргстрёмъ младшій, Эрнстъ Линдеръ, Робертъ Монтгомери, Р. Бьёркенгеймъ, гвардейскій офицеръ Робертъ Лагерборгъ и кромѣ того многіе чиновники, помѣщики, университетскіе преподаватели, а главнымъ образомъ дворяне и горожане—всѣ они являлись первоначально горячими защитниками либерализма. Но въ строгомъ смыслѣ эта либеральная фракція не составляла какой либо партіи. У нея не было ни руководителя, ни опредѣленной программы, и выступленіе ея на тогдашнихъ сеймахъ не характеризуется никакимъ систематическимъ поведеніемъ. Ихъ объединила лишь общая либеральная тенденція. Ихъ воззрѣнія часто появлялись заранѣе въ газетѣ Августа Шаумана «Helsingfors Tidningar», но собственнымъ ихъ органомъ былъ «Helsingfors Dagblad», отвѣтственнымъ редакторомъ котораго сначала состоялъ издатель-финансистъ О. Р. Френкель, а дѣятельными сотрудниками: юристъ Эдв. Бергъ, доцентъ эстетики К. Г. Эстландеръ, магистръ А. Х. Чюденіусъ—національ-экономъ, Т. Сёдергольмъ и Р. Лагерборгъ, который вскорѣ принялъ на себя редакторство [587]).

Многія воззрѣнія Снельмана въ сущности были близки къ воззрѣніямъ «либераловъ».

Въ области періодической печати на защиту шведскихъ культурныхъ интересовъ «отъ нападеній односторонней расовой политики и политики языка», первой въ концѣ семидесятыхъ годовъ выступила газета «Vikingen». Эта публицистическая затѣя получила нѣкоторое историческое значеніе, потому что она представляла изъ себя знамя, вокругъ котораго борцы за интересы шведскаго языка стали группироваться въ политическую партію «партію викинговъ» («Vikingapartiet»). Подробно ей впослѣдствіи либеральная партія по своему публицистическому органу стала называться

«партіей Дагблада» (Dagbladspartiet). Газеты «Uusi Suometar» и «Morgonbladet» спорили со шведской бюрократіей, которая непріязненно относилась къ правамъ финскаго языка. «Vikingen» сражался противъ преобладающей силы «чудской расы» («tjudiska» rasen), которая угрожала свергнуть въ море поселившихся въ Финляндіи «шведскихъ колонистовъ». «Dagbladet» болѣе или менѣе принимала участіе въ упомянутыхъ вопросахъ, но самаго опаснаго врага она усматривала въ ультра-русской партіи, стремившейся, по ея опредѣленію, къ ассимиляціи и правительственнымъ основамъ абсолютистскаго характера, а потому ненавидѣла «петербургскіе пути» и обходы [588]).

Изъ «сліянія либераловъ» съ крайними представителями шведскаго элемента «викингами» образовалась политическая партія шведомановъ, партія бюрократическая. Шведоманы неохотно признаютъ, что ихъ дѣло есть классовое дѣло; они любятъ надѣвать доспѣхи «рыцарей духа». На шведоманской сторонѣ стоитъ дворянство, болѣе зажиточная буржуазія и чиновничество. Главнѣйшія отличія либераловъ отъ «викинговъ» заключались въ томъ, что первые были вообще уступчивѣе въ вопросѣ о языкахъ и не думали объ агитаціи среди шведскаго населенія. Викинги вздумали,—по выраженію одного изъ своихъ ораторовъ,—бороться съ финскимъ націонализмомъ націонализмомъ-же, но только шведскимъ. Для этого имъ необходимо было привлечь на свою сторону шведскую часть населенія страны. Политическія убѣжденія либераловъ страдали нѣкоторою неопредѣленностью. Партія эта состояла, главнымъ образомъ, изъ либерально настроенныхъ людей, преклонявшихся предъ блескомъ шведской культуры, но готовыхъ уступить и «справедливымъ» требованіямъ финномановъ [589]).

Либеральная партія собственно никогда не имѣла какой либо организаціи. Съ самаго начала она была оппозиціонной группой. Только 5 декабря (н. ст.) 1880 г. разослана была при газетѣ «Helsingfors Dagblad» програма шведской партіи слѣдующаго содержанія: Финляндія въ теченіе 500 лѣтъ была соучастницей правоваго порядка, основами котораго изстари являлись законная свобода, ограниченная королевская власть, народная воля въ законодательствѣ и въ дѣлѣ обложенія податей. Правовой порядокъ временами колебался революціями и пріостанавливался реакціями, но всетаки до нашихъ дней сохранился, какъ лучшая сила въ современномъ общественномъ строѣ. Таковую основу не слѣдуетъ бросать. «Мы желаемъ крѣпче и основательнѣе провести конституціонную систему въ нашей странѣ. Такое желаніе,

безъ сомнѣнія, питаетъ каждый, кто сознаетъ глубокое жизненное значеніе политической свободы. Но государственный строй, который обозначается указаннымъ общимъ выраженіемъ, обнимаетъ цѣлую серію правовыхъ формъ и учрежденій.

Главнѣйшія мѣры для достиженія своихъ цѣлей шведоманы усматривали въ слѣдующемъ:

1) созывъ сейма черезъ два, самое большое черезъ три года и право моцій для сейма.

2) Законодательство о свободѣ печати.

3) Расширеніе власти сейма въ области государственнаго хозяйства въ такой мѣрѣ, чтобъ вся измѣняющаяся часть расходнаго бюджета стала въ зависимости отъ рѣшенія земскихъ чиновъ, и чтобы никакое обложеніе податями не могло быть устанавливаемо однимъ правительствомъ.

4) Точнѣйшее опредѣленіе и ограниченіе такъ называемой административной законодательной власти.

5) Преобразованіе правительственныхъ учрежденій въ такомъ направленіи, чтобъ возможно было достигнуть болѣе цѣлесообразной организаціи для законодательства и правительственной дѣятельности въ высшей инстанціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ упрощеніе и децентрализація въ механизмѣ управленія.

6) Болѣе ясное установленіе уніальнаго положенія Финляндіи относительно Россіи.

Двѣ первыя реформы могутъ быть установлены (ordnade) посредствомъ спеціальныхъ законовъ. Остальныя едва ли иначе, какъ путемъ пересмотра формы правленія и акта соединенія и безопасности [590]).

Либеральная партія сознаетъ,—писала она въ своемъ воззваніи—программѣ,—что справедливость и государственная мудрость подсказываютъ необходимость учредить и субсидировать требуемое число лицеевъ съ финскимъ языкомъ преподаванія. Оба языка должны быть равноправны въ странѣ не только въ школахъ, но и въ государственной жизни. Шведскій языкъ, понимаемый въ скандинавскихъ земляхъ, способствуетъ взаимной связи съ жизнью Запада, а также тому, что Финляндія непосредственно въ состояніи слѣдить и пользоваться пріобрѣтеніями культурной жизни упомянутыхъ странъ. Отечество и финскій народъ составляютъ одно нераздѣльное цѣлое, не смотря на два языка. Въ политической или въ литературной дѣятельности можно пользоваться тѣмъ или другимъ способомъ выраженія; но предметъ, цѣль этой дѣятельности, всетаки благо и преуспѣяніе всей страны,

всего народа. Шведскій и финскій языки должны параллельно употребляться въ странѣ, и каждый, желающій посвятить себя общественной дѣятельности, обязанъ изучить, кромѣ родного языка, и другой туземный языкъ. Поэтому въ программу (шведомановъ) само собой входитъ установленіе употребленія финскаго языка въ судѣ и учрежденіяхъ, согласно справедливымъ желаніямъ и нуждамъ населенія, говорящаго по фински [591]).

Такъ какъ шведоманы и финноманы всегда одинаково дорожили политическими правами Финляндіи, то на практикѣ между ними въ этомъ отношеніи существенной разницы не было. Силою обстоятельствъ такимъ образомъ на первомъ мѣстѣ шведоманской программы стала защита шведскаго языка и шведской національности. Шведоманы говорили, что ихъ языкъ, ихъ національность столь же дороги имъ, какъ финноманамъ финскій языкъ и финская національность, и что они не хотятъ поступиться своею національностью во имя отвлеченнаго принципа, выдуманнаго финноманами: «одинъ народъ, одинъ языкъ» (yksi mieli, yksi kieli).

Шведская партія потому еще сильно стояла за свой языкъ, что исходила изъ положенія: шведская «культура» въ Финляндіи можетъ быть поддержана и сохранена только при господствѣ шведскаго языка. Шведская-же культура, въ свою очередь, необходима для сохраненія свободной Финляндіи и для противодѣйствія ея обрусѣнію. Миссія шведомановъ заключается, слѣдовательно, въ томъ, чтобы, при посредствѣ скандинавской культуры, оберечь край отъ славянской волны, грозившей если не поглощеніемъ его, то разливомъ по немъ. Шведоманы считали себя представителями европейскаго либерализма. И дѣйствительно, они придерживались либеральныхъ взглядовъ въ европейскомъ смыслѣ, отличались вѣротерпимостью, сочувствовали расширенію правъ, горячо отстаивали свободу печати и пр.

Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ положенія шведоманской программы найдены были слишкомъ дерзкими. Говорятъ, что Императоръ Александръ II обратилъ вниманіе на то, какимъ образомъ цензурныя власти могли пропустить подобную программу. Полемика, начатая въ мѣстныхъ газетахъ, по поводу программы, въ силу распоряженія цензурнаго управленія, держалась въ извѣстныхъ предѣлахъ. Изъ нападающихъ Снельманъ занималъ первое мѣсто. Въ одной изъ своихъ статей онъ писалъ: «Быть или не быть Финляндіи зависитъ отъ того, займутъ ли финны то мѣсто, которое вѣками занималъ шведскій образованный классъ, потому

что рѣчь идетъ ни о чемъ другомъ, какъ о старинной пословицѣ: «ôtez vous en que je m'y mette».

Спельманъ, критикуя въ 1880 году програму шведомановъ и сводя съ ними счеты о заслугахъ, оказанныхъ обѣими партіями финляндскому отечеству, составилъ перечень дѣяній своей партіи. Финской партіи,—по его словамъ,—край обязанъ тѣмъ, что уже въ сороковыхъ годахъ вспомнили объ «основныхъ законахъ», что тронная рѣчь при открытіи сейма 1863 года оказалась полна конституціонныхъ обѣщаній, что Финляндія получила свою монету и т. д. Слѣдовательно, мы въ правѣ вывести, что въ работѣ по отчужденію края отъ Россіи финны отнюдь не желали предоставить первенства шведоманамъ.

Въ возникшей полемикѣ, партіи часто не щадили другъ друга. Финноманы называли своихъ противниковъ притѣснителями, чиновно-барской партіей, чужеземцами, которыхъ слѣдуетъ безъ церемоній выгнать въ Швецію. Бывали со стороны финномановъ и грубыя выходки, свидѣтельствующія о крайней національной нетерпимости. Шведоманы въ свою очередь называли финскихъ дѣятелей хитрыми и честолюбивыми «демагогами», преслѣдующими корыстныя цѣли. Борьба партій неоднократно принимала весьма острый характеръ. Злоба, обвиненія, клевета—все пускалось въ ходъ. Друзья родины съ горестью спрашивали себя, къ чему приведетъ эта ожесточенная борьба партій? Имѣлась даже причина опасаться, что само общество погибнетъ, раздѣлившись на двѣ, спорящихъ о власти, національности [592]).

По мнѣнію финской партіи, графъ Адлербергъ, безчисленными невидимыми нитями общественной жизни, совершенно былъ опутанъ шведской бюрократіей, которая давала тонъ въ главномъ городѣ Финляндіи. I. В. Спельманъ въ графѣ Адлербергѣ усматривалъ недруга какъ финскаго языка, такъ и своего личнаго врага. Разладъ съ графомъ Адлербергомъ побудилъ Снельмана (1868 года) выйти въ отставку. Видя общественные верхи занятыми своими противниками, финская партія усилила свою работу въ остальныхъ общественныхъ слояхъ. Партійная организація укрѣпилась и дисциплина доведена была до совершенства. Образовалось множество союзовъ и обществъ частью для содержанія финскихъ частныхъ школъ, театровъ и другихъ учрежденій, частію для того, чтобы въ соціальномъ отношеніи сдѣлать финскій языкъ господствующимъ и вообще способствовать цѣлямъ партіи. Образовались,— разоблачаетъ своихъ политическихъ враговъ шведоманскій писатель,—также тайныя общества, которыя трудились надъ такими

цѣлями, которыя неудобно было обнаруживать, употребляя способы дѣйствія, о которыхъ предоставлено судить будущему. Прибѣгали къ различнымъ пріемамъ, чтобы въ Петербургѣ повліять на рѣшеніе по финляндскимъ дѣламъ. Прибѣгали къ такъ называемымъ «петербургскимъ обходамъ», пока старанія партіи посадить въ сенатъ кого нибудь изъ своихъ не увѣнчались успѣхомъ. Вожаки партіи достаточно испытали, что бюрократія составляла главнѣйшую государственную власть въ общественномъ положеніи страны. Поэтому однимъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ финской программы, имѣвшей въ виду соціальный переворотъ, было замѣщеніе вліятельнѣйшихъ мѣстъ въ чиновничьей іерархіи своими сторонниками. Съ другой стороны и шведская партія не бездѣйствовала. Въ высшемъ сословіи шведскія начала пустили слишкомъ глубокіе корни, чтобъ ихъ можно было сразу вырвать силой. Шведскій языкъ имѣлъ большія преимущества, какъ въ интеллектуальномъ, такъ и въ дѣловомъ отношеніяхъ со скандинавскимъ западомъ [593]).

Юридическая литература о политическомъ положеніи Финляндіи въ первые годы царствованія Императора Александра II была крайне немногочисленной. Она почти ограничивалась книгою Б. Лундаля «Руководство къ законамъ В. К. Финляндскаго», напечатанной въ Гельсингфорсѣ въ 1857 году, учебникомъ профессора Пальмена «Juridisk handbok för medborgerlig bildning», также изданнымъ въ Гельсингфорсѣ въ 1857 году, и изслѣдованіемъ проф. І. В. Росенборга «Om Riksdagar (H-fors, 1857). И Лундаль, и Пальменъ одинаково признавали Финляндію «провинціей», присоединенной къ Россіи по Фридрихсгамскому мирному договору. Росенборгъ находилъ, что «Финляндія и Россія состоятъ отнюдь не только въ личной уніи, но что существуетъ дѣйствительное реальное соединеніе». «Я формулирую,—писалъ онъ,—соединеніе Россіи съ Финляндіей слѣдующимъ образомъ: Великое Княжество Финляндское составляетъ часть Россійскаго государства, неразрывно соединено съ Россійскою имперіею, но управляется по собственнымъ основнымъ законамъ». Учебникъ Пальмена являлся наиболѣе распространеннымъ, ибо «Финское литературное общество» перевело его на финскій языкъ, какъ «драгоцѣнное пособіе для уясненія финскимъ народнымъ массамъ правоваго ихъ положенія». За этими книгами слѣдовали столь же

немногочисленныя политическія статьи въ періодической печати и, наконецъ, незначительная полемика между Авг. Шауманомъ и Спельманомъ по вопросу о положеніи Финляндіи. Спельманъ нѣсколько путался и колебался въ своихъ выводахъ. Изъ статей о бюджетѣ, займахъ, сеймахъ и т. п. можно наблюсти стремленіе мѣстныхъ писателей къ установленію финляндской государственности, но къ цѣли они пробирались робко и съ большой оглядкой. Когда, напримѣръ, Пальменъ заявилъ, что Финляндія была уступлена Россіи, какъ провинція, Спельманъ опровергалъ это мнѣніе, но въ заключеніе нашелъ нужнымъ прибавить: «Не будемъ хулить и жаловаться; будемъ прославлять чудесную милость, которая даровала намъ хоть какія-нибудь права; будемъ благодарить Провидѣніе за то, что намъ дано, и воспользуемся фактическимъ положеніемъ для всего добраго, къ которому оно насъ приводитъ, будемъ помнить, что наше состояніе есть дѣло нашихъ собственныхъ рукъ, а поэтому станемъ лишь — молчать и ждать» [594]).

Въ 1862 году редакція «Русскаго Инвалида» издала «Обзоръ современныхъ конституцій», составленный извѣстнымъ тогда профессоромъ А. Лохвицкимъ. Ему-же принадлежитъ въ этой книгѣ глава о «Политическомъ, административномъ и судебномъ устройствѣ Финляндіи» (ч. I, стр. 228—248). Составитель ея, очевидно, пользовался только финляндскими источниками и потому приписалъ Финляндіи нѣсколько болѣе правъ, нежели она дѣйствительно имѣла. Такъ, онъ находилъ, что «Финляндія сохранила свою конституцію, свои гражданскіе и уголовные законы, особое войско, финансы и даже имѣетъ особое консульское представительство въ русскихъ портахъ. Она не имѣетъ съ имперіею ни одного общаго учрежденія, даже Государственный Совѣтъ не распространяетъ своего дѣйствія на Великое Княжество». Главное-же положеніе было формулировано Лохвицкимъ такъ: «Финляндія не есть страна, находящаяся въ личномъ соединеніи съ Россіей, на основаніи европейскихъ трактатовъ, какъ Польша. Она по праву есть провинція, принадлежность Россіи, стоящая внѣ международнаго права. Но тѣмъ не менѣе автономія ея очень велика, болѣе нежели многихъ государствъ, присоединенныхъ на личномъ началѣ». Попытка Лохвицкаго разсмотрѣть политическое положеніе Финляндіи въ научномъ освѣщеніи является едва-ли не единственной съ русской стороны за описываемое время. Всѣ остальныя статьи, касавшіяся того-же вопроса, носили публицистическій характеръ. Къ книгѣ былъ приложенъ переводъ статьи Спельмана, основная

мысль которой сводилась къ тому, что въ Финляндіи нельзя устанавливать новыхъ налоговъ безъ участія сейма.

На засѣданіяхъ перваго сейма депутатамъ пришлось коснуться такихъ вопросовъ, которые побудили ихъ обнаружить свое политическое credo. Либералы заговорили въ такомъ тонѣ, что московскій патріотъ и публицистъ М. Катковъ вынужденъ былъ дать имъ урокъ нѣкотораго почтенія къ Россіи. Но теперь финляндцы имѣли уже народное представительство, они выслушали рѣчь Монарха, полную конституціонныхъ обѣщаній, и потому держались въ вопросѣ о финляндской государственности столь опредѣленнаго направленія, какого долго послѣ того не видно было въ ихъ печати. Взгляды Лохвицкаго успѣли устарѣть и политическимъ дѣятелямъ послѣ сейма 1863 года они казались уже крупной ересью.

Особой рѣзкостью тона и категоричностью своихъ положеній отличались статьи «Helsingfors Dagblad». «Финляндія,—читаемъ въ ней,—имѣетъ всѣ права, составляющія самостоятельное государство: отдѣльную конституцію, которая можетъ быть измѣнена только собственною законодательною властью, состоящею изъ Монарха и земскихъ чиновъ. Финляндія есть государство самостоятельное, но вмѣстѣ съ тѣмъ соединенное съ Россіей. Это соединеніе не есть однакожъ инкорпорированное соединеніе, какое, напримѣръ, существуетъ между Англіей, Шотландіей и Ирландіей; это не есть также личное соединеніе, какимъ было временное соединеніе Ганновера съ Англіей, ибо соединеніе Финляндіи съ Россіей не можетъ прекратиться вслѣдствіе перемѣны въ престолонаслѣдіи, потому что Финляндія соединена съ Россійской имперіей, а не съ владѣніями дома Романовыхъ. Это есть реальное соединеніе, которое основывается однако же только на общемъ престолонаслѣдіи. Со дня присоединенія всегда существовало различіе между русскою и финскою коронами, между финскими и русскими подданными; съ тѣхъ же поръ Финляндія имѣла свои собственные, отдѣльные отъ русскихъ, таможенные законы, а съ 1859 года существуетъ даже между обоими государствами торговый трактатъ. Со дня соединенія финскій сеймъ имѣлъ право считаться не «мѣстнымъ сеймомъ», а «парламентомъ самостоятельнаго государства» [595]).

«Есть, однакожъ, люди, которые напоминая, что мирнымъ трактатомъ, заключеннымъ 17-го сентября (н. ст.) 1809 года въ Фридрихсгамѣ, Швеція уступила Финляндію Россіи въ «полное обладаніе», полагаютъ, что Финляндія должна находиться при

Россіи просто въ положеніи провинціи. Но опи совершенно забываютъ, что упомянутымъ трактатомъ опредѣляются только отношенія Швеціи къ Россіи, по поводу Финляндіи и что этотъ трактатъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣми отношеніями, которыя установились вслѣдствіе добровольнаго соглашенія между чинами Финляндіи и Монархомъ русскимъ. Что такія отношенія, если они продолжатся, могутъ нанести намъ ощутительный вредъ, доказано послѣднею войною въ Крыму, которая была единственной европейской войной послѣ 1815 года; то же самое доказывается сверхъ того и теперешнимъ тревожнымъ положеніемъ Европы, а потому мы замѣтили, что для насъ было-бы въ высшей степени желательно, если возможно, точнѣе опредѣлить и такъ устроить вышеупомянутыя отношенія, чтобы подобныя случайности были отвращены. А онѣ будутъ отвращены, если исполнится высказанное нами желаніе, чтобы намъ было предоставлено нейтральное положеніе, подобное положенію Швейцаріи или Бельгіи, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ наши войска были отдѣлены отъ русскихъ и было намъ дозволено имѣть свой собственный флагъ. У насъ нѣтъ съ Россіей общихъ интересовъ» [596]).

Къ финляндской окраинѣ русскіе, начиная съ 1809 года, выказали рѣдкое равнодушіе. Никто въ Россіи, кромѣ Каткова, не проявилъ самостоятельнаго взгляда на финляндскія дѣла, и потому всѣ почти редакціи повторяли положенія, заимствованныя изъ финляндской печати, которыя сводились къ слѣдующему трафарету. «Финляндія соединяется съ Россіей только въ личности своего Великаго Князя Императора Всероссійскаго. Эти отношенія ея къ своему Князю были регулированы сеймомъ въ Борго. Она имѣетъ затѣмъ свои законы, свое войско. . . у ней свои таможни, консулы заграницей и въ Россіи, свои финансы и т. д. Русскіе указы для нея необязательны, Государственный Совѣтъ имперіи для нея не имѣетъ значенія» [597]).

Но послѣ открытія сейма, отношеніе Финляндіи къ Россіи силою обстоятельствъ стало выдвигаться настолько впередъ, что волей-неволей русскимъ пришлось обернуться къ сѣверной окраинѣ и прислушаться къ тому, что тамъ говорилось. Чаще и чаще приходилось учрежденіямъ Россіи имѣть дѣло съ финляндскими канцеляріями. И такъ какъ не существовало ни одного общепринятаго печатнаго труда, разъясняющаго особенности строя и положенія Финляндіи, то графъ Адлербергъ поручилъ одному изъ чиновъ статсъ-секретаріата (В. П. Степанову) составить «очеркъ устройства правленія Великаго Княжества Финляндскаго», испросивъ на

это Высочайшее соизволеніе. «Очеркъ» былъ составленъ и отпечатанъ въ 1872 году [598]). Но предварительно онъ прошелъ цензуру финляндскихъ сенаторовъ (Брунéра, Фуругельма и Кнорринга), которые дали графу Армфельту мысль измѣнить редакцію нѣкоторыхъ положеній.

Указаніе, напримѣръ, на проектъ учрежденія въ 1808 году высшаго управленія Финляндіи они вычеркнули изъ «Очерка» на томъ основаніи, что проектъ не былъ опубликованъ въ краѣ.

«Относительно должности прокурора,—сообщалось въ особой запискѣ графу Армфельту,—включено въ новый проектъ, между прочимъ, предоставленное ему по инструкціи право доносить Его Императорскому Величеству о противозаконныхъ распоряженіяхъ сената и генералъ-губернатора въ случаяхъ, если они, на сдѣланныя имъ о томъ замѣчанія, не обратятъ вниманія. На первый взглядъ это можетъ показаться излишнимъ въ настоящемъ «Очеркѣ», но при ближайшемъ разсмотрѣніи предмета, кажется это упоминаніе у мѣста, ибо если «Очеркъ» будетъ сообщенъ россійскимъ министрамъ, то это представляетъ ту особенную пользу, что они убѣдятся, въ какой мѣрѣ финляндскій сенатъ и генералъ-губернаторъ, хотя и представляющіе высшую мѣстную власть, обязаны и подлежатъ надзору въ отправленіи мѣстнаго управленія, и что такимъ образомъ всякое, хотя-бы и случайное вмѣшательство со стороны россійскаго управленія въ финляндскія дѣла, всегда безосновательно и противозаконно.

«Въ вопросѣ о таможенной линіи между имперіею и Финляндіею признано нужнымъ исключить все, касающееся незначительныхъ доходовъ Финляндіи сравнительно съ значительными на то расходами, вслѣдствіе ея автономіи, ибо русское управленіе скажетъ, что оно признаетъ ограниченные доходы Финляндіи, суровый климатъ, неблагодарную почву, еще болѣе тягостное для страны бремя часто повторяющихся неурожаевъ и пр., и что, дабы освободить Финляндію отъ этого въ экономическомъ отношеніи угнетеннаго положенія, оно находитъ, что въ интересахъ края, для Финляндіи было-бы всего выгоднѣе пожертвовать своею автономіею и совершенно соединиться съ имперіей, на которой тогда лежала бы обязанность заботиться о благосостояніи Финляндіи и изъ государственнаго казначейства покрывать ея потребности. Равнымъ образомъ желательно было избѣжать въ «Очеркѣ» цифровыхъ данныхъ въ общихъ и таможенныхъ доходахъ Финляндіи, дабы эти цифры при случаѣ не могли послу-

жить поводомъ россійскому управленію вмѣшаться въ дѣла управленія въ Финляндіи».

Приняты, слѣдовательно, мѣры къ тому, чтобы ни русскія власти, ни, конечно, русское общество не знали: выгодна или убыточна для Россіи финляндская автономія. Въ «Очеркѣ» былъ заключительный выводъ, имѣвшій цѣлью убѣдить, что финляндцы не уклоняются отъ строгой легальности. Изъ трехъ его пунктовъ, послѣдній составитель изложилъ такъ: «Никакого нововведенія внѣ установленнаго порядка и безъ Высочайшаго повелѣнія въ Финляндіи производимо не было». Редакторы же сенаторы нашли нужнымъ выкинуть слова: и безъ Высочайшаго повелѣнія. «Въ послѣднемъ пунктѣ, докладывали они, вычеркнуты слова «безъ Высочайшаго повелѣнія», ибо какъ слышно, русскіе министры заявляютъ, что финляндское управленіе естественно не дозволитъ себѣ самовольно никакого распоряженія безъ законнаго основанія или Высочайшаго повелѣнія; но что многія изъ тѣхъ преимуществъ и Высочайшихъ соизволеній, коими съ теченіемъ времени Финляндія умѣла оградить себя, не принадлежатъ краю по закону и постановленіямъ», то есть, другими словами, могутъ быть также отмѣнены, какъ были утверждены, единоличною Монаршею волею. Чтобы не дать напоминанія объ этомъ правѣ и объ этой возможности, гг. сенаторы пояснили: «По этой причинѣ считается удобнѣйшимъ, чтобы помянутый 3-й пунктъ получилъ ту редакцію, какая ему дана въ новомъ проектѣ», то есть безъ упоминанія о Высочайшихъ повелѣніяхъ. Въ такомъ видѣ «Очеркъ» и былъ напечатанъ [590]).

По отпечатаніи его послѣдовалъ новый всеподданнѣйшій докладъ генералъ-губернатора, въ которомъ говорилось: «Послѣ присоединенія Финляндіи къ россійской имперіи, нѣкоторыя изъ Высочайшихъ постановленій, обнародованныя законнымъ порядкомъ въ краѣ, не бывъ повидимому опубликованы въ имперіи, остались въ Россіи неизвѣстными, вслѣдствіе чего нерѣдко возникаютъ недоразумѣнія и даже возбуждаются, не только въ періодической печати, но и въ высшей административной сферѣ противъ правительственныхъ въ Финляндіи распоряженій нареканія въ присвоеніи будто бы себѣ неосвященныхъ законною силою правъ, образовавшихъ теченіемъ времени произвольный строй административнаго механизма въ краѣ.

«Между тѣмъ всѣ распоряженія финляндскаго правительства, всѣ мѣропріятія, всѣ дѣйствія мѣстной администраціи основаны на указанныхъ законами и Высочайшими постановленіями нача-

лахъ. Поэтому я призналъ необходимымъ составленіе полнаго, хотя и въ возможно сжатомъ объемѣ, очерка строя правленія дѣйствующаго, на законныхъ началахъ, въ Великомъ Княжествѣ». Графъ Адлербергъ находилъ полезнымъ роздать «Очеркъ» для свѣдѣнія и руководства: 1) государственному совѣту, 2) комитету министровъ, 3) правительствующему сенату, 4) намѣстникамъ Его Императорскаго Величества, 5) министрамъ, 6) главноуправляющимъ и 7) генералъ-губернаторамъ. Министръ-же статсъ-секретарь желалъ дать «Очерку» болѣе широкое распространеніе, но Государь рѣшилъ «ограничиться распредѣленіемъ очерка только тѣмъ лицамъ, о коихъ упомянуто въ запискѣ графа Адлерберга и только для ихъ личнаго свѣдѣнія» (1—13 ноября 1872 г.). Причины подобной таинственности и ограниченнаго распространенія «Очерка» остаются неизвѣстными. Экземпляръ въ императорскую публичную библіотеку данъ, послѣ ея ходатайства, доложеннаго Государю (26 января—7 февраля 1873 г.).

Въ толкованіяхъ самихъ финляндцевъ политическаго положенія Великаго Княжества происходили частыя и весьма замѣтныя колебанія. Ихъ разъясненія нерѣдко сообразовались съ окружающими обстоятельствами и съ тѣми лицами, для которыхъ они предназначались. Въ этомъ отношеніи характеренъ случай съ изданіемъ альбома студентовъ. Баронъ Норденстамъ исправлялъ должность генералъ-губернатора. Въ концѣ 1872 года онъ увѣдомилъ министра статсъ-секретаря, что Нюландское землячество намѣревается, по примѣру прежнихъ лѣтъ, издать брошюру подъ заглавіемъ «Album», въ коей между прочимъ, помѣщена статья «о государственномъ правѣ Финляндіи» [600]). Главное управленіе по дѣламъ печати полагало, что нѣтъ законнаго основанія запретить статью. Брошюру напечатали, но выпускъ ея задержали. «Принимая съ своей стороны въ соображеніе,—писалъ Норденстамъ,—что эта статья присвоиваетъ Великому Княжеству Финляндскому самостоятельность и политическое значеніе, коимъ оно въ сущности не пользуется, придавая при томъ нѣкоторымъ государственнымъ актамъ смыслъ, котораго они въ офиціальномъ пониманіи не имѣютъ, чѣмъ направленіе этой статьи явно противорѣчитъ благимъ намѣреніямъ Государя Императора касательно отношеній Финляндіи къ имперіи, я считаю печатаніе таковой статьи не только неумѣстнымъ, но даже вреднымъ». Въ виду этого Норденстамъ просилъ исходатайствовать Высочайшее повелѣніе о воспрещеніи статьи, которую, кажется, приписывали молодому барону Шультену.

Осторожный графъ Армфельтъ поручилъ члену финляндскаго комитета, барону Индреніусу, отправиться въ Гельсингфорсъ для личныхъ объясненій о брошюрѣ. Индреніусъ (въ письмѣ отъ 4 декабря 1872 г.) сообщилъ, что баронъ Норденстамъ и прокуроръ Пальменъ положительно высказались за запрещеніе брошюры. Къ письму баронъ Индреніусъ приложилъ еще промеморію профессора Пальмена, въ которой говорилось: «помянутая статья начинается съ совершенно ложныхъ данныхъ касательно цѣли и образа дѣйствій Императора Александра I въ 1808 и 1809 годахъ и приходитъ на основаніи этихъ вымышленныхъ и противныхъ исторіи основаній къ такимъ же ложнымъ результатамъ. Затѣмъ слѣдуетъ ссылка на актъ созванія сейма 20 января—1 февраля 1809 года, начинающійся словами: «по неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія и счастливыхъ успѣховъ Нашего оружія Великое Княжество Финляндское навсегда присоединено къ Нашей имперіи». Эти слова по здравому смыслу нельзя соединить съ мыслію, что тотъ же самый Монархъ послѣ того заключилъ съ земскими чинами въ 1809 году такъ называемый «unionstraktat», т. е. союзный договоръ, о самостоятельности уже завоеванной и уже нераздѣльно слитой страны, а тѣмъ болѣе, что трактаты заключаются между Монархами или правительствами, а не между Монархомъ съ одной стороны и собраніемъ народныхъ представителей съ другой». Послѣ того Пальменъ переходитъ къ осужденію воззрѣнія юнаго автора на кабинетную теорію о Финляндіи, какъ «Suveränstat»—государство самостоятельное—съ фантазіями касательно «нашей дипломатіи, флага и войска».

Статью запретили. И такъ, мы видимъ, что въ рѣчахъ депутатовъ выборной январской комиссіи, ораторовъ сейма, въ газетныхъ статьяхъ говорилось о договорѣ въ Борго, о нейтралитетѣ, своемъ войскѣ и пр., но когда нужно было по тѣмъ же вопросамъ представить офиціальное заключеніе, то всѣ названныя мысли и домогательства осуждались, какъ нелѣпыя. Та же исторія повторилась съ «Очеркомъ устройства правленія въ Финляндіи», въ которомъ выражено, что автономія не имѣетъ ни малѣйшаго характера политической внѣшней самостоятельности, ибо хотя Великое Княжество управляется особыми законами и учрежденіями, оно въ отношеніи внѣшняго положенія «составляетъ сѣверо-западную окраину россійскихъ владѣній».

Политическое броженіе, которое вызвано было новыми воззрѣніями на права Финляндіи и которое небольшой рябью прошло по поверхности общества до открытія сейма 1863 года, не

было вполнѣ забыто въ правительственныхъ сферахъ. Баронъ Рокасовскій за время своего генералъ-губернаторства не разъ докладывалъ Монарху о лояльности финляндцевъ, но иностранная печать мѣшала принять его слова съ полнымъ довѣріемъ. Только графу Адлербергу удалось представить такіе отзывы объ общемъ настроеніи къ краѣ, что Государь наконецъ совершенно успокоился [601]). Броженія дѣйствительно не было. Но сепаратистскія стремленія проявлялись весьма замѣтно, какъ въ періодической печати, такъ и въ дѣятельности мѣстныхъ администраторовъ и политиковъ. Въ этомъ отношеніи особенно выдѣлился 1877 годъ. Россія занята была Турецкой войной, и едва ли возможно приписать одной только простой случайности, что именно въ это время Финляндія вновь издала сборникъ своихъ основныхъ законовъ, ея сеймъ работалъ надъ обособленіемъ финскихъ войскъ отъ русской арміи и пріобрѣтеніемъ новыхъ правъ, ея сенатъ и статсъ-секретаріатъ спѣшили съ реформой по переходу къ золотой валютѣ, измѣнена была форма служебной присяги и пр. Финляндскій патріотизмъ и развивавшееся самосознаніе усиленно работали надъ возведеніемъ своей родины въ рангъ государства. Для осуществленія завѣтной мечты многаго недоставало. Въ своей исповѣди «Helsingfors Dagblad» высказала это открыто. Политическія нити сходились тогда въ ея редакціи, составленной изъ энергичныхъ и смѣлыхъ либеральныхъ дѣятелей. Въ первомъ же нумерѣ за 1877 годъ газета созналась, что среди великихъ міровыхъ событій, когда состоялось присоединеніе Финляндіи къ Россіи «уніональное» отношеніе завоеваннаго края къ имперіи было лишь слегка намѣчено въ тѣхъ обѣщаніяхъ, которыми «обмѣнялись финляндскія сословія и Русскій Монархъ». Отсюда истекали также неточности въ торговыхъ и морскихъ трактатахъ съ иностранными державами и въ постановкѣ вопроса о консулахъ. Тоже приходилось сказать о военномъ дѣлѣ, о финансовомъ контролѣ, о дѣйствующихъ постановленіяхъ по опредѣленію налоговъ (skattbevillningen). Газета находила поэтому необходимымъ новой кодификаціей замѣнить «часто колеблющіяся и сомнительныя» положенія формы правленія 1772 года. Наибольшее же вниманіе редакція обратила на уставъ о воинской повинности, проектъ котораго подлежалъ разсмотрѣнію сейма. На новое положеніе о военномъ дѣлѣ газета смотрѣла, какъ на «поворотный пунктъ» въ исторіи Финляндіи и совѣтовала земскимъ чинамъ воспользоваться случаемъ для расширенія своихъ правъ и исправленія замѣченныхъ недочетовъ въ политическомъ положеніи края [602]).

Если имѣть въ виду, что указанія редакціи въ главнѣйшихъ чертахъ были осуществлены сеймомъ, то надо признать эту статью «програмой», а 1877 годъ—дѣйствительно поворотнымъ пунктомъ въ политической жизни края, такъ какъ результаты его посѣва оказались особенно обильными.

Работа велась дружно и послѣдовательно. Не прошло и двухъ недѣль, какъ та же газета (1877, № 13) привѣтствовала новое изданіе Финляндскихъ основныхъ законовъ (Storfurstendömet Finlands grundlagar jämte Bihang. H-fors 1877), вышедшее съ предисловіемъ Л. Мехелина. «Прошло болѣе 50 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Финляндія сдѣлалась особымъ государствомъ,—писала газета,—и никто не подумалъ о томъ, чтобъ собрать и въ видѣ одного цѣлаго издать тѣ акты, на которыхъ основывается наше правовое положеніе и которые составляютъ законную норму нашего государственнаго положенія. Въ такомъ положеніи находилось дѣло въ долгій періодъ затишья въ нашей конституціонной жизни, въ періодъ, послѣдовавшій за политическими перемѣнами 1809 года. Даже сомнительно, могло ли подобное собраніе при тогдашнихъ обстоятельствахъ получить дозволеніе появиться на свѣтъ».

Современникъ,—записками котораго мы нерѣдко пользовались при обзорѣ послѣднихъ сорока лѣтъ финляндскихъ событій,—отозвался горячими строками на выходъ сборника основныхъ законовъ, понимая ихъ значеніе и истинное намѣреніе издателя. «Вотъ вамъ и цвѣты сеймоваго устава! Пройдетъ еще нѣсколько времени и вы увидите плоды. Время для этого избрано съ намѣреніемъ передъ открытіемъ сейма, ибо если-бы генералъ-губернаторъ своею властью и запретилъ выходъ этой книги, или началъ-бы обвиненіе противъ редакціи въ ложномъ толкованіи постановленій и введеніе публики въ заблужденіе, то это могло-бъ надѣлать шума и подать поводъ къ толкамъ и запросамъ на сеймѣ.... Впрочемъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ газета «Helsingfors Dagblad» и другія проводили въ публику тѣ же самыя мысли, и генералъ-губернаторъ ничего не предпринималъ. Спрашивается послѣ этого, къ чему-же была издана Высочайше одобренная брошюра объ автономіи и роздана какъ-бы для вразумленія, для просвѣщенія Членовъ Императорскаго Дома и высшихъ русскихъ сановниковъ? Теперь оказывается, что она ихъ обманывала, когда публикуются постановленія Финляндіи съ противоположнымъ и несогласнымъ со взглядами правительства толкованіемъ. О Боже, какъ больно все это видѣть сыну, любящему свое отечество! Тѣ,

стоящіе на стражѣ и имѣющіе власть и силу, кто должны бы были охранять, защищать интересы Россіи, не видятъ, не слышатъ и не дѣйствуютъ. А тотъ, кто видитъ и слышитъ все совершающееся противъ Россіи, снѣдаемый скорбью въ безсиліи своемъ, осужденъ на безмолвіе!»

Петербургская печать замѣтила, наконецъ, политическіе ходы финляндцевъ, сдѣланные въ области реформъ и законодательства, и отвѣтила сильнымъ опроверженіемъ; но русскіе администраторы не были обязаны читать газеты, а еще менѣе считаться съ ихъ указаніями. Приводимъ главное содержаніе передовой статьи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (17—29 апрѣля 1879 г. № 104), такъ какъ въ ней выпукло представлена та русская точка зрѣнія на финляндскій вопросъ, которой придерживались, вплоть до начала XX столѣтія, тѣ ученые и публицисты, которымъ было дорого сохраненіе единой Россіи нерасчлененной, и кромѣ того, въ этой статьѣ подводятся итоги финляндскимъ домогательствамъ, съ точнымъ указаніемъ на соотвѣтствующую литературу.

«Финляндская печать успѣла уже поселить въ умахъ финляндцевъ и продолжаетъ поддерживать мысль о Финляндіи, какъ о какомъ-то отдѣльномъ союзномъ съ Россіею государствѣ, находящемся въ личномъ или династическомъ соединеніи съ Россіею, послѣдовавшемъ на основаніи договора, заключеннаго между Императоромъ Александромъ I и финляндскими представителями на Боргоскомъ сеймѣ. Такой образъ мыслей обнаружился даже на минувшемъ сеймѣ при обсужденіи вопроса объ общей воинской повинности. Всѣ помыслы и стремленія финляндцевъ направлены къ тому, чтобы стать въ отношеніи къ Россіи въ такое же положеніе, въ какомъ находится Венгрія къ Австріи и Норвегія къ Швеціи, т. е. на равную ногу, какъ государство [603]). Поэтому какой бы внутренній вопросъ въ сношеніяхъ съ Россіею ни разсматривался, финляндцы стараются поставить его на международную почву. Говорится-ли о какой-либо комиссіи, составленной изъ финляндцевъ и русскихъ членовъ, напримѣръ, о разграниченіи съ русскими губерніями, или по лоцманской части, или о торговыхъ и почтовыхъ сношеніяхъ, комиссіи эти называются международными (интернаціональными) и вырабатываемые ими проекты называются конвенціями. На международныхъ выставкахъ и ученыхъ съѣздахъ финляндцы домогаются занимать особое отъ русскихъ представителей мѣсто [604]). Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ изъ Финляндіи, она въ «Готскомъ Альманахѣ» явилась даже подъ особою рубрикою госу-

дарствъ. Тогда-же въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ финляндцы добивались назначенія особыхъ консуловъ изъ финляндцевъ въ Англіи и Франціи, необходимыхъ будто-бы по торговымъ сношеніямъ Финляндіи и по незнанію финляндцами русскаго языка, а консулами—шведскаго или финскаго языковъ, а собственно имѣлось въ виду достигнуть особаго заграницею какъ бы дипломатическаго представительства, хотя бы только по торговымъ дѣламъ, тогда какъ русскіе подданные другихъ національностей обращаются-же безъ затрудненій къ русскимъ консуламъ. Наконецъ эта гельсингфорсская газета завела даже у себя особую рубрику «сосѣднихъ странъ» или государствъ, т. е. Россіи и Швеціи.

«Между тѣмъ все это совершенно противно историческимъ фактамъ и актамъ. Политическое положеніе Финляндіи опредѣляется: деклараціею европейскихъ державъ 16 марта 1808 года (Полн. Собр. Зак. № 22.899) манифестомъ о присоединеніи Шведской Финляндіи къ Россіи 20 марта 1808 года (Полн. Собр. Зак. № 22.911); манифестомъ 5 іюня 1808 года (Прибавл. къ Улож. Швеціи, издан. по Выс. повелѣнію 1827 г. стр. 230—232); Фридрихсгамскимъ трактатомъ 5—17 сентября 1809 года (Полн. Собр. Зак. № 23.883). Кромѣ сего стоитъ только просмотрѣть въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ современную переписку, чтобы убѣдиться, что Финляндія завоевана, присоединена къ Россіи не какъ государство, а какъ провинція, область, и находится въ соединеніи не съ лицомъ или династіею русскаго Императора, а съ Россіею, при томъ въ связи реальной, т. е. она вошла въ составъ Имперіи in corpore, неразрывно соединена съ нею и должна въ политической своей жизни слѣдовать за всѣми судьбами Россіи. Никогда и ни въ одномъ актѣ русское правительство не признавало Финляндіи государствомъ. Но Императоръ Александръ I, какъ Самодержецъ Россіи, даровалъ Финляндіи по милости своей, а не по какому-то небывалому договору, отдѣльную отъ общей администрацію или административную автономію, и то не по всѣмъ частямъ, принадлежащую къ области общей внутренней, а не международной политики. Манифестомъ 15 марта 1809 года, даннымъ на Боргоскомъ сеймѣ, онъ не далъ Финляндіи новаго политическаго положенія, а утвердилъ только въ общихъ выраженіяхъ коренные законы княжества, не опредѣляя какіе именно. Финляндія была шведскою провинціею и ни собственной конституціи, ни собственныхъ особыхъ учрежденій и постановленій не имѣла. Поэтому, по здравому смыслу, если и

были оставлены ей прежніе шведскіе законы, то собственно только такіе, которые не противорѣчатъ сущности вещей и не противорѣчатъ государственнымъ интересамъ Россіи, завоевавшей Финляндію у Швеціи для себя, ради своихъ интересовъ, а не для Финляндіи, не для того, чтобы создать изъ нея особое государство. Слѣдовательно, прежніе шведскіе законы, оставленные финляндцамъ, должны были потерять свой прежній государственный характеръ и сдѣлаться провинціальными, мѣстными.

«Такимъ образомъ, источникъ всѣхъ правъ коими пользуется Финляндія, есть самодержавная власть Русскаго Императора, а не небывалый договоръ съ нимъ, будто-бы выразившійся въ актѣ созванія земскихъ чиновъ и открытіи Боргоскаго сейма. Императоръ есть Великій Князь Финляндскій не по провозглашенію на этомъ сеймѣ, а по факту завоеванія и обладанія краемъ, и этотъ титулъ, также какъ и прочіе великокняжескіе титулы, входитъ въ общій титулъ русскаго Императора. Императоръ объявляетъ войну и заключаетъ миръ и договоръ отъ лица Россіи, а отнюдь не отъ лица Финляндіи, и если-бы, напримѣръ, пришлось уступить другому государству часть Финляндіи, то онъ не сталъ бы спрашивать по этому случаю мнѣнія финляндцевъ и ихъ сейма, а поступилъ бы какъ повелѣваютъ интересы Россіи.

«Надо, впрочемъ, замѣтить, что сама Россія отчасти виновата въ сепаратистическихъ стремленіяхъ финляндцевъ. Финляндія нынѣ гораздо болѣе отдѣлилась отъ Россіи, чѣмъ было при Александрѣ I. Учрежденіе таможенной границы и введеніе особой монеты (чего финляндцы прежде тщетно добивались и нынѣ достигли только благодаря содѣйствію русскихъ министровъ финансовъ), новый сеймовый уставъ и учрежденіе особаго войска еще болѣе даютъ поводъ финляндцамъ къ сепаратизму и къ домогательствамъ получить особый національный флагъ и дипломатическое представительство, и тогда они достигнутъ совершеннаго политическаго отдѣленія отъ Россіи.

«Все это отчасти происходило оттого, что финляндскія дѣла подобной государственной важности, прошли мимо нашего Государственнаго Совѣта».

Въ «Helsingfors Dagblad» (1879, № 119) появился отвѣтъ, въ которомъ говорилось, что декларація 16 марта 1808 года не имѣетъ никакого вліянія на политическое положеніе Финляндіи, ибо война только что начиналась; манифестъ 20 марта 1808 года былъ лишь средствомъ побудить финляндцевъ къ добровольному отпаденію отъ законнаго правительства; манифестъ 5 іюня 1808 года

являлся уклоненіемъ отъ международныхъ правилъ. Первую присягу уполномоченныхъ народа нельзя считать дѣйствительной. Фридрихсгамскій трактатъ не касался внутренняго порядка вещей въ Финляндіи. Этотъ послѣдній былъ установленъ «соглашеніемъ» въ Борго. Финляндія не должна въ политической жизни слѣдовать за судьбами Россіи; Финляндія идетъ своимъ путемъ. Александръ I говорилъ о «конституціи», Александръ II—о «принципахъ конституціонной монархіи». Никакія финляндскія дѣла не принадлежатъ къ кругу вѣдомства министровъ имперіи; Финляндія имѣетъ своего министра статсъ-секретаря, находящагося въ непосредственномъ отношеніи къ лицу монарха. У Финляндіи есть свой тронъ и т. п. Въ заключеніе возражавшій писалъ, что «съ того времени, какъ Катковъ въ 1863 году началъ свой походъ противъ окраинъ, въ русской печати отъ времени до времени производились нападки на Финляндію.... Но болѣе всего мы полагаемся на слово великодушнаго Монарха, гарантировавшаго намъ наше государственное устройство,—слово, которое не можетъ быть нарушено тѣмъ, что какіе-нибудь болтуны стараются произвести эффектъ, пропорѣдуя насиліе и недоброжелательство вмѣсто справедливости и гуманности». Подъ статьей стояли инициалы Л (Лео) М. (Мехелинъ).

Приведенные образчики полемики чрезвычайно типичны. Общій характеръ непрекращавшихся затѣмъ словесныхъ схватокъ отразился въ нихъ полностію. Въ томъ-же духѣ и направленіи они ведутся до нашихъ дней, и это понятно, такъ какъ не всѣ еще главные бойцы, начавшіе полемику, сошли со сцены.

Общее настроеніе печати отражалось, конечно, въ практической жизни финляндцевъ, которые все прочнѣе усваивали воззрѣніе о своей особой государственности. Вдали отъ глазъ начальства, въ печати Запада, они коснулись даже вопроса о международномъ положеніи Финляндіи. Въ 1880 году въ Парижѣ появилась брошюра «La Finlande indépendante et neutre», par le colonel Becker. Этотъ финляндскій уроженецъ разжигалъ разныя опасенія въ своихъ соотечественникахъ. Конституція Финляндіи,—писалъ онъ,—имѣетъ единственнымъ основаніемъ слово Александра I. Обѣщаніе, правда, возобновлялось его преемниками; но если новый монархъ откажется подтвердить это обѣщаніе, или просто пропустить его, то на основаніи чего финскій народъ будетъ искать своихъ привилегій? Затѣмъ Беккеръ пугалъ финновъ политикой панславизма, программа которой сводится къ руссификаціи всѣхъ окраинъ имперіи. Примѣненная спеціально къ

Финляндіи, программа руссификаціи выразится въ томъ, что сеймъ перестанутъ созывать, а финскихъ депутатовъ начнутъ посылать въ общій русскій парламентъ, русскіе станутъ занимать гражданскія должности въ Финляндіи такъ же, какъ финляндцы занимаютъ ихъ въ Россіи; Финляндія не будетъ имѣть никакой военной—ни сухопутной, ни морской—силы, а ея сыны станутъ отбывать обязательную службу въ русской арміи и русскомъ флотѣ; таможня снимется; бумажный русскій рубль вернется въ Финляндію; сенатъ будетъ распущенъ или слитъ съ русскимъ.... Полное административное и судебное сліяніе Финляндіи съ имперіей явится затѣмъ лишь вопросомъ времени.

Какими же средствами Финляндія въ состояніи противиться этому политическому и матеріальному разоренію?—Спрашиваетъ авторъ. Конечно, финляндцы будутъ защищаться. За это говоритъ ихъ прошлое. Весь народъ подымется, зная, что въ наше время нельзя утопить въ крови цѣлую національность. Но было-бы лучше, если бы Австрія, Англія и Германія заступились за Финляндію и создали изъ нея независимое и нейтральное государство, на подобіе Бельгіи и Швейцаріи. Такимъ образомъ получилась бы гарантія противъ панславизма на сѣверѣ.

Надо полагать, что Беккеръ переусердствовалъ; «National Zeitung» злорадствовалъ, и потому гельсингфорсская газета («Morgonbladet») поспѣшила загладить получившееся впечатлѣніе статьей, въ которой назвала писаніе Беккера вреднымъ для финляндскихъ интересовъ. «Мы въ Финляндіи не такъ глупы и хорошо понимаемъ, что великія державы не пожелаютъ истратить ни единой полушки, ни одного померанскаго гренадера ради финляндской незначительной страны; мы не пойдемъ искать себѣ опоры ни у какой другой державы, кромѣ Россіи». Болѣе дипломатическій органъ Лагерборга («Helsingfors Dagblad») уличалъ Беккера въ невѣжествѣ, но сдѣлалъ это такъ, что попутно старался обосновать государственное положеніе Финляндіи, указывая на то, что Императоръ Александръ I воспользовался стремленіями финляндцевъ конца XVIII вѣка къ отдѣльной политической жизни и потому въ городѣ Борго заключилъ съ ихъ представителями «особый миръ», принявъ отъ нихъ присягу, а съ своей стороны подписалъ (15—27 марта 1809 г.) конституцію края [605].

ПОЛОЖЕНІЕ

РУССКАГО ДѢЛА ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

XIII. Отношеніе финляндцевъ къ русскимъ.

Сперва два маленькихъ эпизода. Они сами по себѣ ничтожны, но тѣмъ не менѣе бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на вопросъ объ отношеніяхъ финляндцевъ къ Россіи. Сгорѣлъ городъ Ваза. Построили новый и ходатайствовали въ честь Императора Николая Павловича (въ апрѣлѣ 1855 г.) наименовать его Николайштадтомъ. Но прошло нѣсколько лѣтъ и тѣ же жители выразили (въ 1863 г.) желаніе вновь назвать его Вазой, въ честь шведскаго короля Густава Вазы, ссылаясь на неудобства, происходившія яко-бы при торговлѣ со Швеціей. Рокасовскій проситъ Армфельта оставить послѣднее прошеніе безъ отвѣта.

«Дирекція новаго шведскаго театра сдѣлала распоряженіе, которое, какъ писалъ финляндскій корреспондентъ въ стокгольмскую газету «Nya Dagl. Allehanda» (1860, № 273), если бы было приведено въ исполненіе, возбудило-бы весь городъ къ войнѣ съ нею. Она сочла себя въ правѣ, взамѣнъ предложеннаго въ чертежѣ проекта финляндскаго герба надъ царской ложей выставить русскій орелъ колосальныхъ размѣровъ. Къ счастью, объ этомъ своевременно провѣдали и было рѣшено, что ни одинъ финнъ не переступитъ порога театра, если орелъ будетъ выставленъ. Это испугало кого слѣдовало и положено было замѣнить русскій гербъ буквою А. Кажется, даже графъ Бергъ, узнавъ какой оборотъ приняло дѣло, сразу изъявилъ свое согласіе на подобную замѣну»...

Описанныя уже въ предыдущей главѣ финляндскія политическія настроенія въ значительной мѣрѣ предрѣшаютъ ихъ отношенія къ русскимъ. Если финляндцы проявляли стремленія къ обособленію ихъ края отъ Россіи, то едва-ли можно ожидать отъ нихъ особаго расположенія къ русской народности. Тѣмъ не менѣе въ общемъ выводѣ отношенія финляндцевъ къ русскимъ могутъ

быть признаны сносными, хотя и не обходились безъ нѣкоторыхъ шероховатостей. Главную массу русскихъ въ Финляндіи составляли, конечно, войска и на отношеніяхъ къ нимъ приходится оцѣнивать истинныя чувства, питаемыя финляндцами къ русскимъ. Въ шестидесятыхъ годахъ въ Финляндіи расположена была первая гренадерская дивизія. Финляндцы вообще были нѣсколько предубѣждены противъ русскихъ солдатъ; объясняется это въ извѣстной мѣрѣ тѣмъ, между прочимъ, что бывшіе линейные баталіоны 22-й пѣхотной дивизіи комплектовались прежде большею частью штрафованными, которые, конечно, не отличались высокой нравственностью. Когда въ іюлѣ мѣсяцѣ 1863 года, жители окрестностей Гельсингфорса узнали, что въ скоромъ времени прибудутъ четыре полка гренадеръ и расположатся на тѣсныхъ квартирахъ въ ближайшихъ къ городу приходахъ, то неудовольствіе ихъ усилилось, хотя эта же дивизія, находясь въ Финляндіи во время послѣдней войны (1854—1855 г.), заслужила всеобщее расположеніе [606]). Прошло $2^{1}/_{2}$ мѣсяца стоянки гренадеръ и ни одной исторіи не случилось; амбары и разные склады, остававшіеся по принятому обычаю открытыми, не были тронуты. Финны сошлись съ гренадерами, какъ утверждалъ корреспондентъ «Русскаго Инвалида» (1863 г., № 234); послѣдніе помогали хозяевамъ работать и вели себя исправно, а за продукты, нужные войскамъ, деньги оставались у финна. Вообще отношенія мѣстнаго населенія спеціально къ русскимъ войскамъ были спокойныя и естественныя. Мелкія же недоразумѣнія и пререканія, безъ которыхъ совмѣстная жизнь едва-ли возможна, общаго характера этихъ отношеній не портили.

Нѣсколько иначе финляндцы смотрѣли на русскихъ лицъ изъ образованнаго класса. Въ взаимныхъ отношеніяхъ съ ними прорывались болѣе рѣзкія черты. Въ 1865 году въ Або произошла «исторія», о которой генералъ-губернаторъ, баронъ Рокасовскій, писалъ начальнику Абоской губерніи (20 ноября) 2 декабря: «Изъ вашего письма, а равно изъ другихъ поступившихъ на мое имя рапортовъ, освѣдомился я, къ крайнему своему сожалѣнію, что въ городѣ Або вновь произошли безпорядки, цѣлью коихъ было поношеніе и оскорбленіе чести г.г. офицеровъ, расположенныхъ тамъ русскихъ войскъ. Свойство этихъ оскорбленій, явно не относящихся къ лицу оскорбленныхъ, а напротивъ того задѣвающихъ ихъ національность, обнаруживаетъ у мѣстныхъ жителей весьма предосудительный образъ мыслей и направленіе, несогласные ни съ должными общественными тишиною и спокойствіемъ, ниже съ обусловленнымъ политическимъ положеніемъ здѣшняго края обстоя-

тельствами. Подобныя смуты не могутъ быть терпимы, а потому должны быть положены предѣлы таковымъ безчинствамъ. Вы увѣряете, что образованные и порядочные люди г. Або крайне негодуютъ и сѣтуютъ на эти безчинства. Таковое увѣреніе не составляетъ особеннаго утѣшенія для оскорбленной воинской чести и такому показанію вообще противорѣчитъ то обстоятельство, что поименованный вами (Бекстремъ) и два его спутника принадлежатъ къ числу служащихъ. Но если негодованіе образованныхъ людей дѣйствительно имѣло-бы прочное основаніе, то не трудно будетъ вамъ склонить горожанъ къ дѣйствительнымъ мѣропріятіямъ, воспрепятствующимъ возобновленіе безчинствъ и смутъ, подобныхъ настоящимъ. Въ этихъ видахъ предлагаю заботиться о томъ, чтобы доброе согласіе между Абоскими жителями и чинами русскаго войска впредь-бы не нарушалось, а напротивъ того упрочилось бы. Если-же повторяться будутъ прежнія безчинства, то я вынужденъ буду принять мѣры къ огражденію воинской чести, и съ этою цѣлью расположить въ городѣ такое число войскъ, что безопасность охраняема будетъ патрулями въ большомъ составѣ».

Мѣстные жители пожелали загладить впечатлѣніе недостойныхъ членовъ своей среды и отправили въ Гельсингфорсъ депутацію отъ горожанъ, которая представила генералъ-губернатору адресъ, «съ изъявленіемъ скорби и негодованія благомыслящихъ по случаю столкновеній», происшедшихъ между тамошними жителями или пріѣзжими и офицерами, расположенныхъ въ городѣ русскихъ войскъ. Этотъ адресъ графъ Армфельтъ представилъ Государю, который помѣтилъ: «Желаю вѣрить искренности выраженныхъ чувствъ» [607]).

Подобныя исторіи, видимо, повторялись и ранѣе и позже, но въ разныхъ размѣрахъ. Въ январѣ 1862 года Шерваль-Валленъ писалъ Рокасовскому: «князя Василія Долгорукова озабочиваетъ кошачій концертъ въ Або. Повидимому онъ теперь только получилъ объ этомъ свѣдѣнія и при этомъ крайне неточныя. Если Государь въ слѣдующій четвергъ, спроситъ объясненія на этотъ счетъ, то графъ Армфельтъ затруднится, что ему отвѣчать».

Мелкія оскорбленія и пререканія не прекратились, не смотря на то, что значительная часть офицерскаго состава 23-й дивизіи, расположенной въ финляндскомъ военномъ округѣ, замѣтно ошведилась. Въ полкахъ 23-й пѣхотной дивизіи служило въ офицерскихъ чинахъ 14% католиковъ, а финляндцевъ почти 23%, считая штатную численность офицеровъ полка въ 56 человѣкъ. Если

*

сложить число католиковъ и лютеранъ, то получимъ, что во всей дивизіи число офицеровъ неправославныхъ къ офицерамъ православнаго вѣроисповѣданія относилось какъ 37 къ 100, т. е. неправославные офицеры составляли $^1/_3$ общаго числа, а финляндцы почти $^1/_4$. Въ полевой и крѣпостной артиллеріяхъ округа процентъ этотъ былъ нѣсколько меньше, а въ штабѣ округа—даже болѣе половины.

Выходки противъ православнаго духовенства повторялись довольно часто.

Особыми обстоятельствами, возбуждавшими толки по всей Россіи, явились предложенія о нейтралитетѣ Великаго Княжества, въ случаѣ войны Россіи съ иностранными державами, и нелѣпая затѣя политикановъ воздвигать памятники въ честь героевъ борьбы 1808—1809 годовъ.

Первое офиціальное извѣстіе о памятникахъ финскимъ воинамъ, сражавшимся съ русскими въ кампанію 1808—1809 годахъ, относятся къ 1864 году. Генералъ-губернаторъ Рокасовскій далъ тогда-же соотвѣтствующую оцѣнку факту, несомнѣнно, задѣвавшему русское національное чувство. Отъ имени начальника края было сообщено Вазаскому губернатору: «Во ввѣренной вашему превосходительству губерніи отпразднована 2/14 іюля сего года скопищемъ разнаго званія лицъ, въ числѣ болѣе 2 тысячъ человѣкъ, годовщина пораженія русскихъ у Лаппо, причемъ съ особымъ торжествомъ открытъ воздвигнутый иждивеніемъ одного заводчика памятникъ. Обстоятельное повѣствованіе этого празднества, появившееся въ «Helsingfors Tidningar», позаимствовано нѣкоторыми другими финляндскими газетами, а затѣмъ перепечатывается въ иностранныхъ вѣдомостяхъ, подавая поводъ къ разнымъ превратнымъ толкамъ и пересудамъ. Находя таковое отпразднованіе дѣла противъ русскихъ войскъ, въ настоящихъ обстоятельствахъ крайне неумѣстнымъ, и что вы должны были личнымъ вліяніемъ на гражданъ отклонить подобныя дѣйствія, а въ нужномъ случаѣ предоставленною вамъ властію ихъ вовсе запретить, я вынуждаюсь поставить это вамъ на видъ и предлагаю на будущее время, въ предупрежденіе подобныхъ случаевъ, отнюдь не допускать манифестацій, могущихъ оскорбить чувство самолюбія и собственнаго достоинства русскихъ и поколебать водворившееся доброе согласіе между жителями одной и той-же имперіи. Равнымъ образомъ, и въ интересахъ самихъ финляндцевъ, предлагаю впредь не допускать печатанія въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ статей, въ какомъ бы то ни было отношеніи враждебныхъ русскимъ» (27 іюля—8 августа 1864 г.).

Въ томъ же году въ газетѣ «Mikkelin Wiikko Sanomia» (1864, № 32) было помѣщено приглашеніе къ взносамъ пожертвованій на сооруженіе памятника, въ воспоминаніе бывшаго въ Поросальми въ 1789 году сраженія между русскими и финскими войсками. По закону 4 іюля 1849 года на повсемѣстный сборъ не имѣли права безъ разрѣшенія генералъ-губернатора. Рокасовскій нашелъ затѣю крайне неумѣстной въ настоящихъ обстоятельствахъ и вредной для Финляндіи манифестаціей (августъ 1864 г.).

Императоръ Александръ II не давалъ разрѣшенія на постановку памятниковъ при Лаппо и Ютасъ. Графъ Армфельтъ по поводу ходатайствъ о разрѣшеніи поставить памятники на этихъ мѣстахъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ говорилъ о томъ, что означенныя сраженія имѣли весьма ничтожное значеніе, и что, въ особенности сельцо Ютасъ, получило имя лишь благодаря стихамъ Рунеберга. Государь объявилъ графу Армфельту свою волю о томъ, что вообще нужно содѣйствовать тому, чтобы воспоминанія о кровавыхъ столкновеніяхъ между русскими и финнами изгладились, а не поддерживались постановкой памятниковъ, дающихъ поводъ къ различнымъ рѣчамъ [608]). Къ сожалѣнію, добрый совѣтъ Монарха вскорѣ былъ забытъ, а въ Финляндію явились генералъ-губернаторы, которые равнодушно отнеслись къ домогательствамъ мѣстныхъ политикановъ.

Толки о нейтралитетѣ хотя и не возобновлялись въ печати, послѣ шестидесятыхъ годовъ, но извѣстное вліяніе на умы они, тѣмъ не менѣе, кажется, успѣли произвести. Это можно заключить изъ слѣдующаго обстоятельства. Въ 1877 году въ Россіи подъемъ національнаго чувства проявился успѣшнымъ сборомъ пожертвованій на добровольный флотъ. Предполагали, что и Финляндія приметъ участіе въ общемъ дѣлѣ обороны имперіи, но вышло иначе. Въ маѣ 1878 года генералъ-губернаторъ сообщилъ Шернваль-Валлену, что «изъ полученныхъ, черезъ сенатъ, свѣдѣній усматривается, что сборъ въ пользу добровольнаго флота не можетъ быть принятъ въ Финляндіи сочувственно, изъ опасенія репрессалій, которыя въ случаѣ войны съ Англіею всего ближе могли бы отозваться на финляндскомъ коммерческомъ флотѣ и на прибрежныхъ городахъ, селеніяхъ и учрежденіяхъ края».

Столь-же яркимъ фактомъ, освѣщающимъ отношенія финляндцевъ къ русскимъ является тяжба о свеаборгскихъ водахъ. Это дѣло показываетъ до какой степени дошли ненормальность и путаница отношеній финляндскихъ административныхъ и судебныхъ

властей къ русскимъ, благодаря тому, что допускалось существованіе государства въ государствѣ. Каждый знаетъ, что начальникъ крѣпости обязанъ принять всѣ мѣры, чтобы обезопасить крѣпость не только въ военное, но и въ мирное время, отъ всякаго рода лазутчиковъ и злонамѣренныхъ людей, появляющихся вблизи крѣпостныхъ верковъ. Для этой цѣли извѣстное пространство земли и воды, окружающее крѣпость, находится обыкновенно въ вѣдѣніи крѣпостнаго начальства, которое и располагаетъ имъ, когда и какъ угодно. Между тѣмъ въ Свеаборгѣ финляндцы ограничили крѣпостное начальство въ правахъ распоряженія водами, омывающими острова, на которыхъ расположена крѣпость, потому что воды эти, какъ доказывалъ мѣстный магистратъ, принадлежали городу Гельсингфорсу. О принадлежности водъ лѣтъ десять передъ тѣмъ возникъ между военнымъ вѣдомствомъ и городскими властями споръ. Въ 1867 году инженерное вѣдомство, отдававшее до тѣхъ поръ въ аренду омывающія нѣкоторые крѣпостные острова воды, должно было возобновить контрактъ съ арендаторомъ. Магистратъ воспротивился исполнить истекавшія отсюда извѣстныя требованія военнаго начальства, заявивъ, что инженерное вѣдомство не имѣетъ права отдавать воды въ аренду, такъ какъ подъ крѣпость были отданы шведскому правительству одни только острова, а потому магистратъ считаетъ окружающую ихъ воду до сихъ поръ принадлежащею городу. Начальникъ инженеровъ нашелъ такое толкованіе магистрата неправильнымъ. Онъ ссылался на то, что при сдачѣ крѣпости русскимъ войскамъ были переданы правительству 10 острововъ, а въ 1819 году военнымъ вѣдомствомъ куплено еще 24 острова. Слѣдовательно, военно-инженерное вѣдомство сдѣлалось владѣльцемъ этихъ острововъ, а потому, по закону 1865 года о рыбной ловлѣ, имѣетъ право и налагать запрещеніе ловить рыбу на окружающихъ эти острова водахъ. Такое возраженіе опровергалось магистратомъ. Въ 1869 году вопросъ о принадлежности водъ обсуждался въ военно-окружномъ совѣтѣ, а затѣмъ и въ военномъ совѣтѣ въ Петербургѣ. Кромѣ того, начальникъ инженеровъ по этому дѣлу подалъ жалобу на Высочайшее имя, чрезъ финляндскій сенатъ. Военный совѣтъ, имѣя въ виду удаленіе отъ крѣпостныхъ верковъ злонамѣренныхъ людей, предписалъ воспретить рыбную ловлю на разстояніи 200 саж. отъ береговъ крѣпости. Это постановленіе финляндскія власти не исполнили, какъ для нихъ не обязательное. На жалобу же начальника инженеровъ послѣдовалъ отказъ и дѣло было передано на разсмотрѣніе абоскаго гофгерихта. Такимъ образомъ, съ одной стороны,

спеціально-военное дѣло, а съ другой стороны дѣло, затрогивающее права государства по защитѣ своихъ владѣній, было отдано на судъ второстепенной гражданской судебной инстанціи. Потомъ, для разсмотрѣнія вопроса учредили смѣшанную комиссію. Депутаты города Гельсингфорса, считая себя обладателями водъ, соглашались уступить ихъ за извѣстное вознагражденіе.

Во время войны 1877—78 годовъ, когда военное вѣдомство хлопотало объ усиленіи вооруженія крѣпости и о защитѣ ею города Гельсингфорса, начальникомъ инженеровъ снова былъ возбужденъ вопросъ о приведеніи въ исполненіе запрещенія военнаго совѣта плавать и ловить рыбу въ свеаборгскихъ водахъ; но такъ какъ инженерное вѣдомство во-время не обжаловало рѣшенія комиссіи, то сенатъ отвѣтилъ, что вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ въ его пользу. Такимъ образомъ крѣпостное начальство, въ случаѣ войны, лишалось возможности употреблять мѣры защиты на водахъ отъ лазутчиковъ, хотя бы въ видѣ рыболововъ. Между тѣмъ Фридрихсгамскій мирный договоръ 1809 года гласилъ ясно, что вся страна поступила въ полное обладаніе россійской имперіи. Слѣдовательно, и всякія воды, если онѣ необходимы для защиты государства, принадлежатъ имперіи. Право государства на защиту его границъ неотъемлемо и уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть предметомъ вѣдѣнія и сужденія второстепенной финляндской судебной или административной инстанціи. Такіе вопросы, какъ вопросъ о свеаборгскихъ водахъ, могутъ возникать только въ предѣлахъ Финляндіи. Во всякой другой части государства подобнаго рода споры немыслимы [609]).

Другая невѣроятная аномалія установлена въ области политическихъ и гражданскихъ правъ русскихъ людей, поселившихся на этой окраинѣ имперіи. Согласно дѣйствующимъ узаконеніямъ, изъ которыхъ первыя относятся къ концу пятидесятыхъ годовъ, юридическое положеніе русскихъ въ Финляндіи и финляндцевъ во внутреннихъ губерніяхъ представляетъ существенныя различія, причемъ всѣ преимущества склоняются на сторону финляндцевъ. Русскій законъ не разграничиваетъ уроженцевъ имперіи и Великаго Княжества и финляндцы на всемъ пространствѣ имперіи считаются такими-же полноправными гражданами, какъ и природные обыватели. Наоборотъ, русскіе въ Финляндіи признаются иностранцами и, какъ таковые, лишены не только политическихъ, но и многихъ гражданскихъ правъ, пока не пріобрѣтутъ такъ называемыхъ правъ финляндскаго гражданства.

По сеймовому уставу 1869 года, русскіе уроженцы не получили права участія въ выборахъ и не могли быть избираемы въ депутаты, хотя бы и родились въ Финляндіи, обладали недвижимостью и платили мантальныя деньги. Даже въ духовное сословіе сейма не были допущены представители 50 тысячъ православныхъ. Точно также и русскія учебныя заведенія въ краѣ оставались безъ представительства. Отстраненіе русскихъ уроженцевъ отъ избирательныхъ урнъ ставило ихъ въ положеніе лицъ, лишенныхъ политическихъ правъ въ чужомъ государствѣ.

Финляндцы допускались на имперскую службу военную, гражданскую и духовную. Притомъ для облегченія имъ доступа на русскую службу, финляндскій университетъ и лишь недавно закрытый кадетскій корпусъ приравнены къ соотвѣтствующимъ русскимъ учебнымъ заведеніямъ. Русскія же учебныя заведенія не были приравнены къ финляндскимъ, почему даже финляндскіе граждане, пройдя курсъ русскихъ учебныхъ заведеній, не принимались на должности въ Великомъ Княжествѣ и не получали правъ по отбыванію воинской повинности.

Въ отношеніи чинопроизводства финляндцамъ также предоставлены бо̀льшія преимущества, чѣмъ русскимъ, ибо въ Финляндіи не обязательно проходить чины по очереди, а можно сразу получать высшіе ордена и чины.

Вопреки смыслу закона 1858 года (т. IX, Зак. о сост.), предусматривающаго поступленіе русскихъ уроженцевъ на службу въ Великомъ Княжествѣ, финляндскія власти, путемъ толкованій, отрицали въ теоріи за русскими право состоять на финляндской службѣ; для достиженія того же результата на практикѣ были установлены различныя стѣснительныя правила. Въ отдѣльныхъ узаконеніяхъ оговорены спеціальныя ограниченія, какъ напримѣръ, по службѣ полицейской, учебной, въ больницахъ, по занятію должностей сенаторовъ и засѣдателей въ уѣздныхъ судахъ, по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, по службѣ на финляндскихъ пароходахъ и судахъ, плавающихъ подъ русскимъ флагомъ, по вопросу о государственной службѣ. Идея полнаго уравненія финляндцевъ съ русскими проведена по законодательству имперіи. На разныхъ высшихъ постахъ, въ правительствующемъ сенатѣ и въ государственномъ совѣтѣ встрѣчались финляндцы, напримѣръ, графъ Густавъ и Александръ Армфельты, графъ Ребиндеръ, баронъ Николаи, баронъ Брунъ, генералъ Норденстамъ (губернаторомъ), баронъ Котенъ (сенаторомъ) и т. д. Мы не говоримъ уже о военно-сухопутныхъ войскахъ и русскомъ флотѣ, гдѣ нахожденіе финлянд-

цевъ въ офицерскихъ спискахъ было явленіемъ совершенно заурядным. Не смотря на это, уставъ о воинской повинности 1878 года закрылъ всякій доступъ русскимъ офицерамъ въ ряды финскихъ войскъ.

Финляндскіе дворяне и разночинцы, при опредѣленіи въ русскую службу, почитаются наравнѣ съ дворянами и разночинцами русскими, причемъ отъ нихъ не требуется перечисленія въ другія губерніи имперіи. Русскіе-же дворяне, перечислившіеся въ Великое Княжество, приравнивались къ чиновнымъ лицамъ, но не къ финляндскимъ дворянамъ.

Финляндцамъ предоставлены всѣ присвоенныя вообще русскимъ подданнымъ права по городовому и земскимъ положеніямъ: они могли избирать гласныхъ и быть гласными въ городскихъ думахъ и земскихъ собраніяхъ. По финляндскимъ законамъ о сельскомъ и городскомъ общинныхъ управленіяхъ, избирательныя права, активное и пассивное, принадлежатъ однимъ лишь финляндскимъ гражданамъ, русскіе-же уроженцы этихъ правъ лишены, но привлекаются тѣмъ не менѣе къ исполненію всѣхъ повинностей на общину, наравнѣ съ финляндцами.

Финляндцы, проживающіе въ имперіи, не стѣснены въ занятіяхъ либеральными профессіями, имѣютъ право врачебной практики, могутъ заниматься издательскою дѣятельностью, печатать свои произведенія и т. п. Имъ не только принадлежитъ право пріобрѣтенія недвижимыхъ имѣній въ имперіи, но они даже вполнѣ сравнены съ коренными русскими въ отношеніи награжденія маіоратами за службу въ Царствѣ Польскомъ и въ правѣ на покупку имѣній въ Западномъ краѣ. Финляндцы получали у насъ даже русскія аренды [610]). Въ русскихъ законахъ не установлено никакихъ ограниченій по общимъ гражданскимъ правамъ финляндцевъ въ имперіи, какъ то, по опекѣ и т. п. Въ отношеніи же либеральныхъ профессій для русскихъ установлены въ Финляндіи значительныя стѣсненія. Такъ, напримѣръ, врачебная практика дозволена русскимъ врачамъ только въ узкомъ смыслѣ; они не могутъ занимать должностей въ больницахъ, на фабрикахъ и т. п. По дѣйствующему закону о печати, право печатно выражать и излагать публикѣ свои мысли на финскомъ и шведскомъ языкахъ по всѣмъ предметамъ человѣческаго знанія принадлежитъ однимъ финляндскимъ гражданамъ.

Пріобрѣтеніе недвижимаго имущества въ Финляндіи было обставлено для русскихъ, кромѣ дворянъ, такими же ограниченіями, какъ для иностранцевъ, т. е. они могли покупать его лишь

съ особаго Высочайшаго разрѣшенія. Нѣкто (коллежскій регистраторъ Фрейбургъ) купилъ себѣ недвижимость въ Выборгской губерніи и просилъ дозволеніе владѣть этимъ имуществомъ, не имѣя правъ финляндскаго гражданина. Но такъ какъ онъ въ то же время не принадлежалъ и къ россійскому дворянству, то графъ А. Армфельтъ, сенатъ и генералъ-губернаторъ просили Государя отказать въ такой просьбѣ. Государь, однако, на это не согласился и надписалъ: «Не вижу повода отказывать, такъ какъ въ имперіи предполагается дозволять и иностранцамъ владѣть недвижимымъ имуществомъ» (5—17 сент. 1863 г., въ Гельсингфорсѣ). И не смотря на это, прошло еще почти тридцать лѣтъ, прежде чѣмъ указанная несообразность была отмѣнена и русскимъ дано было право пріобрѣтать недвижимыя имѣнія на окраинѣ россійской имперіи.

При условіяхъ, равныхъ съ остальными русскими подданными, финляндцы не стѣснены ни въ какой отрасли промышленной, фабричной, ремесленной и торговой дѣятельности. Согласно финляндскому постановленію о промыслахъ 1879 года, право производства промысловъ и торговли принадлежитъ въ полномъ объемѣ однимъ только финляндскимъ гражданамъ, русскіе же уроженцы, наравнѣ съ иностранцами, подвергаются различнымъ ограниченіямъ. Засимъ, въ цѣломъ рядѣ спеціальныхъ законовъ принадлежность къ финляндскому гражданству ставится, какъ непремѣнное условіе для занятія отдѣльными видами добывающей, обрабатывающей и обмѣнивающей промышленности. Подобное требованіе оговаривается въ правилахъ о торговлѣ аптекарскими товарами и ядами, о винокуреніи, объ оптовой, раздробительной и распивочной продажѣ вина, о торговлѣ солодовыми напитками, объ устройствѣ товарныхъ складовъ, о судостроеніи, судовладѣніи и судовожденіи, о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Ограничительныя постановленія такого же характера существуютъ въ отношеніи банковъ, акціонерныхъ обществъ, сберегательныхъ кассъ, ссудныхъ учрежденій, аукціоннаго промысла и т. п.

Мало того, даже русскій законъ—положеніе о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ, производимыхъ въ Финляндіи—ставитъ мѣстныхъ уроженцевъ въ гораздо болѣе льготныя условія по сравненію съ русскими людьми.

Самое перечисленіе финляндцевъ въ имперію производится казенными палатами по простому сношенію съ финляндской паспортной экспедиціей.

Перечисленіе же русскихъ людей въ Финляндію обставлено различными формальностями, смотря по сословію, къ которому при-

надлежалъ перечислявшійся. Дворяне и чиновники перечислялись по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, лица же прочихъ состояній—по сношенію министра статсъ-секретаря съ министромъ финансовъ. При этомъ отъ лицъ второй категоріи требовалось предварительное шестилѣтнее пребываніе въ краѣ, которое могло быть замѣнено тысячерублевымъ взносомъ.

Когда поднятъ былъ вопросъ объ опредѣленіи порядка перечисленія россійскихъ дворянъ и чиновныхъ лицъ изъ имперіи въ Финляндію, Государь повелѣлъ: «Снестись прежде съ графомъ Блудовымъ, для соображенія сихъ правилъ съ тѣми, которыя существуютъ у насъ для Остзейскихъ губерній». Такъ гласила Высочайшая резолюція 12 (24) авг. 1857 года. При практическомъ осуществленіи перечисленій въ правительственныхъ сферахъ наблюдались колебанія и неясность. Такъ, напримѣръ, когда управляющій гербовымъ отдѣленіемъ при департаментѣ герольдіи правительствующаго сената, статскій совѣтникъ Кёне, просился о перечисленіи въ Финляндію, Государь надписалъ: «Такъ какъ онъ объ увольненіи отъ службы не проситъ, то нахожу неудобнымъ перечисленіе его въ Финляндію. (12—24 янв. 1860 г.). Другое лицо, состоявшее на службѣ,—капитанъ Лапенко,—получилъ разрѣшеніе перечислиться, причемъ въ Высочайшей резолюціи было оговорено: «Да, а подобныхъ просьбъ отъ военно-служащихъ впредь не принимать» (19—31 дек. 1880 г.).

Вмѣстѣ съ русскими въ Финляндіи ограничены въ своихъ правахъ евреи. По общему правилу, существующему еще со шведскихъ временъ, постоянное жительство въ краѣ евреямъ воспрещено. Имъ дозволяется лишь пріѣздъ на опредѣленный срокъ. На основаніи закона 1858 г. о запискѣ по Финляндіи отставныхъ солдатъ и матросовъ, ихъ женъ и дѣтей, въ Финляндіи нынѣ проживаетъ около 1,000 евреевъ. Но дѣти ихъ, по вступленіи въ бракъ или по отбытіи воинской повинности въ имперіи, лишаются права оставаться въ краѣ безъ особаго разрѣшенія сената. Еврейки изъ другихъ мѣстностей, вступившія въ бракъ съ евреями, имѣющими право жительства въ краѣ, въ силу вступленія въ бракъ не пріобрѣтаютъ означеннаго права. Евреямъ запрещено открывать синагоги и держать раввиновъ. Евреямъ не дозволяется пріобрѣтать недвижимость, производить развѣдки золота въ Лапландіи и разработку этого металла.

«Такимъ образомъ, писалъ изслѣдователь этого вопроса, Финляндія являетъ небывалый въ исторіи примѣръ. Около $2^1/_2$ милліоновъ жителей Финляндской окраины занимаютъ первенствую-

щее положеніе среди ста милліоновъ подданныхъ Россійскаго государства. Финляндцы полноправны на всемъ пространствѣ этого государства, отъ Балтійскаго моря до Тихаго океана, гдѣ плавали финляндскіе китоловы, и отъ Чернаго моря до дальняго Мурмана, на который финляндцы уже выражаютъ свою претензію. Русскій же считается въ Финляндіи чужеземцемъ и притомъ, какъ видно изъ правилъ о перечисленіи, чужеземцемъ наименѣе благопріятствуемой державы. Права подданныхъ различныхъ державъ опредѣляются обыкновенно началомъ взаимности; бываютъ, конечно, примѣры, когда побѣдители выговариваютъ себѣ особыя права въ побѣжденной странѣ, но мы не знаемъ другого примѣра, чтобы жители покоренной части государства имѣли столь несправедливыя преимущества надъ прочими подданными этого государства. Можно даже сказать, что, будь Финляндія независимымъ государствомъ, русскіе находили бы въ ней защиту въ посольствѣ и консульствахъ и, несомнѣнно, имѣли бы тѣ же права, какія имѣютъ финляндцы въ имперіи, ибо въ этомъ состоитъ самое элементарное правило международнаго права, на исполненіи котораго, конечно, сумѣло бы настоять русское министерство иностранныхъ дѣлъ, при общемъ одобреніи всего цивилизованнаго міра. Итакъ, финляндцы въ имперіи пользуются рѣшительно всѣми правами; на долю же русскихъ въ Финляндіи достались указанныя выше ограниченія. Трудно найти сферу человѣческой дѣятельности, гдѣ бы русскій въ Финляндіи не встрѣчалъ неодолимыхъ преградъ»[611].

Крѣпость государства зиждется на сознаніи общности интересовъ всѣхъ ея членовъ, а справедливость требуетъ равноправности въ положеніи подданныхъ. Къ достиженію этихъ требованій всюду шли извѣстными путями, которые опредѣленно намѣчались правительствомъ. Случайныя настроенія въ подобныхъ обстоятельствахъ только портили государственное дѣло. Въ отношеніяхъ же русскаго правительства къ финляндской окраинѣ нельзя наблюсти твердой системы и неуклоннаго стремленія къ политическому объединенію и государственному равноправію. Вся наша окраинная политика страдала колебаніями и разрозненностью въ дѣйствіяхъ, а нѣкоторыя существенныя мѣропріятія въ Великомъ Княжествѣ были направлены въ явный ущербъ интересамъ русской народности. Слабость русскаго національнаго начала въ политикѣ сказывалась почти въ каждой новой реформѣ. Важнѣйшая наука для правительства—«знать свойства своего народа и выгоды земли своей»—оставалась почти неизвѣстной въ петербургскихъ учрежденіяхъ и департаментахъ. «Въ Россіи лучше было быть не рус-

скимъ», сказалъ давно уже кн. Адамъ Чарторыжскій. Выгоды, извлекавшіяся изъ національнаго равнодушія русскихъ, привели, между прочимъ, къ тому, что среди сановниковъ имперіи наблюдалось иногда «непреодолимое отвращеніе» къ Россіи и «ея главному населенію». Императоръ Александръ I сдѣлалъ для поляковъ болѣе, чѣмъ слѣдовало сдѣлать русскому императору: онъ осыпалъ ихъ благодѣяніями и былъ расположенъ къ нимъ болѣе, чѣмъ къ собственнымъ подданнымъ. Эти достопамятныя слова Рыцаря на тронѣ Императора Николая I въ извѣстной мѣрѣ примѣнены къ отношеніямъ Императора Александра II къ финляндцамъ. Въ финляндскихъ реформахъ его времени «не было ни русскаго духа, ни русскаго чувства», главнымъ образомъ вслѣдствіе того, конечно, что финляндскія дѣла вѣдались исключительно мѣстными дѣльцами, петербургскими космополитами, или совершенно бездарными представителями Россіи, въ родѣ гр. Н. В. Адлерберга.

Въ исторіи другихъ государствъ невозможно наблюсти того, что дѣлалось на финляндской окраинѣ: мѣропріятіями, утвержденными русскимъ правительствомъ, русскіе люди или непосредственно удалялись съ окраины, или-же имъ ставились серьезныя препятствія для прочнаго тамъ водворенія. Мыслимо ли, чтобы англійское правительство ставило преграды англичанамъ въ Индіи или въ другихъ своихъ колоніяхъ? Можно-ли себѣ представить, чтобы прусскія власти воспретили пруссакамъ службу въ Эльзасъ-Лотарингіи, или Австрія содѣйствовала удаленію нѣмцевъ изъ Чехіи? Конечно, нѣтъ. Между тѣмъ утвержденіе положенія о донаціонныхъ земляхъ привело къ очищенію Выборгской губерніи отъ русскихъ помѣщиковъ, уставомъ о воинской повинности русскимъ воспрещена была служба въ финскихъ войскахъ; основаніе русскаго органа печати въ Финляндіи было признано «совершенно излишнимъ». Областному финляндскому сейму стали придавать прерогативы государственнаго учрежденія, ландтагъ начали превращать въ риксдагъ, марка изъ подраздѣленія государственной монетной единицы, равной четвертаку, дѣлается самостоятельной и сравнивается съ франкомъ, простой таможенный кордонъ выростаетъ въ атрибутъ государства.... Понятно, что послѣ этого очередными вопросами оказались: особый финскій гимнъ, свой флагъ, свое консульское представительство въ иностранныхъ государствахъ и нейтралитетъ, въ случаѣ войны Россіи съ европейскими державами. И весь этотъ циклъ домогательствъ пройденъ въ краткій періодъ одного царствованія и т. п. Вся забота правительства точно была направлена къ тому, чтобы на инородческой границѣ имперіи ни-

коимъ образомъ не возобладалъ великорусскій элементъ, чтобы въ Финляндіи очистить поле для шведской культуры. Какъ завоеватели, русскіе скромно тѣснились назадъ, къ дверямъ, предоставляя почетный красный уголъ покоренному. «Казалось бы, великороссы, чьи предки были создателями имперіи, имѣютъ предпочтительное право на выгоды, извлекаемыя изъ государственности. Въ числѣ выгодъ стоитъ одна, крайне реальная,—непосредственное участіе въ составѣ власти. Почему же—спрашиваетъ русскій писатель,—родина моя забываетъ, что я сынъ ея? За что она предпочитаетъ мнѣ финляндца, поляка или нѣмца? За что такой почетъ потомству враговъ, которые тысячи лѣтъ старались вредить Россіи, истощали ее всѣми способами? Вѣдь рѣшительно ничѣмъ не доказано, что русскіе бездарнѣе инородцевъ». Съ такимъ положеніемъ вещей не можетъ, конечно, мириться господствующая народность, если она сколько нибудь себя уважаетъ и во что-нибудь цѣнитъ труды и кровь своихъ предковъ. По мѣрѣ роста самосознанія и развитія національнаго чувства, указанныя ненормальности будутъ вызывать все бóльшее и бóльшее число возраженій и протестовъ.

Для опредѣленія того, въ какой мѣрѣ финляндцы пользовались лишь частью преимуществъ, которыя предоставлялъ имъ русскій законъ, нѣкоторымъ показателемъ служитъ дѣятельность финляндской паспортной экспедиціи. Въ 1819 г. финляндская администрація обратила вниманіе на значительные убытки казны. а также немалый вредъ для земледѣлія и промышленности края, происходившіе отъ того, что въ теченіе предъидущихъ лѣтъ многіе финляндскіе урожецы, переселившіеся въ имперію, проживали тамъ, не уплачивая никакихъ казенныхъ повинностей. Вслѣдствіе сего 13-го марта 1819 г. состоялось Высочайшее постановленіе объ учрежденіи въ Петербургѣ, при статсъ-секретаріатѣ, экспедиціи, на которую были возложены надзоръ за проживающими въ имперіи финляндскими урожецами, выдача имъ паспортовъ за установленныя пошлины и сборъ слѣдуемыхъ съ нихъ казенныхъ повинностей. Въ 1819 г. изъ экспедиціи было выдано всего 5.600 паспортовъ. Число ихъ, постепенно увеличиваясь, дошло въ 1868 году до 22.770 и, по приблизительному исчисленію, можно полагать, что въ имперіи, со включеніемъ женъ и дѣтей, проживало иногда не менѣе 40.000 челов. финляндскихъ уроженцевъ, изъ которыхъ немного болѣе половины записаны по финскому и шведскому приходамъ въ С.-Петербургѣ; прочіе же находятся въ болѣе или менѣе отдаленныхъ частяхъ имперіи. Въ теченіе 50-ти лѣтъ собрано экспедиціею всего 2.805.493 руб. [612]).

Чтобы кончить печальную исторію наслоенія ограниченій по отношенію къ русскимъ въ Финляндіи, необходимо разсказать о гоненіяхъ на коробейниковъ.

Карелы частей Архангельской и Олонецкой губ. уже въ XVI ст. поставляли для Финляндіи главный контингентъ тѣхъ торговцевъ въ разносъ, которыхъ еще шведское правительство гнало и заковывало въ кандалы, противодѣйствуя ихъ промыслу. Тогда эти торговцы являлись въ Финляндію изъ чужой державы, они исповѣдывали православную вѣру, отъ которой правительство шведовъ оберегало своихъ подданныхъ. Несмотря на гоненія кареловъ, отхожій промыселъ ихъ сталъ историческимъ явленіемъ, какъ необходимое подспорье въ тяжелой ихъ борьбѣ съ климатическими условіями и суровой сѣверной природой. Народъ Финляндіи привыкъ къ этимъ ходебщикамъ и даже укрывалъ ихъ отъ преслѣдованія. Съ дешевыми ситцами, кумачами, платками, пуговицами и разными мелочами, они колесили по всему краю, гдѣ ихъ называли laukku или reppu—ryssar (русскіе съ сумками).

Существуетъ не мало документальныхъ доказательствъ крайне жестокаго обхожденія ленсмановъ съ коробейниками. Ленсманъ обращался съ ними, какъ въ старое время обращались къ преступникамъ: «что вы за люди и что дѣлаете здѣсь?» раздавался его грозный голосъ, и, не дожидаясь отвѣта, набрасывался на нихъ съ тѣмъ оружіемъ, которое оказывалось въ рукахъ. Коробейники иногда отбивались, иногда обращались въ бѣгство, причемъ въ порывѣ бѣшенства ленсмана случалось кричали: «убивайте проклятыхъ русскихъ, за это вамъ ничего не будетъ». Однажды яликъ подъ бѣглецами опрокинулся и они очутились въ водѣ. «Не смѣйте подавать помощи этимъ злодѣямъ, пусть тонутъ, проклятые». Но крестьяне не послушались и не только спасли утопавшихъ, но посодѣйствовали ихъ побѣгу. Для примѣра мы описали здѣсь случай, бывшій (въ іюнѣ 1870 г.) въ Тавастгусской губ., приходѣ Луопіойсъ, въ деревнѣ Вехкаярви при ленсманѣ Kруукъ. Подобный же примѣръ происходилъ въ ноябрѣ 1870 г. въ Куопіоской губ., приходѣ Лешявирта, въ деревнѣ Курола.

Въ 1872 г. коробейниковъ было въ Финляндіи болѣе 3 тыс. и торговые обороты ихъ доходили до 2-хъ мил. руб. [613]).

Традиціи шведовъ перешли, къ сожалѣнію, къ шведскому сенату Финляндіи и онъ упорно, подобно стокгольмскимъ властямъ, ставилъ препятствія коробейникамъ изъ карелъ, усматривая, что они «увозятъ барыши въ чужую страну» и принадлежатъ «къ чужому народу», несмотря на то, что въ финской литературѣ

раздавались голоса въ пользу сихъ торговцевъ и дѣлались напоминанія, что карелы не чужіе, ибо они въ своей средѣ сохранили финскую народную поэму «Калевалу»[614]).

Ходатайства за кареловъ подлежащихъ русскихъ властей и учрежденій (наприм., въ 1870 г. Архангельскій губернаторъ, въ 1876 Общество Содѣйствія Рус. Торговли и промышленности въ Петербургѣ и Московскій Биржевой Комитетъ) не прекращались, но разбивались объ упорство финляндскихъ администраторовъ, не будучи поддержаны нашими генералъ-губернаторами, изъ которыхъ одни были вялыми и плохими администраторами, а въ другихъ не было ни капли русской крови.

Изъ дѣлъ финляндскаго статсъ-секретаріата усматривается, что вопросъ о разносной торговлѣ кареловъ въ Финляндіи въ продолженіи многихъ лѣтъ составляетъ предметъ частыхъ сношеній министерствъ имперіи съ финляндскими властями. Въ 1857 году, по поводу заявленія министра государственныхъ имуществъ о разнаго рода стѣсненіяхъ, претерпѣваемыхъ по торговлѣ карелами отъ начальствъ финляндскихъ губерній, генералъ-губернаторъ Вел. Кн. Финляндскаго отвѣтилъ, что мѣстныя власти въ точности соблюдаютъ законъ, который обнародованъ также и въ имперіи (Указъ Правит. Сената отъ 29 янв. 1853 года).

Затѣмъ въ 1862 году, по представленію финляндскаго генералъ-губернатора, финляндскому сенату было поручено дать отзывъ по вопросу о правахъ на производство торговли въ Финляндіи, которыя, сообразно съ законами края, могли-бы быть предоставлены сельскимъ обывателямъ россійскихъ губерній. Въ заключеніи своемъ сенатъ полагалъ предоставить русскимъ сельскимъ обывателямъ такія-же права на производство торговли въ Финляндіи, какія присвоены кореннымъ жителямъ края, т. е. разрѣшить имъ продавать въ разносъ только сырые матеріалы, сельскія произведенія и проч. Тогда же сенатомъ было составлено краткое извлеченіе изъ дѣйствующихъ въ этомъ отношеніи правилъ, для доведенія ихъ до всеобщаго свѣдѣнія. Означенный отзывъ сената и правила были сообщены министрамъ финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ для дальнѣйшаго съ ихъ стороны распоряженія.

Въ 1872 году поступило отъ министра внутреннихъ дѣлъ представленіе Архангельскаго губернатора о разрѣшеніи кареламъ Кемскаго уѣзда заниматься разносною торговлею въ Финляндіи, а въ 1873 г. министромъ финансовъ сообщено прошеніе разныхъ кареловъ Кемскаго уѣзда о Высочайшемъ разрѣшеніи имъ произво-

1—2. Старый и новый домъ русской гимназіи. 3. Русскій театръ.
Въ Гельсингфорсѣ.

дить въ Финляндіи разносную торговлю, по свидѣтельствамъ на развозную и разносную торговлю въ Россіи, по по всеподданѣйшему докладу этихъ дѣлъ Государю Императору, при заключеніяхъ сената и генералъ-губернатора Финляндіи, Его Величество повелѣлъ оставить какъ представленіе Архангельскаго губернатора, такъ и означенное прошеніе Кемскихъ карелъ безъ послѣдствій, не смотря на то, что Комитетъ финляндскихъ дѣлъ склонялся къ предоставленію кареламъ разрѣшенія производить разносную торговлю въ Финляндіи [615]).

Въ концѣ 1879 года министръ финансовъ, С. А. Грейгъ, еще разъ попытался заступиться за обездоленныхъ карелъ, въ виду сообщенія Архангельскаго губернатора, что—по случаю бывшихъ въ 1877 и 1878 годовъ въ Карельскомъ краѣ неурожаевъ хлѣба и истощенія казенныхъ и сельскихъ запасовъ продовольствія—населеніе этого края находилось въ крайне стѣснительномъ положеніи и не имѣло никакихъ средствъ къ уплатѣ текущихъ окладовъ, такъ какъ главный источникъ доходовъ кареловъ—разносная торговля въ Финляндіи—запрещена и къ уничтоженію ея финляндскимъ начальствомъ принимаются строгія мѣры. Хотя карелы, привыкшіе къ этому занятію, рисковали еще ходить въ Финляндію для торговли, но многіе изъ нихъ дорого платились за это, когда попадались начальствующимъ лицамъ: товаръ конфисковался и кромѣ того разносчики подвергались значительнымъ денежнымъ штрафамъ. Подобное стѣсненіе торговли кареловъ въ предѣлахъ Великаго Княжества Финляндскаго не только лишало ихъ единственнаго заработка, доставлявшаго имъ средства къ жизни и уплатѣ податей, но окончательно разстраивало ихъ благосостояніе и не согласовалось съ тою свободою, которою пользовались уроженцы Финляндіи по производству торговли и промысловъ повсемѣстно въ имперіи. Грейгъ просилъ министра статсъ-секретаря, не признано-ли будетъ возможнымъ предоставить кареламъ тѣ-же права, какими по производству разноснаго торга пользовались мѣстные жители, а послѣдніе не подвергались никакимъ ограниченіямъ въ этомъ отношеніи въ предѣлахъ имперіи.

Финляндцы на этотъ разъ были во всеоружіи и дали новый сильный отпоръ русской власти. Сеймъ 1879 года только что принялъ, а русское правительство утвердило новый законъ о промыслахъ, согласно которому право производства промысловъ и торговли предоставлено было однимъ только финляндскимъ гражданамъ, русскіе-же уроженцы поставлены были въ одни условія съ иностранцами. Этотъ-же законъ сохранилъ прежнее положеніе, безу-

словно запрещающее мѣстному населенію Финляндіи разносную торговлю съ одного двора на другой купеческими товарами въ уѣздѣ [616]).

Изъ этого министру финансовъ предоставлялось убѣдиться въ томъ, что финляндское управленіе являлось безсильнымъ помочь кареламъ, такъ какъ не имѣлось надежды, чтобы будущій сеймъ (1882 г.) отмѣнилъ только что утвержденное постановленіе.

Во время долгихъ пререканій за многіе годы игнорировался законъ 1839 года, который былъ распубликованъ и въ Россіи (П. С. З., № 12.438), и въ Финляндіи (Placater VII, с. 243), и давалъ русскимъ крестьянамъ право ходить въ Финляндію на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и во всѣ губерніи имперіи, съ тѣмъ, чтобы они производили только ту торговлю, которая дозволена иностранцамъ или сельскимъ обывателямъ, не имѣющимъ права купечества или мѣщанства. Постановленіемъ 1879 года о промыслахъ законъ 1839 года былъ отмѣненъ, въ порядкѣ одного мѣстнаго финляндскаго законодательства, безъ всякаго предварительнаго сношенія съ вѣдомствами имперіи, которыя пребывали въ увѣренности, что онъ продолжаетъ дѣйствовать, почему и внесли его въ уставъ о паспортахъ 1880 года [617]).

Въ маѣ 1866 года былъ учрежденъ «Комитетъ для устройства духовныхъ дѣлъ православнаго исповѣданія въ Финляндіи». Онъ имѣлъ цѣлью возвысить религіозное и умственное положеніе православныхъ приходовъ въ краѣ. Предсѣдателемъ комитета былъ оберъ-прокуроръ синода графъ Д. А. Толстой, членами состояли сенаторъ Ник. Ал. Сергіевскій, т. с. Батюшковъ, Куопіоскій губернаторъ сенаторъ Антель, протоіерей Виноградовъ и др. Инціатива дѣла принадлежала Антелю, предложенія котораго, изложенныя во всеподданнѣйшемъ докладѣ, сводились къ слѣдующему: Учредить для дѣтей православныхъ приходовъ воскресныя школы, преподаваніе въ коихъ предполагалось производить на финскомъ языкѣ. Улучшить положеніе духовенства, а въ духовные пастыри имѣть въ виду назначать священниковъ, знакомыхъ съ финскимъ языкомъ. Возобновить ветхіе храмы, соорудить новые и т. п.

Самымъ дѣятельнымъ членомъ комитета, повидимому, оказался тотъ-же Антель. Онъ высказалъ много замѣчаній и представилъ проекты о деревенскихъ женскихъ училищахъ и объ учрежденіи учительской семинаріи. «По моему мнѣнію,—писалъ

онъ,—учители должны быть избираемы изъ уроженцевъ края, исповѣдующихъ православную вѣру, и получать тамъ свое образованіе. Для таковой цѣли я предполагалъ-бы учредить особое учебное заведеніе подъ названіемъ: «Семинарія для образованія переходящихъ приходскихъ учителей въ православныхъ приходахъ въ Финляндіи». Семинарію эту онъ находилъ болѣе удобнымъ устроить въ г. Сердоболѣ (Выборг. губ.). Ее имѣлось въ виду учредить и содержать на средства синода и оставить подъ его главнымъ надзоромъ.

Такъ какъ нужныхъ матеріаловъ въ достаточномъ количествѣ на лицо не оказалось, то комитетъ командировалъ капитана генеральнаго штаба Геца для собранія ихъ на мѣстѣ. Онъ прекрасно исполнилъ возложенную на него обязанность и представилъ много цѣнныхъ данныхъ. Благодаря ему въ 1867 году появилось обстоятельное описаніе 22 православныхъ приходовъ въ Финляндіи. Но помимо того, Гецъ составилъ особую записку, которая даетъ полное представленіе о состояніи православныхъ приходовъ въ Финляндіи того времени. Нѣсколько извлеченій изъ этой безпристрастно составленной записки вполнѣ обрисуютъ положеніе православія въ Финляндіи за шестидесятые годы прошлаго столѣтія и покажутъ истинныхъ виновниковъ паденія господствующей церкви.

«Современное финляндское правительство,—писалъ Гецъ,—унаслѣдовавъ отъ Швеціи религіозную ея нетерпимость, полагаетъ всевозможныя преграды всему русскому и православному, и церковь наша, только благодаря духу настоящаго времени, не подвергается открытому гоненію. Но она утратила уже значительную долю той нравственной силы, которая служила когда-то залогомъ ея устойчивости и была твердымъ оплотомъ отъ иновѣрческихъ происковъ. Дошедшее до нищеты и остающееся въ невѣжествѣ карельское православное населеніе забыло преданія своихъ отцовъ; убогіе храмы, запущенные въ настоящее время, и разваливающіяся повсюду часовни служатъ доказательствомъ, какъ оскудѣваетъ въ православныхъ воодушевлявшее ихъ прежде святое чувство.

«Хотя правительство наше, въ концѣ прошлаго столѣтія, и обратило вниманіе на бѣдственное состояніе финляндскаго православія, но принятыхъ мѣръ далеко еще недостаточно, чтобы уврачевать такія раны, которыя нанесены ему постояннымъ вѣковымъ угнетеніемъ.

«Финляндская православная церковь, составляя меньшинство среди лютеранскаго населенія и находясь подъ вліяніемъ чуждой ей по духу администраціи, не пользуется сочувствіемъ ея, ни

большинства населенія страны, и потому не можетъ обойтись безъ сильной внѣшней помощи. Бѣдное и относительно малочисленное православное населеніе не въ состояніи оказать своей церкви необходимой матеріальной поддержки и, сживаясь съ этимъ грустнымъ убѣжденіемъ, незамѣтно впадаетъ въ равнодушіе. Въ настоящее время охлажденіе къ дѣламъ церкви дошло до такой степени, что прихожане даже многочисленныхъ приходовъ готовы скорѣе отказаться отъ храма, чѣмъ добровольно рѣшиться на какое-либо пожертвованіе».

Православная церковь въ Финляндіи, по малочисленности своихъ членовъ, и не имѣя въ средѣ своей ни дворянства, ни образованныхъ людей, не могла имѣть вліянія на общественный организмъ края и на гражданское законодательство въ Финляндіи.

Православная церковь была поставлена по закону въ одинаковое отношеніе къ администраціи съ лютеранскою; но въ то же время православную общину не считали за нѣчто самостоятельное, имѣющее свои обязанности относительно своей церкви, какъ лютеране къ своей, и заставляли ее платить оброкъ лютеранскимъ пасторамъ. «На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1824 года разрѣшено было всѣмъ православнымъ не участвовать въ содержаніи лютеранскаго духовенства. Но въ 1859 году финляндскій сенатъ придумалъ дать этому вопросу свое объясненіе и снова обязалъ всѣхъ тѣхъ, кто не записанъ въ ревизію и не считается слѣдовательно финляндскимъ подданнымъ, участвовать въ этомъ взносѣ и даже распорядился взыскать съ нихъ за прошлое время, за которое они платили на содержаніе православнаго причта».

И такъ какъ православное духовенство опредѣляется въ Финляндію изъ имперіи, безъ всякаго участія мѣстныхъ административныхъ лицъ, и не состоитъ въ подданствѣ Финляндіи, а управляется чуждою властію, то финляндское правительство не признавало православнаго духовенства своимъ государственнымъ сословіемъ, а считало его не болѣе какъ за корпорацію чиновниковъ русскаго правительства [618]).

«Что это за различіе—финляндскіе и русскіе подданные, когда каждый финляндецъ есть подданный русскаго Государя? Почему лица эти, живущія на финляндской землѣ, не внесены въ ревизію и не пользуются правами наравнѣ съ прочими? Они не уроженцы Финляндіи, они русскіе, отвѣчаетъ шведъ. Да развѣ земля, на которой живутъ эти русскіе, не куплена цѣною русской крови? Развѣ каждый финляндецъ и даже шведъ, въ смыслѣ го-

сударственнаго единства, не есть тотъ же русскій?» заявлялъ Гецъ.

«Истинно тяжело видѣть угнетенное положеніе православныхъ, за которыми финляндское правительство не признаетъ права имѣть своего особаго представителя и даже, отъ лица общины, не допускаетъ избирать ихъ депутатами на сеймъ, хотя православное населеніе, простирающееся до 48.000 душъ, имѣетъ полное право заявлять свои притязанія на политическую равноправность при общемъ населеніи 1.700.000 душъ».

«Вотъ это то стремленіе—выдѣлить себя изъ великой семьи русской, которымъ заражено все высшее сословіе Финляндіи, и презрѣніе, съ которымъ оно относится ко всему русскому и православному, составляютъ гибельное для православныхъ начало, подкапывающееся постоянно и даже незамѣтно подъ ихъ интересы. Такъ напримѣръ, по закону православному, священнику предоставлены въ его приходѣ тѣ же права, какъ и лютеранскому, и правительство финляндское, налагая на него тѣ же административныя обязанности, какъ и на пастора, повидимому облекаетъ его одинаковымъ съ послѣднимъ довѣріемъ, между тѣмъ, косвенными путями, оно достигаетъ того, что въ большей части нашихъ приходовъ священникъ поставленъ въ зависимость отъ коронняго чиновника и въ дѣйствительности далеко не имѣетъ того значенія, какъ пасторъ [619]).

«Но мнѣ кажется, продолжаетъ Гецъ, что единственно враждебный элементъ всему русскому это шведская аристократическая часть населенія, въ которой живетъ еще ненависть, возбужденная вѣковыми непріязненными столкновеніями; шведскій языкъ, а слѣдовательно и литература, шведскіе законы и скандинавскія преданія поддерживаютъ ту вражду, которую питали къ намъ наши соперники на поприщѣ финляндскихъ завоеваній. Странно видѣть, что отрасль господствующей въ государствѣ религіи угнетается въ краѣ, который связанъ съ этимъ государствомъ не только единствомъ верховной власти, но и всѣми нравственными и экономическими интересами».

«Но съ другой стороны нужно сознаться, что и сами мы (русскіе) не менѣе виноваты въ томъ, что не сумѣли удержать за собою ту нравственную силу, которая одна можетъ парализировать всякое непріязненное притязаніе. Мы беззаботно смотрѣли, въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, на угрожавшую церкви нашей опасность, и только тогда взялись за дѣло, и то вяло, когда оказались уже результаты медленнаго, но тѣмъ не менѣе замѣтнаго ея разрушенія.

«До послѣдняго времени мы не думали ни о распространеніи грамотности, ни о переводѣ на понятный для народа языкъ богослуженія; еще менѣе заботились о подготовленіи духовенства для трудной дѣятельности его въ такомъ краѣ, гдѣ священникъ долженъ не только исполнять свои прямыя обязанности по служенію въ храмѣ, но съ достоинствомъ стать на ряду съ просвѣщеннымъ лютеранскимъ духовенствомъ, какъ ближайшій руководитель народа во всѣхъ проявленіяхъ общественной его жизни.

«Православные или учились по фински и читали финскія книги съ лютеранскимъ направленіемъ, или оставались невѣждами, не зная ни финской, ни русской грамоты. Священники наши въ свою очередь не знали ни языка, ни жизни своихъ пасомыхъ, и потому оставались имъ чужды и оказывались совершенно несостоятельными въ отношеніи къ требованіямъ финляндской администраціи. Естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ, должно было неминуемо падать уваженіе къ религіи въ лицѣ ея главнѣйшихъ представителей, не имѣвшихъ тѣхъ нравственныхъ задатковъ, которые необходимы для пріобрѣтенія и удержанія за собою почетнаго положенія въ чуждой и даже непріязненной общественной сферѣ.

«И такъ, глубже вникая и ближе присматриваясь къ обстановкѣ нашей православной церкви въ Финляндіи, невольно приходишь къ тому грустному заключенію, что не одно невыгодное отношеніе ея къ господствующей въ этомъ краѣ религіи и недостатокъ сочувствія къ ея интересамъ финляндскаго правительства приводятъ ее къ тому крайнему положенію, въ которомъ находится она въ настоящее время. Судьба ея зависѣла и зависитъ на столько же, и едва ли не болѣе, отъ самаго православнаго духовенства. Пусть будетъ оно подготовлено къ той обязанности, которая ожидаетъ его въ Финляндіи; пусть отрѣшится оно отъ мертвящихъ бюрократическихъ строгостей и, проникнувшись духомъ живой дѣятельности, ознакомится съ мѣстными узаконеніями. Тогда оно всегда найдетъ возможность согласить ихъ съ требованіями православія и обратить въ пользу своего дѣла.

«Наконецъ, кто же виноватъ въ убогомъ состояніи нашей церкви и не въ одной Финляндіи, какъ не то же духовенство, которое равнодушно смотритъ на процвѣтаніе монастырей и не укажетъ имъ на святое дѣло поддержанія православія въ мірѣ» [620]).

Антель не оставилъ замѣчаній Геца безъ возраженія. Г. Гецу должно быть неизвѣстно,—читаемъ въ отповѣди Антеля,—что «въ продолженіе всего времени, о которомъ здѣсь можетъ

быть вопросъ, финляндское правительство никогда не вмѣшивалось въ дѣла внутренняго управленія православной церкви въ Финляндіи и даже не имѣетъ никакого права вмѣшиваться въ это».

«Православные не заявляли никакихъ жалобъ на правительство края, ни за преслѣдованія, ни за какія либо другія притѣсненія. Напротивъ финляндское правительство никогда не переставало, коль скоро сіе отъ него зависѣло, оказывать православной церкви въ краѣ всякое законное содѣйствіе и всевозможную помощь. Самымъ очевиднымъ доказательствомъ сему можетъ служить фактъ, что уже болѣе сорока лѣтъ православное духовенство, а также причты всѣхъ городскихъ греко-россійскихъ приходовъ, содержатся правительствомъ края на счетъ суммъ финляндской казны, изъ которой кромѣ того отпускались не малыя ассигновки и на сооруженіе православныхъ храмовъ, тогда какъ по дѣйствующимъ въ Великомъ Княжествѣ основнымъ законамъ приходы безпрекословно обязаны сами содержать свое духовенство и строить свои церкви».

Относительно политическихъ правъ православныхъ въ Финляндіи, Антель заявилъ, что «вслѣдствіе принятыхъ на нынѣшнемъ сеймѣ законоположеній, православные будутъ въ означенномъ отношеніи совершенно равно поставлены съ прочими жителями края и слѣдовательно впредь воспользуются правомъ посылать на сеймъ своихъ представителей для охраненія своихъ собственныхъ интересовъ». Это предположеніе, какъ извѣстно, не оправдалось.

«Православнымъ священникамъ въ Финляндіи предоставлены въ ихъ приходахъ совершенно тѣ же права, какъ и лютеранскимъ пасторамъ», читаемъ далѣе въ отвѣтѣ Антеля. Сельскіе-же православные приходы ни въ какомъ отношеніи не могутъ быть сравнены съ лютеранскими: православные причты надѣлены землею въ гораздо меньшей пропорціи, нежели лютеранскія церкви, да и ту землю не могутъ обработывать приходомъ, потому что православные приходы малочисленнѣе лютеранскихъ, къ тому же раскинуты на огромныхъ пространствахъ».

Обложеніе прихожанъ оброкомъ можетъ служить средствомъ къ обезпеченію причтовъ только въ приходахъ многоземельныхъ и многолюдныхъ, каковы приходы лютеранскіе, въ коихъ имѣется отъ 10 до 15 тысячъ душъ. Православные приходы въ Финляндіи, сравнительно съ лютеранскими, гораздо малочисленнѣе.

Продолжая полемику съ капитаномъ Гецомъ, Антель горячо старается оправдать финляндцевъ отъ взводимаго на нихъ обви-

ненія въ стремленіи къ сепаратизму и дѣлаетъ это въ выраженіяхъ, которыя въ это время стали уже ходячими и шаблонными въ краѣ.

«Если финляндцы считаютъ собраніе сеймовъ необходимымъ для сообразнаго съ требованіемъ времени измѣненія своего законодательства и управленія, если они желаютъ сохранить неприкосновенными свои, наслѣдованныя отъ предковъ, своеобразныя гражданскія права, если они введеніемъ современныхъ реформъ стараются упрочить свое самобытное положеніе въ финансовомъ и торговомъ отношеніяхъ, то все это они дѣлаютъ не по внушенію какого либо шведскаго вліянія или существующаго между ними шведскаго элемента, не по какимъ либо сепаратистическимъ стремленіямъ, и не потому, чтобы были недовольны нынѣшнимъ политическимъ положеніемъ. Нисколько.....

«Предоставленная финскому народу возможность безпрепятственно трудиться надъ своимъ національнымъ развитіемъ еще крѣпче связала узы, соединяющія его съ великою и могущественною имперіею. Финляндцы умѣютъ вполнѣ цѣнить выгоды нынѣшняго обезпеченнаго ихъ политическаго положенія. Они вполнѣ понимаютъ, что интересы ихъ неразрывно связаны съ выгодами имперіи, которымъ они обязаны честно и по мѣрѣ силъ своихъ содѣйствовать. Финскій народъ считаетъ для себя счастіемъ съ непоколебимою вѣрностью и искреннею преданностью и любовью исполнить свои подданническія обязанности къ возлюбленному Монарху, подъ могущественную защиту коего они поставлены на вѣки, и который столь великодушно устроилъ ихъ положеніе; въ благодарныхъ сердцахъ они благословляютъ Провидѣніе, такимъ образомъ установившее нынѣшній порядокъ вещей...

«Но финляндское правительство не переставало со вниманіемъ слѣдить за греко-россійскими приходами; оно нисколько не оставалось къ нимъ равнодушнымъ. Доказательствомъ тому служитъ то обстоятельство, что именно финляндское правительство донесло Его Императорскому Величеству о жалкомъ положеніи, въ которомъ находятся православные прихожане въ религіозномъ отношеніи, и что по этому именно представленію Государю Императору благоугодно было назначить настоящій комитетъ, въ которомъ мы теперь участвуемъ, для устройства духовныхъ дѣлъ православныхъ приходовъ въ Финляндіи» [621]).

Результатомъ дѣятельности комитета былъ проектъ положенія объ устройствѣ православныхъ приходовъ въ Финляндіи, утвержденный лишь 5 марта 1883 года.

Описаніе финляндскихъ православныхъ приходовъ въ шестидесятыхъ годахъ, составленное капитаномъ Гецомъ, показываетъ, что нѣкоторыя изъ нихъ (напр. сердобольскій) въ отношеніи учебнаго дѣла были раздѣлены на округа. Въ каждомъ округѣ обученіе дѣтей производилось $2^1/_2$ мѣсяца, по окончаніи этого срока мѣстный священникъ приступалъ къ испытанію дѣтей въ ихъ знаніяхъ. При такомъ порядкѣ обученія, или подвижности школы, очевидно, всѣ прихожане, даже жившіе въ 50 верстахъ отъ церкви и бѣдные, имѣли возможность доставлять дѣтей своихъ въ школу. Также практично было устроено въ сердобольскомъ приходѣ дѣло призрѣнія бѣдныхъ, которое въ описываемое время подлежало вѣдѣнію церковнаго прихода. Ежегодно въ октябрѣ мѣсяцѣ священникъ призывалъ всѣхъ нуждающихся въ приходское собраніе и здѣсь происходило распредѣленіе бѣдныхъ по зажиточнымъ семьямъ, которыя обязывались содержать взятаго къ себѣ бѣднаго въ такой періодъ времени, какой сообразованъ былъ съ достаткомъ этой семьи. Для разрѣшенія всѣхъ этихъ приходскихъ дѣлъ собирались церковныя (мірскія) сходки, подъ предсѣдательствомъ священника, который по окончаніи богослуженія прочитывалъ народу всѣ указы и постановленія правительства, а также предписанія и объявленія мѣстныхъ начальствъ. Въ нѣкоторыхъ православныхъ приходахъ (въ вильманстрандскомъ, красносельскомъ, новокирхскомъ, куопіоскомъ и кексгольмскомъ) жители отлично говорили по-русски. Замѣчался также довольно большой % грамотныхъ (какъ напримѣръ въ гельсингфорсскомъ и сердобольскомъ приходахъ). Многіе приходы обладали на правѣ собственности (какъ юридическія лица) церковно-приходскимъ имуществомъ—участками земли и строеніями [622]).

Еще въ 1858 году «члены Тайпальскаго православнаго прихода, по совершенному незнанію русскаго языка, просили, чтобы богослуженіе и церковныя требы были отправляемы на финскомъ языкѣ и чтобы на тотъ же языкъ были переведены и церковныя книги». На эту просьбу, по ходатайству генералъ-губернатора, послѣдовало Высочайшее соизволеніе и затѣмъ въ 1865 году, по окончаніи перевода и отпечатанія требника, святѣйшимъ синодомъ предписано было во всѣхъ сельскихъ приходахъ Финляндіи отправлять богослуженіе на финскомъ языкѣ. Дѣло не обошлось безъ протеста, поданнаго митрополиту Исидору, такъ какъ часть прихожанъ финскаго языка вовсе не понимали.

Комиссія по улучшенію быта православныхъ приходовъ оживила интересъ къ этой важной сторонѣ жизни нѣсколькихъ де-

сятковъ тысячъ обывателей края. Одну изъ мѣръ поднятія православія видѣли въ учрежденіи въ Финляндіи особой епархіи. Это предположеніе всполошило графа Адлерберга, стоявшаго болѣе на стражѣ финляндскихъ, чѣмъ русскихъ интересовъ. Его письмо (отъ 7—19 іюня 1869 г.) къ оберъ-прокурору синода, графу Дмитрію Андреевичу Толстому, полно какой-то особой робости и даже явной боязни финляндскаго протеста.—

«Исключительное положеніе православныхъ обитателей Финляндіи,—писалъ Адлербергъ,—имѣющихъ постоянныя сообщенія съ жителями другихъ вѣроисповѣданій, безъ сомнѣнія, дѣлаетъ весьма желательнымъ и даже необходимымъ учрежденіе болѣе приспособленнаго центральнаго попеченія объ ихъ духовной жизни, о сохраненіи неприкосновенности ихъ религіозныхъ понятій, о надзорѣ за ихъ нравственностью и, наконецъ, о ближайшемъ непосредственномъ епархіальномъ наблюденіи за самими священно и церковнослужителями, на обязанности коихъ теперь лежитъ прописанное попеченіе.

«Принимая однако-же во вниманіе, что въ Финляндіи лютеранское духовенство пользуется лишь содержаніемъ отъ своихъ приходовъ, что особыхъ суммъ на выдачу духовнымъ лицамъ содержанія не состоитъ, и что съ другой стороны, при стѣсненномъ положеніи финансовъ края, я рѣшительно не признаю возможнымъ обременить статное вѣдомство Великаго Княжества новыми сверхштатными расходами, тѣмъ болѣе, что таковая издержка, на предметъ для Финляндіи совершенно новый, неминуемо возбудила-бы неблагопріятныя нареканія и несправедливое подозрѣніе между протестантами о какомъ-либо скрытомъ умыслѣ правительства учрежденіемъ особой православной епархіи противодѣйствовать свободному исповѣданію мѣстной лютеранской религіи и тѣмъ самымъ превратило-бы этотъ односторонній церковный вопросъ,—имѣющій исключительную цѣль улучшить неблагопріятныя условія, въ которыхъ находится мѣстная православная паства,—въ вопросъ политическій, исходъ котораго былъ-бы едва-ли не вреднѣе, чѣмъ обстоятельство настоящаго невыгоднаго положенія церквей, а потому, раздѣляя вполнѣ выраженное вашимъ сіятельствомъ мнѣніе о несомнѣнной пользѣ образованія особой финляндской православной епархіи,—съ опредѣленіемъ мѣстопребыванія архипастыря въ г. Выборгѣ, гдѣ нынѣ находится духовное правленіе,—обязываюсь присовокупить, что таковое распоряженіе возможно лишь при непремѣнномъ условіи отнесенія всѣхъ издержекъ по образованію, содержанію и помѣщенію таковаго епархіальнаго начальства съ

соотвѣтственнымъ причтомъ на счетъ суммъ имперіи». Адлербергъ опасался, чтобы «духовное лицо, имѣющее встать во главѣ православной паствы въ Финляндіи, отнюдь не подавало повода къ ложнымъ между иновѣрцами толкованіямъ о какихъ либо несоотвѣтствующихъ видамъ правительства стремленіяхъ къ пропагандѣ православнаго исповѣданія» [623]).

Первый депутатъ на сеймѣ (1872 г.) православнаго вѣроисповѣданія, крестьянинъ Семенъ Ратиненъ, представилъ меморіалъ о томъ, что его единовѣрцы въ краѣ не пользуются такимъ-же образованіемъ, какъ лютеране, вслѣдствіе того, что на православныхъ священниковъ не возлагается обязанность обучать дѣтей прихожанъ, какъ это давно уже дѣлается лютеранскими пасторами. Чтобы быть принятыми въ народную школу, необходимо умѣть читать по книгѣ, дѣти-же православнаго вѣроисповѣданія въ большинствѣ случаевъ не подходятъ подъ это условіе. Для устраненія такого неудобства, депутатъ предложилъ устроить въ православныхъ приходахъ передвижныя дѣтскія школы, субсидированныя казной. Это предложеніе было отвергнуто на томъ основаніи, что казенная субсидія выдается лишь для высшаго народнаго образованія; первоначальное-же обученіе должно производиться въ семьѣ или въ общинныхъ начальныхъ школахъ. Не по совѣсти и справедливости,—говорили депутаты,—было-бы требовать отъ лютеранскихъ приходовъ, чтобы они содержали сельскія и воскресныя школы для обученія первоначальному чтенію, и освобождать православные приходы отъ такой повинности.

Въ другой разъ, на сеймѣ, въ сословіи горожанъ, нѣкто Дунаевъ просилъ депутатовъ исходатайствовать предложеніе о законѣ, по которому бы за живущими въ Финляндіи, натурализованными православными, признавались такія же права, какъ и за лютеранами относительно занятія служебныхъ мѣстъ въ краѣ. Его петиція также не была принята сословіями. Комиссія сейма, которой передано было дѣло, выразила надежду, что, «коль скоро обстоятельства позволятъ, монархъ воспользуется принадлежащимъ ему правомъ инициативы, дабы дать согласное съ основными законами назначеніе законодательству о православныхъ въ Финляндіи» [624]).

И такъ, двѣ слабыя попытки вызвать сеймъ на помощь православному населенію окончились неудачей. Бѣднымъ и разрозненнымъ приходилось собственными силами подымать свое положеніе.

Не легко также было найти заступника за православіе среди административныхъ властей. Давно уже и больно задѣвалось рели-

гіозное чувство русскихъ неуваженіемъ финляндцевъ къ обрядовой сторонѣ православія. Въ 1859 году священникъ Нейшлотской церкви, Симеонъ Скворцовъ, подалъ «почтительный рапортъ» генералъ-губернатору, указывая на то, что члены магистрата и герадскаго суда «дозволяютъ себѣ сидѣть во время привода къ присягѣ православныхъ лицъ». Въ Ревелѣ мѣстные власти тоже лютеранскаго вѣроисповѣданія, но они добровольно всегда вставали при раскрытіи Святого Евангелія и Святого Креста. Въ Финляндіи-же русскіе подданные не оказывали уваженія къ православію, ссылаясь на то, что «по смыслу законовъ во время стоянія не можетъ быть засѣданія». Канцелярія генералъ-губернатора, директоромъ которой былъ лютеранинъ Моландеръ, по приказанію графа Ѳ. Ѳ. Берга—остзейца, отвѣтила священнику, что «въ Финляндіи нѣтъ закона, предписывающаго членамъ присутственныхъ мѣстъ вставать при приводѣ лицъ къ присягѣ». Нѣтъ обязательнаго закона, но существуетъ законъ совѣсти, который долженъ былъ-бы подсказать и графу Бергу, и Моландеру, что каждому надлежитъ уважать постановленія даже чужой религіи, а тѣмъ болѣе господствующаго вѣроисповѣданія [625]).

Наибольшее улучшеніе въ жизни православныхъ за это время замѣчается въ умноженіи храмовъ и открытіи нѣсколькихъ учебныхъ заведеній. Въ г. Николайштадѣ—Вазѣ освящена была новая каменная церковь въ 1856 году, о постройкѣ которой ходатайствовалъ генералъ-губернаторъ графъ Бергъ, а планъ составилъ (въ 1857 г.) архитекторъ Сеттербергъ. Въ 1868 году въ Гельсингфорсѣ состоялось освященіе новаго Успенскаго собора. Высочайшее соизволеніе на его постройку испрошено было тѣмъ-же дѣятельнымъ графомъ Бергомъ, которому обязаны своимъ возникновеніемъ и костелъ, и нѣмецкая кирка въ Гельсингфорсѣ. Проектъ собора принадлежитъ извѣстному архитектору—академику А. М. Горностаеву, выдающемуся и истинно національному художнику въ своей области.

Въ предѣлахъ Финляндіи находится нѣсколько произведеній его творчества. На Валаамѣ самая значительная и характерная—церковь св. Николая Чудотворца—на Крестовомъ островкѣ, построена въ 1851 году на счетъ московскаго купца Н. Н. Солодовникова. Это, по словамъ Стасова, одна изъ оригинальнѣйшихъ и талантливѣйшихъ церквей всего нашего отечества. Другія постройки Горностаева на Валаамѣ: св. Ворота и часовня (1850 г.), церковь въ скиту (1849 г.), гостиница для пріѣзжихъ богомольцевъ (1856 г.), церковь на Предтеченскомъ островѣ, кельи на

Успенскій соборъ въ Гельсингфорсѣ.

По проекту академика А. М. Горностаева.

Никольскомъ островѣ (1857—1859 г.), также полны оригинальности, красоты и истинно-русскаго духа.

«Постройка же собора въ Гельсингфорсѣ—это самое обширное и многосложное сооруженіе Горностаева. Стиль совершенно своеобразный, но, по разнымъ подробностямъ, онъ всего болѣе приближается къ стилю то новгородской, то суздальской нашей полосы. Ряды узенькихъ, тоненькихъ, высокихъ колоннокъ, перевязанныхъ точно по таліи и держащихъ ряды тонкихъ арокъ, съ глухими массами стѣнъ подъ ними; безчисленныя главки, однѣ пирамидками, другія луковицами, то круглыми, то конусовидными кровельками, лѣсъ золотыхъ крестовъ, а посреди ихъ всѣхъ главный куполъ, выплывающій изъ центра ихъ своею чудесною, усѣченною, высокою пирамидой, покоящейся опять-таки на цѣлой галерейкѣ длинныхъ тонкихъ колоннокъ, съ окнами посреди нихъ, вотъ изъ чего состоитъ это чудесное архитектурное произведеніе, долженствовавшее быть вѣнцомъ творчества Горностаева, рядомъ со «святыми воротами» Троице-Сергіевской пустыни». Но онъ не дожилъ до исполненія этого проекта подъ своимъ собственнымъ надзоромъ. Возведеніе Успенскаго собора закончено было подъ наблюденіемъ архитектора Варнека (и обошлось въ 210 т. р.). Въ память освященія была выбита медаль съ изображеніемъ Государя Императора, всевидящаго ока и внизу—герба Финляндіи [626]).

Когда соборъ достраивался, нужно было назначить образованнаго священника. Окладъ былъ малъ: но Государь начерталъ: «Впредь до повелѣнія отправить нужно сумму изъ собственныхъ моихъ финляндскихъ суммъ» (8—20 окт. 1868 г.).

Находящіяся въ настоящее время въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія (болѣе 20) русскія учебныя заведенія основывались, начиная съ шестидесятыхъ годовъ, сперва частными русскими людьми, потомъ финляндскими генералъ-губернаторами и, наконецъ, самимъ министерствомъ. Финляндскія учебныя власти и учрежденія (духовная экспедиція финляндскаго сената и главное управленіе училищъ) никакого участія въ устройствѣ этихъ училищъ не принимали. Предсѣдатель и члены главнаго управленія училищъ русскаго языка обыкновенно не знали и руководить развитіемъ русскаго просвѣщенія въ краѣ не могли-бы, даже при лучшемъ ихъ желаніи. Но такого

желанія никогда и не было, а, напротивъ, со стороны финляндскихъ учебныхъ властей обнаружилось явное стремленіе сократить то немногое, что было сдѣлано раньше для русскаго просвѣщенія въ краѣ, въ первыя десятилѣтія послѣ его присоединенія къ Россіи. Такъ, напримѣръ, до шестидесятыхъ годовъ въ финляндскихъ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ обязательнаго преподаванія русскаго языка, нѣкоторые предметы (исторія, географія и русская словесность) преподавались на русскомъ языкѣ и при томъ русскими уроженцами. Въ шестидесятыхъ годахъ это было упразднено и даже преподаваніе русскаго языка объявлено необязательнымъ. Впослѣдствіи, въ семидесятыхъ годахъ, обязательное его преподаваніе было правда возстановлено, но уже въ меньшихъ размѣрахъ и значилось въ большинствѣ случаевъ лишь на бумагѣ. Въ городѣ Выборгѣ до начала шестидесятыхъ годовъ при мѣстной финляндской гимназіи существовало русское отдѣленіе, но оно было упразднено по распоряженію финляндскаго сената [627]).

Такимъ образомъ, въ періодъ всякаго рода центробѣжныхъ и «либеральныхъ» стремленій, наступила въ финляндской окраинѣ такая пора, когда русское просвѣщеніе стало совершенно недоступно тамъ людямъ, переселившимся изъ коренной Россіи. Ни одной русской школы въ краѣ не было. Негдѣ было научиться русскому языку. На разстояніи нѣсколькихъ сотенъ, а иногда даже десятковъ верстъ отъ столицы Русскаго государства, въ краѣ, пріобрѣтенномъ болѣе полувѣка назадъ, попавшіе туда, русскіе люди, забывали совершенно свою народность, родной языкъ, и свою вѣру, и, обучаясь въ финляндскихъ училищахъ на шведскомъ и на финскомъ языкахъ, становились не только чуждыми для Россіи, но даже враждебными ей [628]).

Къ началу царствованія Царя-Мученика (1856 г.) русскихъ людей въ Гельсингфорсѣ хотя и насчитывалось 555 человѣкъ купцовъ, гражданъ и прочихъ сословій, и 1169 человѣкъ военныхъ, однако въ городѣ не существовало ни одной русской школы. Сознаніе необходимости имѣть русскую школу, хотя-бы для самаго первоначальнаго обученія, нашло, наконецъ, себѣ яснаго выразителя въ лицѣ общаго тогда любимца прихожанъ, протоіерея о. Николая Попова. Купецъ-же Никифоръ Игнатьевичъ Табуновъ своимъ значительнымъ пожертвованіемъ (въ 3 т. р.) содѣйствовалъ открытію первой школы. Кромѣ того, состоялось добровольное соглашеніе прихожанъ собирать на школьное дѣло со всѣхъ русскихъ православныхъ чиновниковъ по $^1/_4$ % съ жалованья, а

съ гражданъ, домовладѣльцевъ и промышленниковъ по 25 копѣекъ со «скатёре». Это постановленіе было утверждено финляндскимъ сенатомъ (7—19 апрѣля 1864 г.). На проценты съ пожертвованнаго Табуновымъ капитала и на «скатёрные» сборы могла уже содержаться, открытая въ ноябрѣ 1861 года, въ Гельсингфорсѣ, небольшая школа съ двумя отдѣленіями для мальчиковъ и дѣвочекъ. Число учениковъ было ничтожное, но тѣмъ не менѣе эта школка сослужила свою службу. Она явилась первенцемъ русскихъ учебныхъ заведеній въ Финляндіи. Открытіе новой школы побудило прихожанъ впервые начать собираться на общія совѣщанія, что, въ свою очередь, положило начало приходскимъ собраніямъ, изъ которыхъ впослѣдствіи создалось приходское попечительство. Школа внесла такимъ образомъ оживленіе въ жизнь прихожанъ. Купецъ Н. И. Табуновъ построилъ затѣмъ для училища домъ на принадлежащемъ ему въ городѣ мѣстѣ, а генералъ-губернаторъ баронъ Рокасовскій исходатайствовалъ пособіе на начатую постройку.

Энергія русской гельсингфорсской колоніи точно была вся израсходована на маленькую народную школу: приходъ какъ-бы опочилъ отъ трудовъ своихъ и не выражалъ дальнѣйшихъ заботъ о развитіи школьнаго дѣла. Къ счастью въ это время зашевелились въ Свеаборгѣ.

Въ Свеаборгской крѣпостной артиллеріи находился на службѣ молодой офицеръ Павелъ Егоровичъ Кеппенъ, проявившій большую склонность къ педагогической дѣятельности. Въ зиму 1867—1868 года онъ подалъ свеаборгскому коменданту, генералу Алопеусу, записку о безпомощномъ положеніи служащихъ въ дѣлѣ воспитанія своихъ дѣтей. Къ запискѣ приложенъ былъ проектъ учрежденія школы для солдатскихъ дѣтей. Проектъ этотъ для своего времени являлся, несомнѣнно, передовымъ и указывалъ, что составитель ея былъ знакомъ съ лучшими и раціональными требованіями, которыя тогда только впервые стали предъявляться къ учебному дѣлу. Проектъ П. Кеппена устанавливалъ наглядное обученіе, не допускалъ ни экзаменовъ, ни поощреній; онъ предлагалъ устраивать общія прогулки для дѣтей, вводилъ отечествовѣдѣніе, требовалъ, чтобы дѣтямъ была объяснена природа Свеаборга и его окрестностей, были преподаны главныя положенія государственнаго строя, чтобы дѣтей обучали ручному труду и т. п. Предполагалось, что комендантъ передастъ записку командующему войсками округа и возбудитъ ходатайство объ устройствѣ школы въ Свеаборгѣ. Но надеждамъ этимъ не суждено было сбыться.

Тогда П. Е. Кеппенъ сталъ искать другого ходатая и нашелъ его въ лицѣ начальника штаба округа, генерала Федора Петровича Веймарна, которому осенью 1868 г. подалъ новую записку. Эта записка отражаетъ идеи и взгляды современнаго русскаго общества въ Финляндіи, въ которомъ вращался ея составитель, и съ этой стороны представляетъ несомнѣнный интересъ. Изъ нея видно, что «цѣлыя окружныя управленія, дивизія, крѣпостной гарнизонъ со всѣми семейными пребывали въ весьма грустныхъ условіяхъ, относительно обученія дѣтей. Въ Гельсингфорсѣ, напримѣръ, на всю массу живущихъ тамъ русскихъ, имѣлось одно приходское училище; а въ Свеаборгѣ на весь гарнизонъ—не было ни одной школы!»

Въ Свеаборгѣ въ ноябрѣ 1867 года находилось 323 ребенка обоего пола, отъ самаго нѣжнаго возраста до 12 лѣтъ. На всю эту массу дѣтей въ Свеаборгѣ не имѣлось школы. Обученіемъ офицерскихъ дѣтей занимались нѣсколько личностей, выбравшихъ себѣ это занятіе, какъ одно изъ средствъ существованія. Была случайно въ Свеаборгѣ школа для солдатскихъ дѣтей. Ее устроилъ артиллеріи капитанъ Дмитрій Никифоровичъ Барибаловъ при своей ротѣ; въ этой школѣ, подъ присмотромъ названнаго офицера, хорошіе фейерверкеры занимались обученіемъ дѣтей чтенію, письму и ариѳметикѣ. Заботливость капитана Барибалова простиралась далѣе: онъ нанималъ хорошую швею, для обученія дѣвочекъ швейному мастерству, а нѣсколькихъ мальчиковъ посылалъ въ мастерскія—обучаться ремесламъ. Но Барибаловъ уѣхалъ и дѣло его распалось: черезъ два года отъ него почти не осталось слѣда.

П. Е. Кеппенъ нашелъ, что перерывы и остановки въ занятіяхъ дѣтей, а также постоянныя перемѣны учителей, весьма невыгодно отзываются на дѣтяхъ и потому сталъ хлопотать объ учрежденіи постоянной школы. Его заботило еще одно обстоятельство: въ Свеаборгѣ не было занятій, къ которымъ родители могли бы пристраивать своихъ подрастающихъ дѣтей. «Что можетъ обѣщать въ будущемъ молодое поколѣніе свеаборгскихъ жителей, поколѣніе, не пріученное къ труду, оторванное отъ земледѣлія, не знающее ремеслъ? Не въ правѣ-ли мы ожидать, что поколѣніе это значительнымъ процентомъ увеличитъ населеніе тюремъ? Только школа, и только хорошая школа, можетъ предохранить дѣтей отъ такого конца и приготовить обществу трудящихся, разсуждающихъ и честныхъ работниковъ». «Для Свеаборга необходима постоянная школа, какъ учрежденіе общественное, какъ

учрежденіе воспитательное, основанное на раціональныхъ началахъ». «Вообще,—писалъ онъ,—устройство первоначальныхъ и элементарныхъ школъ общество беретъ на себя. Въ большихъ обществахъ это возможно; но свеаборгское общество очень мало, члены его постоянно мѣняются и ему не подъ силу завести школу собственными средствами».

«Правительство простираетъ свои попеченія о служащихъ даже до старанія доставить имъ возможныя удобства; такъ, напримѣръ, по ходатайству генерала барона Рокасовскаго, оно утвердило учрежденіе гельсингфорсскаго собранія военно-служащихъ и разрѣшило выдать этому собранію единовременное денежное пособіе». Нѣсколько позже правительство помогло воздвигнуть въ Гельсингфорсѣ русскій каменный театръ и субсидировать его. Имѣя эти факты передъ глазами, составитель записки настойчиво продолжалъ: «Школа насущная потребность, неудовлетвореніе которой тяжело отзывается на обществѣ.—Думать, что правительство откажетъ въ помощи на такое дѣло, какъ устройство школы, это значитъ оскорблять правительство. Когда жертвуютъ по 6000 (ежегодно) на театръ, то на школу не пожалѣютъ дать по 3000 или по 4000 рублей», такъ какъ «школа болѣе, чѣмъ что-либо другое можетъ способствовать преслѣдованію тѣхъ цѣлей (сплоченія русскаго общества, поддержанія и развитія его), ради которыхъ, главнымъ образомъ, можетъ быть, правительство и приняло такое участіе въ устройствѣ въ Гельсингфорсѣ собранія военно-служащихъ и русскаго театра». Если правительство дѣйствительно ожидаетъ отъ собранія и отъ театра сплоченія, поддержанія и развитія русскаго элемента, то, «да позволено будетъ замѣтить, что безъ школы оба эти учрежденія не въ состояніи что-либо сдѣлать въ области поставляемой имъ задачи». «Сколько можно встрѣтить въ Гельсингфорсѣ Сидоровыхъ, Десятовыхъ, Ивановыхъ и пр., не говорящихъ по-русски, православныхъ, исповѣдающихся чуть-ли не черезъ переводчика. А будь школы, и всѣ бы эти Ивановы и пр. остались русскими. Школы нужны, школы, а безъ нихъ ни театры, ни собранія, ничего не сдѣлаютъ. Стоитъ прислушаться къ толкамъ, возбужденнымъ устройствомъ театра: говорятъ много, всѣ соглашаются, что школы нужнѣе, но никто не рѣшается заявить объ этомъ, кому сіе вѣдать надлежитъ».

П. Е. Кеппенъ рѣшился это заявить, проявивъ тѣмъ, несомнѣнно, и гражданское мужество, и горячій патріотизмъ. Его голосу вняли. Генералъ Ф. П. Веймарнъ принялъ записку очень

сочувственно и предложилъ ея составителю собрать дальнѣйшія нужныя свѣдѣнія и представить соображенія объ устройствѣ русской школы въ Гельсингфорсѣ. Вскорѣ генералъ Веймарнъ выбылъ изъ края. Прямой связи записки П. Е. Кеппена съ возникшими затѣмъ русскими учебными заведеніями въ Финляндіи намъ не удалось установить; но во всякомъ случаѣ извѣстно, что надобности въ дальнѣйшихъ подачахъ подобныхъ записокъ со стороны общества болѣе уже не представилось [629]).

Въ 1866 году (19 апр.) генералъ-губернаторомъ Финляндіи былъ назначенъ графъ Николай Владиміровичъ Адлербергъ 3-й. При немъ, 22 октября 1870 года, состоялось открытіе русской гимназіи въ Гельсингфорсѣ [630]). Она явилась уже истиннымъ «форпостомъ русской образованности на сѣверо-западѣ имперіи». До этого времени русскій юноша воспитывался въ Финляндіи «на почвѣ полнѣйшаго незнакомства съ лучшими явленіями русской жизни и литературы», воспитывался въ средѣ, не только иноплеменной и иновѣрной, но къ тому-же подчасъ и враждебно настроенной противъ того, что для родителей и предковъ его было дорого и свято. Русскій юноша въ большинствѣ случаевъ покупалъ свои познанія «непомѣрно высокой цѣной, а именно цѣною какъ національнаго, такъ и религіознаго обезличенія». До шестидесятыхъ годовъ русскіе легко мирились съ такимъ положеніемъ, вслѣдствіе слабаго развитія въ нихъ чувства національнаго самосознанія. Но вотъ, наконецъ, освящено и открыто было учебное заведеніе, въ которомъ русскія дѣти могли получать общее образованіе на родномъ языкѣ и воспитаться въ духѣ и религіи своего народа [631]).

Прибывшіе въ Гельсингфорсъ гимназическіе дѣятели, благодаря удачному выбору ихъ директора (А. В. Бѣлявскаго), были одушевлены наилучшими стремленіями и любовью къ дѣлу; они мечтали даже, что русская гимназія не только сравняется съ туземными шведскими, которыя славились солидностью даваемаго ими образованія, но можетъ превзойти ихъ [632]). «Хотя гимназія существуетъ менѣе года, писалъ корреспондентъ русской газеты, но уже успѣла зарекомендовать себя съ самой лучшей стороны. Мнѣ приходилось слышать отъ финляндцевъ, людей въ этомъ дѣлѣ компетентныхъ, что баронъ Котенъ, вице-канцлеръ здѣшняго университета, которому также подчинены всѣ учебныя заведенія края, чрезвычайно хвалитъ постановку учебнаго дѣла въ гимназіи. Въ истекшій семестръ онъ часто посѣщалъ ее, просиживалъ цѣлые уроки и велъ продолжительныя бесѣды съ пре-

подавателями. Ознакомившись такимъ солиднымъ образомъ какъ съ составомъ преподавателей, такъ и съ ходомъ учебнаго дѣла, онъ впослѣдствіи ставилъ русскую гимназію въ примѣръ финляндскимъ учебнымъ заведеніямъ, почему изъ тавастгусской гимназіи пріѣзжалъ преподаватель съ спеціальною цѣлью ознакомиться съ существующими въ русской гимназіи пріемами преподаванія». «О русской гимназіи вы услышите со всѣхъ сторонъ самые лестные отзывы. Имена многихъ преподавателей извѣстны и въ русской литературѣ» [633]).

Дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ характерныхъ курьезовъ. Надъ русской гимназіей на второй годъ ея существованія появилось шесть военныхъ попечителей (а въ гимназіи было тогда только два класса). Они дежурили въ гимназіи поочередно. Помимо сего явился еще артиллерійскій генералъ, котораго назначили завѣдывать дисциплинарною и хозяйственною частью гимназіи. Этотъ военный хозяинъ завелъ канцелярію, которая, конечно, и «начала писать» [634]).

Въ теченіе перваго двадцатипятилѣтія 533 ученика выбыло, не окончивъ курса, а 92 окончило полный курсъ. При учрежденіи гимназіи въ Финляндіи прежде всего имѣлось въ виду спасти русское подрастающее поколѣніе отъ полнаго «національнаго и религіознаго» обезличенія, а затѣмъ желательно было дать возможность финляндскимъ уроженцамъ непринудительно обучать своихъ дѣтей русскому языку и тѣмъ приготовить ихъ къ успѣшному занятію должностей въ мѣстномъ управленіи, гдѣ незнаніе государственнаго языка было весьма ощутительно. Одновременно съ этимъ, путемъ введенія въ гимназіи обязательнаго обученія одного изъ мѣстныхъ языковъ, шведскаго или финскаго, хотѣли подготовить къ поступленію въ мѣстныя высшія учебныя заведенія тѣхъ русскихъ молодыхъ людей, которые намѣревались, по выходѣ изъ гимназіи, посвятить себя той или другой дѣятельности въ предѣлахъ Финляндіи. Если бы эта задача была успѣшно рѣшена и удалось бы совмѣстить въ одной программѣ два указанныхъ требованія, то, несомнѣнно, результатъ дѣятельности русской гимназіи былъ бы особенно ощутителенъ. Но этого не удалось достичь, вслѣдствіе чего гимназія стала высылать за предѣлы Финляндіи всю лучшую часть русскаго образованнаго юношества, не давая ему ни правъ, ни возможности служить въ учрежденіяхъ страны, гдѣ оно родилось, и гдѣ живетъ его родня; слѣдовательно, получилось нѣчто совершенно нежелательное и ненормальное. Объясняется такое своеобразное явленіе очень просто.

*

Для поступленія на мѣстную службу финляндскія власти требуютъ знанія двухъ языковъ—шведскаго и финскаго, диплома отъ финляндскихъ учебныхъ заведеній, и кромѣ того, строго придерживаются правила давать должности исключительно своимъ «финляндскимъ гражданамъ» [635]).

Учебный обликъ Александровской гимназіи выяснился въ 1878 году, когда просили для нея объ увеличеніи ассигнованій. Государь надписалъ: «Я полагалъ бы лучше примѣнить къ ней общій уставъ классическихъ гимназій въ Имперіи» (28 іюня—10 іюля 1878 г.).

Основаніе русской народной школы для мальчиковъ въ городѣ Выборгѣ относится къ 1862 году, когда русскіе граждане города подали прошеніе въ магистратъ объ устройствѣ воскреснаго училища, съ присоединеніемъ къ нему приготовительнаго класса для обученія дѣтей. Со стороны просителей опредѣлена была ежегодная субсидія въ 200 рублей, а въ основной капиталъ они положили пожертвованіе купца Тиханова въ 1.200 рублей. Надзирателемъ ея и вмѣстѣ учителемъ наняли отставного писаря Егора Афонасьева. Въ виду недостаточности денежныхъ средствъ, дирекція сдѣлала приглашеніе къ добровольной подпискѣ. Школа для дѣвочекъ существуетъ въ Выборгѣ съ 1863 года и основана женою коммерціи совѣтника Тиханова на собственныя средства.

Въ такомъ видѣ обрисовывается время пробужденія въ Финляндіи русскаго самосознанія. Основаніе первымъ русскимъ учебнымъ заведеніямъ было положено; но сейчасъ же обнаружилось, что значительная часть иногородныхъ русскихъ не могутъ пользоваться ими, по неимѣнію средствъ для содержанія дѣтей внѣ мѣста своего постояннаго жительства. Бѣдность многихъ учениковъ побудила такимъ образомъ поднять вопросъ объ учрежденіи въ Финляндіи постояннаго благотворительнаго общества. За учрежденіе «Благотворительнаго Общества», оказавшаго весьма существенную услугу родному дѣлу, русское населеніе финляндской окраины обязано вѣчной признательностью полковнику К. Д. Кондзеровскому и капитану П. Е. Кеппену. Они составили памятку, съ изложеніемъ основныхъ положеній устава, которую и передали, черезъ начальника 23 дивизіи К. К. Рейбница, командующему войсками. Общество въ принципѣ признавалось возможнымъ, но уставъ его тѣмъ не менѣе долго оставался на разсмотрѣніи графа Адлерберга и былъ утвержденъ финляндскимъ сенатомъ лишь въ ноябрѣ 1871 года. Свою полезную дѣятельность

К. Д. Кондзеровскій.

П. Е. Кеппенъ.

«Благотворительное Общество» открыло въ январѣ 1872 года, имѣя капиталъ въ 2 тысячи рублей и 215 членовъ преимущественно изъ военно-служащихъ и купечества.

Тѣмъ же названнымъ умнымъ и энергичнымъ основателямъ «Благотворительнаго Общества», а также первымъ его дѣятельнымъ членамъ, обязанъ своимъ возникновеніемъ и русскій дѣтскій садъ въ Гельсингфорсѣ, открывшій свои занятія въ 1873 году. Мысль объ учрежденіи этого маленькаго, но симпатичнаго и крайне необходимаго учебнаго заведенія принадлежитъ прежде всего капитану артиллеріи Павлу Егоровичу Кеппену, который, состоя секретаремъ «Русскаго Благотворительнаго Общества», предложилъ распорядительному его собранію составить учредительный комитетъ для устройства дѣтскаго сада. Предложеніе П. Е. Кеппена было встрѣчено сочувственно и заслуженный педагогъ Александръ Александровичъ Чумиковъ (бывшій редакторъ-издатель журнала «Воспитаніе»), желая ознакомить мѣстное общество съ системой Фридриха Фребеля, тогда-же прочелъ о ней, въ помѣщеніи русской гимназіи, публичную лекцію, доказывая пользу и значеніе дѣтскихъ садовъ. Недостатокъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ былъ тѣмъ болѣе ощутителенъ, что западно-европейская цивилизація, господствующая въ Финляндіи, по своему характеру и направленію всегда являлась антирусской. Интересъ къ Россіи въ краѣ не былъ пробужденъ; отношеніе къ русскимъ не желавшимъ ошведиться или офиниться, всегда носило характеръ нѣкоторой высокомѣрности; а на православіе смотрѣли, какъ на религію низшаго разряда. При всей своей кажущейся незначительности и при маломъ мѣстѣ, отводимомъ дѣтскому саду въ общей системѣ учебныхъ заведеній, на его долю все таки выпадала весьма существенная роль, если принять во вниманіе, что въ его стѣнахъ вмѣнялось въ обязанность внушить ребенку первыя заповѣди, первыя молитвы и начальныя жизненныя правила, изъ которыхъ впослѣдствіи, какъ изъ зерна, должны были вырасти и выработаться руководящія начала всей его жизни. Дѣтскіе сады должны заложить въ своихъ маленькихъ питомцахъ прочныя основы ихъ будущаго нравственнаго и интеллектуальнаго облика. И эту свою обязанность русскій дѣтскій садъ въ Гельсингфорсѣ выполнилъ блистательно за первыя тридцать лѣтъ своего существованія. Выборъ первой руководительницы сада М. А. Кудряковой былъ сдѣланъ особенно удачно. Она умно и сердечно вела свое маленькое дѣло и пріобрѣла общее расположеніе, что и сказалось на ея «княжескихъ» похоронахъ и въ

постановкѣ русской колоніей надъ ея могилой хорошаго памятника [636]).

Въ 1875 году открыта была Гельсингфорсская Маріинская гимназія.

Особнякомъ стояло юнкерское училище въ Гельсингфорсѣ. Въ 1825 году генералъ-губернаторъ Закревскій обратилъ вниманіе на недостаточность познаній въ русскомъ языкѣ среди офицеровъ и унтеръ-офицеровъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, находившихся въ войскахъ, расположенныхъ въ Финляндіи. Приняты были разныя мѣры къ тому, чтобы они усвоили государственный языкъ. Въ 1843 году начальникъ 21 пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ Мандерштерна, возбудилъ вопросъ объ учрежденіи при штабѣ дивизіи школы подпрапорщиковъ и унтеръ-офицеровъ изъ вольноопредѣляющихся. Незнаніе «россійскаго языка» опять являлось не послѣднимъ мотивомъ. Желательно было также открыть дѣтямъ финляндскихъ дворянъ и юношамъ другихъ сословій доступъ къ военной службѣ. Мысль эта была поддержана генералъ-губернаторомъ княземъ А. С. Меншиковымъ и военнымъ министромъ княземъ Чернышевымъ. Въ сентябрѣ 1845 года состоялось Высочайшее повелѣніе открыть школу, которой сталъ вѣдать майоръ Коноваловъ. Изъ финскихъ статныхъ суммъ на школу отпускалось по $3\frac{1}{2}$ тысячи рублей ежегодно. Значеніе школы увеличилось въ годы Восточной войны.

Графъ Бергъ улучшилъ положеніе школы, исходатайствовавъ отъ военнаго министерства на ея содержаніе еще 3.000 рублей. При немъ же издано положеніе о юнкерскомъ училищѣ войскъ, въ Финляндіи расположенныхъ (6 мая 1861 г.). Училище помѣщалось въ домѣ, пріобрѣтенномъ для военной школы на счетъ финляндскихъ статныхъ суммъ, изъ которыхъ отпускалось также на отопленіе, освѣщеніе и на содержаніе юнкеровъ. Но уже въ 1876 году сенатъ сталъ хлопотать о сокращеніи своихъ выдачъ на училище. Графъ Адлербергъ пытался отстоять полезность и желательность училища, но затѣмъ, когда введена была въ Финляндіи всеобщая воинская повинность, сенатъ указалъ, что отпускавшіяся на училище средства нужны будутъ «на школы для нижнихъ чиновъ финскихъ войскъ». Графъ Адлербергъ сдѣлалъ еще попытку: на ассигнованныя деньги открыть военно-учебное заведеніе въ Выборгѣ, но не былъ поддержанъ ни главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, генералъ-адъютантомъ Исаковымъ, ни военнымъ министромъ Милютинымъ. Графъ Адлербергъ указывалъ на значеніе училища, въ качествѣ «весьма

замѣтнаго проводника въ дѣлѣ сближенія двухъ разнородныхъ элементовъ населенія»—русскаго и финляндскаго,—а также на пользу его, «какъ орудія для привлеченія въ русскую военную службу финляндскихъ уроженцевъ». Высочайшее повелѣніе о закрытіи Гельсингфорсскаго пѣхотнаго училища послѣдовало 12 апрѣля 1879 года [637]).

Основаніе русскаго театра въ Гельсингфорсѣ было дѣломъ графа Н. В. Адлерберга. Театру онъ придавалъ государственное значеніе и имѣлъ въ виду, чтобы сценическія исполненія въ немъ не уступали таковымъ же въ шведскомъ и финскомъ театрахъ. Театръ построенъ на средства русской казны и обошелся болѣе чѣмъ въ 700.000 марокъ. И здѣсь хорошее дѣло имѣло свою комическую сторону. Цѣлью театра ставилось прежде всего, конечно, русское искусство. Театру надлежало слѣдовательно знакомить мѣстное общество съ драматическими и оперными произведеніями Россіи. И что-же? «Когда театръ былъ выстроенъ, то вопреки желаніямъ общества, въ немъ стали давать посредственныя итальянскія оперы, а потомъ онъ отданъ былъ на аренду шведскому антрепренеру» [638]).

Непослѣдовательностію и «барскими» капризами отличались всѣ вообще начинанія графа Адлерберга. Учредили, напримѣръ, въ Гельсингфорсѣ русскій клубъ, но ему придали замкнутый и сословный характеръ. Купцовъ въ составъ членовъ не допустили; закрыли ходъ также для русскихъ артистовъ, хотя нѣкоторые изъ послѣднихъ происходили изъ дворянъ; изгнали, наконецъ отставныхъ чиновниковъ. Вскорѣ уставъ передѣлали, но опять настолько неудачно, что по буквѣ его текста родовой князь не могъ попасть въ это учрежденіе. Ко всѣмъ подобнымъ изворотамъ прибѣгали только для того, чтобы, по прихоти начальника края, въ клубъ не проникли русскіе артисты. Но хуже всего, что оттолкнули тогда немногочисленное русское купечество, заставивъ тѣмъ недовольныхъ тѣснѣе примкнуть къ шведскому обществу. Шведы, конечно приняли купцовъ и по прошествіи нѣкотораго времени все наше купечество оказалось безвозвратно денаціонализированнымъ [639]).

Въ постановленіяхъ 1867 и 1871 годовъ о печати въ Финляндіи находилось общее опредѣленіе о томъ, что издаваемыя въ Финляндіи сочиненія на русскомъ языкѣ подлежатъ узаконеніямъ,

дѣйствующимъ въ имперіи. Но касательно періодической печати на русскомъ языкѣ въ означенныхъ постановленіяхъ не имѣлось никакихъ указаній.

По возбужденіи вопроса объ изданіи въ Гельсингфорсѣ газеты на русскомъ языкѣ, генералъ-губернаторъ предложилъ финляндскому сенату составить проектъ постановленія относительно періодическихъ изданій на русскомъ языкѣ, съ предоставленіемъ высшаго надзора за ними генералъ-губернатору, отъ котораго зависѣла бы, безъ предварительнаго предостереженія, отмѣна разрѣшенія на выпускъ подобныхъ изданій. Комитетъ финляндскихъ дѣлъ обратилъ вниманіе (27 февраля 1876 г.) на то обстоятельство, что предоставленіе генералъ-губернатору права, по своему усмотрѣнію и безъ предварительныхъ предостереженій, прекращать русскія періодическія изданія, представляется болѣе строгою мѣрою, чѣмъ дѣйствующія въ семъ отношеніи въ имперіи узаконенія и даже введенныхъ въ Финляндіи правилъ касательно періодическихъ изданій на шведскомъ или финскомъ языкѣ. Поэтому вступили въ переписку съ генералъ-губернаторомъ.

Графъ Адлербергъ отвѣтилъ, что его предположеніе было вызвано секретнымъ Высочайшимъ рескриптомъ отъ 15—27 іюня 1869 года, которымъ генералъ-губернатору предоставляется подобное-же право въ отношеніи шведской и финской печати въ краѣ, но съ тѣмъ, чтобы генералъ-губернаторъ доносилъ Государю Императору о состоявшемся запрещеніи, съ объясненіемъ причинъ, вызвавшихъ такое распоряженіе. Комитетъ считалъ невозможнымъ ходатайствовать о Высочайшемъ утвержденіи законопроекта въ первоначально предположенномъ видѣ, такъ какъ русскія періодическія изданія подверглись-бы въ Финляндіи болѣе строгимъ правиламъ, чѣмъ шведскія и финскія, что,—по мнѣнію комитета,—подало бы справедливый поводъ къ ошибочнымъ выводамъ. Комитетъ желалъ поставить русское изданіе въ одинаковыя условія съ мѣстными.

При докладѣ сего дѣла Государю, Его Величество положилъ резолюцію: «Нахожу основаніе русскаго журнала въ Финляндіи совершенно излишнимъ» (Въ С.-Петербургѣ 22 апрѣля—4 мая 1876 г. [640]). И такимъ образомъ мысль о русскомъ печатномъ органѣ была похоронена. Русское правительство отвергло содѣйствіе ему русскаго печатнаго слова. Оно отреклось отъ сильнѣйшаго орудія проведенія своихъ началъ и воззрѣній на этой культурной окраинѣ имперіи. Оцѣнка этого факта не будетъ, вѣроятно, вызывать двухъ различныхъ мнѣній.

Затѣмъ, кажется въ 1879 году, за дѣло взялся преподаватель русской гимназіи въ Гельсингфорсѣ В. И. Ассоновъ. Онъ подалъ прошеніе въ главное управленіе по дѣламъ печати имперіи о разрѣшеніи ему издавать подцензурное повременное изданіе «Финляндскій Вѣстникъ». Главное управленіе отвѣтило отказомъ, такъ какъ, по ея справкамъ, оказалось, что дѣйствія русскихъ законовъ о печати не распространяются на Великое Княжество Финляндское. Тогда Ассоновъ направилъ свою просьбу въ финляндскій сенатъ. Сенатъ, конечно, отвѣтилъ, что финляндскими законами о печати не предусмотрѣно изданіе русской газеты въ краѣ. Ясно, что дѣло крѣпко затянуто было съ двухъ сторонъ мертвой петлей [643]).

И въ этомъ дѣлѣ, какъ въ другихъ, финляндцы были весьма послѣдовательны. Разомкнуть кольца вовсе не входило въ ихъ разсчеты. Еще раньше, въ шестидесятыхъ годахъ, они получили возможность пропускать черезъ свою цензуру всѣ русскія статьи, касавшіяся Финляндіи. Представился случай и статсъ-секретаріатъ, конечно, воспользовался имъ и посодѣйствовалъ недопущенію въ предѣлы края русскаго изданія. Такимъ образомъ Россія ставилась въ необходимость смотрѣть на все происходившее въ Великомъ Княжествѣ чрезъ финляндскіе очки. Полезно ли такое одностороннее освѣщеніе—ясно для каждаго. Цензура статсъ-секретаріата держалась начальническаго тона, стараясь иногда читать въ душѣ русскаго автора. Такъ какъ тайникъ этой финляндской цензуры до сихъ поръ оставался на-глухо закрытымъ для русскихъ глазъ, то извлекаемъ изъ него нѣсколько строкъ, показывающихъ, въ какомъ направленіи дѣйствовали финляндскіе литературные контролеры. Въ сентябрѣ 1860 года, русскій цензурный комитетъ, гдѣ предсѣдательствовалъ тогда баронъ Медемъ, препроводилъ въ статсъ-секретаріатъ статью «Политическое, административное и судебное устройство Финляндіи», предназначенную для журнала «Русское Слово». Статсъ-секретаріатъ (27 сент. 1860 г. № 678) отвѣтилъ, что по содержанію сей статьи не имѣется никакихъ замѣчаній, «но по цѣли ея, ясно выраженной въ заключеніи, напечатаніе таковой статьи канцелярія статсъ-секретаріата полагаетъ въ настоящее время неудобнымъ». Въ маѣ 1861 года въ «Московъ. Вѣдомости» поступила статья «Преобразованія въ Финляндіи». Запросили мнѣніе статсъ-секретаріата. Такъ какъ статья оказалась извлеченіемъ изъ № 88 газеты «Finlands Allmänna Tidning» то, конечно, препятствій къ ея напечатанію не встрѣтилось. Въ «С.-Петербургскія Вѣд.» прислали статью «изъ Финлян-

дін» (ноябрь 1861 г.). Статсъ-секретаріатъ отвѣтилъ, что факты вѣрны, «но разсужденія автора неумѣстны и потому статья эта можетъ быть напечатана не иначе, какъ съ исключеніемъ этихъ разсужденій или по передѣлкѣ ея авторомъ». Въ 1862 году статсъ-секретаріатъ воспретилъ русскому автору описать поѣздку товарища министра статсъ-секретаря въ Гельсингфорсъ. Когда-же статьи являлись буквальнымъ переводомъ изъ гельсингфорскихъ газетъ статсъ-секретаріатъ ихъ охотно разрѣшалъ. Въ то же время финляндское начальство принимало мѣры къ напечатанію статей своихъ авторовъ въ русскихъ изданіяхъ. Статья проф. Снельмана «О правѣ свободнаго выраженія мнѣній» была послана Шернваль-Валленомъ къ П. Валуеву, съ просьбой напечатать ее въ русской офиціальной газетѣ. Этимъ, вѣроятно, объясняется, что вообще статьи Снельмана не разъ распубликовывались для наставленія русскаго читателя [642]).

Высочайше учрежденная въ шестидесятыхъ годахъ комиссія для начертанія проекта положенія объ устройствѣ быта оружейниковъ и мастеровыхъ Сестрорѣцкаго и Райволаскаго казенныхъ заводовъ представила для разрѣшенія этого вопроса пять различныхъ предположеній. Одно изъ нихъ сводилось къ присоединенію Сестрорѣцка къ С.-Петербургской губерніи.

По Высочайшему повелѣнію, означенный вопросъ былъ обсужденъ военнымъ министромъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ, финляндскимъ генералъ-губернаторомъ и министромъ статсъ-секретаремъ Великаго Княжества. Въ отзывѣ, истребованномъ по сему заключенію, финляндскій сенатъ просилъ Государя Императора передать вопросъ, согласно съ финляндскими основными законами, на обсужденіе и заключеніе земскихъ чиновъ Великаго Княжества. Во вниманіе-же къ тому обстоятельству, что сейму было-бы неудобно предложить прямо безвозмездную уступку части финляндской земли,—хотя на ней и живутъ только россійскіе подданные,—сенатъ ходатайствовалъ, дабы земскимъ чинамъ было предоставлено, въ замѣнъ означенной уступки, выговорить для Финляндіи какое-либо вознагражденіе со стороны имперіи. При этомъ сенатъ всеподданнѣйше обратилъ вниманіе Его Величества на случай, который представляется для сего въ уступкѣ Финляндіи и финляндскимъ лопарямъ небольшой полосы земли у Ледовитаго моря, къ востоку отъ рѣки Якобсъ-эльфа, при заливѣ Стольбоа,

дабы устроить тамъ пристанище для лопарей во время рыбной ловли.

Съ своей стороны генералъ-губернаторъ отозвался, что присоединеніе Сестрорѣцка къ С.-Петербургской губерніи не только не причинитъ Финляндіи никакого ущерба, а напротивъ избавитъ правительство отъ многихъ затрудненій и излишнихъ расходовъ. Такъ какъ мастеровые и прочіе обыватели Сестрорѣцкаго оружейнаго завода—россійскіе подданные и совершенно незнакомы съ языкомъ и законоположеніями Финляндіи, то и комитетъ финляндскихъ дѣлъ (9 янв. 1864 г.) полагалъ, что устройство будущаго общественнаго положенія этого населенія можетъ быть удобнѣйшимъ образомъ приведено въ исполненіе, присоединеніемъ Сестрорѣцка и его жителей къ С.-Петербургской губерніи. Комитетъ при этомъ держался мнѣнія, что мѣра эта можетъ быть принята, согласно съ основными законами, безъ выслушанія земскихъ чиновъ Великаго Княжества и независимо отъ вопроса о вознагражденіи за отводимую отъ Финляндіи землю.

Докладъ по дѣлу привелъ къ изданію особаго постановленія, въ которомъ говорилось. «По встрѣтившемуся поводу и во вниманіе того, что мастеровые и прочіе жители принадлежащаго Россійской казнѣ Сестрорѣцкаго оружейнаго завода, въ Кивинебскомъ приходѣ Выборгской губерніи, россійскіе подданные и незнакомы съ языкомъ и съ законоположеніями Финляндіи, Мы признали за благо Высочайше повелѣть помянутый оружейный заводъ съ ближайшею землею, на пространствѣ около двадцати квадратныхъ верстъ, отдѣлить отъ Выборгской губерніи и присоединить къ С.-Петербургской, а нынѣшнюю границу между россійскою имперіею и Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ измѣнить и, на будущее время, провести отъ Сестрорѣцкой рѣчки до Финскаго залива прямою линіею вдоль канала. При этомъ Мы Высочайше объявляемъ, что, въ вознагражденіе за означенную землю, въ свое время будутъ присоединены къ Финляндіи или прибрежная полоса у Ледовитаго моря, къ западу отъ Якобсъ-эльфа у залива Стольбоа, объ отводѣ которой на пристанища финляндскимъ лопарямъ уже предъ симъ возбужденъ вопросъ, или-же, по надлежащей бонитировкѣ и оцѣнкѣ, свободныя угодья С.-Петербургской губерніи, расположенныя вдоль границы.

«Въ связи съ симъ Высочайше повелѣваемъ русскихъ работниковъ также принадлежащаго россійской казнѣ Райволаскаго чугуннаго завода, въ Кивинебскомъ приходѣ, приписать къ Сестрорѣцку, съ предоставленіемъ имъ права проживать въ Райволѣ по паспортамъ».

Такимъ образомъ вопросъ о Сестрорѣцкомъ участкѣ былъ рѣшенъ просто и опредѣленно. Но послѣ него совершенно запутался вопросъ о положеніи жителей села Райвола.

Съ упроченіемъ границъ (въ 1721 г.), русское правительство, въ присоединенной къ имперіи мѣстности, стало жаловать незаселенныя земли извѣстнымъ лицамъ и на нихъ выдавать дарственныя записи. Новые владѣльцы земель прибѣгнули къ ихъ заселенію и стали вывозить принадлежавшихъ имъ крестьянъ изъ разныхъ полосъ имперіи. Къ числу такихъ вывезенныхъ изъ Орловской губ. графомъ Салтыковымъ принадлежатъ предки мастеровыхъ села Райвола, графомъ Чернышевымъ, изъ той же Орловской губ.,—крестьяне села Краснаго (Кюрюле) съ тремя другими деревнями. Въ 1820 и 1825 годахъ эти села съ ихъ населеніемъ, по учиненнымъ купчимъ крѣпостямъ ихъ владѣльцами, перешли въ собственность артиллерійскаго вѣдомства, которое, обрѣтя тамъ Райволоскій чугуно-литейный и желѣзоковательный заводъ съ русскимъ населеніемъ, подчинило его вѣдѣнію начальства бывшаго уже за нимъ въ Финляндіи Сестрорѣцкаго оружейнаго завода, основаннаго Императоромъ Петромъ I, вызвавшимъ сюда съ Олонецкихъ горнолитейныхъ заводовъ мастеровыхъ для образованія класса оружейниковъ. Впослѣдствіи оружейники пополнялись солдатами, поступавшими на службу по общимъ бывшимъ наборамъ въ имперіи. По выходѣ въ отставку, они образовали, вмѣстѣ съ потомками прежнихъ поселенцевъ, оружейниковъ Сестрорѣцкаго завода. Зависимость Райволоскаго завода отъ сестрорѣцкаго начальства продолжалась до 1843 года. Съ этого года онъ получилъ полную самостоятельность: командиры были разные; заводы общаго ничего не имѣли, а съ тѣмъ вмѣстѣ ничего общаго не сохранили ихъ обыватели.

Въ 1860 году Райволоскій чугуно-плавильный и желѣзоковательный заводы были переданы артиллерійскимъ вѣдомствомъ въ аренду частному лицу. Послѣ измѣненія границы въ 1863 году окончательно порвалась всякая связь между двумя заводами, тѣмъ болѣе, что ихъ населеніе всегда представляли собою совершенно разные элементы: оружейники, воспитанники воинской дисциплины, оставались солдатами, а Райволоскіе мастеровые—были помѣщичьи люди, крѣпостные, дворовые. Началась безконечная путаница по земскимъ дѣламъ, школьному вопросу и по подсудности.

Въ 1874 году уполномоченные отъ обывателей села Райвола подали прошеніе Выборгскому губернатору, прося о принятіи ихъ

въ «подданство Финляндіи». Возникла переписка съ русскими вѣдомствами, причемъ министерство финансовъ (въ дек. 1876 г.) признало ходатайство обывателей с. Райволо объ образованіи изъ нихъ отдѣльнаго общества, съ изъятіемъ изъ вѣдѣнія Сестрорѣцкаго волостного правленія, заслуживающимъ полнаго вниманія. Но такъ какъ названное селеніе находится внѣ предѣловъ С.-Петербургской губерніи, на финляндской территоріи, то, писалъ товарищъ министра финансовъ, казалось-бы, что обыватели и въ отношеніи отправленія повинностей должны подлежать дѣйствію законовъ Великаго Княжества Финляндскаго. Въ виду сего надлежало бы испросить установленнымъ порядкомъ разрѣшеніе на исключеніе с. Райвола изъ оклада по С.-Петербургской губерніи и присоединеніе его къ Финляндіи, съ тѣмъ, однако, чтобы жителямъ онаго, которые не пожелаютъ вступить въ число гражданъ Великаго Княжества, было предоставлено право переселиться въ имперію. Но этимъ путаница не окончилась. Впослѣдствіи (въ 1882 г.) тотъ-же вопросъ былъ неоднократно возобновляемъ и съ нимъ мы встрѣтимся при обзорѣ слѣдующаго царствованія.

Не успокоился также и финляндскій сенатъ. Вслѣдствіе петиціи земскихъ чиновъ, онъ представилъ свой отзывъ о прирѣзкѣ къ Улеоборгской губ. участка земли отъ Архангельской губ. на берегу Ледовитаго океана.

Сѣверная граница Финляндіи лишь на нѣсколько десятковъ верстъ не доходитъ до Ледовитаго океана. За отсутствіемъ свободнаго доступа къ океану, лопари и сѣверяне лишились источниковъ пропитанія. «Не всегда, однако, оно было такъ. Въ прежнія времена ближайшая къ Финляндіи прибрежная полоса считалась общею для Финляндіи и Норвегіи». Пограничный трактатъ 20 октября 1751 года между Даніей и Швеціей предоставлялъ шведскимъ и финскимъ лопарямъ право пользованія берегомъ и водою у Ледовитаго океана. Около Варангеръ-фіорда былъ погостъ (faelleds distrikt), который считался общимъ. Въ 1826 году это пространство раздѣлили между Россіей и Норвегіей. Исторія этого раздѣленія темна и далеко еще не разслѣдована, несмотря на явныя нарекания по адресу нашего представителя подполковника Галялина. Трудно установить также, какимъ трактатомъ шведо-русская граница отодвинута на востокъ до теперешней пограничной черты между Финляндіей и Россіей. Несомнѣнно, что финскіе лопари лишились при раздѣлѣ тѣхъ правъ, которыми они пользовались на основаніи трактата 1751 г. на берегахъ Варангера.

Министръ государственныхъ имуществъ графъ Киселевъ, въ декабрѣ 1853 года писалъ, что вообще было-бы весьма полезно, для развитія промышленности сѣвернаго края и доставленія жителямъ большихъ средствъ, дозволить финляндскимъ лопарямъ производить рыбную и тюленью ловлю въ россійскихъ водахъ Ледовитаго океана, но надо предварительно сообразить дѣло съ дѣйствующими постановленіями. Но тутъ поперекъ дороги становились не только постановленія, но и соображенія политическаго характера. Даже представительница либеральнаго направленія въ Россіи—редакція газеты «Голосъ»—возстала противъ вознагражденія Финляндіи за Сестрорѣцкій участокъ. «Можетъ ли быть рѣчь о какомъ нибудь земельномъ или иномъ обязательномъ вознагражденіи за Сестрорѣцкій участокъ, когда и вся-то Выборгская губернія была, въ 1811 г., отрѣзана отъ россійской имперіи и присоединена къ Великому Княжеству Финляндскому не въ силу какихъ-нибудь трактатовъ, а исключительно по благоусмотрѣнію и по волѣ Императора Александра I»—читаемъ въ «Голосѣ» (1880 г., № 282). При такомъ условіи газета находила всякое возмѣщеніе несправедливымъ, и это тѣмъ болѣе, что «въ отмежованномъ краѣ будутъ введены шведско-финляндскіе законы; административнымъ языкомъ сдѣлается тамъ шведскій или финскій, но никакъ не русскій языкъ; господствующею религіею—лютеранская, и въ пользу лютеранскихъ пасторовъ будетъ съ православныхъ установленъ налогъ; въ административномъ календарѣ православные праздники будутъ уничтожены и введены лютеранскіе дни покаянія. О прирѣзкѣ къ Финляндіи только западной части Мурмана по меридіанъ Колы, т. е. нашихъ остатковъ Варангерскаго залива и Рыбачьяго Острова, едва ли возможенъ даже разговоръ, потому что это было-бы, съ одной стороны, и оскорбительно, и весьма убыточно для всего бѣломорскаго населенія, а съ другой—болѣе чѣмъ безцѣльно для общегосударственныхъ интересовъ; прирѣзка же къ Финляндіи уѣздовъ Кольскаго, Кемскаго и части Онежскаго, можетъ быть, и будетъ защищаться съ точки зрѣнія мѣстныхъ экономическихъ интересовъ, но подобная защита можетъ представиться затрогивающею честь архангельской администраціи и повести къ осложненію дѣла».

«Я былъ случайно,—разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ К. А. Скальковскій,—у графа Лорисъ-Меликова, у котораго братъ мой просиживалъ буквально цѣлые дни, а частенько и ночи. Я разсказалъ графу о Норденшельдѣ.

Не люблю я, братецъ, твоихъ чухонцевъ,—сказалъ графъ.— Вотъ и недавно только мнѣ удалось, вмѣстѣ съ Милютинымъ, отстоять противъ финляндцевъ часть Архангельской губерніи. Государь обѣщалъ Шернвалю и Адлербергу присоединеніе восточной части Мурмана къ Улеоборгской губерніи и очень неохотно уступилъ нашимъ настояніямъ» [643]).

XIV. Царскій юбилей и кончина Государя.

«Юбилей государственнаго человѣка составляетъ уже общественное достояніе», а тѣмъ болѣе юбилей Государя, царствованіе котораго полно благотворныхъ реформъ. Россія и Финляндія отпраздновали XXV-лѣтіе царствованія Александра II, но отпраздновали различно, такъ какъ результаты протекшей четверти вѣка здѣсь и тамъ оказались не совсѣмъ схожими. 19 февраля 1880 года прошло въ Россіи при тревожныхъ обстоятельствахъ. Въ Финляндіи, напротивъ, двадцать пятую годовщину вступленія Императора Александра II на престолъ встрѣтили и проводили спокойно и радостно. «Изъ самыхъ отдаленныхъ концовъ Россіи, отъ всѣхъ сословій, учрежденій и множества отдѣльныхъ лицъ неслись къ обожаемому монарху теплыя выраженія любви, признательности, вѣрноподданнической преданности». Въ адресѣ Государственнаго Совѣта значилось, между прочимъ: «Нелегокъ былъ путь, пройденный царственнымъ труженикомъ; немало разнообразныхъ препонъ дано было ему побороть. Провидѣнію не угодно было умалить славу его дѣяній удаленіемъ отъ него той тяготы, которая по неисповѣдимымъ путямъ Промысла бываетъ неразлучна съ трудомъ созданія, которая величавѣе проявляетъ духъ избранниковъ Бога и сильнѣе привязываетъ къ нимъ сердца людей. На ряду съ успѣхами и радостями представлялись трудности и ниспосылались печали. Но онѣ не смущали его сердца, не ослабляли и не останавливали воли, благодѣющей Россіи». По поводу юбилейнаго адреса графъ П. Валуевъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Но сколько фальши въ дѣлѣ по существу! Какой фальшивый звукъ во всѣхъ восхваленіяхъ, когда результатомъ двадцатипятилѣтія—диктатура графа Лорисъ-Меликова! Какое странное противорѣчіе между текстомъ и окружающимъ карету Государя конвоемъ казаковъ!... Мнѣ внутренно было стыдно. Неужели другіе не ощущали стыда?» [644]).

Можно согласиться, что въ истинно-великія и направленныя на благо Россіи реформы царствованія Александра Николаевича проникло много фальши, извратившей основную мысль Законодателя; что дни правленія Царя-Освободителя омрачались безумными выходками озвѣрѣвшихъ террористовъ, но тѣмъ не менѣе заявленіе графа Валуева излишне подчеркнуто. Въ Петербургѣ воздвигнутъ великолѣпный храмъ, исторія котораго связана съ именемъ Императора Александра II. По внѣшнимъ стѣнамъ храма, золотомъ на камнѣ, высѣчены главныя дѣянія Александра II. При немъ народъ русскій получилъ свободу, получилъ судъ «скорый, милостивый и правый», получилъ школы, получилъ земское и городское самоуправленіе, получилъ равенство относительно военной службы, получилъ ограниченіе тѣлесныхъ наказаній и многое, многое другое. Одинъ фактъ освобожденія крестьянъ— безсмертный памятникъ Его имени! «Сорокъ лѣтъ,—говорилъ М. П. Погодинъ,—занимаясь русской исторіей и знакомый, даже ex officio, болѣе другихъ съ судьбами отечества, я скажу смѣло, что освобожденіемъ крѣпостныхъ крестьянъ начинается новый періодъ русской исторіи» [645]).

«Желѣзныя дороги, телеграфы, промышленность, пароходство— все это возникло въ его царствованіе. Никогда, даже при Петрѣ Великомъ, не было такого кипучаго подъема силъ, такихъ объемлющихъ, глубоко захватывающихъ реформъ. А съ внѣшней стороны какое это было блестящее царствованіе! Присоединеніе громаднаго Амурскаго и Уссурійскаго края. Завоеваніе Кавказа, Завоеваніе Средней Азіи. Возвращеніе береговъ Дуная. Возвращеніе державныхъ правъ на Черномъ морѣ. Завоеваніе Батума, Карса и всего Закавказья до Арарата, всего Туркестана до Памира. Передъ самой гибелью Императора прогремѣло геройское взятіе Геокъ-Тепе. Въ царствованіе Александра II Россія упрочила за собой Литву и Польшу, освободила Болгарію, завоевала полную независимость Черногоріи, Сербіи и Румыніи. Недоставало только дѣятельной поддержки народной. Недоставало народной вѣрности» [646]).

«Въ скромной исторіи Финляндіи нѣтъ другого періода, который бы можно было сравнить съ періодомъ царствованія Императора Александра II въ отношеніи дѣятельнаго и просвѣщеннаго сотрудничества Монарха и народа, направленнаго къ развитію общественныхъ учрежденій и къ поднятію нравственной и матеріальной культуры страны» [647]).

«Каждый день, каждое мгновеніе въ своей жизни человѣкъ благодарилъ и долженъ благодарить Бога за все добро, которымъ

онъ, благодаря милосердія Всевышняго, пользуется,—говорилъ профессоръ Августъ Альквистъ во время университетскаго торжества (2 марта н. ст. 1880 г.).—Но какъ въ жизни частнаго человѣка, такъ и въ жизни цѣлаго народа встрѣчаются такія событія, когда благодарственное приношеніе Богу составляетъ не только долгъ каждаго, но и необходимую потребность, которую самые равнодушные не могутъ обойти безъ вниманія. Такой моментъ представляется теперь для насъ, да и не только для насъ, но и для многихъ милліоновъ людей различныхъ религій и разныхъ языковъ, которые чествуютъ Русскаго Царя, Финляндскаго Великаго Князя, какъ своего властителя. Двадцать пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Александръ II принялъ скипетръ надъ всѣми этими странами и все время этотъ періодъ ознаменовался многочисленными умными, человѣколюбивыми и своевременными правительственными распоряженіями, которыя имѣли глубокое вліяніе не только на плодородныя поля Россіи и валуны Финляндіи, но и на песчаныя степи Азіи и отдаленныя тундры Сѣвера».

По поводу 25-лѣтія со дня восшествія Его Величества на престолъ поданы были адресы и въ томъ числѣ отъ сената. Послѣ доклада послѣдняго Государю, министръ статсъ-секретарь сообщилъ генералъ-губернатору слѣдующія строки, предварительно одобренныя Монархомъ: «Въ продолженіе четверти вѣка убѣдившись въ благонравномъ образѣ мыслей населенія Финляндіи, Его Величество питаетъ надежду, что принятыя въ это время мѣры къ всестороннему и правильному развитію края на почвѣ законности послужатъ къ благу и преуспѣянію близкаго сердцу Его Величества финскаго народа» [648]).

«Личность и дѣла человѣка, какъ солнце: они всего виднѣе не въ зенитѣ, а при восходѣ и закатѣ» (А. Кони). Стоитъ сравнить Финляндію при восшествіи на престолъ Александра II и при его юбилеѣ. Профессоръ З. Топеліусъ приводитъ перечень важнѣйшихъ успѣховъ, достигнутыхъ въ Финляндіи за время царствованія Александра II, какъ краснорѣчивое доказательство счастливыхъ послѣдствій «рѣдкаго въ исторіи довѣрія между монархомъ и народомъ». Просмотримъ этотъ перечень.

Въ 1858 году учреждены первыя современныя земледѣльческія школы и посланы заграницу первые казенные агрономы.

Въ 1859 году издана новая, выгодная для края, таможенная такса, способствовавшая вывозу изъ Финляндіи.

Въ 1860 году учреждено было ипотечное общество.

*

Въ 1862 году основанъ первый частный банкъ (Föreningsbanken).

1863 годъ ознаменовался созывомъ перваго періодическаго сейма, составившаго эру въ исторіи культурнаго развитія края. Кромѣ того произнесено было слово «конституція».

Въ 1864 году упразднено домашнее винокуреніе; введено болѣе свободное дѣленіе земли.

Въ 1865 году издано общинное положеніе (kommunalordningen); начата монетная реформа, завершенная въ 1877 году переходомъ къ золотому фонду.

Въ 1869 году край получилъ новый церковный законъ.

Въ 1873 году утверждено новое морское уложеніе.

Въ 1874 году основано финское общество народнаго просвѣщенія.

Въ 1879 году изданъ законъ о промыслахъ. Въ томъ же году техническая школа въ Гельсингфорсѣ преобразовалась въ политехническій институтъ, который сдѣлался высшимъ учебнымъ заведеніемъ въ краѣ.

Въ 1880 году вышелъ первый законъ, обезпечивающій права художественной и литературной собственности.

Такъ говорятъ событія и факты. Названные успѣхи свидѣтельствуютъ о радостномъ и мирномъ развитіи по всѣмъ направленіямъ. Ни одно изъ предыдущихъ царствованій не въ состояніи сравниться съ нимъ.

Финляндцы могли искренно ликовать и повторить за своимъ ораторомъ: «чьей только защитой и опорой Онъ ни былъ, чьей радостью и славой Онъ ни являлся!» Топеліусъ выразилъ сожалѣніе, что не было осуществлено первоначальное намѣреніе высѣчь въ гранитѣ памятника на вѣчныя времена собственныя слова Императора: «Никакое дѣяніе съ моей стороны не могло поколебать довѣріе, которое должно существовать между Монархомъ и народомъ». «Въ царствованіе Александра II Финляндія была ростущей, цвѣтущей, счастливой страной» [649]).

Тотъ-же авторъ, оправдывая прошлое, говорилъ, что русскій народъ временъ Александра I, по весьма естественной причинѣ, «не могъ встрѣтить симпатій въ Финляндіи»; но личныя качества Монарха и Его великодушныя поступки сломили уже въ первомъ поколѣніи пассивное сопротивленіе финновъ. Преобразованія же царствованія Александра II, несомнѣнно, приблизили финскій народъ къ обаятельной личности Монарха.

Но столь-же несомнѣнно, что часть нововведеній отодвинула Финляндію отъ Россіи. Нѣкоторые современники этихъ реформъ и русскіе писатели послѣдующаго времени, оцѣнивая длинный рядъ преобразованій съ нашей государственной точки зрѣнія, съ грустью и не безъ основанія обращали вниманіе на то, что возобновленный въ 1857 году комитетъ финляндскихъ дѣлъ ограничилъ значеніе единственнаго представителя русской государственной власти—генералъ-губернатора, что таможенныя положенія 1859 и 1869 годовъ дали возможность говорить о договорѣ между двумя сосѣдними государствами и въ то же время высокой стѣной раздѣлили Великое Княжество и имперію, что русскій государственный языкъ (въ 1863 г.) подвергся изгнанію изъ училищъ, что монетная реформа 1865 и 1877 годовъ порвала связь Финляндіи съ русскими финансами, что сеймовый уставъ 1869 года, лишившій русскихъ людей избирательнаго права, ухудшилъ ихъ положеніе въ Финляндіи, а особыя финскія войска, несомнѣнно, укрѣпили сепаративныя стремленія финляндскихъ политиковъ. Дѣло расчлененія Россіи началось съ таможенъ. Въ то время, когда всюду замѣчалось стремленіе къ соединенію разныхъ государствъ въ общіе таможенные союзы, Финляндія отдѣлилась отъ насъ чертою и усѣяла свою границу съ Россіей многочисленными таможенными учрежденіями [650]). В. А. Жуковскій рекомендовалъ (Арцимовичу) «на небѣ, распростертомъ надъ двумя, соединенными подъ единою властью, народами, поставить свѣтлую радугу союза»—единенія. Реформы времени Александра II въ Финляндіи этой цѣли не достигли. Узы охраны съ династіей укрѣпились, но общегосударственная скрѣпа прочности не пріобрѣла.

Финляндцы, приходившіе въ соприкосновеніе съ Императоромъ, отзывались о немъ съ восторгомъ: его доброта и простота обращенія совершенно покоряли ихъ. По вопросу о монетной реформѣ сенатору Снельману дана была аудіенція въ Гельсингфорсѣ. «Excusez, que je vous ai fait attendre»—были первыя слова Государя, когда я вошелъ, записалъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ. «Это было послѣ обѣда. Онъ сидѣлъ позади стола, въ шинели, вмѣсто халата, покуривая сигару. У другого конца того же стола былъ поставленъ стулъ. На него указано было мнѣ сѣсть. Государь говорилъ медленно, тихо, съ красивой вибраціей голоса. Онъ увѣрялъ, что препятствій никакихъ не будетъ, и что дѣло будетъ рѣшено по желанію въ теченіе трехъ недѣль. Когда я прочитываю это, не могу не обратить особаго вниманія, быть

можетъ, будущихъ читателей. Что такое Финляндія? Какое значеніе имѣютъ ея интересы? Какую фигуру представляетъ изъ себя финскій сенаторъ? и особенно моя новоиспеченная персона? Все это передъ Самодержцемъ надъ 80 милліонами. Онъ счелъ себя обязаннымъ лично дать объясненіе отказа, вѣрнѣе отсрочки прерваннаго, въ необычной формѣ сдѣланнаго доклада. Все подобное можно приписать только естественной сердечной добротѣ и соотвѣтствующимъ ей правительственнымъ принципамъ»,— читаемъ въ воспоминаніяхъ Спельмана. Впечатлѣніе финляндскаго дѣятеля въ этомъ отношеніи совершенно совпало съ наблюденіемъ русскаго ученаго. «Трудно передать кротость, благородство и любезность, съ какими Государь говорилъ, читаемъ въ дневникѣ академика А. В. Никитенко. Меня особенно поразило во всемъ тонѣ его, въ улыбкѣ, которая почти не сходила съ его устъ, по временамъ только смѣняясь какою-то серьезною мыслью, во всемъ лицѣ, въ каждомъ словѣ—какая-то искренность и простота, безъ малѣйшаго усилія произвести эффектъ, показаться не тѣмъ, чѣмъ онъ есть въ душѣ. Въ немъ ни малѣйшаго напускнаго царственнаго величія. Видно, что это человѣкъ любви и благости, и онъ невольно привлекаетъ къ себѣ сердца» [651]).

Два обстоятельства сильно омрачали человѣколюбивое чувство Александра II: смерть старшаго Его сына Цесаревича Николая въ Ниццѣ (1865 г.) и революціонное движеніе въ имперіи, сопровождавшееся цѣлымъ рядомъ покушеній на Его жизнь.

Въ началѣ весны 1861 года въ Петербургѣ разбрасывались летучіе листки, отпечатанные въ тайной типографіи, требовавшіе независимости Польши и созванія учредительнаго собранія или земскаго собора, съ цѣлью начертанія конституціи для Россіи. «Молодая Россія» прямо взывала къ бунту, кровавому и безпощадному, ко всеобщей рѣзнѣ, съ цѣлью переустройства общества на иныхъ началахъ и провозглашенія въ Россіи соціальной и демократической республики. Затѣмъ выстрѣлъ Каракозова (1866 г.) зловѣщимъ свѣтомъ озарилъ внутреннее положеніе государства.

Обнаружилось въ высшей степени серьезное явленіе: повальное зараженіе цѣлаго поколѣнія русской учащейся молодежи сперва язвою нигилизма, а затѣмъ повѣтріемъ соціализма. Въ теченіе одного 1879 года было два покушенія: бывшій студентъ Соловьевъ стрѣлялъ въ Государя въ Петербургѣ, а на Московской желѣзной дорогѣ заложили ужасную мину. Въ началѣ 1880 года произошелъ взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ. Когда было сдѣлано пер-

вое покушеніе на жизнь Александра II, финскіе крестьяне говорили: онъ бы къ намъ переселился, мы защитили бы его [652]).

Русскій самодержавный строй, на который велись бѣшенныя атаки революціонеровъ и инородцевъ, былъ несомнѣнно строемъ глубоко національнымъ. Либеральныя-же стремленія послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра II несомнѣнно вели къ ограниченію самодержавія и къ созданію конституціоннаго строя. Когда русское правительство, въ эпоху Императора Александра II, передавало въ руки общества великіе законодательные акты освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, общественнаго самоуправленія и суда присяжныхъ, оно много сдѣлало для того, чтобы въ средѣ русскаго образованнаго общества установилось стремленіе къ дѣловому сотрудничеству совмѣстно съ правительственной властью въ развитіи русской гражданственности. Но примѣръ Финляндіи особенно ярко стоялъ передъ глазами у всѣхъ и запечатлѣлся въ памяти. Дѣйствія правительства въ этой части Россійской имперіи вызывали въ обществѣ рѣчи, которыя формулировалъ въ своемъ заявленіи русскій авторъ заграничнаго изданія. Онъ писалъ: «Если Финляндія, страна, бѣдно одаренная природой и населенная народомъ, который, по своему умственному развитію, стоитъ не выше русскаго народа,—если Финляндія имѣетъ свое представительное собраніе, то какія-же могутъ быть причины, лишающія Россію права на такое-же политическое устройство? Неужели русское дворянство менѣе предано своему Царю, чѣмъ финляндскіе бароны и неужели русскій народъ не такъ любитъ своего Царя, какъ бывшіе шведскіе подданные финны? Грустно для каждаго русскаго видѣть, что завоеванная русской кровью провинція пользуется такими правами и преимуществами, которыхъ не имѣетъ Россія» [653]). Русское правительство ввело конституціонный строй въ Болгаріи и тѣмъ, признавъ его превосходство, возбудило парламентарныя надежды въ самой Россіи. Съ этимъ совпало еще пониженіе престижа русскаго правительства на Берлинскомъ конгрессѣ. Послѣ Турецкой войны нѣкоторые русскіе либеральные кружки изъ земскихъ дѣятелей вступили въ сношенія съ террористами. «Рѣшено было подать отъ нѣкоторыхъ земствъ петицію Государю, съ указаніемъ на бѣдственное положеніе населенія и съ просьбой о введеніи конституціонной формы правленія» [654]).

Длинный рядъ губительныхъ неурядицъ побудилъ, наконецъ, создать верховную комиссію. Призвали графа М. М. Лорисъ-Меликова. Имѣлось въ виду «положить предѣлъ безпрерывно

повторявшимся покушеніямъ дерзкихъ злоумышленниковъ, съ цѣлью поколебать въ Россіи государственный и общественный порядокъ». Лорисъ-Меликовъ взглянулъ на свое назначеніе крайне своеобразно. Онъ находилъ, что подавить крамолу нужно посредствомъ уступокъ либераламъ. Онъ началъ съ прокламаціи, въ которой обратился за «поддержкой общества». Онъ сталъ искать сближенія власти съ населеніемъ, желая узнать непосредственно отъ него объ общихъ нуждахъ; но при этомъ онъ смѣшалъ политиканствующую интеллигенцію съ населеніемъ и въ результатѣ получилось, что власть стала заискивать передъ либералами, которыхъ вообразили «народомъ» Россіи. Оппозиціонные элементы оживились. Кое-гдѣ земства откликнулись: они благодарили Лорисъ-Меликова за то, что онъ внесъ прямоту и доброжелательность въ отношенія между властью и народомъ [655]).

Вопросъ о представительствѣ въ той или въ иной формѣ подымался въ это время не только въ частныхъ кружкахъ, но и въ офиціальныхъ сферахъ. Въ виду приближенія двадцатипятилѣтняго юбилея царствованія, графъ Валуевъ находилъ, что правительственная мѣра, которая расширила-бы общественное участіе въ дѣлахъ государственныхъ, могла-бы благопріятно повліять на русское общество и содѣйствовать успокоенію умовъ, возбужденныхъ до крайности безуспѣшностью усилій правительства къ обузданію крамолы. Мысль эту онъ доложилъ Государю, напомнивъ Его Величеству о предположенномъ еще въ 1863 году созваніи обще-государственнаго земскаго собранія. Въ томъ-же смыслѣ вліялъ на августѣйшаго брата и Великій Князь Константинъ Николаевичъ, ссылаясь на записку о томъ-же предметѣ, составленную имъ въ 1865 году. Въ дневникѣ Валуева отъ 9 января 1880 года читаемъ: «Сегодня былъ у Государя. Дѣло идетъ о моей запискѣ 1863 года съ ея приложеніями. При этомъ случаѣ Государь прочиталъ мнѣ исчезнувшую съ 1866 года записку Великаго Князя генералъ-адмирала по приблизительно тому-же предмету. Государь притомъ отозвался, что соберетъ насъ послѣ для совѣщанія. Присутствовавшій цесаревичъ Александръ III явно недоброжелателенъ всякому органическому измѣненію и всякій «конституціонализмъ» считаетъ гибельнымъ. Явно также, что онъ весьма невѣрно освѣдомленъ о настроеніи въ имперіи, считая конституціонныя стремленія исключительно столичными бреднями. Совѣщаніе, собранное по этому вопросу, дало результатъ отрицательный. Была рѣчь и о безсословности, и о реформахъ, и о чисто русскихъ, а не заграничныхъ началахъ, и объ англійской

конституціи, и о земствѣ. Подробнаго обсужденія не было, потому что Государь съ самаго начала сказалъ, что онъ только ставитъ вопросъ и предоставляетъ его обсудить предварительно между нами. Цесаревичъ сказалъ, что ничего дѣлать не слѣдуетъ, потому что признанные представители сословій будутъ неудобные крикуны, адвокаты и т. п. Оппозиція цесаревича имѣла видимое вліяніе на князя Урусова и Макова. На этомъ совѣщаніе прекратилось».

Въ первыхъ числахъ апрѣля 1880 года графъ Лорисъ-Меликовъ представилъ Императору Александру пространный докладъ, въ которомъ, отдавъ отчетъ въ своей дѣятельности, изложилъ цѣлую правительственную программу. Онъ не скрывалъ, что выражаются желанія объ учрежденіи народнаго представительства либо въ формахъ, заимствованныхъ съ Запада, либо на началахъ древне-русскихъ, либо призывомъ представителей земства въ составъ государственнаго совѣта. Свое мнѣніе по послѣднему предмету главный начальникъ Верховной распорядительной комиссіи выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: «По глубокому моему убѣжденію, никакое преобразованіе въ смыслѣ этихъ предположеній не только не было-бы намъ полезно, но было-бы, по совершенной своей несвоевременности, вредно. Народъ о нихъ не думаетъ и не понялъ-бы ихъ. Самая мѣра имѣла бы видъ, вынужденный обстоятельствами. Я совершенно убѣжденъ, что если-бы подобная мѣра входила даже, въ той или другой формѣ, въ великодушныя предначертанія Ваши, Всемилостивѣйшій Государь, то нынѣ она была бы несвоевременна и вредна... Я увѣренъ, что если Россія и переживаетъ теперь опасный кризисъ, то вывести ее изъ этого кризиса всего доступнѣе твердой самодержавной волѣ прирожденнаго Государя».

Вскорѣ графъ Лорисъ-Меликовъ вновь и энергически высказался противъ организаціи народнаго представительства въ Россіи въ формахъ, заимствованныхъ съ Запада, чуждыхъ русскому народу, способныхъ поколебать всѣ основныя его политическія воззрѣнія и внести въ нихъ полную смуту со всѣми ея неисчислимыми послѣдствіями. Онъ отвергалъ и древне-русское представительство въ формѣ земской думы или земскаго собора, находя ихъ несоотвѣтствующими нынѣшнимъ понятіямъ и взаимнымъ отношеніямъ составныхъ частей русскаго государства и также географическому его очертанію, трудно осуществимымъ и во всякомъ случаѣ небезопаснымъ возвращеніемъ къ прошедшему. Наиболѣе практичнымъ осуществленіемъ насущной потребности пред-

ставлялся ему порядокъ, уже испытанный въ первые годы царствованія Императора Александра II. По его мнѣнію, слѣдовало остановиться на учрежденіи въ С.-Петербургѣ временныхъ подготовительныхъ комиссій, на подобіе организованныхъ въ 1859 году редакціонныхъ комиссій, съ тѣмъ, чтобы работы ихъ были подвергаемы разсмотрѣнію, съ участіемъ лицъ, взятыхъ изъ среды земства и нѣкоторыхъ значительныхъ городовъ [656]). Государь остановился на мысли о созывѣ временныхъ подготовительныхъ комиссій. Бумага (le papier en question) была объ этомъ подписана Государемъ утромъ 1 марта 1881 года, но фанатически ослѣпленные, гнусные террористы, «въ бѣшенномъ сумасшествіи своемъ» убили Царя!

Послѣдніе дни Царя-Освободителя прошли,—по словамъ его перваго обстоятельнаго историка С. С. Татищева,—слѣдующимъ образомъ: Въ концѣ декабря 1880 года счастливая случайность вызвала въ Петербургѣ арестъ главнаго вожака шайки, Александра Михайлова, послѣ чего руководство ею и направленіе ея преступной дѣятельности перешло въ руки Андрея Желябова, устроителя мины подъ полотномъ желѣзной дороги въ городѣ Александровскѣ и подъ каменнымъ мостомъ въ Петербургѣ. Въ субботу, 28-го февраля 1881 года, Императоръ Александръ, по обыкновенію говѣвшій на первой недѣлѣ Великаго поста, причастился св. Таинъ вмѣстѣ со своими членами царственной семьи въ малой церкви Зимняго дворца. Утромъ 1 марта Государь принялъ докладъ министра внутреннихъ дѣлъ и, позавтракавъ въ тѣсномъ семейномъ кругу, отправился въ закрытой каретѣ въ Михайловскій манежъ на разводъ, бывшій въ тотъ день отъ л.-гв. Сапернаго баталіона. По окончаніи развода онъ поѣхалъ въ Михайловскій дворецъ, гдѣ посѣтилъ великую княгиню Екатерину Михаиловну.

Заговорщики, разсчитывая, что Государь послѣдуетъ по Малой Садовой, минировали ее. Но онъ проѣхалъ по Екатерининскому каналу. «Метальщики» съ бомбами вышли на этотъ каналъ, гдѣ не оказалось даже полицейскихъ на постахъ, до такой степени плохо организована была охрана графомъ Лорисъ-Меликовымъ. «Карета быстро неслась по набережной Екатерининскаго канала и уже миновала Рысакова, когда тотъ бросилъ подъ нее бомбу. Государь повелѣлъ лейбъ-кучеру остановить экипажъ и, выйдя изъ кареты, направился къ мѣсту взрыва, близъ котораго толпа изъ солдатъ и народа уже схватили Рысакова. На вопросы обступившихъ его офицеровъ не раненъ-ли онъ, Императоръ отвѣчалъ:

«Слава Богу, я уцѣлѣлъ, но вотъ»... указавъ при этомъ на лежавшихъ на мостовой раненыхъ, Государь подошелъ затѣмъ къ Рысакову и спросилъ его, онъ-ли стрѣлялъ и кто онъ такой? Злодѣй отвѣчалъ утвердительно, но назвалъ себя вымышленнымъ именемъ. «Хорошъ»! молвилъ Императоръ и, повернувъ назадъ въ направленіи къ своей каретѣ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по панели вдоль канала. Второй метальщикъ Гриневецкій, стоявшій, опершись на рѣшетку, бросилъ свою бомбу въ ту минуту, какъ Государь проходилъ мимо него, подъ самыя ноги. Произошелъ второй оглушительный взрывъ. Когда разсѣялся дымъ, пораженнымъ взорамъ присутствующихъ представилось ужасающее зрѣлище. Прислонившись спиною къ рѣшеткѣ канала, упершись въ панель руками, безъ шинели и безъ фуражки лежалъ окровавленный Монархъ. Обнажившіяся ноги царственнаго страдальца были раздроблены; кровь сильно струилась подъ нимъ, тѣло висѣло кусками, лицо было все въ крови. «Помоги»,—едва внятнымъ голосомъ произнесъ Государь,—обращаясь къ лежавшему возлѣ него, тяжело раненому полковнику Дворжицкому. Императора положили на сани полиціймейстера и всего истекающаго кровью повезли въ Зимній дворецъ. Государя внесли на рукахъ въ кабинетъ его и положили на выдвинутую по срединѣ комнаты постель. Въ 3 часа 35 минутъ пополудни не стало Императора Александра II». Не стало «величайшаго благодѣтеля Финляндіи», «августѣйшаго покровителя законовъ и конституціи родины» [657]).

«Простой, но вѣрный народъ Финляндіи полноцѣнно раздѣлялъ тѣ впечатлѣнія и чувства, которыя въ эти дни печали взволновали всѣхъ здравомыслящихъ. По мѣрѣ того, какъ вѣсть о несчастіи пролетала изъ края въ край, церкви Финляндіи наполнялись горюющими и ищущими утѣшенія. Многія частныя лица, многіе общины и союзы спѣшили то телеграммами, то адресами и депутаціями, то возложеніемъ вѣнковъ на гробницѣ въ Петро-Павловскомъ соборѣ выразить свои чувства печали» [658]).

Государя оплакалъ проф. Ю. Кронъ въ финскихъ стихахъ, а Р. Герцбергъ—въ шведскихъ, которые заканчивались такъ:

«Родной народъ склонись передъ гробницей,
Гдѣ опочилъ отъ всѣхъ печалей Тотъ,
Кто былъ твоею радостной денницей,
Чья память въ сердцѣ финна не умретъ»!

Юлій Кронъ въ своемъ стихотвореніи высказываетъ ту мысль, что, живи «Царь-любимецъ нашихъ скалъ и водъ» въ средѣ финновъ, Онъ не погибъ-бы отъ рукъ злодѣя, такъ какъ «минъ не

пропускаетъ нашъ гранитъ упорный, мѣста для измѣны нѣтъ у насъ въ сердцахъ. Наша крѣпость «въ слабости покорной». «Чувствомъ не торгуетъ нашъ народъ позорно» [659]).

Лучшій отзвукъ финскихъ думъ и настроеній по поводу безвременно погибшаго Монарха находимъ въ строкахъ виднѣйшаго дѣятеля Финляндіи—Снельмана. Вникнуть въ нихъ тѣмъ болѣе необходимо, что тутъ отпечатались воззрѣнія передовыхъ финляндцевъ на политическое положеніе ихъ родины, послѣ преобразованій царствованія Александра II. «Въ царствованіе Императора Александра II финскій народъ научился вѣрить въ будущность. Только теперь мы можемъ говорить о національномъ достояніи, потому что, въ теченіи этихъ 25-лѣтъ, оно, побѣждая случайныя несчастія края, не только чрезвычайно увеличилось въ сравненіи съ прошлыми временами, но также показало себя въ состояніи достигать великихъ національныхъ цѣлей. Наши каналы, наши желѣзныя дороги, наши банки, наша собственная золотая монета, новые пути, по которымъ направилось наше земледѣліе, наша возрастающая мануфактурная промышленность, успѣхи нашей торговли и мореходства, новыя учрежденія, обезпечивающія дальнѣйшее развитіе—все это составляетъ узелъ крѣпкихъ корней, изъ которыхъ выростетъ будущность края. Кто слышалъ десятки лѣтъ тому назадъ, чтобъ говорили о частномъ имуществѣ, доходящемъ до милліоновъ? Кто-бъ думалъ, что мы теперь употребили почти 80 милліоновъ на желѣзныя дороги и 8 милліоновъ на выкупъ донаціонныхъ земель? Мысль, что народъ Финляндіи трудится для своей будущности, указываетъ на основу всей его надежды, на тотъ фактъ, что самыя слова «Императоръ и Великій Князь» вписаны въ основные законы края и что ея основные законы сдѣлались существующимъ фактомъ. Въ новомъ сеймовомъ уставѣ тверже, чѣмъ прежде признано право народа на обложеніе податями, и осуществленіе сего обложенія укрѣпило ту основу, на которой зиждется финская казна, какъ фактическое выраженіе государственной самостоятельности великаго княжества.

«Существующая воинская повинность, которая выражаетъ собою самостоятельное государственное положеніе страны, гарантируетъ вдвойнѣ самостоятельность финской казны. Она теперь такъ вплетена и зависима отъ сейма, что едва-ли въ чемъ либо можетъ быть нарушена безъ его согласія. А потому ея будущность теперь зависитъ лишь отъ заботъ и мудрости самаго финскаго народа.

«Нельзя забывать, для какой будущности призваны собственный языкъ финскаго народа и финское населеніе страны подъ

покровительствомъ Александра II. Вслѣдъ за самымъ печальнымъ нерадѣніемъ и даже предпамѣреннымъ удаленіемъ отъ участія въ общечеловѣческомъ образованіи, это населеніе получаетъ теперь доступъ въ учебныя заведенія страны и его языкъ прозвучалъ даже въ залахъ университета. И все, что въ жизненномъ вопросѣ финскаго народа совершилось и еще совершится, сдѣлалось возможнымъ, благодаря motu proprio постановленію Александра II отъ 1 августа (н. ст.) 1863 года, этого акта эмансипаціи финскаго населенія страны, который принесъ ему вѣсть о новой эрѣ. Онъ также далъ просторъ добровольному, усердному труду, плоды котораго уже теперь составляютъ начало финской національной литературы, свидѣтельствующей также о твердой вѣрѣ въ будущность.

«Всемірная исторія не много отмѣтитъ о судьбахъ нашего незначительнаго народа. Но это немногое относится къ лѣтописямъ великой имперіи и ни одно финское сердце не можетъ относиться равнодушно къ сознанію, что царствованіе Царя-Освободителя займетъ лучшія ея страницы, что имя Александра II будетъ стоять рядомъ съ именами благороднѣйшихъ монарховъ, какіе извѣстны всемірной исторіи. Богъ избралъ Его, чтобы положить твердую основу для счастливой будущности финскаго народа» [660]).

«Правленіе Александра II для народа Финляндіи въ самыхъ отдаленныхъ поколѣніяхъ предстанетъ днемъ свѣта и счастія».

Перемѣна царствованія вызвала измѣненія въ составѣ администраціи. Ушелъ министръ статсъ-секретарь; вице-президентъ сената Норденстамъ доживалъ свой вѣкъ; перо выскользало изъ рукъ перваго публициста Снельмана. Послѣдніе ихъ дни пришлись на новое царствованіе, но ихъ дѣятельность относится ко времени Александра II, а потому здѣсь же умѣстна и ихъ общая характеристика. Она тѣмъ болѣе будетъ кстати, что въ ней сквозятъ частные итоги пережитаго и совершеннаго за послѣднюю половину царствованія Императора Александра II.

Дни генералгубернаторствованія Н. В. Адлерберга также были сочтены и потому его дѣятельности можно подвести итоги. Скудные итоги! Въ теченіи пятнадцати лѣтъ онъ оставался единственнымъ вліятельнымъ представителемъ русской государственной власти въ Финляндіи и для русскаго государственнаго дѣла никакой существенной пользы не принесъ; напротивъ, въ его упра-

вленіе краемъ осуществлены всѣ тѣ главнѣйшія преобразованія, которыя привели къ явному отчужденію Финляндіи отъ имперіи. Прежде всего, какъ мы видѣли (стр. 266), въ его прошломъ не было ничего, что могло-бы возбудить надежды на успѣшное исполненіе имъ своихъ обязанностей на большомъ и отвѣтственномъ посту. Онъ былъ сыномъ русскаго министра, воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ и пользовался личнымъ высокимъ довѣріемъ Монарха, но ни въ чемъ государственныхъ способностей не проявилъ. Отъ природы онъ былъ одаренъ весьма умѣренно.

Въ началѣ, по прибытіи въ Гельсингфорсъ, казалось, что онъ склоненъ былъ смотрѣть на дѣла края «глазами Катковской партіи». Въ 1867 году пропозиція по вопросу о печати, вслѣдствіе его вліянія, сдѣлалась менѣе либеральной, чѣмъ предшествующая. Кромѣ того, вопросъ подготовлялся въ Петербургѣ, въ комитетѣ финляндскихъ дѣлъ, помимо сената [661]).

Благодаря его посредничеству, русская казна приняла на себя одну часть расходовъ по постройкѣ Рихимякско-Петербургской желѣзной дороги. Вообще первые шаги графа Адлерберга возбудили опасеніе въ финляндскихъ политикахъ, которые стремились вести свои дѣла совершенно самостоятельно. Но вскорѣ опасенія разсѣялись.

Русскому сановнику, назначаемому на должность финляндскаго генералъ-губернатора, неизбѣжно представляется на выборъ два пути: или дѣйствовать вполнѣ самостоятельно, или же слѣдовать указаніямъ сената и статсъ-секретаріата, т. е. обращать почти исключительное вниманіе на желанія финляндцевъ. Чтобы избрать первый способъ дѣйствія необходимо изучить мѣстную администрацію и весьма сложное финляндское законодательство, а также обладать твердымъ независимымъ характеромъ и смѣлостью отстаивать общегосударственные интересы. Графъ Н. Адлербергъ подобными качествами совершенно не обладалъ и потому пошелъ по второму руслу.

«Адлербергъ, — писали впослѣдствіи финляндцы, — считалъ своимъ долгомъ прежде всего принимать въ разсчетъ то, что посовѣтуютъ подлежащія лица въ Финляндіи». «Онъ постепенно сталъ съ уваженіемъ относиться къ учрежденіямъ Финляндіи и убѣдился, что генералъ-губернаторъ долженъ опираться на сенатъ и сосредоточивать свое вниманіе на важнѣйшихъ дѣлахъ, поступающихъ на собственное рѣшеніе Государя. Адлербергъ, — по мнѣнію финляндскихъ писателей, — повидимому сознавалъ также, что высшій сановникъ Финляндіи, обязанности котораго опредѣ-

лены исключительно финляндскимъ закономъ, лучше всего исполняетъ свой долгъ и оправдываетъ довѣріе Монарха, если онъ старается преслѣдовать истинные интересы Финляндіи, которые при правильномъ пониманіи никогда не могутъ противорѣчить интересамъ имперіи».

Финляндская печать вспомнила, какъ искусно и прямо графъ «умѣлъ защищать противъ русскихъ чиновниковъ и учрежденій обособленное положеніе нашей страны, ограждаемое конституціей и подтвердительными грамотами», какъ Финляндія находила въ немъ «твердую опору противъ рѣдкихъ еще въ то время вихрей восточнаго вѣтра». Въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣкоторые изъ министровъ имперіи обнаруживали поползновеніе распространить сферу своей власти на Финляндію, Адлербергъ выступалъ противъ нихъ, напоминая, что законъ этого не допускаетъ.

«Великія государственныя дѣла»—писали въ финскомъ журналѣ—исполнены въ тѣ годы, когда графъ Адлербергъ былъ генералъ-губернаторомъ. Сеймовый уставъ, золотая валюта, общая воинская повинность, не говоря уже о другихъ дѣлахъ, относятся ко времени его управленія. По участію графа Адлерберга въ этихъ «великихъ государственныхъ дѣлахъ» лучше всего и произвести оцѣнку его дѣятельности. Сеймовый уставъ 1869 года имѣлъ цѣлью опредѣлить внутренній распорядокъ засѣданій депутатовъ края, но мѣстнымъ дѣльцамъ удалось включить въ него положенія, послужившія затѣмъ основаніемъ для дальнѣйшихъ политическихъ притязаній. Графъ Адлербергъ не понялъ новыхъ искусныхъ ходовъ и не протестовалъ. Напротивъ, въ немъ уставъ встрѣтилъ «хорошаго защитника». Въ 1869 году, когда страна томилась неизвѣстностью и безпокойствомъ относительно окончательной судьбы сеймоваго устава, графъ Адлербергъ лояльно развѣялъ то колебаніе касательно его утвержденія, какое раньше, какъ говорятъ, было у Монарха.

Переходъ Финляндіи къ золотой валютѣ повелъ къ пониженію русскихъ цѣнностей на «гельсингфорсской биржѣ».

Введеніе особаго устава о воинской повинности грозило созданіемъ подъ стѣнами Петербурга солидной военной силы, склонной содѣйствовать защитѣ имперіи только при извѣстныхъ условіяхъ и на опредѣленной территоріи. «Извѣстно, что Адлербергъ съ живымъ безпокойствомъ слѣдилъ за преніями земскихъ чиновъ по этому вопросу, и что онъ очень неблагосклонно смотрѣлъ на значительныя измѣненія, сдѣланныя ими въ правительственномъ законопроектѣ. Но онъ далъ себя убѣдить въ необхо-

димости измѣненій. Однажды, докладывавшій графу о ходѣ сеймовыхъ преній по уставу, сообщилъ что земскіе чины согласились признать генералъ-губернатора начальникомъ финскихъ войскъ. Присутствовавшій тутъ случайно русскій генералъ выразилъ свое удивленіе, почему сеймъ не подчинилъ финскихъ войскъ командующему войсками округа. «Развѣ это не все равно,— возразилъ графъ Адлербергъ—войска будутъ подчинены мнѣ», очевидно выражая тѣмъ непониманіе различія въ значеніи подчиненія войскъ гражданской или военной власти. «Когда русскій военный министръ Милютинъ противился изданію финляндскаго устава о воинской повинности, выработаннаго при Адлербергѣ, то послѣдній сумѣлъ разсѣять въ умѣ Императора тѣ сомнѣнія, какія питались въ этомъ отношеніи военнымъ министромъ, и при помощи того большого довѣрія, которое имѣлъ къ нему Александръ II, добился того, что уставъ былъ утвержденъ. Надо, слѣдовательно, полагать, что Государь «подозрѣвалъ, къ чему могутъ повести подобныя поблажки», и потому не хотѣлъ сперва утвердить ни сеймоваго устава, ни устава о воинской повинности и если затѣмъ сдѣлалъ это, то, главнымъ образомъ, по довѣрію къ графу Адлербергу.

И такъ графъ Адлербергъ «далъ себя убѣдить» и «съ полнымъ довѣріемъ предоставлялъ собственнымъ государственнымъ мужамъ страны совѣтовать (Монарху) по внутреннимъ дѣламъ». «Со временемъ исторія, надо полагать,—писалъ К. П. Якубовъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1893 г.),—разъяснитъ, какія именно побужденія заставляли графа Адлерберга дѣйствовать такимъ образомъ, почему онъ, будучи въ теченіе 15 лѣтъ единственнымъ и вліятельнымъ представителемъ русской государственной власти въ финляндской окраинѣ Россіи, вмѣсто того, чтобы охранять интересы этой власти и Россіи, вредилъ имъ и, пользуясь личнымъ довѣріемъ Монарха, проводилъ реформы, отчуждавшія край отъ Россіи». Весьма вѣроятно, что, дѣлая это заявленіе, Якубовъ имѣлъ въ виду тѣ разсказы, которые передавались въ Финляндіи изъ устъ въ уста, о плохихъ денежныхъ дѣлахъ графа, о его увлеченіяхъ шведской актрисой и тайномъ участіи въ одномъ лопнувшемъ предпріятіи, которое пользовалось заказами русской казны. Отнюдь не желая вдаваться въ разслѣдованіе разныхъ слуховъ, должно, однако, отмѣтить, что престижъ его къ концу управленія краемъ значительно понизился, несмотря на всю его близость къ Монарху. Сперва его берегли и не раздражали противорѣчіями; для облегченія его труда, ему въ 1873 году дали

помощника. Но потомъ всякая финляндская предупредительность по отношенію къ нему исчезла и нѣкоторыя дѣла упорно проводились вопреки его желаніямъ. Его болѣзнь, его путешествія, частыя развлеченія и старость его правой руки—генерала Норденстама, привели, наконецъ къ тому, что главное вліяніе на дѣла сталъ оказывать правитель генералъ-губернаторской канцеляріи д. с. с. Робертъ Исидоръ Эрнъ, который управлялъ и распоряжался во всемъ съ бюрократическимъ полновластіемъ [662]).

Лѣтомъ 1872 года, во время инспекціонной поѣздки, Адлербергъ захворалъ острымъ припадкомъ ревматизма и послѣ того населеніе его не видало внѣ раіона Гельсингфорса. Графъ Адлербергъ никогда не стремился, подобно графу Бергу, быть инициаторомъ и руководителемъ, а довольствовался исполненіемъ менѣе замѣтной роли. За такой способъ дѣйствій онъ и заслужилъ главнымъ образомъ финляндскую признательность.

Въ сферѣ же салонно-общественной онъ ревниво оберегалъ свое первенство. Несмотря на свою гордость, онъ поддерживалъ знакомство съ гельсингфорсскимъ обществомъ и было время, когда много говорили объ Адлерберговскихъ вечерахъ, картежныхъ партіяхъ и «five o'clocks», на которыхъ тонъ задавала его супруга, вдова русскаго министра въ Стокгольмѣ барона фонъ-Крюденера, dame du grand monde, хотя тогда уже пожилая, но все еще видная, умная, любезная, свѣтская женщина. Въ дни своей молодости она считалась одной изъ красивѣйшихъ женщинъ Европы. Домъ графа Адлерберга не походилъ на домъ барона Рокасовскаго. Графъ давалъ балы, но списки приглашенныхъ составлялись по табели о рангахъ и по «статсъ-календарю»; за его обѣдами сидѣли лишь генералы да сенаторы. Графъ Адлербергъ велъ такой блескъ и такой этикетъ, которые являлись совершенно чуждыми скромнымъ финляндцамъ. Періодическія приглашенія графа Адлерберга носили сплошь официальный характеръ [663]). Сенаторы и другіе высокопоставленные чиновники, получавшіе «столовые» деньги, обязаны были давать одинъ балъ въ теченіе года и нѣсколько большихъ обѣдовъ. Но впослѣдствіи столовыя деньги слились съ остальными окладами и графъ Адлербергъ пересталъ требовать отъ сенаторовъ прежняго представительства.

Въ январѣ 1876 г. гр. Адлербергъ въ застольной рѣчи, подводя итоги своей десятилѣтней дѣятельности, сказалъ, между прочимъ: «При моемъ прибытіи въ край, повидимому, были обо мнѣ того мнѣнія, что я произвольно стану притѣснять существующія права и преимущества, лишь для того, чтобъ показать

свою власть. Дружественныя отношенія и единодушіе, которыя господствовали между высшими и низшими служащими и особенно между главнѣйшей частью населенія Финляндіи, съ одной стороны, и мною, съ другой,—освобождаютъ меня все болѣе и болѣе отъ этого подозрѣнія» [664]).

Адлербергъ былъ большой любитель театра. Шведская сцена нашла въ немъ также горячаго покровителя—чему способствовали закулисныя обстоятельства. Русскій театръ въ Гельсингфорсѣ былъ построенъ при немъ. Его открыли представленіями плохой итальянской оперной труппы. Вышло нѣчто похожее на то, что произошло въ Варшавѣ, гдѣ и графу Коцебу, и генералу Альбединскому указывали на крайнюю необходимость русскаго театра. Но первый изъ нихъ находилъ, что русскій языкъ и русская жизнь слишкомъ грубы, дабы можно было рискнуть показаться съ нашимъ театромъ «въ Европу».

Пользуясь своей близостью къ Монарху, графъ Адлербергъ сталъ подъ конецъ безпокоить Его Величество длинными письмами, въ которыхъ дѣла Великаго Княжества, вѣроятно, не всегда освѣщались въ желательномъ для финляндцевъ видѣ, такъ какъ они легко разстались съ нимъ, когда къ тому представился удобный случай. Увольненіе графа Адлерберга послѣдовало въ 1881 году при довольно сухомъ рескриптѣ «съ благосклонностію».

Судьба дала графу Адлербергу возможность оставить по себѣ нѣкоторую память въ Финляндіи,—какъ онъ самъ выразился въ одной рѣчи,—такъ какъ при немъ не только состоялась постройка русскаго театра, но окончена была еще постройка православнаго собора въ Гельсингфорсѣ, основана русская гимназія и открыта женская шестиклассная прогимназія, т. е. созданы были такія учрежденія, въ которыхъ нѣсколько оживился духъ православной вѣры, русскій языкъ и русское имя.

8-го января (н. ст.) 1876 года скончался графъ Александръ Армфельтъ, почти 35 лѣтъ занимавшій должность статсъ-секретаря. Его замѣстителемъ былъ назначенъ (янв. 1876 г.) К. Э. Шернваль-Валленъ (1806—1890). Товарищемъ министра статсъ-секретаря избрали (въ 1877 г.) способнаго и высокообразованнаго В. К. Пальмрота (1826—1880 г.).

Баронъ Шернваль уже (съ 1857 г.) въ теченіе двадцати лѣтъ состоялъ товарищемъ Армфельта. Въ новой его должности,

въ которую онъ вступилъ, имѣя 70 лѣтъ отъ роду, его задача облегчалась тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ долго пользовался личнымъ благоволеніемъ Императора Александра II, принадлежа также, какъ и сестра его Аврора Карамзина, къ числу приближенныхъ Августѣйшей семьи. Это высокое расположеніе онъ сумѣлъ пріобрѣсти въ то время, когда, по дѣламъ Гельсингфорскаго университета (съ 1841 г.), состоялъ при Наслѣдникѣ Цесаревичѣ. На Великаго Князя Александра Николаевича возложены были тогда обязанности канцлера сего высшаго учебнаго заведенія края.

«Сужденія бар. Шернваль-Валлена о тѣхъ или другихъ событіяхъ и личностяхъ, а равно исходившія отъ него предложенія не всегда свидѣтельствовали о зрѣломъ обдумываніи вопроса. Точно также и познанія его были еще болѣе поверхностны, чѣмъ у Армфельта, что объясняется слишкомъ раннимъ прекращеніемъ научныхъ занятій и поступленіемъ Шернваля на военную службу». Ему было 19 лѣтъ, когда онъ, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ абоскомъ университетѣ, поступилъ въ русскую службу, состоя на которой участвовалъ въ походѣ (1829 г.) противъ турокъ въ Малой Азіи и сражался (1830 г.) съ кавказскими горцами. Тогда-же онъ имѣлъ случай состоять при штабѣ Паскевича Эриванскаго. Отсюда онъ переведенъ былъ въ Петербургъ, гдѣ его сестра Аврора Шернваль (потомъ Карамзина) блистала въ высшемъ свѣтѣ. Она-же ввела его въ придворную сферу и высшіе Петербургскіе круги. Оставивъ въ 1837 году военную службу, онъ назначенъ былъ къ министру статсъ-секретарю Ребиндеру для особыхъ порученій. Такимъ образомъ ему, въ легкой роли свѣтскаго человѣка, удалось ознакомиться и съ финляндскими дѣлами, и движеніемъ ихъ при русскомъ дворѣ. Когда Фишера, бывшаго правой рукой генералъ-губернатора кн. А. С. Меншикова, въ 1856 году отставили, то на его мѣсто помощникомъ министра статсъ-секретаря былъ назначенъ Шернваль-Валленъ.

Не тайна, что онъ еще при жизни Армфельта дѣятельно раздѣлялъ съ нимъ заботы и отвѣтственность по дѣламъ статсъ-секретаріата. Чѣмъ онъ въ этомъ отношеніи проявилъ себя—неизвѣстно. Знаютъ только, что своимъ характеромъ онъ восполнялъ нерѣдко характеръ Армфельта, такъ какъ по темпераменту баронъ Шернваль-Валленъ былъ гораздо болѣе сангвиникомъ, чѣмъ его патронъ. «Исходя въ политическихъ вопросахъ, по существу, изъ тѣхъ же точекъ зрѣнія, изъ которыхъ исходилъ въ своей дѣятельности Армфельтъ, онъ въ то же время при обсужденіи

государственныхъ дѣлъ проявлялъ сравнительно большую рѣшительность, причемъ въ щекотливыхъ случаяхъ, когда Армфельтъ уже предлагалъ отложить дѣло, Шернваль-Валленъ безбоязненно обращался къ высшимъ инстанціямъ съ откровеннымъ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла. Такой образъ дѣйствій Шернваля не однажды оказывалъ нашему краю неоцѣненныя услуги» [665]). Шернваля нерѣдко осуждали за поверхностность и отсутствіе детальныхъ познаній. Но быть можетъ,—пишетъ финляндецъ,—его легкія свѣтскія манеры принесли ему больше пользы при докладахъ, чѣмъ серьезныя спеціальныя науки. Передъ докладами онъ старательно изучалъ необходимыя детали и умѣлъ вкратцѣ и въ пріятной формѣ дать имъ, если требовалось, нужное объясненіе.

Вообще дѣйствія барона Шернваль-Валлена признавались справедливыми и въ характерѣ его усматривали много рыцарскаго. Не сомнѣвались въ его доброжелательствѣ даже тогда, когда онъ ошибался. Сначала онъ смотрѣлъ на такъ-называемую январскую комиссію, какъ на особенно счастливую развязку въ колебавшихся внутреннихъ вопросахъ страны, и онъ былъ далекъ отъ мысли, что эта идея будетъ принята неблагосклонно обществомъ.

Однимъ изъ послѣднихъ его совѣтовъ было предложеніе замѣстить графа Николая Адлерберга—графомъ Ф. Л. Гейденомъ.

Расположеніе Монарха баронъ Шернваль сохранилъ неизмѣнно до кончины своего высокаго покровителя. О ласковой простотѣ, съ которой Государь относился къ барону свидѣтельствуетъ маленькій эпизодъ. Однажды министръ статсъ-секретарь Шернваль-Валленъ, приглашенный къ Императору, явился получасомъ ранѣе назначеннаго срока. При видѣ его Императоръ извинился, что принужденъ заставить его ждать, замѣтивъ впрочемъ, что онъ въ томъ не виноватъ.

Послѣ кончины Александра II Шернваль-Валленъ стремился оставить Петербургъ, гдѣ все ему напоминало объ ужасномъ преступленіи, жертвою котораго сдѣлался его благодѣтель. Онъ подалъ въ отставку и переселился въ Гельсингфорсъ, увезя съ собою на память собаку опочившаго Монарха.

14-го октября (н. ст.) 1890 года умеръ бывшій министръ статсъ-секретарь Карлъ Кнутъ Эмиль Шернваль-Валленъ, на 84 году отъ рожденія [666]).

Графъ Адлербергъ и баронъ Шернваль-Валленъ оставили свои посты и удалились на покой. Два другихъ крупныхъ представителя мѣстной администраціи вскорѣ сошли въ могилу. Мы часто называли ихъ; приходится разсказать о нихъ. 8-го іюня (н. ст.) 1882 года окончилась выдающаяся дѣятельность генерала Норденстама. Онъ медленно таялъ. Въ послѣдніе годы въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не являлся на засѣданія сената, но вліяніе его на важнѣйшія правительственныя дѣла не прекращалось. Онъ родился въ Стокгольмѣ (1802 г.), учился въ Петербургѣ, возмужалъ въ лучшій періодъ царствованія Николая I, закалился на Кавказѣ въ 18-ти-лѣтнихъ бояхъ съ горцами. Въ 1847 году онъ переселился въ Финляндію, оставаясь «царскимъ солдатомъ прежде всего». Въ періодъ восточной войны (1854—1855 г.) на финскомъ побережьѣ правительство обрѣло въ генералѣ Норденстамѣ энергичнаго начальника штаба. «Любовь къ родинѣ, энтузіазмъ молодости, чувство свободы, человѣческое достоинство—все это были пустыя слова въ его понятіяхъ, въ которыхъ гнѣздились прежде всего форма и дисциплина. Но впослѣдствіи, какъ финское должностное лицо, онъ честно сталъ уважать законный общественный строй края и мужественно выражать свой образъ мыслей, что понемногу примирило съ нимъ многихъ изъ числа тѣхъ, которые сначала считались его врагами. Прибывъ въ Финляндію, онъ едва ли мечталъ о томъ, что когда-либо выступитъ передъ Монархомъ въ роли докладчика конституціоннаго представительнаго собранія. Какъ ландмаршалъ сейма, онъ по военному развязывалъ узлы, т. е. по-просту разрубалъ ихъ иногда съ такой настойчивостью, что самому приходилось раскаиваться въ этомъ. Онъ до конца остался воиномъ по характеру и бюрократомъ по убѣжденіямъ» [667]).

Нѣсколько ранѣе Норденстама свелъ разсчеты съ жизнью краса и гордость финскаго народа—Снельманъ. Онъ во многихъ отношеніяхъ являлся истиннымъ олицетвореніемъ финна. Итогъ его дѣятельности, является въ нѣкоторомъ родѣ итогомъ описаннаго нами времени. Его умъ и рука видны во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ этого періода, онъ часто являлся главною ихъ движущею пружиною. Мункъ назвалъ Снельмана «le grand conseiller». Это справедливо. Снельманъ успѣлъ внушить не мало своихъ мыслей гр. Бергу, гр. Армфельту, барону Шернваль-Валлену, министру финансовъ Рейтерну и др.

Это обстоятельство дало поводъ финляндскому писателю шведскаго лагеря указать на слабую сторону Снельмана. Несмотря на свои великія качества и свой великій природный патріотизмъ, Снельманъ былъ не мало воспріимчивъ къ лести высокопоставленныхъ лицъ и слишкомъ легковѣренъ, чтобъ иногда не сдѣлаться жертвой слащавой снисходительности, которую Бергъ умѣлъ выказывать, когда ему нужно было поддѣлаться къ общественному мнѣнію или смѣшать карты въ игрѣ интригъ, въ которой онъ оказался большимъ мастеромъ. Поэтому Снельманъ не рѣдко отступалъ отъ свойственной ему объектности (Е. Фуругельмъ). Другой писатель также шведоманскаго воззрѣнія, перечисляя заслуги Снельмана, говорилъ: «При помощи тактическаго искусства графа Армфельта и Шерньаля-Валлена, Снельманъ, во время лагернаго смотра въ Тавастгусѣ, штурмовалъ всѣ валы и апроши, за которыми засѣла бюрократія, настроенная противъ правъ финскаго языка. Вмѣстѣ съ Андреемъ Гамбургеръ (Hamburger) онъ редактировалъ тронную рѣчь 1863 года, въ которой открыто и благородно выражены были монархически-конституціонныя основы, благодаря которымъ память объ Александрѣ II вѣчно будетъ чтима въ Финляндіи. Какъ начальникъ финансовъ, онъ со славою довершилъ, начатую его другомъ Лангеншельдомъ, монетную реформу».

Для этого требовалось много ума, вниманія и осторожности. Отмѣтивъ эти главныя дѣянія Снельмана, историкъ Эдв. Бергъ сильно укоряетъ главу финской партіи за то, что онъ ставилъ національный интересъ выше всего, выше даже политической свободы, не проявлялъ достаточнаго уваженія къ народному самоуправленію и былъ оскорбительно рѣзокъ къ чужимъ мнѣніямъ [668]).

Русская государственная оцѣнка Снельмана нѣсколько иная. Она въ числѣ его достоинствъ обязана отмѣтить нѣкоторыя правила, которыми руководился глава финномановъ въ своей дѣятельности. Онъ держался того убѣжденія, что, какъ сенатору, и, слѣдовательно, какъ члену мѣстной администраціи, нравственныя требованія не позволяли ему выступать на сеймахъ противъ правительственныхъ предложеній, которыя обыкновенно подготовлялись въ сенатѣ; правила простого приличія воспрещали ему также вотировать и за эти предложенія и тѣмъ содѣйствовать имъ при голосованіяхъ земскихъ чиновъ. Снельманъ находилъ, что чиновникъ не перестаетъ быть царскимъ слугою и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣлается депутатомъ сейма. Вмѣстѣ съ тѣмъ Снельманъ

признавалъ, что чиновникъ вообще не долженъ имѣть права выступать представителемъ народа на сеймѣ. Другая особенность Снельмана, которая выгодно выдѣляла его среди мѣстныхъ чиновниковъ, заключалась въ томъ, что, разъ онъ находилъ извѣстную прерогативу принадлежавшей Верховной власти, то крѣпко отстаивалъ ее и вообще признавалъ, что на обязанности финляндскаго сената лежитъ борьба за права Монарха. «Я полагаю,—говорилъ Снельманъ,—что сенату не приличествуетъ предлагать Его Величеству отказываться отъ нѣкоторыхъ правъ, которыя принадлежатъ Монарху. Я никогда не приму участія въ подобномъ шагѣ, ибо по моимъ понятіямъ долгъ сената наблюсти, чтобы никто не оказывалъ неуваженія царской власти» [669]).

Въ политическихъ вопросахъ онъ былъ далеко не такъ либераленъ, какъ въ вопросахъ религіозныхъ: онъ, напр., не придавалъ значенія формамъ правленія, считая, что всѣ онѣ одинаково хороши, разъ онѣ соотвѣтствуютъ «духу націи». Онъ едва ли любилъ русскихъ, но, понимая глубоко жизненныя условія, далекъ былъ отъ огульнаго ихъ осужденія.

Снельманъ—одинъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей Финляндіи. Въ немъ были «залежи колоссальной дѣятельности». На эту дѣятельность существовалъ запросъ и онъ не зарылъ въ землю своихъ талантовъ.

Къ Снельману вполнѣ примѣнимы слова русскаго академика, сказанныя объ одномъ нашемъ симпатичномъ дѣятелѣ.

«Но есть и другіе люди—немногіе, рѣдкіе. Въ «битвѣ жизни» они не кладутъ оружія до конца. Ихъ воспріимчивая голова и чуткое сердце работаютъ дружно и неутомимо, покуда въ нихъ горитъ огонь жизни. Они умираютъ, какъ солдаты въ ратномъ строю, на дѣйствительной службѣ, не увольняя себя ни въ запасъ, ни въ безсрочный отпускъ, и уже чувствуя дыханіе смерти, холодѣющими устами еще шепчутъ свой нравственный пароль и лозунгъ. Жизнь часто не щадитъ ихъ и на закатѣ дней, въ годы обычнаго для всѣхъ отдыха и квіетизма, наноситъ ихъ усталой, но стойкой душѣ тяжелые удары. Но за то ничто изъ области живыхъ общественныхъ вопросовъ не остается имъ чуждымъ. Вступая въ жизнь съ однимъ поколѣніемъ, они дѣлятся знаніемъ съ другимъ, работаютъ рука объ руку съ третьимъ, подводятъ итоги мысли съ четвертымъ, указываютъ идеалы пятому... и сходятъ со сцены всѣмъ имъ понятные, близкіе, бодрые и поучительные до конца. Они не «переживаютъ» себя, ибо жить для нихъ не значитъ существовать да порою обращаться къ своимъ, нерѣдко

богатымъ, воспоминаніямъ... Ихъ чуждый личныхъ разсчетовъ внутренній взоръ съ тревожною надеждою всегда устремленъ въ будущее и въ ихъ богатой душѣ всегда найдутся стороны, которыми она тѣсно соприкасается съ настроеніемъ и стремленіями лучшей части современнаго имъ общества» [670]).

Снельману съ многихъ сторонъ заявляли признательность за патріотическія дѣла, которыя ему удалось провести. Признательность выражали благодарственными адресами и телеграммами изъ разныхъ городовъ и мѣстъ; благодарность онъ слышалъ также отъ нѣкоторыхъ депутатовъ сейма. При погребеніи Снельмана (1881 г.) Топеліусъ характеризовалъ его какъ піонера съ желѣзной непоколебимой волей, какъ человѣка съ твердымъ убѣжденіемъ и увѣренностью въ правдѣ, какъ человѣка, который былъ необходимъ въ дни перелома, неизбѣжно наступающаго, когда народъ перерастаетъ старыя формы своего существованія и переходитъ къ новымъ. «Намъ нуженъ былъ неустрашимый борецъ, который постоянно шелъ бы впередъ, постоянно былъ бы готовъ къ схваткѣ, не только противъ несправедливаго, ложнаго и непригоднаго въ жизни, но и противъ равнодушія, которое онъ замѣчалъ на широкомъ пространствѣ. Намъ нуженъ былъ человѣкъ вполнѣ вооруженный знаніемъ, со стальной волей, которую никакія препятствія не могли сдержать, никакія неудачи не могли побороть, такъ какъ нужно было ясно проводить главную мысль времени, лежавшую въ основѣ всѣхъ вопросовъ: Финляндія сама по себѣ, чрезъ себя и для себя» [671])..

Памятникъ Императору Александру II
въ Гельсингфорсѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ

и

ПРИМѢЧАНІЯ

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ стр. 250—260.

Матеріалы комиссіи Норденстама по составленію уложенія— или формы правленія—для Финляндіи.

На подлинномъ въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ Собственноручно начертано: «*Быть по сему*».

«*АЛЕКСАНДРЪ*».

О срокѣ созыва будущихъ Сеймовъ полагаю лучше теперь не говорить.

Въ С.-Петербургѣ,
$^{7}/_{19}$ Декабря 1864 года.

Выписка изъ протокола, веденнаго въ засѣданіи комитета финляндскихъ дѣлъ 28 ноября 1864 года.

Присутствовали:

Предсѣдатель министръ статсъ-секретарь графъ Армфельтъ, члены: товарищъ министра статсъ-секретарь баронъ Шернваль-Валленъ и сенаторы Брунеръ и баронъ Седеркрейцъ, а также призванные по особому Высочайшему повелѣнію къ участвованію въ разсмотрѣніи ниже изложеннаго дѣла: вице-предсѣдатель хозяйственнаго департамента финляндскаго сената, генералъ-лейтенантъ баронъ Норденстамъ, сенаторъ тайный совѣтникъ Кронстедтъ и главный директоръ таможеннаго вѣдомства, статскій совѣтникъ баронъ фонъ-Борнъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ текущаго года Государь Императоръ, Всемилостивѣйше повелѣвъ учредить два комитета, одинъ для составленія проекта необходимыхъ объясненій и дополненій основныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, а другой для приготовленія проекта преобразованія нѣкоторыхъ правительственныхъ мѣстъ Великаго Княжества, поручилъ вмѣстѣ съ тѣмъ сенату всеподданнѣйше представить о лицахъ, по его мнѣнію, свѣдущихъ и въ другихъ отношеніяхъ способныхъ къ на-

значенію въ члены означенныхъ комитетовъ; во исполненіе чего сенатъ въ двухъ донесеніяхъ отъ 4 прошлаго апрѣля всеподданнѣйше поименовалъ лицъ, признаваемыхъ имъ преимущественно имѣющими свѣдѣнія и прочія способности для участвованія въ этомъ дѣлѣ, столь важномъ для края и для всѣхъ его сословій.

Мнѣніе комитета.

Комитетъ осмѣливается всеподданнѣйше повергнуть на Высочайшее благоусмотрѣніе составленныя имъ программы для каждаго изъ вышеупомянутыхъ комитетовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ донести, что при составленіи сихъ программъ во всемъ были приняты къ руководству главныя начала, которыя Его Императорскому Величеству благоугодно было предварительно одобрить при изданіи Высочайшаго повелѣнія объ учрежденіи помянутыхъ комитетовъ, съ слѣдующими однако добавленіями, о которыхъ комитетъ пріемлетъ смѣлость всеподданнѣйше представить, а именно:

По программѣ для комитета о пересмотрѣ основныхъ законовъ:

1) въ первыхъ четырехъ пунктахъ комитетъ указалъ на политическое положеніе Финляндіи и на отношенія ея къ прочимъ частямъ государства;

2) Комитетъ, не предлагая срока для созванія ординарныхъ сеймовъ, полагалъ опредѣленіе онаго предоставить Высочайшему Его Императорскаго Величества благоусмотрѣнію. При этомъ однако комитетъ осмѣливается выразить сомнѣніе, что созваніе земскихъ чиновъ на сеймъ каждый третій годъ оказывается по крайней мѣрѣ на первое время необходимымъ, ибо многіе сеймовые вопросы, какъ по своей важности, такъ и по значительному числу дѣлъ, требующему обсужденія земскихъ чиновъ, не могутъ, кажется, быть окончательно рѣшаемы въ теченіе одного сейма, вслѣдствіе чего, при продолжительныхъ промежуткахъ между сеймами, рѣшеніе многихъ крайне важныхъ для края вопросовъ подверглось бы значительному замедленію во вредъ общественному и частному благу;

3) Комитетъ счелъ необходимымъ ближе опредѣлить обѣщанное Его Императорскимъ Величествомъ земскимъ чинамъ при открытіи минувшаго сейма увеличеніе права собственнаго наложенія на себя податей, и потому предложилъ, чтобы законодательство о винокуреніи на будущее время всегда зависѣло отъ обоюднаго соглашенія Государя Императора и земскихъ чиновъ, и чтобы таковому же правилу подлежало и опредѣленіе основаній для таможеннаго законодательства, съ тѣмъ, однако, чтобы отъ Государя Императора одного зависѣло опредѣлять количество всякой таможенной пошлины.

По программѣ для комитета о преобразованіи для правительственныхъ мѣстъ:

Представляя объ учрежденіи при генералъ-губернаторѣ особаго совѣта, комитетъ осмѣливается изложить здѣсь побудительные къ тому причины и доводы: генералъ-губернаторъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ владѣетъ которымъ либо изъ двухъ общеупотребительныхъ въ Финляндіи языковъ; какъ по этой, такъ и по многимъ другимъ легко понятнымъ причинамъ генералъ-губернаторъ лишь съ трудомъ и послѣ долговремен-

ныхъ стараній можетъ вникнуть во всѣ свойственныя Финляндіи обстоятельства и слѣдовательно долго остается чуждымъ въ краю и можетъ подвергаться косвеннымъ вліяніямъ. Поэтому, когда генералъ-губернаторъ въ вопросахъ, касающихся священнѣйшихъ правъ Финляндіи или иначе имѣющихъ чрезвычайное для края значеніе, пожелаетъ выразить Его Императорскому Величеству свое мнѣніе, не согласующееся съ тѣмъ, что высшее управленіе края представляетъ, какъ полезнѣйшее, по мнѣнію комитета было бы необходимо, чтобы при генералъ-губернаторѣ находились лица изъ того же управленія, напримѣръ предсѣдатель сената, начальникъ отдѣленія онаго, въ которомъ представленіе было изготовлено, и прокуроръ сената, которые имѣли бы тогда случай объяснить генералъ-губернатору ближайшія причины, побудившія сенатъ къ представленію или служащія оному основаніемъ. Засимъ если генералъ-губернаторъ и по доставленіи имъ подобныхъ объясненій останется при своемъ несогласномъ съ сенатомъ мнѣніи, то отзывъ его имѣетъ быть изложенъ въ протоколѣ, дабы и вышеозначенныя лица имѣли возможность представить Государю Императору объясненія, къ которымъ въ томъ или другомъ отношеніи можетъ подать поводъ отзывъ генералъ-губернатора.

Впрочемъ комитетъ считаетъ долгомъ всеподданнѣйше представить:

1) чтобы оба предсѣдателя, кои будутъ Его Императорскимъ Величествомъ избраны для управленія работами комитетовъ, были назначены Высочайшими на ихъ имя рескриптами;

2) чтобы засвидѣтельствованные переводы на шведскій языкъ съ обѣихъ вышеозначенныхъ программъ, въ томъ видѣ какъ онѣ удостоились Высочайшаго одобренія, были доставлены помянутымъ предсѣдателямъ для свѣдѣній и руководства;

3) чтобы въ члены комитетовъ были назначены:

Въ комитетъ о пересмотрѣ основныхъ законовъ:

Архіепископъ Финляндіи Эдуардъ Бернгейгеймъ, прокуроръ сената Евгеній фонъ-Кноррингъ, главный директоръ таможеннаго вѣдомства, статскій совѣтникъ баронъ Августъ фонъ-Борнъ, канцеляріи совѣтникъ Іоганъ Августъ фонъ-Эссенъ, ассесоръ Выборгскаго гофгерихта Нильсъ Карлъ Эліасъ Гротенфельдъ, профессоръ Александровскаго университета Іоганъ Вильгельмъ Розенборгъ, совѣтникъ сельскаго хозяйства Іоганъ Густавъ Шателовичъ и Якобстадскій бургомистръ Габріэль Тенгстремъ.

Въ комитетъ преобразованія правительственныхъ мѣстъ:

Сенаторъ Іоганъ Эрикъ Бергбомъ, Прокуроръ фонъ-Кноррингъ, статскій совѣтникъ Іоганъ Габріэль фонъ-Бонсдорфъ, главный директоръ, статскій совѣтникъ баронъ фонъ-Борнъ, камериръ финансовой экспедиціи сената, статскій совѣтникъ Юлій Тилинъ, референдарій секретарь духовной экспедиціи сената Габріэль Маурицъ Венербергъ, референдарій секретарь баронъ Карлъ Іоганъ Карпеланъ и профессоръ Александровскаго университета, канцеляріи совѣтникъ Іоганъ Филиппъ Пальменъ.

О лицахъ, кои будутъ Высочайше назначены Его Императорскимъ Величествомъ Предсѣдателями и Членами означенныхъ Комитетовъ, слѣдовало бы извѣстить Сенатъ, съ предписаніемъ ему увѣдомить помянутыхъ Членовъ обыкновенными грамотами о возложенномъ на нихъ порученіи;

4) чтобы Предсѣдателямъ Комитетовъ было предоставлено опредѣлить Секретарей и необходимыхъ канцелярскихъ чиновниковъ и служителей, коимъ Сенатъ по представленію Предсѣдателей назначилъ бы и отпускалъ приличное содержаніе или иное вознагражденіе;

5) чтобы, по представленію Предсѣдателей, Сенатъ назначилъ приличное содержаніе Членамъ Комитетовъ, призванныхъ въ Гельсингфорсъ изъ другихъ частей края;

6) чтобы Министръ Статсъ-Секретарь отдѣльными отношеніями сообщилъ сверхъ того Предсѣдателямъ Комитетовъ:

а) что составленные Комитетомъ проекты имѣютъ быть Предсѣдателями непосредственно повергнуты на Высочайшее благовоззрѣніе;

b) чтобы, въ случаѣ выбытія Комитетскаго Члена по какой либо законной причинѣ Предсѣдатель, донося объ этомъ Его Императорскому Величеству, представлялъ о назначеніи другого Члена на мѣсто выбывшаго.

с) чтобы Предсѣдатели имѣли право требовать отъ подлежащихъ присутственныхъ мѣстъ и вѣдомствъ справки, какія могутъ оказаться необходимыми, а также, въ случаѣ надобности, призывать другихъ лицъ, спеціально свѣдущихъ въ разсматриваемыхъ вопросахъ, для доставленія Комитетамъ свѣдѣній и для прочаго содѣйствія;

d) чтобы Предсѣдатели обоихъ Комитетовъ были освобождаемы отъ служебныхъ обязанностей по своимъ штатнымъ должностямъ, доколѣ будутъ продолжаться ихъ занятія въ Комитетахъ, и когда въ подобномъ освобожденіи они встрѣтятъ надобность.

Подписали: *Графъ Армфельтъ. Баронъ Норденстамъ. Баронъ Шернваль-Валленъ. К. Кронштетъ. Ф. Брунеръ. Баронъ Седеркрейцъ. Баронъ фонъ-Борнъ.*

Высочайше утвержденная, 7/19 Декабря 1864 года, программа для руководства комиссіи Норденстама.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Утверждаю».

Министромъ Статсъ-Секретаремъ помѣчено: «Въ С.-Петербургѣ 7/19 Декабря 1864 г.».

Государю Императору благоугодно, чтобы комитетъ, которому будетъ поручено составленіе проекта объясненій и дополненій основныхъ законовъ Великаго Княжества Финляндскаго, признанныхъ Его Императорскимъ Величествомъ при открытіи минувшаго сейма необходимыми, при исполненіи сего порученія имѣлъ въ виду не только, чтобы Форма Правленія отъ 21 августа 1772 года и актъ соединенія и безопасности отъ 21 февраля 1789 года, а также ниже сего указанныя Его Величествомъ узаконенія были соединены въ одинъ актъ или основной законъ подъ названіемъ уложеніе для Великаго Княжества Финляндскаго, но и чтобы законо-

положенія, вносимыя изъ прежнихъ законовъ въ новый актъ, были съ точностью сохраняемы сколь это возможно при необходимомъ уясненіи выраженій, а также, чтобы при измѣненіяхъ, какія могутъ встрѣтиться, былъ принятъ за правило основной принципъ, составляющій главное основаніе прежнихъ законоположеній и особо означенный въ § 1-мъ акта безопасности. Вмѣстѣ съ симъ Его Императорское Величество изволилъ Высочайше предписать комитету, для руководства при редакціи, слѣдующія правила и соображенія, а именно:

1) Великое Княжество Финляндское, составляя часть россійскаго государства, состоитъ съ нимъ въ неразрывномъ соединеніи.

2) Великое Княжество управляется согласно съ его формою правленія и законами.

3) Россійскій Императоръ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и Великій Князь Финляндіи, вслѣдствіе чего, относительно порядка престолонаслѣдія, срока совершеннолѣтія Наслѣдника, управленія во время несовершеннолѣтія Императора или когда Онъ по другимъ причинамъ въ теченіе продолжительнаго времени не можетъ управлять государствомъ, а также относительно другихъ подобнаго рода вопросовъ для Финляндіи должно имѣть силу все, что установлено или впредь будетъ установлено для Россіи.

4) Отношенія Финляндіи къ иностраннымъ державамъ зависятъ отъ отношеній россійскаго государства и съ ними одинаковы.

5) Высшее административное управленіе края поручается сенату, состоящему изъ предсѣдателя и потребнаго числа членовъ, въ каковыя должности Государь Императоръ назначаетъ финляндскихъ уроженцевъ.

6) Судебная власть Государя Императора возлагается на верховный судъ, составляемый изъ предсѣдателя и необходимаго числа членовъ, которые безъ слѣдствія и суда или прошенія не могутъ быть ни увольняемы отъ должности, ни переводимы съ одного мѣста на другое и назначаются Государемъ Императоромъ изъ финляндскихъ уроженцевъ, извѣстныхъ своими познаніями и опытностью въ судейскихъ дѣлахъ.

Кругъ дѣйствій сената, верховнаго суда и подвѣдомственныхъ имъ присутственныхъ мѣстъ будетъ опредѣленъ особымъ Высочайшимъ постановленіемъ.

7) Дѣла, требующія Высочайшаго рѣшенія, должны докладываться Государю Императору министромъ статсъ-секретаремъ, долженствующимъ быть финляндскимъ уроженцемъ.

8) Министръ статсъ-секретарь и члены сената, а также прочія должностныя лица и чиновники края отвѣчаютъ одному Государю Императору за исполненіе служебныхъ обязанностей по своимъ должностямъ.

9) Земскіе чины имѣютъ право собираться на ординарный сеймъ.

10) Никакой государственный заемъ впредь не долженъ быть заключаемъ безъ содѣйствія земскихъ чиновъ, если только это необходимо не потребуется вслѣдствіе непріятельскаго нападенія или какого либо другого непредвидѣннаго общественнаго бѣдствія.

11) Право свбственнаго наложенія на себя податей, нынѣ уже предоставленное земскимъ чинамъ, можетъ, относительно экстраординарныхъ налоговъ, быть еще болѣе расширено въ такой мѣрѣ, что не только зако-

подательство о винокуреніи, первоначально принадлежавшее исключительно Монарху, но впослѣдствіи по временамъ зависѣвшее отъ содѣйствія земскихъ чиновъ, должно на будущее время подлежать обоюдному обсужденію Государя Императора и земскихъ чиновъ, но и общія начала таможенныхъ налоговъ могутъ быть такимъ же порядкомъ установляемы, съ тѣмъ однако, что отъ Государя Императора одного будетъ зависѣть опредѣлять количество всякой таможенной пошлины; при чемъ Государь Императоръ также предоставляетъ Себѣ одному установлять основанія и количество таможенныхъ пошлинъ, кои могутъ быть опредѣляемы для издѣлій русскаго происхожденія, ввозимыхъ изъ Имперіи въ Финляндію.

12) Право предложенія законовъ или постановленій, издревле принадлежавшее земскимъ чинамъ, возвращается имъ въ такомъ видѣ, какъ оно ближе означено въ § 42 формы правленія 1772 года; однако Государь Императоръ сохраняетъ за Собою право иниціативы по всѣмъ вопросамъ, касающимся основныхъ законовъ.

13) Въ видахъ большей свободы религіи постановить, что каждый, кто исповѣдуетъ христіанскую вѣру, не взирая на форму исповѣданія, можетъ пріобрѣтать право гражданства и опредѣляться какъ въ гражданскую, такъ и въ военную службу въ Финляндіи.

Засимъ Его Императорское Величество возлагаетъ на комитетъ составленіе проекта полнаго сеймоваго устава, при чемъ комитетъ прежде всего имѣетъ внести въ проектъ примѣнимыя узаконенія изъ устава государственнаго сейма отъ 24 января 1617 года, затѣмъ включить въ оный изъ устава для государственнаго сейма отъ 17 октября 1723 года правила, утвержденныя къ руководству рѣшеніями государственныхъ сеймовъ, послѣдовавшихъ послѣ 1772 года, далѣе изложить образовавшіеся на практикѣ порядки и обряды прежнихъ сеймовъ, вошедшіе въ обычай и въ законъ, и наконецъ предложить правила, которыя, по указаніямъ опыта послѣдняго сейма и по убѣжденію комитета, должны вести къ упрощенію и большей скорости въ производствѣ дѣлъ, безъ упущенія при томъ основательнаго и тщательнаго ихъ разсмотрѣнія.

Въ заключеніе Его Императорское Величество Высочайше повелѣваетъ комитету до исхода іюня мѣсяца 1865 года представить Его Величеству проекты какъ уложенія, такъ и сеймоваго устава.

Подлинное подписали: *Графъ Армфельтъ. Баронъ Норденстамъ. Баронъ Шернваль-Валленъ. К. Кронштетъ. Ф. Брунеръ. Баронъ Седеркрейцъ. Баронъ фонъ-Борнъ.*

Высочайше утвержденная, $^7/_{19}$ Декабря 1864 года, программа для руководства комиссіи барона Клинковстрёма.

На подлинномъ въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ Собственноручно начертано:

«*Утверждаю*».

Въ С.-Петербургѣ,
$^7/_{19}$ Декабря 1864 года.

Государю Императору благоугодно, чтобы комитетъ, которому будетъ поручено составленіе проекта постановленія о преобразованіи финляндскаго сената и подвѣдомственныхъ ему правительственныхъ учрежденій сообразно съ развитіемъ края и съ требованіями измѣнившихся нынѣ отъ времени обстоятельствъ, при исполненіи сего порученія руководствовался слѣдующими соображеніями и правилами:

1) Судебный департаментъ совершенно отдѣляется отъ сената и изъ него для производства судебныхъ дѣлъ образуется верховный судъ съ предсѣдателемъ и потребнымъ числомъ постоянныхъ членовъ, которые назначаются Государемъ Императоромъ изъ финляндскихъ уроженцевъ, извѣстныхъ своими познаніями и опытностью въ судейскихъ дѣлахъ, и которые безъ слѣдствія и суда или прошенія не могутъ быть ни увольняемы отъ должности, ни переводимы изъ одного мѣста въ другое.

2) Нынѣшнему хозяйственному департаменту подъ названіемъ финляндскаго сената предоставляется попрежнему высшее административное управленіе краемъ и онъ имѣетъ состоять изъ предсѣдателя и потребнаго числа членовъ, избираемыхъ Государемъ Императоромъ изъ финляндскихъ уроженцевъ. Изъ членовъ назначаются начальники департаментовъ, на которые долженъ быть раздѣленъ сенатъ, смотря по различному свойству дѣлъ. Въ общемъ собраніи сената имѣютъ производиться всѣ важныя и болѣе значительныя правительственныя дѣла, но рѣшеніе и отправленіе дѣлъ меньшей важности предоставляется каждому начальнику департамента при содѣйствіи и со скрѣпою докладывающаго секретаря. Комитету надлежитъ съ точностью опредѣлить и представить, какія именно дѣла въ каждомъ департаментѣ по свойству своему всегда должны быть вносимы въ общее собраніе сената и какія могутъ быть окончательно рѣшаемы департаментомъ.

3) Такъ какъ для тщательнѣйшаго обсужденія вопросовъ хозяйственнаго законодательства необходимо имѣть инстанцію между сенатомъ и присутственными мѣстами, первоначально разбиравшими дѣла, то комитетъ имѣетъ представить о составѣ и устройствѣ таковыхъ посредствующихъ инстанцій, кои могутъ быть названы коллегіями,—о числѣ ихъ и кругѣ дѣйствія каждой, о предѣлахъ, въ которыхъ имъ можетъ быть предоставлена власть судейская, и о приведеніи ихъ рѣшеній въ исполненіе и наконецъ, въ видахъ тщательнѣйшаго и скорѣйшаго рѣшенія дѣлъ, не слѣдуетъ ли и въ какой мѣрѣ передать этимъ коллегіямъ производство

части дѣлъ, поступающихъ въ нынѣшній хозяйственный департаментъ, или по крайней мѣрѣ приготовленіе таковыхъ дѣлъ, подлежащихъ доселѣ экспедиціямъ департамента. При этомъ комитету надлежитъ сообразить и представить о способѣ контроля и прочихъ мѣрахъ, какія сверхъ того могутъ оказаться необходимыми для достиженія полной увѣренности, что всѣ исходящія отъ правительства рѣшенія и предписанія приводятся дѣйствительно въ исполненіе.

4) Представленія сената должны и впредь, какъ было доселѣ, поступать на Высочайшее благоусмотрѣніе черезъ финляндскаго генералъ-губернатора и такъ какъ отъ генералъ-губернатора, хотя онъ и перестаетъ быть предсѣдателемъ сената, не отнимается однако право по представленіямъ сената излагать свой отзывъ, коль скоро онъ признаетъ это своею обязанностью или необходимымъ для блага края, то чтобы въ такомъ случаѣ генералъ-губернаторъ призывалъ къ себѣ членовъ высшаго управленія, особо для этой цѣли назначаемыхъ Государемъ Императоромъ, и затѣмъ въ присутствіи ихъ, если и по доставленіи ему сими членами необходимыхъ свѣдѣній и объясненій онъ пожелаетъ представить особый отзывъ, изложилъ свое отдѣльное всеподданнѣйшее мнѣніе въ надлежащемъ протоколѣ, который долженъ быть веденъ при этомъ и въ которомъ призванные члены также могутъ представить свои отзывы, буде, по поводу выраженнаго генералъ-губернаторомъ мнѣнія, они найдутъ это необходимымъ, послѣ чего протоколъ, по удостовѣреніи вѣрности его старшимъ изъ призванныхъ членовъ, препровождается къ Государю Императору вмѣстѣ съ представленіемъ сената.

5) Всѣ дѣла, касающіяся Финляндіи и требующія Высочайшаго рѣшенія, имѣютъ быть докладываемы Государю Императору министромъ статсъ-секретаремъ Финляндіи, которому одному предоставляется сообщать сенату Высочайшія повелѣнія для руководства и надлежащаго исполненія.

6) Заключенія свои и проекты комитетъ имѣетъ представить Государю Императору до исхода іюня мѣсяца 1865 года.

Подписали: *Графъ Армфельтъ. Баронъ Норденстамъ. Баронъ Шернваль-Валленъ. К. Кронштетъ. Ф. Брунеръ. Баронъ Седеркрейцъ. Баронъ фонъ-Борнъ.*

Проектъ уложенія для великаго княжества Финляндскаго.

§ 1. Великое княжество финляндское, состоящее изъ провинцій: собственная Финляндія, Аландъ, Сатакунда, Тавастландія, Нюландія Саволаксія и Остроботнія, вмѣстѣ съ частями Кареліи, Вестерботена и Лапмаркена, составляетъ часть россійскаго государства и состоитъ съ россійскою имперіею въ неразрывномъ соединеніи, но управляется согласно съ симъ уложеніемъ и финляндскими законами.

§ 2. Россійскій Императоръ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и Великій Князь Финляндіи и одновременно восходитъ на престолъ какъ имперіи, такъ и великаго княжества. Относительно порядка престолонаслѣдія, срока совершеннолѣтія Наслѣдника, управленія во время несовершеннолѣтія Государя Императора Великаго Князя или когда Онъ въ теченіе продолжитель-

наго времени не можетъ управлять государствомъ, а также относительно другихъ подобнаго рода вопросовъ, для Финляндіи должно имѣть силу все, что установлено или впредь будетъ установлено для Имперіи.

§ 3. Отношенія Финляндіи къ иностраннымъ державамъ зависятъ отъ отношеній россійскаго государства и съ ними одинаковы.

§ 4. Границы Финляндіи остаются такими, какъ онѣ нынѣ опредѣлены, и не могутъ быть измѣнены безъ совокупнаго рѣшенія Государя Императора и Великаго Князя и земскихъ чиновъ края.

§ 5. Евангелическо-лютеранская вѣра, составляя главное исповѣданіе финскаго народа, должна впредь, какъ и доселѣ, оставаться господствующею религіею края, состоять подъ покровительствомъ Государя Императора и Великаго Князя и пользоваться законною защитою, нынѣ предоставленною религіи края.

Прочіе исповѣдники, какъ христіане, такъ и не христіане, имѣющіе въ краѣ осѣдлость и пребываніе, также могутъ подъ защитою законовъ свободно отправлять свою религію, если только чрезъ это не будутъ нарушены спокойствіе и порядокъ общества или требованія христіанскаго нравоученія.

§ 6. Государь Императоръ и Великій Князь имѣетъ утверждать правду и правосудіе безъ различія лицъ, а несправедливость и неправосудіе не допускать и возбранять, ни у кого не отнимать и не допускать отнимать жизни или чести, не лишать никого и не допускать лишать никакого имущества, движимаго или недвижимаго, не ссылать и не допускать ссылать никого изъ одного мѣста въ другое, буде онъ законно не уличенъ и не осужденъ, не лишать никого личной свободы или благосостоянія иначе, какъ на основаніи законовъ Финляндіи, и дать каждому судиться тѣмъ судомъ, которому онъ дѣйствительно подлежитъ по закону.

§ 7. Величество Государя Императора и Великаго Князя священно, Его дѣянія не подлежатъ никакому осужденію.

§ 8. Государь Императоръ и Великій Князь имѣетъ полную власть охранять, спасать и защищать край, начинать войну, заключать миръ и союзъ съ иностранными державами, а также имѣетъ высшее начальство надъ финляндскими военными силами.

§ 9. Государь Императоръ и Великій Князь имѣетъ по уголовнымъ дѣламъ власть миловать и возвращать присужденное въ казну имущество.

§ 10. Государь Императоръ и Великій Князь имѣетъ право жаловать финляндское дворянское достоинство тѣмъ, кто вѣрностью и доблестями, храбростью, ученостью или общеполезною гражданскою дѣятельностью оказалъ особенныя заслуги Государю Императору и краю, а также, въ видѣ награды за отличныя заслуги, даровать дворянамъ баронское и графское достоинство.

§ 11. Государь Императоръ и Великій Князь имѣетъ право принять въ финляндское гражданство обывателей другихъ странъ, и такимъ образомъ принятый подданный пользуется всѣми гражданскими правами, съ тѣми ограниченіями, кои опредѣлены симъ уложеніемъ и сеймовымъ уставомъ.

*

§ 12. Государь Императоръ и Великій Князь одинъ управляетъ Финляндіею согласно съ симъ уложеніемъ и законами края; однако назначенному Государемъ Императоромъ финляндскому сенату предоставляется Именемъ Государя Императора и Великаго Князя рѣшать нѣкоторыя дѣла, касающіяся управленія, согласно тому, что о семъ нынѣ или впредь будетъ установлено Государемъ Императоромъ.

§ 13. Финляндскій сенатъ, имѣющій свое пребываніе въ столицѣ края, состоитъ изъ предсѣдателя и такого числа членовъ, какое Государь Императоръ и Великій Князь признаетъ нужнымъ опредѣлить. Въ сіи должности Государь Императоръ назначаетъ придворныхъ финляндцевъ, извѣстныхъ и уважаемыхъ за оказанныя способности, опытность, усердіе и честность. Одновременно не могутъ быть членами сената отецъ и сынъ или тесть и зять, или братья, или шурья.

Для производства дѣлъ сенатъ состоитъ изъ нѣсколькихъ департаментовъ. Начальникомъ каждаго департамента Государь Императоръ назначаетъ одного изъ членовъ сената.

§ 14. За исключеніемъ тѣхъ дѣлъ, которыя Государь Императоръ и Великій Князь предоставляетъ Своему Собственному рѣшенію, по всѣмъ прочимъ высшая административная власть въ краѣ принадлежитъ финляндскому сенату, а также по всѣмъ дѣламъ, которыя повергаются на Собственное воззрѣніе Государя Императора, сенатъ долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ представить и свой отзывъ.

Если инымъ путемъ, а не по представленію сената, будутъ предъ Государемъ Императоромъ возбуждены вопросы объ установленіи, измѣненіи, поясненіи или отмѣнѣ закона основнаго, общаго гражданскаго, уголовнаго, церковнаго или морскаго уложенія, или о постановленіяхъ, касающихся отношеній между имперіею и Финляндіею и долженствующихъ служить къ руководству въ томъ и другомъ краѣ, или объ отношеніяхъ Финляндіи къ иностраннымъ державамъ по торговлѣ и мореплаванію, почему имѣетъ послѣдовать общее постановленіе въ Финляндіи, или о новыхъ учрежденіяхъ по разнымъ отраслямъ управленія, или другіе вопросы общественнаго устройства, или о расходахъ статнаго вѣдомства сверхъ утвержденной годовой росписи, то Государь Императоръ требуетъ по вопросу отзывъ сената.

§ 15. Когда въ сенатѣ разсматриваются дѣла большей важности и обширности, то предсѣдатель и всѣ чины, буде не имѣютъ законныхъ препятствій, должны присутствовать. Таковыя дѣла суть: вопросы и проекты объ изданіи новыхъ или отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ законовъ или общихъ постановленій и о новыхъ учрежденіяхъ по разнымъ отраслямъ управленія, другіе вопросы общественнаго устройства, составленіе статной росписи и прочія подобнаго свойства. Ни въ какомъ случаѣ менѣе пяти членовъ не должны участвовать въ производствѣ таковыхъ дѣлъ.

Дѣла, по которымъ сенатъ имѣетъ право рѣшенія, могутъ также вообще быть рѣшены пятью членами. Однако менѣе важныя дѣла дозволяется рѣшать тремъ членамъ, буде они въ рѣшеніи согласны. Если же между ними возникаетъ разногласіе, то еще два члена приглашаются для принятія участія въ рѣшеніи.

§ 16. Отъ Государя Императора и Великаго Князя зависитъ въ прочихъ отношеніяхъ опредѣлить общимъ постановленіемъ объемъ власти сената и порядокъ его дѣятельности, число и названіе департаментовъ, распредѣленіе дѣлъ между ними, и можно ли и въ какихъ случаяхъ можно предоставить департаментамъ окончательное рѣшеніе извѣстныхъ дѣлъ.

§ 17. Финляндія остается раздѣленною на губерніи, управляемыя согласно съ дѣйствующими законами и постановленіями.

Какъ управляющія и контролирующія вѣдомства существуютъ впрочемъ извѣстныя коллегіи и другія присутственныя мѣста, учрежденія и устройство коихъ зависитъ отъ одного Государя Императора и Великаго Князя.

§ 18. Судебная власть Государя Императора возложена на Его верховный судъ, который имѣетъ свое мѣстопребываніе въ столицѣ края и состоитъ изъ предсѣдателя и такого числа членовъ, какое Государь Императоръ считаетъ нужнымъ опредѣлить. Въ сіи должности Государь Императоръ назначаетъ уважаемыхъ природныхъ финляндцевъ испытанныхъ способностей и опытности по судейскимъ дѣламъ.

Одновременно не могутъ быть членами верховнаго суда отецъ и сынъ, или тесть и зять, или братья, или шурья.

§ 19. Верховный судъ имѣетъ право рѣшать прошенія объ отмѣнѣ опредѣленій, вошедшихъ въ законную силу, или о возстановленіи пропущеннаго срока и представляетъ Государю Императору о помилованіи по уголовнымъ дѣламъ или о возвращеніи присужденнаго въ казну имущества.

Дѣла, производимыя военными судами и подвергаемыя на воззрѣніе Государя Императора, должны быть въ мирное время разсматриваемы и рѣшаемы въ верховномъ судѣ. Во время войны въ семъ отношеніи соблюдаются военные артикулы.

§ 20. Верховный судъ считается въ каждомъ случаѣ полнымъ при пяти членахъ, однако когда разсматриваются вопросы о составленіи или поясненіи закона, то всѣ члены должны присутствовать, буде не имѣютъ законныхъ препятствій.

Верховный судъ долженъ судить по закону и постановленіямъ. Отъ Государя Императора и Великаго Князя одного зависитъ опредѣлить общимъ постановленіемъ какъ устройство онаго, такъ и власть въ прочихъ отношеніяхъ.

Всѣ рѣшенія верховнаго суда объявляются Именемъ Государя Императора и Великаго Князя.

Прочія судебныя вѣдомства суть гофгерихты и всѣ низшіе суды края.

§ 21. Генералъ-губернаторъ Финляндіи, имѣющій мѣсто жительства въ столицѣ края, долженъ блюсти за общимъ порядкомъ и общею безопасностью, а также за соблюденіемъ и исполненіемъ повелѣній и приказаній Государя Императора и Великаго Князя, за исправнымъ исполненіемъ надлежащими вѣдомствами, властями и должностными лицами своихъ обязанностей и за сохраненіемъ за обывателями края ихъ законныхъ правъ и привилегій.

На генералъ-губернатора также возлагается, буде не послѣдуетъ иного повелѣнія Государя Императора, командовать войсками края и докладывать Государю Императору всѣ дѣла по командованію сими войсками. Къ дѣламъ по командованію войсками относятся вопросы о замѣщеніи военныхъ должностей по финскимъ войскамъ и увольненіе отъ оныхъ, о передвиженіяхъ, ученіяхъ, службѣ и дисциплинѣ войскъ, а также объ уставахъ, инструкціяхъ и другихъ правилахъ по подобнымъ предметамъ, коль скоро они не ведутъ къ измѣненію или поясненію дѣйствующихъ законовъ или общихъ постановленій, или имѣютъ примѣненіе къ гражданамъ не военнаго вѣдомства.

Буде генералъ-губернаторъ признаетъ нужнымъ мѣры по гражданскому управленію Финляндіи, то, смотря по свойству дѣла, онъ или дѣлаетъ о томъ представленіе Государю Императору чрезъ министра статсъ-секретаря, или передаетъ дѣло на разсмотрѣніе сената.

Кругъ дѣйствій генералъ-губернатора въ прочихъ отношеніяхъ опредѣляется особымъ общимъ постановленіемъ, изданнымъ Государемъ Императоромъ.

§ 22. Отзывы и представленія Сената поступаютъ къ Государю Императору и Великому Князю чрезъ генералъ-губернатора, который можетъ сопровождать оные своимъ особымъ мнѣніемъ, буде сочтетъ это своею обязанностью или необходимымъ для блага края. Если генералъ-губернаторъ несогласенъ съ мнѣніемъ сената, то онъ призываетъ къ себѣ членовъ сената, назначенныхъ для этой цѣли Государемъ Императоромъ, если же и по доставленіи ему сими членами объясненій по дѣлу онъ пожелаетъ выразить различное мнѣніе, то излагаетъ свой отдѣльный отзывъ въ протоколѣ, который подписывается также однимъ изъ призванныхъ членовъ Сената и въ которомъ сіи послѣдніе тоже могутъ изложить свои отзывы, буде по поводу выраженнаго генералъ-губернаторомъ мнѣнія найдутъ это необходимымъ. Протоколъ сей препровождается къ Государю Императору вмѣстѣ съ прочимъ дѣлопроизводствомъ.

§ 23. Государь Императоръ и Великій Князь назначаетъ прокуроромъ свѣдущаго въ законахъ, способнаго и опытнаго по судейскимъ дѣламъ природнаго финляндца, на котораго возлагается обязанность, какъ на высшаго уполномоченнаго Государя Императора, лично или чрезъ другаго защищать права короны по дѣламъ, касающимся общей обязанности или правъ казны, и имѣетъ надзоръ за примѣненіемъ правосудія и надлежащимъ соблюденіемъ законовъ.

Прокуроръ каждые три года представляетъ Государю Императору отчетъ о состояніи судебной части въ краѣ, каковой отчетъ сообщается земскимъ чинамъ слѣдующаго сейма.

Инструкція прокурору дается Государемъ Императоромъ общимъ постановленіемъ.

§ 24. При Государѣ Императорѣ и Великомъ Князѣ состоитъ Министръ статсъ-секретарь Финляндіи. За исключеніемъ дѣлъ по командованію войскъ, о чемъ постановлено въ § 21, ему одному принадлежитъ докладывать всѣ дѣла, требующія Собственнаго рѣшенія Государя Императора, при чемъ министръ статсъ-секретарь обязанъ представить и письменный отзывъ, а также по воспослѣдованіи Высочайшаго рѣшенія Госу-

даря Императора сообщать оное сенату чрезъ генералъ-губернатора, для руководства и исполненія.

Въ помощь министру статсъ-секретарю имѣется товарищъ, который заступаетъ его мѣсто въ случаѣ отъѣзда или инаго для министра статсъ-секретаря препятствія къ исправленію своей должности.

Относительно назначенія министра статсъ-секретаря или товарища министра статсъ-секретаря дѣйствуютъ условія, опредѣленныя въ § 13 для назначенія членовъ сената.

§ 25. По вопросамъ о торговлѣ и мореплаваніи или другихъ обстоятельствахъ, возбуждаемымъ въ имперіи и касающимся Финляндіи, долженъ быть доложенъ Государю Императору министромъ статсъ-секретаремъ отзывъ сената, и рѣшеніе Его Величества въ подобныхъ дѣлахъ сообщается къ руководству въ Финляндіи также по докладу министра статсъ-секретаря.

Таковой же порядокъ соблюдается и при производствѣ дѣлъ, касающихся отношеній Финляндіи къ иностраннымъ государствамъ по торговлѣ, мореплаванію и другимъ обстоятельствамъ.

§ 26. Рѣшенія, подписываемыя Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ, должны быть скрѣпляемы министромъ статсъ-секретаремъ, за исключеніемъ международныхъ актовъ, упомянутыхъ въ послѣднемъ пунктѣ § 25, а также манифестовъ, относящихся до всего россійскаго государства.

Рѣшенія, не подписываемыя Государемъ Императоромъ, сообщаются сенату министромъ статсъ-секретаремъ посредствомъ отношеній и въ прочемъ въ порядкѣ, опредѣленномъ въ § 24.

Во всѣхъ вышеозначенныхъ случаяхъ министръ статсъ-секретарь отвѣчаетъ за согласіе исходящей бумаги съ рѣшеніемъ Государя Императора.

§ 27. Предсѣдатель или членъ сената не можетъ одновременно отправлять другую должность по общему штату, или пользоваться окладомъ по оной. Предсѣдатель и членъ верховнаго суда не можетъ одновременно ни занимать, ни отправлять таковую должность.

§ 28. Генералъ-губернаторъ, предсѣдатель и члены сената и верховнаго суда, министръ статсъ-секретарь и его товарищъ и прокуроръ отвѣчаютъ одному Государю Императору за исполненіе служебныхъ обязанностей по своимъ должностямъ.

§ 29. Гофгерихты и другія судилища края должны судить по закону и законнымъ постановленіямъ, а также коллегіи, земское управленіе и всѣ другія вѣдомства, равно и всѣ должностныя и служащія лица исполнять повелѣнія и приказанія Государя Императора и Великаго Князя, отправлять возложенныя на нихъ обязанности согласно съ инструкціями и правилами, которыя уже даны или могутъ быть впредь даваемы, и исполнять все, что отъ нихъ требуетъ служба края. Всѣ прочія должностныя и служащія лица, кромѣ упомянутыхъ въ § 28, отвѣчаютъ по закону за упущенія, нерадѣніе или незаконныя дѣйствія.

§ 30. Если Государь Императоръ и Великій Князь находитъ, что сенатъ или верховный судъ или кто либо изъ исчисленныхъ въ § 28 должностныхъ лицъ провинился въ такихъ ошибкахъ и упущеніяхъ, что

они за то должны быть преданы суду, то надъ ними назначается слѣдствіе въ особомъ судѣ, составленномъ изъ президентовъ всѣхъ гофгерихтовъ и коллегій края, старшаго гофгерихтскаго совѣтника отъ каждаго гофгерихта и инспектора финскихъ войскъ или заступающаго его мѣсто. Кромѣ того въ засѣданіяхъ суда участвуютъ предсѣдатель сената и начальникъ судебнаго департамента, коль скоро слѣдствіе назначено надъ верховнымъ судомъ или членомъ онаго, а въ прочихъ случаяхъ два высшихъ члена верховнаго суда. Мѣсто предсѣдателя каждый разъ занимаетъ тотъ изъ членовъ суда, который состоитъ въ высшемъ званіи, а буде двое или нѣсколько изъ нихъ одинаковаго званія, то старшій въ званіи по времени грамоты. Если одинъ или нѣсколько членовъ суда имѣютъ законныя препятствія, или если кто либо изъ нихъ подлежитъ отводу по закону, то судъ тѣмъ не менѣе считается полнымъ, буде въ немъ присутствуютъ семь членовъ.

Обязанность обвинителя исполняется прокуроромъ или тѣмъ лицомъ, которое особо для сего будетъ назначено Государемъ Императоромъ.

Рѣшеніе вышеозначеннаго суда не можетъ быть измѣнено, но у Государя Императора не отъемлется право оказать помилованіе.

§ 31. Государь Императоръ и Великій Князь замѣщаетъ всѣ должности и служебныя мѣста въ краѣ, буде это право не предоставлено или не будетъ предоставлено сенату или другимъ начальствамъ.

Всѣ должности и служебныя мѣста имѣютъ быть замѣщаемы финляндцами христіанскаго вѣроисповѣданія. Каждый, кто исповѣдуетъ сію вѣру, несмотря на форму исповѣданія, имѣетъ право поступить въ финляндскую гражданскую или военную службу.

Иностранцы отличныхъ способностей, исповѣдующіе христіанскую вѣру, могутъ однако быть приглашаемы и назначаемы Государемъ Императоромъ на учительскія мѣста и въ другія должности по учрежденіямъ ученымъ, ремесленнымъ и для изящныхъ искусствъ, а также во врачебныя и военныя должности.

§ 32. Способность, заслуги, опытность и испытанная гражданская доблесть составляютъ правильное и единственное основаніе для назначенія во всѣ какъ высшія, такъ и низшія служебныя должности и мѣста края.

§ 33. Если предсѣдатель или членъ верховнаго суда, президентъ гофгерихта или коллегіи, прокуроръ, губернаторъ, вице-президентъ гофгерихта, начальникъ административнаго управленія или референдарій секретарь просятъ объ увольненіи отъ службы, или если какая либо изъ означенныхъ здѣсь должностей инымъ образомъ сдѣлалась вакантною, то, при представленіи прошенія объ отставкѣ или при донесеніи объ открывшейся вакансіи, сенатъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ представить о томъ или тѣхъ лицахъ, коихъ можно имѣть въ виду при замѣщеніи должности.

Должности, для замѣщенія коихъ доселѣ составлялись кандидатскіе списки, должны и впредь быть замѣщаемы не иначе какъ по кандидатскимъ спискамъ и по всѣмъ дѣламъ о замѣщеніи должностей, поступающимъ на разсмотрѣніе сената и по которымъ назначеніе въ должность зависитъ отъ Государя Императора, сенатъ обязанъ при своемъ отзывѣ повергнуть кандидатскіе списки на Высочайшее воззрѣніе и затѣмъ

Государь Императоръ назначаетъ въ должность того изъ соискателей, кого Онъ находитъ способнѣйшимъ къ оной, но въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ Государь Императоръ предоставилъ свою Высочайшую власть сенату или другому начальству, соблюдается въ семъ отношеніи порядокъ, который уже предписанъ или будетъ предписанъ впредь.

§ 34. Государь Императоръ и Великій Князь назначаетъ архіепископомъ и епископами одного изъ трехъ лицъ, кои по произведенному выбору внесены въ списокъ кандидатовъ на помянутыя должности.

Должности главныхъ пасторовъ имперіальныхъ и консисторіальныхъ пасторатовъ замѣщаются въ порядкѣ, какой доселѣ существуетъ или впредь будетъ опредѣленъ закономъ, принятымъ Государемъ Императоромъ и земскими чинами.

§ 35. За городами края сохраняется право представлять въ бургомистерскія должности трехъ подлежащихъ кандидатовъ, изъ коихъ одинъ назначается въ должность Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ.

§ 36. Генералъ-губернаторъ, предсѣдатель и члены сената, министръ статсъ-секретарь и его товарищъ, президенты коллегій, прокуроръ, губернаторы, начальники административныхъ управленій и канцеляріи генералъ-губернатора, экспедиціонные секретари финляндской Его Величества канцеляріи, рефендарій секретари сената, а также инспекторъ финскихъ войскъ, начальники финляндскаго кадетскаго корпуса, лейбъ-гвардіи и поселенныхъ стрѣлковыхъ баталіоновъ и финскаго флотскаго экипажа занимаютъ довѣренныя должности. Подъ довѣренными должностями разумѣются такія, отъ которыхъ Государь Императоръ, буде признаетъ необходимымъ для блага края, можетъ увольнять чиновника или перемѣщать его въ другую должность.

§ 37. Предсѣдатель и члены верховнаго суда, а также другія лица, занимающія судейскія должности въ высшихъ или низшихъ судахъ, равно прочія штатныя должностныя и служащія лица, кромѣ упомянутыхъ въ § 36, не могутъ быть, безъ законнаго слѣдствія и суда, ни отрѣшаемы отъ занимаемыхъ ими должностей, ни перемѣщаемы въ другія должности иначе, какъ съ собственнаго ихъ согласія; изъ сего однако, сверхъ того, что выше упомянуто, изъемлются также чиновники земскаго управленія, сборщики и агенты по финляндской торговлѣ, низшіе чиновники и служители административныхъ управленій и офицеры кадетскаго корпуса, объ увольненіи или перемѣщеніи коихъ дѣйствуютъ правила, въ особыхъ постановленіяхъ уже опредѣленныя или впредь опредѣляемыя.

Офицеры дѣйствующихъ финскихъ войскъ и чиновники оныхъ, за исключеніемъ духовныхъ лицъ, аудиторовъ и врачей, могутъ также по повелѣнію Государя Императора безъ прошенія быть перемѣщаемы въ другія одинаковыя должности въ Финляндіи.

§ 38. Земскіе чины Финляндіи, по приглашенію Государя Императора и Великаго Князя, должны каждые три года собираться на ординарный сеймъ, а также обязаны и въ промежуточное между сеймами время прибыть на экстраординарный сеймъ, если будутъ къ тому призваны Государемъ Императоромъ.

§ 39. Земскіе чины Финляндіи имѣютъ право сообща съ Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ постановить основной законъ, а

также общія гражданское, уголовное, церковное и морское уложенія и измѣнить или прекратить таковые прежде изданные законы. Слѣдовательно, ни Государь Императоръ не можетъ безъ согласія земскихъ чиновъ, ни земскіе чины не могутъ безъ согласія Государя Императора постановить какіе либо подобные законы или отмѣнить прежніе.

Основными законами Финляндіи считаются сіе уложеніе и сеймовый уставъ.

Гражданскими и уголовными уложеніями считаются также и тѣ части военныхъ законоположеній и постановленій, касающихся военнаго вѣдомства, которыя имѣютъ примѣненіе къ гражданамъ не военнаго вѣдомства.

§ 40. Основной законъ можетъ быть постановленъ, измѣненъ или прекращенъ только по предложенію Государя Императора.

Вопросы объ установленіи, измѣненіи или отмѣнѣ общаго гражданскаго, уголовнаго, церковнаго и морскаго уложеній могутъ, кромѣ таковаго предложенія, быть возбуждаемы также и чрезъ предложенія сословій.

Одинаковое право предложенія предоставлено земскимъ чинамъ также по всѣмъ другимъ вопросамъ, зависящимъ отъ совокупнаго рѣшенія Государя Императора и земскихъ чиновъ.

§ 41. Если земскіе чины согласятся въ принятіи новаго или въ отмѣнѣ, или измѣненіи прежняго закона, то они представляютъ проектъ о томъ Государю Императору и Великому Князю, и Его Величество, по выслушаніи по оному отзывовъ сената и верховнаго суда, постановляетъ по дѣлу свое рѣшеніе. Если проектъ земскихъ чиновъ будетъ одобренъ Государемъ Императоромъ, то имѣетъ быть издано постановленіе, буквально съ онымъ согласное. Если же проектъ въ неизмѣненномъ видѣ не будетъ одобренъ Государемъ Императоромъ, то считается во всемъ его объемѣ несостоявшимся, и Государь Императоръ не позже слѣдующаго сейма сообщаетъ земскимъ чинамъ причины, воспрепятствовавшія принятію проекта.

Буде Государю Императору угодно сдѣлать земскимъ чинамъ предложеніе по какому либо вопросу изъ упомянутыхъ въ §§ 39 и 40, то Его Величество, выслушавъ по оному отзывы сената и верховнаго суда, сообщаетъ земскимъ чинамъ предложеніе вмѣстѣ съ сими отзывами, и въ случаѣ разногласія въ оныхъ, также и съ протоколомъ о подачѣ голосовъ. Если земскіе чины согласятся на предложеніе въ неизмѣненномъ видѣ или если оно будетъ ими принято съ измѣненіями, на которыя согласится Государь Императоръ, то Его Величество повелѣваетъ издать общее постановленіе по предмету, буквально согласное съ рѣшеніемъ, въ томъ или другомъ случаѣ состоявшимся у земскихъ чиновъ. Если представленныя земскими чинами измѣненія въ предложеніи не будутъ одобрены Государемъ Императоромъ, то предложеніе во всей его цѣлости не принимается, о чемъ и извѣщаются земскіе чины, въ установленномъ выше сего порядкѣ.

Коль скоро въ сихъ случаяхъ будетъ издано постановленіе, то въ немъ обозначается, что земскіе чины изъявили на оное свое согласіе.

§ 42. По прошенію земскихъ чиновъ имъ должны быть сообщаемы протоколы и прочія дѣлопроизводства, касающіяся вопросовъ, которые

переданы на ихъ разсмотрѣніе Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ.

§ 43. Относительно поясненія основного закона и гражданскаго, уголовнаго, церковнаго или морскаго уложеній соблюдается то же, что установлено о постановленіи такихъ законовъ. Основной законъ имѣетъ быть примѣняемъ по буквальному смыслу до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ поясненіе онаго въ помянутомъ здѣсь порядкѣ

§ 44. Въ тѣ времена, когда земскіе чины не собраны на сеймъ, Государь Императоръ и Великій Князь имѣетъ право, въ отвѣтъ на поступившіе запросы, по выслушаніи по дѣлу отзыва верховнаго суда, издавать поясненія о точномъ смыслѣ гражданскаго, уголовнаго, церковнаго и морскаго уложенія. Однако земскимъ чинамъ первонаступившаго сейма имѣетъ быть сообщено предложеніе о принятіи таковаго поясненія.

§ 45. Одному Государю Императору и Великому Князю принадлежитъ право изданія военнаго уложенія, однако съ исключеніемъ, опредѣленнымъ въ § 39, а также законовъ и постановленій, касающихся общественнаго хозяйства или общественныхъ учрежденій края.

Буде Государь Императоръ предоставитъ земскимъ чинамъ право совокупнаго съ Нимъ совѣщанія и рѣшенія по какому либо изъ сихъ предметовъ, то соблюдается при томъ порядокъ, опредѣленный §§ 40, 41 и 43 относительно законодательныхъ вопросовъ.

§ 46. Вопросы объ установленіи, измѣненіи или отмѣнѣ законовъ и постановленій, также и по другимъ предметамъ, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ земскіе чины имѣютъ право предложенія, могутъ быть въ сословіяхъ возбуждаемы въ порядкѣ, ближе опредѣленномъ въ сеймовомъ уставѣ, по рѣшенія сословій по симъ вопросамъ предоставляются Государю Императору и Великому Князю только въ видѣ желаній, на которыя Государь Императоръ обращаетъ вниманіе, признаваемое Имъ полезнымъ для края.

§ 47. Земскіе чины и ихъ коммисіи не должны въ другихъ случаяхъ, кромѣ положительно опредѣленныхъ симъ уложеніемъ, обсуждать или постановлять объ образѣ дѣйствій высшихъ или низшихъ должностныхъ и служащихъ лицъ по ихъ должностямъ, или возбуждать вопросы о ихъ назначеніи въ должности или объ отрѣшеніи отъ оныхъ, о рѣшеніяхъ или распоряженіяхъ правительственныхъ или судебныхъ властей, объ обстоятельствахъ, касающихся обществъ или частныхъ гражданъ, или объ исполненіи законовъ и постановленій.

Земскіе чины также не имѣютъ никакой судебной власти.

§ 48. Земскіе чины Финляндіи имѣютъ на общемъ сеймѣ пользоваться правомъ наложенія на себя податей и вопреки доброй воли и согласія земскихъ чиновъ никакіе новые налоги, подати или сборы деньгами или товарами не должны быть требуемы или взимаемы, если только край не будетъ постигнутъ войною, въ таковомъ случаѣ Государь Императоръ и Великій Князь имѣетъ въ означенномъ отношеніи принять мѣры, необходимыя для безопасности и блага края; но тотчасъ же по окончаніи войны земскіе чины, даже если и не наступилъ еще срокъ ординарнаго сейма, должны быть созваны, и новыя подати, если таковыя были наложены вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ, немедленно отмѣнены.

§ 49. Однако отъ одного Государя Императора и Великаго Князя зависитъ опредѣлять:

пошлины, кои уплачиваются за употребленіе принадлежащихъ казнѣ способовъ сообщенія и другихъ общественныхъ заведеній;

количество вознагражденія за пользованіе общественными учрежденіями и заведеніями, содержаніе коихъ принадлежитъ городамъ и общинамъ, кромѣ случаевъ, когда опредѣленіе подобнаго вознагражденія именно предоставлено городамъ или общинамъ;

пошлины за исходящія отъ властей и служащихъ лицъ бумаги, а также вознагражденіе служащимъ за частныя служебныя дѣйствія, и

какъ основанія, такъ и количество таможенныхъ пошлинъ, коими могутъ быть облагаемы издѣлія русскаго происхожденія, привозимыя изъ имперіи въ Финляндію.

§ 50. Общія начала всѣхъ прочихъ таможенныхъ налоговъ, кромѣ упомянутыхъ въ § 49, подлежатъ совокупному опредѣленію Государя Императора и Великаго Князя вмѣстѣ съ земскими чинами; но отъ Государя Императора одного зависитъ, согласно съ опредѣленными такимъ образомъ началами, назначать количество таможенныхъ пошлинъ.

§ 51. Отъ обоюднаго обсужденія Государя Императора и Великаго Князя и земскихъ чиновъ зависитъ опредѣленіе правилъ, долженствующихъ служить къ руководству при выдѣлкѣ и продажѣ хлѣбнаго вина въ краѣ, а также назначеніе подати за это.

§ 52. Количество же всѣхъ прочихъ оброковъ и общихъ податей, въ настоящее время отбываемыхъ въ краѣ, за исключеніемъ помянутыхъ въ §§ 49, 50 и 54, не можетъ быть измѣняемо безъ совокупнаго рѣшенія Государя Императора и Великаго Князя и земскихъ чиновъ.

Если возникнетъ вопросъ объ измѣненіи началъ для отбыванія тягостей и общихъ повинностей, то соблюдается тотъ же порядокъ.

§ 53. Государь Императоръ и Великій Князь имѣетъ право располагать ординарными доходами статнаго вѣдомства на пользу и благо края.

Ежегодный бюджетъ, согласно § 15, составленный сенатомъ и утверждаемый Государемъ Императоромъ, долженъ быть изложенъ такъ, чтобы расходы покрывались обыкновенными статными доходами.

Въ бюджетъ должна быть внесена не только опредѣленная сумма въ собственное распоряженіе Государя Императора, но и ассигновка на пособія, вспомоществованія и другія экстренныя выдачи, зависящія отъ благоусмотрѣнія Государя Императора, и въ случаѣ нужды назначаемыя по приказанію Государя Императора.

Этого бюджета не должно превышать, развѣ Государь Императоръ сочтетъ это необходимо потребнымъ для пользы и блага края.

§ 54. Дабы земскіе чины могли знать какимъ образомъ доходы казны употреблены на пользу и благо края, Государь Императоръ и Великій Князь разрѣшаетъ изложить имъ на каждомъ сеймѣ о состояніи статныхъ доходовъ и расходовъ.

Земскимъ чинамъ предъявляются также потребности статнаго вѣдомства, а равно необходима ли и въ какомъ количествѣ необходима на покрытіе потребностей чрезвычайная подать, сверхъ обыкновенныхъ статныхъ доходовъ.

Чрезвычайными податями считаются гербовая пошлина, а также налоги, которые земскіе чины сверхъ того особо принимаютъ на себя на каждомъ сеймѣ.

§ 55. По приведеніи въ извѣстность потребностей статнаго вѣдомства, отъ земскихъ чиновъ зависитъ, въ случаѣ надобности, принять на себя чрезвычайную подать въ большемъ или меньшемъ количествѣ и опредѣлить основанія для отбыванія оной.

Если количество какой либо принятой въ означенномъ отношеніи чрезвычайной подати не будетъ опредѣлено въ продолженіе сейма, то прежняя чрезвычайная подать сохраняется впредь до исхода того года, въ которомъ кончается слѣдующій сеймъ.

Если же количество чрезвычайной подати будетъ опредѣлено, но земскіе чины не согласны въ распредѣленіи оной, то для распредѣленія принимается то же основаніе, какое было опредѣлено на предъидущемъ сеймѣ, но съ такимъ повышеніемъ или уменьшеніемъ взносовъ по чрезвычайной подати, къ какому можетъ дать поводъ разница между количествами оной, опредѣленными на каждомъ изъ сеймовъ, и земскіе чины имѣютъ поручить особымъ довѣреннымъ лицамъ составленіе на такомъ основаніи новаго постановленія о чрезвычайной подати.

§ 56. Буде земскіе чины признаютъ необходимымъ принять на себя особую чрезвычайную подать для извѣстныхъ предназначенныхъ ими цѣлей, то имъ имѣетъ быть на слѣдующемъ сеймѣ представленъ полный отчетъ по назначеннымъ такимъ образомъ средствамъ и, по поводу употребленія ассигнованныхъ суммъ, земскіе чины имѣютъ право обсудить, не встрѣчается ли причинъ подвергнуть взысканію какое либо должностное или служащее лицо и донести о томъ Государю Императору и Великому Князю.

Если земскіе чины назначили таковыя ассигновки, но до закрытія сейма не согласились относительно началъ для отбыванія чрезвычайной подати, то соблюдается правило, установленное въ послѣднемъ пунктѣ § 55.

Если отъ особой чрезвычайной подати окажется остатокъ, то онъ передается въ распоряженіе земскихъ чиновъ слѣдующаго сейма.

Относительно употребленія той части винокуренной подати, которая особо не предоставлена казнѣ, а также отчетности объ оной, поступать такимъ же образомъ, какъ выше сего установлено объ особой чрезвычайной подати.

§ 57. Никакой статный заемъ не можетъ быть заключаемъ безъ одобренія и согласія земскихъ чиновъ, если только это необходимо не потребуется вслѣдствіе непріятельскаго нападенія или какого либо другого непредвидѣннаго общественнаго бѣдствія.

§ 58. Воспрещается отдавать доходы статнаго вѣдомства на откупъ, а также утверждать монополіи и преимущественныя права въ пользу казны или частныхъ лицъ. Изъ сего изъемлется однако право, съ исключеніемъ прочихъ, въ теченіе извѣстнаго срока заниматься и пользоваться новыми изобрѣтеніями по ремесламъ и художествамъ, или улучшеніями въ таковыхъ прежнихъ.

§ 59. Королевскіе дворцы, королевскіе ладугорды и коронные бостели съ принадлежащими къ нимъ гейматами и угодьями, коронные лѣса и

рощи, коронные луга и отдѣльные участки, коронныя рыбныя ловли и прочія коронныя поземельныя имѣнія завѣдываются къ выгодѣ и пользѣ края, какъ о томъ будетъ повелѣно Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ, но не могутъ быть, безъ согласія земскихъ чиновъ, отчуждены изъ казны чрезъ продажу, отдачу въ залогъ или пожалованіе.

Однако лица или общества, на основаніи дѣйствующихъ постановленій нынѣ занимающія таковыя коронныя владѣнія или пользующіяся оными, остаются въ пользованіи своими законными на то правами.

Равнымъ образомъ сохраняется и впредь за обывателями коронныхъ гейматовъ принадлежащее имъ право шкатоваго выкупа подобныхъ гейматовъ.

§ 60. Учрежденіе поселеннаго войска остается ненарушимымъ до тѣхъ поръ, пока Государь Императоръ и Великій Князь и земскіе чины обоюдно не опредѣлятъ объ измѣненіи онаго.

Контракты о поставкѣ пѣхоты и боцмановъ, заключенные съ сельскими обывателями и городами и надлежащимъ образомъ утвержденные, не должны быть отмѣняемы или измѣняемы, и не дозволяется также ввести новое или усиленное распредѣленіе рутъ иначе, какъ по единогласному рѣшенію Государя Императора и земскихъ чиновъ.

Фонды финляндскаго банка, состоящіе подъ гарантіею и на попеченіи земскихъ чиновъ, управляются нѣсколькими избранными отъ сословій повѣренными, согласно съ особымъ постановленіемъ, принятымъ Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ совокупно съ земскими чинами. Билеты, выпускаемые банкомъ, должны быть по ихъ достоинству выплачиваемы банкомъ монетою края.

§ 62. Государю Императору и Великому Князю принадлежитъ право чеканить монету края, но измѣненіе вѣса и доброты монеты, будетъ ли то повышеніе или пониженіе, не можетъ имѣть мѣста безъ согласія земскихъ чиновъ.

§ 63. Предсѣдатель и члены коммисій, примѣняющіе правила относительно принятой земскими чинами общей чрезвычайной подати, не могутъ быть подвергнуты отвѣтствію за распредѣленіе и назначеніе оной, и они въ прочемъ, при исполненіи своихъ порученій, пользуются тою же безопасностью и защитою, какъ и члены сейма.

§ 64. Всѣ сословія пользуются ненарушимо дарованными имъ привилегіями, преимуществами и правами, и ни существующія не могутъ быть измѣняемы или отмѣнены, ни новыя привилегіи жалуемы какому либо изъ сословій безъ согласія Государя Императора и Великаго Князя и всѣхъ сословій.

§ 65. За городами края сохраняются особыя привилегіи и права, правителемъ края каждому изъ нихъ пожалованныя, однако съ тѣмъ, чтобы сіи преимущества соображались съ необходимыми, по измѣнившимся обстоятельствамъ времени, требованіями общественнаго благосостоянія.

§ 66. Земля не измѣняетъ своего сетерейнаго, общефрельсоваго, шкатоваго и казеннаго свойства и различія, кромѣ тѣхъ случаевъ, въ коихъ это разрѣшено закономъ.

Каждый финляндскій гражданинъ имѣетъ право пріобрѣтать землю въ краѣ и владѣть оною, какого бы она свойства ни была.

§ 67. Сіе уложеніе имѣетъ во всѣхъ его частяхъ силу неизмѣнимаго основнаго закона для Государя Финляндіи и земскихъ чиновъ до тѣхъ поръ, пока оно единогласнымъ ихъ рѣшеніемъ не будетъ измѣнено или прекращено.

Общія замѣчанія финляндскаго генералъ-губернатора на изданіе полнаго уложенія для Великаго Княжества Финляндскаго и на проектъ преобразованія сената.

На подлинномъ въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ Собственноручно начертано:

«Имѣть въ виду при представленіи новыхъ проектовъ сюда».

Изданіе полнаго уложенія, при настоящемъ настроеніи умовъ, можетъ дать поводъ къ неумѣстнымъ преніямъ на сеймѣ и въ нѣкоторой степени подкрѣпить неточныя понятія о самостоятельности страны, а потому можно бы на этотъ разъ ограничиться измѣненіемъ въ основныхъ законахъ только статей, потерявшихъ значеніе и силу,—объявивъ въ прибавленіи къ актамъ 1772 и 1789 гг. какъ о новомъ сеймовомъ уставѣ, такъ равно о привилегіяхъ, въ послѣднее время дарованныхъ.

Обращеніе судебнаго департамента сената въ верховный судъ, съ присвоеніемъ членамъ права неотрѣшаемости (inamovilité) основанъ на теоретическомъ началѣ, требующемъ совершенной независимости судей; но во все время существованія судебнаго департамента сената былъ ли хотя одинъ случай неправильнаго рѣшенія, и возможно ли допустить, чтобы высшее правительство желало незаконныхъ приговоровъ? Конечно встрѣчались примѣры неутвержденія судебнымъ департаментомъ рѣшеній гофгерихтовъ, но это было почти исключительно по дѣламъ о печати, и причину различнаго взгляда должно приписать не вліянію правительства, а единственно тому, что судебный департаментъ, участвуя во всѣхъ болѣе важныхъ административныхъ распоряженіяхъ, не могъ весьма естественно раздѣлять одностороннія понятія низшихъ судебныхъ мѣстъ. На счетъ же присвоенія членамъ верховнаго суда права неотрѣшаемости, то я полагалъ бы нелишнимъ, если оно состоится, опредѣлить извѣстное число лѣтъ, по достиженіи коихъ правительство себѣ предоставляетъ увольнять ихъ отъ службы съ пенсіономъ, не ожидая, чтобы они по болѣзненности или дряхлости дали поводы къ удаленію по суду.

Раздѣленіе сената на департаменты и учрежденіе коллегій принесетъ безъ сомнѣнія пользу для болѣе правильнаго обсужденія дѣлъ,—но оно можетъ быть достигнуто только съ значительными денежными пожертвованіями, которыя въ настоящее время почти невозможны и требовать отъ края не совсѣмъ удобно. Комитету, занимающемуся симъ вопросомъ, останется только, для сокращенія расходовъ, соединить всѣ существующія нынѣ дирекціи въ двѣ или три коллегіи,—а тогда окажутся тѣ же неудобства, которыя нынѣ замѣчены, т. е. что лица не спеціальныя

рѣшаютъ техническіе вопросы, слѣдовательно поверхностно и неудовлетворительно. По симъ уваженіямъ было бы кажется осторожнѣе отложить учрежденіе коллегій до тѣхъ поръ, когда финансы великаго княжества будутъ въ лучшемъ состояніи.

Наконецъ въ предполагаемомъ преобразованіи сената, съ назначеніемъ финляндскаго уроженца предсѣдателемъ онаго,—повидимому, главная цѣль заключается въ уничтоженіи вліянія генералъ-губернатора на дѣла управленія. При генералъ-губернаторѣ учреждается нѣчто въ родѣ совѣта, составленнаго изъ сенаторовъ, уже подавшихъ свои мнѣнія по тѣмъ дѣламъ, и двухъ лицъ судебнаго вѣдомства, не вполнѣ, полагать можно, знакомыхъ съ административными дѣлами. Совѣту сему вмѣняется въ обязанность пояснять дѣла генералъ-губернатору, а сей послѣдній, если и за тѣмъ еще пожелаетъ дать особый отзывъ, то можетъ это сдѣлать, но не иначе, какъ представленіемъ самаго протокола, заключающаго опроверженія того мнѣнія. Таковой порядокъ весьма натурально поставитъ генералъ-губернатора въ самое фальшивое положеніе и даже лишитъ его возможности исполнять добросовѣстно свои обязанности къ престолу. Созываемыя имъ лица не совѣтники, а ревизоры, обслуживающіе основательность его мнѣній. Въ дѣлахъ же, предоставленныхъ рѣшенію самого сената, хотя бы распоряженія противодѣйствовали предположеніямъ верховной власти,—генералъ-губернаторъ, не бывъ предсѣдателемъ сената, не будетъ имѣть ни права, ни возможности остановить данныя предписанія и тѣмъ предупредить дурныя послѣдствія. При нынѣшнемъ составѣ сената подобнаго обстоятельства предполагать нельзя и быть оно не можетъ, но въ постановленіяхъ, имѣющихъ силу закона, неизлишне предвидѣть всѣ возможные случаи и въ отдаленной будущности.

Вообще можно сказать, что предположенное постановленіе, если внесено будетъ въ новое уложеніе, лишитъ правительство должнаго контроля за дѣйствіями мѣстнаго управленія и отниметъ у него дѣйствительное средство къ успѣшному приведенію въ исполненіе Высочайшихъ повелѣній;—для ограниченія же генералъ-губернатора вовсе не нужно новаго учрежденія, а достаточно одного слова Государя Императора, и всякое вмѣшательство со стороны генералъ-губернатора само собою прекращается.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить, что повторяющіяся настоянія о новыхъ правахъ невольно наводятъ мысль на потаенныя дѣйствія радикальной партіи. Въ послѣднее время измѣнилось многое въ финляндскомъ обществѣ; явились новыя понятія о самостоятельности края, стремленія къ сепаратизму и неуклонное желаніе обезпечить будущность. Въ монетной реформѣ эти дѣйствія высказались довольно ясно: испрошены мало по малу и систематическія разныя уступки, сами по себѣ незначительныя, но которыя наконецъ довершили отдѣленіе великаго княжества отъ имперіи.

Въ настоящемъ проектѣ, если слѣдить за ходомъ дѣла, нельзя не подозрѣвать ту же радикальную партію, распространяющую безпрерывно свои мнѣнія, съ указаніемъ даже на лицо, достойное находиться во главѣ управленія. При этомъ не долженъ я умолчать, что программа радикаловъ мнѣ давно извѣстна, и что только часть оной нынѣ предложена къ обсужденію въ комитетахъ.

Принимая все вышесказанное во вниманіе, я бы находилъ лучшимъ оставить дѣйствующія нынѣ учрежденія въ своей силѣ. Для меня какъ ни дороги интересы финляндцевъ къ правильному ихъ развитію и къ благоденствію края, но не могу этого желать въ ущербъ интересовъ имперіи, полагая при томъ, что новыя уступки ни удовлетворятъ радикальную партію и поведутъ только къ новымъ несбыточнымъ желаніямъ.

Подписалъ: генералъ отъ инфантеріи Баронъ *Рокасовскій.*

С.-Петербургъ.
19/31 Мая 1865 г.

Копія возраженій, составленныхъ при статсъ-секретаріатѣ, на замѣчанія финляндскаго генералъ-губернатора.

На подлинномъ въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ Собственноручно начертано:

«Такъ какъ записка ген. губер. была совершенно конфиденціальная, то желаю, чтобы содержаніе ея сохранялось въ тайнѣ.

Возраженія нахожу вообще дѣльными, кромѣ мѣста, отмѣченнаго карандашемъ».

Общія замѣчанія финляндскаго генералъ-губернатора на изданіе полнаго уложенія Великаго Княжества Финляндскаго и на проектъ преобразованія сената.

Возраженія на сіи замѣчанія.

1) Генералъ-губернаторъ находитъ изданіе полнаго уложенія для Финляндіи, въ которомъ содержались бы всѣ нынѣ дѣйствующія въ краѣ основныя законоположенія неудобнымъ потому, что это можетъ дать поводъ къ неумѣстныхъ преніямъ на сеймѣ и потому полагаетъ, что на этотъ разъ можно бы ограничиться измѣненіемъ въ основныхъ законахъ только статей, потерявшихъ значеніе и силу.

Причина, почему было представлено объ изданіи основныхъ законовъ въ видѣ одного уложенія, очевидна. Она заключается въ томъ, что основныя узаконенія содержатся не только въ формѣ правленія отъ 1772 и въ актѣ 1789 годовъ, но и въ разныхъ въ послѣдствіи утвержденныхъ Государями сеймовыхъ рѣшеніяхъ и другихъ постановленіяхъ, содержащихъ въ себѣ неясности и противорѣчія, требующія истолкованія. Изданіе же новаго закона въ томъ видѣ, какъ предполагаетъ генералъ-губернаторъ, съ указаніемъ только статей, потерявшихъ значеніе и силу, и со включеніемъ дарованныхъ сейму Его Императорскимъ Величествомъ при открытіи онаго въ 1863 году новыхъ привилегій, повело бы еще къ большей запутанности и, нисколько не устраняя прежнихъ недостатковъ, породило бы новыя недоразумѣнія.

Опасенія генералъ-губернатора, что разсмотрѣніе основныхъ законовъ въ формѣ полнаго уложенія подастъ поводъ къ неумѣстнымъ преніямъ на сеймѣ, совершенно напрасны, ибо во 1-хъ, на ландмаршалѣ и

сословныхъ предводителяхъ, назначаемыхъ Его Императорскимъ Величествомъ, лежитъ обязанность не допускать сужденій, не имѣющихъ прямаго отношенія къ обсуждаемому предмету, а въ 2-хъ — если и могутъ обнаружиться какія либо неумѣстныя заявленія и требованія при обсужденіи уложенія, то конечно въ такой же точно мѣрѣ и даже еще гораздо скорѣе они могутъ быть высказаны при обсужденіи закона въ томъ видѣ, какъ предполагаетъ генералъ-губернаторъ, ибо во всякомъ случаѣ законъ этотъ долженъ быть переданъ на разсмотрѣніе Сейма.

2) Генералъ-губернаторъ дѣлаетъ замѣчанія на отдѣленіе судебнаго департамента отъ сената и на обращеніе его въ верховный судъ съ присвоеніемъ его членамъ права неотрѣшаемости.

Одно изъ основныхъ началъ каждаго хорошо устроеннаго общества есть отдѣленіе судебной власти отъ административной. Если въ 1809 году при учрежденіи высшаго мѣстнаго управленія Финляндіи это не было соблюдено, то оно и не осталось безъ вредныхъ послѣдствій. Оправданіемъ тому впрочемъ можетъ служить отчасти поспѣшность, съ которою на сеймѣ 1809 года былъ составленъ проектъ учрежденія сената и его регламента, а отчасти необходимость, по тогдашнимъ скуднымъ средствамъ казны, учредить высшее мѣстное управленіе съ возможно меньшими расходами.

Замѣчаніе генералъ-губернатора на предположенную неотрѣшаемость членовъ верховнаго суда противорѣчитъ основанію, принятому въ семъ отношеніи въ законодательствахъ всѣхъ европейскихъ государствъ и объявленному также въ недавно утвержденной для имперіи судебной реформѣ. Что касается въ частности до Финляндіи, то по буквальному смыслу акта 1789 года всѣ судьи высшихъ и низшихъ инстанцій неотрѣшаемы. Слѣдовательно, предложенное узаконеніе относительно верховнаго суда не есть новость, а только примѣненіе существующаго основнаго опредѣленія.

Наконецъ, въ отношеніи мнѣнія генералъ-губернатора, будто бы судебный департаментъ, вслѣдствіе нынѣшняго своего участія въ разсмотрѣніи административныхъ дѣлъ, имѣетъ болѣе правильный взглядъ на рѣшеніе дѣлъ о печати, нежели низшія судебныя мѣста, нельзя не замѣтить, что отъ усмотрѣнія Его Императорскаго Величества будетъ зависѣть, какимъ образомъ подобныя дѣла должны быть разсматриваемы по окончаніи сейма, когда прекращается дѣйствіе нынѣ утвержденнаго постановленія о печати. Пріобрѣтенный до того времени опытъ укажетъ тогда, можно ли рѣшеніе дѣлъ о печати и впредь предоставить обыкновеннымъ судебнымъ мѣстамъ, или для этого должна быть учреждена особая инстанція.

3) Генералъ-губернаторъ полагаетъ, что раздѣленіе сената на департаменты съ учрежденіемъ коллегій потребуетъ расходовъ, которые почти невозможны при нынѣшнемъ финансовомъ положеніи.

Судить теперь о расходахъ, какіе потребуются вслѣдствіе преобразованія сената, кажется преждевременнымъ. До тѣхъ поръ, пока комитетъ, которому поручено составленіе проекта по сему предмету, не представитъ этого проекта и штата съ своими соображеніями о сокращеніяхъ,

долженствующихъ послѣдовать въ составѣ нынѣшнихъ присутственныхъ мѣстъ, нельзя положительно сказать, какіе потребуются расходы при новомъ учрежденіи. Означенный проектъ имѣетъ быть представленъ до истеченія нынѣшняго іюня мѣсяца, а затѣмъ, по истребованію по оному отзывовъ сената и генералъ-губернатора, отъ воли Его Императорскаго Величества будетъ зависѣть, дать ли дальнѣйшій ходъ этому дѣлу, или отложить его до болѣе благопріятныхъ финансовыхъ обстоятельствъ, или же вовсе оставить безъ послѣдствій.

4) Генералъ-губернаторъ подозрѣваетъ, что главная цѣль неназначенія его предсѣдателемъ сената заключается въ уничтоженіи его вліянія на дѣла управленія, и что генералъ-губернаторъ, чрезъ учрежденіе при немъ совѣта, будетъ поставленъ въ фальшивое положеніе и лишится возможности исполнять свои обязанности къ престолу.

Въ опроверженіе основательности подобнаго предположенія слѣдуетъ только сослаться на доводы, содержащіеся въ протоколѣ отъ 28 Ноября прошлаго года, при которомъ поднесены были на Высочайшее благоусмотрѣніе программы всѣхъ измѣненій, подвергшихся нынѣ замѣчаніямъ генералъ-губернатора, и въ которомъ относительно вышеприведеннаго пункта было изложено: «что генералъ-губернаторъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ владѣетъ которымъ либо изъ двухъ общеупотребительныхъ въ краѣ языковъ; что какъ по этой, такъ и по многимъ другимъ легко понятнымъ причинамъ онъ лишь съ трудомъ и послѣ долговременныхъ стараній можетъ вникнуть во всѣ свойственныя Финляндіи обстоятельства и слѣдовательно долго остается чуждымъ къ краю и можетъ подвергаться косвеннымъ вліяніямъ; что комитетъ поэтому въ случаѣ, когда генералъ-губернаторъ въ вопросахъ, касающихся драгоцѣннѣйшихъ правъ Финляндіи или иначе имѣющихъ чрезвычайное для края значеніе, пожелаетъ выразить Его Императорскому Величеству свое мнѣніе, не согласующееся съ тѣмъ, что высшимъ управленіемъ края представляется какъ полезнѣйшее, считаетъ нужнымъ, чтобы при генералъ-губернаторѣ находились лица изъ того же управленія, напримѣръ предсѣдатель сената, начальникъ отдѣленія онаго, въ которомъ представленіе было изготовлено, и прокуроръ сената, которые имѣли бы тогда случай объяснить генералъ-губернатору ближайшія причины, побудившія сенатъ къ представленію или служащія оному основаніемъ, и что если засимъ генералъ губернаторъ и по доставленіи ими подобныхъ объясненій останется при своемъ несогласномъ съ сенатомъ мнѣніи, то чтобы отзывъ его былъ изложенъ въ протоколѣ, дабы и вышеупомянутыя лица имѣли возможность представить Государю Императору объясненія, къ которымъ въ томъ или другомъ отношеніи можетъ подать поводъ отзывъ генералъ-губернатора».

Къ этому должно присовокупить еще слѣдующее: если въ сенатѣ долженъ быть предсѣдатель, то послѣдовательность требуетъ, чтобы онъ предсѣдательствовалъ на дѣлѣ, а не по имени только, какъ это было съ самаго учрежденія сената, за исключеніемъ лишь времени, когда генералъ-губернаторскую должность занимали графъ Штейнгель и помощникъ генералъ-губернатора Теслевъ. Генералъ-губернаторъ, какъ мѣстный представитель Государя Императора и высшій блюститель за порядкомъ во всѣхъ отра-

сляхъ управленія краемъ, даже если бы и пересталъ быть именнымъ Предсѣдателемъ сената, тѣмъ не менѣе поставленъ выше его и кромѣ того не можетъ въ означенномъ случаѣ ни терять своей власти или политическаго значенія, ни лишиться того вліянія на сенатъ, которое ему предоставлено, если только онъ имѣетъ личныя качества, необходимыя для сохраненія своихъ правъ и достоинства. Опасеніе генералъ-губернатора, будто бы, въ случаѣ освобожденія его отъ предсѣдательствованія въ сенатѣ, онъ лишится права и возможности имѣть надзоръ за дѣйствіями сената въ дѣлахъ, исключительно отъ сего послѣдняго зависящихъ, — нельзя не считать по меньшей мѣрѣ страннымъ, когда именно по своему званію и согласно 26 и слѣдующимъ § § Инструкціи отъ $\frac{\text{31 января}}{\text{12 февраля}}$ 1812 года генералъ-губернаторъ есть главноуправляющій гражданскою исполнительною частію въ краѣ и слѣдовательно имѣетъ право получать свѣдѣнія о всѣхъ дѣлахъ, производящихся въ хозяйственномъ департаментѣ, можетъ потребовать отъ сената объясненія и справокъ, какія признаетъ для себя необходимыми, и притомъ, въ случаѣ оставленія сенатомъ безъ вниманія его замѣчаній и напоминаній, имѣетъ возможность доносить о томъ Его Императорскому Величеству и испрашивать Высочайшихъ повелѣній. Наконецъ въ собственномъ интересѣ генералъ-губернаторъ долженъ бы былъ скорѣе поддерживать, чѣмъ противодѣйствовать тому, чтобы объясненія и отзывы, какіе могли бы быть сдѣланы въ томъ случаѣ, когда онъ не соглашается съ сенатомъ, высказывались лично предъ нимъ, вмѣсто того, что нынѣ происходитъ это въ комитетѣ финляндскихъ дѣлъ, коего отзывы остаются неизвѣстными генералъ-губернатору и слѣдовательно не могутъ быть имъ опровергаемы, если бы онъ и усмотрѣлъ въ томъ надобность.

5) Генералъ-губернаторъ говоритъ, что въ Финляндіи въ послѣднее время появилась радикальная партія, стремящаяся къ совершенному отдѣленію Финляндіи отъ имперіи, къ независимости и самостоятельности края и къ обезпеченію въ семъ отношеніи его будущности.

Нельзя не сознаться, что съ того времени, какъ Его Императорскому Величеству благоугодно было созвать земскіе чины Финляндіи на сеймъ, пробудилось въ краѣ живое участіе къ общественнымъ дѣламъ. Въ этомъ впрочемъ нѣтъ ничего удивительнаго. Таковъ естественный порядокъ вещей и подобное участіе само собою должно было послѣдовать. Однако достойныя и прямодушныя дѣйствія послѣдняго сейма, за изъятіемъ немногихъ личностей, кажется достаточно свидѣтельствуютъ, что земскіе чины края и понимаютъ и признаютъ и уважаютъ священныя права своего Монарха, хотя съ другой стороны они и высказывали желаніе сохранить и обезпечить за собою то, что имъ даровано основными законами.

Всѣмъ извѣстно впрочемъ, и генералъ-губернаторъ конечно не отвергаетъ справедливости того обстоятельства, что тѣ личности, которыя въ началѣ сейма заявляли претензіи сдѣлаться представителями болѣе свободныхъ понятій о положеніи Финляндіи, въ продолженіе сейма болѣе и болѣе теряли всѣ симпатіи и по окончаніи онаго впали въ прежнее свое ничтожество. Радикальная программа, о которой, какъ говоритъ генералъ-

губернаторъ, онъ имѣетъ свѣдѣніе, не есть тайна и для другихъ, ибо каждый, кто со вниманіемъ слѣдитъ за ежедневною печатью въ краѣ, имѣетъ возможность вполнѣ узнать ее. Мечты, появляющіяся въ печати, по большей части заимствуются изъ иностранной журналистики, сами по себѣ не имѣютъ никакого значенія и встрѣчаютъ мало сочувствія въ финскомъ народѣ, который, по своему спокойному нраву, по своей малой склонности къ нововведеніямъ вообще и по образу мыслей будучи консервативнымъ и преимуществено монархическимъ, не можетъ по всѣмъ симъ причинамъ подать повода къ особенному безпокойству со стороны правительства, хотя благоразумная осторожность и требуетъ слѣдить зорко и не допускать, чтобы своеволіе или заносчивость проходили незамѣченными или безнаказанными.

Генералъ-губернаторъ говоритъ, что въ Финляндіи встрѣчается стремленіе къ сепаратизму и самостоятельности и неуклонное желаніе обезпечить будущность. Но что именно должно понимать подъ этимъ, генералъ-губернаторъ не объясняетъ.

Если подъ сепаратизмомъ должно разумѣть желанія или старанія совершенно отдѣлиться отъ Россіи съ тѣмъ, чтобы Финляндія составляла или самостоятельное и независимое государство, или государство федеративное въ союзѣ Скандинавскихъ державъ, то такое предположеніе не имѣетъ никакого основанія, и всѣ знающіе край могутъ засвидѣтельствовать, что подобныя желанія и стремленія существуютъ развѣ у безумныхъ мечтателей. Но если генералъ-губернаторъ подъ именемъ сепаратизма разумѣетъ желанія финляндцевъ сохранить свои отдѣльные законы и управленіе и постепенное ихъ развитіе и совершенствованіе съ соизволенія Государя Императора и въ этомъ отношеніи обезпечить свою будущность, то указаніе генералъ-губернатора не только совершенно вѣрно, но даже естественно.

Впрочемъ нельзя не сознаться, и это предъ симъ не было скрыто отъ Его Императорскаго Величества, что въ Финляндіи есть лица, питающія не совсѣмъ доброе расположеніе къ Россіи, а быть можетъ и желанія, несогласныя съ зависимостью Финляндіи отъ имперіи, но эти лица почти всѣ на счету и образъ ихъ цѣлей не есть тайна. Но что въ особенности удивляетъ въ высшей степени, это намекъ генералъ-губернатора будто бы подобныя лица встрѣчаются между тѣми сановниками, кои доселѣ пользовались Высочайшимъ довѣріемъ Государя Императора и въ семъ отношеніи содѣйствовали именно тѣмъ мѣрамъ, которыя генералъ-губернаторъ нынѣ осуждаетъ предъ Его Императорскимъ Величествомъ. Однако изложеніе генералъ-губернатора объ этомъ столь двусмысленно, темно и непонятно, что возникаетъ сомнѣніе, гдѣ именно должно искать эти личности и кого или которыхъ онъ имѣетъ въ виду. Такъ какъ подобныя лица, сдѣлавшіяся такимъ образомъ недостойными Высочайшаго довѣрія Его Величества, безъ сомнѣнія извѣстны генералъ губернатору, то права Его Величества и благоденствіе Финляндіи требуютъ, чтобы они были открыты и удалены.

На подлинномъ въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ Собственноручно начертано: «*Прошу не забывать, что записка Генералъ-Губернатора была написана только для меня*».

Въ заключеніе надлежитъ всеподданнѣйше донести, что комитетъ финляндскихъ дѣлъ при составленіи программы для дѣятельности комитетовъ, созванныхъ въ Гельсингфорсѣ, считаетъ своею священнѣйшею обязанностью держаться въ ихъ предѣловъ, указанныхъ Его Императорскимъ Величествомъ въ тронной рѣчи при открытіи сейма 1863 года, и стараться, чтобы не вкралось въ программы ни одного слова, могущаго быть истолкованнымъ какъ дальнѣйшая уступка. При этомъ долгъ справедливости обязываетъ также засвидѣтельствовать, что и лица, приглашенныя въ комитетъ для обсужденія программъ сверхъ обыкновенныхъ членовъ его, были одушевлены совершенно одинаковыми вѣрноподданническими чувствами. Въ удостовѣреніе сего кажется достаточнымъ всеподданнѣйше указать на введеніе къ программѣ, данной въ руководство комитету, Высочайше учрежденному для пересмотра и свода основныхъ законовъ, гдѣ во всѣхъ отношеніяхъ охранены Высочайшія права Его Императорскаго Величества и при томъ отнята у комитета всякая возможность къ самовольнымъ поясненіямъ или къ созданію новыхъ, прежде не дарованныхъ, правъ.

Копія письма финляндскаго генералъ-губернатора къ барону Э. К. Шернваль-Валлену, отъ $^{9}/_{21}$ августа 1865 года, за № 1874.

Милостивый Государь

Баронъ Эмилій Карловичъ.

Согласно волѣ Государя Императора ваше превосходительство при отношеніи отъ $^{17}/_{29}$ минувшаго іюля за № 566 препроводили на предварительное мое разсмотрѣніе проекты, составленные Высочайше учрежденнымъ комитетомъ для пересмотра и дополненія основныхъ законовъ великаго княжества финляндскаго.

Возвращая у сего всѣ переданныя мнѣ бумаги, честь имѣю сообщить вашему превосходительству для всеподданнѣйшаго Его Императорскаго Величества доклада, что вышесказанный комитетъ, составивъ проектъ новаго уложенія, не только соединилъ въ одинъ актъ прежнія законоположенія, но дополнилъ ихъ новыми, которыми, съ ограниченіемъ правъ верховной власти, расширены права земскихъ чиновъ. Вслѣдствіе сего я не могу подкрѣпить утвержденіе сего проекта въ нынѣшнемъ видѣ и во всякомъ случаѣ полагалъ бы настоящее время неудобнымъ для изданія подобнаго уложенія.

Составленіе полнаго сеймоваго устава я нахожу полезнымъ, но и его слѣдовало бы по моему мнѣнію въ нѣкоторыхъ частяхъ передѣлать. Замѣчанія мои противъ проекта какъ уложенія, такъ и сеймоваго устава изложены въ прилагаемыхъ у сего для всеподданнѣйшаго доклада запискахъ.

Что же наконецъ касается составленнаго означеннымъ комитетомъ проекта постановленія о правахъ и обязанностяхъ чиновниковъ при

упраздненіи занимаемыхъ ими должностей, то я не примину по представленіи финляндскимъ сенатомъ отзыва по сему проекту постановленія изложить свое мнѣніе по этому предмету.

Примите ваше превосходительство увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и истинной преданности.

Подписалъ: *Баронъ Рокасовскій.*

Копія замѣчаній финляндскаго генералъ-губернатора касательно проекта объясненій и дополненій основныхъ законовъ В. К. Финляндскаго (приложеніе къ письму отъ $^{9}/_{21}$ августа 1865 года, за № 1874).

Касательно проекта объясненій и дополненій основныхъ законовъ Великаго Княжества Финляндскаго.

Комитетъ составилъ означенный проектъ новаго уложенія, соединивъ въ одинъ актъ всѣ прежнія примѣнимыя къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ законоположенія, измѣнилъ нѣкоторыя прежде существовавшія законоположенія и дополнилъ ихъ совершенно новыми.

Случаи войны и вторженія непріятія въ предѣлы края не предусмотрѣны. По мнѣнію моему необходимо опредѣлить власть командующаго войсками въ военное время не только въ мѣстахъ, составляющихъ театръ военныхъ дѣйствій, но и въ смежныхъ къ оному губерніяхъ.

Представленный нынѣ комитетомъ проектъ уложенія составляетъ въ нѣкоторомъ отношеніи новую конституцію для великаго княжества, въ которой съ одной стороны расширены права земскихъ чиновъ, а съ другой—ограничены права верховной власти. Въ числѣ подобныхъ измѣненій долгомъ себѣ поставляю указать на нижеслѣдующія:

по § 6-му проекта уложенія Государь Императоръ не можетъ безъ слѣдствія и суда выслать изъ одного мѣста жительства въ другое подозрительныхъ или своими мыслями и дѣйствіями опасныхъ лицъ. Подобное право принадлежитъ верховной власти и сохраненіе онаго кажется мнѣ необходимымъ для общественнаго спокойствія и предупрежденія распространенія вредныхъ мыслей и внушеній.

На подлинномъ въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ Собственноручно начертано: «***Совершенно справедливо***».

§§ 21 и 22, а равно устраненія отъ предсѣдательствованія въ сенатѣ, ограничивая много обязанности генералъ-губернатора и отнимая у него всякое вліяніе на управленіе, дѣлаютъ должность эту совершенно ничтожною и можно сказать даже лишнею.

§ 23. Прокуроръ обязанъ каждые три года представлять отчетъ о положеніи судопроизводства въ Финляндіи, каковой отчетъ затѣмъ долженъ быть сообщаемъ земскимъ чинамъ на первонаступающемъ сеймѣ. Дабы это законоположеніе не могло быть истолковано такимъ образомъ,

что земскимъ чинамъ предоставляется вслѣдствіе отчета прокурора дѣлать замѣчанія противъ присутственныхъ мѣстъ или просить о преданіи чиновниковъ суду, я полагалъ бы необходимымъ прибавить, что отчетъ, прокурора сообщается земскимъ чинамъ лишь для свѣдѣнія.

На подлинномъ въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ Собственноручно начертано: «*Справедливо*».

Сверхъ сего во всеподданнѣйшемъ своемъ представленіи комитетъ, соображаясь съ изъявленнымъ земскими чинами на минувшемъ сеймѣ желаніемъ, полагаетъ полезнымъ разрѣшить земскимъ чинамъ избрать особаго повѣреннаго (ombudsman), которому предоставить со стороны земскихъ чиновъ имѣть наблюденіе за исполненіемъ законовъ должностными лицами, съ правомъ предать суду чиновниковъ, замѣченныхъ въ упущеніи своихъ служебныхъ обязанностей. О подобномъ повѣренномъ земскихъ чиновъ не упоминается въ данной комитету программѣ, и учрежденіе таковой должности я нахожу не только лишнимъ, коль скоро уже имѣется прокуроръ, на котораго возложены одинаковыя обязанности, но даже неудобнымъ, ибо дѣйствія подобнаго повѣреннаго, не принося особой пользы, вели бы только къ разнымъ столкновеніямъ.

На подлинномъ въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ Собственноручно начертано: «*И я раздѣляю это мнѣніе*».

§§ 28 и 30 комитетъ включилъ генералъ-губернатора въ число тѣхъ высшихъ чиновниковъ, которыхъ проступки обсуждаются въ особомъ для сего учрежденномъ судѣ. Но какъ генералъ-губернаторъ никакой особой власти не имѣетъ, а только, какъ довѣренное лицо Государя Императора, исполняетъ волю Его Величества, то вышеозначенное законоположеніе можно считать даже не совмѣстнымъ съ званіемъ генералъ-губернатора.

На подлинномъ въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ Собственноручно начертано: «*Тоже*».

§ 33. Комитетъ полагаетъ предоставить сенату право при открывающихся вакансіяхъ прокурора, президентовъ гофгерихтовъ и коллегій, губернаторовъ и прочихъ начальниковъ административныхъ мѣстъ представить Государю Императору, кого или какихъ лицъ сенатъ находитъ, что при замѣщеніи вакансій можно имѣть въ виду.

Такое законоположеніе я нахожу не только лишнимъ, ибо и теперь генералъ-губернаторъ прежде представленія Государю Императору о замѣщеніи вакансій совѣщается съ предсѣдателями и начальниками подлежащихъ частей относительно выбора лицъ, но оно неудобно и потому, что лишаетъ Государя Императора возможности наградить высшими должностями достойныхъ финляндцевъ, состоящихъ на службѣ въ Россіи, способность которыхъ сенату не можетъ быть извѣстна.

На подлинномъ въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ Собственноручно начертано: «*Тоже*».

§ 50. Наконецъ при утвержденіи таможеннаго тарифа Государь Императоръ долженъ руководствоваться принятыми земскими чинами основаніями. Этимъ законоположеніемъ земскимъ чинамъ предоставляется новое право, превышающее даже указаніе въ данной комитету программѣ, въ которой сказано, что отъ Государя Императора одного будетъ зависѣть опредѣлять количество всякой таможенной пошлины.

На подлинномъ въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ Собственноручно начертано: «*Тоже*».

Подписалъ генералъ отъ инфантеріи *Баронъ Рокасовскій*.

Копія замѣчаній финляндскаго генералъ-губернатора по проекту полнаго сеймоваго устава (приложеніе къ письму отъ $^{9}/_{21}$ августа 1865 года, за № 1874).

По проекту полнаго сеймоваго устава.

Для ускоренія и упрощенія дѣлъ на сеймахъ и я съ своей стороны нахожу необходимымъ дополнить и соединить въ одинъ актъ правила по сей части. Но, разсмотрѣвъ представленный комитетомъ проектъ сеймоваго устава, я не могу раздѣлить нѣкоторые принципы, которыми руководились члены комитета. Въ числѣ оныхъ долгомъ себѣ поставляю указать на слѣдующее:

Въ § 8 предполагается установить, что сеймовые депутаты за выраженныя ими мнѣнія или другія дѣйствія на сеймѣ не могутъ быть преданы суду или лишены свободы, буде на сіе не воспослѣдуетъ согласія того сословія, къ которому сеймовый депутатъ принадлежитъ, и сдѣлано въ этомъ отношеніи только исключеніе за тотъ случай, если кто будетъ по горячимъ слѣдамъ уличенъ въ тяжкомъ преступленіи или судомъ приговоренъ къ лишенію свободы.

Въ § 35 установлено, что если ландмаршалъ или тальманъ не допускаютъ пренія по какому нибудь предмету или отказываются предложить пропозицію, когда сословіе того потребуетъ, то коммисія основныхъ законовъ (grundlagsutskottet) имѣетъ рѣшить такое между сословіемъ и предводителемъ онаго различіе въ мнѣніяхъ. Предоставить таковую власть коммиссіи основныхъ законовъ, состоящей изъ однихъ сеймовыхъ депутатовъ, было бы неудобно, но рѣшеніе подобныхъ вопросовъ лучше можетъ быть предоставлено конференціи тальмановъ, состоящей изъ ландмаршала и тальмановъ, какъ довѣренныхъ Государемъ Императоромъ лицъ, и изъ сеймовыхъ депутатовъ.

Въ § 15 предполагается установить, что сеймовымъ депутатомъ не можетъ быть тотъ, который три послѣдніе года не былъ записаннымъ въ мантальные списки по Финляндіи. При примѣненіи сего правила къ состоящимъ въ россійской военной службѣ финляндскимъ дворянамъ, сіи послѣдніе могли бы быть иногда лишены права засѣдать на сеймахъ.

Находя подобное правило не согласнымъ съ настоящимъ положеніемъ Финляндіи, я полагалъ бы необходимымъ въ семъ пунктѣ сдѣлать оговорку, что означенное условіе не относится до рожденныхъ въ великомъ Княжествѣ Финляндскихъ дворянъ, пока состоятъ въ россійской военной службѣ. Подобное мнѣніе по сему предмету выражено и финляндскимъ сенатомъ въ истребованномъ отъ него отзывѣ по проекту новаго устава для финляндскаго рыцарскаго дома.

Подписалъ: Генералъ отъ Инфантеріи *Баронъ Рокасовскій.*

Копія всеподданнѣйшаго доклада барона Шернваль-Валлена, отъ $\frac{\text{25 августа}}{\text{6 сентября}}$ 1865 года.

На подлинномъ въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ Собственноручно начертано: «***Замѣчанія Ген. Губ. нахожу вообще весьма основательными и желаю, чтобы они были еще здѣсь обсуждены въ присутствіи самаго Гр. Армфельта и Ген. Норденстама***». Въ Царскомъ Селѣ $\frac{\text{25 августа}}{\text{6 сентября}}$ 1865 г. Баронъ Шернваль-Валленъ.

Во исполненіе воли Вашего Императорскаго Величества составленный комитетомъ о пересмотрѣ основныхъ законовъ Великаго Княжества проектъ былъ сообщенъ финляндскому генералъ-губернатору, который представилъ нынѣ прилагаемый при семъ отзывъ свой съ замѣчаніями на сей проектъ.

Такъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній не безъ основанія, то я по важности этого дѣла, требующаго особенной осмотрительности, осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать разрѣшенія вызвать сюда бывшаго предсѣдателемъ въ помянутомъ комитетѣ генералъ-лейтенанта Норденстама, для представленія необходимыхъ объясненій по замѣчаніямъ генералъ-губернатора прежде передачи означеннаго дѣла на разсмотрѣніе въ сенатѣ.

Подписалъ: *Баронъ Шернваль-Валленъ.*

Копія замѣчаній финляндскаго генералъ-губернатора на проектъ объясненій и дополненій основныхъ законовъ Великаго Княжества Финляндскаго и объясненія на сіи замѣчанія генералъ-лейтенанта барона Норденстама.

На подлинномъ въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ Собственноручно начертано: *«По этому дѣлу прошу быть ко мнѣ, съ Ген. Норденстамомъ, въ Понед. въ 11 ч.»*.

Замѣчанія генералъ-губернатора касательно проекта объясненій и дополненій основныхъ законовъ Великаго Княжества Финляндскаго.

Объясненія на сіи замѣчанія, сообщенныя мнѣ (Норденстаму) статсъ-секретаремъ барономъ Шернваль-Валленомъ.

Комитетъ составилъ означенный проектъ новаго уложенія, соединивъ въ одинъ актъ всѣ прежнія примѣнимыя къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ законоположенія, измѣнилъ нѣкоторыя прежде существовавшія и дополнилъ ихъ совершенно новыми.

Въ этомъ отношеніи комитетъ въ точности руководствовался Высочайше данною ему программою и, соединивъ въ одно уложеніе актъ о формѣ правленія 1772 и актъ соглашенія и охраненія 1789 годовъ, предположилъ нѣкоторыя измѣненія не произвольно, а на основаніи какъ этихъ, такъ и другихъ до нынѣ имѣющихъ силу постановленій, и сообразуясь съ повелѣніемъ сдѣлать также необходимыя дополненія, допустилъ новыя законоположенія собственно для полноты проекта, о чемъ и изложено въ представленныхъ комитетомъ мотивахъ, которые по повелѣнію Вашего Величества были сообщены генералъ-губернатору и, слѣдовательно, видно было, что послужило поводомъ къ введенію въ проектъ того или другого параграфа.

Въ Высочайше утвержденной программѣ, между прочимъ, сказано:

«Государю Императору благоугодно, чтобы комитетъ, которому будетъ поручено составленіе проекта объясненій и дополненій основныхъ законовъ Великаго Княжества Финляндскаго, при исполненіи сего порученія имѣлъ въ виду не только, чтобы форма правленія отъ 21 Августа 1772 и актъ соглашенія и охраненія отъ 21 Февраля 1789 годовъ, также ниже сего указанныя Его Величествомъ постановленія были соединены въ одинъ актъ или основной законъ подъ названіемъ уложенія для Великаго Княжества Финляндскаго, но и чтобы законоположенія, вносимыя изъ прежнихъ законовъ въ новый актъ, были съ точностью сохраняемы сколь это возможно при необходимомъ уясненіи выраженій, а также, чтобы при измѣненіяхъ, какія могутъ встрѣтиться, былъ принятъ за правило основной принципъ, составляющій главное основаніе прежнихъ законоположеній и особо означенный въ § 1-мъ акта соглашенія и охраненія».

Случаи войны и вторженія непріятеля въ предѣлы края непредусмотрѣны. По мнѣнію генералъ-губернатора необходимо опредѣлить власть

командующаго войсками въ военное время не только въ мѣстахъ, составляющихъ театръ военныхъ дѣйствій, но и въ смежныхъ къ оному губерніяхъ.

Случай войны комитетомъ предусмотрѣнъ. Вникнувъ со вниманіемъ въ § 8-й проекта, напротивъ ясно видно, что по оному предоставляется Государю Императору въ этомъ отношеніи самая неограниченная власть.

Въ § 8-мъ сказано: «Государь Императоръ и Великій Князь имѣетъ полную власть охранять, спасать и защищать край, начинать войну и вступать въ союзъ съ иностранными державами, а также имѣетъ высшее начальство надъ финляндскими военными силами».

Этотъ параграфъ, не опредѣляя ни обстоятельствъ, въ какихъ Государю Императору дана власть охранять, спасать и защищать край, ниже противъ какихъ враговъ—внѣшнихъ или внутреннихъ, ни того, какъ предоставляется Его Величеству употреблять эту власть,—этимъ самымъ даетъ Монарху наибольшую неограниченность въ правѣ принимать по своему усмотрѣнію такія мѣры, какія требуютъ охраненіе-ли, спасеніе-ли защита-ли края. Трудно себѣ вообразить, чтобы въ мирное время представился какой либо случай, когда бы оказывалась надобность въ спасеніи или защитѣ края. Кажется, что эти слова, по своему смыслу, могутъ быть примѣнимы лишь ко вторженію непріятеля или къ военному времени вообще, и этотъ смыслъ ихъ еще болѣе очевиденъ изъ того, что въ томъ же параграфѣ вслѣдъ за сими словами говорится о правѣ Государя Императора начинать войну и заключать миръ.

По настоящему изложенію означеннаго параграфа отъ Государя Императора будетъ зависѣть въ случаѣ войны опредѣлить какъ степень и пространство власти, какую Его Величество заблагоразсудитъ предоставить командующему войсками, такъ и для охраненія, спасенія и защиты края принять всѣ чрезвычайныя мѣры, требующіяся по обстоятельствамъ.

О власти командующаго войсками на это время, кажется, было бы и неумѣстно говорить въ основныхъ законахъ, такъ какъ эта власть ему дается Государемъ, въ этомъ отношеніи неограниченнымъ. Случай прошедшей войны 1853—1856 годовъ это лучше всего доказываетъ. Тогда, на основаніи законоположенія, комитетомъ неизмѣненнаго въ проектѣ, исправлявшему должность генералъ-губернатора было предоставлено: «дѣлать наряды подводъ для перевозки войскъ, продовольствія и военныхъ тяжестей по цѣнамъ, имъ установляемымъ за наличныя деньги или подъ квитанціи; отрѣшать отъ должности чиновниковъ какъ низшихъ, такъ и высшихъ полицейской части, полагая въ томъ числѣ и почтовое вѣдомство; назначать на мѣсто отрѣшаемыхъ другихъ къ исправленію ихъ должности и принимать непосредственно и неотлагательно всѣ мѣры, какія онъ признаетъ нужными по военнымъ обстоятельствамъ. Финляндскимъ же начальствамъ вмѣнено было въ обязанность исполнять немедленно требованія исправляющаго должность финляндскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками въ Финляндіи и наблюдать за неукоснительнымъ ихъ со стороны ихъ подчиненныхъ исполненіемъ, хотя бы требованія сіи и превосходили власть, общими постановленіями ему присвоенную».

Въ подкрѣпленіе того, что комитетъ не упустилъ изъ виду случай военнаго времени, можетъ служить и содержаніе §§ 48 и 57. Въ нихъ сказано:

§ 48. «Земскіе чины Финляндіи имѣютъ на общемъ сеймѣ пользоваться правомъ наложенія на себя податей; и вопреки доброй воли и согласія земскихъ чиновъ никакіе новые налоги, подати или сборы деньгами или товарами не должны быть требуемы или взимаемы, если только край не будетъ постигнутъ войною, въ каковомъ случаѣ Государь Императоръ и Великій Князь имѣетъ въ означенномъ отношеніи принять мѣры, необходимыя для безопасности и блага края; но тотчасъ же по окончаніи войны земскіе чины, даже если и не наступилъ еще срокъ ординарнаго сейма, должны быть созваны, и новыя подати, если таковыя были наложены вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ, немедленно отмѣнены».

§ 57. «Никакой статный заемъ не можетъ быть заключенъ безъ одобренія и согласія земскихъ чиновъ, если только не необходимо потребуется вслѣдствіе непріятельскаго нападенія или какого либо другого непредвидѣннаго общественнаго бѣдствія».

Представленный нынѣ комитетомъ проектъ уложенія составляетъ въ нѣкоторомъ отношеніи новую конституцію для Великаго Княжества, въ которой съ одной стороны расширены права земскихъ чиновъ, а съ другой—ограничены права верховной власти.

Комитетъ держался Высочайше утвержденной програмы, въ которой сказано: «чтобы форма правленія отъ 21 августа 1772 и актъ соглашенія и охраненія отъ 21 февраля 1789 годовъ, а также ниже сего указанныя Его Величествомъ (изложенныя въ 13 пунктахъ програмы) постановленія были соединены въ одинъ актъ или основной законъ, подъ названіемъ уложенія для Великаго Княжества Финляндскаго».

Послѣ вышеизложенныхъ словъ Высочайше утвержденной програмы нельзя, казалось бы, въ прежнихъ постановленіяхъ, соединенныхъ въ одинъ актъ, видѣть новую конституцію, и замѣчаніе генералъ-губернатора показываетъ или иное пониманіе предмета или неимѣніе въ виду источниковъ, послужившихъ основаніемъ проекта уложенія. Если подъ каждымъ параграфомъ проекта уложенія будутъ сдѣланы ссылки на постановленія, изъ коихъ каждая статья заимствована, то эта кажущаяся новизна совершенно устранится.

По § 6-му проекта уложенія Государь Императоръ не можетъ безъ слѣдствія и суда высылать подозрительныхъ или своими мыслями и дѣйствіями опасныхъ лицъ. Подобное право принадлежитъ верховной власти и сохраненіе оного кажется генералъ-губернатору необходимымъ для общественнаго спокойствія и предупрежденія распространенія вредныхъ мыслей и внушеній.

Имѣя порученіе при внесеніи законоположеній изъ прежнихъ законовъ въ новый актъ въ точности сохранять оныя и дѣлать только необходимыя уясненія выраженій, комитетъ въ изложеніи этого параграфа проекта руководствовался §§ 2 и 16 формы правленія 1772 года, гдѣ сказано:

§ 2. «Одинъ король и никто другой имѣетъ править государствомъ какъ законы Швеціи повелѣваютъ. Онъ имѣетъ утверждать, любить и хра-

нить правду и правосудіе, а несправедливость и неправосудіе возбранять, прекращать и искоренять. Ни у кого не отнимать жизни, члена, благосостоянія, если онъ законно не уличенъ и не осужденъ; и не лишать никого и не позволять лишать никакого имущества, движимаго или недвижимаго, безъ законнаго суда и слѣдствія и управлять государствомъ по законамъ о королѣ (Konungabalken) по земскому уложенію (Landslagen) и по сей формѣ правленія».

§ 16 п. 2. «Каждый шведскій подданный пользуется правомъ судиться тѣмъ судомъ, которому онъ подлежитъ по уложенію Швеціи».

А также 2-мъ пунктомъ 2-го параграфа акта соглашенія и охраненія, а именно: «какъ мы всѣ равносвободные подданные, то мы подъ защитою закона всѣ должны пользоваться и равными правами».

Этими параграфами опредѣляются права каждаго гражданина и обезпечивается личная свобода. Лица, подозрительныя или по своимъ дѣйствіямъ опасныя, могутъ и должны находиться подъ надзоромъ полиціи, но лишиться свободы или въ мирное время быть удалены не могутъ.

Все недоразумѣніе, кажется, проистекаетъ здѣсь изъ понятія благосостояніе (välfärd), подъ которымъ комитетъ, соображаясь съ духомъ всего настоящаго законодательства Финляндіи, разумѣлъ личную свободу и право каждаго гражданина жить, гдѣ пожелаетъ, тѣмъ болѣе, что на основаніи § 4-го сеймоваго рѣшенія 23-го іюня 1786 года подъ словомъ välfärd опредѣлено разумѣть, что даже должностныя лица гражданскаго, военнаго и духовнаго вѣдомствъ, безъ слѣдствія и приговора подлежащаго суда, не могутъ быть удалены отъ должности. Поэтому комитетъ полагалъ, что по существующимъ нынѣ законамъ безъ слѣдствія и суда нельзя въ мирное время ссылать никого изъ того мѣста, гдѣ онъ живетъ. Въ подтвержденіе правильности такого пониманія можетъ служить недавній случай, гдѣ и генералъ-губернаторъ, кажется, былъ того же мнѣнія. Этотъ случай касался бывшаго студента Веттергофа, отправившагося за границу безъ паспорта и прибывшаго впослѣдствіи при открытіи сейма изъ Стокгольма въ Гельсингфорсъ въ качествѣ корреспондента шведской газеты. Генералъ-губернаторъ не только своею властію, но даже имѣя возможность испросить Высочайшее повелѣніе, не выслалъ его прямо изъ города, вѣроятно считая, что законъ не даетъ подобнаго права, а по указанію прокурора прибѣгнулъ къ тому, чтобы Абоскій гофгерихтъ потребовалъ Веттергофа явиться въ оный по дѣлу, и только такимъ образомъ достигнулъ удаленія этого человѣка изъ Гельсингфорса. Обстоятельство это извѣстно также не только министру статсъ-секретарю, но и нѣкоторымъ другимъ лицамъ.

На какомъ законоположеніи генералъ-губернаторъ основываетъ свое замѣчаніе, что предоставлено подозрительныхъ и опасныхъ лицъ, безъ слѣдствія и суда, въ мирное время, высылать изъ одного мѣста въ другое, неизвѣстно. Въ военное же время, какъ выше уже было сказано, правительство можетъ принимать въ этомъ отношеніи всѣ необходомыя по обстоятельствамъ мѣры.

§§ 21 и 22, а равно устраненіе отъ предсѣдательства въ сенатѣ, ограничивая много обязанности генералъ-губернатора и отнимая у него

всякое вліяніе на управленіе, дѣлаютъ должность эту совершенно ничтожною и, можно сказать, даже лишнею.

Эти параграфы составлены согласно съ предписаніемъ Высочайше утвержденной програмы, а побудительныя причины къ освобожденію генералъ-губернатора отъ предсѣдательства были изложены въ подносенномъ въ концѣ прошлаго года протоколѣ комитета финляндскихъ дѣлъ.

Что же касается до замѣчанія генералъ-губернатора, что будто бы у него отнимается вліяніе на управленіе, и должность его дѣлается ничтожною и даже лишнею, то это трудно понять при томъ обширномъ вліяніи на всѣ безъ исключенія дѣла, какое ему присвоено по §§ 21 и 22, изъ коихъ первый заимствованъ изъ инструкціи, данной генералъ-губернатору въ 1812 году, и для устраненія недоразумѣній дополненъ исчисленіемъ обязанностей его какъ командующаго войсками.

Въ § 21 сказано: «Генералъ-губернаторъ Финляндіи, имѣющій мѣсто жительства въ столицѣ края, долженъ блюсти за общимъ порядкомъ и общею безопасностью, а также за соблюденіемъ и исполненіемъ повелѣній и приказаній Государя Императора и Великаго Князя, за исправнымъ исполненіемъ подлежащими вѣдомствами, властями, должностными лицами своихъ обязанностей и за сохраненіемъ за обывателями края ихъ законныхъ правъ и привилегій.

На генералъ-губернатора также возлагается, буде не послѣдуетъ иного повелѣнія Государя Императора, командовать войсками края и докладывать Государю Императору всѣ дѣла по командованію сими войсками. Къ дѣламъ по командованію войсками относятся вопросы о замѣщеніи военныхъ должностей по финскимъ войскамъ и увольненіе отъ оныхъ, о передвиженіяхъ, ученіяхъ, службѣ и дисциплинѣ войскъ, а также объ уставахъ, инструкціяхъ и другихъ правилахъ по подобнымъ предметамъ, коль скоро они ведутъ къ измѣненію или поясненію дѣйствующихъ законовъ или общихъ постановленій, или не имѣютъ примѣненія къ гражданамъ не военнаго вѣдомства.

Буде генералъ-губернаторъ признаетъ нужнымъ мѣры по гражданскому управленію Финляндіи, то, смотря по свойству дѣла, онъ или дѣлаетъ о томъ представленіе Государю Императору чрезъ министра статсъ-секретаря, или передаетъ дѣло на разсмотрѣніе сената.

Впрочемъ кругъ дѣйствій генералъ-губернатора опредѣляется особымъ общимъ постановленіемъ, изданнымъ Государемъ Императоромъ.

§ 22. «Отзывы и представленія сената поступаютъ къ Государю Императору и Великому Князю чрезъ генералъ-губернатора, который можетъ сопровождать оныя своимъ особымъ мнѣніемъ, буде сочтетъ это своею обязанностью или необходимымъ для блага края. Если генералъ-губернаторъ не согласенъ съ мнѣніемъ сената, то онъ призываетъ къ себѣ членовъ сената, назначенныхъ для этой цѣли Государемъ Императоромъ. Если же и по доставленіи ему сими членами объясненій по дѣлу онъ пожелаетъ выразить различное мнѣніе, то излагаетъ свой отдѣльный отзывъ въ протоколѣ, который подписывается также однимъ изъ призванныхъ членовъ сената и въ которомъ сіи послѣдніе также могутъ изложить свои отзывы, буде по поводу выраженнаго генералъ-губернаторомъ мнѣнія найдутъ это необходимымъ. Протоколъ сей пре-

провождается къ Государю Императору вмѣстѣ съ прочимъ дѣлопроизводствомъ».

Если генералъ-губернаторъ подъ ограниченіемъ его вліянія на управленіе разумѣетъ, что кромѣ дѣлъ, поступающихъ чрезъ него на Высочайшее усмотрѣніе, есть такія, которыя, какъ и прежде, рѣшаются окончательно сенатомъ, то, на основаніи § 21-го, онъ, если желаетъ, имѣетъ право не только наблюдать за ходомъ сихъ дѣлъ, но даже требовать отъ всѣхъ мѣстъ и лицъ объясненій какъ по этимъ, такъ и по всѣмъ вообще дѣламъ.

Что же касается до порядка подачи мнѣнія генералъ-губернаторомъ въ случаѣ разногласія съ сенатомъ, то комитетъ въ этомъ отношеніи имѣлъ въ виду программу, данную комитету о преобразованіи высшихъ правительственныхъ мѣстъ въ Финляндіи.

§ 23. Дабы это законоположеніе не могло быть истолковано такимъ образомъ, что земскимъ чинамъ предоставляется вслѣдствіе отчета прокурора дѣлать замѣчанія противъ присутственныхъ мѣстъ или просить о преданіи чиновниковъ суду, генералъ-губернаторъ полагаетъ необходимымъ прибавить, что отчетъ прокурора сообщается земскимъ чинамъ лишь для свѣдѣнія.

Этотъ параграфъ основывается на 15-мъ параграфѣ формы правленія 1772 года, гдѣ говорится о канцлерѣ юстиціи, и на инструкціи прокурору, данной въ 1812 г. Если смотрѣть на этотъ § въ связи съ § 47-мъ проекта, то подобное толкованіе невозможно. Тамъ сказано:

§ 47 «Земскіе чины и ихъ коммисіи не должны въ другихъ случаяхъ, кромѣ положительно опредѣленныхъ симъ уложеніемъ, обсуждать или постановлять объ образѣ дѣйствіи высшихъ или низшихъ должностныхъ и служащихъ лицъ по ихъ должностямъ или возбуждать вопросы о назначеніи въ должности или объ отрѣшеніи отъ оныхъ, о рѣшеніяхъ или распоряженіяхъ правительственныхъ и судебныхъ властей, объ обстоятельствахъ, касающихся обществъ или частныхъ-граждан, или объ исполненіи законовъ и постановленій».

«Земскіе чины также не имѣютъ никакой судебной власти».

Генералъ-губернаторъ говоритъ, что о повѣренномъ земскихъ чиновъ не упоминается въ данной комитету программѣ и что учрежденіе таковой должности онъ находитъ не только лишнимъ, коль скоро имѣется уже прокуроръ, на котораго возложены одинаковыя обязанности, но даже неудобнымъ, ибо дѣйствія подобнаго повѣреннаго, не принося особой пользы, вели бы только къ разнымъ столкновеніямъ.

Въ программѣ дѣйствительно не упоминается о предоставленіи земскимъ чинамъ избирать особаго повѣреннаго, но объ этомъ говоритъ и комитетъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ представленіи, при коемъ приложенъ проектъ уложенія, почему, не вводя сего въ проектъ, излагаетъ только мнѣніе, что, основываясь на желаніи земскихъ чиновъ, учрежденіе подобной должности было бы полезно. Что же касается до предполагаемыхъ столкновеній, то все зависитъ отъ того, какъ будутъ опредѣлены права и кругъ дѣйствія подобнаго лица. При томъ, имѣя въ виду § 28,

гдѣ сказано, что Генералъ-Губернаторъ, Министръ статсъ-секретарь и пр. отвѣтствуютъ только предъ Государемъ Императоромъ, кажется, не можетъ быть сомнѣнія, что эти лица не могутъ быть привлечены къ отвѣтственности повѣреннымъ.

§§ 28 и 30 Комитетъ включилъ Генералъ-Губернатора въ число тѣхъ высшихъ чиновниковъ, которыхъ проступки обсуживаются въ особомъ для сего учрежденномъ судѣ. Но какъ Генералъ-Губернаторъ никакой особой власти не имѣетъ, а только, какъ довѣренное лицо Государя Императора, исполняетъ волю Его Величества, то вышеозначенное законоположеніе можно считать даже несовмѣстнымъ съ званіемъ Генералъ-Губернатора.

Въ данной комитету программѣ о генералъ-губернаторѣ не говорится, но такъ какъ въ учрежденіи Правительственнаго Совѣта, что нынѣ сенатъ, о генералъ-губернаторѣ упоминается, какъ объ одной изъ властей, установленныхъ въ краѣ, то комитетъ считалъ необходимымъ упомянуть о немъ въ проектѣ уложенія въ § 21, а вслѣдствіе того и въ §§ 28 и 36, тѣмъ болѣе, что по §§ 22-му всѣ представленія сената должны поступать Государю Императору черезъ Генералъ-Губернатора.

§ 33 Комитетъ полагаетъ предоставить сенату право при открывающихся вакансіяхъ Прокурора, президентовъ Гофгерихтовъ и Коллегій, губернаторовъ и прочихъ начальниковъ административныхъ мѣстъ, представлять Государю Императору кого или какихъ лицъ сенатъ находитъ, что при замѣщеніи вакансій можно имѣть въ виду. Такое законоположеніе Генералъ-Губернаторъ находитъ не только лишнимъ, ибо и теперь Генералъ-Губернаторъ, прежде представленія Государю Императору о замѣщеніи вакансій, совѣщается съ предсѣдателями и начальниками подлежащихъ частей относительно выбора лицъ, но оно неудобно и потому, что лишаетъ Государя Императора возможности наградить высшими должностями достойныхъ финляндцевъ, состоящихъ на службѣ въ Россіи, способность которыхъ сенату не можетъ быть извѣстна.

По этому § нисколько не умаляется власть Государя Императора избирать на показанныя мѣста кого Его Величество пожелаетъ изъ служащихъ въ Финляндіи или въ Россіи финляндцевъ. Предложеніе, чтобы сенатъ указывалъ на лицъ, которыхъ можно имѣть въ виду при замѣщеніи должностей, не отнимаетъ также право и у генералъ-губернатора представлять съ своей стороны другихъ лицъ, если почему либо указываемыя сенатомъ ему кажутся несоотвѣтствующими. Совѣщанія, на которыя генералъ-губернаторъ ссылается, для него не обязательны и прошедшее представляетъ не рѣдкій случай, въ которыхъ выборъ лицъ бывалъ безъ всякихъ совѣщаній. Поэтому комитетъ находилъ, что при указаніи нѣкоторыхъ лицъ сенатомъ, Его Величество будетъ имѣть большее число таковыхъ для выбора и слѣдовательно большую возможность назначить достойнѣйшаго.

§ 50. Наконецъ при утвержденіи таможеннаго тарифа Государь Императоръ долженъ руководствоваться принятыми земскими чинами основаніями. Этимъ законоположеніемъ земскимъ чинамъ предоставляется новое право, превышающее даже указаніе въ данной комитету программѣ,

въ которой сказано, что отъ Государя Императора одного зависѣть будетъ опредѣлять количество таможенной пошлины.

Вотъ что сказано въ Высочайше утвержденной программѣ: «не только законодательство о винокуреніи должно на будущее время подлежать обоюдному обсужденію Государя Императора и земскихъ чиновъ, но и общія начала таможенныхъ налоговъ могутъ быть установляемы такимъ же порядкомъ, съ тѣмъ однако, что отъ Государя Императора одного будетъ зависѣть опредѣлять количество таможенной пошлины».

Вотъ редакціи § 50: «Общія начала всѣхъ прочихъ таможенныхъ налоговъ, кромѣ упомянутыхъ въ § 49 (въ которомъ говорится о пошлинахъ, установляемыхъ властію Государя Императора одного, безъ участія земскихъ чиновъ) «установляются Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ вмѣстѣ съ земскими чинами, но отъ Государя Императора одного *зависитъ*, согласно съ опредѣленными такимъ образомъ началами, *назначить количество таможенныхъ пошлинъ*».

Генералъ-Губернаторъ, повидимому, не находитъ различія между установленіемъ общихъ началъ, напримѣръ, системы свободной торговли, системы покровительственной или другихъ началъ относительно той или другой промышленности въ краѣ и установленіемъ количества пошлинъ съ каждаго предмета, то есть тарифомъ. Послѣднее, то есть установленіе тарифа, исключительно сохранено за Государемъ Императоромъ, а первое Его Величество соизволилъ предоставить земскимъ чинамъ точно такъ же, какъ и то, что никакой государственный заемъ не можетъ быть заключаемъ безъ ихъ согласія, за исключеніемъ военнаго времени или другаго непредвидѣннаго общественнаго бѣдствія.

Въ заключеніи осмѣливаюсь всеподданнѣйше донести, что, при составленіи проекта комитетомъ, противъ мнѣнія большинства поданы были мною вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими членами особыя мнѣнія.

Такимъ образомъ, не считая Генералъ-Губернатора принадлежащимъ къ составу собственно финляндскихъ чиновниковъ, я полагалъ упомянуть только о должности его, какъ объ одной изъ установленныхъ властей въ краѣ, исключивъ все касающееся до лица, и потому считалъ необходимыми только вышесказанные § 21 и первый періодъ § 22, остальную же часть сего § относительно порядка подачи мнѣнія Генералъ-Губернаторомъ, а равно и упоминаніе о Генералъ-Губернаторѣ въ §§ 28 и 36, находилъ излишними въ основномъ законѣ.

Хотя по § 33 комитетъ и предположилъ предоставить сенату представлять Государю Императору о томъ или тѣхъ лицахъ, которыхъ онъ полагаетъ имѣть въ виду для замѣщенія показанныхъ въ немъ должностей, однако, я находилъ, что предоставленіе коллегіальному учрежденію выбора лицъ имѣетъ свои неудобства въ томъ отношеніи, что весьма рѣдко могутъ послѣдовать соглашенія и что мнѣ по опыту извѣстно, какъ трудно опредѣлить относительное достоинство кандидатовъ при совершенно разнородныхъ условіяхъ, отчего и происходятъ по большей части разногласія. Поэтому я полагалъ это законоположеніе исключить и замѣщеніе вакантныхъ мѣстъ оставить такъ, какъ оное теперь существуетъ.

Подписалъ: Генералъ-Лейтенантъ *Баронъ Норденстамъ*.

20 Сентября 1865 года.

ПРИМѢЧАНІЯ.

I. Окончаніе Восточной войны и подготовленіе къ преобразованіямъ.

1. Snellman, IX, Memoir-anteckn. Januari-utskottet, 421.

2. Подлинный русскій текстъ, подписанный Государемъ, заголовка не имѣетъ.

3. Отчетъ Габріеля Рейна: Berättelse öfver Storf. Finlands förvaltning—1855—1862. H—fors 1862, стр. 2. А также An. Ramsay, ч. III.

4. And. Ramsay, «Från barnaår till silfverhår», ч. III, стр. 162.

5. Проф. Э. Берендтсъ. Лекціи по административному праву В. К. Финляндскаго. Спб. 1903 г., ч. II, стр. 90.

6. Филиппеусъ «St. Petersb. Zeitung» 1889 г.

7. Изъ сообщенія вдовы генерала Рокасовскаго.

8. Стихи, посвященные барону Пл. Рокосовскому при его уходѣ въ январѣ 1855 г.

Ты призванъ къ должности высокой,
Къ престолу царскому отъ насъ!
Зачѣмъ не дольше побылъ съ нами?
Твердитъ весь край нашъ въ этотъ часъ.
Ты нашъ, мужъ чести, всѣми чтимый;
Ты наши нравы полюбилъ;
Страною цѣлою любимый:
Ея права ты свято чтилъ.

***

Есть въ сердцѣ финскомъ отголосокъ
Для рыцарской души твоей,
Какъ и для мыслей благородныхъ
И для твоихъ прямыхъ рѣчей.
Кто здѣсь не знаетъ, какъ усердно
Трудился ты для блага всѣхъ?
И будь увѣренъ, что высоко
Народъ нашъ цѣнитъ этотъ трудъ.
Благодаримъ за все, что сдѣлалъ
Ты намъ въ опасностяхъ войны!
Кто съ благодарностью не вспомнитъ
Твоихъ заботъ для всей страны?
Тебѣ отрадна будетъ память
О дняхъ, когда ты правилъ здѣсь
И въ сердцѣ каждаго финляндца
Ты памятникъ себѣ воздвигъ.

***

Иди, куда ты призванъ! Больно
Съ тобой разстаться намъ! И ты,
Судьбѣ покорствуя невольно,
Передъ царемъ свидѣтель будь,
Что каковы бъ ни предстояли
Намъ жертвы въ будущей борьбѣ,—
Мы вѣрностью къ царю гордимся
И преданы своей судьбѣ.

***

Прійдетъ пора—ты возвратишься
Въ свой домъ на нашихъ берегахъ
И въ немъ съ семействомъ поселишься:
Нашъ край любезенъ сталъ и имъ.
Ты драгоцѣннѣйшее сердцу
Въ землѣ финляндской схоронилъ—
И стала новою отчизной
Для васъ финляндская земля.

9. Іоганъ Вильгельмъ Снельманъ. Историко-біографическій очеркъ, составленный Т. Рейномъ, профессоромъ Императорскаго Александровскаго университета. Сокращенный переводъ со шведскаго. Спб. 1903 г., ч. II, стр. 2.

10. Русская Старина 1893 г.

11. Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. Погодина; кн. XX, 111—118.

12. Соч. кн. Щербатаго. «Генералъ-фельдмаршалъ Князь Паскевичъ». Т. VI, стр. 298.

13. Наши государственные и общественные дѣятели. К. А. Скальковскаго, стр. 302.

*

14. And. Ramsay, III. 154 Филиппеусъ. St.-Petersb. Zeitung 1889 г.

15. C. v. P. (Филиппеусъ.) St. Petersb. Zeitung 1889 г. Betrachtungen und Erinnerungen. Graf Berg General-Gouverneur von Finland.

16. Филиппеусъ. St. Petersb. Zeitung 1889 г. Въ воспоминаніяхъ Филиппеуса допущена неточность: полковникъ Свенторжецкій былъ комендантомъ Роченсальма въ 30-хъ годахъ, а въ апрѣлѣ 1854 г. онъ уже умеръ.

17. Тамъ же.

18. And. Rasusay; III, 176.

19. Филиппеусъ. Его воспоминанія.

20. Тоже.

21. «Войнѣ 1854—1855 г. на Финскомъ побережьѣ» нами посвящено особое изслѣдованіе, почему не распространяемся здѣсь объ этой кампаніи, а даемъ только слово одному изъ очевидцевъ событія—чиновнику канцеляріи генералъ-губернатора К. фонъ-Филиппеусу (St. Petersb. Zeitung 1889 г.).

22. Изъ воспоминаній Филиппеуса.

23. М. Бородкинъ. «Война 1854—1855 г.г. на Финскомъ побережьѣ», стр. 348.

24. Тамъ же, стр. 365.

25. Архивъ Финляндскаго статсъ-секретаріата.

26. Эдвардъ Бергъ (Edv. Bergh). Vår styrelse och våra landtdagar. Återblick på Finlands Konstitutionella utveckling under de senaste tjugu åren. H—fors. 1884, ч. I, стр, 30.

27. С. С. Татищевъ. Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе. Спб. 1903 г., т. I, стр. 160.

28. С. Татищевъ, т. I, стр. 169.

29. С. Татищевъ. Рус. Вѣст. 1888 г., т. X, стр. 152—154.

30. С. Татищевъ, т. I, 187.

31. С. М. Соловьевъ. Вѣстн. Евр. 1907, іюнь, стр. 466.

32. С. М. Соловьевъ. Вѣстн. Евр. 1907, іюнь, стр. 468. Какъ примѣръ иного мнѣнія, также высказаннаго умнымъ русскимъ современникомъ, укажемъ на строки въ дневникѣ А. В. Никитенко (II, стр. 28 отъ 16 янв. 1856 г.) «Въ массахъ сильно недовольны согласіемъ на миръ и принятіемъ въ немъ четырехъ пунктовъ. «Драться надо, говорятъ отчаянные патріоты, драться до послѣдней капли крови, до послѣдняго человѣка». Нѣкоторые, дѣйствительно, такъ думаютъ и чувствуютъ, какъ говорятъ. Это люди благородные, хотя и не дальновидные. Но большинство крикуновъ состоитъ изъ лицемѣровъ, которые хотятъ своимъ крикомъ выказать патріотизмъ. Есть и такіе, которые жалѣютъ о войнѣ, какъ о мутной водѣ, гдѣ можно рыбу ловить и гдѣ они дѣйствительно ловили ее усердно. Правительство очень умно—слышитъ эти толки, но не слушается ихъ. Государь своею уступчивостью и своимъ согласіемъ на четыре пункта доказалъ, мнѣ кажется, не только благородство характера и свое нежеланіе безполезнаго кровопролитія, но и умный тонкій расчетъ. Хвала и благодареніе Александру II, который имѣлъ высокое мужество отказаться отъ голоса самолюбія, въ пользу истинныхъ выгодъ и истинной славы.—Мы, видѣли, каковы наши военные успѣхи. Хорошо кричать тѣмъ, у кого нѣтъ отвѣтственности, а Александръ II отвѣчаетъ не только за настоящее, но и за будущее».

33. Н. П. Барсуковъ, XIV, 141—142.

34. Åbo-Under. 1856, стр. 130. Извлеченія сдѣланы нами изъ сборника этой газеты: Åbo Underrättelser. En Kort historik. Åbo, 1896, ч. II, стр. 130.

35. Бергъ, I, стр. 39 и Авг. Шауманъ. Från sex årtionden i Finland. Upptecknade lefnadsminnen. H—fors, 1892, ч. II, стр. 262.

36. «Messieurs! C'est avec un véritable plaisir que Je Me retrouve parmi Vous. J'ai à vous remercier de tout mon coeur de la coopération cordiale que Vous avez prêteé aux mesures pour la défense du pays, Vous et tous Mes fidèles sujets de Finlande. Mon Père comptait sur Vous et Vous avez tous rempli votre devoir. Vous connaissez les sentiments de Mon Père pour le bien-être de la Finlande; J'ai hérité de Ses sentiments. J'étais fier d'être un membre de Votre pays comme chancelier de l'université; c'est pourquoi J'ai nommé Mon fils aux fonctions de chancelier comme J'ai succédé à Mon Père. Je vous remercie encore, Vous et mes fidèles sujets de Finlande. Si, comme J'ai lieu d'espérer maintenant, Nous aurons la paix, Je compte sur Vous pour le développement de la prospérité de la Finlande. Mais si la Providence en décide autrement, Je compte encore sur Vous pour prendre des mesures que réclameront les circonstances». Проф. Лагусъ. Финляндія за время 1855—1880, стр. 3—6. Рѣчь на шведскомъ языкѣ.

37. Въ выработкѣ этой программы сенатъ участія не принималъ. Она, видимо, вышла изъ статсъ-секретаріата.

38. Сборникъ «Финляндія въ XIX ст.».

39. Topelius. Alexander II minne, стр. 45—46.

40. Филиппеусъ. St. Petersb. Zeitung, 1889 года.

41. Åbo Under. 1856 г. стр. 132 и 133.

42. Лагусъ; Рѣчь его; стр. 3.

43. Abo Under. 1856 г., стр. 128.

44. Тамъ же, 1857 г., стр. 169.

45. П. Морозовъ. Финляндія въ торгово-промышленномъ отношеніи. Спб. 1895 г., стр. 47—50.

46. Арх. Ст. Секр. 1858 г., №№ 47 и 195.

47. Августъ Шауманъ, стр. 247 и Эдв. Бергъ, т. I, стр. 11.

48. Åbo Under. 1856, стр. 143.

49. Т. Рейнъ, II, 84; Эдв. Бергъ, I, 11.

50. Авг. Шауманъ, 255—256.

51. Арх. ст. секр. 1861, № 370.

52. Авг. Шауманъ, стр. 261; рѣчь Лагуса, стр. 9.

53. Åbo Under. 1856, стр. 130.

54. Эдв. Бергъ, I, 278.

55. Авг. Шауманъ; стр. 248 и Т. Рейнъ; II, стр. 4.

56. Авг. Шауманъ, стр. 249.

57. Авг. Шауманъ, стр. 252—254.

58. Фр. Л. Шауманъ, профессоръ, впослѣдствіи епископъ «Tal och Upps.», стр. 6, 8, 12 и 14.

59. М. Шюбергсонъ, Ur Finlands Konstitutionella historia. 1809—1863. II—fors, 1898, стр. 60.

60. Snellman, IX, Memoir-anteckningar: Januari-utskottet, 422.

61. Эдв. Бергъ; I, 12.

62. Эдв. Бергъ; I, 18.

63. Т. Рейнъ; II, 55.

64. Т. Рейнъ; II, 57.

65. Т. Рейнъ; II, 57.

66. «Новое Время» 1897 г., 10 марта (М. Б.).

67. Т. Рейнъ; II, 60.

II. Труды въ области экономической и комитетъ по финляндскимъ дѣламъ.

68. Atlas öfver Finl. Kartbl. № 27, стр. 14.

69. Hufvudstadsbladet 1906, № 243.

70. «Отечествен. Записки» 1856, ноябрь, стр. 21 хроники.

71. Каналъ Сайма: (брошюра), Гельсингфорсъ, 1856 года.

72. Åbo Under, 1856, стр. 133.

73. Atlas öfver Finl., Kartbl. № 27, стр. 22.

74. St.-Petersb. Zeitung 1889 г. Воспоминанія Филиппеуса.

75. Åbo Under. 1856 г., стр. 133—134.

76. Atlas ofver Finl. Kartbl. № 27, стр. 31.

77. Эдв. Берга; I, 416—419.

78. Филиппеусъ. St.-Petersb. Zeitung; 1889 г.

79. «Сѣв. Пчела» 1861 г., № 176.

80. Åbo Under. 1856 г., стр. 152.

81. Тамъ же; 1857, стр. 157.

82. Тамъ же; 1857, стр. 158.

83. Арх. ст.-секрет.

84. «Åbo Under.» 1857, стр. 159—160.

85. Тамъ же 1858, стр. 193.

86. Арх. Статсъ-Секретаріата Финляндскаго. 1857 г. № 440. Арх. 1859 г. № 13.

87. Эдв. Бергъ; I, 36.

88. Матеріалы по вопросу о таможенномъ законодательствѣ въ Финляндіи. Спб. 1905; стр. 8—9.

89. Кромѣ этого финляндцы, зная любовь Берга къ стяжанію, не скупились на деньги, такъ 17 февраля 1855 г. ему назначено было, кромѣ прочихъ окладовъ, 7.000 р. столовыхъ; 14 ноября 1855 г. онъ получилъ аренду на 12 лѣтъ по 5.000 р., разумѣется, отъ русской казны; а 25 апрѣля 1856 г. ему дали на представительные расходы по 6.000 р. въ годъ.

90. Интересныя данныя объ этомъ находимъ въ книгѣ Фуругельма, появившейся въ Гельсингфорсѣ въ 1902 г., «Изъ исторіи финляндской культуры» за время съ 1840 по 1870 г.г. Авторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи переписку, которая до тѣхъ поръ не была обнародована, а потому, естественно, что его заявленія возбуждаютъ нѣкоторый интересъ.

91. Арх. ст.-секрет. 1857, № 74.

92. Авг. Шауманъ; стр. 266.

93. I. Snellman. Strödda skrifter, II-fors 1896, sid. 417.

94. «Посѣщеніе Валаама Государемъ Императоромъ». Спб. 1859 г.; Рус. Худож. Лист. 1858, №№ 25, 27, 28, 32, 33, 35, 36 и др.

95. Арх. ст.-секр. 1859 г., № 38.

96. Габр. Рейнъ; стр. 6.

97. См. III часть гл. XLVIII Anders Ramsay «Från barnaår till silfverhår».

98. Арх. ст.-секр. 1859, № 91 (191).

99. Арх. ст.-секр., 1859, № 91 (191). Габріель Рейнъ: «Berättelse öfver Storf. Finlands förvaltning ifrån år 1855 till början af 1862. II-fors, 1862, стр. 6 и 8. Изданіе мѣст-

ныхъ законовъ. Н. Н. Корово въ Библіотекѣ Окраинъ Россіи, № 4, 1907, изд. проф. Сергѣевскаго. Соч. П. М. Майкова. Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Спб. 1906, стр. 222—224, 322—329. Арх. Государственнаго Совѣта. Всеподдан. доклады по Второму Отдѣленію Собств. Е. И.. Велич. Канцеляріи; т. III, 1842, стр. 1302; т. XI, 1851—1852, стр. 4041.

III. Труды въ области духовной и выборная комиссія.

100. П. Андреевъ. «Образованіе»; 1897 окт.

101. Finsk Tidskr., 1890 г., h. 1, стр. 58 G. F. Lönnbeck.

102. «Вѣстн. Европ.» 1898, авг. П. К. Ирье-Коскиненъ.

103. «Финляндія въ XIX ст.», стр. 202.

104. «Образованіе» 1897, ноябрь.

105. «Учитель» 1861, № 7.

106. «Финляндія въ XIX ст.»; стр. 207.

107. «Образованіе» 1897, ноябрь.

108. «Образованіе» 1897, ноябрь; ст. П. Андреева.

109. Эдв. Бергъ; II, 31.

110. Сборн. постан. Вел. Кн. Финл. 1866, № 12.

111. Эдв. Бергъ; II, 32.

112. «Финляндія въ XIX ст.», стр. 204.

113. Тамъ же; стр. 203.

114. «Вѣстн. Евр.» 1898, авг., стр. 779. Г. Ленбекъ, «Финл. въ XIX ст.», 201—202.

115. Возрожденіе конституціонной жизни въ Финляндіи 1855—1863 г.г. Соч. Шюбергсона на Швед. яз.

116. Ur Finlands Kulturhistoria, af Elis Furuhjelm, H-fors, 1902 г. стр. 51 и др.

117. Т. Рейнъ; II, 92.

118. Шюбергсонъ Finl. konst. hist., 1809 (1809—1856)

119. Т. Рейнъ; II, 89—90.

120. Тамъ же; II, 92.

121. Авг. Шауманъ; стр. 277.

122. Т. Рейнъ; II, 91.

123. Авг. Шауманъ; стр. 278 и 367.

124. «Finsk Tidskrift»; 1891, mars.

125. Арх. ст.-секрет. 1865 г., № 138.

126. Окт. 1854 г., № 758 изъ Ст.-Секретаріата къ генералъ-губернатору.

127. «О цензурѣ газетъ въ Финляндіи».

128. Б. Глинскій. Историч. вѣстн. 1907 Авг.

129. Вассеніусъ. «Финл. въ XIX ст.»; стр. 360.

130. E. Vest. Snellman; стр. 274.

131. Т. Рейнъ; II, 88.

132. E. Vest. Snellman; стр. 274.

133. Тамъ же; стр. 254.

134. And. Ramsay. Från barnaår till silfverhår; ч. III, 185.—Извѣстенъ сотрудникъ Квантена—Johannes Alfthan.

135. Габр. Рейнъ; стр. 46.

136. Авг. Шауманъ; стр. 366.

137. Арх. ст.-секр. 1861, № 18.

138. Сенатскія Вѣдом. 1857 г., № 73.

139. Арх. ст.-секрет. 1859 г., № 92.

140. Т. Рейнъ; II, 97—99. Это указаніе противорѣчитъ тому, что сказано на стр. 36 нашей книги, т. е. по однимъ свидѣтельскимъ показаніямъ (Снельмана напр.) гр. Бергъ склонялся къ созыву сейма, по другимъ заявленіямъ,—онъ будто бы возставалъ противъ него.

141. Тамъ же; II, 99.

142. Изъ письма Θ. Θ. Берга. Т. Рейнъ II, 100.

143. Арх. ст.-секрет. 1861 г., № 13.

144. E. Vest. Snellman; стр. 275.

145. Т. Рейнъ; II. 108—110.

146. М. Шюбергсонъ. «Finl. Konstit. historia», стр. 63—64.

147. Эдв. Бергъ; I, 58—59.

148. Snellman, IX, Memoir—anteckningar. januari-utskottel. 424.

149. «Финляндія въ XIX ст.».

150. Сборн. Постановл Вел. Кн. Финляндскаго, № 9, 1861 г.

151. Сборн. Постановл. Вел. Кн. Финляндскаго 1861, № 10. арх. ст.-секр. 1861, № 13.

152. М. Шюбергсонъ. «Finl. Konstit. historia»; стр. 64—66.

153. Проф. Э. Берендтсъ. Лекціи; II, 126.

154. Эдв. Бергъ; I, 52.

155. Эдв. Бергъ; I, 57—58.

156. Nya Dagligt Allehanda—письмо изъ Гельсингфорса отъ 2 мая (н. с.) 1860 г.

157. «Финляндія въ XIX ст.».

158. Авг. Шауманъ.

159. Авг. Шауманъ; 382—383.

160. Elis Furuhjelm. Ur Finlands kulturhistoria; H-fors, 1902, стр. 82—83.

161. Авг. Шауманъ; 379.

162. Авг. Шауманъ; 382—383; 384—385.

163. М. Шюбергсонъ. «Finl. Konstit. historia» стр. 71.

164. Авг. Шауманъ; 392.

165. Авг. Шауманъ; 394, 395; Эдв. Бергъ I, 52—53; М. Шюбергсонъ, «Finl. Konst. hist.», стр. 68—70.

166. Авг. Шауманъ; стр. 402.

167. Т. Рейнъ; II, 116; М. Шюбергсонъ.

168. М. Шюбергсонъ; Finl. Konst. hist.», 70—73.

169. «Nya Pressen» 1890 г., № 338 (2 дек.).

170. «Nya Pressen» 1890, № 338.

171. Авг. Шауманъ; 416—417.

172. Снельманъ. Его сочин., т. VI, 24 (на швед. яз.).

173. Snellman, IX, Memoir-anteckningar. Januari-utskottet, 425.

174. М. Шюбергсонъ. «Finl. Konstit. hist.» стр. 74.

175. Тамъ же; стр. 76—77.

176. Snellman, IX. Memoir-anteckningar. Januari-utsk. 425.

177. М. Шюбергсонъ; стр. 81.

178. Т. Рейнъ; II, 112.

179. Сборн. постан. Вел. Кн. Финл. 1861 г. № 26.

IV. Настроеніе общества и удаленіе графа Берга.

180. Dagl. Allehanda; 1901, № 132. And. Ramsay; ч. III, стр. 206.

181. Åbo Under 1856, кн. II, стр. 147.

182. Studentfesten för J. W. Snellman, H-fors, 1856, стр. 18.

183. Авг. Шауманъ; 268.

184. Anders Ramsay—Från barnaår till silfvehår. часть IV, стр. 37—38.

185. And. Ramsay; ч. IV, стр. 39.

186. Dagligt Allehanda, 1901 г. № 133, по автобіографіи А. Норденшельда.

187. Т. Рейнъ; II, 74—75.

188. Арх. ст.-секр.

189. М. Бородкинъ. «Война 1854—1855 г.г. на финскомъ побережьѣ».

190. And. Ramsay; ч. III, стр. 195.

191. Т. Рейнъ; II, 19; And. Ramsay; III, 186.

Вице-Канцлеръ Мункъ горячо заступился за университетъ и написалъ гр. Армфельту (18 ноября 1855 г.), что онъ «не желаетъ быть въ зависимости отъ всякихъ фантазій генералъ-губернатора на счетъ студентовъ, коихъ настроеніе, какъ и настроеніе всего края, лояльное, хотя и взволновано вслѣдствіе шпіонства». Бергъ съ своей стороны также не жалѣлъ красокъ и сообщалъ гр. Армфельту, что «Мункъ желаетъ привлечь политическихъ агитаторовъ, пріобрѣтая ихъ любовь, но они неизлѣчимы. Ихъ число не велико». Когда Мункъ поѣхалъ въ Петербургъ для разъясненія исторіи, Бергъ писалъ гр. Армфельту: «Задайте ему хорошую головомойку и внушите ему, чтобы онъ лучше слушался того, что я ему говорю» . . . . . . (5—17 ноября).

192. Т. Рейнъ; II, 21.

193. Т. Рейнъ; II, 85.

194. Авг. Шауманъ; 291 и 348.

195. Тамъ же; стр. 292.

196. Т. Рейнъ; II, 86.

197. Т. Рейнъ; II, 7—9.

198. Изъ воспоминаній фонъ-Филиппеуса Petersb. Zeitung 1889 г.

199. Т. Рейнъ; II, 39.

200. E. Vest. Snellman; 245—246.

201. Т. Рейнъ; II, 102.

202. Anders Ramsay—относитъ этотъ случай въ своихъ воспоминаніяхъ (IV ч.) къ 1857 г. У него-же см. подробное описаніе сей промоціи.

203. Т. Рейнъ; II, 102.

204. Авг. Шауманъ, 358.

205. (Hels. Tidn. 1862 г., № 15.—Сѣв. Пчела 1862 г., № 27). Ср. М. Бородкинъ. Изъ Новѣйшей Исторіи. Спб. 1905 г., стр. 147.

206. Авг. Шауманъ; стр. 358.

207. Эдв. Бергъ; II, 404 и др.

208. Записка гр. Армфельта отъ 5—17 янв. 1861 г. (Арх. ст. секр.: Рейнъ, II, 131).

209. «Рус. Архивъ» 1839 г. Отмѣтка отъ 6 Февр. 1858 г.

210. Т. Рейнъ; II, 134.

211. St.-Petersb. Zeitung 1889 г.

212. Тамъ же.

213. Авг. Шауманъ; II, 431; Эдв. Бергъ, I, 66—67.

214. Снельманъ, т. VI, 338. Ur «Morgonbladet» för år 1876 г. Till historien om Januariutskottet». I—II.

215. Авг. Шауманъ, II, 431.

216. Историч. Вѣст. 1907, мартъ, 986 стр. (Н. Павлищевъ. Ист. Вѣст. 1887 г., май, стр. 340—341). Ист. Вѣст. 1884 г. мартъ.

V. Занятія Выборной комиссіи и Польское возстаніе.

217. Anders Ramsay—Från barnaår till silfverhår—ч. VII, 239.

218. Дневникъ А. В. Никитенко,[504.

219. E. Vest. Snellman; стр. 229 и 285.

220. Эдв. Бергъ; I, 68.

221. Авг. Шауманъ; 431—434.

222. Т. Рейнъ; II, 136; E. Vest. Snellman; 285—286.

223. Письмо гр. Армфельта къ Рокасовскому 6—18 дек. 1861 г.

224. Письмо Шернваль-Валлена къ Рокасовскому 28 и 31 янв., 8 и 12 февр. 1862 г.

225. «Сѣверная Пчела» 1862 г., № 12.

226. «Современное Слово» 1862 г., № 48, стр. 191.

227. Afhandl. och uppsatser, VI в., стр. 17, Снельманъ. Ur Litterat. 1862, Finland.

228. Эдв. Бергъ; I, 59.

229. «Сѣверн. Пчела» 1861 г., № 224. Эдв. Бергъ; I, 60.

Когда консисторія Гельсингфорскаго университета приступила къ выбору депутатовъ въ январскую комиссію, то также сдѣлала оговорку въ протоколѣ о томъ, что комиссія не замѣняетъ собою сейма, что она лишь подготовительное собраніе, и что депутаты выражаютъ лишь свои личныя мнѣнія, не являясь представителями народа. См. у проф. Э. Берендтса: Александровскій университетъ, Спб. 1902 г., стр. 179.

230. Эдв. Бергъ; I, 69—70.

231. E. Vest. Snellman; стр. 281.

232. Снельманъ, т. VI, стр. 119—120. Ur «Litteraturbladet», 1862. Några reflex. öfver januari-utsk. verksamhet.

233. Письмо Шернваль-Валлена отъ 10 янв. 1862—29 дек. 1861 къ Рокасовскому.

234. Письма Шернваль-Валлена отъ 29—30 дек. 1861 г., 10 и 11 янв. 1862 г.

235. Письмо Шернваль-Валлена къ Рокасовскому отъ 5 янв. 1862 г.

236. Письмо Шернваль-Валлена къ Рокасовскому 30 дек. 1861—11 янв. 1862 г.

237. Снельманъ, 389, т. VI. Ur «Morgonbladet» för år 1876. Till historien om. Januariutskottet. I—II.

238. Копія письма Рокасовскаго къ гр. Армфельту безъ обозначенія числа.

239. «Сѣверная Пчела» 1861, № 290.

Письмо гр. Армфельта къ Рокасовскому отъ 12 янв. 1862.

240. Эдв. Бергъ; I. 89—91.

241. Эдв. Бергъ; I, 94—95, 96.

242. Эдв. Бергъ; I, 102.

243. Этотъ документъ обращаетъ на себя вниманіе, между прочимъ, тѣмъ, что русскіе купцы подписали свои имена шведскими буквами.

244. Эдв. Бергъ; I, 103—105.

245. «Helsingfors Dagblad» 1871 г., № 100.

246. Снельманъ т. VI, стр. 132 и 386, Ur «Morgonbladet» för år 1876. Till historien om Januari utskottet.

247. «Åbo Underätt.» 1862, стр. 307—308 (№ 96).

248. «Современное Слово» 1862 г., № 29, стр. 116; 1863 г., № 10.

Письмо гр. Армфельта къ Рокасовскому отъ 26 мая—7 іюня 1862.

249. «Современ. Слово» 1862 г., № 163, стр. 971.

250. «Åbo Underätt.» 1862, стр. 308—309.

251. Atlas öfver Finland. kartbl., № 27, ст. 32. «Сѣверная Пчела» 1862, № 45.

252. Åbo Under. 1861 г., стр. 276.

253. Историч. Вѣстн. 1907, мартъ, стр. 985.

254. Письмо отъ 8—20 апр. 1862.

255. Н. Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина; кн. XX, стр. 128.

256. Рус. Біографич. словарь; т. I, 602.

257. Т. Рейнъ; II, 149—155.

258. Тамъ же, II, 149—155.

259. Эдв. Бергъ; I, 110—113.

260. Т. Рейнъ; II, 149—155; Эдв. Бергъ I, 111—113.

261. Тамъ же.

Граждане г. Выборга, писалъ губернаторъ начальнику края, одушевленные вѣрноподданническими чувствами къ Престолу и Августѣйшему Дому въ опроверженіе ложныхъ показаній въ иностранныхъ газетахъ о расположеніи умовъ въ Финляндіи, представили мнѣ отзывъ, которымъ изъясняютъ, что населеніе Великаго Княжества осталось безмолвнымъ зрителемъ нынѣшнихъ волненій не изъ равнодушія.

Одно предположеніе, что Финляндія, нуждающаяся послѣ бѣдствій неурожая въ благодѣяніяхъ мира, можетъ вновь подвергнуться ужасамъ войны, возбуждаетъ у гражданъ живѣйшее безпокойство и опасенія. Но твердо уповая на мудрость своего возлюбленнаго Монарха, они спокойно ожидаютъ развязки событій.

О вѣрноподданническихъ чувствахъ гражданъ г. Выборга долгомъ себѣ поставляю привести здѣсь ихъ собственныя слова.

«Безъ нашей вины, мы видимъ, что теперешнія событія коснулись и насъ. Мы съ негодованіемъ освѣдомились, что заграницею слышались отзывы, по которымъ дерзнули предполагать у финскаго народа

сочувствіе крамоламъ и усомнились въ непоколебимой вѣрности и безпредѣльной любви, питаемыхъ финскимъ народомъ къ великодушному своему Великому Князю, ознаменовавшему свое царствованіе столь многими знаками неусыпнаго попеченія о благѣ и счастіи Финляндіи».

«Опроверженіе сихъ заграничныхъ клеветъ, оскорбляющихъ вѣрноподданный финскій народъ, и удостовѣреніе предъ Престоломъ Его Императорскаго Величества совершенной ихъ безосновательности,—предоставлено однимъ законнымъ представителямъ и уполномоченнымъ края. Между тѣмъ, мы, граждане г. Выборга, вмѣняемъ себѣ въ священную обязанность протестовать противъ всѣхъ обвиненій, клонящихся къ тому, чтобы подвергать сомнѣнію наше повиновеніе законамъ и вѣрноподданническую преданность и любовь къ нашему Великому Князю и Государю».

Адресъ жителей Краснаго Села (Кюрюле):

Всемилостивѣйшій Государь!

Мы, крестьяне Красносельской отчины, издавна отторгнуты отъ семьи родной Русской, уже болѣе ста лѣтъ прожили въ Финляндіи среди иноплеменнаго намъ народа, сохранивъ вѣру и обычаи отцовъ своихъ, вмѣстѣ съ симъ святымъ залогомъ, сохранили и вѣрноподданническія свои чувства къ Тебѣ, Августѣйшій Монархъ нашъ,—смѣемъ заявить предъ цѣлымъ міромъ, что мы тѣ же Русскіе, что въ насъ течетъ та же кровь Русская и мы воодушевлены тою же любовію и преданностію къ Тебѣ, какою воодушевлена вся возлюбленная Твоя Россія.

Нынѣ дошли до насъ слухи, что Швеція, пользуясь настоящими смутами въ Польшѣ и недоброжелательствами враговъ Россіи, въ пылу воинскихъ своихъ порывовъ, мечтаетъ о присоединеніи Финляндіи къ своимъ владѣніямъ, страны искони принадлежащей Россіи и неразрывно соединенной съ Россійскою Имперіею, той страны, которая живетъ и благоденствуетъ милостями и щедротами Царевыми и братскимъ сочувствіемъ Русскихъ.

Въ настоящій день, знаменательный для православныхъ Финляндцевъ, въ день празднуемаго нами молитвеннаго Финляндскаго Святаго Арсенія Коневскаго Чудотворца, мы, вознисославъ усердныя молитвы къ Господу Силъ, да ниспошлетъ Тебѣ Государь силы и крѣпость къ отраженію враговъ отъ предѣловъ обширнаго Царства Твоего,—въ то же время считаемъ священнѣйшимъ долгомъ выразить Тебѣ воодушевляющія насъ чувства безпредѣльной любви и преданности, Августѣйшій Монархъ!

Правда, наше сельское общество немногочисленно и небогато,—но богато и обильно преданностію и любовію къ Тебѣ. Повели Государь! и мы повергнемъ къ подножію Престола Твоего все скудное достояніе свое и самую жизнь свою, на защиту предѣловъ Россіи.

Благодарить и сообщить Мин. Внутр. Дѣлъ для публикаціи.

Въ Царскомъ Селѣ $^{17}/_{29}$ Іюня, 1863 г. Резолюція Государя.

262. Snellman. IX. Memoir-anteckningar Januari-utskottet. 435.

263. Томъ II, стр. 380.

264. Т. Рейнъ; II, 149—155.

265. Snellman, IX. Memoir-anteck. Inträdet i senaten, 440.

Т. Рейнъ; II, 149—155.

«Новости» 1883, № 173 ст. К. Якубова.

266. E. Hildebrand. Sveriges hist.

267. «Современное Слово» 1862, № 39, стр. 155.

«Helsingfors Dagblad» 6—18 іюля, 1862 г.

268. Т. Рейнъ; II, 149—155.

269. Тамъ же.

270. Ryska afslöjanden af Arvid Ahnfelt, Stockholm 1885, стр. 170—173.

271. Дневникъ, II, стр. 380.

272. Снельманъ, т. VI, 271—272. Ur «Litteraturbladet» för år 1863. Krig eller fred för Finland.

273. А по инымъ свѣдѣніямъ даже у самаго Карла XV; см. Ryska afslöjanden af Arvid Ahnfelt, Stockholm, 1885, стр. 81.

274. М. М. Драгомановъ. Письма М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Спб. 1907 г., стр. 88, 235—253.

275. Т. Рейнъ; II, 149—155.

Драгомановъ; стр. 251, 253, 255.

Н. Барсуковъ, кн. XX, стр. 30.

Дневникъ Никитенко. II, 384.

276. Н. Барсуковъ, XX кн., стр. 155.

Snellman, IX Memoir-anteck. Januari-utskottet, 435.

М. Бородкинъ. Война 1854—1855 г.г. на Финскомъ побережьѣ, стр. 357—358.

277. Abo Under. 1863 г., №№ 65 и 98. «Современное Слово» 1863 г., № 102, стр. 303.

278. Учрежденіе флага для финляндскаго яхтъ-клуба потребовало согласованія съ постановленіями морского вѣдомства (окт. 1866 г.).

279. Снельманъ, 277, Ur Litteraturbladet för år 1863. Krig eller fred för Finland.

280. Воспоминанія And. Ramsay'я.

281. Арх. ст.-секр. 10 сент. 1858 г.

282. Арх. ст.-секр. 1858, № 114 и 1860, № 102. О назначеніи консула въ Алжирѣ.

VI. Сеймъ 1863 г.

283. Дневникъ Н. П. Литвинова. «Историч. Вѣстн». 1907 г., мартъ.

284. А. Мерманъ. Huru finska språket blef officielt; H—fors, 1893. стр. 14.

Т. Рейнъ, II, 162—163.

285. E. Vest. Snellman; стр. 295.

286. Alexander II i Finland. Minnesblad tecknade af M. G. Schybergson.—Lagus стр. 19—20.

Т. Рейнъ, II, 166—167.

287. Эдв. Бергъ; I, 116.

288. E. Vest, Snellman; стр. 298, 300—301.

289. Тамъ же; стр. 299.

290. Авг. Шауманъ; стр. 376.

291. А. Кони. «Очерки и воспоминанія», стр. 535.

292. Воспоминанія кн. В. П. Мещерскаго. Дневникъ А. В. Никитенко; II, 389.

Любимовъ о Катковѣ. Спб. 1889 г., стр. 190.

Нѣвѣденскій. Катковъ и его время. Спб. 1888 г., стр. 196.

М. В. Юзефовичъ. Объ историч. задачахъ Россіи. Кіевъ 1895 г., стр. 20.

293. «Вѣст. Евр.» 1907 г., № 1; «Былое»—1906 г., № 12, стр. 262; «Вѣст. Права» 1905 г., ноябрь.

294. Полное Собраніе соч. К. Кавелина, т. II, стр. 959.

295. Н. Н. Фирсовъ (Л. Рускинъ). «Ист. Вѣст.» 1906 г., № 5, стр. 440.

См. С. Татищевъ.

296. Snellman, IX, Memoir-anteckningar. Januari-utskottet. 421.

297. «Сынъ Отечества» 1863 г., № 219.

298. Сборн. постановл. В. К. Финл. 1863 г., № 22.

Арх. ст. секр. 1864 г., № 30.

299. Åbo Underätt. 1863 г., № 75 стр. 330.

300. Т. Рейнъ: II. 155.

301. E. Hildebrand. Sveriges hist. Karl XV. 1859—1872.

Фр. Г. Скринъ. «Ростъ Россіи». Спб. 1904 г., стр. 389.

Сборн. постанов. В. К. Финл. 1861 г., № 26.

302. Т. Рейнъ; II, 158.

303. Åbo Underrät. 1863, № 82 (стр. 331 и стр. 332).

Снельманъ, VI, Ur «Litteraturbladet» för år 1863. Landtdagen. 297.

304. «Моск. Вѣд.» 1863 г., № 181.

Н. Барсуковъ, кн. XX, стр. 229.

305. Om Riksdagar af W. Rosenborg. H—fors, 1857. Извлеченіе изъ сей книги появилось въ С.-Петерб. Вѣд. 1863 г., № 288. Storfurstendömet Finlands grundlagar. H—fors, 1858, всего 44 стр.

Авг. Шауманъ; стр. 298.

Доцентъ Вараненъ въ 1862 г. издалъ диссертацію «Сеймъ 1616 г. въ Гельсингфорсѣ» тоже имѣя въ виду напомнить объ исторической основѣ сеймовъ.

306. Авг. Шауманъ, стр. 415.

Снельманъ, т. VI, стр. 20.

307. «Новости» 1883 г., № 173. К. Якубовъ.

308. Snellman. IX. Memoir-anteckningar. Inträde i senaten. 436.

309. Письма отъ 4 іюня и 1 сентября н. ст. 1863 г.—Арх. ст.-секр. 1864 г. № 30.

310. См. Свобода и Евреи, соч. А. С. Шмакова. М. 1906 г., стр. CCXVII.

311. Въ нѣсколькихъ сохраняющихся черновикахъ ея видно, что слово «constitutionel» явилось, какъ говорится, въ «одиннадцатомъ часу». Въ трехъ черновикахъ оно вписано рукою исправлявшаго текстъ, но не рукою Государя. Въ одномъ проектѣ оно неувѣренно заключено въ скобки. Въ шведскомъ текстѣ слово «konstitutionelt» также приписано сверхъ строки. (Арх. ст. секр. 1864 г., № 30).

Когда вырабатывались сеймовые порядки, то Государю на справку представлена была выписка изъ прусскаго основного закона, именно «art. 64».

312. «Сынъ Отечества» 1863 г., № 214.

313. Тамъ же; № 214.

314. С. Татищевъ; I т., стр. 473.

«Сынъ Отечества» 1863 г., № 216.

315. Во время поѣздки Государя по Финляндіи въ 1863 году (сент.) Ему поданы были разными лицами разныя прошенія (преимущественно о пенсіяхъ и помилованіяхъ). Петръ Викманъ, переводчикъ Фрид-

рихсгамскаго магистрата, подалъ прошеніе «съ описаніемъ исторіи Финскаго народа» (съ картою). Прошенія переданы генералъ-губернаторомъ графу Адлербергу 2-му (Мин. Двора?) [окт. 1863 г.). $^{9}/_{21}$ октября 1863 г., (№ 683) всѣ прошенія были переданы (съ резолюціями) Финляндскому Генералъ-Губернатору.

316. «Сынъ Отеч.» 1863 г., № 216.

317. Сѣверн. Пчела 1863 г., № 241.

318. Сб. постан. В. К. Финл. 1863 г., № 33.

319. «Сѣверн. Пчела» 1863 г., № 241.

320. Марія Линдеръ (урожденная Мусинъ-Пушкина; дочь декабриста, сосланнаго въ Гельсингфорсъ и женившагося тамъ на финляндкѣ) явилась едва-ли не первымъ борцомъ за права женщины. Въ 1867 г. она, подъ псевдонимомъ Стелла, издала книгу «Женщина нашего времени» En qvinna af vår tid, karaktersteckning af Stella), въ которой выставила борьбу чувства свободы съ чувствомъ любви. (Anders Ramsay. Från barnaår till silfverhår. ч. VII, 61—62).

321. Сынъ Отеч. 1863 г., № 217; а также Anders Ramsay «Från barnaår till silfverhår», ч. VII, 76—78.

322. «Отеч. Записки» 1863 г., № 9, стр. 132.

323. «Финляндія въ XIX ст.».

324. «Сѣверн. Пчела» 1863 г., № 305.
«Сынъ Отеч. 1863 г., № 228.

325. Н. Барсуковъ. Жизнь Погодина. Кн. XX, стр. 232—234; «День», 1863 г., № 37.

326. Отеч. Записки 1863 г., № 9, стр. 133.

327. «Aftonbladet» 1863 г., ноябрь.
«Сынъ Отечества» 1863 г., № 219.

328. «Голосъ» 1872 г., № 18 (Чумиковъ).

329. «Рус. Инвалидъ» 1862 г., №№ 216 и 283.

330. Эдв. Бергъ; I, 146—149.

331. Эдв. Бергъ; I, 153.

332. «Русскій Инвалидъ», 1863 г., № 263.

333. «Русскій Инвалидъ», 1863 г., № 264 и «Московскія Вѣдомости» 1863 г., № 269.

334. «Русскій Инвалидъ» 1863 г., №№ 216 и 264.
Письмо гр. Армфельта къ Рокасовскому отъ 8—20 янв. 1864 г.

335. Эдв. Бергъ; I, 259 и 303.

336. Эдв. Бергъ; I, 289.
«Московскія Вѣдомости» 1863 г., № 237.

337. «Русскій Инвалидъ» 1863 г., № 239.
Эдв. Бергъ; I, 292—301.

338. Арх. ст.-секр. 1864 г., № 63.

339. «Финляндія въ XIX ст.».

340. «Вѣст. Европы» 1877 г., № 12 W. W. (Вишняковъ?)

341. «Рус. Инвалидъ» 1863 г., №№ 216 и 225.
«Финляндія въ XIX ст.».

342. Т. Рейнъ; II, 183.

343. «Рус. Инвалидъ» 1863 г., №№ 216 и 245.

344. Эдв. Бергъ; I, 207—208.

345. «Москов. Вѣдом.» 1863 г., № 237.

346. «Рус. Инвалидъ» 1863 г., № 225.

347. «Москов. Вѣдом.» 1863 г., № 237.

348. «Рус. Инвалидъ» 1863 г., № 261.
Эдв. Бергъ; I, 284.

349. «Рус. Инвалидъ» 1863 г., № 234,
Эдв. Бергъ; I, 325 и 353.

350. «Рус. Инвалидъ» 1863 г., №№ 216 и 226.
Эдв. Бергъ; I, 204.

351. «Москов. Вѣдом.» 1863 г., № 269.
«Рус. Инвалидъ» 1863 г., № 234.
Эдв. Бергъ; I, 454—455.

352. «Финляндія въ XIX ст.», стр. 131.

353. Письмо Армфельта къ Рокасовскому отъ 8—20 янв. 1864 г. Спб.

354. Письмо Рокасовскаго къ Армфельту отъ 14—26 янв. 1864 г. изъ Гельсингфорса.

355. Письмо Армфельта къ Рокасовскому отъ 24 янв.—5 февр. 1864 г. Спб.

356. Сборн. постановл. В. К. Финл. 1863 г., № 35.
Подлинный текстъ всеподданнѣйшаго адреса земскихъ чиновъ о продленіи сейма 1863 г. (Рус. Инв. 1863 г., № 258). Въ адресѣ говорится о государственномъ устройствѣ по закону 1772 г. и государственныхъ чинахъ Финляндіи.

357. Арх. ст.-секр. 1864 г., № 30.

358. «Голосъ», 1877 г. четырехсотлѣтній юбилей Упсальскаго университета.

359. Эдв. Бергъ; I, 456—458.
Ѳ. Еленевъ. Ученіе о финл. государствѣ; Спб. 1893 г., стр. 72—73.

360. «Москов. Вѣдом.» 1864 г., № 254.
С. Невѣдѣнскій. Катковъ и его время. Спб. 1888 г., стр. 217 и 218.
Н. Любимовъ. Катковъ. Спб. 1889 г.

361. «Рус. Инвалидъ» 1863 г., № 264.

362. «Москов. Вѣдом.» 1863 г., № 238.

363. «Моск. Вѣдом.» 1863 г., № 258.

364. Т. Рейнъ; II, 457—458.

365. Эдв. Бергъ; I, 456—458.
Сравн. С. Невѣдѣнскій. Катковъ и его время.

366. Арх. ст.-секр. 1864 г., № 1.

VII. Реформы.

367. Snellman, 74—75. Om tryckfrihet i Finland. Ur «Litteraturbladet», 1862.

368. M. Schybergson, Finl. konstit. hist. стр. 57.

369. Въ первой редакціи у Армфельта значилось: «По своему духу и очевидному стремленію къ отдѣленію Финляндіи отъ всякой зависимости отъ Имперіи».

370. «Abo Under». 1863 г., стр. 338. Эдв. Бергъ; I, стр. 460.

371. «Финл. въ XIX ст.» Вальфридъ Васеніусъ; стр. 360—361.

372. «Москов. Вѣдом.» 1862 г., № 253, Эдв. Бергъ; I, 251—256, 452—454.

373. Арх. ст.-секрет. 1865 г., № 64.

374. Въ протоколѣ за № 267 изложили ходъ дѣла, заключеніе земскихъ чиновъ, отзывы сената и генералъ-губернатора, мнѣніе Комитета, которое согласовалось съ представленіями сената и генералъ-губернатора, а также особое мнѣніе Шернваля, поддержанное гр. Армфельтомъ.

375. Сборн. Постановл. Вел. Кн. Финл. 1865 г., № 26, стр. 1 и 33.

376. Письма его къ Рокасовскому отъ 5 янв., и 8 февр.—28 янв. 1862 г.

377. Письмо Армфельта къ Рокасовскому отъ 4—16 мая 1862 г.

378. Арх. ст.-секрет. 1865 г., № 61.

379. Арх. ст.-секрет. 1864 г., № 375.

380. Т. Рейнъ; II, 175—178.

381. Арх. ст.-секрет.

382. Арх. ст.-секрет. 1864 г., № 5.

383. Сборн. постановл. Вел. Кн. Финл. 1867 г., № 24.

Матеріалы по вопросу о воинской повинности въ Вел. Кн. Финлянд.,—собранные для Высоч. комиссіи по разграниченію общегосударственнаго и мѣстнаго финляндскаго законодательства.

Спб. 1905 г., стр. 8—9.

384. Арх. ст.-секрет. 1879 г., мая 7—19.

385. Примѣч. къ ст. 539 кн. V С В.П. 1869 г.

386. Отзывъ Военнаго Министра отъ 24 іюля 1863 г.

Личный составъ экипажей исчисленъ былъ въ 11 офицеровъ, 37 унтеръ-офицеровъ, 24 командировъ, 250 матросовъ и 6 чел. вольнонаемной прислуги.

387. Изъ финляндскихъ статныхъ суммъ расходъ по содержанін озерныхъ флотилій не превышалъ въ 1864 г. девяти тысячъ руб. сер. (Арх. Ст.-Секр. 1864 г., № 10).

388. М. Бородкинъ. Война 1854—1855 г.г. на финскомъ побережьѣ; стр. 237 и 373.

389. «Åbo Under.» 1859 г, стр. 243.

390. «Åbo Under.» 1863 г., № 66.

391. Т. Рейнъ; II, 210.

392. «Рус. Инвалидъ» 1863 г., № 234, Эдв. Бергъ; I, 348—349.

393. «Современ. Слово» 1862 г., № 121, стр. 493.

394. Финл. кадетскій корпусъ. Историч. очеркъ. Фридрихсгамъ, 1889 г., стр. 71.

395. Арх. ст.-секрет. 1857 г., № 92.

396. Арх. ст.-секрет. 1860 г., № 19.

397. Арх. ст.-секрет. 1860 г., № 53.

398. Арх. ст.-секрет. 1860 г., № 69.

399. Тамъ же; 1860 г., № 69.

400. Тамъ же; 1860 г., № 69.

401. Отчетъ гр. Берга за 1860 г. Арх. ст.-секрет.

402. Отъ 12 марта 1860 г. за №№ 567 и 571.

403. Н. Барсуковъ; кн. 16, стр. 106.

404. Сборн. постановл. Вел. Кн. Финл. 1860 г., № 7.

405. Эдв. Бергъ; I, 42.

406. Finsk. tidskrift, h. 6, 1890, 404. Е. Шюбергсонъ.

407. Арх. ст.-секрет. 1860 г., № 153.

408. Сборн. постановл. Вел. Кн. Финл. 1860 г., № 15.

409. А въ 1859 г. финляндцы, ссылаясь на многочисленность сихъ кредитныхъ билетовъ, добивались своей особой монеты.

410. Арх. ст.-секрет. 1862 г., № 39.

411. Арх. ст.-секрет. 1862 г., № 39.

Возникъ вопросъ о свободномъ привозѣ и вывозѣ иностранныхъ и финляндскихъ бумажныхъ денегъ. Государь надписалъ: «Желаю прежде знать мнѣніе С. С. Рейтерна» (19 іюня—1 іюля 1862 г.).

412. E. Vest. Snellman; стр. 272—273, См. еще словарь Карпеллана.

413. Эдв. Бергъ; стр. 42—45.

414. E. Vest. Snellman; стр. 265.

М. Шюбергсонъ. Finl. Konst. hist.; стр. 58—60.

Авг. Шауманъ; 329—330.

Snellman. IX. Memoir — anteckningar. Januari-utskottet 426.

415. Арх. ст.-секрет. 1866 г., № 2.

416. Т. Рейнъ; II, 224.

417. Арх. ст.-секрет. 1866 г., № 1.

418. Арх. ст.-секрет. 1866 г., № 1. Отнош. сената 10—22 іюня 1865 г., № 1453.

419. Арх. ст. секрет. 1866 г., № 1.

За военнымъ министерствомъ поднялось морское. Оно желало такой же прибавки.

420. Эдв. Бергъ; II, 15.

421. Авг. Шауманъ; стр. 340.

422. «Från barnaår till silfverhår», ч. VII, стр. 22 и др.

423. Finsk Tidskrift; h. 6, 1890, 409.

424. Эдв. Бергъ; I, 466—470.

425. Т. Рейнъ; II, 236—238.

Эдв. Бергъ; I, 470.

426. Т. Рейнъ; II, 232, 240.

427. Эдв. Бергъ; II, 15.

428. Голосъ 1866 г. №№ 209 и 238.

429. В. А. Чередѣевъ выступилъ не самъ съ возраженіемъ, а явился лицомъ подставнымъ. О возраженіи особенно заботился гр. П. В. Адлербергъ который поручилъ составить статью Снельману въ тѣхъ ея частяхъ, которыя касались финансовъ, а лично занялся остальными опроверженіями, какъ это видно изъ его частнаго письма отъ 12 августа 1866 г.—Снельманъ поэтому и прибѣгъ къ идеѣ «Колумбова яйца» и еще разъ пытался этимъ фокусомъ отвести глаза легковѣрнымъ.

430. О монетной реформѣ. См. Архивъ ст.-секрет.: папка № 7, дѣла № 432. (Тутъ же мнѣніе Рейтерна). Еще 1865 г., папка № 8, дѣла № 480.

431. Эдв. Бергъ; I, 128—129 и 237.

432. «Москов. Вѣдом.» 1863 г., №№ 238 и 258.

433. Арх. ст.-секрет. 1865 г., № 94.

434. Арх. ст.-секрет. 1867 г., № 18, стр. 38—42.

435. Арх. ст.-секрет. 1869 г., № 8.

436. Матеріалы по вопросу о таможенномъ законодательствѣ въ Финляндіи. Спб. 1905 г., стр. 13—14.

437. Арх. ст.-секрет. 1864 г., № 26.

438. «Рус. Міръ», 1873 г., № 201: «С.-Петерб. Вѣд.» 1873 г., 1 авг., № 209.

439. Арх. ст.-секрет. 1864 г., № 32 и 1880 г., № 60.

440. Сб. постановл. В. К. Финл. 1863 г., № 23, § 125.

441. Сб. постановл. В. К. Финл. 1863 г., № 26.

442. Т. Рейнъ; II, 196—197.

443. Рѣчь Лагуса; стр. 36.

444. Сборн. постановл. Вел. Кн. Финл. 1865 г., № 5 и 1867 г., № 26.

445. Газета И. С. Аксакова «Москва» 1867 г., 7 февр., № 30.

446. Проф. Э. Берендтсъ. Импер. Александровскій университетъ. Спб. 1902 г., стр. 183.

447. Арх. ст.-секрет. 1863 г., № 71.

448. Протоколъ Комитета отъ 18 окт. 1862 г.

449. Дѣло Статсъ-Секрет. Вел. Кн. Финл. № 71, 1863 г., стр. 5, 23, 30; Сборн. Пост. Вел. Кн. Финл. № 2, 1863 г. См. также «Матеріалы по вопросу о введеніи русскаго языка въ Финляндіи». Спб. 1905 г.

450. Nya Dagl. Alleh. 1861 г., № 105. также «Нов. Вр.» 1895 г., отъ 2 авг.

451. Т. Рейнъ; I, 147.

Проф. Берендтсъ; Импер. Александровскій университетъ; стр. 182.

452. Арх. ст.-секрет. Всеподдан. доклады 1862 г., № 425—439.

453. Арх. ст.-секрет. 1864 г. №№ 1, 424—473.

Арх. ст.-секрет. 1865 г. № 15.

Арх. ст. секрет. 1866 г. № 2.

454. «Oma maa», 1907.

455. Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи. Спб. 1895 г., стр. 157—158.

456. Т. Рейнъ; II, 209—211.

457. Филиппеусъ. S.-Petersb. Zeitung 1889.

458. E. Vest. Snellman; стр. 327.

См. Carpelan.

VIII. Голодъ 1867 г. Сеймовый уставъ.

459. Эдв. Бергъ; I, 480.

460. Сборн. постановл. В. К. Финл. 1867 г., № 12.

461. Газета «Москва» 1867 г., № 25.

462. Эдв. Бергъ; I, стр. 567, 614—615, 616.

463. «Финляндія въ XIX ст.».

464. Спб. 16—28 ноября 1866 г.

465. Эдв. Бергъ; I, 661 и 663.

466. Арх. ст.-секрет. окт. 1867 г.

Сборн. постановл. В. К. Финл. 1867 г., № 26.

467. О голодѣ 1867 г. см.:

And. Ramsay. «Från barnaår till silfverhå; ч. VII, 31—33, 42.

Т. Рейнъ; II, 261, 262, 269, 271, 274, 275, 280—281, 282.

Мёрманъ «Hungeråren» 8—9, 16, 20, 43, 49, 61—62, 64—65, 72.

Русскій Міръ 1873 г., № 20.

С.-Петерб. Вѣдом. 1873 г., № 209, 1 авг.

Topelius, Alexander II, стр. 43.

Газета «Москва» 1867 г., № 148, 8 окт.

E. Vest; Snellman, 343—344.

Lagus; его рѣчь, стр. 29—31.

Въ домѣ одного старца сохранился хлѣбъ, выпеченный въ неурожайной мѣстности

(дер. Паккала) въ 1867 г.; хлѣбъ переданъ въ Тавастгусскій музей (Hufvudstadsbladet 1907 г., № 248).

468. Всеподданнѣйшій отчетъ 1871—1876 г.г. о хозяйственномъ состояніи Финляндіи And. Ramsay «Från barnaår till silfverhår, ч. VII, 147.

С. П. Барановскій—В. К. Финляндское, изд. Вольфа.

Сельское хозяйство Финляндіи 1896 г., стр. 249 и др.

469. Арх. ст.-секрет.

470. Åbo Under. 1863 г., № 132.

471. Собраніе соч. Снельмана, X, стр. 543.

Т. Рейнъ; II, 290.

472. Мин. Пут. Сообщ. Департ. желѣзныхъ дорогъ. Администр. отдѣлъ, по 2 дѣлопр. 29 окт. 1894 г., № 19123—въ Госуд. Совѣтъ.

473. Сборн. постанов. В. К. Ф. 1867 г. № 24.

E. Vest, Snellman; стр. 350.

А. Мёрманъ, стр. 44.

474. Эдв. Бергъ; II, 12—14.

А. Полонскій. Вѣстн. Евр. 1872 г., № 4. Нѣсколько дней въ Финляндіи. Отчетъ сооруженія Рихимяки-Петербургской жел. дор. 1871 г.

Atlas öfver Finland. Kartbl., № 27, стр. 34.

«Голосъ» 1871 г., № 282. Статья Чумикова.

475. Эдв. Бергъ; II, 829.

Представленіе Мин. Пут. Сообщ. въ Госуд. Совѣтъ отъ 29 окт. 1894 г., за № 19123.

476. And. Ramsay. Его воспоминанія.

477. Арх. ст.-секрет. 1864 г., № 40 и 1877 г., № 56в.

Эдв. Бергъ; I, 358—359.

478. Арх. ст.-секрет. 1858 г., № 7.

479. Эдв. Бергъ; I, 428—430.

«Helsingfors Dagblad» 1871 г., № 342, 16 дек. 1883 г., № 197 и 208.

Разсужденіе комитета финл. дѣлъ о донаціонныхъ земляхъ. Архивъ ст.-секрет. 1865 г., № 220—291.

Рус. Архивъ 1893 г.

Нов. Время 1881 г., № 1984; 1883 г., № 2672.

Въ книгѣ М. Акіандера «Om Donationerna i Wiborgs län. H-fors, 1864, стр. 185, значится, что Суоярви отъ купца Громова перешло русскому горному вѣдомству, которое, какъ извѣстно, было подчинено министру государственныхъ имуществъ. Слѣдов., указанный даръ являлся вполнѣ возможнымъ. Громовъ скупилъ за бездѣнокъ казенные лѣса, пожалованные Орловымъ (Н. Барсуковъ, XXI, стр. 153).

480. Эдв. Бергъ; I, 258 и 514.

481. Э. А. Эрштремъ. Жур. Министр. Юст. 1907, февр.

482. Эдв. Бергъ; I, 537—538 (514—515).

483. Арх. ст.-секрет. 1869 г., № 59, стр. 29, 108, 138.

484. Арх. ст.-секрет. 1869, № 59. Hufvudstadsbladet 1893 г., № 352.

485. Сборн. пост. Вел. К. Фин. 1869 г., № 11.

486. Финл. окраина Россіи; II, 460.

Эдв. Бергъ; II, 36.

487. Topelius. Alexander II nunne; стр. 34, 36.

488. E. Vest; Snellman; 322—323.

489. «Московскія Вѣдом.» 1863 г., № 269.

Эдв. Бергъ; I, 265—266, 505.

Газета «Москва» 1867 г. № 52.

Отношеніе генералъ-губернатора Финл. 14—26 мая 1868 г., № 1115.

490. «Финляндія въ XIX ст.» стр. 182, 187, 190—191 (Т. Рейнъ).

St.-Petersb. Zeitung, 1889 г.

Нов. Время 1898, 4 авг., № 8058.

491. Донесеніе Нюландскаго губернатора 23 февр.—7 марта 1870 г., № 5 въ Арх. ст.-секрет.

Сообщеніе ген.-губернатора министру ст.-секретарю 2—14 апр. 1870 г., № 583, въ арх. ст.-секрет.

492. Отношеніе ген.-губернатора министру ст.-секретарю отъ 4—16 апр. 1870 г., № 585 въ арх. ст.-секрет.

493. «Голосъ» 1871 г., № 125 оффиціальное оповѣщеніе за подписью гр. А. Армфельта и К. Гелленъ.

О пересмотрѣ устава см. Э. Берендтсъ Имп. Александровскій университетъ въ Финляндіи, Спб. 1902 г., стр. 209 и др.

IX. Развитіе общественныхъ учрежденій.

494. Сборн. постановл. В. К. Финл. 1872 г., № 13.

495. «Финляндія въ XIX ст.».

Эдв. Бергъ; II, 69, 77—78.

496. Сборн. постановл. В. К. Финл. 1872 г., № 12.

497. Эдв. Бергъ; II, 128.

498. Сборн. постанов. В. К. Финл. 1872 г., № 27.

499. Эдв. Бергъ; I, 79—80.

Э. Берендтсъ; Государств. хозяйство Швеціи, ч. II, вып. 2—riksdagens ombudsman, riksrätt и пр.

500. «Историч. Вѣстн.» 1907 г., іюль, стр. 181.

501. Прокурорская экспедиція Имп. Финл. Сената 13 мая н. ст. 1873 г.

502. Арх. Финл. ст.-секрет. 1876 г., № 137.

Эдв. Бергъ; II, 393.

503. Арх. ст.- секрет.

Сборн. постановл. В. К. Фин. 1867 г., № 16.

Подобныя же замѣчанія выпадали и на долю Комитета по Финляндскимъ дѣламъ. Одно дѣло было разсмотрѣно Комитетомъ 22 ноября 1878 г., а представлено Государю 14 (26) февр. 1879 г. Государь надписью спросилъ: «Почему представляется такъ поздно?».

504. Въ Ильинскомъ 15—27 іюня 1869 г.

Эдв. Бергъ; II, 45.

505. Эдв. Бергъ; II, 36—39.

506. Эдв. Бергъ; II, 39—40 (74).

507. Арх. ст.-секрет. 1872 г., № 20.

508. Голосъ 1866 г., 31 іюля—12 авг., № 209.

Письмо гр. Н. Адлерберга 12 авг. 1866 г.

509. Письмо Норденстама отъ 16—28 янв. 1873 г.; отвѣтъ министра ст.-секретаря 27 янв.—8 февр. 1873 г. № 57.

510. Эдв. Бергъ; II, 399.

Авг. Шауманъ; 407—408.

511. Г. Лёнбекъ и Авг. Рамзай—въ «Финляндіи въ XIX ст.», стр. 195, 200.

512. Uusi Suometar 1906 г., 14 окт., № 239.

513. Августъ Рамзай и Г. Лёнбекъ, «Финляндія въ XIX ст.», стр. 195 и 208.

«Финляндія» изд. Поповой.

Къ началу 1871 года въ Финляндіи «элементарныхъ» учебныхъ заведеній было: полныхъ семиклассныхъ—4, гимназій (двухклассныхъ)—5, высшихъ элементарныхъ школъ — 12, низшихъ — 33, женскихъ школъ—7. Число учащихся было въ 1870—71 г.: въ учебныхъ заведеніяхъ первыхъ трехъ категорій—2,575, въ учебныхъ заведеніяхъ четвертой категоріи—2,212, въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ—753. Въ пятилѣтіе съ 1871 г. по 1876 г. финляндская казна израсходовала на школы 2.988.733 марки.

514. М. Шюбергсонъ. Tor Carpelan—Finsk biografisk handbok, т. I, стр. 1187 и слѣд.

Ѳдв. Бергъ; II, 107, 145.

515. Om ständernas rätt till deltagande i skollagstiftningen. H-fors, 1881.

516. Ю. Н. Верещагинъ. Финляндская элементарная школа въ ея прошломъ и настоящемъ. См. сборникъ Финл. окраины Россіи, вып. I, М. 1891 г., стр. 496—502.

517. E. Vest; Snellman; стр. 369, 371.

«Финляндская окраина Россіи», т. I, 496—503.

518. М. Бородкинъ. «Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи».

Протокольныя опредѣленія синода отъ 5 ноября и 3 дек. 1869 г., 13—22 мая 1870 г. и 28 марта 1873 г.

519. Финл. окраина Россіи, т. II, 603; «Православная церковь въ Финляндіи». Спб. 1893, стр. 114 и др.

520. Изъ рѣчи проф. гельсингфорскаго университета Авг. Альквиста.

521. Сборн. постановл. В. К. Финл. 1871 г., № 31.

522. Арх. ст.-секрет. 1873 г., № 144.

523. «Новое Время» 1883 г., 7—19 авг., № 2672.

524. Дѣло статсъ-секрет., № 37, 1866 г., стр. 12—13; Сборн. Постановл. Вел. Кн. Финл. № 28, 1866 г.

Дѣло статсъ-секрет. № 97, 1868 г., стр. 19; Сборн. Постан. Вел. Кн. Финл. № 17, 1868 г.

Дѣло статсъ-секрет. № 60, 1871 г.; Сборн. Постан. Вел. Кн. Финл. № 16, 1871 г.

525. Полн. собр. соч. Гильфердинга; II, 390.

526. Авг. Шауманъ; ч. IV, стр. 357.

527. Эдв. Бергъ; II, 142—143.

528. Арх. ст.-секрет. 1875 г., № 9.

Записка полк. Ивановскаго.

X. Періодъ выставки и Турецкой войны.

529. Въ 1-ый разъ женатъ въ 1820 г. на Сигридъ Оксеншерна, дочери шведскаго литератора при Датскомъ Дворѣ. Во 2-ой разъ въ 1843 г. въ С.-Петербургѣ на Алинѣ Демидовой—дочери Генералъ-Маіора Николая Демидова и Вѣры Паниной. «Графиня Армфельтъ, урожденная Демидова, держала себя отъ служившихъ въ статсъ-секретаріатѣ, говоритъ современникъ, въ отдаленіи, стараясь въ первое время снискать расположеніе финляндцевъ, но когда они отвѣтили ей равнодушіемъ, то она

обратилась къ русской роднѣ». Графиня Армфельтъ (Демидова) говорила мнѣ, разсказываетъ тотъ же современникъ, что мужъ ея оставилъ записки, но гдѣ онѣ—не знаетъ. Она полагаетъ, что записки отосланы для храненія въ Швецію къ сестрѣ покойной его первой жены г-жѣ Шюреръ.

530. «Helsingfors Dalgblad» 8 янв. 1876 г.

531. «Oma maa» 1907 г.

Т. Рейнъ; ч. II.

«Fria Ord» 22 февр. 1904 г.

532. «Morgonbladet» 1876 г., 10 янв., № 6.

533. Т. Рейнъ; II, 4—6.

534. Snellman, IX bandet, Memoiranteckningar. Väg till senaten. sid. 417.

535. Раньше, по представленію Рокасовскаго, Государь пожаловалъ гр. Армфельту 6000 десятинъ земли въ Николаевскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи. Эту землю онъ продалъ за 60 т. рублей. (Письмо гр. Армфельта къ Рокасовскому отъ 4 (16) мая 1862 г.).

536. Арх. ст.-секрет. 1875, № 148.

537. «Вѣстн. Европы» 1876 г., № 12.

538. «Голосъ» 1876 г., № 171.

539. Всеобщая финляндская выставка въ Гельсингфорсѣ въ 1876 году. Отчетъ о поѣздкѣ на выставку члена В. Э. Общества, В. Э. Иверсенъ въ «Трудахъ Импер. Вольно-Экономич. Общ. 1876 г., т. III, в. 3.

Лѣсной Журналъ 1876 г., вып. 6.

540. Лѣсной Журналъ 1876 г., вып. 6.

Офиціальный указатель Всеобщей Финляндской выставки въ Гельсингфорсѣ въ 1876 г. былъ напечатанъ и на русскомъ языкѣ, но появился нѣсколько позже открытія.

541. «С.-Петерб. Вѣдом.» 11 іюля 1876 г.

«Голосъ» 1876 г., № 184.

Рѣчь Лагуса.

542. «С.-Петерб. Вѣдом.» отъ 11 іюля 1876 г., а также № 188.

«Голосъ» 1876 г., № 186.

Topelius, Alexander II minne, 47—48.

543. М. Шюбергсонъ. Александръ II въ Финляндіи (на швед. яз.), стр. 54—55.

544. Эдв. Бергъ; II, 408—414.

«Голосъ» 1876 г., № 190, 11 іюля.

	Въ 1854 г.	Въ 1878 г.
Народонаселеніе Финляндіи	1.698.101	1.990.848
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.		
Вывозъ молочныхъ продуктовъ.		
Масло	120.000	723.000
Мясо	27.287	105.000
Горнозаводская промышленность.		
Желѣза добыто . . .	20.967	59.149
Общая сумма метал. производства . . .	3.084.432	9.255.445
Фабричная промышленность.		
Рабочихъ	3.419	13.931
Общая сумма производства	4.699.881	49.202.385
Средства сообщеній.		
Каналы . . верстъ .	50	120
Желѣзн. дороги . . .	—	827
ТОРГОВЛЯ.		
Общая цѣнность привоза	46.000.000	128.349.782
Общая цѣнность вывоза	23.000.000	88.347.123
ФИНАНСЫ.		
Таможен. пошлины	1.710.568	9.860.992
Случайные сборы .	817.576	5.375.417
Народное образованіе.		
Университетъ.		
Учащихся	600	1.048
Періодическая печать.		
Журналы на швед. языкѣ	15	24
Журналы на финск. языкѣ	6	34

545. «Историч. Вѣстн.» 1907 г., мартъ, стр. 991—992.

Записки кн. Гогенлоэ.

Н. Епанчинъ. Освободительная война. Спб. 1902 г.

546. Эдв. Бергъ; II, 639—642.

«Финляндія въ XIX ст.».

Арх. ст.-секрет. 1877 г., № 90.

547. Участіе л.-гв. 3-го Стрѣлковаго финскаго баталіона въ кампаніи 1877—1878 г.г. Составилъ шт.-кап. ф. Вендтъ.

G. A. Gripenberg, Finska gardet, II. стр. 201.

Выступило въ походъ 24 офицера и 1090 нижнихъ чиновъ. Заболѣло въ продолженіе всего похода 12 офицеровъ (50%) и 500 нижн. чиновъ (48,8%), умерло 2 офицера и 146 нижн. чиновъ (29,2%). Ранено 6 офицеровъ (25%) и 94 нижн. чина (8,6%). Убито было 24 нижн. чина (2,2%). Всего убыло 20 офицеровъ (8,3%), 181 ниж. чинъ (16,6%).

548. «С.-Петерб. Вѣдом.» 1879 г., № 271, 20 окт.

549. Н. Епанчинъ. Освободит. война. Спб. 1902 г. С. Татищевъ. Имп. Александръ II. Его жизнь и царствованіе, т. II, 510.

550. Nya Dagligt Allehanda 3—15 сент. 1877 г.—Труды Я. К. Грота, I. Изъ Скандинавскаго и финскаго міра. Спб. 1898 г., стр. 660—661.

«Голосъ» 1877 г., № 204.

XI. Продолженіе реформъ.

551. Сборн. постановл. В. К. Финл. 1877 г., № 14.

552. «Финляндія въ XIX ст.».

553. Арх. ст.-секрет. 1877 г., № 86, и 1880 г., № 30.

Сборн. постановл. В. К. Финл. 1877 г., № 34.

См. также протоколъ комитета финл. дѣлъ отъ 18 окт. 1877 г.

554. Эдв. Бергъ; II, 443, 449, 452 и 462.

555. «Голосъ» 1871 г., № 40.

556. Hufvudstadsbladet 1890, № 82.

Бергъ, II, 400; сборн. «Финляндія въ X

557. «Голосъ» 1871 г., № 29, 29 янв.

558. «Голосъ» 1871 г., № 29.

559. E. Vest. Snellman; стр. 377.

«Morgonbladet».

560. Handlingar rörande införandet af allmän värnepligt i Finland tillkomna vid 1877—1878 års landtdag. H-fors, 1878.

Представленіе военнаго министра въ Государственный Совѣтъ отъ 31 янв. 1900 г., № 6174.

«Моск. Вѣд.» 1890 г., № 211.

Эдв. Бергъ, II, 683.

561. «Morgonbladet» 1877, апр.

562. Betänkanden, № 1, стр. 4.

563. «Новое Время» 19 іюня 1907 г.

«Россія» 1907 г., 21 іюня, № 481.

564. Арх. ст.-секрет. 1878 г., № 1.

«Финляндія въ XIX ст.».

565. «Отзывъ сейма», стр. 128. Сборникъ Матеріаловъ по составленію и утвержденію Устава о воинск. повин. въ Финляндіи, Спб. 1899 г., стр. 60—67; Арх. Ст.-Секр. 1878 г., № 1, ч. 3.

566. Сборн. постановл. В. К. Финл. 1878 г., № 25.

Отн. статсъ-секретаріата Военному Министру 9 іюня 1878 г., № 424.

567. Арх. ст.-секрет. 1879 г. 10—22 апр. По вычисленію «Morgonbladet» наибольшее, что въ состояніи была выставить Финляндія—135,400 чел.=8,000 чел. постояннаго войска, 9,300 чел. ополч. I разр. 93,000 чел. 2 разр. Ратникъ стоилъ отъ 700 до 750 мар. въ годъ.

568. Helsingfors Dagblad 1879, № 2.

569. Письмо военн. министра Милютина къ Казиміру Ивановичу Пальмроту отъ 10 іюля 1880 г., № 7319.

570. Эдв. Бергъ; I, 42—45.

571. Письмо Шерваль-Валлена отъ 20 марта—1 апрѣля 1876 г. къ генералу Индреніусу.

572. Арх. ст.-секрет. 1877 г., № 1.

573. Арх. ст.-секрет. 1877 г., № 1—14—26 апр. 1876 г.

574. Арх. ст.-секрет. 1877 г., № 1.

575. Арх. ст.-секрет. 1877 г., № 1, стр. 49—50; а также «Матеріалы по вопросу объ устройствѣ денежной и банковой системы въ Финляндіи». Спб. 1905 г., стр. 21.

Годовые проценты и погашеніе по заграничнымъ займамъ причиняли тогда Финляндіи убытокъ въ 858.000 марокъ ежегодно.

576. Арх. ст.-секр. 1877 г., № 1, стр. 30—41.

577. Helsingfors Dagblad 1876, № 80.

Эдв. Бергъ; II, 721.

578. К. А. Скальковскій. Наши государств. и общественные дѣятели. Спб. 1890 г., стр. 491.

579. Арх. ст.-секрет. 1877 г., № 114.

580. О реформѣ монетной системы «Рус. Вѣстн.» 1906 г., іюль. Александръ Якимовичъ.

581. Helsingfors Dagblad, 1875. № 316.—E. Vest. Snellman, стр. 320.

«Finsk Tidskr.» Schybergson, h. 6, 1890; 406.

Финляндскій банкъ ведетъ свою дѣятельность при совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ другія наши кредитныя учрежденія. Дѣятельность русскихъ банковъ лишь въ незначительной степени посвящена истиннымъ нуждамъ внутренняго дѣловаго міра. Банкъ имѣетъ цѣлый рядъ отдѣленій въ Финляндіи. Благодаря децентрализаціи, Сѣверный финляндскій банкъ является чрезвычайно важнымъ факторомъ для торговли, промышленности и всякаго рода дѣловыхъ операцій своей страны. Благодаря своимъ солиднымъ операціямъ, банкъ имѣетъ довольно большое число кліентовъ въ Петербургѣ, несмотря на то, что учетный процентъ въ Финляндіи часто бываетъ ниже, чѣмъ на остальныхъ рынкахъ, и что онъ для русскихъ

кліентовъ не выгоденъ по причинѣ низкаго курса.

582. Арх. ст.-секрет. 1879 г., № 110.

Письмо гр. Адлерберга на франц. языкѣ Très confidentiel къ бар. Шернваль-Валену.

XII. Политическая жизнь края.

583. Московскія Вѣдом. 1863 г., № 240.

Nemo. Tankar i politiska frågor.

Финл. въ XIX ст.

584. «Финляндія», изданіе Поповой.

Наблюдатель 1900 г., № 2.

Г. Абовъ (М. Бородкинъ).

Э. Берендтсъ. Александров. университетъ; стр. 181.

585. «Финляндія», изд. Поповой.

Авг. Шауманъ.

Съ давнихъ поръ шведы усвоили себѣ то высокомѣрное воззрѣніе, по которому финнъ отнесенъ былъ къ низшей расѣ, безполезной для культуры. Въ шестидесятыхъ годахъ «Абоскія Извѣстія» хотѣли сгладить прежнее впечатлѣніе и потому писали: «На сколько намъ извѣстно, Швеція и скандинавскіе шведы никогда не оказывали презрѣнія къ финнамъ или ихъ стремленіямъ. Въ большинствѣ случаевъ приходилось слышать, что они не вѣрятъ въ пользу финскаго труда, или высказывали сожалѣніе, видя, сколь напрасна мечта о финской національности, признанной европейской семьей». («Åbo Underråt.» 1860, стр. 252).

586. «Финляндская Газета» 1900 г., № 119. (М. Бородкина).

587. E. Vest. Snellman; стр. 306—308.

588. Эдв. Бергъ; II, 45 и 46.

589. «Финляндія», изд. Поповой.

590. Эдв. Бергъ; II, 740—742.

591. Эдв. Бергъ; II, 744—748.

592. «Финляндія», изд. Поповой.

Эдв. Бергъ; II, 737—738.

593. Эдв. Бергъ; II, 737—739.

Мѣстная литература объ этихъ партіяхъ очень значительна; при этомъ подразумѣваются только отдѣльныя изданія, въ видѣ книгъ и брошюръ, такъ какъ газетнымъ статьямъ о нихъ и счета нѣтъ! Для примѣра укажемъ на нѣкоторыя болѣе извѣстныя брошюры послѣдняго времени: 1) A. Meurman'a «Huru finska språket blef officiellt» (Какъ финскій языкъ сдѣлался оффиціальнымъ); 2) A. Meurman'a. «Om våra partiförhållanden». (О нашихъ партіяхъ); 3) «Hvad är en fennoman?» (Что такое финноманъ?); 4) Palmén'a—«Återblick och framtidsmål». (Взглядъ на прошлое и задачи будущаго); 5) G. Lönnebek'a—«Partierna» (Партіи)—въ сборникѣ «Fria blad»; 6) «En blick på partiställningen» (Взглядъ на положеніе партій)—оттискъ изъ газеты Helsingfors Dagblad (1885 г.); 7) V. M. v. B. (Born'a)—«Det svenska partiet» (Шведская партія); 8) E. H. E. «Några ord om det svenska partiet i Finland» (Нѣсколько словъ о шведской партіи въ Финляндіи; 9) «För det svenska partiet att beakta» (Ко вниманію шведской партіи); 10) Ivar'a Heikel'я—«Språkpartierna och arbetarefrågan» (Партіи и рабочій вопросъ); 11) «Suum Cuique» (Schybergson)—Landets politiska frågor (Политическіе вопросы края)—первая статья въ этомъ сборникѣ посвящена партіямъ и сейму 1891 г.; 12) C. G. Estlander'a—I fosterländska ämnen (На патріотическія темы); 13) Finne eller svensk? (Финнъ или шведъ?); 14) Nemo—Partierna och 1885 års landtdag. (Партіи и сеймъ 1885 г.); 15) Nemo. Tankar i politiska frågor. (Мысли по политическимъ вопросамъ); 16) Protokoll fördt vid svenska partimötet; 17) Zweigbergck—Finska studier (изд. въ Стокгольмѣ) и др. Помимо сего, данныя по вопросу о партіяхъ имѣются въ полномъ собраніи сочиненій Iohan'a Wihelm'a Snellman'a, въ книгахъ Edv. Bergh'a—«Vår styrelse och våra landtdagar» (Наше управленіе и наши сеймы); въ книгѣ «Från Läktaren» (Съ хоръ); въ воспоминаніяхъ Aug. Schauman'a — «Nu och förr» (Прежде и теперь) и «Från sex årtionden i Finland» (За шесть десятилѣтій въ Финляндіи). Кромѣ того вопросъ о партіяхъ, какъ неразрывно связанный съ вопросомъ о языкѣ, трактуется въ тѣхъ брошюрахъ, которыя посвящены разсмотрѣнію дѣла о національностяхъ въ краѣ (напр. «Nationalitetsprincipen och dess tillämpning på förhållandena i Finland, 1882 г.»; «Nationalitet och bildning», 1887 г.; «Gå vi framåt eller tillbaka»? (Lindh) и др.

Это количество брошюръ показываетъ, какой интересъ возбужденъ въ краѣ борьбой партій.

594. Авг. Шауманъ, стр. 420.

595. Helsingfors Dagblad 1863 г., № 273.

596. Helsingfors Dagblad 1863 г., № 182.

597. «Биржевыя Вѣдом.» 1871 г., 15 сент.

598. Листки изъ настоящ. и прошл. Финляндіи. Спб. 1891 г., стр. 31. В. Головина.

599. Финл. окраина Россіи; т. I, 43—46.

600. Отн. отъ 28 ноября—10 декабря за № 2047.

601. Эдв. Бергъ; II, 20.

602. Helsingfors Dagblad 1877 г., № 1.

603. Helsingfors Dagblad 1876 г., № 31 (въ статьѣ La constitution de la Finlande par Mechelin, Paris), 1878 г., № 253, 1879 г. № 85.

604. Helsingfors Dagblad 1874 г., № 356 и 1879 г., № 60.

Вопросъ о воинской повинности также названъ былъ интернаціональнымъ и уніальнымъ (Helsingfors Dagblad, 1877, № 1 и 1874, № 356).

605. «Голосъ» 1880 г., 13 марта, № 73.

XIII. Отношеніе финляндцевъ къ русскимъ.

606. «Рус. Инвалидъ» 1863 г., № 234.

607. Высочайшая резолюція состоялась 15—27 дек. 1865 г.

608. Э. Берендтсъ. Импер. Александровскій университетъ. Спб. 1902 г., стр. 216.

Вопросъ о постановкѣ памятниковъ воинамъ 1808 г. продолжаетъ занимать финляндцевъ до сихъ поръ. Въ сент. 1907 г. улеоборгская газета «Kaleva» напоминала о необходимости почтить память павшихъ при Сикайоки, Револаксѣ и Пулккила.—(Hufvudstadsbladet 1907 г., № 252).

609. С.-Петерб. Вѣдом. 1879 г., 2 окт., № 271.

610. Гр. Ал. Армфельту было пожаловано въ 1862 г. 6.000 десятинъ въ Самарской губ. Николаевскаго уѣзда.

611. П. Суворовъ. Къ вопросу о равноправіи. Спб. 1907 г., стр. 29.

612. Арх. ст.-секр. Краткій обзоръ дѣятельности Финл. Паспортной Экспедиціи, представленный 28 марта—9 апрѣля 1869 г.

613. С.-Петерб. Вѣдом. 1872 г., № 77, 18 марта.

614. Эрвастъ. О допущеніи торговли въ разносъ. Kiertokaupan luvalliseksi-teko. H—fors, 1891 г. См. «Финл. Окраина Россіи»; т. II, 134—136 стр.

615. Арх. ст.-секр. 1880 г., № 114.

616. Высоч. постановленіе отъ 31 марта 1879 г., § 10.

617. П. Суворовъ. Къ вопросу о равноправіи. Спб. 1907 г., стр. 24—25.

618. Газета «День», 1863 г., № 47, свящ. Ник. Флоровскій.

619. Свящ. Н. Флоровскій. «Странникъ» за ноябрь 1866 г.: «объ административныхъ обязанностяхъ сельскаго приходскаго священника въ Финляндіи».

620. Матеріалы по Комитету для устройства духовныхъ дѣлъ православнаго исповѣданія въ Финляндіи. Приложеніе X. О состояніи православія въ Финляндіи. Записка, представленная генеральнаго штаба капитаномъ Гецемъ.

621. Матеріалы по комитету, Высоч. учрежденному для устройства духовныхъ дѣлъ православнаго исповѣданія въ Финляндіи. Приложеніе XI. Нѣсколько словъ сенатора Антеля по поводу статьи генеральнаго штаба Геца «о состояніи православія въ Финляндіи».

622. Матеріалы по комитету для устройства духовныхъ дѣлъ православнаго исповѣданія въ Финляндіи, дѣло № 1781а арх. Св. Синода.

А. Папковъ. Православные приходы въ Финляндіи. Спб. 1901 г., стр. 8—9.

623. Изъ дѣлъ Св. Синода, по архиву № 66.

624. Эдв. Бергъ; II, 151—152 и 718.

Постановленіе отъ 14 августа 1872 г. издано не путемъ основныхъ законовъ.

625. Арх. канцеляріи ген.-губ. Опись къ руков., кн. № 7, д. № 63, ч. III, № 1274.

626. Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ. 1888 г., вып. 6, стр. 468, 469, 474—475.

Въ 1874 г. обвалилась часть скалы подъ соборомъ Успенія и разрушила внизу стоявшій мучной магазинъ. На докладѣ объ этомъ Государь надписалъ: «Надѣюсь, что оно не будетъ возобновляться» (16—28 апр. 1874 г.).

Въ 1878 г. возникли нѣкоторыя пререканія по поводу покупки Валаамскимъ монастыремъ земли въ Финляндіи. «Разсматривая это дѣло, съ юридической стороны не представляется достаточнаго основанія отказать монастырю въ утвержденіи за нимъ пріобрѣтенной имъ недвижимости въ Финляндіи. По законамъ Великаго Княжества юридическія лица имѣютъ право пріобрѣтать недвижимость и владѣть ею. По присоединеніи Выборгской губерніи къ Финляндіи, Валаамскій монастырь находится теперь на финляндской территоріи и слѣдовательно, какъ юридическое лицо, по законамъ Финляндіи не можетъ быть лишенъ возможности и права пріобрѣтать недвижимую собственность. Находясь на Финляндской территоріи, онъ подлежитъ дѣйствію финляндскихъ законовъ въ судебномъ и

*

административномъ отношеніяхъ и только въ духовномъ отношеніи подчиненъ власти, находящейся внѣ края. Но таковое подчиненіе не можетъ представить затрудненій. Мы видимъ въ другихъ государствахъ, что католическое духовенство, напримѣръ, подчинено власти Папы, находящагося даже въ другомъ государствѣ, и это нисколько не препятствуетъ пріобрѣтенію имъ недвижимости; тѣмъ болѣе это не должно представлять препятствій въ томъ же государствѣ, такъ какъ Финляндія составляетъ часть Россіи. Представляютъ, что существованіе монастырей въ Финляндіи противно духу всѣхъ финляндскихъ учрежденій. Но монастыри существовали прежде и въ Швеціи, и Валаамскій монастырь существовалъ, когда уже не было тамъ монастырей».

627. Сборн. постановл. В. К. Финляндскаго 1862 г., № 1.

628. К. Якубовъ. «Моск. Вѣдом.» 1896 г., № 145, 28 мая.

629. Изъ бумагъ частнаго архива.

630. Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1870 г., ноябрь, стр. 40.

631. П. Леонтьевъ. Двадцатипятилѣтіе Александровской Гельсингфорской гимназіи. Гельсингфорсъ, 1895 г.

632. «Голосъ» 1871 г., № 307.

633. С.-Петерб. Вѣдом. Статья Д. Миропольскаго.

634. «Голосъ» 1871 г., № 307 и 1872 г., № 12 (статьи А. Чумикова).

635. «Новое Время» 22 окт. 1895 г., № 7056, статья М. Бородкина.

Время учрежденія русскихъ учебныхъ заведеній:

Въ 1864 г. Мужское народное училище и женское народное училище въ Гельсингфорсѣ.

Въ 1862 г. Мѣстная русская народная школа въ Выборгѣ.

Въ 1867 г. школа въ Або.

Въ 1873 г. Начальная школа въ Гельсингфорсѣ.

Въ 1874 г. школа въ Красномъ Селѣ.

Въ 1872 г. школа въ Фридрихсгамѣ.

Въ 1878 г. школа въ Вильманстрандѣ.

Въ 1878 г. школа въ Тавастгусѣ.

636. XXV-лѣтіе Рус. Дѣтскаго Сада въ Гельсингфорсѣ. Спб. 1898 г. М. Бородкина.

637. Краткій историч. очеркъ Гельсингф. Маріинской гимназіи. Гельсингфорсъ, 1900 г. Свящ. Д. Троицкій.

«Финляндская Газета» 1901 г., № 27 и 28, 30—31.

М. Бородкинъ. Война 1854—1855 гг. на финскомъ побережьѣ.

П. Бобровскій. Юнкерскія училища, т. I, Спб. 1872 г., 30—34.

638. Эдв. Бергъ; II, 376.

«Голосъ» 1881 г., № 189, 10 іюля.

639. Голосъ 1871 г., № 307 и 1872 г., № 12 (А. Чумиковъ).

640. Арх. ст.-секрет. 1876 г., № 65.

641. Бумаги частнаго архива.

Финл. окраина Россіи, выпускъ III, стр. 70—71.

642. Арх. ст.-секрет. 1861 г., № 87; 1862 г., № 97.

643. Арх. ст.-секрет. 1864 г., № 5, 1880, № 111а; 1889 г., № 76, 1891 № 75.

Н. Чулковъ. «Къ исторіи разграниченія Россіи съ Норвегіей въ 1825—1826 гг. Архангельскъ. 1901 г.

Theod. Bergelund. Underdånigt betänkande ifrågan om tilldelande af Finland af ett jordområde vid Ishafvet. Helsingfors, 1882.

См. еще Гёбель. Наша сѣверо-западная окраина—Лапландія. Спб. 1903 г.

К. Скальковскій. Сатирическіе очерки и воспоминанія. Спб. 1902, стр. 321; а также «Нов. Вр.» 1901, 4 авг.

XIV. Царскій юбилей и кончина Государя.

644. Вѣстн. Европы 1907 г., янв., стр. 253.

645. Н. Барсуковъ, кн. XXI, 235.

646. Новое Время 1907 г., 2 сент. М. Меньшиковъ.

647. «Финляндія въ XIX ст.».

648. Арх. ст.-секрет. 1880 г., № 248.

649. Topelius. Alexander II minne; стр. 32 и 48.

650. Новое Время 1881 г., № 1984.

651. Импер. Александръ II не любилъ, чтобы его ждали; особенно это касалось министровъ. См. соч. Victor Laferté, 1882.

Дневникъ А. В. Никитенко; II, 142.

Собраніе соч. Снельмана; IX т. Memoir-anteckningar. Inträde i senaten; стр. 443.

652. Topelius. Alexander II minne; стр. 6.

653. Russlands jetzige Lage, Berlin, 1882. Брошюра Г. Д. Щербачева.

654. Левъ А. Тихомировъ.

Конституціоналисты въ эпоху 1881 г.

655. Совершенно то же самое было сказано Святополкъ-Мирскому въ 1902 г., когда онъ дѣлалъ Всероссійскую «весну».

656. С. Татищевъ. Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе.

657. С. Татищевъ. Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе Спб. 1903, стр. 656.

Lagus. En blick på Finlands utveckling 1855—1880.

658. Lagus. Minnesfest; стр. 14.

659. «Пальмовая вѣтвь на гробницу Царя-Мученика. Спб. 1881 г..

660. I. V. Snellman saml. arb.; VI, стр. 644—646, 671.

661. E. Vest. Snellman, стр. 328.

662. Финл. окраина Россіи; вып. I, 242; вып. II, 459—460.

«Финляндія въ XIX ст.».

Päivälehti; 1893, № 301.

Nya Pressen; 1893, № 352.

Hufvudstadsbladet 1893, № 352.

М. Бородкинъ. Изъ Новѣйшей исторіи Финляндіи. Спб. 1905 г., стр. 82.

Эдв. Бергъ; II, 376:

Въ 1880 г. при гр. Адлербергѣ содержаніе генералъ-губернатора было повышено съ 60 тыс. мар. до 80.000 мар.

663. Anders Ramsay Från barn. till silfverhår, VII, 240.

664. Morgonbladet 1876 г., № 2, 4 янв. н. ст.

665. Т. Рейнъ; II, 6.

666. Alexandre II. Détails inédits sur sa vie intime et sa mort; par Victor Laferté. 1882. А также «Историч. Вѣстн.» 1882 г., сент.

Бергъ, т. III, стр. 345—347.

Т. Рейнъ, о Снельманѣ, т. II и Tor Carpelan. Finsk biografisk handbok, т. II, стр. 2095—2096.

667. Эдв. Бергъ; II, 850.

668. Эдв. Бергъ; II, 15—19.

E. Vest. Snellman, стр. 287.

669. «Финляндская Газета» 1906 г., № 105, 17 (30) іюля. Статья М. Бородкина.

670. А. Ѳ. Кони. Очерки и воспоминанія. См. статью о К. Д. Кавелинѣ.

671. E. Vest. Snellman; стр. 320, 388—389.

Указатель личныхъ именъ.

СОЧИНЕНІЯ
М. М. БОРОДКИНА
по
ФИНЛЯНДСКОМУ ВОПРОСУ

---

1) Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи. Время управленія Н. Бобрикова. Съ портретами и иллюстраціями. Спб. 1905. Ц. 4 р.

2) Война 1854-1855 гг. на финскомъ побережьѣ. Историческій очеркъ. 127 иллюстрацій. С.-Петербургъ 1904. Удостоена Импер. Академіей наукъ почетнаго отзыва. Цѣна 4 р Переведена на шведскій языкъ: M. Borodkin. Kriget vid Finlands kuster. 1854-1855. H-fors, 1905.

3) Финляндія въ русской печати. Библіографическій указатель. Спб. 1902. Ц. 2 р.

4) (Г. А. Абовъ)—Густавъ Морицъ Армфельтъ и его русско-финляндскія отношенія. Спб. 1901. Ц. 1 р.

5) (С. К. Михайловъ)—Юридическое положеніе Финляндіи. Спб. 1900. Ц. 1 р. Переведена на франц. яз.: Condition juridique de la Finlande. Paris. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

6) Балтійская Финляндія и финляндская Балтика. (Г. Абовъ) М. 1894.

7) Изъ исторіи ученій финляндскаго государственнаго права (Г. Абовъ) Спб. 1895.

8) XXV-лѣтіе Русскаго Дѣтскаго Сада въ Гельсингфорсѣ. Спб. 1898.

9) Русскій языкъ въ Финляндіи. Спб. 1899.

10) Справка о „конституціи" Финляндіи. Спб. 1900.

11) О „Разсказахъ прапорщика Столя". Гельсингфорсъ. 1903.

12) Памяти Финляндскаго генералъ - губернатора Николая Ивановича Бобрикова. Харьковъ. 1905. Ц. 20 к. Перев. на шведскій языкъ: M. Borodkin. Generalguvernör H. Bobrikoffs minne. H—fors. 1905.

13) Финляндская окраина въ составѣ Русскаго Государства. Спб. 1906.

14) Финляндскій вопросъ. Спб. 1905. Ц. 40 к.

15) Современное положеніе русскаго дѣла на Финляндской окраинѣ. Спб. 1905.

Цѣна не обозначена у распроданныхъ изданій.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

У автора:—СПБ. Вас. Остр. 9 линія, д. 46 и въ магазинѣ «Новаго Времени»: Невскій, 40.